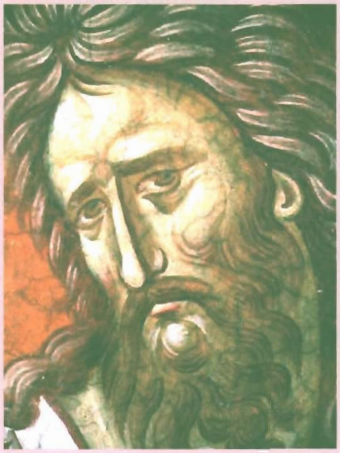
Балканы

в европейских политических проектах

XIX–XXI вв.



Москва – 2014

inslav

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук

Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.

Москва – 2014

inslav

Куратор издания
директор Института славяноведения РАН
доктор исторических наук К.В. Никифоров

Редколлегия:
доктор исторических наук Р.П. Гришина (отв. редактор),
доктор исторических наук К.В. Никифоров,
кандидат исторических наук Ю.В. Лобачева

Рецензенты:
доктор исторических наук Е.П. Серапионова,
кандидат исторических наук Я.В. Вишняков

Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. Сборник статей / Отв. ред. Р.П. Гришина. – М., 2014. – 634 с.

Балканский полуостров занимает сравнительно большую территорию, но раздроблен на множество мелких «державиц», как называют их, например, болгары, сербы, черногорцы. Случилось так, что их общее славянское родство и приверженность одной вере – православию не стали действенным механизмом для образования объединенного балканского государства, которое не уступало бы «великим державам». Планам и проектам политической, а также экономической и культурной интеграции, рождавшимся на Балканах и извне относительно Балкан в XIX–XXI веках, посвящено настоящее научное издание. Оно подготовлено специалистами Института славяноведения РАН, Института балканистики Болгарской академии наук и Института балканистики Сербской академии наук и искусств, что позволяет рассмотреть проблему с разных сторон на современном уровне знания.

ISBN 978-5-7576-0316-2

© Авторы, 2014
© Институт славяноведения РАН, 2014

inslav

Введение

Книга, которую читатель держит в руках, родилась из совместных проектов четырех академических институтов, долгие годы занимающихся балканскими исследованиями – Института славяноведения РАН (до 1997 г. – Института славяноведения и балканистики РАН), Института балканистики с центром фракологии Болгарской академии наук, Института балканистики Сербской академии наук и искусств и, наконец, Института по изучению Юго-Восточной Европы Румынской академии. Силами первых трех институтов в Москве в 2013 г. была проведена научная конференция «Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.» [1].

Наверное, трудно найти такой европейский регион, как Балканы, который столько бы раз подвергался различным завоеваниям, изменениям границ, этническим и политическим переменам. Еще больше было всевозможных планов перекройки Балкан. В этом нет ничего удивительного, – их постоянно провоцировала балканская этническая чересполосица. Огромную роль в воспроизводстве межэтнической напряженности играло также постоянное вмешательство в балканские дела великих держав. Во многом именно из-за этого в регионе возникла та самая этническая чересполосица и до сих пор остается множество территориальных споров.

С середины XIX и до середины XX в. решение балканских территориальных споров часто виделось в создании более крупных многонациональных государств, поглощавших внутри себя не только разные народы, но и их территориальные споры. Самый яркий пример дает Югославия, нереализованными остались многочисленные планы Балканской или Дунайской федераций. Однако в конце XX в. тенденция оказалась

---

[1] Подробнее см.: *Гришина Р.П.* Международная научная конференция «Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI веков» // Славяноведение. 2014. № 3. С. 110–119.

inslav

диаметрально противоположной. Для решения национальных противоречий многонациональных государств их начали дробить.

Особенно конфликтогенность Балкан проявилась в XIX и начале XX в. при воссоздании в этом регионе независимых национальных государств и их расширении до трактуемых часто весьма расширительно этнически обусловленных границ. Недаром именно тогда появилось определение Балкан как «пороховой бочки Европы». В отличие от Западной Европы процесс национального разграничения на Балканах так никогда и не был полностью завершен.

Территориальные споры на Балканах пытались разрешить поразному и, прежде всего, – таким традиционным способом как война. Для XX в. достаточно упомянуть две Балканские войны, две Мировые войны и вóйны «за югославское наследство».

Особое место в переустройстве Юго-Восточной Европы принадлежало Балканским войнам 1912–1913 гг., особенно первой из них. Она оказалась своего рода восточноевропейской Реконкистой, выдавливанием Турции и турецкого населения обратно в Азию. Малые балканские государства впервые в истории выступили вместе и самостоятельно, а не для поддержки тех или иных действий великих держав. Балканских союзников стали называть даже «седьмой великой державой». Однако союз балканских государств продлился, как известно, недолго. Дележ трофеев обернулся новыми конфликтами.

Распад Османской и Австро-Венгерской империй после Первой мировой войны привел к образованию на их месте новых национальных государств в результате реализации модного тогда лозунга о праве наций на самоопределение. В то же время Версальская система договоров, основанная на этом праве, не привела к ликвидации множества национальных противоречий. Новые границы снимали ряд старых противоречий, но порождали новые. При этом все балканские страны оставались многонациональными.

Почти все балканские страны в начале XX в. столкнулись с национальными катастрофами. Горькое разочарование дважды ждало Болгарию– после Второй балканской и Первой мировой войн. Свою Голгофу во время Первой мировой войны пережила Сербия. Осталась разделенной Македония. Уже после Первой мировой войны в связи с поражением в греко-турецкой войне 1919–1921 гг. «малоазийскую катастрофу» пережила Греция. Фактически исключение в этом ряду составляет только карпато-балканская Румыния.

inslav

После Второй мировой войны вначале резко возрос интерес к разного рода объединениям балканских стран. Однако их реализация быстро зашла в тупик. Везде, не только на Балканах, но и во всей Восточной Европе были созданы еще более монолитные в этническом отношении государства. Этому способствовали различные обстоятельства. Во время войны были уничтожены миллионы восточноевропейских евреев, а большинство уцелевших эмигрировали. В результате послевоенного изгнания прекратила существование и сопоставимая с ними по численности община восточноевропейских немцев.

Разыгрывание этого меньшинства в своих целях гитлеровской Германией существенно изменило в Европе прежнее отношение к проблеме национальных меньшинств. Во всем мире курс был взят на защиту индивидуальных прав человека. Считалось, что защита всеобщих прав человека достаточна для защиты всех, в том числе и национальных меньшинств или малых этнических групп. В 1990-е годы, когда разразился югославский кризис, стало ясно, что это не совсем так: коллективные права отделенных от основной части своей нации этнических групп также нуждаются в защите. Кстати, распад и развал Югославии стал еще одной национальной катастрофой в Юго-Восточной Европе.

Сегодня почти все балканские страны входят или стремятся войти в Европейский союз. Этот глобальный проект, тем не менее, не означает конца многочисленным балканским противоречиям. Нерешенными остались сербский, македонский и албанский национальные вопросы. Остались и такие старые противоречия, как турецко-греческие. С объединительной евроатлантической идеей на Балканах конкурируют и некоторые другие, например, ушедшая сегодня в тень славянская и, наоборот, набирающая силу идея Великого Турана (как часть более глобальной исламской идеи). Все перечисленные проблемы в той или иной степени и с разными оценками нашли отражение в книге, которую читатель держит в своих руках.

Для удобства изложения книга разделена на пять больших блоков. Первый из них рассматривает сочетание национальных движений и славянской идеи на Балканах и в Восточной Европе. Второй раздел затрагивает предысторию югославянской интеграции и попытки ее реализации. В третьем разделе книги рассматриваются сюжеты, связанные с одним из самых известных проектов переустройства Юго-Восточной Европы – так называемой Балканской (Дунайской) федерацией. Здесь же рассматривается эпизод, связанный с созданием Балканского пакта. Четвертый раздел

inslav

insiav

повествует о различных аспектах европейской интеграции балканских стран. И, наконец, пятый раздел назван «Вечные темы». Речь в нем идет как о русских планах освоения Константинополя (скорее теоретических, чем практических), так и о турецком возвращении на Балканы в наши дни.

Балканы остаются неспокойным регионом Европы. От этого больше всего страдают самим балканцы. Реализация их мечты о спокойной и зажиточной жизни нам видится все-таки не в новом, пусть и добровольном подчинении, на этот раз «европейской империи», а в реализации актуального до сих пор принципа – «Балканы балканским народам». Сегодня это выглядит несколько утопично, но, кто знает, что будет завтра. Балканская история, несмотря ни на что, продолжается.

К.В. Никифоров

Балканы в Новое время:

идея национальная и славянская

inslav

К.В. Никифоров
Россия и славянская идея в XX веке
– 9 –

И.В. Чуркина
У истоков русских славистских и панславистских идей
(М.П. Погодин и К.С. Аксаков)
– 19 –

М.М. Фролова
Развитие униатского движения в Западной Македонии.
Планы и действительность
(1856–1871 гг.)
– 33 –

Душан Т. Батакович
Балканские войны 1912–1913 гг.
Сербия и албанский вопрос
– 61 –

Д.О. Лабаури
Внутренняя македоно-одринская организация на распутье:
поиски путей решения македонского вопроса
накануне Первой мировой войны
– 93 –

Инна Манасиева
Славянская идея как элемент антирусской агитации
Союза за освобождение Украины в Болгарии
в начале Первой мировой войны
– 117 –

inslav

К.В. Никифоров
Москва

Россия и славянская идея в XX веке

Славянская идея как осознание племенного и в первую очередь языкового родства существовала в России еще со времен Нестора – творца первой отечественной «концепции этногенеза славян» [1]. Позже она проявилась уже в эпоху Петра, когда начался рост могущества России и усиление ее влияния в мире. По словам известного филолога, академика А.М. Панченко, эта эпоха совпадает с эпохой «гуманистического барочного славяноведения». В это время, по его мнению, славянская идея воплощалась в двух культурных мифах – сарматском и иллирийском. Однако Россия при Петре, как известно, выбрала европейский вектор развития, став в результате полноценным участников «концерта европейских государств». Славянской же проблемой для нее в основном была проблема остальных восточнославянских земель – Украины и Белоруссии [2]. Другой ее составной частью стала борьба России за выход из закрытого Черного моря, вылившаяся в десять русско-турецких войн, во время которых Россия рассчитывала на помощь единоверных и единокровных балканских славян.

С другой стороны, в первой половине XIX в. в Словакии, прежде всего, благодаря работам Яна Коллара (1793–1852) и Людевита Штура (1815–1856) появилась своя славянская идея – идея славянской взаимности. Как разновидность славянской идеи она получила распространение почти у всех славянских народов. Потерявшие свою государственность

---

[1] В осознание своего родства различными славянскими народами не было, конечно, ничего крамольного. В этой связи странно звучит, например, заявление С.А. Романенко, что славянская идея, славизм в любой его форме является утонченной формой этнического национализма. См.: *Романенко С.* Национальное самоопределение и «славянская идея» // http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Chapter14.htm.

[2] *Панченко А.М.* Петр I и славянская идея // http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2335.

inslav

они надеялись добыть ее при поддержке самой большой и единственной независимой славянской страны того времени – России. Исключение составляла лишь Польша, где по понятным причинам эта идея не могла получить распространение.

Это было своего рода разновидностью романтизма в новое время, затронувшего не только славянские народы, но и греков и румын. Примером такого романтизма было и русское славянофильство [3]. Причем идею славянской взаимности и параллельно возникшее русское славянофильство не нужно путать ни друг с другом, ни с панславизмом, как это порой делается даже в научной литературе. Славянофильство скорее было все-таки русофильским и общественным движением, течением общественной мысли. Тем более, панславизм как идея собирания славянских стран в составе России никогда не имел в России широкого распространения, никогда не был программой официальной внешней политики России [4].

Другое дело, что славянская идея в любом случае всегда зависела от ситуации в России. Так было и на протяжении всего XIX в., так продолжалось и позже.

В начале XX в. на арене большой политики появился неославизм. Лидеры этого движения пытались сформулировать наднациональную общеславянскую программу, призванную обеспечить не только самосохранение, но и дальнейший расцвет славянства в качестве этнополитической и этнокультурной общности. Это была попытка преодолеть конфессиональный раскол славянства, решить сложнейший комплекс противоречий, существовавших в славянском мире, в частности русско-польские и сербско-болгарские Однако аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г., а затем Первая и Вторая балканские войны (1912–1913) и Первая мировая война нанесли по неославизму смертельный удар [5].

И все же самый серьезный и затяжной кризис славянской идеи в XX в. возник после российской революции в октябре 1917 г. После нее

---

[3] См., например: *Цехмистренко С.П.* Греция, Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг. Страницы истории. М., 2013. С. 33.

[4] Подробнее см.: *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «панславизм» и «пангерманизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.

[5] *Ненашева З.* Братья славяне. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2006. № 4. С. 60–63.

inslav

ситуация в России и затем в Советском Союзе совсем не способствовала развитию славянской идеи. Она была глубоко чужда идеям о классовой борьбе, диктатуре пролетариата, курсу на мировую революцию, «ленинской национальной политике» и т. п. В результате все российские научные силы, связанные с изучением славянского мира, были разгромлены. Закончилась неудачей и попытка создать Институт славяноведения в Ленинграде в начале 1930-х годов [6].

Лишь много позже, накануне и во время Второй мировой войны идея славянской взаимности вновь вышла на поверхность и стала использоваться советской властью в целях консолидации сил против общего врага. Под эгидой Коминтерна был создан Всеславянский комитет, а славянская идея стала одной из доктринальных и пропагандистских основ советской внешней политики. Была реабилитирована и славистика как направление в гуманитарной науке, воссозданы славистические кафедры на историческом и филологическом факультетах МГУ. Сразу после войны, в 1947 г. в системе Академии наук в Москве заработал Институт славяноведения как центральное звено всего славистического научного направления [7].

Однако после конфликта Сталина с Тито в 1948 г. деятельность Всеславянского комитета была заморожена. Идеи, связанные со славянским миром вновь отошли на задний план, но не были преданы забвению. Славистические исследования продолжились. Официальный интерес к славянам базировался на том, что все славянские страны и славянские народы находились в социалистическом блоке. И даже Югославия, хотя и не входила в него, все же принадлежала к социалистическому миру.

Надо сказать, что «как отечественное, так и зарубежное славяноведение на всех этапах своего развития было в большей или меньшей степени идеологизировано и политизировано. На Западе славистика получила наивысшее развитие в годы «холодной войны», когда биполярный мир

---

[6] См.: например: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

[7] См., например: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла… (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009; Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996; Как это было… Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007; см. также: Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. М., 2012.

inslav

требовал досконального изучения потенциального противника, и под славистикой понималось прежде всего изучение СССР, советология. Например, известный центр славяноведения на Хоккайдо создавался для изучения СССР, и название здесь явилось лишь небольшим прикрытием.

Влияние славянской идеологии было особенно заметно в критические периоды развития славянских народов, когда славянская идея возрождалась и служила патриотическим целям упрочения национального самосознания» [8]. Славяне вспоминали о том, что они славяне, когда им становилось плохо. Мы уже говорили о возрождении славянской идеи во время Второй мировой войны, когда это проявилось особенно ярко.

Однако бывало и наоборот. В некоторые критические периоды развития славянских народов славянская идея оказывалась в глубоком забвении. Подтверждением этого явился второй серьезный кризис славянской идеи в XX в. Он вновь имел корни в России, вернее – в СССР, где началась горбачевская перестройка. Ее продолжением стали «бархатные революции» 1989 г. в Восточной Европе, распад СССР, распад и развал Югославии, «развод» Чехии и Словакии. Подтверждением глубины кризиса славянской идеи явилась череда войн в бывшей Югославии в 90-е годы прошлого века, когда славяне воевали со славянами. Так или иначе, славянский мир оказался расколот.

Таким образом, в XX в. славянский мир трижды менялся самым кардинальным способом – после каждой из двух Мировых войн и после краха европейского социализма и окончания «холодной войны». Соответственно менялось и отношение к славянской идее.

Последнее изменение оказалось самым чувствительным. Разделительная линия в Европе не исчезла, а лишь заметно переместилась на восток, в сторону российских границ. Россию иногда даже терминологически стали пытаться отделить от Европы и других славянских стран, включая даже Украину и Белоруссию. Самым ярким показателем этого является вошедший в обиход термин «Центрально-Восточная Европа» [9], означающий, по сути, присоединение к Центральной Европе Украины и Белоруссии, но оставляющий вне этого региона Россию. Таким образом,

---

[8] *Досталь М.Ю.* Конференция «Славянская идея и славяноведение» // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 557.

[9] Характерно, что термин Центрально-Восточная Европа появился в период между двумя мировыми войнами в США в среде польских эмигрантов.

inslav

разделяется восточнославянский массив, украинцы и белорусы отделяются от русских. По такой терминологии Россия превращается в «Восточно-Восточную Европу».

Подчеркнем еще одну мысль – теперь не только весь мир, но и славянский мир перестает быть однополярным. Это произошло впервые с момента появления идеи славянской взаимности, когда все взгляды были обращены к России. Теперь же не только Россия определяет развитие славянского мира. Оно зависит от всех славянских стран. И новый кризис (если он возникнет) теперь совсем не обязательно будет иметь российские корни. Возможно, что хотя бы такая «многополярность» придаст славянскому миру большую устойчивость.

И, наконец, еще одна тенденция. Почти весь славянский мир, кроме России и Белоруссии, так или иначе стремится в Евросоюз, а то и в НАТО. По аналогии с периодами фашизации и советизации Балкан (до, во время и после Второй мировой войны) сегодня протекает период «натоизации» большинства славянских стран и пространства, где они живут.

Остается вопрос, способны ли славяне в новых условиях проявить какое-либо взаимное тяготение, найти то, что их сближает помимо сходности языков? Возможно ли, совместить тенденцию к глобализации, стремление многих славянских стран к евроатлантическим союзам с национальной самобытностью, в частности, со славянской самобытностью? Тем более что славяне всегда вносили в «копилку» европейской цивилизации свой особый, неповторимый вклад. Сегодня же они теряют свою идентичность, их голос почти не слышен. Исчезает их индивидуальность. Или же следует признать, что идея славянской взаимности относится лишь к романтическому периоду развития славянских народов и к нашему прагматичному времени отношения не имеет.

Сразу скажем, что, на наш взгляд, тенденция к глобализации, тяга к единой Европе вполне совместима со славянской и любой другой самобытностью. Дело в том, что в сегодняшнем мире сосуществуют две тенденции – глобализация международного развития и его регионализация. Наряду с глобализацией в мире полным ходом идут процессы образования всевозможных региональных объединений и центров силы. Такими объединениями вполне и совсем естественно могут быть, например, балканские или славянские.

Причем важно подчеркнуть, что одни и те же страны вполне могут входить в разные региональные и субрегиональные объединения, устанавливать с входящими в них странами опять же различные по степени

inslav

прочности связи. Ничто не мешает входить сразу в несколько подобных объединений, сформированных по различным критериям – политическим, экономическим, географическим, культурным, конфессиональным.

Старый лозунг «Балканы – балканским народам» вполне уместен и сегодня. Его можно перефразировать и в лозунг «Славянский мир – славянским народам». Малые страны Европы вполне могут проводить более самостоятельную политику. В том, что это не совсем утопия показал, в частности, бывший чешский президент Вацлав Клаус. Он доказал, что и от небольшой страны зависит не так мало, что она может вести себя более чем самостоятельно и говорить собственным голосом, даже находясь в НАТО и Евросоюзе. Фактически Клаус смог в современных условиях превратить Чехию в субъект мировой политики [10].

Повторим, общеславянские, как и общебалканские, региональные организации вполне возможны. Славянские народы многие вопросы вполне могут решать сами, между собой. Между ними могут развиваться прежде всего культурные, просветительские, образовательные, научные связи. Тем более что сегодня во всех славянских странах наблюдается всплеск интереса к национальной культуре, традициями, фольклору и т. п. Именно оживление культурных связей может создать предпосылки общего улучшения отношений между славянскими народами. Поэтому, как считал, в частности, известный российский историк-славист В.К. Волков, проблема славянской взаимности имеет свое собственное содержание для каждой исторической эпохи, и для посткоммунистической эпохи она все более заметно приобретает культурно-цивилизационный характер [11]. Одновременно многие ученые-слависты предсказывают, что и в самой славистике будет возрастать культурологическая составляющая.

О развитии связей по линии славянский культур задумывались, конечно, и раньше. Несолько десятилетий под эгидой ЮНЕСКО работала Международная ассоциация по изучению и развитию славянских культур (МАИРСК), объединявшая ученых-славистов. В начале 1990-х годов по

---

[10] См., например: *Трухачев В.* Вацлав Клаус: большой реформатор, гроза ЕС и друг России // Аргументы РУ. 10 марта 2013 г. // http://argumentiru.com/world/2013/03/238410?type=all.

[11] *Волков В.К.* Российская историческая славистика на пороге XXI века // *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 310–312.

inslav

этой линии был предложен большой проект многотомной истории славянских культур. Реализовать его должны были ученые из разных, преимущественно славянских стран. Однако эта задача так и не была выполнена, а МАИРСК по финансовым причинам приостановил свою деятельность.

И только Институт славяноведения РАН еще в 1996 г. осуществил свою часть намеченного проекта, выпустил в свет «Очерки истории культуры славян», охватившие период до XIII в. включительно [12]. Частично схожий, но более скромный проект реализован не так давно в московской Государственной академии славянской культуры (ГАСК) и, кстати, тоже во многом силами сотрудников Института славяноведения. Имеется в виду трехтомная «Истории культур славянских народов» [13]. Кстати, сегодня предпринимаются попытки, особенно их продвигают болгарские коллеги, возродить деятельность МАИРСК.

Наряду с этим, в 2004 г. возник Форум славянских культур, штаб-квартира которого находится в Любляне. Хотя работа Форума разворачивается не без проблем, она уже способствует сближению славянских культур и славянских стран.

Еще один пример. В России по инициативе снизу возобновились и уже более двадцати лет проходят ежегодные празднования Дня славянской письменности и культуры. Хотя и здесь есть проблемы, особенно обострившиеся после переноса главного праздника из регионов в Москву. Подобный праздник характерен и для многих других славянских стран, прежде всего, Болгарии, где он и зародился.

В 1990-е годы в ряде славянских стран возникли Славянские университеты, другие похожие организации, например, Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры или Киевский славистический университет. Часто, правда, реальная образовательная деятельность этих учреждений ничем не отличалась от других вузов, не имеющих в своем названии определения «славянский». Какие-то «славянские» вузы не выдержали испытание временем и уже не функционируют, но часть работает до сих пор. В России наиболее известным выс-

---

[12] См.: Очерки истории культуры славян. М., 1996.

[13] История культур славянских народов. В 3-х тт. Т. 1. Древность и средневековье. М., 2003; История культур славянских народов. В 3-х тт. Т. 2. От барокко к модерну. М., 2005; История культур славянских народов. В 3-х тт. Т. 3. Культура XX века: от модерна до постмодерна. Народная культура славянского региона. М., 2008.

inslav

шим учебным заведением, связанным со славянской темой, является уже упоминавшаяся Государственная академия славянской культуры (ГАСК).

В эти же годы возникло много, часто конкурирующих друг с другом славянских организаций и движений, проводящих свои форумы, претендующие на преемственность с еще первыми Славянскими съездами в Праге (1848 г.) и Москве (1867 г.) [14]. Однако необходимо отметить, что участниками современного славянского движения часто выступают совсем маргинальные силы, не связанные с реальной политикой или серьезной наукой. Нередко на этом поприще подвизаются и националисты самого различного толка. В этом случае славянская идея служит лишь прикрытием для личных амбиций и более того – дискредитируется.

Как справедливо отмечает филолог из Санкт-Петербурга М.В. Ковалькова, «России международное славянское движение нужно не для того, чтобы подчинить своему влиянию определенные страны к западу от своих границ, как этим после Второй мировой войны воспользовались советские руководители, а для того, чтобы обозначить культурный, цивилизационный контекст существования России в Европе» [15].

Наконец, слово «славянский» в своем названии стали использовать многие бизнес-структуры. Звучало красиво, а «российское» или «русское» часто уже было занято или требовало специального разрешения властей.

Однако однозначно трактовать все эти явления как новое возрождение славянской идеи было бы неверно. Достаточно сказать, что в середине 1990-х годов была попытка закрыть главный российский центр славистики – Институт славяноведения РАН. А уже в 2000-е годы сверху стала продвигаться идея создания Евразийского союза – организации в известной степени, направленной на реинтеграцию постсоветского пространства. Кстати, наряду со «славянскими» вузами был открыт, например, Евразийский национальный университет им. Гумилева в Казахстане. Вузы с наименованием «евразийский» открывались и в России. Попытки же объединить славянскую (или даже славяно-православную) и евразийские идеи оказываются заведомо невыполнимыми. Природа этих идей

---

[14] Подробнее см., например: *Кикишев Н.И.* Современное славянское движение // Славянские форумы и проблемы славяноведения. Сборник статей. М.–Ставрополь, 2008. С. 77–89.

[15] *Ковалькова В.М.* Для чего нужна славянская идея? // http://ariru.org/news/c74301b73.

inslav

совсем разная, хотя некоторые евразийцы и считали себя преемниками славянофилов в плане отрицания европоцентризма.

В любом случае однозначную тенденцию поворота России к славянской идее обнаружить невозможно. Возродилось много идей, бывших в опале в советское время, и славянская идея оказалась лишь в ряду многих других. Прежде всего, надо, наверное, говорить о религиозном возрождении, впрочем, тоже при всем своем официальном размахе достаточно поверхностном. Кроме того, со славянской идеей в ее традиционном понимании нельзя путать и укоренившуюся в народном сознании «общерусскую» или «восточнославянскую идею» (то есть союз России, Украины и Белоруссии), которая относится скорее к идее «Исторической России», «Руси Триединой» «Русского мира» и т. п. Кстати, в последнее время единственный в России славянский праздник – День славянской письменности и культуры – все отчетливее превращается в русско-православный праздник, в котором славянская идея замещается русско-православной.

В то же время в отличие от славянской, евразийская идея не имеет в России глубоких корней. Да и зародилась она, как известно, в среде русских эмигрантов так называемой «первой волны». Самый известный из современных «евразийцев» А. Дугин, фактически занят другим – схоластическими геополитическими построениями, берущими начало еще из немецкой геополитической школы (борьба «моря» и «суши» и т. п.). Никакого «евразийства» в умах россиян нет. Возможно, интерес к нему наблюдается в некоторых российских мусульманских республиках, в Казахстане, Киргизии и т. п. Там эта тема намного более актуальная. Ведь если Россию эта идея отделяет от Европы, то бывшие советские среднеазиатские республики, наоборот, приближает.

Большая часть российской интеллигенции и в целом «образованного сословия», без сомнения, считает Россию европейской страной, а ее историю – частью европейской истории. Антизападные, изоляционистские идеи в целом этому сословию не присущи. Хотя сегодня прозападный вектор развития России, бывший в начале 1990-х годов доминирующим, заметно ослаб. Это произошло еще в конце прошлого века. Сказались и огромная цена реформ, и нежелание западных демократий оказать России серьезную помощь. Наоборот, трудности, переживаемые Россией, использовались для ее дальнейшего ослабления и вытеснения из Европы, в частности, с Балкан. Самым убедительным примером этого было рас-

inslav

ширение НАТО на Восток и югославский кризис. Все это не могло остаться без последствий.

Власти России стали все больше обращать свой взгляд в сторону Азии, создавая различные евразийские конструкции. В результате не только западный, но и славянский вектор самоопределения России сегодня никак не доминирует. На это, конечно, влияет и политика самих славянских стран, большинство из которых выбрало, как было сказано, евроатлантическую ориентацию. Уже и Украина все больше склоняется к сближению с Евросоюзом. И все же нельзя сказать, что прославянская ориентация в России полностью отброшена или забыта. Но, скорее, она является своего рода запасной, дополняющей при необходимости общерусскую, восточноевропейскую концепцию и всяческие евразийские планы.

inslav

И.В. Чуркина
Москва

У истоков русских славистских и панславистских идей (М.П. Погодин и К.С. Аксаков)

В XIX – первой половине XX вв. идеи славянского единства и панславизма имели успех у ряда деятелей славянских национальных движений, а также были распространены и в некоторых российских общественных кругах. В одно время они охватывали более широкие массы славян, в другое – оставались идеологией небольших групп славянской интеллигенции. Что такое славянская идея, какова роль славян в истории Европы – эти вопросы пытались решить многие политики и исследователи рассматриваемого периода. И каждый отвечал на них, исходя из своих убеждений и политических обстоятельств, складывавшихся в Европе. Данная статья не претендует на то, чтобы дать ответ на все вопросы, связанные с развитием идей славянской общности и панславизма. В ней только делается попытка осветить причины возникновения этих учений в России, а также рассмотреть их варианты на первом этапе развития.

Идеи славянской взаимности и панславизма базируются на ряде объективных факторов: близости языков славянских народов, некоторых их обычаев, памяти об общем происхождении. Идея славянской общности зародилась в раннем средневековье, окрепла в период деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия. В средние века тесные контакты установились между православными славянами, они происходили по линии православной церкви и не прекращались в течение всего периода существования этих народов вплоть до настоящего времени. Болгарские и сербские священники приняли участие в распространении и укреплении христианства в русских землях, русская церковь активно помогала южным славянам во времена турецкого ига. У католических славян традиции Кирилла и Мефодия хранили среди хорватов – глаголическая церковь, среди чехов – Саввино-Сазавский монастырь.

Идея славянской общности поддерживалась у славянских книжников тем, что славяне имели общих врагов: на западе – немцы, на востоке – турки и монголы. В ряде случаев славяне успешно выступали против них совместно (Грюнвальдская битва, общая борьба русских, сербов,

inslav

болгар против турок). Большинство славян потеряли свою независимость в средние века, и они обосновывали свою значимость, указывая на достижения русского народа, который создал свое сильное государство. В XVI–XVII вв. об общем происхождении и этнической близости славян писали словенский протестант А. Богорич, хорваты В. Прибичевич, М. Орбини, Ю. Крижанич, поляк М. Стрыйковский.

В эпоху славянского Возрождения идея опоры славян на Россию в борьбе за свои национальные права пользовалась особым успехом. Теории славянской общности пропагандировали чехи Й. Добровский, Й. Юнгманн, словаки Я. Коллар, Л. Штур, хорваты Л. Гай, Й.-Ю. Штроссмайер, словенцы В. Водник, М. Маяр. Американский ученый Михаэл-Боро Петрович, исследователь российского панславизма середины XIX в., приходит к выводу: «Панславизм как культурный и даже как политический идеал возник не в России, но среди западных и южных славян» [1]. Рассматривая русофильские симпатии славян в период Возрождения отечественный историк В.К. Волков справедливо отмечает: «Отношение к России представляло в тех условиях не какую-либо конкретную политическую программу, а было одним из элементов национально-освободительной идеологии самих славянских народов» [2].

В 30–40 гг. XIX в. симпатии к славянам были распространены и в русском образованном обществе. Но первые русские славистские и панславистские теории оформились только в середине XIX в. накануне и в начале Крымской войны. Этому было несколько причин.

Во-первых, в это время обострилось разочарование русских дипломатических и общественных кругов в позиции европейских держав, прежде всего, членов Союза трех императоров (Священного союза), по отношению к России. Все они во время переговоров России с Турцией заняли антироссийскую позицию – или откровенно враждебную, или враждебно нейтральную. Об этом прямо говорил в 1869 г. профессор русской истории Московского университета Михаил Петрович Погодин: «Крымскою войною мы узнали, каковы друзья наши, не только англичане и французы, но даже австрийцы и пруссаки, с которыми мы составляли Священный союз и которых боялись тревожить сочувствием к славя-

---

[1] *Petrovich M.B.* The emergence of Russian panslavism 1856–1870. New York, 1956. P. 19.

[2] *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи. М., 1969. С. 35.

inslav

нам»[3]. Тогда даже в придворных кругах стали прислушиваться к идеям М.П. Погодина, который уже с 1820-х гг. пропагандировал необходимость для России помочь славянам в их борьбе за свои права.

Во-вторых, славянские идеи, широко распространенные среди образованных кругов славян Австрийской монархии, благодаря ученым и путешественникам, побывавшим в тамошних славянских землях, стали привлекать внимание и представителей русского общества. Одним из самых горячих пропагандистов в России идей славянской общности был М.П. Погодин. Со второй половины 1830-х гг. он активно посещал славянские области Габсбургской монархии, а по возвращении писал записки или письма, предназначенные российским государственным деятелям, иногда даже лицам императорской фамилии, в которых делился своими впечатлениями о положении славян. Так, в письме от 1838 г. он сообщал наследнику престола Александру Николаевичу, что в славянах, живущих от Венеции до Константинополя и от Балтийского моря до Мореи, не угасло еще чувство славянской взаимности. Они «говорят одним языком и, следовательно, по закону природы, нам сочувствуют... составляют одно нравственное целое с нами по происхождению и языку»[4]. Через год, в 1839 г., в письме к министру народного просвещения С.С. Уварову Погодин прямо указывал, что славяне «мечтают о славянском федеративном государстве с Россией во главе»[5]. Несомненно, такие настроения оказали влияние на зарождение в России не только идей славянской взаимности, но и панславистских теорий.

Третьей причиной возникновения панславистских идей в Российской империи явилось распространение в Европе накануне и в период революции 1848–1849 гг. программ объединения этносов в единое административно-политическое целое. Эти программы были выдвинуты демократическими деятелями разных народов и после поражения революции оставались основным требованием политических программ многих народов – Объединенная Германия, Объединенная Италия и т.д. Эти лозунги тоже оказали влияние на формирование первых программ русских панславистов.

---

[3] *Погодин М.П.* Сочинения. Т. III. М., 1872. С. 589.

[4] *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 2.

[5] Там же. С. 24.

inslav

Наконец, надо иметь в виду, что Россия в первой половине XIX в. считалась самым сильным государством Европы. В этом были убеждены как большинство европейских политиков, так и русские государственные и общественные круги. Ведь Россия сыграла решающую роль в разгроме, казалось, непобедимой наполеоновской армии, в 1828–1829 гг. она разбила Османскую империю и заключила очень выгодный для себя мир, а в 1849 г. по просьбе австрийского монарха подавила венгерскую революцию. Такие настроения отмечал в своей неопубликованной статье И.С. Аксаков в 1863 г. Сравнивая российских чиновников до 1861 г. с теми, кто пришел им на смену в эпоху реформ, И.С. Аксаков отмечал: «"Старые" верили в несокрушимое могущество России: "шапками закидаем" было их любимое выражение в ответ на угрозы врага, и они были очень озадачены результатами Восточной (Крымской. – *И.Ч.*) войны» [6]. Именно поэтому русскому обществу, частью которого было это чиновничество, представлялось возможным объединить вокруг России славян.

Уже накануне Крымской войны идеи панславизма имели хождение в русском обществе. Так издатель и редактор официозной российской газеты «Северная пчела» Ф.В. Булгарин, человек, безусловно преданный императорской семье Романовых, в 1852 г. писал в своей газете: «Россия единственная сильная, самостоятельная и могущественная славянская держава, с драгоценным русским царским родом Романовых, выступавшая твердой стопой в области общей европейской образованности, но сохраняющая еще свой славянский первообраз». Булгарин утверждал, что защита славян является обязанностью России [7]. Еще более определенно Булгарин выразился в 1856 г. Указав, что славяне являются особым племенем, которое пытаются уничтожить другие народы, он подчеркивал, что в мире есть особенная часть света – Россия, «сохраняющая славянский характер и язык. Это магнит для славянского сердца». На основании этого и других высказываний Булгарина польский исследователь П. Глушковский делает вывод: «Булгарин выступал за объединение всех славян под эгидой Российской империи … Он … неоднократно подчеркивал, что Россия является единственной страной, спо-

---

[6] *Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков.* Избранные труды. М., 2010. С. 484.

[7] *Глушковский П.* Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013. С. 83.

inslav

собной защищать интересы всех славян» [8]. Несомненно, взгляды Булгарина в 1850-е годы имели панславистские черты, но конкретной панславистской программы он не выдвигал.

Ф.В. Булгарин открыто распространял через газету свои взгляды, и они, по-видимому, не встречали противодействия властей. Имея в виду, что «Северная пчела» являлась в первой половине XIX в. одной из самых популярных газет в России, тираж которой в некоторые годы поднимался до 10 тысяч экземпляров, можно предполагать, что значительное число ее читателей сочувствовали взглядам ее редактора.

Рассмотрим программы по славянскому вопросу, которые создали Михаил Петрович Погодин и один из славянофильских идеологов Константин Сергеевич Аксаков.

Программа Погодина достаточно известна в историографии. Его труды по этому вопросу были напечатаны еще при его жизни. Да и в 1850-е годы записки и письма Погодина свободно ходили в дипломатических, придворных кругах. Свои взгляды на славянский вопрос Погодин изложил в записке от 27 мая 1854 г. Он предполагал создать славянскую федерацию, в которую входили бы, помимо славянских земель, Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания. Столицей ее должен был стать Константинополь. Наряду со славянской федерацией, на севере Европы должен был быть установлен союз северных государств, включавший Швецию, Данию, Пруссию, который будет находиться в дружеских отношениях со славянской федерацией. Погодин раскрывал и цели своей программы: 1) возбудить Россию к совершенствованию гражданскому и человеческому; 2) призвать к духовной жизни славянские племена, освободив их от турецкого и всякого другого ига; 3) восстановить патриарший престол в Константинополе; 4) изгнать турок из Европы; 5) обновить обветшалую Европу. Уладив таким образом дела в Европе, Россия должна была направить свои войска на завоевание Китая, Японии, Тибета, Бухары, Коканда. Таким образом, освобождение славян, согласно планам Погодина, являлось лишь первым шагом в экспансии России и расширении ее границ [9].

В письме к русскому поэту Ф.И. Тютчеву от 7 апреля 1855 г. Погодин раскрывал и способ управления в славянской федерации: на престо-

---

[8] Там же. С. 45.

[9] *Погодин М.П.* Историко-политические письма. С. 114–116, 120, 231–243.

inslav

лах Богемии, Моравии, Венгрии, Кроации, Славонии, Далмации, Сербии, Болгарии, Греции, Молдавии и Валахии должны находиться русские великие князья [10]. Что касается крестьянства, то Погодин призывал дать возможность его представителям получить хорошее образование. Но у него имелся и план реформ в России, он его сформулировал в 1854 г. в статье «О влиянии внешней политики на внутреннюю». Рассуждая о том, как можно было бы использовать деньги, оставшиеся от сокращения армии, Погодин полагал, что их следовало бы истратить на: 1. Увеличение жалования для мелких чиновников; 2. На строительство дорог и путей сообщения; 3. На улучшение положения духовенства; 4. На распространение в народе образования [11]. Об отмене крепостного права не было сказано ни слова. Однако после смерти Николая I в мае 1855 г. Погодин все же заявил о необходимости освободить крестьян и ежегодно собирать на это деньги [12]. Как можно понять, он предполагал освободить крестьян путем их выкупа у помещиков.

Взгляды К.С. Аксакова по славянскому вопросу почти не известны. Его записка по этому вопросу была открыта профессором С.А. Никитиным и использована в его книге, которая так и не была издана [13]. Никитин писал: «Небольшая записка К.С. Аксакова имеет особое значение как единственное целостное изложение его взглядов по данному вопросу, дающее очень важную веху в развитии славянофильства и его внешнеполитических идей» [14]. Записка К.С. Аксакова полностью была опубликована недавно в книге «Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды», составленной А.А. Ширинянц, А.В. Мырниковой и Е.Б. Фурсовой [15].

Русские историки считают К.С. Аксакова одним из наиболее радикальных деятелей среди славянофилов. Так, А.Л. Янов пишет, что К.С. Аксаков полагал, что «простой народ есть основание всего общественного здания страны», что «мысль всей страны пребывает в простом

---

[10] Там же. С. 301.

[11] Там же. С. 246.

[12] Там же. С. 338, 339.

[13] Неизданные материалы этой книги вышли в свет в 2013 г. См. сноску 14.

[14] *Никитин С.А.* Крымская война // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 168, 169.

[15] *Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков.* Избранные труды. М., 2010.

inslav

народе». В доказательство этого положения Янов приводил статью К.С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ», которую он рассматривал как образец леворадикальной публицистики [16]. В этой статье, напечатанной в газете «Молва», К.С. Аксаков противопоставлял публику (высшие классы) и народ и приходил к выводу: «Публика преходяща, народ вечен... В публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи» [17].

Высшие чины России неодобрительно оценивали эту статью К.С. Аксакова. В декабре 1857 г. министр просвещения А.С. Норов так писал о ней графу Уварову: «Выставлять низших членов общества образцами всех возможных добродетелей, а высших примерами всех возможных недостатков и нравственных слабостей – вредно и пагубно по последствиям, которые подобные лжеумственные парадоксы могут повлечь за собой» [18]. За этим последовало прекращение выхода в свет «Молвы». Чиновники твердо были уверены в неблагонадежности К.С. Аксакова. Второй «Московский сборник» тоже был запрещен в 1852 г. из-за его статьи, в которой, по мнению цензуры, проповедовалась «совершенно коммунистическая мысль», что общинное начало неразрывно связано с существом славянина [19].

К.С. Аксаков был убежден: «Наши верные друзья – это народы славянские, и вообще народы угнетенные» [20]. Как и все славянофилы, он исходил из противопоставления России Европе. Он указывал на несовместимость тех принципов, на которых они развивались. Европа (или Запад) проповедует гордую, самопоклоняющуюся личность, индивидуализм, что превратило христианскую веру сначала в служение одному человеку – Папе, а затем – каждой личности в отдельности (протестантизм). Западным народам присуще чувство презрения ко всем остальным народам, особенно к славянам, для которых характерен дух кротости, миролюбия и самопожертвования. Война (К.С. Аксаков имел в виду Крым-

---

[16] *Янов А.Л.* Загадка славянофильской критики // Вопросы литературы. 1960. № 5. С. 103.

[17] «Молва». М., 1857 6 сентября.

[18] *Янов А.Л.* Загадка славянофильской критики. С. 102.

[19] *Ширинянц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 34, 35.

[20] «Молва». 1857 9 августа.

inslav

скую войну. – *И.Ч.)* представляет собою попытку Запада нанести окончательный удар славяно-православному миру в лице его главного представителя – России и затем покорить всех славян. России придется бороться одной против всей Европы, но это даже хорошо, ибо «конфликт приобретает более чистый характер борьбы двух миров». И далее: «Европа встает на нас всем своим миром: пусть будет так! И мы встанем целым миром славянским. Вот прямое и единственное решение задачи». К.С. Аксаков надеялся, что война окончится для славян удачно. Результатом этого станет исчезновение турецкой власти в Европе, славянские народы будут освобождены, они создадут собственные государства. И между этими государствами и освободившей их Россией установится тесная связь, «прочный союз всех славян под верховным покровительством русского государя». Поскольку Австрия тоже выступает против России, Россия должна нанести по ней удар и исполнить свое призвание – освободить единоплеменные и частично православные народы. При этом непосредственно к себе она может присоединить только «свое древнее достояние – Галицию» [21].

Свои взгляды К.С. Аксаков распространял среди единомышленников, которые вполне им сочувствовали. Об этом свидетельствует редакционное примечание в славянофильском журнале «Русская беседа». В нем говорилось: «Знаменем России должен быть, по нашему мнению, не панславизм, в смысле политическом, не централизация, но признание прав каждой народности на самобытное, своеобразное существование, иначе: свободный союз независимых отдельных славянских племен, которого защита и охранение естественно принадлежали бы России» [22].

В своих письмах К.С. Аксаков уточнял, какими же средствами можно добиться желаемой цели. Он полагал поднять на восстание болгар и сербов и вместе с ними идти на Константинополь. 21 июня 1854 г. он писал: «Повторяю: необходимо объявить независимость всех православных в Турции, и необходимо сказать, что их дело принимаем мы как наше собственное и будем за него сражаться, как за самих себя» [23].

Что касается взаимоотношений М.П. Погодина и К.С. Аксакова, то они складывались непросто. Погодин дружил с родителями К.С. Акса-

---

[21] *Никитин С.А.* Крымская война. С. 169–172.
[22] «Русская беседа». Т. 6 (13). 1859.
[23] *Никитин С.А.* Крымская война. С. 16.

inslav

кова – писателем Сергеем Тимофеевичем Аксаковым и его женой Ольгой Семеновной, большой русской патриоткой (дочерью суворовского офицера). Однако с их старшим сыном Константином Аксаковым отношения у него не сложились, хотя он проходил подготовку к университету в пансионе Погодина у слависта Ю.И. Венелина. В 1832–1835 гг. К.С. Аксаков обучался в Московском университете, где дружил с В.Г. Белинским и Н.В. Станкевичем, увлекался трудами Гегеля [24]. В своей небольшой работе «Воспоминание студентства 1832–1835 годов» К.С. Аксаков давал характеристику отношения студентов к различным преподавателям. К.С. Аксаков писал, что к Погодину, читавшему курс лекций по всеобщей истории, молодые люди были расположены враждебно, однако его первая лекция произвела на них сильное впечатление. «Бог знает, – продолжал он, – как умел Погодин при стольких своих дарованиях восстановить против себя почти всех». Причину этого К.С. Аксаков видел в том, что Погодин не умел общаться с людьми. Но затем, когда Погодин стал преподавать русскую историю, многие студенты, правдивые и умные, были ему благодарны за лекции [25]. Эти воспоминания К.С. Аксаков написал почти сразу после окончания университета, что доказывает, что его отношение к М.П. Погодину было в то время вполне благожелательным.

Когда М.П. Погодин стал издавать газету «Москвитянин», славянофилы попытались сделать ее своим печатным органом, но К.С. Аксакову не понравился ее первый номер (1.01.1841). Затем, в 1844–1845 гг. редактором «Москвитянина» был все же славянофил И.В. Киреевский. Правда, ему пришлось оставить свой пост по настоянию Погодина. Биограф М.П. Погодина Н. Барсуков отмечает, что уже с 1841 г. у всех Аксаковых ухудшились отношения с Погодиным по вине К.С. Аксакова [26], в 1848 г. К.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин, видный славянофил и друг Константина, были в открытой ссоре с Погодиным. Статья Шевырева в журнале «Москвитянин» (9.02.1849) о бале у губернатора Москвы А.А. Закревского вызвала неудовольствие не только у молодых Аксаковых, но и у С.Т. Аксакова, который писал своему сыну Ивану об этой статье: «Он

---

[24] *Курилов А.С.* Константин и Иван Аксаковы // К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981. С. 16.

[25] *Аксаков К.С.* Воспоминание студентства 1832–1835 годов. С.-Петербург, 1911. С. 23.

[26] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 6. СПб., 1892. С. 54.

inslav

(Шевырев – *И.Ч.*) ругал Константина самым неблагонамеренным образом. Если Погодин и хуже его, то все же он для меня сноснее, как человек умный» [27].

В неизданной статье «Письма о современной литературе», написанной в конце 1849 – начале 1850 г., К.С. Аксаков решительно идеологически отмежевывался от Погодина. «В Москве есть впрочем, – писал он, – журнал, появившийся лет девять назад, – "Москвитянин". Он издается человеком, который, хотя и твердит о России, но всего менее принадлежит к московскому, или просто русскому направлению. Это г. Погодин. Очень ошибутся те, которые сочтут журнал его представителем московского направления ... "Москвитянин" столько раз противоречил убеждениям московского направления..., что никак не может называться выражением московской литературной деятельности» [28].

При этом некоторые положения М.П. Погодина К.С. Аксаков принял. В частности, утверждение, что европейские государства были созданы путем завоевания, а русское – путем договора между славянами и призванными ими варягами. «В основании государства западного, – писал К.С. Аксаков в своем неизданном труде «Об основных началах русской истории», – насилие, рабство, вражда. В основании государства Русского: добровольность, свобода и мир». Несомненно, что и развитию интереса К.С. Аксакова к славянам способствовало его общение с М.П. Погодиным. Вообще, взгляды Константина Сергеевича на историю России были далеки от реальных событий, происходивших в ней. Его брат Иван Сергеевич Аксаков оценивал их в своих «Ответах на вопросы III Отделения» в 1849 г. следующим образом: «Брат мой Константин любит, сам того не зная, может быть не старую, не современную Русь, а Русь идеальную» [29].

Не случайно именно в 1849 г. отношения между Погодиным и Аксаковыми испортились – события в Европе так или иначе отозвались в русском обществе [30]. Об этом писал сам К.С. Аксаков в своих письмах к Н.В. Гоголю. На их основании авторы вступительной статьи к публика-

---

[27] *Он же.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 10. СПб., 1896. С. 184.
[28] *Ширинянц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Указ. соч. С. 16.
[29] *Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков...* С. 345.
[30] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 3. С. 53, 54; Т. 10. С. 213, 214, 498.

inslav

ции «Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды» А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова справедливо отмечают: «Литературное славянофильство эволюционирует в социально-политическом направлении» [31]. Все больший интерес у К.С. Аксакова вызывает Россия. В этом он признается Н.В. Гоголю: «Я оставил немецкую философию; Русская жизнь и история стали мне ближе; и главное, основное для меня ... Вера, Православная Вера» [32].

Наконец, М.П. Погодин и К.С. Аксаков по-разному относились к самодержавным порядкам в России.

Погодин был, несомненно, верным подданным императорской семьи и самодержавных порядков. Современный российский ученый В.Я. Гросул справедливо называет его одним из апологетов официальной народности [33]. Погодин никогда не выступал против правления Николая I. Правда, надо отметить, что его отношение к русскому императору менялось. Если в письме к Уварову от 1839 г. Погодин утверждал, что император Николай I имеет много почитателей в Европе, то после неудач в Крымской войне мнение его изменилось. В апреле 1854 г. он резко критиковал предшествующую политику России: «Правительства нас предали, народы возненавидели, а порядок, нами поддерживаемый, нарушался, нарушается и будет нарушаться». Погодин приходил к выводу, что европейские государства выступают против России не потому, что желают помочь Турции, на самом деле «они хотят войны для того, чтобы унизить Россию и ослабить ее влияние на востоке» [34]. Он был уверен, что враги желают отбросить ее к Днепру: из Бессарабии, Молдавии, Валахии создать одно государство, также сделать одно государство из южных славян, присоединить к Польше ряд смежных областей, Прибалтику (Остзейскую губернию) и Финляндию отдать Швеции, а Кавказ – Турции и Персии. Таким образом, Россия должна остаться в пределах государства Михаила Федоровича Романова [35].

---

[31] *Ширинянц А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Указ. соч. С. 23.
[32] Там же.
[33] *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 264.
[34] *Погодин М.П.* Историко-политические письма. С. 91, 94.
[35] Там же. С. 324.

inslav

Восшествие на престол Александра II Погодин приветствовал от всей души. Он, как и многие представители русского общества, ждал перемен к лучшему. В своих речах на обедах в честь вступления на престол нового царя Погодин призывал его царствовать «долго, счастливо, милостиво, любовно» [36].

К.С. Аксаков, как и другие славянофилы, не представлял себе новую Россию без царя. Однако существующая власть вызывала у него резко отрицательное отношение. В записке, переданной им Александру II в 1855 г., он резко критиковал современные российские порядки. «Не подлежит спору, что правительство существует для народа, а не народ для правительства ... Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. ... Народ не имеет доверенности к правительству, правительство не имеет доверенности к народу ... Взяточничество и чиновный организованный грабеж – страшны ... Все зло происходит главным образом от угнетательной системы нашего правительства ... Та же угнетательная правительственная система из государя делает идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы» [37].

Из этого отрывка записки К.С. Аксакова видно, насколько далек автор от принятия самодержавных порядков и как критически он относится к современному ему положению в России. Он прямо обвинял правительство, а, следовательно, и царя, который назначал это правительство и которому оно полностью подчинялось. Российский историк Н.И. Цимбаев верно заметил, что теория К. Аксакова близка идеалам русского патриархального крестьянина. Для нее также характерны идеализация прошлого, вера в «доброго царя», объявление под разными предлогами действующего царя «неистинным», «неприродным», враждебность к «верхним классам» (публике, изменникам боярам), культ замкнутой деревенской общины и боязнь правительственных чиновников [38].

Мы видим, что программы Погодина и Аксакова имели существенные различия. М.П. Погодина можно назвать сторонником самодер-

---

[36] *Погодин М.П.* Сочинения. Т. 3. С. 199.
[37] *Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков...* С. 245.
[38] *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. М., 1986. С. 197.

inslav

жавных порядков, а К.С. Аксаков относился к ним критически, отдавая предпочтение свободной крестьянской общине, где крестьяне будут владеть собственным наделом.

Профессор Сергей Александрович Никитин еще в конце 40-х годов XX в. уловил еще одну важную разницу между программой Погодина и программами славянофилов. «Погодин обращался прежде всего к правительству и посылал свои записки лицам, имевшим возможность довести их до сведения царя. Славянофилы ... обращались к обществу ... Погодин стремился стать вдохновителем правительства, славянофилы – общественными вождями» [39].

Таким образом, уже с самого своего появления панславистские программы имели существенные различия. Одна из них, а именно программа К.С. Аксакова, главной своей целью считала освобождение славян от иноземного ига и воссоздание их государственности под эгидой России. Предполагалось, что новые славянские государства будут основаны на свободной крестьянской общине, где крестьяне будут владеть собственным наделом. Религию они должны исповедовать православную, внутреннее устройство определять самостоятельно. Однако перед остальным миром они должны выступать как единое целое под руководством русского царя, который мыслился как идеальный монарх. Панславизм К.С. Аксакова играл в его понимании скорее защитительную роль для славян.

Для М.П. Погодина образование всеславянского государства являлось только первым шагом к дальнейшим завоевательным планам России, которые предусматривали ее продвижение на восток вплоть до Японии. Освобождение славян рассматривалось только как один из эпизодов продвижения России на юг и восток.

Таким образом, уже в самом начале формирования русских панславистских программ наметилось два их варианта. Первый вариант, который обосновал М.П. Погодин, выражал чаянья определенных кругов высшего общества и своею целью имел расширение пределов Российского государства. Второй вариант, выдвигавшийся славянофилами, своею главной целью ставил освобождение зарубежных славян от чужеземного ига, а покровительство им со стороны царя рассматривал как средство их защиты от поползновений со стороны более сильных соседних госу-

---

[39] *Никитин С.А.* Крымская война. С. 194.

inslav

дарств подчинить себе маленькие славянские государства. Конечно, сыграло свою роль и стремление славянофилов устроить там порядки, которые, по их мнению, соответствовали славянским началам. Весьма отличались их взгляды на существующие российские порядки, хотя оба они полагали, что возглавить славянскую федерацию должен русский царь. Наконец, план К.С. Аксакова подразумевал создание свободных славянских государств со своим управлением. Погодин же считал, что их должны возглавлять русские великие князья.

Но имелось и общее убеждение у представителей обоих направлений русского панславизма: главный враг России и славян – Западная Европа. Кстати, этой же точки зрения придерживался Ф.В. Булгарин и его круг.

Поражение России в Крымской войне показало обоим направлениям, что Россия не так могущественна, как представлялось, что она не может противостоять всем государствам, выступающим против панславистских планов. Самый горячий и многолетний проповедник славянского единства М.П. Погодин уже после отъезда славян с Этнографической выставки 1867 г. писал: «Я оставил давно панславянские (всеславянские) мечтания и давно не думаю ни о каких соединениях». Но мечты об этих соединениях его не оставили, хотя и были отнесены в будущее на неопределенное время. «Какая форма принадлежит славянам, мудрено теперь решить, – продолжал Погодин. – Может быть, славяне устроят когда-нибудь союз вроде Швейцарского» . Спустя год на обеде, посвященном годовщине Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве, отвечая на опасения чешской прессы, Погодин снова подчеркнул, что ни московская партия (т. е. славянофилы. – *И.Ч.*), ни правительство «не имело и не имеет никаких панславянских намерений и стремлений в политическом смысле, в смысле преобладания России над славянскими племенами».

У К. Аксакова, как и других славянофилов, славянские идеи не занимали главенствующего положения в системе взглядов. Главным для них было проведение в России крестьянской, судебной, военной и других реформ. У Погодина же славянский вопрос стоял всегда в центре внимания.

В 60-е годы XIX в. в отличие от панславистских настроений 50-х годов идея объединения славян не исчезла полностью. Вопрос о политической федерации в то время отошел на задний план, но на смену ему пришла идея культурного объединения славян.

inslav

М.М. Фролова
Москва

Развитие униатского движения в Западной Македонии. Планы и действительность (1856–1871 гг.)

Католическая пропаганда отнюдь не новость на Балканах, но благодаря хатт-и хумайюну 1856 г., объявившему о религиозной свободе и предусматривавшему реформирование Вселенского патриархата, количество католических миссий в Османской империи значительно увеличилось, и сфера их деятельности существенно расширилась. Историография униатского движения в болгарских землях Турции после Крымской войны имеет давнюю традицию. Благодаря статьям Г.С. Раковского оно рассматривалось как движение политическое, имевшее для единства болгарского народа только отрицательное значение. Кирилл, патриарх Болгарский (1953–1971) подчеркивал, что униатство являлось плодом политики Франции и католических миссионеров. Это движение посягало на традиционную православную веру, препятствовало консолидации болгарского народа. Советский историк К.С. Лилуашвили, разделяя точку зрения болгарского патриарха, делал также жесткий вывод о том, что «католическая пропаганда нанесла ущерб единству болгарского народа, его национальным интересам и стремлению к освобождению от фанариотского ига» [1].

Диаметрально противоположной была позиция о. И. Софранова, в 1960 г. опубликовавшего на французском языке свою докторскую диссертацию, которая была переведена на болгарский язык и издана в Софии в 2009 г., став, наконец, доступной широкому читателю в Болгарии. Будучи католическим священником, автор рассматривал униатское движение исключительно как положительное явление, как возвращение болгарского народа в лоно католической церкви, выделяя в нем религиозную составляющую. Софранов закончил свой труд на оптимистической ноте,

---

[1] *Лилуашвили К.С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978. С. 104.

inslav

указав, что основы для единения болгарского народа с Римом положены в XIX в. и в современной Болгарии продолжают укрепляться [2].

Болгарский историк Н. Генчев был убежден, что униатское движение не должно рассматриваться сугубо односторонне: как это было сделано в монографии Кирилла, патриарха болгарского, или в диссертации о. И. Софранова. Генчев в своем исследовании «Франция в болгарском духовном возрождении» писал о том, что униатское движение не имело в Болгарии ни исторических корней, ни реальных внутренних социальных мотивов. И католические миссионеры, и болгарские исполнители хорошо понимали историческую обреченность унии, но шли к ней по различным соображениям. Он делал акцент и на положительные стороны этого движения, отмечая, что оно содействовало развитию болгаро-греческого церковного конфликта. Оно также связывало культурное развитие болгар с культурой католического Запада, прежде всего, Франции, что стимулировало культурное возрождение Болгарии [3].

Через всю главу об униатском движении, написанной академиком Д. Косевым для многотомной «Истории Болгарии», проходит мысль о том, что уния была не только следствием иностранного влияния, но и тактикой болгар в борьбе за свою самостоятельную церковь. Косев подчеркивал, что большая часть народа осталась индифферентной к унии, что в действительности опасность не была такой серьезной, больше о ней шумели. Даже те болгары, которые перешли в униатство или грозились в него перейти, не думали стать прозелитами на самом деле, считал ученый, но объявляли об этом в качестве протеста против непримиримой позиции константинопольской Патриархии и политики России, отказывавшихся поддержать справедливую борьбу болгарского народа за национальную церковь [4].

Впрочем, существовала и точка зрения С. Дамянова, высказанная в книге «Франция и болгарская национальная революции». Изучив материалы газеты «Болгария» (1859–1863), главным редактором которой был Драган Цанков, автор указывал, что организаторы константинопольской

---

[2] *Софранов И.* История на българското движение за единение с католическата църква през XIX век. София, 2009. С. 314.

[3] *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 199–200.

[4] *Косев Д.* Борба за самостоятелна национална църква // История на България. Т. 6. София, 1987. С. 135, 139.

inslav

унии 1860 г. и особенно Др. Цанков не расценивали свои действия в качестве только хитрого маневра с целью завоевания благорасположения России. Тогда они были убеждены, что Болгария должна приобщиться к западной культуре именно через католичество. На борьбу против России и православия Цанков смотрел как на борьбу за прогресс и цивилизацию. Покровительство Франции было для него гарантией быстрого культурного подъема и экономического расцвета болгарского народа [5]. С другой стороны, Дамянов приходил к выводу, что в целом республиканская Франция вопреки декларациям о гуманности, свободе и демократии действовала против интересов болгарского народа, против его освободительного движения, но все ее интриги, включая и униатское движение, организованное католическими миссиями, оказались напрасными [6].

Масштабные геополитические изменения в Европе в конце 1990-х привнесли новое видение этой проблемы. Современный историк Илия Тодев считает, что болгары никогда не были особенно религиозны или привержены православию, что униатское движение было очередной попыткой Болгарии [7] реально присоединиться к западной цивилизации и обрести иную историю. Помехой на этом пути встал «третий Рим» – Москва. Опасения многих деятелей национально-освободительного движения 1860-х годов, в том числе, Г.С. Раковского, что уния разделит болгарский народ, не оправдались. Тодев пишет, что болгарский народ ныне разделен, но не на конфессиональной, а на этно-региональной основе, когда после 1913 г. часть болгарского народа, проживавшего в Македонии, была отделена от Болгарии и деболгаризирована [8].

Болгарская историография начала XXI в. нацелена на изучение судеб католической церкви в Болгарии в последующий период, с 1878 г. и особенно в драматическом для нее XX столетии. Это, в первую очередь, монографии С. Елдарова, И. Еленкова, Р. Ваташки, но авторы не могли не высказать своего мнения и относительно униатского движения 1860-х гг. С. Елдаров, например, оценивает его как плод борьбы болгарского наро-

---

[5] *Дамянов С.* Франция и българската национална революция. София, 1968. С. 108.

[6] Там же. С. 110–111, 129.

[7] Такие попытки предпринимались в IX в. при князе Борисе, при Калояне с папой Инокентием III в 1204 г., при Иване Асене II в 1231 г.

[8] *Тодев И.* О балканской политике России в начале 60-х гг. XIX ст. // Bulgarian Historical Review. 1988. № 3. С. 47–49.

inslav

да за самостоятельную церковь, создание национального духовенства и культурную эмансипацию от эллинизма [9]. Р. Ваташки считает, что униатское движение 1860-х гг. было не столько религиозным, сколько политическим, и религия использовалась в политических целях. Униатство в дальнейшем поддерживалось ценой больших усилий со стороны Ватикана, различных католических орденов и конгрегаций [10].

Следует сказать, что в историографии в целом больше всего публикаций посвящено так называемой константинопольской унии, откуда уже расходились волны влияния на остальные регионы Балкан. Действия католических миссионеров на местах, в том числе, и в г. Битола, получили в литературе, на наш взгляд, недостаточное и не совсем точное освещение. В монографии, например, И. Софранова, которая является наиболее фундаментальной из всех исследований, раскрывавших историю униатского движения в Западной Македонии, и которая основана на изучении значительного пласта материалов из архивов и библиотеки Ватикана, нельзя не заметить определенную отрывочность приводимых в ней сведений: как и обстоятельство, что многие факты зачастую вырваны из контекста, не имеют датировки, не указаны имена священнослужителей, консулов. Все это вместе обуславливает нечеткий рисунок развития исторических событий, что, в свою очередь, не позволяет выделить периоды развития в униатском движении, объективно объяснить причины его возникновения и спада, а также его характер. Подобная расплывчатость в исследовании И. Софранова, на наш взгляд, могла исходить как из специфики исторических источников (сведения католического миссионера Лепавека были не всегда достоверны) [11], так и из того обстоятельства, что в авторе возобладал проповедник, а не ученый-историк.

Донесения русских дипломатов из Битолы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, в сочетании с опубликованными донесениями австрийских вице-консулов, дневника викария Виктора Галамбера, теолога и постоянного советника болгарского униатского епископа Рафаила Попова (1865–1876), а в сущности руководителя болгар-

---

[9] *Елдъров С.* Католиците в България. 1878–1989. Историческо изследване. София, 2002. С. 129.

[10] *Ваташки Р.* Българската православна църква и римокатолическата пропаганда в България и на Балканите (IX – 30-те години на XX в.). В. Тырново, 2011. С. 20.

[11] *Галамбер В.* Дневник. 1862–1866. Т. 1. София, 1998. С. 252.

inslav

ской унии с 1866 до 1877 гг. [12], со свидетельствами и воспоминаниями современников позволяет более детально изучить униатское движение в Западной Македонии, отметить его особенности, отличия от так называемой константинопольской унии, а также вскрыть причины его неудачи и роль для болгар этого региона.

Город Битола (Монастир) являлся административным центром Румелийского или Битольского эялета, в котором располагались резиденция вали (генерал-губернатора), Главная квартира Военного командования Румелии и митрополия Пелагонийской епархии. Здесь были учреждены дипломатические представительства Австрии, Англии, Греции. В 1861 г. в Битоле было открыто императорское российское консульство с назначением на дипломатический пост М.А. Хитрово (1861–1864). В 1856 г. в городе была основана миссия лазаристов под руководством аббата Лепавека (1806–1875), миссионера с большим опытом работы на Востоке.

Благодаря сосредоточению значительного количества турецких чиновников, офицеров, богатых беев в Битоле процветала торговля, население его множилось, и, по свидетельству современников, к началу 60-х годов XIX в. «во всех отношениях он стал первым городом в Македонии и центром всей Западноевропейской Турции» [13], «влиявшего на всех болгар Северо-западной Македонии и Албании» [14]. И аббат Е. Боре, руководитель ордена лазаристов и его миссий на Востоке, рассматривал Битолу как «аванпост проникновения в Болгарию» и поэтому уделял значительное внимание укреплению католической миссии в этом городе [15].

В Битоле в то время насчитывалось около 50 тыс. человек, в том числе 25 тыс. турок, 20 тыс. христиан и 5 тыс. евреев. Христианская община города, во главе которой стоял пелагонийский митрополит Венедикт (1854–1868), состояла из болгар, греков, влахов * и албанцев, боль-

---

[12] *Тодев И.* Франция, Ватиканът и Българското национално възраждане // *Галамбер В.* Дневник. С. XL.

[13] *Шапкарев К.* За възраждането на българщината в Македония. Неиздадени записки и писма. София, 1984. С. 243.

[14] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 24.

[15] *Генчев Н.* Указ. соч. С. 102.

* Влахи – так в Македонии называли выходцев из средневековой Валахии, имевших общее происхождение с балкано-романскими народами

inslav

шая часть из которых переселилась сюда из разных городов и селений. Вначале усилия Лепавека, специально выучившего греческий язык, были направлены исключительно на греков и влахов, но оказались безрезультатными, поскольку среди них были сильны эллинофильские настроения и свою будущность они связывали с Греческим королевством. В 1858 г. в Битолу прибыл аббат Е. Боре, которому стала подчиняться битольская миссия. Находясь в Стамбуле, Боре внимательно следил за разгоравшейся греко-болгарской церковной борьбой ** и «счел эту минуту удобной для пропаганды» [16]. Миссионерам в Битоле также было необходимо оперативно развернуться в сторону болгар, чтобы воспользоваться предоставлявшейся возможностью – использовать церковный конфликт в своих целях и привлечь болгар к унии. Боре дал распоряжение ввести в богослужение и школьное преподавание болгарский язык [17]. В конце 1859 г. из Стамбула был прислан болгарин Васил Манчов. Он поселился в миссии и стал обучать Лепавека и его помощника брата Касена болгарскому языку. Болгарский историк Н. Генчев указывал, что в 1863 г. Лепавек в первый раз говорил на болгарском языке в болгарских селах Велесской казы (уезда) [18]. А из донесения управляющего российским консульством М.А. Хитрово от 9 апреля 1861 г. следует, что Лепавек уже тогда «хорошо говорил по-болгарски» [19].

В христианской общине Битолы между разными национальностями сложилась иная ситуация, чем в таких городах, как Пловдив,

(румынами, молдаванами и др.), занимались в основном скотоводством и торговлей.

** Издание хатт-и хумаюна 1856 г. позволило болгарской общине в Стамбуле, принявшей на себя представительство всего славянского населения Турции, подать султану Абдул Меджиду прошение от имени 6 400 000 болгар. В нем было выражено желание иметь свою, независимую от Константинопольской патриархии церковь. Высокая Порта передала это прошение Константинопольской патриархии, которая отказала в его удовлетворении. Лишь в 1870 г. султан издал фирман об учреждении самостоятельной болгарской церкви.

[16] *Петров Н.И.* Начало греко-болгарской распри и возрождения болгарской народности. Киев, 1886. С. 85.

[17] *Генчев Н.* Указ. соч. С. 113.

[18] Там же. С. 179.

[19] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 35.

inslav

В. Тырново. В 1861 г. М.А. Хитрово констатировал: «Здесь собственно не было и нет особенного антагонизма между болгарами и греками, а есть только вражда между приверженцами митрополита и его противниками» [20]. Он также отмечал, что в начале 1860-х гг. болгарский церковный вопрос в Битольском санджаке (округе), «удаленном от всякого внешнего влияния», не имел «отголоска» [21]. Как писал в своих воспоминаниях учитель К. Шапкарев (1834–1909), «до 1860 г. болгарское чувство в Битоле спало или его совсем не существовало, а у кого оно и было, то те не смели и шевельнуться» [22]. В школах Битолы, которые содержала христианская община, преподавание велось исключительно на греческом языке. Болгары Битолы не знали о существовании кириллицы, в употреблении был греческий алфавит. Католические миссионеры «Св. Лазаря» первыми попытались изменить существующее положение.

С 1859 г. Лепавек работал, главным образом, с болгарами: была открыта школа, где преподавался болгарский язык, в церкви богослужение шло на славянском языке. Лепавек был весьма деятелен: «всеми средствами и самыми несбыточными обещаниями» старался склонить болгар к принятию унии. Правой рукой католических пропагандистов был В. Манчов, который пытался распространять мысль об унии, «но до сих пор успел приобрести со стороны болгар общее презрение» [23], поскольку в городе болгары знали, «что он своих убеждений не имеет и служит Лепавеку единственно из-за денег». Русский дипломат считал, что деятельность Манчова в самой Битоле не могла быть опасна [24]. В городе лазаристы не нашли прозелитов, кроме одного бедного семейства. Хитрово докладывал в начале ноября 1861 г., что в первые пять лет католическая пропаганда в Битоле не имела успеха [25]. «Верность местных христиан православию может считаться хорошим гарантом будущего» [26], – приходил к успокоительному выводу Хитрово. Правильность этого заключения подтверждается также и мнением австрийского вице-консула Соретича, который в своем донесении от 30 (18) мая 1861 г. совершенно независимо

[20] *Косев Д.* Борба... С. 145.
[21] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 21.
[22] *Шапкарев К.* Указ. соч. С. 244.
[23] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 36об.
[24] Там же. Л. 67 и об.
[25] Там же. Л. 35об.
[26] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 164.

inslav

от Хитрово писал, что четырехлетние усилия Лепавека вовлечь болгар в католическую церковь оказались бесплодными [27].

Католические миссионеры, убеждаясь в малой результативности усилий в Битоле и в больших городах, включили в поле своей деятельности сельское христианское население отдаленных районов. Они искусно использовали ситуацию в Битольском санджаке, где болгары испытывали острую потребность в церковных книгах и церковной утвари. По заданию Лепавека Манчов стал обходить селения. Он предлагал жителям доставить славяно-церковные книги и церковные вещи. При этом Манчов выдавал себя за православного и не говорил, что предлагаемые им книги католические и «что все это делается через западных пропагандистов». Он только требовал от крестьян, чтобы они обращались к нему с письменными просьбами. Впоследствии просьбы служили для лазаристов теми документами, по которым «легковерные общины совершенно без их ведома» считались обратившимися в католицизм [28].

Успех подобных действий Манчова был налицо: в апреле 1861 г. он уговорил христиан 12 селений обратиться к нему с письменной просьбой снабдить их церковными книгами, о чем Хитрово сообщил в донесении от 4 (16) мая 1861 г. Русский дипломат срочно предпринял контрмеры, предварительно посоветовавшись «с некоторыми из здешних болгар». Хитрово тайно отправил в эти селения «надежного человека с поручением растолковать жителям значение их легковерного поступка и, если возможно, уговорить их подписать письмо, которым бы они гласно отказались от непрошенных услуг Манчова и католической пропаганды» [29]. Хитрово выделил «доверенному лицу на разъезды по деревням для противодействия латинской пропаганде» 15 руб. серебром, которые были отнесены «на счет чрезвычайных издержек» [30]. Задание дипломата было выполнено. 13 (25) мая 1861 г. посланный возвратился и привез изобличавшее Манчова письмо от 7 (19) мая 1861 г. Оно было подписано теми же самыми лицами, которые поставили свои подписи под прежней просьбой к Манчову о церковных книгах – священниками папой (попом) Иоанном из сел Слепче и Бойница, папой Стойче из села Страгово и па-

[27] Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 1. София, 1994. С. 127.

[28] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 67об.

[29] Там же. Л. 68.

[30] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 53.

inslav

пой Николой из сел Балдино и Траиц. По просьбе Хитрово русский посланник в Константинополе князь А.Б. Лобанов-Ростовский (1859–1863) передал это письмо для публикации в газету «Цариградски вестник», где оно появилось 10 (22) июня 1861 г. (№ 24). Письмо было напечатано и в газете «Дунавски лебед» [31], издававшейся Г.С. Раковским в Белграде (1860–1862). Информация из донесений Хитрово, раскрывая историю публикации этого письма, дополняет и, главное, корректирует соответствующие страницы труда Кирилла, патриарха Болгарского, который при рассмотрении вопроса о развитии униатского движения в Битольском крае весной 1861 г. посчитал данное письмо свидетельством распространения унии в этом районе [32].

Разоблачение Хитрово махинаций лазаристов с письменными прошениями крестьян ослабляло идею унии славян Битольского края с Римской курией. Затем последовал громкий скандал с униатским священником Иованом (Йоханом) Вукаденовичем-Чокерлияном, работавшим в миссии с 1860 г. Он был обвинен в «противоестественном блуде с покупаемыми любовниками» [33]. К представленным в городе свидетельствам добавился и обличительный голос газеты «Дунавски лебед» (№ 33). Автор статьи «Папские миссионеры» (вероятно, Г.С. Раковский) сообщал, что окружным судом в Темешваре в 1856 г. Чокерлиян за то же «блудство» уже был осужден на три года строгого тюремного заключения. Кроме того, в статье указывалось, что это был тот самый Чокерлиян, который опубликовал книгу против православной веры, а в ее издании ему помог известный среди славян католический епископ Й.Ю. Штросмайер [34]. В результате скомпрометировавший католическую миссию в Битоле униатский священник по настоянию австрийского вице-консула был срочно удален из города [35].

Однако Лепавек руки не опускал, и Хитрово, вернувшись в сентябре 1863 г. из длительного отпуска (с января 1863 г.), был поражен успехами католической пропаганды. Лепавек сумел, наконец, прочно обустроиться: он приобрел в собственность большое и удобное здание, часть

---

[31] «Дунавски лебед». 1861. № 36. С. 150.

[32] *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век. Т. 1. (1859–1865). София, 1962. С. 97.

[33] Македония през погледа... С. 152.

[34] Папищашки мисионеры // «Дунавски лебед». 1861. № 33. С. 141.

[35] Македония през погледа... С. 152–153.

inslav

которого была обращена в католическую капеллу, школу и «жилые покои» для миссионеров, другая же была разделена на мелкие квартиры, отдаваемые внаймы, что позволило лазаристам на доход с этого найма поддерживать церковь и школу [36]. Лепавеку в ходе поездки в Париж и Рим удалось получить поддержку своего предложения о создании в Битоле семинарии или училища типа «école normale» для подготовки священников и учителей. С 1863 г. битольская миссия стала ежегодно получать от французского правительства и от «Конгрегации пропаганды веры» по 4–6 тыс. франков, и от «Фонда восточных школ» по 2 тыс. франков [37].

В Битоле ни в одном училище не изучалась славянская грамота, и преподавание болгарского языка Манчовым в школе лазаристов стало одним из «главных орудий» католической пропаганды. В донесении от 15 (27) марта 1863 г. секретарь русского консульства Е.М. Тимаев сообщал, что у миссионеров обучалось 25 учеников: 10 католиков и 15 православных, из которых 1 из Велеса, 6 из Битолы и 8 из Тыквеша. Миссионеры ожидали из Рима трех новых учителей и учительницу. В школу должны были прибыть новые ученики: 10 из Велеса и 14 из Тыквеша [38].

Но насаждение католических обрядов, требования креститься по-католически и не посещать православную церковь встречали внутреннее сопротивление у многих родителей и детей. Дети начали убегать из школы, что заставило миссионеров принять соответствующие меры: обязывать подпиской учеников соблюдать правила школы, с одной стороны, а с другой, смягчить спрос с православных детей.

Большую тревогу у российских дипломатов вызывало распространение униатского движения в Велесской и Струмицкой епархиях, где в 1863 г. объявило о своем выборе в его пользу значительное количество сел – более 20. Подобных успехов в своих действиях Лепавек добился, искусно используя особенности административного устройства православных епархий в Западной Македонии. Битольский край входил в Пелагонийскую епархию, но на ее территории находились отдельные села, принадлежавшие другим епархиям, поэтому сельские священники из таких сел почти не видели своих начальников – велесского или струмицкого митрополитов [39].

---

[36] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 95.
[37] *Генчев Н.* Указ. соч. С. 113–114.
[38] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 36 и об.
[39] Там же. Л. 66 и об.

inslav

В селах Тыквешской казы население было смешанным, христиане страдали из-за грабежей, разбоев и фанатизма мусульман, которые в численном отношении превалировали. Прежде христиане находились под покровительством крупных албанских беев, но с введением администрации, назначаемой из Стамбула, они лишились этой защиты, действия же турецких чиновников были неэффективны. Митрополиты этих епархий не утруждали себя исполнением своей прямой обязанности – отстаивание интересов христиан перед турецкими властями. Незащищенность крестьян и их бедствия усугублялись увеличением прямых и косвенных налогов, которые сельские жители были не в состоянии выплатить из-за следовавших друг за другом неурожайных лет в начале 1860-х годов.

В отличие от православных епископов, не принимавших участия в своей пастве, католические миссионеры щедро предлагали свою помощь. Они также обещали, что перешедшим в унию будут снижены налоги, что турецкие сборщики и другие чиновники лишатся права постоя в униатских селах, что католическая касса будет выдавать униатам деньги под 6 % годовых и что все их права будут утверждены султанским фирманом. Они уверяли, что присоединение к унии, т. е. признание папы Римского, не есть измена православной вере, т.к. православные обряды и обычаи остаются без изменения.

Лепавек прибегал и к экономическому воздействию на македонских славян. Он начал раздавать кредиты под низкие проценты, выкупать у бедных людей векселя, которые по каким-нибудь обстоятельствам не могли быть закассированы, выплачивал частные долги бедняков или казенные недоимки. Но выкупные векселя миссионеры не уничтожали, а сохраняли для того, чтобы держать в своих руках некоторых лиц, через которых можно было бы влиять на других [40]. Хитрово писал, что Лепавек дал, например, селу Скачанцы 70 тыс. пиастров (4 тыс. руб. сер.) по 6% в год под вексель сроком на три года для выплаты одному мусульманину, который при содействии турецких властей предъявил претензию жителям села, утверждая, что это его собственность [41]. Австрийский консул Окули также писал в донесениях, что Лепавек давал болгарским общинам различных областей значительные суммы под 12–15% годовых [42].

---

[40] Там же. Л. 63.

[41] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. София, 1990. № 1. С. 17.

[42] Македония през погледа... С. 316.

inslav

Распространению унии в 1863 г. помогал драгоман при генерал-губернаторе Хаджи Али-паше Джорджевич, родом далматинец, ревностный и фанатичный католик. При паше он исполнял еще ряд обязанностей – полицейского чиновника, судьи и цензора. Паша возложил на своего драгомана, «бывшего врагом всякого развития среди православных христиан», наблюдение за их училищами, учителями и вообще за всем христианским, а также цензуру христианских журналов и книг, привозимых в Битолу для продажи. Книги из России подвергались самой придирчивой цензуре. По приказанию Джорджевича делались обыски в книжных лавках Битолы, Охрида, их владельцев сажали в тюрьму. Братьям Даскаловым из Охрида, которые были арестованы из-за греческих книг, не одобренных Джорджевичем, пришлось заплатить за свою свободу 120 турецких лир [43]. На Лепавека подобные строгости не распространялись, хотя тот, зная нужду болгар в просвещении, закупал болгарские книги, а также церковные книги русской печати и раздавал их болгарам [44]. Без сомнения, «все это производило дурное впечатление на сельское христианское народонаселение, и без того запуганное и загнанное» [45], – докладывал русский дипломат.

Благодаря Джорджевичу Лепавеку удавалось выигрывать судебные тяжбы крестьян, которые, не встречая защиты у митрополита, стали обращаться к миссионерам, дававшим обещание одержать верх в их процессах в суде и вести их дела [46]. Джорджевич активно использовал свое влияние на пашу и, поддерживая ходатайства Лепавека, всячески способствовал ему в распространении между крестьянами веры в действенность заступничества католиков и справедливость их обещаний. Жители села Страгово (30 домов из 42) Тыквешской казы в 1863 г. объявили себя униатами в надежде, что они избавятся от притязаний двух турецких беев на их виноградники и земли. В благодарность за вспомоществование и поддержку, им оказываемую, страговцы стали уговаривать жителей окрестных сел к переходу в унию. Страговцы действовали преимущественно в 19 селах местности, называемой Морихово.

Крестьяне из сел Мырзен-Ораовец, Попадиа и Фариш Велесской казы и Велесской епархии в начале июля 1863 г. также изъявили желание

[43] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 123 и об.
[44] Русия… Т. 2. С. 17.
[45] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 123 и об.
[46] Русия… С. 124.

inslav

перейти в унию и с этой целью прислали к Лепавеку сельских учителей Ианакия (Янаки) из Ораовца и Цветко из Попадии. Их отправили в миссионерское училище в Стамбул, откуда в конце августа они вернулись в свои села униатскими священниками [47]. В июле 1863 г., по сведениям австрийского вице-консула Заксла, объявили себя униатскими 5 сел в районе Тыквеш, 3 села – в районе Велеса и 1 село – в районе Костур. Успех лазаристов возбудил у Заксла явную ревность. Он писал в июле 1863 г.: «К сожалению, в этом отношении наше правительство ничего не делает, хотя это одно поле, с которого можно позже собрать богатый урожай. И только Франция благодаря нынешним усилиям своих миссионеров, когда придет время, будет иметь больше всего симпатизирующих ей здесь, так как уже сегодня она работает для этого и стремится пробудить симпатии к религии, которые при местном первобытном состоянии пускают глубокие корни» [48].

Лепавек, «человек ловкий и пронырливый», умело использовал «двойное покровительство» – Австрии и в особенности Франции. Новый австрийский вице-консул Окули выказывал «особенное рвение в содействии католическим миссионерам» и принимал «к сердцу дела пропаганды». Нарушая условия Парижского мира, он позволял себе официальную защиту в меджлисе прав униатов – турецких подданных «в делах правительственных и частных». Допуская подобного рода вмешательство в судебные разбирательства австрийского дипломата, турецкая администрация поддерживала «косвенным образом успехи пропаганды» [49]. Многие турецкие чиновники, например, комиссар Порты Субхи-бей, в 1863 г. присланный из Стамбула для ревизии финансовых и административных дел в Румелийском эйялете, публично признавал, что «христиане (болгары) до тех пор не будут спокойны, пока они все не будут католиками» [50]. Австрийский вице-консул Окули в феврале 1864 г. сообщал, что Порта, поддерживая намерения Франции через своих миссионеров вновь привести болгар к католической церкви, дала указания битольскому губернатору Хаджи Али-паше ни под каким предлогом не препятствовать болгарам при перемене религии [51].

---

[47] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 73 и об., 95–96.
[48] Македония през погледа… С. 306.
[49] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 137об.–138.
[50] Там же. Л. 73.
[51] Македония през погледа… С. 316.

inslav

Успех лазаристов объяснялся и тем, что Лепавек сумел привлечь к себе нескольких православных сельских священников – как «своим утешением их в несчастии», так и тем, что стал им платить по 500 пиастров в месяц и дал обещание выхлопотать для них «разные льготы и ограждения от притеснений со стороны турок». Секретарю русского консульства в Битоле Е.М. Тимаеву стали известны имена некоторых из них: папа Иован Сакеллариу в Тыквешской казе, протопапа (протопоп) Стойче в Неготине Тыквешской казы и папа Петро, игумен Положского монастыря Св. Георгия. Тимаев сообщил об этих священниках А.Е. Лаговскому, российскому вице-консулу в Салониках (1861–1863). Кроме того, он обратился к греческому консулу Вальяно, ища его содействия. Но Вальяно заявил, что «это с давнего так повелось, и помочь делу нельзя по причине огромных средств католических миссионеров» [52].

В сентябре 1863 г. к Лепавеку обратился православный священник папа Арсо из села Скачанцы Велесской епархии, преследуемый протосингелом папой Яни, наместником велесского митрополита Анфима. После встречи с миссионером папа Арсо стал обходить села Велесской епархии и действовать ревностно в пользу пропаганды. Села Жиово, Мало-Радобил, Маревич, Вепырчаны (Мориховской нахии Струмицкой епархии), Никодин, Подлес (Велесской епархии) и часть села Зырзе (Пелагонийской епархии) послали депутатов к Лепавеку, но еще не приняли окончательного решения. В российское консульство пришли два велесских христианина, «заслуживающих доверия». Они сообщили Хитрово, что двух вновь посвященных униатских священников (Янаки из Ораовца и Цветко из Попадии) и папу Арсо легко убедить возвратиться в православие, для чего необходимо сменить наместника велесского митрополита папу Яни. Поскольку митрополит находился в Стамбуле, то Хитрово написал об этом [26 сентября (8 октября) 1863 г.] в частном письме к Е.П. Новикову, временно исполнявшему должность российского посланника, выражая пожелание, чтобы императорская миссия «нашла возможным войти в сношения с велесским митрополитом высокопреосвященным Анфимом», с Патриархатом и Портой, дабы «парализовать успехи пропаганды в здешней местности» [53].

Хитрово обращал внимание императорской миссии в Константинополе, что Лепавек для большего успеха распространял между крестья-

[52] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 37.
[53] Там же. Л. 99.

inslav

нами слух, будто бы он действовал сообща с русским консульством и пользовался покровительством не только французского, но и русского правительства. «Легковерные крестьяне, не имеющие ни малейшего понятия ни о католицизме, ни о делах веры вообще, доверяют ему и с некоторых пор иногда обращаются в консульство, наивно спрашивая, здесь ли можно записаться в католики для того, чтобы получить право на иностранное покровительство», – писал Хитрово. Русский дипломат указывал на происки Лепавека английскому консулу в Битоле Ч. Кальверту, который признавал правоту Хитрово. Но Кальверт исполнял должность управляющего французским вице-консульством и, дорожа своим местом, как подчеркивал Хитрово, «вряд ли согласится выступить открыто против незаконных действий католических миссионеров» [54].

Е.П. Новиков, реагируя на донесения Хитрово, в ноябре 1863 г. имел беседу с министром иностранных дел Турции Аали-пашой и обратил его внимание «на вредные последствия, которые следует ожидать от распространения миссионерами ложных надежд, и на необходимость принять со стороны правительства меры против опасных их происков». Аали-паша отвечал, что «Порта не могла бы отказать в выдаче фирмана на признание новообращенных униатов по просьбе целой общины, но прибавил, что когда они увидят, что этот фирман не приносит им никаких новых выгод или льгот, и что блестящие обещания католических миссионеров об уменьшении налогов не сбываются, униаты не замедлят возвратиться к прежнему вероисповеданию, что уже повторялось неоднократно» [55].

Усилия русского дипломата Хитрово противостоять Лепавеку в то время были малорезультативны. Хитрово приехал в Битолу, одушевленный идеей пробуждения национального самосознания у славян вверенного его попечительству Битольского края. Русский консул много ездил по городам и селам, дарил церковную утварь, одежды, книги, говорил о необходимости введения болгарского языка в богослужение и преподавание в школах. Он пытался разбудить национальное чувство у славян региона. Все его обращения к митрополиту Венедикту о введении славянского языка в богослужение и в преподавание были тщетны: Венедикт не шел ни на какие послабления по отношению к своей болгарской пастве. Австрийский вице-консул Зелнер подчеркивал в докладе от 11 декабря

[54] Там же. Л. 116 и об.

[55] Там же. Ф. 213. Оп. 536. Д. 1. Л. 32–35.

inslav

(30 ноября) 1862 г., что все русские домогательства «завоевать болгаро-славян для русских интересов» были «до настоящего момента неуспешны» [56]. Впрочем, новый вице-консул П. Окули через два года в докладе от 27 (15) октября 1864 г. имел уже другое мнение, отмечая, что «русское консульство, которое каждый год раздавало болгарским общинам книги, церковные предметы и одежды, как и деньги, и при посещении снабжало различные монастыри всем необходимым, работало решительно против неустанных усилий миссии в интересах католической церкви с желанным для русского правительства успехом» [57].

Но положение русского дипломата было сложным из-за усиливавшихся преследований турецких властей, «направленных против всех, кто находится в малейших сношениях с русским консульством». В донесении от 16 (28) января 1863 г. Хитрово констатировал, что в течение двух лет он имел дело «с явным нерасположением и неприязненностью к нам местных властей» [58]. Докладывая 20 декабря 1863 г. (1 января 1864 г.) об усилении униатского движения, Хитрово подчеркивал, что «всякое вмешательство с нашей стороны, даже неофициальное, способно только возбудить подозрение местных властей», которые проявляли по отношению к российскому консульству неприкрытое недружелюбие. «И в деле противодействия успехам пропаганды я принужден ограничиваться деятельностью вполне частною и прискорбно пассивною» [59], – писал Хитрово. Подобное признание русского дипломата разрушает сложившийся в историографии миф о том, что именно представители русской дипломатии своими энергичными действиями расстроили унию в Битольском санджаке [60].

Но все же Хитрово через посредничество посланника в Константинополе князя Лобанова-Ростовского удалось заставить активизировать действия против Лепавека митрополита Венедикта, который получил строгие предписания на этот счет от Вселенского патриарха [61]. Тогда Лепавек стал проигрывать судебные процессы, поскольку Венедикт, выросший в Османской империи, далеко превосходил его в знании турецкой психологии и в фанариотской изворотливости. Например, процесс по

---

[56] Македония през погледа… С. 270.
[57] Там же. С. 332.
[58] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 20об.–21.
[59] Там же. Л. 137об.–138.
[60] *Софранов И.* Указ. соч. С. 216–217; *Генчев Н.* Указ. соч. С. 116, 185.
[61] Там же. Л. 136.

inslav

делу села Страгово, который сначала очень успешно двигался к завершению, затем застопорился, и стал стоить Лепавеку более тысячи пиастров, но так и не был решен. А жителям он принес еще большее разорение, поскольку по наущению греческого епископа беи удвоили свой нажим.

Однако деятельность митрополита Венедикта против католической пропаганды «оказалась очень кратковременной и вскоре уступила место обычной беспечности владыки об интересах паствы» [62], – о чем писал Хитрово в донесении от 6 (18) июня 1864 г. Митрополит вскоре надолго уехал лечиться в Теплице. Хитрово не смог убедить митрополита позволить ввести болгарский язык в преподавание и в богослужение. Тимаев указывал, что именно упрямство митрополита заставляло болгар отдавать своих детей в католическую школу [63].

Впрочем, по авторитетному утверждению русского консула, «слава борьбы» с католической пропагандой принадлежала «не высшему духовенству и не высшим слоям общества», а никем не ведомым деятелям, «которых вся сила заключается в их инстинктивных чувствах народности. Эта народная пропаганда набирает своих деятелей из числа едва умеющих читать школьных учителей, странствующих книгопродавцов, сельских священников и беднейших ремесленников, но она оказывает более услуг здешним славянам, чем все их передовые полудоучившиеся литературные коноводы» [64], – писал дипломат. Так, во время поездки Лепавека, совершенной в сопровождении вновь посвященных униатских священников в села Велесской и Струмницкой епархий в октябре 1863 г., село Фариш отказалось принять нового униатского священника из села Скачанцы. Изгоняя Лепавека и папу Арсо, крестьяне заявили, что «они в них не нуждаются и выплатят сами имеющиеся на селе долги, на уплату которых Лепавек предлагал деньги заимообразно». Не допустили миссионеров и в село Богомило, одно самых больших в Велесской казе [65]. С ноября 1863 г. в Велесской епархии стал наблюдаться постепенный отход от унии. Заслуга в противодействии католической пропаганде, как подчеркивал Хитрово, принадлежала православным городским общинам, в первую очередь, г. Велеса, и в особенности велесскому торговцу Дранда-

[62] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 130.
[63] Русия... С. 124.
[64] Там же. С. 17.
[65] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 114–115.

inslav

ровичу, который, пользуясь своим влиянием на сельское население, действовал энергично против успехов католиков [66].

Организационные неурядицы среди константинопольских униатов в конце 1863 г., в результате которых произошло возвращение одного из их руководителей папы Станчо в православие, немедленно отозвались на делах унии в Битольском санджаке. Сын папы Станчо, Константин (племянник Др. Цанкова), который преподавал болгарский язык в школе лазаристов и стал вместо Манчова правой рукой Лепавека, получил от отца письмо и также оставил миссионеров. Вместе с митрополитом Венедиктом он отправился в Прилеп «с целью содействовать уничтожению последних следов унии в епархиях Велесской и Струмицкой» [67]. По сведениям Окули вместе с Константином из школы лазаристов ушли многие болгарские воспитанники, а также два священника, которые незамедлительно получили от греческого митрополита доходные места [68].

В мае 1864 г. Хитрово вместе с А.Е. Лаговским, консулом из Салоник (1864–1869), посетили Струмицкую епархию, проехали через село Страгово, в котором жители, по их уверению, обратились снова в православие, и «теперь, несмотря на происки здешних миссионеров, там никакого сочувствия к унии не обнаруживается» [69].

Таким образом, пик униатского движения в Битольском регионе пришелся на лето-осень 1863 г., что отнюдь не совпадало с периодом наибольшего развития константинопольской унии (конец 1860 г. – весна 1861 г.). Болгары Велесской и Струмицкой епархий, прежде всего, из Тыквешской казы, живя в плотном кольце мусульман, воспринимали униатство как щит, за которым можно укрыться от грабежей, насилий, незащищенности своей жизни и имущества со стороны фанатичных соседей, а также от тяжелых государственных налогов.

С приездом в Битолу нового генерал-губернатора Хюсни-паши (в сентябре 1864 г.) условия для деятельности миссионеров изменились. Драгоман Джорджевич был отставлен от службы и посажен в тюрьму за взятки, «вынужденные им от охридских обывателей» [70]. Хюсни-паша не очень благосклонно принял Лепавека, когда тот пришел к нему в качест-

[66] Там же. Л. 136.
[67] Там же. Л. 139об.
[68] Македония през погледа… С. 316.
[69] Русия… С. 54.
[70] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 221.

inslav

ве защитника по делу болгарина-униата, но турецкого подданного. Паша ему заметил, что миссионер не имел права вмешиваться в подобные дела [71]. Следует сказать, что таких столкновений миссионера с генерал-губернатором Битолы было немало [72] за те два года, в течение которых Хюсни-паша управлял регионом. Хюсни-паша реалистично относился к возможностям унии в данном регионе и не желал особо покровительствовать лазаристам, что и прозвучало в его беседе с аббатом Боре, который приехал 6 октября (25 сентября) 1864 г. в Битолу с инспекцией. Аббат обратился к новому вали с просьбой рекомендовать греческому духовенству и соответствующим местным органам власти не относиться дурно к болгарам, принявшим унию. Хюсни-паша отвечал, что болгары ищут не унии, а своего патриарха, и что он «не уполномочен это делать, т. к. до сих пор нет болгаро-греческого патриарха» [73].

Лишившись прямой поддержки со стороны местной турецкой администрации, Лепавек стал немедленно интриговать против генерал-губернатора. В мартовском номере газеты «Courier d'Orient» * 1865 г. появилась статья, в которой Хюсни-паша обвинялся в нетерпимости к свободе вероисповедания и в притеснениях болгар-униатов. Тимаев писал (25 марта 1865 г.), что автором, вероятно, являлся Лепавек, а приведенные факты – ложные. Действительно, струмицкий митрополит Ерофей, тогда еще пользовавшийся авторитетом у своей паствы [74], проезжая село Страгово, уговорил христиан вернуться в православие. Болгары его послушали, прогнали католического священника и сообщили об этом паше. Английский консул Кальверт, которого соединяла с Хюсни-пашой давняя дружба, озаботился о публикации в стамбульских газетах оправдательных статей в пользу битольского вали [75]. Впрочем, как подчеркивал В. Галамбер в дневнике, благодаря письмам из Стамбула Хюсни-паша довольно скоро переменил свою позицию к Лепавеку, войдя с ним в

[71] Русия... С. 123.

[72] Македония през погледа... Т. 1. С. 343; Т. 2. С. 38.

[73] Там же. Т. 1. С. 331–332.

* «Courier d'Orient» – газета издавалась на французском языке в Стамбуле с 1861 г. по конец 1870-х годов. Сохранились лишь единичные экземпляры (http://guides.library.harvard.edu/islamic-art).

[74] Русия... С. 51–52.

[75] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1419. Л. 44об.

inslav

добрые отношения, и много содействовал миссионеру в его «болгарских делах» [76].

Но о. И. Софранов утверждал, что Хюсни-паша был главным противником унии, и в доказательство привел различные факты. Свой перечень ученый начал с того, что в Битоле – в самом центре униатского движения – турки подожгли дом лазаристов, приют, в котором останавливались болгары, приезжавшие в город по своим делам [77]. Однако этот пожар случился в июле 1867 г., когда Хюсни-паша уже был устранен от должности генерал-губернатора Битолы. За 4 дня до этого ночью вспыхнул пожар на базаре, уничтожив более 800 лавок и 150 еврейских домов. Следует отметить, что накануне лазаристов предупредили о том, что и им угрожает пожар, который действительно возник днем, разрушив почти полностью здание хана (гостиницы). Но миссионеры и австрийский вице-консул, который снимал квартиру у лазаристов, успели подготовиться к этому бедствию. Остальные строения не пострадали. Русский консул сообщал, что такие обстоятельства навели большой страх на жителей Битолы, где открыто говорили, что в городе скрывается шайка поджигателей. Мутессариф Фегим-паша назначил особую комиссию из мусульман, евреев и христиан для изучения причин этих двух пожаров [78].

И. Софранов обвинял Хюсни-пашу и в том, что к болгарам-униатам при сборе налогов была выказана особая строгость [79]. В действительности же новый генерал-губернатор стал собирать налоги и задолженности по налогам чрезвычайно строго со всех жителей, не взирая ни на какие обстоятельства, чем население региона было очень недовольно [80]. Сами мюдиры разъезжали по селам и деревням и собирали подати, «нисколько не стесняясь в средствах» [81].

Кроме того, с ноября 1864 г. по региону стали распространяться слухи о принудительной уплате патриаршего долга (по 6 пиастров с каждого христианина). Это вызвало протестное движение в г. Велесе и окрестных селах, где жители стали грозить обратиться в протестантство. Комментируя эти настроения, Тимаев подчеркнул, что Патриархат не дал

---

[76] *Галамбер В.* Дневник. С. 370.
[77] *Софранов И.* Указ. соч. С. 218.
[78] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1421. Л. 66об.–67.
[79] *Софранов И.* Указ. соч. С. 220.
[80] Македония през погледа… Т. 1. С. 341.
[81] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1420. Л. 8.

inslav

болгарам ни популярных епископов, ни образованных священников, не допускает совершение литургии на славянском языке и не печатает славянских церковных книг [82]. Возвратившийся из Стамбула велесский патриарх Анфим, «способный, но укоренелый в грекофильских идеях и настойчивый в том, чтобы ни шагу не уступать болгарам», опираясь на силу турецкой администрации – различные ираде и рекомендательные письма от паши к велесскому мюдиру, стал жестко требовать уплаты патриаршего долга, а также своего жалования, не выплаченного ему жителями как владыке Велесской епархии (100 тыс. пиастров) и других поборов в его пользу (180 тыс. пиастров), недособранных в прежние годы [83]. Велесский мюдир потребовал незамедлительной уплаты необходимой суммы, если велешане признают патриарха и своего митрополита. Такая постановка вопроса спровоцировала ответную реакцию.

В январе 1865 г. 80 семейств из Велеса послали депутата Григория Коло в Битолу к английскому консулу Кальверту с просьбой о содействии в их переходе в протестантскую веру и о присылке к ним протестантского миссионера [84]. «Велешане говорят, что, когда зло пройдет над их головами, тогда они снова будут православными» [85]. Заслуживает внимание толкование этого события австрийским вице-консулом: «Через эту перемену веры болгары с надеждой ожидают от английской миссии того настойчивого заступничества и сильной поддержки, которые их соотечественники, перешедшие в унию, напрасно надеялись получить от французского правительства» [86]. Впрочем, 10-дневное пребывание протестантского проповедника Морса из Пловдива в конце ноября 1865 г. закончилось тем, что только один бедный болгарин Палашев поручил ему на воспитание свою малолетнюю дочь, с которой миссионер уехал [87].

А христианской общине все же пришлось выплатить патриарший долг. В сентябре 1865 г., проезжая через Велес, Хюсни-паша заставил старшин христианской общины письменно объявить, что они желают иметь своим митрополитом Анфима с условием платить ему 40 тыс. пиастров в год. Тогда же было объявлено о необходимости уплаты в

[82] Там же. Д. 1418. Л. 225.
[83] Там же. Д. 1419. Л. 7–8.
[84] Там же. Л. 13.
[85] Там же. Л. 26об.
[86] Македония през погледа... С. 339.
[87] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1419. Л. 194.

inslav

3-дневный срок каждому христианину с 15-летнего возраста по 6 пиастров на покрытие патриаршего долга, в противном случае с должников будет взыскана двойная сумма. «Глухой ропот христиан был отзывом, но он скоро затих, подавленный безотчетным страхом, который христиане питают к турецким властям» [88], – сообщал 11 (23) октября 1865 г. Н.Ф. Якубовский, русский консул в Битоле (1865–1873).

Летом 1865 г. с униатов сел Скачанцы, Мырзен-Ораовца и Попадии также потребовали уплаты недоимок в пользу Патриархата, невзирая на их уверения, что они не признают над собой его власти. Фаик-паша, замещавший Хюсни-пашу на время его поездки по региону, собрал в Битоле по этому вопросу меджлис. Наместник пелагонийского митрополита папа Стойче сказал, что эти униаты являлись турецкими подданными, а потому были «обязаны исполнять все повинности, возлагаемые на них правительством» [89]. Лепавек протестовал, телеграфировал в Стамбул аббату Боре, да все напрасно.

И. Софранов, утверждая, что болгары-униаты особенно подвергались насилиям со стороны турок, привел страшные факты из дневника Галамбера. Однако изучение хроники преступлений, разбоев, убийств, которые представлены в докладах русских и австрийских дипломатов, в заметках Р. Жинзифова [90], а также примеры решения дел в судах, – все это убеждает, что христиане региона одинаково подвергались постоянной опасности быть ограбленными, зверски убитыми, а в суде несправедливо обвиненными и наказанными.

В сентябре 1866 г., когда болгаро-униатский епископ Рафаил Попов приехал в Битолу, в унии, по докладу Лепавека, осталось только 3 села, расположенных в горах (Крайници, Скачанци и Страгово). А село Попадия незадолго до этого вернулось в лоно православной церкви [91]. Якубовский указывал (5 декабря 1865 г.), что «католическая пропаганда в Велесском округе колеблется на зыбкой поддержке папы Арсо», который «недавно выразился, что, если гонитель его, папа Яни, будет удален из Велеса, то он сам вернется в православие и приведет с собой все заблуд-

[88] Там же. Л. 79.

[89] Там же. Л. 57об.

[90] *Жинзифов Р.* Из заметок путешественника по Македонии // Публицистика. Т. 1. София, 1964. С. 242–246.

[91] *Галамбер В.* Дневник. С. 368.

inslav

шее стадо»[92]. В школе лазаристов учились мальчики (в декабре 1865 г. 15 человек), в основном из этих сел. Лепавек, как подчеркивал русский дипломат, уплатил долги их родителей, чтобы они согласились отдать своих детей лазаристам[93]. Правда, по единодушному мнению всех консулов, воспитанники содержались очень хорошо. Если в первые годы работы школы лазаристов от детей требовалось неукоснительное соблюдение католических обрядов, отчего многие дети просто бежали из школы, то во второй половине 1860-х гг. Лепавек, наученный горьким опытом, не заставлял своих питомцев придерживаться католических обрядов. Даже причастие проводилось по православному обряду, для чего приглашался священник из села[94].

Поездка в 1866 г. Р. Попова в сопровождении викария Галамбера и Лепавека по селам Тыквешского, Велесского уездов вновь привела к унии некоторые прежде отпавшие села. В дневнике Галамбера постоянно встречаются записи, что молодые люди, чорбаджии, вообще жители в тех селах, где они останавливались, были настроены доброжелательно и склонялись к унии. Попова просили отслужить в их церквах молебен, на что он соглашался, если поступало письменное заявление о принятии унии, заверенное официальной печатью села. В селе Попадия по приезде миссионеров 33 семейства из 50 изъявили желание вновь стать униатами, противники же унии не допустили совершить литургию в их церкви, и к концу пребывания Р. Попова осталось только 10 семейств верными своему слову[95].

Перед болгарской униатской церковью стояла проблема кадров, поэтому Лепавек попытался уговорить одного из братьев папы Свелко (Цветко? – *М.Ф.*), униатского священника Попадии, отдать сына к нему в учение. Отец мальчика согласился при условии, что Лепавек станет ему платить тысячу пиастров в год. Получив отказ, он попросил у миссионера взаймы 400–500 пиастров. Лепавек посоветовал привезти сына в школу в Битоле, но денег не дал, отвечая, что крестьянин не сможет отдать[96]. Р. Попов был вынужден согласиться на рукоположение в священники Павла, 20-летнего сына папы Арсо, с обязательным условием, что тот

[92] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1419. Л. 104об.–105.
[93] Там же. Д. 1421. Л. 86–87.
[94] *Галамбер В.* Дневник. С. 368.
[95] Там же. С. 386–388.
[96] Там же. С. 388.

inslav

пройдет обучение при Лепавеке [97]. Затем Попов согласился рукоположить в священники и зятя папы Арсо [98]. В конце концов, Попов решил рукоположить все же не Павла, а старшего сына папы Арсо и его зятя, если они впоследствии пробудут у лазаристов в Битоле не меньше 5–6 месяцев.

Дневниковые записи В. Галамбера убеждают, что лейтмотивом при общении местных жителей с миссионерами был финансовый вопрос. В селе Крайници молодой человек, проучившийся у Лепавека три года, пожелал открыть школу, но жители не были склонны ему платить. И он просил денег у миссионеров. Жители села Скачанцы уверяли, что униатам за последние три года пришлось заплатить дополнительно 1500 пиастров налогов. Но Р. Попов выяснил в Велесе у мюдира, что это было общее налогообложение по приказу из Стамбула [99].

Лепавек в разговорах с Галамбером признавал, что «большинство болгар очень необразованно, чтобы действительно обратиться в новую веру. Они легко переходили из православной церкви в католическую, и возвращались обратно. Они не понимали, насколько преступен этот образ действия» [100].

Лепавек желал превратить свою школу в гимназию, в чем его всецело поддерживал Галамбер. Однако в 1867 г. в связи с устройством Румили-вилаета его административный центр был перенесен из Битолы в Салоники. Город сразу опустел. Проект Лепавека не удался. В апреле 1867 г., согласно донесению Якубовского, в унии осталось только 269 семейств, которые жили в двух уездах Битольского санджака [101].

В 1867 г. за уплату процентов и части капитала село Скачанцы было должно Лепавеку 60 тыс. пиастров, которые миссионер хотел получить назад. Болгары не желали погашать этот долг под предлогом, что деньги им были выданы как подарок за их присоединение к унии. В 1868 г., когда Лепавек потребовал выплаты через турецкую администрацию Велеса, должники пригрозили, что выйдут из унии, если он будет их преследовать в судебном порядке. Православные жители вообще отказы-

[97] Там же. С. 392.
[98] Там же. С. 394.
[99] Там же. С. 390, 396.
[100] Там же. С. 368.
[101] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1185. Л. 230об.; Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1421. Л. 44 и об.

inslav

вались признавать этот долг, поскольку вексель был подписан и скреплен печатью коджа-баши (старостой), который был униатом. За это некоторые из них были отравлены в Битолу и посажены в тюрьму. Мутессариф Шефик-бей по требованию Лепавека за неуплату долга приказал посадить и униатов в велесскую тюрьму [102].

В октябре 1868 г. Лепавек был вызван в Париж для нового назначения. За 12 лет, которые он провел в Битоле, он сумел купить на главной улице города большие здания стоимостью в 18 тыс. пиастров, но, как отмечал Окули, среди 15 тыс. болгар, жителей Битолы, его пропаганда не имела никакого успеха [103]. В унии осталось только несколько сел из Тыквешского уезда, откуда 8 детей учились в школе лазаристов бесплатно. В миссии работали 3 священника: один поляк и два француза [104].

В начале 1869 г. униатские священники папа Цветко и папа Арсо, видя, что почти все униаты оставили унию, явились в русское консульство и «выразили свое раскаяние». Желание их было сообщено в Велес. Руководители православной общины ответили, что их вновь примут и «обеспечат им как православным священникам занимаемые ими места в селах». Дети из сел Скачанцы, Краинцы и Попадия оставили школу лазаристов и вернулись к родителям, обратившимся в православие. Новый глава миссии в Битоле отец Касан, убедившись, наконец, в «бесполезности трудов, усилий и пожертвований, употребляемых для распространения пропаганды, отпустил учителя болгарского языка» и «объявил, что на будущее время желающие пользоваться уроками в битольском училище лазаристов должны платить 30 пиастров в месяц» [105]. Окули несколько иначе сообщает о причинах закрытия школы. По его версии, отец Касан получил от главного викария в Париже приказ прекратить бесплатное обучение в школе. Полный пансион за год стоил теперь 2400 пиастров, а обычное обучение – 360 пиастров. Болгарские дети тотчас покинули школу, которая сразу опустела, и ее пришлось закрыть. С 1869 г. миссии была прекращена прежняя денежная субсидия из Франции, из сумм которой выдавались деньги болгарам-униатам. Миссия могла теперь рассчитывать только на свои доходы, получаемые от сданных в наем квар-

[102] Русия... Т. 3. С. 363.

[103] Македония през погледа... Т. 2. С. 57.

[104] Там же. С. 150.

[105] *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 174.

inslav

тир [106]. В 1871 г. училище было восстановлено, но обучение уже было платным.

В 1871 г. Истраково, последнее село в Тыквешском уезде, остававшееся в унии, вернуло свой долг в 70 тур. лир Касану и вышло из унии. 31 (19) августа 1871 г. австрийский вице-консул констатировал, что в Битольской провинции уже нет ни одного униата. Он писал: «Жалко усиленных стремлений, связанных часто с денежными жертвами французских лазаристов, которые в течение 20 лет непрестанно действовали пропагандой в разных районах этого края, населенных болгарами, но которые смогли склонить к принятию католицизма только 4 села» [107].

Якубовский очень точно высказался на счет характера унии в этом регионе: «болгары обращались к унии не по убеждению, а по необходимости укрыть себя от разных невзгод, не теряя надежды при первом благоприятном случае возвратиться опять к православию». Он считал, что «единственное зло, которое пропагандисты нанесли христианам, состоит в том, что они успели, до некоторой степени, внушить им мысль, что в случае гонений и притеснений православный христианин сможет, не изменяя совести, искать спасения у католиков» [108].

Таким образом, в период с 1864 г. по 1871 г., когда исчез фактор наибольшего благоприятствования в виде турецких властей Битолы, когда стали сбываться слова Аали-паши, а обещания лазаристов оказались призрачными и ложными, началось затухание униатского движения. Некоторый всплеск наблюдался в 1866 г. в связи с поездкой Р. Попова, поскольку в этих глухих и труднодоступных местах такие гости были крайне редки.

Почему же, несмотря на огромные денежные средства и личные усилия Лепавека, католическая пропаганда не имела успеха в Битоле? Во-первых, Лепавек не имел мощной поддержки в городе в лице французского дипломатического представителя, как в других центрах миссионерской деятельности, например, в Эдирне (Адрианополе). В Битоле интересы Франции было доверено представлять английскому консулу Кальверту, который был протестантом, и по наблюдению Хитрово, «не очень» «протежировал» лазаристам. С переводом в Эдирне казачьих полков Садык-паши в 1865 г. Лепавек лишился содействия польских офице-

[106] Македония през погледа… Т. 2. С. 170–171.
[107] Там же. С. 280.
[108] *Косев Д.* Русия, Франция… С. 174–175.

inslav

ров, которые действенно защищали интересы миссионеров перед турецкой администрацией.

Во-вторых, пелагонийский митрополит Венедикт, имевший сильные позиции в турецкой администрации, крепко держал свою паству. Турок боялись. Угрозы митрополита предать прозелитов анафеме также оказывали должное воздействие. В Битоле болгары остались глухи к католической пропаганде. Кроме того, как уже указывалось, болгарский церковный вопрос в этом регионе еще не получил большой остроты. В христианской общине значительной властью и авторитетом пользовались богатые влахи-эллинофилы. Ситуацию стали раскачивать именно лазаристы, вводя болгарский язык в школьное преподавание и в богослужение, а следом за ними активно действовали в этом направлении и русские консулы. В 1869 г. христианская община Битолы разделилась по национальному признаку и началось реальное противостояние, но как раз вскоре в Стамбуле был положительно решен болгарский вопрос и провозглашена Болгарская экзархия.

В противодействии католическим миссионерам российская дипломатия получила поддержку со стороны многих болгар, в сознании которых продолжало сохраняться консервативное восприятие понятий «веры» и «народности», слитых воедино. В течение многовекового проживания в составе Османской империи болгарский народ держался за православие, и «борьба за свое вероисповедание ассоциировалась в народном сознании с защитой рода» [109]. И в Македонии, более отсталой в экономическом отношении, чем другие земли Европейской Турции, где проживали болгары, эта традиция была достаточно сильной. Несмотря на происходившие перемены в сознании крестьян-униатов, связанные с переходом в другую конфессию, тем не менее, патриархальность и приверженность традициям в их менталитете все же доминировали. Это выразилось, например, в том, что крестьяне села Крайницы не соглашались с предложением католических миссионеров строить новую церковь в центре селения, а не на привычном для них месте, в достаточном удалении, где всегда стояла их церковь, небольшое, без окон строение. Это обстоятельство очень удивляло Галамбера, не понимавшего подобного упорства со стороны поселян [110].

Таким образом, униатское движение в Западной Македонии, на наш взгляд, не являлось производной церковной борьбы болгарского на-

---

[109] *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., 2005. С. 162.
[110] *Галамбер В.* Дневник. С. 390.

inslav

рода. Оно не имело политического характера, как считали Д. Косев и Р. Ваташки. Оно не было и протестом против греческого гнета, о чем писал о. И. Софранов. В нем присутствовали элементы шантажа, но он был иным, по сравнению с болгарами Варны или Кукуша, когда при отказе Патриархии выполнить их требование, например, о назначении епископа болгарского происхождения, они объявляли о своем переходе в унию. В унии болгар Велесской и Струмницкой епархий скорее можно видеть акт самосохранения, чем политические или религиозные искания: они преследовали исключительно свои личные выгоды – облегчение участи и экономического положения. Они угрожали лазаристам выйти из унии в случае требования со стороны миссионеров возврата им денежного долга, русским консулам обещали вернуться в православие в случае погашения их долгов или содействия в прекращении личных гонений со стороны их непосредственного православного начальника. Лазаристы прекрасно понимали шаткость своих позиций, поэтому стремились через школу воспитать новое поколение в твердых убеждениях.

Но, несмотря на все неудачи униатского движения в Западной Македонии, оно, на наш взгляд, имело важное значение для болгар этого региона. До появления лазаристов, а потом и русского консульства болгары ориентировались на лидеров христианской общины Битолы, надежды которых были сопряжены с Грецией. Введение изучения болгарского языка в школе Лепавека, богослужение на церковнославянском языке пробуждали чувство национальности у славян. Внутреннее противостояние католической пропаганде на фоне усилий русских дипломатов способствовало выходу болгар из состояния апатии и забвения своей народности. Кроме того, оказываясь в центре ожесточенной борьбы за их умы и сердца, болгары этого региона начинали осознавать свою сопричастность с соплеменниками, конфессиональную и национальную общность с Россией, что в целом играло положительную роль в процессе самоидентификации славян Битольского края. Следовательно, униатское движение и противоборство с ним, в том числе русских дипломатов, явились одним из катализаторов оживления общественной жизни болгарского населения края.

inslav

Душан Т. Батакович
Белград

Балканские войны 1912–1913 гг. Сербия и албанский вопрос

Условия Берлинского договора 1878 г. позволили Австро-Венгрии, пользовавшейся политической и финансовой поддержкой Германии, успешно препятствовать проведению традиционной российской политики, направленной на содействие национальным движениям на Балканах. Тем самым создавалась возможность для германского наступления на Восток (*Drang nach Osten*). Царская Россия, не имеющая сил воспротивиться воле европейского концерта, неспособная конкурировать с немецким капиталом на юго-востоке Европы, разъедаемая внутренними противоречиями, с 1878 г. вплоть до поражения в войне на Дальнем востоке в 1905 г. была вынуждена придерживаться на Балканах оборонительной политики, тщась сохранить обманчивое равновесие сил – status quo, предусмотренный двусторонними договорами с Веной (1897 и 1903 гг.) [1].

Двуединая монархия, роль которой на Балканах значительно выросла после оккупации Боснии и Герцеговины и размещения гарнизонов на территории бывшего Новипазарского санджака, решительно заполняла вакуум, образовавшийся после ухода России из региона. Сербию, Болгарию и Румынию Австро-Венгрии постепенно удалось собрать в цепь государств-сателлитов, которая должна была стать препятствием для реализации российских интересов, а также облегчить Вене проникнуть вглубь Балкан – к Солунскому заливу. Проблему сербских поселений в Старой Сербии и северо-западной Македонии предполагалось решить с помощью албанцев – народа, который, запоздав с началом процесса национальной интеграции, делал первые шаги на исторической сцене [2].

---

[1] *Батаковић Д.Т.* Велике силе, Србија и албанско питање. Приштина, 1996. С. 185–203.

[2] La Ligue albanaise de Prizren 1878–1881. Documents, Institut d'histoire. Tirana, 1988; *Stulli B.* Albansko pitanje // Rad JAZU. Knj. 316. Zagreb, 1959. S. 287–391; *Skendi S.* The Albanian National Awakening 1878–1912. Princeton N.J.,

inslav

На территории европейской Турции в период с завершения Восточного кризиса 1878 г. до начала Балканских войн в 1912 г. сербов и албанцев (в том числе, правящий класс Сербии и руководство национальных албанских движений Старой Сербии и Албании) разделял непреодолимый национально-религиозный антагонизм. Основанная в г. Призрен (1878–1881 гг.) Албанская лига заявила притязания албанского национального движения на четыре входивших в состав европейской Турции вилайета, причем в двух из них (в Косовском и Битольском) албанцы не составляли большинства населения. Именно эти две области (Старая Сербия и славянская Македония), в которых сербы составляли значительную долю населения (особенно Старая Сербия), стали эпицентром угрозы национальным аспирациям албанцев. Ведь и Сербия, и Черногория заявляли о собственном историческом и национальном праве на указанные территории и, в первую очередь, на Косово и Метохию, составлявшие основу средневекового сербского государства [3].

Насилие в отношении сербов-христиан, инспирированное и направляемое из расположенного на Босфоре дворца султана-панисламиста Абдул-Хамида II, служило проявлением общего стремления мусульман-албанцев навсегда овладеть указанными областями и установить над ними собственное национально-религиозное доминирование, изгнав оттуда православных сербов. Только с 1885 г. Сербия предпринимает не слишком успешные попытки наладить контакты с албанскими главарями, дабы остановить преследования соплеменников. Дипломатического давления и религиозно-просветительской деятельности оказалось недостаточно, чтобы серьезно повлиять на общие неблагоприятные условия, которые характеризовали «эпоху угнетения», осуществляемого в Косовском вилайете албанцами-мусульманами.

Без протекции, которую Россия оказывала Сербии в Константинополе, австрофильский режим последних Обреновичей не мог рассчитывать на принятие сколько-нибудь существенных мер по защите сербского населения. Однако в результате дипломатических шагов, предпринятых в отношении Высокой Порты в 1898–1899 гг., внимание международной общественности впервые обратилось к проблеме участившихся преследований православных сербов. Как докладывали в Белград из

1967. P. 35–87.

[3] *Bataković D.T.* Osnove arbanaške prevlasti na Kosovu i Metohiji 1878–1903 // Ideje. Br. 5–6 (1987). S. 34–44.

inslav

Приштины и Скопье сербские консулы, систематически осуществляемое насилие с конца XIX в. дополнительно подстрекалось агентами Австро-Венгрии, после оккупации Боснии и Герцеговины готовившейся к новому этапу экспансии вглубь Балкан – в направлении долины р. Вардар.

Поэтому, наряду с оказанием стратегической и тактической поддержки проживавшим в Косовском вилайете албанцам – мусульманам, в большинстве своем – и немногочисленным католикам, венская дипломатия оказывала давление на Белград, вынуждая его отказаться от намерения представить в 1899 г. международной мирной конференции в Гааге изданную на сербском и французском языках «Голубую книгу» дипломатической переписки посла в Стамбуле Стояна Новаковича с Высокой Портой, в которой обсуждалась проблема насилия в Старой Сербии. Председатель сербского правительства Владан Джорджевич, по общему признанию, не соответствовавший своей должности и опасавшийся, как бы не вызвать гнев Вены и Стамбула, все же пришел к выводу, что за последнее десятилетие XIX в. как минимум 60 тысяч сербов было изгнано из центральных районов Старой Сербии [4].

---

[4] После издания «Голубой книги» (Преписка о арбанашким насиљима у Старој Србији (Косовски вилајет) 1898–1899. Београд, Министарство иностраних дела. 1899/ Documents diplomatiques. Correspondance concernant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vielle Serbie (Vilayet de Kossovo) 1889–1989, Belgrade, Ministère des Affaires Etrangères MDCCCXCIX), которая так и не была распространена, систематическая публикация дипломатических документов возобновилась только в период между двумя мировыми войнами (за исключением издания переписки, в которой освещалось развязывание Первой мировой войны). Подготовленный Владимиром Чоровичем первый том дипломатической переписки (Дипломатска преписка Краљевине Србије. (1902–1903). Књ. I. Београд, 1933.) покрывает и два года из «эпохи угнетения» (1878–1912). Из тысяч донесений сербского консульства в Приштине усилиями Б. Перуничича опубликована только часть (*Перуничић Б.* Писма српских конзула из Приштине 1890–1900. Београд, 1985; Сведочанство о Косову 1901–1913. Београд, 1988; Зулуми ага и бегова у Косовском вилајету 1878–1912. Београд, 1989). Часть важных дипломатических документов, посвященных албанскому насилию в отношении сербов, опубликована в книге «Задужбине Косова. Споменици и знамења српског народа» (Призрен–Београд,

inslav

Новые дипломатические усилия, направленные на защиту сербского населения, последовали в 1902 г., когда, при поддержке черногорского правительства и с согласия России, были озвучены требования равенства всех религиозных и национальных групп перед законом, большего представительства сербов в судебных и административных органах, а также прекращения политики попустительства албанцам и т. п. Уже в следующем 1903 г. все эти требования в смягченной форме получили воплощение в реформах, инициированных великими державами и реализованных в европейских вилайетах Османской империи. Впрочем, вплоть до Младотурецкой революции 1908 г. военное и административное присутствие великих держав в указанных областях приносило весьма скромные результаты.

Что касается сербов Косовского вилайета, то все вышеперечисленные меры практически не сказались на их жизни. Албанцы не могли допустить зачисление сербов в местную жандармерию. Кульминацией волнений, вызванных остальными преобразованиями, стало нападение албанских отрядов на Митровицу и убийство российского консула И.С. Щербины, олицетворявшего авторитет Российской империи в крае и выступавшего в роли защитников сербов на севере Косово [5].

По требованию Австро-Венгрии, северная часть Косовского вилайета в 1904 г. была исключена из территорий, на которые распространялось действие реформ, инициированных великими державами. Россия, вовлеченная в войну на Дальнем востоке, не смогла этому воспрепятствовать. После 1905 г. происходила постоянная эскалация насилия в от-

1987. С. 607–723 (ред. Самарџић Р., Војводић М., Батаковић Д.Т.). А. Митрович издал сборник дипломатических донесений Милана М. Ракича (Конзулска писма 1905–1911. Београд, 1985). Дополнительные документы из консулатов в Приштине и Скопье, а также из посольства в Константинополе содержатся в пятнадцатитомной коллекции документов «Документа о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914», увидевшей свет в течение последних трех десятилетий. См. подробнее: *Батаковић Д.Т.* Стара Србија (Косовски вилајет) у српској дипломатији (1878–1912) // Два века модерне српске дипломатије. Београд, 2013. С. 173–192.

[5] *Батаковић Д.Т.* Погибија руског конзула Г.С. Шчербине у Митровици 1903. Године // Историјски часопис. Књ. XXXIV (1987). С. 312–323.

inslav

ношении сербов, ненадолго прекратившаяся после младотурецкой революции 1908 г. [6].

Все более явная переориентация Сербии на Россию воспринималась в Вене как угроза долгосрочным интересам Двуединой монархии на Балканах. Еще в 1903 г. печатный орган военной партии в Австрии «Danzer Armee Zeitung» требовал оккупации Косово и Метохии, а также дальнейшей экспансии в направлении Вардарской долины и Албании. Уже в феврале 1904 г. сербский посланник в Риме предостерегал Белград: «Если Австрия целиком выполнит берлинский мандат, и ее гарнизоны займут Косово поле и (Косовскую) Митровицу, и тогда конец нашим мечтам об укреплении независимой Сербии». С другой стороны, австро-венгерская политическая и деловая элита озвучивала и более радикальные требования: «Путь расширения монархии в направлении Солуна лежит через Белград» [7].

Балканска политика Сербии (1908–1912): вклад Милована Д. Миловановича

Говоря о внешней политике Сербии, следует отметить, что заслуга активизации сотрудничества балканских государств, десятилетиями соперничавших по вопросу раздела сфер влияния в Македонии, принадлежит Милованy Д. Миловановичу – сыну видного представителя режима «уставобранителей», парижскому студенту, члену влиятельной политической группировки «парижан», успешному юристу, профессору, политологу, послу, представителю Сербии в Международном суде в Гааге [8]. Милованович наряду с Филиппом Христичем, Йованом Ристичем,

---

[6] *Стојанчевић В.* Аустроугарско-српски сукоб у Косовском вилајету на почетку XX века // Југословенски народи пред Први светски рат. Београд, 1967. С. 847–876; *Он же.* Сукоб Аустро-Угарске и Србије у Косовском вилајету 1900–1914 // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 551–563.

[7] *Ђорђевић Д.* Србија и Балкан на почетку XX века (1903–1906) // Југословенски народи пред Први светски рат. Посебна издања САНУ CDXVI. Књ. 61. Београд, 1967. С. 210–212.

[8] «Парижанами» называли влиятельную группу сербских политиков, дипломатов и университетских профессоров, получивших дипломы Парижского университета, часто увенчанных наградами, по возвраще-

inslav

Чедомилем Миятовичем и Стояном Новаковичем, считался одним из наиболее способных сербских дипломатов [9]. «Западник» по повадкам Милованович поставил внешнюю политику Сербии на новые рельсы. Имеется ввиду приверженность принципу утилитаризма, отличавшая его от предшественников, которым были присущи едва ли не романтические представления, особенно, кода речь шла о России.

«Привлеченный западной системой управления, мало чувствительный к культу славянства, разочарованный результатами боснийского кризиса и войн 1876–1878 гг. Милованович сделал выбор в пользу политики, основанной на интересах. До него в сербской дипломатической среде преобладало мнение, что обязанность Сербии в том, чтобы указать России на общность ее интересов с сербскими интересами, навязать ей свое видение ситуации, увлекать ее за собой, если потребуется. Милованович действует в принципиально ином, новом измерении. Он «подсовывает» сербские интересы России, не навязывает их, а ловко проталкивает. В этом состояло отличие Миловановича от государственных деятелей старшего поколения – таких, как Йован Ристич, который пытался тянуть Россию за собой. Миловаоич полагал, что малое государство не способно осуществлять крупномастабную политику. Он больше исследовал, чем формулировал, больше использовал, чем навязывал» [10].

нии занявших в Сербии исключительно важные посты и долго оказывавших влияние на внешнюю и внутреннюю политику государства. См: *Батаковић Д.Т.* Француски утицаји у Србији 1835–1914. Четири генерације 'Паризлија' // Зборник Матице српске за историју. No. 56 (1997). С. 73–95.

[9] Самый значительный успех дипломата Миловановича, занимавшего пост посланника в Риме, описан в отчете французского посла Барера: «Знакомый с нюансами ситуации на Балканах, наделенный живым умом… Милованович оказывал на римские политические круги гораздо большее влияние, чем подразумевает представительство столь малого государства». «Он оказал огромное влияние на политику Италии на Балканах, делясь с Консультой (итальянский конституционный суд) своим мнением» (*Ђорђевић Д.* Милован Миловановић. Београд, 1962. С. 68).

[10] *Ђорђевић Д.* Милован Миловановић... С. 39.

inslav

Еще в 1890-е гг. Милованович понял, что Сербия сможет добиться своих внешнеполитических целей, только если извлечет выгоду из франко-российского союза 1893 г. Будучи «западником» и «парижанином», он хотел рядом с Россией видеть Францию, дабы обезопасить себя от повторения уроков Берлинского конгресса, когда оставшаяся в одиночестве Сербия была отправлена Россией договариваться с Австро-Венгрией. Впрочем, в ситуации напряженности, характеризовавшей отношения великих держав, усилия Миловановича добиться территориальных компенсаций Сербии после аннексии Боснии и Герцеговины оказались неэффективными и не пользовались общественной поддержкой. Только в 1911–12 гг. наученный опытом прежних неудач Милованович, не рассчитывая чрезмерно на помощь держав, симпатизирующих Сербии, сумел в результате прямых переговоров с Болгарией сформировать региональную балканскую коалицию.

Несмотря на то, что в Косовском вилайете православные сербы стали жертвой албанских выступлений против младотурецкой администрации (1910–1912 гг.), Милован Д. Милованович (министр иностранных дел в 1908–12 гг. и премьер-министр Сербии в 1911–12 гг.) посчитал, что оказание Сербией помощи албанским повстанцам могло бы благотворно повлиять на сосуществование двух народов, которые, несмотря на острое соперничество, вскоре могли оказаться в одном государстве. Самым важным для Миловановича было любой ценой воспрепятствовать росту австро-венгерского влияния на албанцев. В разговоре с российским посланником в Белграде он подчеркивал: «Мы не можем бросить албанцев. Мы обязаны помогать им морально и материально, чтобы освободить их от влияния Вены, чтобы заручиться их благодарностью и дружбой...» [11].

Милованович небезосновательно опасался, что создание под протекторатом Австро-Венгрии автономной Албании от Адриатического моря до Вардарской долины пагубно скажется на будущем Сербии. По свидетельству болгарского государственного деятеля, Милованович во время переговоров о заключении союза высказал мнение, что Австро-Венгрия станет лоббировать формирование автономного албанского государства, к которому могут отойти Косовский и большая часть Битольского вилайета [12]. По замыслу Вены, «Великой Албании» надлежало

[11] Там же. С. 139.

[12] *Guechoff I.E.* L'alliance balkanique. Paris, 1915. P. 23.

inslav

вытеснить Италию из албанского приморья, окружить со всех сторон Сербию, а также открыть двуединой монархии путь в Вардарскую долину. Полемизируя с Веной, а также пытаясь согласовать принцип «Балканы – балканским народам» с противоречившими этому принципу национальными притязаниями албанцев на Косово и Метохию, Милованович сформулировал следующий политический тезис: «Если бы действительно оказалось, что у албанцев начинается развитие национального сознания, формирование народного государства, мы бы не смели и не стали бы противиться тому, что с ними необходимо считаться. Разумеется, речь идет о границах, на которые распространяется их истинное национальное право, то есть о границах Скадарского и Янинского вилайетов» [13].

Обеспокоенный успехами албанских повстанцев Милованович ясно осознавал, что разблокировать отношения соперничавших балканских государств возможно только путем взаимных уступок [14]. Союзнический договор с Болгарией был оборонительного характера, так как предусматривал обоюдные гарантии «государственной независимости и неприкосновенности государственной территории», совместную защиту Балкан от агрессии внешних сил, то есть Австро-Венгрии, а также подписание военной конвенции. Секретное дополнение касалось ведения войны против Турции в том случае, если в ней начнутся внутренние волнения, или изменится существующее на полуострове равновесие. Договоренность о разделе освобожденных территорий предусматривала, что к Сербии отошла бы «неоспариваемая зона» к северу и западу от Шар-Планины, а Болгарии – к востоку от Родоп и реки Струма. Второй Балканский союз, заключенный спустя полвека после Первого балканского союза, инициированного князем Михаилом (1866–1868 гг.), стал реальностью, только благодаря тому, что Сербия пошла навстречу Болгарии и согласилась с тем, что судьбу «спорной зоны» (*la zone contestée*), к которой относилась славянская Македония (область, протянувшаяся на юг от Шар-Планины до Родоп на востоке), после окончания военных действий решит арбитраж русского царя. Милованович отказался от наступательных планов в отношении Македонии и определил в качестве приоритета предусмотренную в договоре оборонительную составляющую, направленную против растущих балканский амбиций Австро-

[13] Цит. по: *Ђорђевић Д.* Милован Миловановић... С. 137–138.
[14] Там же. С. 35–38.

inslav

Венгрии. Милованович дальнейшей экспансии в направлении Вардарской долины и амбициозным планам его предшественников установить общую границу с Грецией как с единственным надежным союзником предпочел сосредоточение внимания на северной Албании (наряду со Старой Сербией), что, по его мнению, открывало Сербии выход к морю и, следовательно, позволяло вырваться из стальной политико-экономической петли, которую Вена начала постепенно затягивать после Таможенной войны (1906–1911 гг.) и аннексии Боснии и Герцеговины (1908 г.). Балканский союз 1912 г., к которому незамедлительно присоединились Черногория и Греция, открыл возможность совместных военных действий против Турции в ее европейских владениях. Появление Балканского союза, несмотря на усилия сохранить его в тайне, не осталось незамеченным в Европе: объединенный военный потенциал союзников стали называть «седьмой великой державой».

Восстания албанцев и политика Сербии (1910–1912)

Во время восстаний албанцев официальный Белград старался установить постоянный контакт с их лидерами, действовавшими в Старой Сербии, дабы албанское недовольство попытками османизации направить против режима младотурок, осуществлявшего политику ассимиляции. Периодически отправляя албанцам оружие и деньги, сербские власти стремились как уменьшить албанское давление на безоружное сербское население, так и подорвать власть Стамбула, и без того терявшего контроль над собственными европейскими владениями.

Растущее влияние, оказываемое Веной на албанских повстанцев, для Белграда стало дополнительным источником тревоги. С конца 1890-х гг. австро-венгерская дипломатия упорно стремилась к созданию «Великой Албании», которая, охватив и Косовский вилайет, простиралась бы от Адриатики до Вардара. Появление автономной Албании, границы которой соответствовали бы максимальным требованиям албанских националистов, позволило бы Вене получить полный контроль над центральными и юго-западными районами Балканского полуострова. Пришел бы конец планам Италии стать главным защитником албанского народа (прежде всего, католиков, проживавших на севере Албании), а Австро-Венгрия окончательно прибрала бы к рукам всю южную Адриатику – так называемое албанское приморье. Сербия оказалась бы окру-

inslav

женной со всех сторон, в то время как для Вены, поддерживаемой албанцами, – католиками и мусульманами, – открывался бы путь к Солунскому заливу: «Пропагандируемая католической церковью и финансируемая из резервных фондов идея албанской автономии сулила простому народу освобождение от какой-либо центральной власти, уплаты налогов, военной обязанности. Все это очень привлекало албанские племена, которым претил любой централизм» [15].

Весной 1911 г. своими опасениями по поводу активности агентов Вены и ее все менее завуалированных намерений использовать в своих интересах албанский вопрос Милован Д. Милованович поделился с болгарами. Болгарскому посланнику в Белграде А. Тошеву Милованович заявил, что усиленная австро-венгерская агитация в Старой Сербии и соседних областях, где имеется значительное албанское население (*Арнаутлук*), побуждает Белград и Софию заключить оборонительный союз. Большинство сербских политиков и дипломатов полагало, что албанцы, которых разделяла религиозная принадлежность и межплеменная вражда, еще не имеют национального сознания и чувства принадлежности единому целому, присущих современным нациям. Считалось также, что любая автономная Албания, какими бы ни были ее границы, станет как источником агрессии в отношении Сербии, так и проводником австро-венгерской пропаганды. Милованович не разделял подобных взглядов и надеялся, что албанский вопрос возможно решить, следуя принципу «Балканы – балканским народам».

Черногория, в отличие от Сербии, оказывала более активное содействие албанским повстанцам, предоставляя им убежище и снабжая продуктами питания. Помощью пользовалось как мятежное племя малисоров, проживавшее на севера Албании, так и выходцы из Старой Сербии под предводительством Исы Болетинаца, родом из окрестностей Митровицы [16].

Правительство в Белграде подозревало черногорцев в том, что они втайне от сербов стремятся воздействовать на албанское движение, а также в том, что Цетинье по этому вопросу ведет консультации с Веной и Софией. Более тесное сотрудничество между Сербией и Черногорией установилось только летом 1911 г., когда король Никола предложил,

---

[15] *Ђорђевић Д.* Милован Миловановић… С. 137.

[16] *Храбак Б.* Арбанашки првак Иса Бољетинац и Црна Гора 1910–1912 // Историјски записи. 1 (1977). С. 177–192.

inslav

чтобы два сербских государства «взяли албанское движение под контроль и направляли его, с тем чтобы в удобный момент самим перейти к действию» [17].

На заседании совмина в апреле 1910 г. занимавший пост министра иностранных дел М.Д. Милованович заявил, что интересы Сербии состоят «не в том, чтобы Турция чрезмерно усилилась, а, наоборот, в том, чтобы ослабла, чтобы, усмиряя арнаутов, облегчала нам задачу достижения народных идеалов» [18]. Милованович полагал желательным небольшое восстание албанцев, которое бы отнимало последние силы у и без того ослабленного турецкого административного организма. В свою очередь премьер Пашич оставался сторонником непосредственного участия Сербии в событиях по соседству, а также стремился при помощи доверенных лиц подтолкнуть албанское движение к более активным действиям против режима младотурок [19]. Содействие, оказываемое Черногорией и Сербией мятежным албанцам, следовало воспринимать и как попытку заложить позитивную основу для совместного проживания сербов и албанцев в едином большом сербском государстве, которому предстояло появиться на карте после окончательного освобождения Балкан от османской власти. Переговоры и помощь, помимо прочего, должны были опосредованно способствовать и ослаблению террора со стороны албанских бандитов. Однако эпизодическое сотрудничество с отдельными албанскими главарями не привело к облегчению участи сербского населения Старой Сербии. Число грабежей, убийств, поджогов и похищений не только не снижалось, но в отдельные моменты достигало максимума, отмеченного незадолго до проведения реформ, инициированных великими державами в 1903 г. [20].

За исключением немногочисленных горожан – политиков и крупных торговцев –остальным сербам, проживавшим в сельских районах, не от кого было ждать помощи. Угнетаемые и отчаявшиеся они не могли рассчитывать на защиту со стороны местных турецких властей, которые

---

[17] Први балкански рат 1912–1913. Операције српске војске. Књ. I. Београд, 1959. С. 81–82.

[18] *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и Конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 139.

[19] *Станковић Ђ.Ђ.* Никола Пашић и стварање албанске државе // Марксистичка мисао. Бр. 3 (1985). С. 160–161.

[20] См.: Задужбине Косова. Споменици и знамења српског народа.

inslav

стремились только к тому, чтобы ценой уступок задобрить взбунтовавшиеся албанские роды. От рук албанцев-мусульман больше остальных страдало заметно поредевшее сербское население Метохии. Не помогали даже усилия Рашско-призренского митрополита, пытавшегося с помощью русских монахов монастыря Високи Дечаны достучаться до российской дипломатии [21]. Албанское движение против реформ набирало ход, особенно в Метохии, где невозможно было себе представить равноправие албанцев-мусульман и сербов-христиан. Неудивительно, что вожди албанцев Сулейман Батуша и Суль Касап и слышать не хотели ни о сербских «заптиях» (жандармах), ни о суде, выносящем решения по закону, ни об уплате налогов (предлагали десятину вместо восьмой части), ни о русских монахах [22].

Отправляемые сербским консулатом в Белград детальные описания актов насилия, становились все более объемными. Сербские консулы просили правительство наладить тайную пересылку оружия, которое позволило бы сербскому населению организовать самооборону. Однако, эта инициатива не принесла сколько-нибудь значительных результатов. Террор не утихал. Только с июля по октябрь 1911 г., согласно статистическим данным сербского консульства в Приштине, проживавшие в Старой Сербии сербы стали жертвами 128 краж, 35 поджогов, 41 разбойного нападения и 53 случаев грабежа; 30 сербов подверглись шантажу, 19-ти угрожали оружием. Произошло 35 убийств и 37 покушений на убийство; имели место 58 вооруженных посягательств на имущество и 27 избиений. Отмечено 13 случаев попытки насильственного обращения в ислам, а также 18 случаев нанесения тяжких телесных повреждений [23]. Эскалация террора отмечена и в первой половине 1912 г. Приштинский консул Милан Д. Милоевич сообщал о драматичном росте насилия над сербами: зафиксировано 57 убийств, 48 покушений на убийство, более ста случаев грабежа и т. д. Упоминались и многочисленные случаи осквернения сербских кладбищ, грабежей, которым подвергались монастыри, а также разрушения православ-

[21] См. подробнее: *Батаковић Д.Т.* Дечанско питање. Друго допуњено издање. Београд, 2007.

[22] *Микић Ђ.* Албанско питање и албанско-српске везе у XIX веку (до 1912) //Марксистичка мисао. 3. (1985). С. 137–156.

[23] Задужбине Косова. Споменици и знамења српског народа. С. 716.

inslav

ных часовен [24]. Очевидно, проводимая Сербией политика привлечения на свою сторону албанцев не принесла значимых результатов. Этническая и религиозная нетерпимость в отношении сербов-христиан, представлявших соперничавшее с албанцами национально-государственное объединение, которое предъявляло права на срединные области Старой Сербии, была краеугольным камнем идеологии албанского движения после 1878 г. [25].

В начале 1912 г. широкий резонанс вызвало распоряжение властей пограничных сербских районов не принимать беженцев из Метохии и Косово, а также из прочих сопредельных областей, а отправлять их домой. Военный министр в письме М.Д. Миловановичу отмечал, что беженцы из Старой Сербии находятся в тяжелом, едва ли не безвыходном положении: «Там их режут турки и арнауты, а когда они с трудом добираются до границы, мы их отсылаем назад, чтобы их убили у родного очага. Эта ситуация, вызванная арнаутским террором, еще больше усугубляется вмешательством Австрии. Каждый беженец, которого мы отсылаем назад, спрашивает, что ему делать: «Господин, лучше вы нас здесь убейте, чем отправлять назад. Почему хоть как-нибудь не поможете? Ни сербский, ни русский консулы и знать не хотят о наших страда-

[24] Там же. С. 721–728.

[25] Накануне Первой балканской войны 1912 г. сербы в Косово и Метохии, несмотря на преследования и чистки, все еще составляли около половины населения. Согласно исследованиям Йована Цвийича, опубликованным в 1911 г., в Косово было 14 048 сербских домов. В г. Печ и окрестностях – 3 826; в районе г. Призрен – 2 400 домов, в которых проживало около 200 000 жителей. Сербы составляли меньшинство в Метохии и Дренице, и относительное большинство в самом Косово. Сербы, численность которых ощутимо уменьшилась, уже теряли надежду на то, что военное вмешательство Сербии и Черногории помешает албанцам полностью очистить оспариваемые территории от их присутствия. С середины 19 в., когда в Косово и Метохии, а также соседних областях проживало около 400 000 сербов, до 1912 г. только в Сербию перебежало, по оценкам Цвийича, около 150 000 сербов. См. подробнее: *Цвијић Ј.* Балкански рат и Србија. Београд, 1912; *Дедијер Ј.* Стара Србија, географска и етнографска слика // Српски књижевни гласник. XXX (1912). С. 674–699; *Батаковић Д.Т.* Улазак у сферу европског интересовања // Косово и Метохија у српској историји. С. 244–247.

inslav

ниях, а австрийский консул даже приезжал в наши села и обещал деньги и землю, уговаривая переселиться в Боснию и Герцеговину» [26]. Австро-венгерская пропаганда, подкрепляемая передачей албанцам оружия и денег, с начала XX в. становилась все разнообразней, а ввиду наличия в резервных фондах венского правительства больших сумм, и эффективней. Особенно по сравнению с сербской и черногорской помощью мятежникам. По информации турецких властей, оружие албанцам поступало и из итальянских источников. В условиях Триполитанской войны любая возможность открыть новый фронт в тылу противника соответствовала интересам Рима. Одновременно австро-венгерские дипломаты, систематически препятствуя проведению всеобъемлющих реформ, безостановочно понуждали Высокую Порту пойти навстречу требованиям албанских мятежников. Один из лидеров проавстрийски настроенных албанцев-мусульман Дервиш Хима заявил, что неопределенным остается не только отношение албанцев к Высокой Порте, но и к сербам. До тех пор, пока они будут называть Косовский вилайет Старой Сербией, никакого улучшения отношений с ними быть не может [27].

Деморализованные сербы Косовского вилайета, не испытывая иллюзий в связи с новыми турецкими выборами, объявленными в начале 1912 г., все-таки прислушались к рекомендации Белграда и поддержали младотурецкий список, дабы помешать албанцам прибрать к рукам всю администрацию в Старой Сербии. Тем временем в Косово и Метохии, а также в соседних областях албанские главари ускоренно готовились к новому крупномасштабному восстанию. Подготовка началась еще в январе 1912 г. Лидер радикальных националистов Хасан Приштина из г. Вучитрн – представитель Приштинского избирательного округа в младотурецком парламенте – нес ответственность за мобилизацию бойцов и сбор оружия. А Исмаил Кемал, – высокопоставленный османский чиновник, – поддерживавший постоянные контакты с Веной, должен был доказывать европейскому общественному мнению необходимость формирования автономной Албании.

Весной 1912 г. мятежники во главе с Исой Болетинацем, Байрамом Цурой, Ризой-бегом и Идрисом Сефером взялись за оружие, и уже в

---

[26] Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књ. V/1. 1912. Београд, 1985 С. 414–415.

[27] *Храбак Б.* Арбанашки устанци 1912. године // Врањски гласник. Књ. XI (1975). С. 189.

inslav

начале лета восстание охватило все Косово и Метохию. Находившиеся под впечатлением от поражения в Триполитанской войне, нанесенного христианским государством, представители турецкой администрации и служившие в европейской Турции офицеры объединились и в знак исламской солидарности отказались сражаться со взбунтовавшимися мусульманами-албанцами. В июле 1912 г. наместник султана в Косовском вилайете поддержал албанцев и передал им оружие, конфискованное двумя годами ранее.

В начале 1912 г. 30 000 албанцев под предводительством Исы Болетинаца беспрепятственно вошли в столицу Косовского вилайета Скопье и выдвинули требование предоставления особого статуса проживавшим в европейских владениях Турции албанцам. В случае отказа мятежники пригрозили, что двинутся на Солун. Министр внутренних дел нового кабинета Ферид-паша – албанец по национальности – выразил готовность добиваться в Стамбуле исполнения запросов своих соплеменников. По оценке дипломатических кругов великих держав, образование автономии становилось неизбежным. Она появилась бы даже без формального провозглашения. Главный национальный идеолог мятежных албанцев Хасан Приштина сформулировал 14 требований руководства движения:

1) на основании обычного права принять особые законы для Албании; 2) наделить албанцев правом свободного ношения оружия; 3) объявить амнистию для всех участников восстания; 4) во главе администрации назначить чиновников, знающих албанский язык и обычаи; 5) предоставить албанцам право в мирное время исполнять воинскую повинность в родном краю; 6) предоставить албанскому языку статус официального; 7) учредить султании (гимназии) в санджаках с населением больше 30 000 жителей; 8) преподавать на родном языке в светских школах и медресе; 9) строго применять законы шариата; 10) компенсировать ущерб, понесенный в ходе восстания; 11) построить дороги и железнодорожные пути; 12) провести дополнительное административное разделение с выделением новых нахий; 13) провести суд над младотурецкими правительствами (во главе с Хаки-пашой и смещенным великим визирем Саидом-пашой); 14) вернуть изъятое оружие [28].

---

[28] *Skendi S.* The Albanian National Awekening 1878–1912. P. 435–437; Сравни: Документи о спољној политици Краљевине Србије. Књ. V/3. Београд, 1985. Док. Бр. 9.

inslav

В начале сентября 1912 г. турецкие власти согласились с большей частью требований, за исключением тех, что касались суда над министрами-младотурками и прохождения военной службы по месту проживания. Но находясь в двух шагах от обретения автономии, лидеры албанцев перессорились, так как каждый из них по-разному представлял себе будущее Албании. Консерваторы, типичным представителем которых был Иса Болетинац, склонялись к реставрации старого доконституционного порядка – к исламскому типу правления, олицетворяемому свергнутым султаном Абдул-Хамидом II и характеризуемому самоуправлением нахий и шариатским правом. Со своей стороны группа радикальных националистов во главе с Хасаном Приштиной выступала за формирование автономной единицы в рамках Османской империи. Одновременно обострилась и полемика по вопросу о выборе алфавита, который бы объединил албанцев всех трех конфессий. Политические сторонники Хасана Приштины решительно защищали недавно усвоенную латиницу. Представители исламского духовенства из Приштины, напротив, требовали сохранения арабского алфавита, которым был написан Коран [29].

Движение албанцев Старой Сербии и соседних областей, организационно оформившееся в ходе восстаний 1910–1912 гг., основывалось на представлении об их абсолютном политическом доминировании над всеми остальными народами, проживавшими в указанных районах. В наступившей ситуации под Албанией понималась территория четырех прежних вилайетов: два вилайета (Скадарский и Янинский); части Косовского вилайета (Старой Сербии) – Призренский, Новопазарский, Приштинский и Печский санджаки, Тетово; части Битольского вилайета – Корчанский, Елбасанский и Дебарский санджаки. Растущая нетерпимость в отношении представителей других народов, проживавших по соседству, демонстрировала, что требуемая албанцами автономия означает ограничение прав всех остальных народов, населявших Албанию, Старую Сербию и Македонию. Исходившее от австро-венгерского министра иностранных дел графа Берхтольда предложение о «децентрализации», что означало выполнение албанских запросов, показывало, что албанская автономия – один из основных пунктов внешнеполитических планов Вены. Иллюст-

[29] *Храбак Б.* Арбанашки устанци… С. 323–324. Об алфавите см.: Документи о спољној политици Краљевине Србије. V/3. Док. Бр. 113.

inslav

рацией оных служит высказывание военного эмиссара двуединой монархии в Стамбуле: «Турция для нас ничто. Албания – все» [30].

Позиция албанцев в надвигавшейся войне с Турцией имела огромное значение и для Сербии, и для Черногории. Во время восстания лета 1912 г. с его руководителями вел переговоры сербский консул в Приштине Милан Д. Милоевич, пытавшийся доказать, что сербов и албанцев объединяют общие цели. Многие получили в подарок ценное оружие, взятое из резервных фондов сербского правительства. Самым авторитетным достались деньги. С некоторыми албанскими вождями подписывались соглашения. Во всех этих переговорах Австро-Венгрия упоминалась как общий враг сербов и албанцев. Результатом дружественных шагов, предпринятых Сербией, стало то, что один из разработанных албанцами планов автономии предусматривал наделение сербов и албанцев равными правами. Под давлением Хасана Приштины и некоторых других главарей это положение исчезло из окончательного варианта текста [31].

Во главе Комитета помощи беженцам из Старой Сербии, сформированного в Белграде в конце июля 1912 г., встал Божидар Янкович – генерал в отставке, хорошо знакомый с обстановкой в Старой Сербии. Занимавшийся приемом беженцев Комитет решал и одну важную политическую задачу: албанцы, которым предоставлялось убежище в Сербии, должны были влиять на албанские массы в Старой Сербии, дабы у них постепенно сформировалось убежденность, что у них с сербами общие интересы, которые надо вместе отстаивать с оружием в руках (некоторое количество оружия было переправлено албанцами через границу). Кроме того, по мнению сербского руководства, следовало совместно противостоять чуждой пропаганде, которую осуществляла Австро-Венгрия – враг сербско-албанского сотрудничества [32].

Наряду с этим значительное внимание уделялось привлечению на свою сторону влиятельных албанских вождей. Предполагалось, что в 1912 г. ключевые операции сербской армии развернутся на сербско-

---

[30] *Микић Ђ.* Аустро-Угарска и младотурци 1908–1912. Бања Лука, 1983. С. 330–331. О режиме младотурок см. подробнее: *Feroz Ahmad.* The Young Turks. The Committee of Union and Progress in Turkish Politics. 1908–14. London, 2010.

[31] *Храбак Б.* Арбанашки устанци… С. 320–325.

[32] Документи о спољној политици Краљевине Србије. V/3, Док. Бр. 344.

inslav

турецкой границе, вдоль которой – от Преполца и Мердара – протянулась цепь албанский поселений. Они представляли собой своеобразный этнический барьер, на который рассчитывали турецкие военачальники, собиравшиеся в первых рядах пустить против сербов иррегулярные добровольческие албанские отряды.

Несколько групп сербских офицеров-разведчиков, – в большинстве своем членов тайной офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), опытных знатоков обстановки еще со времен четнических рейдов по Старой Сербии и Македонии начала XX в., – в начале сентября 1912 г. отправились в пограничные с Сербией районы, протянувшиеся от области Рашка и Ибарского Колашина до Скопской Черногории, Косово и Дреницы. Перед офицерами стояла деликатная задача. Им предстояло подготовить почву для наступления сербской армии, изучить запутанные межэтнические отношения, а также побудить местное сербское население добиваться нейтралитета албанских вождей в ходе предстоящих военных действий. Майор Милан Гр. Милованович и капитан Велимир Вемич действовали в районе городов Куманово, Овче Поле и Скопье, а капитан Радое Пантич налаживал связь с местными авторитетами в окрестностях городов Нови Пазар и Рашка. С главарем мятежников северного Косово и Митровицы Исой Болетинацем, а также с Садиком Рамом из Дреницы тайно встретились Богдан С. Раденкович и Драгутин Т. Димитриевич-Апис. С Идрисом Сефером из Карадага (Скопская Черногория) вел переговоры их доверенное лицо – Божин Симич [33].

Сербские офицеры пытались получить гарантии того, что албанцы-мусульмане в ходе боевых действий не встанут на сторону Османской империи. Авторитетным албанцам напомнили, что они для борьбы с младотурками получали оружие из Сербии и Черногории, в которой Болетинац даже однажды нашел убежище. В случае победы Сербии и присоединения к ней Старой Сербии албанцам обещалось предоставле-

[33] *Popović Č.A.* Rad organizacije «Ujedinjenje ili smrt» – pripreme za Balkanski rat // Nova Evropa. 1 (1927). S. 313–315; *Живановић М.Ж.* Пуковник Апис. Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте: прилог за проучавање политичке историје Србије од 1903 до 1918 год. Београд, 1957. С. 649–651; Савременици о Косову и Метохији 1852–1912. С. 351–353, 381–383; См. также: *Животић А.* Апис на Косову 1912. године // Војно-историјски гласник. 2005. № 1–2. С. 44–57.

inslav

ние всех прав, которые они требовали от младотурецких властей. На это Иса Болетинац и Идрис Сефер недвусмысленно ответили, что в случае войны с оружием в руках встанут на защиту Турции. Болетинац сербским собеседникам заявил: «В этом случае я, в первую очередь, турок и только потом арнаут». Идрис Сефер, со своей стороны, передал королю Петру I Карагеоргиевичу, который его во время тайного пребывания в Белграде весной 1911 г. наградил оружием, что сдержит свое обещание и поддержит правителя Сербии в случае войны с Австро-Венгрией. Но в случае нападения Сербии на Турцию он без колебаний встанет на защиту своего сюзерена – султана [34].

К войне готовились не только военные, но и политики. Накануне начала боевых действий председатель правительства Никола П. Пашич в одной из прокламаций публично предложил албанским лидерам не только амнистию за совершенное в недавнем и отдаленном прошлом, но и «Соглашение о союзе сербов и албанцев в Косовском вилайете». Как меньшинству в составе Сербии Пашич готов был гарантировать албанцам следующие права: 1. Свободу вероисповедания; 2. Школьное обучение на родном языке; 3. Употребление албанского языка в судах и местных административных органах; 4. Учреждение отдельной албанской скупщины, которая принимала бы законы, регулирующие вопросы вероисповедания, образования и судопроизводства [35].

Однако положительной реакции на предложение Пашича не последовало. Австро-Венгрия обещала албанцам из Старой Сербии гораздо более значительные уступки – создание автономной или независимой Албании в границах, которые соответствовали бы максималистским территориальным притязаниям их лидеров (вместе с Косово и Метохией и соседними областями) [36].

Накануне ожидаемой войны с Сербией албанцы-мусульмане, в большинстве своем остававшиеся сторонниками прежнего консервативного режима Абдул-Хамида II, выражали готовность защищать целостность османского государства и, соответственно, собственные интересы, которые следовало реализовать в его границах. Решительно, «именем

---

[34] Савременици о Косову и Метохији 1852–1912 С. 383.

[35] *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia during the Balkan Wars // *Kiraly B., Djordjević D.* (eds.). East Central European Society and the Balkan Wars. Boulder, 1987. P. 170.

[36] Ibid.

inslav

пророка» они встали на защиту Высокой Порты и султана Мехмеда V Решада. Подчеркивалось, что в момент опасности, грозившей Османской империи, «албанский вопрос не актуален». Перед самым началом войны на массовом митинге в Скопье – столице Старой Сербии – албанцы приняли адресованный западным державам меморандум, в котором содержался призыв помочь объединению албанцев, проживавших в трех вилайетах: Косовском, Скадарском и Янинском. Оружие, полученное от Белграда, албанцы обещали использовать против сербской армии. Напрасными оказались все попытки сербского руководства привлечь албанских вождей на свою сторону. Перспектива создания автономной или независимой Албании, ставшая более реальной после обещанных Стамбулом уступок, предопределила прямое столкновение Сербии с албанской, преимущественно мусульманской, популяцией Косовского вилайета [37].

Военные приготовления балканских государств подразумевали сохранение секретности договора о военном союзе. Узнав в России в августе 1912 г. содержание соглашения, президент Франции Раймон Пуанкере назвал его инструментом войны. Впрочем, большие опасения внушала возможная реакция двуединой монархии. Слухи о переговорах между балканскими странами дошли до Вены и побудили министра иностранных дел графа Берхтольда в августе 1912 г. предложить Турции провести новые реформы, направленные на постепенную децентрализацию в интересах народностей, проживавших в ее европейских владениях. Однако Берхтольд опоздал [38]. Драматичный ход событий на просторах европейской Турции сулил скорое начало войны. Балканским союзникам стало ясно, что в случае откладывания военных действий пользу от хаоса, царившего в указанных областях, извлекут только албанцы.

В дипломатическом отношении участие России в переговорах о заключении Балканского союза открывало перед Австро-Венгрией возможность вмешательства в предстоящий военный конфликт. В столицах балканских государств размышляли, как не дать перерасти локальному конфликту с Османской Турцией в войну европейского масштаба. Обеспечить это могло лишь соглашение между главными соперниками, бо-

---

[37] См. подробнее: *Батаковић Д.Т.* Косово и Метохија. Историја и идеологија, Београд, 2007. С. 83–92.

[38] *Војводић М.* Велике силе и балканска иницијатива Аустро-Угарске у августу 1912. Године // Зборник Филозофског факултета. Књ. X–1. Београд, 1968. С. 418.

inslav

ровшимися за влияние в регионе, – Австро-Венгрией и Россией. В теории единственной основой такой договоренности оставалось только поддержание *status quo* на полуострове. 8 октября 1912 г. – накануне начала войны – Петербург и Вена, уполномоченные европейским концертом, довели до сведения балканских государств, что не допустят изменения *status quo* на Балканах безотносительно к результатам войны с Османской империей. Несмотря на столь серьезное предостережение, последовавшее со стороны Европы и России, союзники не были готовы отказаться от собственных военных целей. 30 сентября члены Балканского союза объявили мобилизацию. Первой 8 октября 1912 г. боевые действия начала Черногория. Воспользовавшись отказом гарантировать христианам те же права, что и мятежным албанцам, балканские союзники, в соответствии с буквой двусторонних военных конвенций, предусматривавших координацию действий вооруженных сил, объявили войну Османской империи [39].

Первая Балканская война: боевые действия, пропаганда, сопротивление

Первую Балканскую войну можно назвать самой популярной в сербской истории. В Сербии и Черногории – государствах, национальная идеология которых основывалась на косовском завете, – война воспринималась как столетьями ожидаемое «отмщение за Косово». Добровольцы из всех сербских земель – от Далмации и Боснии с Герцеговиной, до Славонии, бывшей Военной Краины и Воеводины – прибывали, чтобы записаться в добровольцы. За военной кампанией, которую вела Сербия, наблюдал опытный французский публицист и шеф организации по защите прав притесняемых европейских народностей (*Office Central des Nationalités*) Жан Пелисье. В своих записках с Балкан он подчеркивал: «Нет такой жертвы, на которую не пошли бы сербы ради национального триумфа. Почти все гражданское население – от 18 до 50 лет – находится под ружьем. Все – от последнего крестьянина, едва умеющего читать и писать, до самых выдающихся ученых, – сражаются с воодушевлением и с одинаковой храбростью.

[39] См. подробнее: *Батаковић Д.Т.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. Београд, 2007. С. 175–199.

inslav

Женщины следуют примеру мужчин» [40].

Хотя население Сербии насчитывало всего около 3 миллионов человек, удалось без труда мобилизовать 255 000 военнообязанных, сформировавших десять пехотных и одну кавалерийскую дивизию. Армия располагала 288 пушками. С ощущением выполнения великой исторической миссии Третья армия в составе 76 000 солдат и офицеров направилась в сторону Косово. В свою очередь черногорцы стремились через Печ прорваться к Призрену, фигурировавшему в качестве главной военной цели в их гимне «Онам' онамо» [41].

Сопротивление албанцев-мусульман, которым следовало вынести основное бремя защиты Косово и Метохии, оказалось, вопреки ожиданиям, вялым, лишенным энтузиазма и координации. Несмотря на раздачу 63 000 ружей, только 16 000 албанцев, сбившихся в нерегулярные отряды башибузуков, выдвинулись к сербской границе. Первые залпы сербской артиллерии, неожиданные для албанцев, а затем и мощный напор воодушевленных сербских войск обратили в беспорядочное бегство албанских добровольцев под командованием Исы Болетинаца. Более-менее серьезное сопротивление сербы встретили только у реки Лаб и в районе Феризовича (Урошевца). А после падения 30 октября Призрена – в Джаковице, которая оставалась главным опорным пунктом косовских албанцев под командованием Байрама Джура и Резы Бега Криези [42].

После разгрома албанцев на Мердаре сербы, не встретив сопротивления, вошли в Приштину (22 октября 1912 г.), что позволило Третьей армии во главе с генералом Божидаром Янковичем задержаться в монастыре Грачаница, где состоялась торжественная служба в память героев Косовской битвы 1389 г. Слабое сопротивление, которое оказали сербским войскам албанцы, продемонстрировало, что они отнюдь не единодушны по вопросу лояльности султану. Кроме того, за время восстания против младотурок ослабли албанские религиозно-национальные устремления.

---

[40] *Pélissier J.* Dix mois de guerre dans les Balkans. Octobre 1912–août 1913. Paris, 1914. P. 33.

[41] О военных операциях см. подробнее: *Ратковић Б.* Ослобођење Косова и Метохије 1912. Београд, 1997. О взятии Приштины см.: Ратне слике са Балкана. Књ. 1. Српска војска осваја Косово и Приштину. Нови Сад, 1913.

[42] Об освобождении Призрена: Ратне слике са Балкана. Књ. 4. Освојење царског града Призрена 30. октобра 1912. Године. Нови Сад, 1913.

inslav

Впечатляющие победы сербской армии, особенно в битве под Куманово (23–24 октября 1912 г.), а также крах албанского сопротивления в Косово стали шоком для австро-венгерской дипломатии и представителей разведслужб, находившихся в Старой Сербии. Консулы Оскар Прохазка, обретавшийся Призрене, и вице-консул Тахи, располагавшийся в Митровице, а также имевшаяся в их распоряжении агентурная сеть, безуспешно пытаясь поднять боевой дух албанцев, распространяли слухи, будто Австро-Венгрия вступила в войну и заняла Белград [43]. Сербия, хоть и не сомневалась в том, что двуединая монархия публично подстрекает косовских албанцев к борьбе против сербской армии, не могла подкрепить свои подозрения вещественными доказательствами [44]. В процессе конфискации оружия у капитулировавших албанцев один из сербских ученых, служивший в чине сержанта, в г. Дебар при обыске дома одного из местных бегов обнаружил переписку барона Нопчи, который «под видом научной геологической экспедиции» путешествовал по Албании, Старой Сербии и Македонии. Письма барона ясно свидетельствовали, что он «усердно побуждал албанских мусульманских и католических вождей требовать автономии Албании под протекторатом Австрии» [45].

Австро-венгерская пресса распространяла тревожные слухи, будто сербские военные ранили или убили императорского и королевского консула в Призрене. Безуспешная попытка дискредитировать сербов, получившая название «афера Прохазки», остановила, тем не менее, на десять дней продвижение сербской армии в сторону албанского побережья. Обретение выхода к морю было одной из дополнительных военных целей Белграда. Позднее доскональное расследование, предпринятое командованием Третьей армии, показало, что перед приходом сербских войск консул Прохазка «распространял лживые измышления о том, например, что Австро-Венгрия заняла Белград; что он готовил арнаутов дать отпор нашим войскам; что раздавал оружие арнаутам; что в день прихода наших частей он устроил стрельбу из окон консулата; что не хотел присутствовать на торжественной службе, организованной при-

---

[43] *Balcanicus (Ст.М. Протић).* Албански проблем, Србија и Аустро-Угарска. Београд, 1913. С. 51–55; дипломатический аспект: *Ђоровић В.* Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992.

[44] *Treadway J.D.* The Falcon and the Eagle. Montenegro and Austria-Hungary, 1908–1914. West Lafayette, 1983. P. 121.

[45] *Томић Јов. Н.* Аустро-Бугарска и арбанаско питање. Београд, 1913. С. 38.

inslav

зренскими властями; что не представился командующему (Третьей сербской армии генералу) Боже Янковичу» [46].

Расследование деятельности находившегося в Митровице вице-консула Тахи, ставшего инициатором аналогичных инцидентов, выявило следующее: «Г. Ладислав Тахи, австро-венгерский консул в Митровице, известен как крайний сербофоб (...) Точно известно, что г. Тахи с помощью своих агентов и подкупленных лиц готовил почву для австро-венгерской оккупации Санджака и Митровицы. Пропагандистская деятельность осуществлялась через арнаутов – католиков. Среди мусульман – переселенцев из Боснии – также имелись у него сторонники (...) Накануне вступления нашей армии утверждал, что австро-венгерские части уже вошли в Плевлю... Факт подстрекательства арнаутов и турок из окрестностей Митровицы со стороны г. Тахи можно подтвердить письменными документами, вышедшими из под пера мусульманских вождей из Митровицы, Шали, Дреницы и (Ибарского) Колашина» [47].

Австро-венгерской агитации, однако, оказалось недостаточно, чтобы как следует мотивировать албанцев Старой Сербии. Восточный отряд черногорской армии под командованием Янко Вукотича вступил в Печ, где их ожидал торжественный прием, подготовленный монахами Печской патриархии. После этого черногорцы проследовали в монастырь Високи Дечани. С занявшими Призрен сербскими частями они встретились в Джаковице, не сумев выполнить наказ короля Николы и освободить город раньше союзников. В ответ на безостановочные австро-венгерские интриги, а также на сообщения о мнимых сербских преступлениях в отношении гражданского албанского населения, распространяемые венской печатью и русским журналистом Львом Давидовичем Бронштейном, сербская военная администрация опубликовала в Приштине прокламацию с призывом к албанцам сложить оружие и смириться с новым положением [48].

---

[46] *Поповић Д.* Балкански ратови 1912–1913. Београд, 1993 С. 118.

[47] Донесение М.Д. Милоевича см.: *Поповић Д.* Балкански ратови... С. 120–121.

[48] Один из будущих вождей советской революции Лев Троцкий как корреспондент российских газет находился во время Балканских войн в белградском отеле «Москва» и писал свои статьи на основании информации, полученной из вторых-третьих рук – от сербских социалистов, в принципе, выступавших против войны, а также, по-видимому, от корреспондентов

inslav

Разоружение, последовавшее после известных колебаний и попыток добровольцев и кое-где гражданского населения «уйти в леса», все-таки дало определенные результаты. Даже традиционно непокорная Дреница сдала большую часть оружия. Сербские военные власти убеждали и албанское население, и его лидеров, что ведут войну не с ними, а с османами. Взаимное недоверие, однако, осталось непреодоленным. Отдельные нападения на сербских военных и представителей администрации венская пропаганда преподносила как героическое сопротивление албанцев. А усилия сербских властей по умиротворению – как «страшные репрессии» в отношении гражданского населения. Новые власти разделили Косово на три области: лапскую, призренскую и приштинскую. В свою очередь Черногория выделила из Метохии печскую и джаковичскую области [49].

некоторых венских газет. Оттуда его обвинения в якобы имевших место сербских преступлениях, совершенных в отношении албанского населения Косово и Метохии. Сведения, опубликованные им в «Киевской мысли» и «Дне», крайне ненадежные и, по большей части, ничем не подтвержденные. См. подробнее: *Trotzky L.* The Balkan Wars 1912–1913. New York & London, 1993. P. 117–137. Оценки Л. Троцкого опровергаются репортажами самых авторитетных военных корреспондентов, как, например, Анри Барби (*Barby H.* Les victoires serbes. Paris, 1913; *Томић J.* Рат на Косову и Старој Србији 1912. Године. Нови Сад, 1913). Доклад международной комиссии Карнеги о Балканских войнах содержит определенные, но часто весьма ненадежные данные о военных преступлениях, поступившие в большинстве своем из болгарских источников (Report of the International Comission to Inquire into the Causes and the Conduct of Balkan Wars. Division of Inter-course and Education of Carnegie Endowment for International Peace. Aylsbury, 1914). Современная англосаксонская литература также преимущественно проболгарски ориентирована (*Hall R.C.* The Balkan Wars 1912–1913. London & New York, 2000. P. 52–55).

[49] Први балкански рат. С. 416–417, 464–469; См. подробнее: *Mikić Dj.* «Albanians and Serbia during the Balkan Wars»… P. 163–166.

inslav

Албанская экспедиция 1912 г. и стремление к морю: успехи и отступление

В ноябре 1912 г. сербское командование, стремясь обрести выход к Адриатическому морю и тем самым разорвать железные объятия Австро-Венгрии, угрожавшие экономической самостоятельности и самой независимости Сербии, направило на Албанию находившиеся в Косово войска. Согласно плану сербского Генштаба, сформировались две колонны, которые 9 и 10 ноября двинулись через северную Албанию. После десятидневного похода по труднопроходимой местности 18 ноября войска вышли на Адриатическое побережье севернее города Леш.

Победы балканских союзников, вызвавшие большой резонанс в Европе, сделали бессмысленными разговоры о возвращении к довоенному *status quo*. Больше остальных сербскими успехами была встревожена Вена, надеявшаяся, что создание «автономной» и «жизнеспособной» Албании создаст противовес двум сербским государствам. Кроме того, подчеркивалось, что нельзя допустить, чтобы Белград получил выход к морю [50].

Вынужденное смириться с результатами военных действий, достигнутыми в октябре-ноябре 1912 г., венское правительство, стремясь восстановить свой престиж на Балканах, потребовало от Сербии оставить побережье Адриатики, которое должно было отойти новой автономной Албании: 28 ноября в Валоне пользовавшиеся австрийским покровительством авторитетные представители северной и южной Албании провозгласили создание нового государства и сформировали правительство во главе с Исмаилом Кемалем. Австро-Венгрия, а затем Италия сразу заявили о своей поддержке албанского государства, появление которого так долго желали. Однако Сербия не стала выводить войска из Сан-Джованни Ди Медуа и Драча, занятого ими 29 ноября, – на следующий день после провозглашения албанской независимости. Со своей стороны греческий флот осуществил демонстративную бомбардировку Валоны.

---

[50] *Mitrović A.* Prodor na·Balkan. Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemačke 1908–1918, Beograd 1981. С. 122–123; *Батаковић Д.Т.* Ослобођење Косова и Метохије // Косово и Метохија у српској историји. Београд, 1989. С. 281–289.

inslav

Таким образом, эпицентр австро-сербского противостояния переместился на территорию Албании. Инициатором австро-венгерской политики в Албании стала так называемая военная партия, отводившая новосозданной Албании роль государства-клиента на службе экспансионистских планов Вены на Балканах. Подконтрольность Албании должна была, с одной стороны, компенсировать утраченные позиции в Косово и Метохии, Санджаке и соседних областях, а, с другой, позволить и дальше влиять на сейсмические процессы, сотрясавшие Балканы с их неустановившимися государственными границами. Что касается Сербии, то, добившись выхода к морю через этнически чуждую территорию, она нарушила декларируемый ею же принцип народности. В отсутствие убедительных аргументов правительство Н. Пашича настаивало на историческом праве Сербии, подтверждаемом принадлежностью североалбанского побережья с городом Драч средневековому сербскому государству. Для Белграда достижение выхода к морю виделось единственным надежным способом воспрепятствовать неприкрытым намерениям Вены, которые, как показали таможенная война и аннексия Боснии и Герцеговины, состояли в том, чтобы положить конец сербской независимости посредством экономической и политической блокады, а также угрозы превентивной войны.

Двуединая монархия неожиданное появление сербских войск в албанском приморье считала серьезной угрозой собственным жизненным интересам на Балканах. Ястребы в генштабе предлагали напасть на Сербию, пока ее северные границы были оголены ввиду концентрации всех сил на южном направлении – на освобожденных территориях и в Албании. Уже 12 декабря из Вены последовал приказ привести некоторые воинские части в состояние боевой готовности. Двуединая монархия заняла недвусмысленно враждебную позицию, что проявилось в размещении многочисленных воинских соединений на сербской границе – вдоль рек Савы и Дрины [51].

Австро-сербский спор неизбежно перерос в столкновение Вены и Петербурга. Первая, прибегая к дипломатическому инструментарию, пыталась максимально уменьшить сербские территориальные приобретения. Россия, со своей стороны, стремилась к противоположному результату. Правительства великих держав, опасавшиеся, что спор вокруг

[51] *Bataković D.T.* La Serbie et son accès a l'Adriatique (1912–1913) // Etudes Danubiennes. Vol. 29. No 1–2. (2013). P. 1–12.

inslav

сербского выхода к морю перерастет в общеевропейскую войну, все настойчивей советовали правительству Пашича отвести войска от побережья Адриатики. Россия рекомендовала Белграду быть осмотрительней в своих требованиях, которые могли бы послужить предлогом для военного вмешательства со стороны Вены. Глава МИДа Сазонов в послании к Пашичу подчеркивал: «В ситуации, когда вы осуществили часть своих устремлений, а продвигаться дальше невозможно, необходимо остановиться и дождаться момента, когда вы сможете решить и оставшиеся задачи. Если обстановка будет развиваться в известном направлении, вы первыми вобьете клин в корабль Австро-Венгрии. Мудрость в том, чтобы остановиться, пока вам сопутствует удача. Если вы и дальше будете требовать Драч, то потеряете и Белград! Будьте осторожны! В Вене потеряли голову!» [52].

Сербскому посланнику в российской столице Димитрию Поповичу Сазонов сообщил, что через российского посланника в Белграде Николая Гартвига предупредил Пашича, что соотношение сил между великими державами не позволяет рассчитывать на то, что Сербия получит выход к морю. Тем не менее, Россия будет стараться уменьшить размеры автономной Албании. Однако данная позиция расходилась с тем, что сербские официальные лица услышали от Гартвига. По его мнению, «очень опасно настаивать на присоединении всей северной Албании от Семени до Бояны», «не следует упорствовать в своих требованиях, так как он (Гартвиг) уверен, что мы получим выход к морю в районе Леша и Сан Джованни Ди Медуа» [53].

Нежелание Сербии отступить дало повод Австро-Венгрии продолжить оказывать военное давление, представлявшее серьезную угрозу для Сербии, рассредоточившей весь свой военный потенциал по южным фронтам. Австрийские меры военного характера, предпринятые в отношении Сербии, вызвали ответные шаги со стороны России и наоборот. Началась игра нервов. Ведь ни Сербия, ни Россия не были готовы ввязаться в войну.

Сербско-австрийское противостояние достигло кульминации 29 ноября, когда сербские войска вошли в Драч. Нападение на Сербию ожидалось со дня на день. Вдоль ее границы, которую защищало 25 000 солдат, Двуединая монархия разместила двухсоттысячную армию. В

---

[52] *Станковић Ђ.Ђ.* Указ. соч. С. 165.

[53] *Поповић Д.* Балкански ратови… С. 135.

inslav

Сараево уже был напечатан манифест об объявлении войны Сербии, а австро-венгерские посланники в Белграде и Цетинье получили указание сжечь собственные архивы, как только начнется война. Австрийские мониторы на Дунае и Саве маневрировали вдоль сербского берега, освещая в ночное время своими прожекторами улицы Белграда, в том числе и королевский дворец. Сербская столица, располагавшаяся на самой границе, стала бы легкой добычей в случае австро-венгерского нашествия. Предотвратить его удалось в результате созыва конференции послов великих держав, состоявшейся в Лондоне в декабре – мае 1913 г.

Коронный совет Двуединой монархии, вопреки воинственной риторике и бряцанью оружием вдоль сербской границы, пришел к выводу, что в сложившейся неблагоприятной международной обстановке война с Сербией не принесла бы желаемых результатов. Вопрос отвода сербских войск с албанского побережья следовало решать дипломатическими средствами. После вердикта великих держав, решивших, что Черногория и Албания «в любом случае окажутся соседями с общей границей», Сербия лишилась каких-либо шансов удержать занятые порты на Адриатике. В качестве компенсации Белграду была обещана возможность использовать некий нейтральный порт. Сербские товары к нему следовало подвозить по железной дороге, которую после постройки защищали бы силы международной жандармерии, подконтрольные европейским державам. Оставшись без поддержки Петербурга и Парижа, Сербия нехотя согласилась на эвакуацию своих войск, осуществление которой она оттягивала вплоть до сентября-октября 1913 г. [54].

Параллельно обострились противоречия между балканскими союзниками. В эпицентре наметившегося конфликта оказалась Болгария. Сербия требовала ревизии достигнутого договора, предъявляя следующие «минимальные» требования: «1. Не допустить ни в коем случае, чтобы Болгария вышла на границу будущего албанского государства; 2. Получить на юге, на западном берегу Вардара общую границу с Грецией; 3. Уступаем Болгарии занятую нашей армией территорию, которая простирается на левом берегу Злетовской реки и Брегалницы, а также от впадения последней в Вардар до

[54] Лучшая работа о дипломатических переговорах в Лондоне 1912–1913: *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и Конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956.

inslav

Гевгелии, в которой располагаются наши войска, и где наша граница должна встретиться с греческой границей» [55].

Балканская междоусобица вызвала особую озабоченность в Петербурге, настаивавшем на сохранении Балканского союза. 1 мая 1913 г. Сазонов призвал Сербию и Болгарию вынести свои противоречия на суд России, что соответствовало 4-й статье подписанного ими договора. В то время как Болгария, в принципе, не соглашалась ни на какие уступки, сербское правительство отказывалось вести переговоры на основании договора, на ревизии которого она настаивала. В Белграде Народная скупщина приняла резолюцию, содержащую отказ от вывода войск из освобожденных районов Вардарской Македонии [56]. Сербские военные круги, прежде всего, офицерская организация «Объединение или смерть» открыто грозили Н. Пашичу государственным переворотом в случае каких-либо уступок Болгарии. В то же самое время болгарские военные во главе с генералом Савовым сделали выбор в пользу политики свершившегося факта. Они рассчитывали, что внезапное наступление позволит одновременно одолеть и сербские, и греческие войска [57].

Стремясь сохранить Балканский союз, Сазонов 1 июня потребовал от четырех премьер-министров балканских государств прибыть в Санкт-Петербург для достижения соглашения. Опасаясь традиционного русского болгарофильства, Н. Пашич в Цариброде встретился с болгарским премьером Гешовым и предложил ему провести в Солуне переговоры на уровне глав правительств стран-союзниц. Однако умеренный и осторожный Гешов к этому времени уже потерял доверие нетерпеливого и амбициозного царя Фердинанда и 6 июня подал в отставку. 15 июня новое правительство сформировал Стоян Данев. 8 июня свое слово сказал русский царь, призвавший Белград и Софию ни в коем случае не разрывать союзнические отношения и прибегнуть к его арбитражу [58].

В Белграде острая полемика по вопросу русского арбитража, в ходе которой Пашич дважды предлагал подать в отставку, закончилась, в

---

[55] *Поповић Д.* Балкански ратови… С. 259.

[56] См. подробнее: *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927.

[57] *Balcanicus (Ст.М. Протић).* La Bulgarie: ses ambitions – sa trahison: ouvrage traduit du serbe accompagné des textes de tous les traités secrets et correspondances diplomatiques. Paris, 1913.

[58] *Поповић Д.* Балкански ратови… С. 286–288; См. подробнее: *Скоко С.* Други балкански рат. Београд, 1968.

inslav

конце концов, согласием Народной скупщины на отъезд премьера в Россию. Однако в ночь с 29 на 30 июня поступила новость о внезапном нападении болгарских войск на сербские позиции на реке Брегалница. Болгарские генералы переоценили свои силы. Вместо того, чтобы Сербию и великие державы поставить перед свершившимся фактом, они потерпели тяжелое поражение в результате сербской контратаки. Греческая армия также успешно отразила неожиданную болгарскую агрессию, а черногорцы поспешили на помощь Сербии. Румыния, использовав момент, выступила против Болгарии, а остававшиеся до вчерашнего дня в роли проигравших турки умело воспользовались моментом и 20 июля предприняли контрвыпад, результатом которого стал захват утраченного ранее Адрианополя, представлявшего большое стратегическое значение, а также части Фракии [59].

Неудачи на полях сражений привели к отставке кабинета Данева, состоявшейся 15 июля 1913 г. Россия рекомендовала союзникам воздержаться от дальнейшего наступления и заключить мир с Болгарией, которая, потерпев поражение на всех фронтах, 20 июля запросила о перемирии. Основные споры во время мирных переговоров, протекавших в Бухаресте, разгорелись по поводу сербско-болгарской границы, протянувшейся на левом берегу Вардара (Штип, Кочане, Струмица), а также по вопросу греческо-болгарского разграничения во Фракии. В конце концов, только Струмица, по настоянию России, досталась Болгарии, которая надолго утратила часть важных для себя областей. По условиям Бухарестского договора, подписанного 10 августа 1913 г., Сербия сохранила занятое в 1912 г., Греция получила Кавалу, а также отодвинула свою восточную границу до устья реки Месты. Румыния добилась территориальных компенсаций в Силистрии [60].

Поражение Болгарии во 2-й Балканской войне побудило ее к установлению отношений с албанцами в интересах совместной деятельности против Сербии. Посредником, как и ожидалось, выступила Двуединая монархия, для которой координация усилий Болгарии и Албании стала способом ослабления Сербии, в новых границах которой оказалось, по меньшей мере, полмиллиона представителей меньшинств, – албанцев и

---

[59] Хороший обзор военно-дипломатической деятельности: *Лазаревић М.* Други балкански рат. Београд, 1955.

[60] См. подробнее: *Ратковић Б., Ђуришић М., Скоко С.* Србија и Црна Гора у Балканским ратовима 1912–1913. Београд, 1972.

inslav

болгар, – враждебных по отношению к новым властям. Предпринятый в сентябре 1913 г. крупный албанский рейд на сербскую территорию показал, что вожди косовских албанцев, перебежавшие в Албанию и пользовавшиеся логистической поддержкой Австро-Венгрии и офицеров-младотурок, обрели союзников в лице болгарских комитов. Балканский союз распался, а новое соотношение сил, сложившееся к лету 1914 г., благоприятствовало реализации австро-венгерских планов: с помощью албанских и болгарских отрядов разрушить независимость Сербии, а ее территории разделить между Австро-Венгрией (север Сербии с Белградом), Болгарией (восточная и южная Сербия) и Албанией (области вдоль албанское границы, вплоть до Призрена и Скопье) [61].

С сербского языка перевел А.А. Силкин

[61] *Батаковић Д.Т.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима... С. 196–204.

inslav

Д.О. Лабаури
Екатеринбург

Внутренняя македоно-одринская революционная организация на распутье: поиски путей решения македонского вопроса накануне Первой мировой войны

Поражение во второй Балканской войне, оставившее более миллиона болгар за пределами Болгарии, стало страшным ударом для болгарского общества и государства и по праву получило в литературе определение «национальной катастрофы». Хлесткие выражения, которыми характеризовали современники ситуацию конца лета 1913 г. можно обобщить произнесенными тогда словами известного болгарского поэта и революционера Пейо Яворова: «Несчастное наше племя… Усилия десятков поколений разбились в пух и прах» [1].

Общество и его политическая элита, испытавшие стремительный переход от эйфории 1912 г. к шоку 1913 г. оказались не готовы к трезвому и спокойному восприятию новых реалий. Как обычно бывает в годы поражений и кризисов, перед нацией встали два основных вопроса: кто виноват и что делать. Первый вопрос, касающийся поиска виновных в национальной катастрофе, решался в Болгарии мучительно и, можно сказать, до сих пор остается дискуссионным в литературе.

Именно ему было посвящено одно из первых после завершения Межсоюзнической войны совещаний деятелей Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО), превратившейся к тому времени в немаловажный фактор болгарской политики в македонском вопросе. Вернувшиеся в Софию с боевых полей Македонии четнические воеводы, добросовестно исполнившие свой ратный долг, стали наивно перекладывать ответственность за поражение на болгарское правительство, партии и царя, которые якобы лишили ВМОРО самостоятельности и не позволили ей в ходе Балканских войн в полной мере отстаивать принцип автономии, который

---

[1] Цит. по: *Билярски Ц.* Пейо Яворов и Тодор Александров. Приятели в живота, съратници в борбата. София, 2004. С. 103. П. Яворов являлся ближайшим соратником лидера ВМОРО Т. Александрова и в период Балканских войн заграничным представителем этой организации в Софии.

inslav

мог бы спасти Македонию от раздела. Упреки четнических вождей были прямолинейны и сводились к тому, что ВМОРО, доверившись официальной болгарской политике, оказалась не посвящена в суть секретного болгаро-сербского соглашения о спорной и бесспорной зонах в Македонии и позволила болгарскому командованию в ходе первой войны отправить македоно-одринское ополчение на Фракийский театр военных действий вместо того, чтобы бросить его в Македонию и тем самым опередить там сербов и греков [2].

При этом ни один из участвовавших в совещании, судя по протоколу, записанному полковником А. Протогеровым [3], не поставил под сомнение неизбежность Второй Балканской войны, и не заострял внимания на вполне самостоятельной роли ВМОРО в разжигании как Первой Балканской, так и роковой для болгар Межсоюзнической войны без оглядки на ее возможные последствия [4]. Все это наводит на мысль о том, что и после пережитого по-

---

[2] *Георгиев Г.* ВМОРО и македонското движение в България след Букурещкия договор от 1913 г. // България – извори и документи. 100 години от Балканските войни 1912–1913. София, 2013.

[3] А. Протогеров, будучи в прошлом активным деятелем Верховного македоно-одринского комитета, а затем руководителем исполнительного комитета македонских эмигрантских братств в Болгарии, после восстановления ВМОРО в 1911 г. был избран запасным членом ее ЦК, однако фактически принимал участие в руководстве организацией наравне как с действительными членами ЦК Т. Александровым, Хр. Чернопеевым и П. Чаулевым, так и членами ее Заграничного представительства – Хр. Матовым, Т. Лазаровым, П. Яворовым.

[4] Уже в конце января 1913 г., узнав содержание болгаро-сербского договора 1912 г. о разделе Македонии, глава ЦК ВМОРО Т. Александров направил заграничному представителю Организации П. Яворову следующее сообщение: «От нас зависит сделать все возможное, дабы не позволить болгарскому правительству раздаривать болгарские земли сербам и грекам. … Если не сумеем добиться цели, то хотя бы исполним до конца свой долг и покажем свою силу всем “союзникам”». В том же духе агитировал и Хр. Матов. В письме д-ру В. Руменову от 26 мая того же года он указывал: «Необходимо сделать все, чтобы убедить людей (ответственные лица в Болгарии. – *Д. Л.*) не отказываться от Скопье и Салоник. … Наши военные единодушны в том, что мы разобьем и греков и сербов». Деятельность ВМОРО, направленная на эс-

inslav

ражения и потерь, многие четнические руководители продолжали находиться в плену максималистских лозунгов «все или ничего» и «сейчас или никогда».

В упомянутом протоколе не были зафиксированы позиции истинных руководителей и идеологов ВМОРО в тот период – Т. Александрова, Хр. Матова, П. Яворова и А. Протогерова, которые возможно и не присутствовали, за исключением последнего, на совещании. А как раз именно они в действительности рисковали в тот период быть обвиненными в прямой либо косвенной причастности к «преступному безумию», совершенному в ночь с 16 на 17 июня 1913 г. и приведшему в итоге к крушению большинства завоеваний 1912 г. Признать однако публично свою персональную ответственность никто из них в тех условиях не осмелился, поскольку это означало бы политическое самоубийство.

Т. Александров в письме П. Яворову в июле 1913 г. обвинял во всем дипломатию и бездарное, на его взгляд, командование, которое не смогло удержать фронт и допустило позорное бегство четвертой армии [5]. А. Протогеров в личных заметках, обращенных к соратникам, основной груз ответственности за национальную катастрофу перекладывал на царя Фердинанда, который, по его мнению, поправ конституцию, установил авторитарный режим правления и, главное, без ведома и согласия прави-

калацию болгаро-сербского конфликта, особенно усилилась в последние три-четыре недели до начала Межсоюзнической войны. В этот период Т. Александров с согласия запасного члена ЦК ВМОРО А. Протогерова рьяно отстаивал, в том числе и в обращениях к четническим силам в Македонии, идею в сговоре с военными вызвать войну любой ценой, даже если для этого потребуется пойти против воли правительства. Данный факт нашел отражение как в болгарской, так и в российской литературе. См.: *Билярски Ц.* Пейо Яворов и Тодор Александров. С. 69, 93, 96, 98; *Добринов Д.* Последният цар на планините. Биографичен очерк за Тодор Александров (1881–1924). София, 1992. С. 53; *Гришина Р.П.* Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 132–142.

[5] *Билярски Ц.* Пейо Яворов и Тодор Александров. С. 112–113.

inslav

тельства отдал в ночь с 16 на 17 июня 1913 г. роковой приказ о начале военных действий против бывших союзников [6].

Лишь в письме Хр. Матова П. Яворову, написанному с боевых позиций в разгар Межсоюзнической войны (18 июля 1913 г. [*]), можно уловить нотки раскаяния и самопризнания: «После этой войны с теми жертвами, которые дал болгарский народ и при нынешнем критическом положении никакая наша самостоятельная политика ничем не может быть оправдана и может привести лишь к отрицательным результатам». В том же письме сообщалось, что полк. А. Протогеров, как и другие деятели ВМОРО, имевшие разговор с Хр. Матовым в те драматичные дни, были согласны с тем, что Революционная организация теперь «не должна предпринимать ничего, что расходилось бы с убеждением и решением болгарского правительства и лидеров оппозиционных партий, которые ... постоянно контактируют друг с другом и работают сообща» [7].

Осторожный и опытный стратег Хр. Матов, не сумевший отстоять подобную тактику в споре со своим радикально настроенным учеником Т. Александровым до 16 июня [8], теперь, казалось бы, торжествовал побе-

---

[6] Вътрешната македоно-одринска революционна организация (1893–1919 г.). Документи на централните ръководни органи (устави, правилници, мемоари, декларации, окръжни, протоколи, наредби, резолюции, писма). Съст. Ц. Билярски, И. Бурилкова. Т. I, Ч. 2. София, 2007. С. 1078–1079. Протогеров при этом предпочел умолчать о массированном давлении, которое в тот период сама Революционная организация оказывала на царя и правительство с целью ускорить военную развязку спора за Македонию с союзниками. Согласно докладу комиссии Карнеги, «македонские патриоты» открыто угрожали убийством премьер-министру Ст. Даневу, если он осмелится отправиться на арбитраж в Петербург. См.: Карнегиева фондация за международен мир. Доклад на Международната комисия за разследване причините и провеждането на Балканските войни. София, 1995. С. 63.

[*] Здесь и далее события датируются по старому стилю.

[7] *Билярски Ц.* Пейо Яворов и Тодор Александров. С. 108.

[8] Брат Христо Матова Милан Матов в своих мемуарах сообщает о том, что в конце мая 1913 г. руководители ВМОРО по инициативе д-ра Христо Татарчева собрались на специальное совещание, на котором после долгих дискуссий было принято решение отказаться от продолжения кампании в пользу межсоюзнической войны, оставив этот вопрос исключительно на усмотрение правительства. В качестве решающего ар-

inslav

ду – руководство ВМОРО с его подачи единогласно отдавало приоритет официальной Болгарии в определении дальнейших путей решения болгарского национального вопроса. Активизировавшаяся после Бухарестского мира 1913 г. дипломатическая деятельность ВМОРО, отправившей свои делегации в европейские столицы [9], подтверждала избранную революционерами тактику. В этот период как Хр. Матов, так и Т. Александров в своих инструкциях подчиненным специально подчеркивали, что «все, что мы сегодня вершим», будь то переговоры об автономии или церковной унии с Австрией, либо о создании дуалистического албано-македонского государства, «должно происходить с ведома и согласия болгарского правительства» [10].

В начале 1914 г. формально занимавший пока еще пост резервного члена ЦК ВМОРО, но уже приобретший огромное влияние в македонских и офицерских кругах Александр Протогеров пошел еще дальше,

---

гумента Хр. Матов ссылался на необходимость уберечь как македонскую эмиграцию, так и самих активистов ВМОРО от репрессий в случае поражения Болгарии в такой войне. Несмотря, однако, на принятое решение, Т. Александров, имевший к тому времени поддержку не только четнических воевод, но, по всей видимости, и военных кругов и самого царя Фердинанда, продолжил оказывать давление на правительство с целью развязывания войны. *Матов М.* За премълчаното в историята на ВМОРО. Спомени. София, 2007. С. 243–244; *Гришина Р.П.* Из жизни Тодора Александрова в 1911–1913 гг. // Призвание и всеотдайност. В чест на 70-годишния юбилей и 40-годишната научна дейност на проф. д.и.н. Витка Тошкова. София, 2011. С. 37.

[9] В состав двух делегаций в августе 1913 г. вошли проф. Л. Милетич, проф. Ив. Георгов, проф. Д. Михалчев, проф. Н. Милев, Г. Василев, проф. А. Балабанов и Т. Павлов. Указанные деятели получили инструкции от Т. Александрова после согласования с Хр. Матовым.

[10] Архив Христо Матов (към историята на културно-просветните и революционни борби на македонските и тракийските българи в края на XIX в. и началото на XX в.). Документален сборник / Съст. Ц. Билярски. София, 2004. С. 328. Точно в таком же духе было выдержано и послание Т. Александрова Григору Василеву в самом начале августа 1913 г. См: *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Непубликувани документи за дейността на Тодор Александров и ВМОРО (1910–1919) // Военноисторически сборник, 1987. № 2. С. 199.

inslav

предложив придать протекавшему на протяжении последних двух десятилетий процессу сращивания македонских революционных организаций с государственным аппаратом Болгарии официальный характер. Протогеров, в частности, предлагал, отбросив все условности, поставить ВМОРО, как «государственную организацию», на баланс Военного министерства и Штаба армии. Организация при этом должна была включать в себя «образовательно-просветительский и военно-революционный отделения» и представлять постоянно действующий фактор в болгарской политике в Македонии, независимый от смены правительств [11].

О настроениях, охвативших ряд активистов ВМОРО в тот период свидетельствует обширное письмо Хр. Матова, адресованное П. Яворову 18 июля 1913 г. В нем опытный революционный идеолог и руководитель, стоявший у истоков создания ВМОРО, откровенно делился пессимизмом с давним другом и соратником. По мнению Матова, следовало «отбить у болгарских властей любые помыслы об отмщении сербам в течение ближайших лет» и смириться с тем, что «потерянное для болгарщины сейчас» является «потерянным почти навсегда». В связи с этим следовало свернуть вооруженную борьбу ВМОРО, если на то будет воля Болгарии, и сосредоточиться на легальных методах отстаивания автономии Македонии – посредством переговоров, протестных петиций, манифестаций с участием беженцев, меморандумов и т. д. [12].

Подобные рассуждения, разумеется, не могли быть озвучены публично. В ситуации осени 1913 гг. – лета 1914 гг. ни одна влиятельная политическая сила в Болгарии не взяла бы на себя ответственность заявить о поражении в Межсоюзнической войне как о точке невозврата в стремлении к объединению болгарских земель [13]. Слишком глубока была рана

---

[11] *Билярски Ц.* Из архивното наследство на генерал Александър Протогеров. II. Из кореспонденцията на генерал Александър Протогеров с българските царе Фердинанд I и Борис III // Македонски преглед, 2009, № 1. С. 84.

[12] *Билярски Ц.* Пейо Яворов и Тодор Александров. С. 109–110.

[13] Отечественная исследовательница Р.П. Гришина справедливо замечает по этому поводу, что в шоковой ситуации конца 1913 – начала 1914 гг. болгарское общество попросту не успело еще осознать истинного масштаба произошедшей катастрофы, перечеркнувшей в действительности мечты на осуществление когда-либо общеболгарского национального идеала. Поражение, наоборот, только сплотило воинственно настроен-

inslav

в общественном сознании и слишком сильна вера в потенциал сопротивления «бухарестской несправедливости». Именно это настроение общества и выразил накануне Бухарестской конференции царь Фердинанд своей знаменитой фразой: «Свернем знамена до лучших времен». Ответ на вопрос «что делать» был ясен – продолжать борьбу в новых условиях.

В итоге, готовая по примеру официальной Болгарии свернуть знамена, ВМОРО такого приказа ни от Фердинанда, ни от Радославова не получила. По замыслу царя и подконтрольного ему правительства, Внутренняя македоно-одринская революционная организация должна была сохранить присутствие своих боевых сил в Македонии, с помощью которых, с одной стороны, снабжать болгарскую армию разведданными, а с другой стороны – периодически осуществлять диверсионные акции от имени порабощенного населения. Македония, таким образом, должна была гореть под ногами новых завоевателей – Сербии и Греции. Эти идеи, впрочем, полностью совпадали с замыслами Тодора Александрова, который уже осенью 1913 г. озаботился вопросом об отправке новых чет в Македонию [14].

О восстановлении в полном объеме четнической деятельности в Македонии, однако, не могло быть и речи. Массовая разоружительная акция младотурок в 1910 г., Балканские войны, Тиквешское и Охридско-Дебрское восстания 1913 г., как и репрессивные меры сербских и греческих властей, практически полностью ликвидировали выстраивавшуюся в течение двух десятилетий структуру болгарской революционной организации в Македонии.

Лишившееся своих руководителей (а ранее таковыми помимо четнических воевод выступали также учителя и священники) болгарское население в Македонии было деморализовано. Несмотря на откровенно уродливые формы сербского оккупационного режима в Вардарской Македонии [15], встречавшие справедливое возмущение в самой Сербии, сте-

---

ную часть болгарского социума, тем более что армия в обеих Балканских войнах проявила себя достойно, и не было ощущения, что ситуация является безвыходной. *Гришина Р.П.* Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте). С. 141, 143. См. также: *Гришина Р.П.* Болгария на пути к войне и Болгарский земледельческий народный союз // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011. С. 27.

[14] *Билярски Ц.* Пейо Яворов и Тодор Александров. С. 118.

[15] 21 сентября / 4 октября 1913 г. в качестве реакции на албано-болгарское восстание в Западной Македонии (Дебрско-Охридское восстание) серб-

inslav

пень поддержки ВМОРО населением резко снизилась. Оставшимся в Македонии четам и революционным активистам теперь приходилось действовать в намного более неблагоприятной обстановке. Участилось количество провалов, предательств, столкновений с жандармерией и войсками. Сказывался и все более усиливавшийся в последние десять лет после Ильинденского восстания 1903 г. процесс делигитимации четнической активности ВМОРО в глазах болгаро-македонского населения.

В итоге зимой 1913–1914 гг., как и весной 1914 г., операции четников свелись лишь к нескольким диверсионным акциям [16], налаживанию каналов для бегства уклонистов от службы в сербской армии в Болгарию и Албанию и формированию на местах новых чет и революционных комитетов. Положение в Македонии, несмотря на сохранявшееся пассивное сопротивление болгарского населения сербизации [17], постепенно стабилизировалось. Как сообщал действовавший в велесском районе активист ВМОРО Стефан Аврамов, в период после Бухарестского мира и до начала Мировой войны «часть бежавших в Болгарию городских и сельских жителей стала возвращаться в Велес к своим семьям и легализироваться, предаваясь мирному труду» [18].

ский король Петр подписал специальный указ, вводивший военно-чрезвычайное положение в новоприсоединенных областях. Согласно этому указу, действовавшему до осени 1915 г., так называемая «Южная Сербия» исключалась из правового и конституционного поля остальной Сербии, а террор в отношении несербского населения получал государственную санкцию. См.: Карнегиева фондация за международен мир. Доклад на Международната комисия… С. 150–153; *Гоцев Д.* Националноосвободителната борба в Македония 1912–1915. София, 1981. С. 65–66.

[16] 1 декабря 1913 г. четники взорвали железнодорожный мост недалеко от Демир Капии, 7 января 1914 г. такая же акция была повторена близ Куманова. *Гоцев Д.* Националноосвободителната борба в Македония 1912–1915. С. 132, 135.

[17] Сопротивление протекало в таких формах, как бойкот сербских школ, уклонение от призыва в сербскую армию и от сотрудничества с сербской администрацией, переселение священников и учителей в Болгарию, переход в униатство и т. д.

[18] Революционни борби в Азот (Велешко) и Поречието от Стефан Н. Аврамов // Материали за историята на македонското освободително движение. Кн. X. София, 1929. С. 190.

inslav

Некоторые из руководителей ВМОРО, как уже было отмечено, не скрывали своего пессимизма. Христо Матов, в частности, предполагал, что болгарская молодежь в Македонии может быть ассимилирована новыми поработителями за пять лет [19].

Как ни парадоксально, но не могла организация похвастаться особыми успехами и на той территории Македонии и Фракии, которая по итогам войн все же была включена в состав Болгарии. Характер отношений между ВМОРО и болгарским населением этих новоприсоединенных территорий в полной мере отражал масштабы кризиса некогда могущественной Революционной организации и утрату ею легитимности в глазах народа. Фактически новоприсоединенные земли сохранили неформальный статус «организационной территории», где болгарский суверенитет причудливым образом должен был сочетаться с властью Революционной организации, представленной в этих краях полусамостоятельными четническими бандами и революционными комитетами.

12 ноября 1913 г. городское общинное управление Петрича составило подробное конфиденциальное донесение лично министру внутренних дел Болгарии. Это был крик отчаяния брошенного на произвол судьбы населения – документ в полной мере раскрывает тревожную ситуацию, сложившуюся в Пиринской Македонии в конце 1913 – начале 1914 гг., где, по словам авторов донесения, «четники Карамфилова, Краева, Арнаудова и пр. сформировались во всех частях нашей околии из отдельных групп беженцев и местных жителей с целью грабить, убивать и терроризировать остальное население». Приводя длинный список убийств, грабежей, нападений, изнасилований и похищений людей, творимых четниками в Петричской околии якобы по приказу самих воевод, авторы документа заключали: «Измученный наш народ едва ли предполагал, что и после своего освобождения, сопровождавшегося таким кровопролитием и материальными жертвами, снова испытает трудные минуты и жизнь, полную тревоги. Отчаяние народа больше всего проистекает от осознания бездействия властей в городе, как военных, так и гражданских, что толкает нас к различным предположениям... Четники, которые наводнили наш город и околию, открыто мародерствуют и вершат возмутительные дела, а обуздать их некому. Население невольно задает себе

[19] Матов при этом не исключал возможность перехода македонских болгар в униатство с целью предотвратить насильственную ассимиляцию. См.: Архив Христо Матов. С. 327.

inslav

вопрос: откуда все это? Где гарантии жизни, собственности и чести? Где власть и почему она терпит подобные личности, которые явно бесчинствуют над беззащитным населением?» [20].

Это и подобные ему свидетельства подтверждают тот факт, что восстановление ВМОРО в 1910–1912 гг., после перерыва вызванного Младотурецкой революцией, происходило уже в совершенно иных формах и мало напоминало существовавшую некогда массовую народную организацию, чьи структуры пронизывали почти все болгарское македоно-одринское население. Битольский воевода М. Матов, знакомивший в 1911 г. одного пожилого и уважаемого четника из Восточной Македонии со своим округом, вынужден был признать, что, несмотря на кажущуюся поддержку населением чет, Организация разбита, а «воодушевление народа» совсем не то, что было до 1908 г. [21].

Вполне точным был и неутешительный вывод, к которому пришел А. Протогеров в конце 1913 – начале 1914 гг. По его мнению, Организация больше «не представляла собой ни моральную, ни материальную силу», а «свелась лишь к одному-единственному лицу – Тодору Александрову», по той простой причине, что именно он держал в своих руках деньги Организации и с их помощью проводил бессистемные акции, пытаясь имитировать революционную деятельность. В оставленных полковником личных записках он упрекал Александрова в том, что тот «действует исключительно по своему усмотрению и ни перед кем не отчитывается ни о доходах, ни о расходах». Складывалась ситуация, при которой «даже Центральный комитет ничего не знал об этих деньгах» и по этой причине ослабевала моральная связь между членами ЦК [22].

Подобная характеристика крайне важна для понимания как процессов внутри ВМОРО в переломный период 1913–1914 гг., так и ее роли в болгарском политическом пространстве. Вне всякого сомнения, неудержимый рост влияния Т. Александрова, окончательно покончившего к 1914 г. с принципом коллективного управления Революционной орга-

---

[20] НБКМ-БИА. Ф. 405, а.е. 1. Л. 6–12.

[21] *Матов М.* За премълчаното в историята на ВМОРО. С. 196.

[22] Вътрешната македоно-одринска революционна организация (1893–1919 г.). Документи на централните ръководни органи. Т. I, Ч. 2. София, 2007. С. 1080.

inslav

низацией, имела свои причины, уходившие корнями прямиком в царский дворец [23].

Царь Фердинанд и подконтрольное ему правительство Радославова, которые испытывали к ВМОРО двоякое чувство, – с одной стороны, страх перед нею, а с другой – стремление использовать ее в своих целях, остро нуждались в таком авторитарном лидере, который смог бы консолидировать и дисциплинировать македоно-одринские круги болгарского общества, заставив их согласовывать свои действия с курсом официальной Болгарии. Не склонный к дипломатическим приемам и переговорам молодой революционер-практик в судьбоносные для страны дни оказался для царя предпочтительнее, нежели умудренные опытом стратеги и политики от Революционной организации Хр. Матов и Хр. Татарчев. Особенно, последний, который, как и в сентябре 1903 г., увидев в 1913 г. надвигавшуюся на страну в случае межсоюзнической войны катастрофу, попытался снизить накал воинственных страстей внутри Организации и оказать поддержку правительству Ст. Данева [24]. Не мог Фердинанд, по всей видимости, простить Татарчеву и огромного в прошлом влияния в македоно-одринских кругах, позволявшего ему зачастую разговаривать с царем на равных [25].

Много позже, на первом послевоенном конгрессе ВМРО в 1925 г. Протогеров вынужден был признать – допущенные Организацией просчеты в период Балканских войн были вызваны тем, что она оставалась

---

[23] Апогей могущества Т. Александрова при этом пришелся на годы Первой мировой войны, когда, по меткому замечанию Р.П. Гришиной, он «не имея никакого чина или официального статуса, никаких называемых при его имени должности или поименования» и подписываясь в важнейших документах просто как «Тодор Александров», фактически превратился в одну из центральных фигур болгарского политического процесса. *Гришина Р.П.* Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Тодора Александров... С. 143–144.

[24] См.: *Матов М.* За премълчаното в историята на ВМОРО. С. 243–245, 267, 283.

[25] Едва ли мнительный Фердинанд мог забыть те времена, когда в Стамбуле говорили: «В Болгарии есть два противостоящих друг другу правительства – правительство князя [Фердинанда] и правительство Татарчева». См.: *Владева Л.* Официална България и Илинденско-Преображенското въстание 1903 г. // 90 години Илинденско-Преображенското въстание. София, 1994. С. 82.

inslav

прежде всего военной, а не политической организацией – «мы мало интересовались политикой» [26]. Милан Матов в своих воспоминаниях указывал, что в 1907 г. возражения многих революционных активистов против включения Т. Александрова в состав Заграничного представительства ВМОРО в Софии основывались на том убеждении, что он совсем не обладал дипломатическим чутьем («совсем не подходил для дипломатической тактики») и намного больше был бы полезен «с его сильной волей и амбицией» в качестве четнического руководителя внутри Македонии [27].

Но как раз именно эти качества и нужны были Фердинанду. Царь, который постепенно смог навязать стране авторитарную модель управления, не желал видеть во главе ВМОРО политика, стратега или идеолога. Ему нужен был простой исполнитель, военачальник и управленец. В этом плане, замысел Протогерова включить ВМОРО в состав болгарской армии на правах неформального спецподразделения, которое занималось бы сбором разведданных, диверсиями и подготовкой восстания в тылу врага, соответствовал интересам монаршей особы и был практически полностью реализован в 1914–1915 гг. Мнительность и подозрительность царя, на наш взгляд, однако не позволили ему оставить Александрова, известного своим буйным нравом, одного во главе ВМОРО. Именно поэтому, умело маневрируя (приближая к себе то одних, то других) в своих контактах с представителями различных в прошлом группировок внутри македоно-одринского движения, Фердинанд фактически содействовал становлению дуумвирата Александрова и Протогерова, вынужденных постоянно бороться друг с другом за влияние перед царем. При этом, по всей видимости, именно Протогеров, как человек военной дисциплины, связанный с традицией бывшего Верховного македоно-одринского комитета и имевший безусловную поддержку и влияние в офицерских кругах, рассматривался царем как главный гарант сохранения контроля государства над ВМОРО, а одновременно и личной безопасности царя и его династии [28].

---

[26] *Пърличев К.* VI конгрес на ВМОРО (1925 г.). София, 2005. С. 113.

[27] *Матов М.* За премълчаното в историята на ВМОРО. С. 244–245.

[28] В частности, болгарский исследователь Ц. Билярски, изучив дошедшую до нас корреспонденцию Протогерова с царем и престолонаследником в период Первой мировой войны, пришел к выводу о том, что он являлся „одним из наиболее близких советников“ царя Фердинанда, а затем и Бориса. См.: *Билярски Ц.* Неизвестни автобиография и спомени на генерал Александър Протогеров // Македонски

inslav

Что же касается бывшего экзархийского учителя, сумевшего возглавить ЦК ВМОРО, Тодора Александрова, то его сближение с царем Фердинандом и преданными царю руководителями Либеральной и Народно-либеральной партий В. Радославовым и Н. Генадиевым началось еще в период Балканских войн, а после них было оформлено и официально. Протогеров в самом начале 1914 г. признавался, что союз ВМОРО с правительством и партией Радославова был оформлен письменно [29]. Едва ли этот акт обошелся и без специальной устной договоренности Александрова и Протогерова лично с царем.

Судя по дошедшим до нас заметкам Протогерова, сделанным приблизительно в начале 1914 г.[30], а также переписке между Т. Александровым и А. Протогеровым в тот же период [31], в основе договоренности лежало согласованное обеими сторонами принципиальное решение следовать курсу на сближение Болгарии с Тройственным союзом. ВМОРО брала на себя обязательство поддержать правительство в переговорах с Турцией и Албанией, а также оказать электоральную поддержку Либеральной партии Радославова на предстоявших парламентских выборах. Взамен правительство, по всей видимости, взяло на себя обязательство систематической материальной поддержки Организации через Александрова и Протогерова, что было немаловажно ввиду того, что прежний источник финансирования Организации за счет македонского населения был утрачен с ликвидацией структур Организации в Вардарской и Эгейской Македонии.

Вопрос доступа к финансовым ресурсом по-прежнему тесно увязывался с вопросом политического лидерства внутри ВМОРО. Не случайно попытка заграничного представителя Организации Павла Христова при поддержке члена ЦК Христо Чернопеева самостоятельно получить в 1912 г. материальную помощь от австро-венгерского посольства была

преглед, 2007, № 4. С. 125; *Билярски Ц.* Из архивното наследство на генерал Александър Протогеров. Из кореспонеденцията на генерал Александър Протогеров с българските царе Фердинанд I и Борис III // Македонски преглед, 2009, № 1. С. 83–85.

[29] Вътрешната македоно-одринска революционна организация (1893–1919 г.). Документи на централните ръководни органи. Т. I, Ч. 2. София, 2007. С. 1080.

[30] Там же. С. 1080–1081.

[31] НБКМ-БИА. Ф. 189, а.е. 4. Л. 7. Письмо Т. Александрова А. Протогерову от 8.04.1914.

inslav

расценена Т. Александровым и его командой как «предательство», заслуживающее остракизма [32].

Т. Александров, кроме всего прочего мог теперь не волноваться и по поводу проделок своих воевод и четников. Забегая вперед, скажем, что беспокоиться было из-за чего. Изложенный в мемуарах М. Матова случай с арестом и затем освобождением воевод М. Гюрлукова и Ст. Алябакова в 1915–1916 гг. раскрывает как моральный облик Александрова, так и политический вес, который он приобрел благодаря покровительству царя Фердинанда, и по этой причине заслуживает быть приведенным. Практически первым делом четников ВМОРО после занятия Македонии в 1915 г. стали акции возмездия в отношении местных так называемых сербоманов и «предателей». В итоге, несмотря на сопротивление армейского командования, сотни сербоманов были убиты или изгнаны из Македонии. Однако зверства воеводы М. Гюрлукова, решившего совместить «патриотический долг» с банальным грабежом, и, в целях ликвидации свидетелей, не пощадившего ни детей, ни женщин, привели в оцепенение даже самих активистов ВМОРО, многое повидавших на своем веку. Когда в апреле 1916 г. М. Матов, как ему тогда казалось, в последний раз явился навестить находившихся под усиленной охраной в ожидании расстрела М. Гюрлукова, Ст. Алябакова и их подельников, встретивший его Протогеров не скрывал эмоций и уверил, что никто не в силах отменить приговор военно-полевого суда в отношении означенных лиц. Какого же было удивление М. Матова, когда по прошествии неполного месяца он нашел Гюрлукова и Алябакова не только освобожденными, но и вернувшимися к своим четническо-воеводским обязанностям. Протогеров, к которому М. Матов тотчас же обратился за разъяснениями, с трудом произнес: «Тодор их спас. Взял их под свои гарантии из рук военного трибунала. Ты, наверное, знаешь, что он имеет доступ в Главную квартиру и во Дворец, поэтому я не мог ничего поделать!..» [33].

Так Александров, спасая одних и наказывая других, последовательно выстраивал когорту лично преданных ему четнических командиров и активистов. При этом критерии противоправного деяния внутри Организации с момента вхождения Александрова в ЦК ВМОРО претер-

---

[32] *Пърличев К.* VI конгрес на ВМОРО (1925 г.). С. 181, 197; *Билярски Ц.* Неизвестни автобиография и спомени на генерал Александър Протогеров // Македонски преглед, 2007, № 4. С. 128.

[33] *Матов М.* За премълчаното в историята на ВМОРО. С. 313–314, 325.

inslav

пели значительные изменения. Начиная с 1911 г. от рук террористов Александрова в Македонии и Болгарии пали десятки революционных активистов и воевод, поплатившихся либо за свои прошлые связи с отколовшимся от ВМОРО Яне Санданским и участие в работе Народно-Федеративной партии, либо за свои анархо-социалистические взгляды, или просто за то, что не проявили должного пиетета к новому вождю. Насколько сложно было простым революционным ратникам в Македонии объяснить мотивы большинства этих карательных акций, свидетельствует запись в мемуарах М. Матова, посвященная убийству в Тиквешской околии в июне 1912 г. Добри Даскалова, известного и уважаемого многими в Македонии революционного руководителя еще со времен Ильинденской эпопеи: «Даскалов по всей видимости чем-то обидел Александрова, который был крайне чувствителен и мог вскипеть даже и от самых невинных слов» [34].

Однако, несмотря на все усилия Александрова, парламентские выборы в Болгарии в ноябре 1913 г. и феврале 1914 г. [35] продемонстрировали как политическую слабость Организации, неспособной мобилизовать ни население на подконтрольной Организации территории, ни даже собственных активистов на выполнение поставленной задачи, так и отсутствие единства в ее рядах.

Проблема заключалась в том, что впервые в своей истории Революционная организация решила связать судьбу, пусть и на ограниченный период, с судьбой конкретной болгарской партии. До этого такая практика попросту отсутствовала, а македоно-одринское движение имело надпартийный характер, что являлось дополнительным фактором консолидации ее членов. Теперь же выбор ряда руководителей ВМОРО в пользу радославистов, не санкционированный ни одним из коллективных

---

[34] Там же. С. 324.

[35] На первых послевоенных выборах, состоявшихся 24 ноября 1913 г. правительственная коалиция В. Радославова потерпела сокрушительное поражение, получив в Народном собрании лишь 94 мандата из 204. В итоге новый парламент, проработав лишь 12 дней, был распущен, и в феврале 1914 г. проведены новые выборы, на которых либеральная коалиция получила незначительный перевес в 7 мандатов над оппозицией. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 185.

inslav

органов управления Революционной организации[36], неизбежно вел к расколу в ее рядах.

Некоторые македоно-одринские активисты (Г. Василев, Н. Наумов, В. Пасков и др.) отказались следовать решению ЦК и были включены в избирательный лист Демократической партии, как и сторонники опального Яне Санданского. Не обошлось и без столкновений – в Струмицком округе был убит имевший поддержку населения и избранный депутатом от Демократической партии местный активист ВМОРО Стоян Георгиев [37].

Неоднозначно отнеслось к курсу ВМОРО на поддержку либералов во внутрипартийной борьбе и болгарское население новоприсоеди-ненных территорий, которое резонно связывало имя Радославова с политикой поощрения мусульманского элемента в регионе, начавшейся сразу после подписания 16/29 сентября 1913 г. болгаро-турецкого мирного договора и проводившейся на фоне интенсивных переговоров в Стамбуле о

[36] Документы показывают, что вопрос о включении македонцев во внутриполитическую жизнь Болгарии активно обсуждался активистами ВМОРО в конце 1913 – начале 1914 гг., но последнее и решающее слово осталось за Т. Александровым и А. Протогеровым. Дошедший до нас протокол широкого совещания македоно-одринских деятелей в самом начале 1914 г. (до февральских выборов) показывает, что подавляющее большинство из них высказалось против формирования в Болгарии отдельной македонской партии, но за македонскую парламентскую группу (фракцию) из македонцев и одринцев, представляющих разные партии. На совещании высказывались следующие мнения: «Мы нуждаемся во всех партиях, а не только в какой-то определенной» (Г. Томов), «Пусть каждый сам решает в какую партию ему вступать, Революционной организации не место здесь (в болгарской внутрипартийной борьбе – *Д.Л.*)» (П. Пенчев) и т. д. (НБКМ-БИА. Ф. 189, а.е. 7. Л. 159–165; *Георгиев Г.* ВМОРО и македонското движение в България след Букурещкия договор…) Тем не менее, вопрос о поддержке радославистов фактически был решен кулуарно Т. Александровым и А. Протогеровым. См. Вътрешната македоно-одринска революционна организация (1893–1919 г.). Документи на централните ръководни органи. Т. I, Ч. 2. София, 2007. С. 1089–1090.

[37] Борбите в Македония. Спомени на отец Герасим, Георги Райков, Дельо Марковски, Илия Докторов, Васил Драгомиров / Съст. Б. Николов. София, 2005. С. 213.

inslav

совместных действиях болгар и турок в Македонии против Сербии и Греции.

Отношения между болгарским и мусульманским населением на новоприсоединенной территории в конце 1913 – начале 1914 гг. оставались напряженными, имели место массовые столкновения, вызванные демонстративным отказом помаков от проводившейся в отношении них годом ранее христианизации [38]. А представитель одной из местных болгарских делегаций, представшей перед специальной правительственной комиссией, направленной в регион в декабре 1913 г., заявил, что в случае возвращения покрещенных помаков в ислам, дальнейшее существование местного христианского болгарского населения, окруженного более многочисленным мусульманским элементом, окажется невозможным, и болгары вынуждены будут переселяться [39].

Едва ли ВМОРО могла рассчитывать и на прибывавших из Македонии болгарских беженцев. Принимавший в 1913 г. участие в оказании помощи болгарским семьям, сумевшим вырваться из Эгейской и Вардарской Македонии, член заграничного представительства ВМОРО П. Яворов признался в разговоре с полк. Протогеровым:«Вижу, как сильно подавлены люди и как нас (Революционную Организацию. – *Д.Л.*) проклинают» [40].

В итоге при чрезвычайно высокой активности избирателей в новоприсоединенных землях (81,55% при среднем показателе по стране 65,59%) конечный успех либералов на выборах в Народное собрание в феврале 1914 г. оказался сомнительным – в Струмицком округе они получили 10 депутатских мандатов против 7 у демократов. Тогда как в населенном преимущественно мусульманами Гюмюрджинском округе

---

[38] См.: *Елдаров Св.* Последний "крестовый поход": крещение болгарских мусульман в 1912–1913 гг. // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.

[39] Покръстването на българите мохамедани, 1912–1913. Документи. София, 1995. С. 459.

[40] *Билярски Ц.* Неизвестни автобиография и спомени на генерал Александър Протогеров // Македонски преглед, 2007, № 4. С. 131.

inslav

(явка на выборы здесь составила 83,19 %) успехи партии Радославова были куда более внушительными [41].

Оказалось, что добытая с минимальным перевесом итоговая победа радославистов была обеспечена не столько поддержкой ВМОРО, сколько успешной агитацией эмиссаров турецкого правительства, которые при поддержке турецких консулов, муфтиев и специальных турецких комитетов, созданных по аналогии с революционными комитетами ВМОРО, в конце 1913 – начале 1914 гг. развернули активную деятельность среди мусульман Болгарии.

Агитация ставила целью убедить помаков и турок в Болгарии, что победа партии Радославова поставит барьер на пути их принудительной христианизации посредством церкви и школы и создаст благоприятные условия для их возвращения в ислам после пресловутой покрестительной акции первой половины 1913 г. Свою агитацию среди мусульман на новоприсоединенных территориях вели по поручению Радославова и представители местной администрации. Отличие состояло лишь в том, что радослависты готовы были пойти навстречу чаяниям мусульманских семейств и оказать им помощь в переселении в Турцию [42]. Тогда как эмиссары турецкого правительства и турецких комитетов на болгарской территории наоборот увещевали турок и помаков не спешить с переселением, дабы «не отнять у Турции возможность вмешиваться во внутренние дела Болгарии» [43]. Некоторые турецкие агитаторы открыто заявляли о том, что мусульманам под болгарской властью нужно подождать лишь четыре года, поскольку правительство Радославова при помощи Турции готовит новую войну против Сербии и Греции, в результате которой завоеванные земли будут поделены таким образом, что Македония достанется Болгарии, а вся Фракия от Балканского хребта до реки Арда снова вернется под турецкое управление [44]. Некоторые эмиссары для наглядности агитации использовали портреты премьер-министра Радославова с турецким фесом на голове [45].

---

[41] См.: *Тодоров А.* Избирателни закони и избирателна активност (примерът на България, 1879–1946) // Историкът: гражданин и учен. Сборник в чест на академик Илчо Димитров. София, 2001.

[42] Покръстването на българите мохамедани, 1912–1913. С. 448.

[43] Там же. С. 459.

[44] Там же. С. 476.

[45] Там же. С. 479

inslav

На этом фоне развернулись интенсивные переговоры между ВМОРО, с одной сторны, и турецкими и албанскими властями с другой. Целью переговоров была организация совместного болгаро-албано-турецкого сопротивления сербскому и греческому режиму в Македонии для завоевания автономии этой области. Одновременно македонские революционеры пристально следили за развитием в 1913–1914 гг. тлеющего австро-сербского противостояния в Албании и делали зондажи в Вене на предмет совместной в будущем борьбы против Сербии. Австро-венгерский министр иностранных дел Л. Бертхольд, разглядев в македонцах потенциального союзника, уже в августе 1913 г. на встрече с делегацией ВМОРО обещал содействовать ревизии Бухарестского договора [46].

Таким образом, во второй половине 1913 – первой половине 1914 гг. закладывался фундамент синхронной дипломатии ВМОРО и официальной Софии, которая в итоге и внесла в последующем свою лепту в непростой выбор Болгарией стороны участия в Первой мировой войне. Революционная организация получала задачу дополнять, а при необходимости и прикрывать дипломатические усилия официальной Софии, маскируя их якобы самостоятельными действиями македонских революционеров. Введение македонцев в ткань переговорного процесса по македонскому вопросу царь Фердинанд предполагал использовать двояко. С одной стороны, испытывавший неподдельный страх перед македоно-одринскими кругами, Фердинанд стремился реабилитироваться перед ними за просчеты 1912–1913 гг. и, главным образом, за фатальный сербо-болгарский договор 1912 г., заключенный без ведома и согласия ВМОРО. С другой стороны, царь не прочь был переложить ответственность с себя и своего правительства на македонских революционеров за возможные дипломатические просчеты в будущем.

Внешнеполитические ориентиры руководства ВМОРО после Балканских войн в целом совпадали с планами и устремлениями царя Фердинанда и правительства Радославовава. Эти ориентиры можно обобщить двумя тезисами, следующим образом сформулированными Христо Матовым в июле 1913 г.: «[1] Главным образом и прежде всего нас интересуют земли в Македонии, и если есть возможность побольше взять в Македонии - либо под видом автономии, либо путем прямого присоединения – то не стоит в таком случае настаивать на присоединении всех земель до

---

[46] *Гоцев Д.* Националноосвободителната борба в Македония 1912–1915. С. 114.

inslav

линии Энос-Мидия… [2] Австрийское покровительство и даже австрийская оккупация Македонии будут более предпочтительными перед сербским и греческим игом. При этой измене, особенно со стороны сербов, иного чувства у нас к ним, кроме ненависти, и мести быть не может»[47]. Ему вторил в тот период и Т. Александров: «С дьяволом бы пошли македонцы, лишь бы не остаться под греками и сербами» [48].

Сербия отныне стала рассматриваться в качества врага номер один, который должен быть нивелирован любой ценой. Такой подход большинства активистов и руководителей ВМОРО сохранился вплоть до вступления Болгарии в Первую мировую войну осенью 1915 г. Интересна в этом плане запись в мемуарах К. Пырличева, сообщавшего, что в ходе широких совещаний македонских деятелей в конце августа – начале сентября 1915 г. «был уяснен вопрос о *психологической* (курсив мой. – *Д.Л.*) невозможности для македонцев быть с той из двух группировок великих европейских держав, в которой, как уже было известно, нашла приют Сербия» [49].

Перемена в психологии ряда деятелей ВМОРО была разительной. А. Протогеров, который еще весной 1913 г. в докладе военному министру строил оптимистичные планы по болгаризации за два-три года всей Фракии до Галлипольского полуострова, что, по его мнению, имело бы «чрезвычайно важное значение для дальнейшего расширения прогресса болгарщины в пределах Царства» и окончило бы вековой «болгаро-турецкий спор о господстве на [Балканском] полуострове» [50], в октябре 1913 г. с санкции правительства отправился на переговоры о совместных действиях с младотурецким правительством в Стамбул, завершившиеся 17/30 октября 1913 г. подписанием специального протокола [51].

---

[47] Архив Христо Матов. С. 327. Показательно, что в подобном духе в тот период рассуждали многие и в Сербии. Так, сербский военный агент в Стамбуле полковник Илич в беседе со своим русским коллегой в сентябре 1913 г. прямо заявил: «Лучше быть под Австрией, нежели под болгарской гегемонией». РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3048. Л. 33об.

[48] *Билярски Ц.* Пейо Яворов и Тодор Александров. С. 117.

[49] 36 години във ВМРО. Спомени на Кирил Пърличев / съст. и ред. К. Пърличев. София, 1999. С. 106.

[50] Официалната и тайната българо-турска дипломация (1903–1925 г.) Документален сборник / Съст. – Ц. Билярски, В. Китанов. София, 2009. С. 114.

[51] Там же. С. 137–140.

inslav

Протогеров однако не собирался мириться с ролью простого исполнителя воли правительства. В посланиях министру иностранных дел Н. Генадиеву в ноябре 1913 г., а затем и премьер-министру В. Радославову [52] он настойчиво требовал активизации болгарской политики в македонском вопросе. Жаждавший скорейшего военного реванша полковник при этом никак не мог отделаться от мысли о том, что правительство использовало сотрудничество с ВМОРО лишь для усиления своих внутриполитических позиций [53]. Итогом душевных терзаний Протогерова в апреле 1914 г. стало его гневное письмо Радославову, в котором он от имени ВМОРО фактически ставил ультиматум правительству, угрожая прекратить с ним сотрудничество и вернуться к чисто революционной практике в случае, если то продолжит пассивную политику по македонскому вопросу и не начнет вооружать албанцев, финансировать совместную болгаро-турецкую революционную организацию и поощрять усиление четнической активности в Македонии [54].

Сам Протогеров при этом понимал, что возможностей у ВМОРО реализовать свои угрозы нет. Организация была бессильна, а, кроме того, фактически утратила самостоятельность, связав себя тесным сотрудничеством с младотурецким правительством – союзником режима Радославова [55]. Таким образом, альтернативы следованию в фарватере болгарской государственной политики у нее, по признанию Протогерова, не было [56].

В начале 1914 г. по каналу ВМОРО в Греческую Македонию были заброшены первые пять турецких чет. Они получили задачу организовать турецкое население в районе Кукуша, Драмы, Дойрана, но также и в сербской зоне – в Штипе и Радовише. Руководителем турецких чет стал один из председателей младотурецкого революционного комитета в

---

[52] Там же. С. 146–153, 176–177.

[53] Там же. С. 151, 165

[54] Вътрешната македоно-одринска революционна организация (1893–1919 г.). Документи на центалните ръководни органи. Т. I, Ч. 2. София, 2007. С. 1090–1092.

[55] Протогеров писал по этому поводу в конце 1913 – начале 1914 гг.: «Мы связали себя с турками, а сейчас не можем начать войну против Царя и правительства, поскольку она означала бы войну и с турками тоже». Официалната и тайната българо-турска дипломация. С. 165.

[56] Там же. С. 166.

inslav

Стамбуле Ибрагим бей, который обосновал свой штаб в Струмице [57]. Указанные четы финансировались, формировались и вооружались полностью турецким правительством. Истерзанное Балканскими войнами и понесшее и без того большие потери мусульманское население как в Македонии, так и в болгарском Гюмюрджинском округе смотрело на затею совместной болгаро-турецкой революционной организации со скептицизмом и уклонялось от участия в новых четнических авантюрах [58]. Не просто было добиться и примирения вчерашних противников в Македонии, где мусульманские четы совместно с сербскими четами и войсками принимали участие в подавлении болгарского Тиквешского восстания в июне 1913 г. [59], а греческие власти и военное командование активно использовало башибузуцкие формирования для истребления болгарского населения во время второй Балканской войны [60]. В Вардарской Македонии, кроме того, мусульманские землевладельцы сохранили права собственности на свои земли и зачастую получали поддержку сербских властей в земельных спорах с болгарскими крестьянами [61]. Сохранили турки, в отличие от болгар, и церковно-школьную автономию в Македонии.

Не могла ВМОРО в одночасье ликвидировать и существовавший десятилетиями антагонизм в Западной Македонии на албано-славянском пограничье. Дебрско-Охридское восстание в сентябре 1913 г. и последовавшие за ним события показали, что пиетет албанцев и болгар друг к другу был весьма условным, а их сотрудничество было скорее вынужденным и временным. Прибывший в Албанию в августе 1913 г. четнический воевода Милан Матов обнаружил там албанских беженцев, которые «бежали не от сербов, а от местного болгарского населения и более всего от Революционной организации». В своих воспоминаниях Матов достаточно пессимистично отзывался о возможности сотрудничества с этими

[57] *Гоцев Д.* Националноосвободителната борба в Македония 1912–1915. С. 134.

[58] Официалната и тайната българо-турска дипломация. С. 171.

[59] *Гоцев Д.* Националноосвободителната борба в Македония 1912–1915. С. 48, 74; Карнегиева фондация за международен мир. Доклад на Международната комисия… С. 300.

[60] Карнегиева фондация за международен мир. Доклад на Международната комисия… С. 94.

[61] *Гоцев Д.* Националноосвободителната борба в Македония 1912–1915. С. 70–72.

inslav

албанскими беженцами из Македонии – у некоторых из них болгарскими четниками были убиты братья и отцы, в том числе по приказу самого М. Матова [62]. Уже во время восстания в Западной Македонии тот же Матов, характеризуя бойцов одного из албано-турецких отрядов, которым ему пришлось командовать, отмечал, что среди них он «не нашел ни одного, кто бы не был [в прошлом] убийцей местных болгар» [63]. А оказавшийся в Северо-Западной Македонии в 1916 г., уже после освобождения этого края болгарскими силами, школьный инспектор С. Поппетров отмечал следующую особенность: «Тетовский округ как клещами окружен албанскими селами, жители которых были фанатично настроены против христиан и препятствовали развитию болгарского населения... Оно в этих районах настолько подавлено, что до сих пор не поет песни в полный голос, а разговор ведет шепотом. Танцуют, но без музыки и песен. Чудное и печальное явление» [64].

Одним словом, для многих и в Болгарии, и в Македонии албано-болгаро-турецкий союз в тот период казался противоестественным и сложно реализуемым на практике. Далеко не все внутри ВМОРО могли простить туркам геноцидный поход 1913 г. и уничтожение болгар Фракии. Сближение руководства ВМОРО с турецкими властями и младотурецкими комитетами в Гюмюрджинском округе, прославившимися в 1913 г. своими антихристианскими и антиболгарскими действиями, и к которым и сами руководители ВМОРО испытывали мало доверия [65], послужили причиной отхода от Революционной организации части ее четнического актива.

Некоторые четники и воеводы игнорировали новый курс революционного руководства и продолжали акции возмездия против турецкого

---

[62] *Матов М.* За премълчаното в историята на ВМОРО. С. 219, 221.

[63] Там же. С. 234.

[64] НБКМ-БИА. Ф. 808. а.е. 1. Л. 93–94.

[65] В письмах А. Протогерова в конце 1913 – начале 1914 гг. постоянно присутствовало опасение за судьбу населенного мусульманами Гюмюрджинского округа, где, по его мнению, следовало пристально следить за поведением местных турецких комитетов, пресекая их антиболгарские поползновения. См.: Официалната и тайната българо-турска дипломация. С. 147, 151–152, 177.

inslav

населения на болгарской территории [66]. А уже в ходе начавшейся Первой мировой войны русский дипломатический представитель в Дедеагаче Гаджемуков сообщал, что к нему «постоянно являются болгары, офицеры и бывшие солдаты, ...обращаются организаторы больших групп до 200 человек и выражают желание вступить в̄ [русскую] армию», в связи с чем Гаджемуков предлагал оказать содействие в формировании в районе Бургаса болгарских четнических отрядов для последующей их заброски на турецкую территорию [67]. Эта информация согласуется и с данными Милана Матова, который вспоминал, что в 1914–1915 гг. бывший член Заграничного представительства ВМОРО в Софии Павел Христов в сотрудничестве с группой отошедшего от Революционной организации Христо Цветкова и с согласия представителей стран Антанты организовал ряд диверсионных акций на турецкой территории близ Адрианополя, чем заслужил смертный приговор от Тодора Александрова [68].

Приведенный материал, таким образом, показывает, что системный кризис, который ВМОРО ощутила еще до младотурецкой революции 1908 г., после Балканских войн 1912–1913 гг. усилился многократно. Потенциал этой некогда могущественной и поистине народной Революционной организации, служившей одновременно постоянным фактором болгарской внутренней и внешней политики, несмотря на сохранявшуюся поддержку официальной Софии, в 1913–1914 гг. снижался стремительными темпами. Лишь начало Первой мировой войны привело к новому оживлению Революционной организации, перед которой теперь оказались открыты широкие ворота финансовых потоков, направлявшихся из Австро-Венгрии и Германии. Возможность снова ощутить свою значимость вскружила головы новым вождям ВМОРО и бросила их в итоге в омут очередной авантюры, закончившейся для Болгарии второй национальной катастрофой.

---

[66] В уже упоминавшемся нами донесении Петричского городского общинного управления министру внутренних дел Болгарии с жалобой на зверства четников в околии, отмечался и случай массового сожжения 25 октября 1913 г. четниками в мечети с. Елешница 41 турка, «в большинстве своем стариков, детей и женщин». Спастись удалось только двум из них – девочке 8 лет и мальчику 10 лет. НБКМ-БИА. Ф. 405, а.е. 1. Л. 7.

[67] Секретная телеграмма от 30 апреля 1915 г. РГВИА. Ф. 2000, оп. 1. Д. 3023. Л. 229.

[68] *Матов М.* За премълчаното в историята на ВМОРО. С. 320–321.

inslav

Инна Манасиева
София

Славянская идея как элемент антирусской агитации Союза за освобождение Украины в Болгарии в начале Первой мировой войны

С приближением «Великой войны» Германия и Австро-Венгрия проявили исключительный интерес к «украинскому вопросу». Официально Берлин и Вена не связывали себя посланиями, меморандумами и обещаниями украинцам Российской империи, придерживаясь официального тезиса о «единой и неделимой» России. Российские украинцы не считались заслуживающей внимания политической силой, каковой являлись поляки. Поведение же «австрийских» украинцев ввиду предстоящей войны было крайне важно, особенно для Австро-Венгрии, и она не стеснялась открыто «заигрывать» с лидерами украинского движения в Галиции. В то же время часть украинцев, эмигрировавших в Австро-Венгрию из России по причине невозможности их легальной деятельности в последней (Д. Донцов, В. Дорошенко, А. Жук, О. Скоропис-Йолтуховский, М. Меленевский и др.), начали связывать судьбу Украины с назревающим еще с 1908 г. конфликтом между Россией и Дунайской монархией. Часть из них считала желательным захват украинских территорий Австро-Венгрией, что укрепило бы украинский элемент в Российской империи.

Теория освобождения Украины с помощью Германии и Австро-Венгрии впервые была разработана в трудах Д. Донцова «Украинская государственная мысль и война с Россией», «Современное политическое положение нации и наши задачи» и «Современное москвофильство» [1]. В них автор критиковал демократическо-либеральное направление, утверждавшееся в украинской политической жизни на основе идей М. Драгоманова, и пытался доказать, что в будущем мировом конфликте украинцам надо добиваться отделения Украины от Российской империи и ее соединения с украинскими землями Австро-Венгрии – создания в

[1] *Донцов Д.* Модерне москвофільство. Львов, 1913; Сучасне політично положення нації і наші завдання. Львов, 1913.

inslav

пределах Австро-Венгрии «Украинского коронного края». Политический сепаратизм должен был сменить популярную тогда автономистскую программу, которая только парализовала творческую энергию украинского движения. В конфликте украинцам следовало принять активное участие на стороне Германии и Австро-Венгрии, поскольку «и самая маленькая неудача России, отделение от нее и самого маленького кусочка украинской земли ведет к укреплению и консолидации украинского элемента в Австрии, а вместе с тем приближает и момент освобождения от русской неволи» [2]. Д. Донцов предлагал двухэтапную концепцию: освобождение украинских территорий России с помощью Австро-Венгрии и создание автономной единицы под ее протекторатом. Согласно автору, в составе Австро-Венгрии украинцы смогут быстрее подготовиться к следующему этапу – созданию политически независимого государства.

Начало Первой мировой войны предоставило сепаратистскому направлению украинского национального движения идеальную возможность для реализации своих целей. В начале августа 1914 г. украинские партии Австро-Венгрии образовали Главную Украинскую Раду (ГУР) во главе с лидером украинской фракции в австрийском парламенте К. Левицким. В призыве ко всем украинцам Рада предложила бороться на стороне конституционной Австрии, названной их самым большим другом, против самодержавной России, их исторического врага: «Победа австро-венгерской монархии будет и нашей победой, чем большее поражение постигнет Россию, тем скорее приблизится год освобождения украинцев» [3]. Австрийское правительство разрешило ГУР начать создание украинского военного формирования – легиона Украинских сечевых стрелков (УСС), который, по замыслу Рады, необходимо было превратить в ядро будущей национальной армии.

Одновременно с этим украинские революционеры-политэмигранты (Д. Донцов, В. Дорошенко, А. Жук, М. Зализняк и другие – всего около 10 человек) создали 4 августа 1914 г. в Львове Союз освобождения Украины (СОУ). Руководство ГУР поддержало учреждение организации. Целью Союза, изложенной в его программном документе «Наша платформа» (издан 2 октября 1914 г.), являлась независимая Украина – конституционная монархия с демократическим политическим строем, одно-

---

[2] Цит. по: *Телешун С.* Національне питання в програмах українських політичних партій в кінці XIX – на початку XX століття. Киев, 1996. С. 55.

[3] «Діло». 1914. 3 серпня.

inslav

палатным парламентом, гражданскими, языковыми и религиозными правами и свободами, самостоятельной украинской церковью; предусматривалось проведение аграрной реформы с выгодой для крестьян. Реализация этой цели была возможна в случае военного поражения России. Если украинские земли, которые отделятся от Российской империи, будут присоединены к Австрии, то СОУ настоит на создании отдельной автономной области. Документ заканчивался выраженной лидерами СОУ надеждой на окончательную победу австро-венгерской и германской армий, которые разобьют Россию, и на руинах Российской империи «возникнет Независимая Самостоятельная Украина» [4].

Среди непосредственных задач, которые Союз поставил перед собой, были защита интересов украинского народа перед правительствами воюющих держав и на возможных международных конференциях, а также популяризация украинского вопроса в Европе посредством газетных публикаций, брошюр и др. 5 октября увидел свет и первый номер «Вестника Союза освобождения Украины», печатного органа организации, который без перерыва выходил до 1917 г.

В первом номере газеты было опубликовано воззвание «К общественной мысли в Европе», где осуждалась агрессивная внешняя политика России, и говорилось, что империя Романовых, воспользовавшись слепотой славянских народов и прикрываясь идеями панславизма, уничтожила Украину и Польшу, а сейчас ее взор обращен на славянские народы Австро-Венгрии, живущие в Галиции. «Только свободная Украина, связанная с Тройственным союзом, могла бы посредством своей огромной территории от Карпат до Дона и Черного моря уберечь Европу от России, раз и навсегда обезвредить экспансию царизма и освободить славянский мир от пагубного влияния панславизма». Авторы воззвания утверждали, что историческая миссия украинцев всегда заключалась в защите своей культуры от азиатского варварства Москвы, а в борьбе против России Украина часто искала помощи у Европы, особенно – у Германии. Упоминалась дипломатическая деятельность украинских гетманов Б. Хмельницкого, И. Выговского, П. Дорошенко, И. Мазепы и П. Орлика. Документ заканчивался констатацией: «украинский вопрос одновременно является и делом европейской демократии», и призывом к общественности тех

[4] «Вістник Союза визволення України». 1914, 5 окт. Ч. 1. С. 1; *Дорошенко Д.* З історії української політичної думки за часів світової війни. Прага, 1936. С. 36.

inslav

народов, «чьи политические интересы в этот великий час совпадают с интересами свободы и цивилизации», принять близко к сердцу украинскую идею [5].

Лидеры СОУ развернули активную деятельность. Они объявили Союз «полноправной договаривающейся стороной», которая представляет будущую «суверенную Украину XX века»[6]. В первых номерах газеты СОУ опубликовал обращение к Болгарии, Румынии, Турции – государствам, которых Союз считал непосредственными соседями будущей Украины. В обращении к Болгарии Союз призвал болгар выступить против «славянской политики» России, которая в балканских конфликтах поддержала Сербию и тем помогла ей отнять у Болгарии Македонию: «Может ли после того болгарский народ в этот великий момент перекраивания карты Европы во имя предстоящего развития самостоятельных народов не ополчиться против панславистской лжи России? Поскольку ясно, что под прикрытием «славянского единства и братства» северный деспот стремится к новым территориальным приобретениям, желает подчинить все славянские народы и всем им уготовил ту злую судьбу, которая постигла народы, имевшие несчастье оказаться в московском государстве». Обращение датировано 25 августа 1914 г. и завершено напоминанием, что Союз внимательно следит за подготовкой болгар к выступлению вместе с Турцией и Румынией «с оружием в руках против России и ее безумных союзников». Последние слова документа таковы: «В этот момент украинский народ шлет вам не славянский, а общечеловеческий, теплый, братский привет» [7].

Россия и ее славянская политика – частый мотив в публикациях газеты СОУ, касающихся отношений между Украиной и Болгарией. Неоднократно в них проводились аналогия между судьбами этих двух стран, пострадавших от панславизма, являвшегося, по мнению лидеров Союза, орудием агрессивной внешней политики Российской империи. Устанавливались параллели, и сравнивалось состояние Болгарии во время и после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с состоянием русской части Украины в начале XX в. В статье «Добрая почва» (сентябрь 1915 г.) отмечалось: «Культурные силы болгарского народа... были значительно

[5] «Вістник Союза визволення України». 1914, 5 окт.,Ч. 1. С. 2.

[6] *Михутина И.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 172.

[7] «Вістник Союза...». 1914, 5 октомври. Ч. 1. С. 4–5.

inslav

слабее современных культурных сил украинского народа в России... Города в Болгарии того времени были значительно больше отуречены, чем сейчас русифицированы города на Украине, и это может быть сказано в целом об экономических и социальных отношениях»[8]. Статья являлась редакционной и появилась на первой странице газеты. Авторы публикации подчеркивали, что спустя четверть века самостоятельная Болгария уже основательно встала на ноги, «при учете ее исключительно сельской основы». Это позволило им прийти к выводу, что борьба украинцев, также представлявших собой сельскую нацию, и помощь Центральных держав могли бы привести к созданию украинского государства, чем был бы нанесен «самый решительный удар по панславистской идее России».

Поздравляя болгар с тридцатилетием Соединения Болгарии и Восточной Румелии, лидеры СОУ вновь представили Болгарию примером национально-государственного развития сельской нации, у которой украинцам необходимо взять урок: «Болгары свою современную государственность начали практически как нация крестьян, создали свою весьма патриотично настроенную интеллигенцию, построили здоровый национальный организм. Это дает нам, украинцам, сейчас уже обладающим полностью дифференцированным обществом с остатками аристократии, зародышами буржуазии и весьма многочисленной интеллигенцией, гарантию нашего уверенного будущего. В качестве образца такого будущего Украины среди всех славянских государств Болгария наиболее привлекательна для нас» [9].

В статье «Конвульсии русского наступления и общеславянской глупости» (ноябрь 1915 г.) лидеры СОУ осудили с позиции Болгарии славянскую политику России, вошедшую непосредственно перед Первой мировой войной в противоречие с национальными интересами болгар. Авторы публикации отметили, что вопреки симпатии болгарского народа к своим освободителям, Российская империя не прекращала проводить антиболгарскую политику на Балканах; в качестве примера они указали на русскую поддержку сербской пропаганды в Македонии, посредничество России при оформлении Балканского союза в 1912 г., русскую протекцию антиболгарскому сербско-греческому союзу 1913 г. [10]. Раны первой национальной катастрофы были все еще свежи и крайне болезненны

[8] «Вістник Союза...». 1915, 6 септември. Ч. 27–28. С. 1–2.
[9] «Вістник Союза...». 1915, 26 септември. Ч. 33–34. С. 1–2.
[10] «Вістник Союза...». 1915, 14 ноември. Ч. 47–48. С. 2–4.

inslav

для болгар, и лидеры СОУ умело использовали это в своей антирусской пропаганде: «Среди наименьших зол самое болезненное – то, что славянская Россия позволила в 1913 г. неславянским государствам ограбить Болгарию… Дала возможность Румынии напасть на Болгарию и захватить Добруджу… Когда вспыхнула нынешняя война, Россия открыто заявила, что она борется за Константинополь, Дарданеллы и превращение Черного моря в русское. Осуществление этих планов означало бы для Болгарии политическую и национальную смерть». В конце статьи авторы пришли к выводу, что славянофильство на Балканах постепенно теряет почву под ногами: «От этого извращенного движения первыми отошли украинцы, вслед за ними уходят болгары, вскоре придет черед и сербов. От решения украинского вопроса, прежде всего, зависит, сохранится ли в будущем опасность для непосредственного западного соседа славян» [11].

В поисках международной поддержки своего дела Союз, заручившись моральной и финансовой помощью германского и австрийского правительств, с началом Первой мировой войны отправил своих представителей в ряд европейских государств. Первым местом назначения эмиссары СОУ избрали балканские страны: Болгарию, Турцию и Румынию. Прибыв в столицы этих государств, они развернули мощную антирусскую агитацию, с целью вызвать общественный интерес к украинскому вопросу, а также повлиять на позицию нейтралитета балканских стран и подтолкнуть их в настоящей войне встать на сторону Центральных держав.

В конце октября 1914 г. в Болгарию по пути в Константинополь прибыли два делегата Главной украинской рады – Степан Баран и Лонгин Цегельский, последний и в качестве представителя СОУ. В Болгарии посланники Союза сумели устроить встречи с премьер-министром В. Радославовым, лидером Народно-либеральной партии Н. Генадиевым, председателем Народного собрания Д. Вачовым и его заместителем И. Момчиловым [12]. В продолжение двух недель украинцы встречались с болгарскими политиками и общественными деятелями, разъясняя сущность украинского вопроса (в понимании его лидеров Союза) и его значение как для балканских народов, так и для всей Европы. Делегаты покинули Софию удовлетворенными: «Болгария знает о нашем деле, ему сочувствует и понимает свой интерес в нем, а при удачном стечении обстоятельств и по-

[11] Там же. С. 4.

[12] Дневник, 1914, 23 октомври, № 4366; 27 октомври, № 4370; «Воля», 1914, 22 октомври, № 521.

inslav

может нам в борьбе. В Софии понимают, что основы украинской и болгарской политики в сущности являются одинаковыми» [13].

Еще с момента своего прибытия в Болгарию члены Союза заказали ряд публикаций в местной прессе. Инициированные СОУ статьи, посвященные украинскому вопросу, появились в газетах «Камбана», «Дневник», «Народни права», «Нов век», «Утро», «Воля», «Социалистически преглед», журнале «Читалище» – в 1914–1915 гг. в болгарской печати были опубликованы материалы идеологов украинского национального движения Владимира Дорошенко, Михаила Лозинского, Валерия Яворского, Евгения Левицкого, Мариана Меленевского; почти дословно перелагаются брошюры Михаила Грушевского «Обзор украинской истории» и Лонгина Цегельского «Не освободительница, а угнетательница народов (как Россия «освобождала» Украину)» [14]. Украинской проблематике были посвящены статьи и в провинциальной прессе – материалы появились в газетах «Ратник» (Русе), «Бургаски глас» (Бургас), «Зарница» (Пловдив), «Народни сговор» (Кюстендил) [15].

Газета «Камбана» (редактор – Христо Станчев) практически превратилась в трибуну Союза в Болгарии. Почти в каждом номере издания были помещены антирусские статьи, а также материалы, посвященные украинской проблеме. Корреспонденты осуждали Россию в ее качестве носительницы мессианской «славянской идеи», пагубной для национальных интересов как болгарского, так и украинского народов. «Напрасно московские варвары-азиаты кричат, что немцы были врагами «славянской» культуры. Славянской культуры нет... Существовала и существует болгарская культура, которая веками затаптывалась и выкорчевывалась московско-православными эллинами. Существовала и существует культура украинского народа... Немецко-славянские армии, враги «общеславянской культуры»... освобождают и Болгарию, и Украину», – написал в статье «Украина освобождается» Захарий Петров [16]. Благодарный за эти

[13] «Вістник Союза...». 1914, 30 ноември. Ч. 3–4. С. 12.

[14] Дневник, 1915, 4 януари, № 4437; «Воля». 1914, 4 ноември, № 532; 25 ноември, № 550; 26 ноември, № 551; 1915, 15 февруари, № 617; Камбана, 1915, 14 юли, № 2319, 29 октомври, № 2418 и др.

[15] «Вістник Союза...». 1915, 12 септември. Ч. 29–30. С. 19.

[16] «Камбана». 1915, 27 юни, № 2301.

inslav

слова представитель СОУ в Болгарии Лев Ганкевич назвал его «нашим другом» [17] – другом Союза и украинцев.

Но настоящую полемику между лидерами СОУ и русофилами в Болгарии вызвала брошюра Л. Цегельского «Не освободительница, а угнетательница народов (как Россия «освобождала» Украину)» [18], изданная в Софии на болгарском языке в 1914 г. К ее выходу проявили интерес СМИ в Болгарии. Например, самый распространенный болгарский информационный ежедневник «Дневник» посвятил сочинению Цегельского две вступительные статьи: «Последствия войны. Украинский вопрос» и «Освободительная миссия России. Война малых народов» [19]. В них цитировались целые отрывки из брошюры. Газеты «Камбана» и «Ратник» тоже отреагировали на ее выход.

Брошюра состоит из двух глав и сопровождается воззванием Союза, манифестом ГУР и этнографической картой Украины. Первая глава «Как Россия «освобождала» Украину?» начинается с тезиса о том, что Россия под лозунгом «освобождения славян от германского ига» развязала Первую мировую войну [20], и посвящена истории украинских земель со времени гетмана Б. Хмельницкого до начала XX в., зарождению украинского национального движения и его развитию в Австро-Венгрии и России. В конце главы объяснено, почему Союз, названный «выразителем украинских национально-политических устремлений», предпочитает встать на сторону Четверного союза: «Мы, хорошо узнавшие психологию русского абсолютизма, уверены, что после уничтожения Австрии, пришла бы очередь Румынии, Болгарии, Сербии, Турции, Греции, Швеции, Норвегии и др. А разгром России и создание новых государств (Украины, Польши, Финляндии) в роли защитной стены между Балканами, Европой и Россией застраховали бы раз и навсегда малые народы северной и центральной Европы и Балканского полуострова от русской опасности... Создание украинского государства раз и навсегда отбросило бы Россию от Черного моря, а вместе с тем рассеяло бы черное облако, которое более 150 лет нависает над всем Балканским полуостровом. Отделенная

[17] «Вістник Союза...». 1915,12 септември. Ч. 29–30. С. 19.

[18] *Цехелски Л.* Не освободителка, а потисница на народите (Как Русия освобождава Украйна). Издание на Съюза за освобождение на Украйна. София, 1914.

[19] «Дневник», 1914, 6 ноември, № 4380; 1915, 4 януари, № 4437.

[20] *Цехелски Л.* Не освободителка... С. 4.

inslav

сильной украинской стеной от Черного моря и Балканского полуострова, Россия перестала бы угрожать существованию балканских народов и потеряла бы интерес к интригам на Балканах»[21]. Именно этот отрывок брошюры больше всего цитировался болгарскими газетами.

Вторая глава – «Украина и Болгария» – посвящена культурным связям и взаимному влиянию двух народов[22], начало которым положило пребывание Кирилла и Мефодия в Крыму и на «украинских берегах Черного моря». Автор остановился на вопросе зарождения украинской государственности, целиком следуя концепции М. Грушевского, изложенной в его многотомной монографии «История Украины-Руси». Л. Цегельский писал о *южноукраинских* племенах, населявших Киевскую Русь, о Киеве как центре *Украины*, *украинском* князе Святославе и его походе на Болгарию как о единственном в течение всего средневековья инциденте между двумя странами. Согласно Л. Цегельскому, официальное введение христианства на Украине пришло из Болгарии, а вместе с ним – и церковные книги, и светская письменность. Это усилило болгарское влияние в стране и почти его сравняло с влиянием Византии. В XIX в. роли поменялись, и уже украинцы были в состоянии культурно влиять на болгар. В качестве примера указывалось на роль *украинца* Ю. Венелина в болгарском возрождении, влиянии Т. Шевченко и М. Вовчок на болгарскую литературу и особенно на творчество Р. Жинзифова, П.Р. Славейкова, Л. Каравелова. Отдельное внимание было оказано вкладу М. Драгоманова.

Представляется, что СОУ достиг своей цели: его инициатива вызвала любопытство в болгарском обществе и породила дискуссию о сущности этого вопроса и интересах России и Австро-Венгрии в его решении. Ответом на брошюру Л. Цегельского занялся член Славянского общества в Болгарии и директор городской библиотеки в Варне Я. Романчук, украинец из Львова, эмигрировавший в начале XX в. в Болгарию. Он обвинил Л. Цегельского и Союз в представлении интересов лишь части украинцев из Галиции, где во второй половине XIX в. зародились два украинских течения: соединистов (русофилов) и сепаратистов (украинофилов). Разница между ними состояла в ответе на вопрос, какой славянской нацией являются украинцы: часть ли они «всего русского племени» или его отдельная ветвь. Украинофильское течение, согласно Я. Романчуку, поддерживается Австрией исключительно по той причине,

[21] Там же. С. 21.
[22] Там же. С. 23–26.

inslav

что она «тем самым задумала совершить политическую диверсию против России» [23]. Его статья «Европейская война и русско-украинский вопрос» была обращена к «более трезвым украинофилам», которые уразумеют, что «в вихре политических страстей в Европе не должен быть так легкомысленно поднят национальный русско-украинский спор, который значительно проще может разрешиться без вмешательства политически заинтересованных стран» [24].

Я. Романчук попытался опровергнуть утверждения Л. Цегельского, что вина в развязывании войны лежит только на Российской империи: «Корыстные цели в настоящей европейской суматохе есть у всех европейских государств» [25]. Незнанием бывших тогда актуальными политических вопросов он объяснил несостоятельность утверждения своего оппонента, что, если предположить победу России в войне, произойдет уничтожение ряда западно- и центральноевропейских государств, восклицая при этом: «Будто Россия могла бы диктовать всему миру!.. России нужно уважать интересы таких же победительниц Англии и Франции и… едва ли было бы в интересах двух последних, чтобы Россия сама завладела таким миром» [26].

Во второй части своей статьи Я. Романчук рассуждал об утверждении Л. Цегельского, что украинский народ является полностью самостоятельным и отдельным, как от польского, так и от великороссского. Он рассмотрел появление терминов «русский», «русинский», «украинский», «малороссский», «южнорусский». Согласно ему, ученые-слависты убеждены, что не существует одной неделимой славянской нации, однако к единому заключению, каково точное количество славянских народов, так и не пришли. С этой целью Я. Романчук рассмотрел касающиеся этого вопроса теории Добровского, Шафарика, Срезневского, Шлейхера, Миклошича, Флоринского и Ягича. Сам он признавал верным то, что, вопреки известным «диалектическим» различиям между великороссами и малороссами, они – часть одного целого русского племени [27]. В защиту данного утверждения в конце 1914 – начале 1915 гг. в журналах «Българска сбирка»

---

[23] *Романчук Я.* Европейската война и руско-украинския въпрос. Варна, 1914. С. 4.

[24] Там же. С. 5.

[25] Там же. С. 11–12.

[26] Там же. С. 14.

[27] Там же. С. 32–33.

inslav

и «Славянски глас» вышла публикация Николы Бобчева, публициста и редактора печатных органов Славянского общества в Болгарии – «Славянски глас», «Славянски календар» и «Славянска библиотека».

Ответ Л. Цегельского не заставил себя ждать. В 1915 г. появилась его новая брошюра «Украинство – не немецкая ли это интрига? Ответ русофилам Я. Романчуку и д-ру Н. Бобчеву», где автор обвинил русофилов Болгарии в «расовом взгляде на взаимные отношения славянских народов» [28], в неубедительности противопоставления «славянства против германизма». В отличие от первой брошюры эта была написана достаточно эмоционально, автор во многих местах вступил в заочный спор со своими оппонентами, часто прибегая и к личным нападкам.

По Л. Цегельскому, Россия освобождала балканские народы из-под власти Турции не потому, что они – славянские: греки и румыны не являются славянами, и это для автора было неоспоримым доказательством выдвинутого тезиса. Цель России – ослабить Османскую империю, чтобы получить Константинополь и проливы. Кроме того, в лице освобожденных малых государств Россия намеревалась получить оружие в борьбе против Германии и Австрии. Л. Цегельский считал крайне ненаучной схему Я. Романчука, согласно которой на протяжении своей многовековой истории славяне страдали только от неславян. В качестве аргумента он отметил то обстоятельство, что украинцы и белорусы угнетались поляками, а в последнее время три перечисленных народа страдают от «московитов»; автор обратил внимание и на болезненную для болгар ситуацию, что «болгарская Македония разорвана славянской Сербией» [29].

Согласно мнению Л. Цегельского, уровень украинской культуры, чьи основы – западноевропейские, был очень высок до XVII в., но затем ее развитие было «нагло и грубо прервано появлением «славян» г-на Р[оманчу]ка, т. е. Московии-России на мировой арене», и это имело для некоторых «великих славянских народов (украинцев и белорусов) такое же нивелирующее значение, как в XV в. нашествие турок на Балканы» [30]. Поэтому роль украинцев в этой мировой войне – спасение малых славян-

[28] *Цехелски Л.* Украинство немска интрига ли е? Отговор на русофилите Я. Романчук и д-р Н. Бобчев. Превод от украински ръкопис. София, 1915. С. 7.

[29] Там же. С. 11.

[30] Там же. С. 12–13.

inslav

ских народов от переплавки и вливания в «русское море». И такую задачу поставил перед собой Союз освобождения Украины.

Отвечая на вопрос, может ли считаться украинская идея следствием иностранной интриги, Л. Цегельский часто прибегал к сравнению украинского и болгарского национальных движений. Считая Я. Романчука предателем украинского движения, человеком, «вставшим в ряды поянычаренных могильщиков украинства» [31], он удивлялся, как Н. Бобчев, принадлежащий народу, столь долго боровшемуся за свою свободу, не в состоянии постичь украинские освободительные устремления. Л. Цегельский задавал вопрос Н. Бобчеву и всем болгарским патриотам, имело ли болгарское освободительное движение в XIX в. собственную основу и могло ли оно быть названо лишь «русской интригой» и «результатом русских рублей»? Если бы в Софии болгарские надписи на учреждениях сменились русскими, если бы в школах преподавание велось только на русском языке, прекратилась вся болгарская печать, оставались бы и тогда болгары воодушевленными «освободительной миссией России для славянства»? Л. Цегельски обвинял русофилов в Болгарии, которых их собственная благодарность за освобождение страны заставляет «плясать под русскую дудку», в склонности думать, что и украинцы «запряглись служить немцам» [32].

В конце своего сочинения Л. Цегельски рассуждал о перспективах Украины по окончании военного конфликта [33]. В его планах свобода украинского народа была нераздельно связана с Габсбургской монархией: «Если не будет надежды на разгром России, то присоединение сколь возможно большей части Украины к Австрии было бы большим национальным выигрышем для нас». Гипотетически он считал возможным, что после разгрома Российской империи в Центральной и Восточной Европе появятся «два новых и достаточно сильных славянских государства»: Польша и Украина. Согласно ему, как по территории, так и по населению эти две страны были бы чрезмерно большими, чтобы превратиться в обычные австрийские или германские провинции, да и другие европейские государства воспротивились бы этому. Однако из дальнейшего изложения становится ясно, что, в сущности, другим был идеал Л. Цегельского. То ли из-за недоверия к собственными силам украинского народа,

[31] Там же. С. 5.
[32] Там же. С. 51, 105, 107.
[33] Там же. С. 104–106.

inslav

то ли из-за сомнений в возможной международной поддержке независимой Украины (последующее развитие событий, приведшее к кратковременному существованию независимой Украинской народной республики, покажет, что его опасения в обоих случаях имели под собой почву), но он связывал судьбу украинцев с Австрией.

Его планы шли даже далее – в них Габсбургам отводилась роль объединителей славянства. Объединение украинских и польских земель в рамках Австро-Венгрии превратило бы империю в государство с преимущественно славянским населением, со временем могущее стать «славянским государством с неславянским меньшинством». Он разделял идею федерализма, популярную в то время в украинской общественной мысли, но в отличие от других ее приверженцев, для которых свободное развитие украинского народа было возможным в рамках федеративной реформированной России, его идеалом являлась Украина в федерации славянских и неславянских народов под скипетром династии Габсбургов. Интересно, что Л. Цегельский не находил в этой федерации места для болгар. Тогда как сербы, согласно ему, только бы выиграли, реализовав свой идеал национального объединения в рамках возможно реформированной империи: «И на самом деле, что потеряют сербы от того, что их скупщина будет созываться не в Белграде, а в Сараево, и не во имя Карагеоргиевича, а во имя Габсбурга. Они только получат свое национальное объединение, мирное развитие, культурное сближение с западом и экспорт продукции в Австрию, а также и авторитет в глазах соседей» [34].

Реакция Я. Романчука была молниеносной – кроме несогласия с теориями Цегельского, он чувствовал себя обязанным ответить и на личные нападки и обвинения в предательстве, предъявленные ему в брошюре. Так появилась его статья «Культурное и политическое украинофильство. (Статья по поводу брошюры Л. Цегельского «Украинство – не немецкая ли это интрига?»)». Ее выход Романчук объяснял тем, что «украинский вопрос сам по себе заслуживает внимания всего славянского мира» [35]. В своем творении он остановился на появлении украинофильства – так он назвал инспирированную поляками в Галиции идеологию, которая своим сепаратизмом коренным образом отличалась от такого же течения

[34] Ibid. С. 106.

[35] *Романчук Я.* Културното и политическото украинофилство. (Статия по повод брошурата на Л. Цегелски: «Украинството немска интрига ли е?». София, 1915). Варна, 1915.

inslav

в российской части Украины. По мнению Я. Романчука, идеи Л. Цегельского не могут разделяться ни другими славянскими народами, ни большей частью украинцев, поскольку «все без различия славяне нуждаются в «славянстве», т. е. в известном согласии, потому что при всех своих национальных и культурных различиях... они имеют и множество общих интересов». Вывод Я. Романчука заключался в том, что именно этим интересам и было оказано пренебрежение со стороны «украинофильской партии», которая в этот судьбоносный для славянских народов момент «пытается отколоть южнорусскую ветвь от российского государства и основать без какой-либо политической и экономической нужды новое, независимое украинское царство» [36]. Брошюра Л. Цегельского имела точно обратный эффект и еще больше убедила Я. Романчука, что те, кто следует за химерой отделения Украины от России, вольно или невольно помогают Австрии и Германии, «думая, что эти две державы заботятся не о своих собственных интересах, а об интересах украинофильской партии» [37].

В заключение Я. Романчук попытался убедить своего оппонента, что Союз освобождения Украины напрасно ищет единомышленников среди болгар, поскольку болгарский народ «не приложит руку к тому, чтобы помочь украинофилам в их братоубийственной войне против русского народа» [38]. Его прогнозы оказались неверны – после так называемого болгарского лета 1915 г., вопреки объявленному в начале военного конфликта нейтралитету, в сентябре того же Болгария включилась в войну на стороне Центральных держав. Поздравляя Болгарию с верным с их точки зрения решением, лидеры Союза отчитались о своей деятельности в этом балканском государстве, посчитав ее несомненным успехом.

Идеи Л. Цегельского, нашедшие место в издаваемых Союзом брошюрах, все еще имели сторонников среди болгар. И не только в редакции газеты «Камбана», чей редактор Христо Станчев был назван Л. Ганкевичем «горячим поклонником и другом украинцев» [39]. В 1916 г. немецкий журнал «Osteuropäische Zukunft» опубликовал статью Тодора Панова «Болгария и украинский вопрос». Ее автор являлся одним из основоположников социологии и военной психологии в Болгарии, а в

[36] Там же. С. 4.
[37] Там же. С. 37.
[38] Там же. С. 38.
[39] «Вістник Союза...». 1915, 12 септември. Ч. 29–30. С. 19.

inslav

1914 г. вышла его книга «Психология болгарского народа». В ней автор решительно выступил против славянской теории происхождения болгар и сделал попытку дискредитировать балканскую политику России. На протяжении целой главы книги он описывал, как Российская империя под лозунгом освобождения южных славян предприняла несколько войн с Османской империей, но, в сущности, единственной целью российской дипломатии было овладение Константинополем, путь к которому лежал через Болгарию. Поэтому существование «самостоятельной Болгарии как политической единицы, с точки зрения российских национальных задач, является большой ошибкой» [40], которую Россия стремится исправить. В книге Т. Панов послал болгарам предупреждение: «Ни одна сила в мире не принесла столько несчастья Болгарии, как славянство и славянская идея» [41]. Т. Панов искренне верил в то, что Россия не задумается перед тем, чтобы пройти через Болгарию, если она встанет на ее пути в Константинополь. В начале «Великой войны» он и т. н. русофобы в Болгарии остро осудили внешнюю политику Российской империи и навязываемую ею мессианскую «славянскую идею». Не удивительно, что они одобрили деятельность Союза в Болгарии, а в изданных им брошюрах нашли подтверждение собственным взглядам и идеям.

В статье «Болгария и украинский вопрос» Т. Панов утверждал, что оба «знаменитых труда» Л. Цегельского разъяснили сущность украинского вопроса и сумели склонить практически все болгарское общество на сторону украинцев в их борьбе против Российской империи. Исключением являются «спорадичные одиночки среди т.н. русофилов в Софии, для которых непогрешимость России во всем больше непогрешимости Папы», и для которых украинский вопрос может рассматриваться единственно через призму славянского вопроса [42]. Т. Панов считал, что для национальных интересов Болгарии важно создание независимого государства украинцев «по чисто эгоистическим причинам, из инстинкта самосохранения» [43], чтобы Украина могла преградить России путь к Константинополю и проливам, отклонив его от Болгарии.

---

[40] *Панов Т.* Психология на българския народ. Велико Търново, 1992. С. 111.

[41] Там же. С. 97.

[42] Цит. по: «Вістник Союза...». 1916, 16 септември. Ч. 114. С. 572.

[43] Там же.

inslav

Лидеры Союза освобождения Украины умело воспользовались противоречивыми чувствами болгар по отношению к России и противоречиями между русофилами и русофобами в этой стране. Поэтому именно в Болгарии они постарались использовать славянскую идею как один из основных элементов своей антирусской агитации.

В ходе войны внимание к украинскому вопросу в Европе отошло на задний план. Озабоченные самосохранением, члены Союза постепенно потеряли интерес к Болгарии. Но и в самой Болгарии из-за экономического кризиса и внешнеполитического напряжения, вызванного войной, правительственные круги и общество прекратили интересоваться украинским вопросом.

С болгарского языка перевел Н.С. Гусев

inslav

Идеи югославизма

и опыт их реализации

inslav

А.Л. Шемякин
Никола Пашич
и проект сербско-болгарского союза.
1870–1880-е гг.
– 135 –

Светлозар Елдаров
Хорватский путь
от неославизма к югославизму
– 151 –

Ю.В. Лобачева
Проекты югославянской интеграции
в годы Первой мировой войны
и образование Королевства
сербов, хорватов и словенцев
в 1918 г.
– 169 –

Н.С. Пилько
Идея югославизма
и словенская политическая элита.
1914–1918 гг.
– 185 –

А.А. Силкин
Югославянская идея и проблемы ее реализации
в Королевстве
сербов, хорватов и словенцев.
1918–1929 гг.
– 201 –

Румяна Конева
Пан-Европа, Балканы и Болгария
– 219 –

inslav

А.Л. Шемякин
Москва

Никола Пашич и проект сербско-болгарского союза (1870–1880-е гг.)

Никола Пашич – один из самых «непотопляемых» политиков независимой Сербии и «первой» Югославии (в течение своей карьеры он 22 раза возглавлял кабинеты) – был связан с Болгарией весьма специфическими узами, носившими, с одной стороны, личный, а с другой – идеологический характер. Он родился в 1844 г. в полиэтническом окружении Восточной Сербии, в Заечаре – городке на границе с Болгарией (на противоположном берегу пограничной реки Тимок находится болгарский Видин). Знал болгарский язык, о чем свидетельствуют опубликованные документы [1]. Его сестра была замужем за болгарином – чиновником Министерства внутренних дел Христо Ивановым (в 1880-х гг. – полицмейстером Видина, Силистрии и Софии), который переехал затем, вследствие политических обстоятельств, с семьей в Сербию, сменив имя и фамилию на Ристо Йовановича. Мало того, в Болгарии Пашича и ныне нередко считают «посербленным болгарином из Заечара» [2]. А черногорские сербофобы, группирующиеся вокруг так называемой Дуклянской академии наук, идут еще дальше, называя его «сыном эмигранта, болгарского армянина…» [3].

В 1870-е годы, будучи сторонником и близким другом основателя сербского социалистического движения Светозара Марковича, он принял его идею о Балканской федерации и в 1876 г. в известном программном письме воеводинскому либералу Мише Димитриевичу, относительно болгар, решительно заявил: «Что касается освобождения и объединения (имеется в виду всех сербов. – *А.Ш.*), мы всегда выступали за. Только, по нашему мнению, лучшим решением этого вопроса было бы освобожде-

---

[1] См., например: Архив на Възраждането. Т. 2. Документи по Съединението. София, 1908. С. 325.

[2] *Църнуманов К.* Македонизмът и съпротивата на Македония срещу него. София, 1992. С. 43.

[3] *Radojević D.* CXIV godina i ličnosti. Prilog leksikonu ličnosti, koje su doprinjele nestanku Crnogorske države. DANU. Podgorica, 2011. S. 9.

inslav

ние революционным путем... Мы за союз сербско-болгарского народа, а по возможности, и за создание Дунайской конфедерации» [4].

Эту идею сербско-болгарского союза Пашич продолжал активно «раскручивать» и в эмиграции, где оказался после неудачного Тимокского восстания (октябрь 1883 г.). Но, спрашивается, что его к ней привело?

Напомним, что начало 1880-х оказалось для независимых балканских государств временем бурным. Элита освобожденных народов стояла перед выбором пути внутреннего развития: куда идти, и с кем идти? Столкнулись, а кое-где буквально вошли в клинч, два подхода. Один – на ускоренную модернизацию (или вестернизацию); другой – на отстаивание традиционных ценностей в рамках привычной системы аграрного статичного мира. «Либеральная идея и традиция» – это сквозное противоречие определяло всю историю Балкан вплоть до Первой мировой войны.

Наиболее драматично оно проявилось в Сербии. По точной оценке современника – болгарского общественного деятеля Стефана Бобчева, считавшего «внутреннюю» борьбу явлением *типическим* в период становления молодых балканских государств, Сербия (отягощенная соперничеством двух своих «народных» династий) «представляет собой его самый рельефный пример» [5]. После Берлинского конгресса, даровавшего ей независимость, князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым, он четко обозначил свое намерение *втянуть* Сербию в Европу. Призванный в октябре 1880 г. к власти кабинет прогрессистов (напредняков) во главе с Миланом Пирочанацем и попытался осуществить этот «прыжок из балканского мрака на европейский свет».

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа. Стремление властей «европеизировать» страну скорым кавалерийским наскоком (т. е. «насадить в ней европейскую культуру» [6] и «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские» [7], как отмечали русские очевидцы), причем без

---

[4] *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891). Приредили Л. Перовић и А. Шемјакин. Београд, 1995. С. 52.

[5] *Бобчевъ С.С.* Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903. С. 27.

[6] *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. 2-е изд. СПб., 1898. С. 90.

[7] *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. № 4. С. 762.

inslav

всякого учета ее адаптивных способностей, вызвало протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к Радикальной партии, основанной в 1881 г. соратниками С. Марковича. Ее главой, однажды и навсегда, стал Никола Пашич. Отрицая универсальный характер исторического пути Европы и ее образцов, сербские радикалы провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской *самобытности*, каковую они отождествляли с только что обретенной свободой. «Мы совсем не бережем то, что серба делает сербом, – утверждал радикальный лидер, – но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы» [8].

Острый внутренний конфликт завершился лобовым столкновением – неудавшимся Тимокским восстанием. Обренович IV жестоко подавил его и обезглавил Радикальную партию, арестовав почти всю ее верхушку. Пашичу и нескольким десяткам радикалов удалось покинуть страну. Но они и не собирались складывать оружия. Напротив, ожесточение против «внутренних изменников» только росло. За время эмиграции Пашич предпринял четыре попытки поднять в Сербии новое восстание и свергнуть Милана Обреновича с престола [9]. Две из них были связаны с Болгарией, где он и осел временно в октябре 1883 г. [10].

Здесь, не найдя союзников для реализации своих заговорщических планов – как в лице официальной России, так и болгарского правительства, он обратился к деятелям «революционных и патриотических организаций» [11], реанимируя при этом старую мысль сербских социалистов о тесном сербско-болгарском сотрудничестве. Не зря в проекте соглашения между сербами и болгарами от 15 сентября 1885 г. он прямо апеллировал к именам и идеям 10-летней давности. «Этот проект соглашения следует расширить и развить в духе идей и принципов, которые проповедовали два великих патриота – Любен Каравелов и Светозар Маркович» [12]. И в

---

[8] Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-27.

[9] Подробнее о них см.: *Шемјакин А.* Никола Пашић у емиграцији (1883–1889). Бугарска, Румунија, Русија // Никола Пашић. Живот и дело. Београд, 1997. С. 215–226.

[10] Фактическая сторона обеих «болгарских» попыток реконструирована в: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич в Болгарии (1883–1885) // Studia Balkanica. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 96–117.

[11] *Стоянович И.* Из миналота. София, 1992. С. 42.

[12] АСАНУ. Грађа Николе Пашића. Бр. 14615-1-30. Л. 1.

inslav

интервью либеральной газете «Сознание» беглец заявил о потребности «широкого распространения идеи сближения и союза балканских народов, в первую очередь, болгарского и сербского» [13]. Непременным же условием самой возможности подобного союза Пашич считал свержение Милана Обреновича с сербского престола. «Если сербский народ сможет освободиться от этого „развратного монарха“, и радикалы придут к власти, то отношения между Сербией и Болгарией станут цветущими, а Македония будет освобождена от турецкого владычества» – нередко говаривал он своим софийским знакомым [14]. Следовательно, – согласно его логике, – помощь болгар сербским эмигрантам в деле подготовки нового восстания в Сербии непосредственно отвечала бы и их собственным перспективным интересам.

В 1884–1885 гг. Пашич установил контакты с деятелями македонского движения, как и многими будущими участниками болгарского Соединения. В круг его близких друзей входили председатель Македонского комитета в Софии капитан Коста Паница и его заместитель Димитр Ризов; глава Болгарского Тайного Центрального Революционного Комитета Захарий Стоянов и его члены Иван Андонов и Иван Стоянович, а также деятели «второго эшелона» Соединения – Продан Тишков, Илия Куртев, Спиро Костов [15]. И, естественно, нельзя здесь не вспомнить двух самых преданных друзей и единомышленников – Николу Сукнарова и Симо Соколова – бывших студентов белградской Великой школы.

В среде болгарских контрагентов Пашича идея сербско-болгарского союза или федерации также пользовалась немалой популярностью. По словам русского политического эмигранта из нигилистов, прибывшего в 1885 г. из Швейцарии в Болгарию, дабы принять командование болгарской Дунайской военной флотилией, Эспера Серебрякова, «в то время в Болгарии мечтали о создании федерации. Между прочими, Захарий Стоянов и сербский политический деятель Пашич… Среди государственных деятелей Болгарии в то время было немало сторонников этой идеи» [16]. Что же касается решимости болгарских левых действовать совместно с их сербскими коллегами во имя воплощения идеи федерации в

---

[13] Съзнанье. Либерален орган. София, 23 ноемврий 1883 г. № 44.

[14] *Стоянович И.* Из миналота. С. 41–42.

[15] Там же; *Андонов И.* Съединението. София, 1995. С. 40–42.

[16] *Серебряков Э.* Год в Болгарии (1885–1886). Из личных воспоминаний // Заветы. 1913. № 4. С. 10.

inslav

жизнь, то таковой было явно не занимать – не зря же Пашич получил от них пятьсот винтовок из собранного для подготовки восстания в Македонии оружия [17]. Еще в мае 1885 г. Захарий Стоянов получил письмо, в котором его корреспондент сообщал: «Ризов сдружился с сербом Пашичем, и они как будто собираются освобождать Македонию и Сербию» [18].

Вторжение в Сербию с целью свержения короля Милана Пашич планировал на начало сентября 1885 г. Но... все карты заговорщикам спутал Пловдивский переворот и болгарское Соединение, в результате которого разразился новый Балканский кризис. В условиях же резкого обострения отношений с Белградом, кабинет Петко Каравелова посчитал нежелательным дальнейшее пребывание на территории Княжества сербских беженцев – часто неподконтрольных и склонных к авантюрам.

3 октября Пашича настиг арест. После краткого пребывания под стражей он был вынужден перебраться в соседнюю Румынию, дав письменное обязательство о непересечении болгарской границы на все время, пока там действует военное положение, введенное в связи с Пловдивским переворотом. 7 октября он прибыл в Бухарест. Здесь судьба столкнула его с Земфирием Арборе-Ралли, человеком с большим революционным прошлым, который еще в 1872 г., по поручению М.А. Бакунина, являлся секретарем Славянской секции Первого Интернационала в Цюрихе, интерес к которой, как известно, одно время проявлял и сам Пашич [19]. Эта встреча с давним знакомым во многом облегчила ему эмигрантскую жизнь в Румынии... Все дело в том, что румынские власти под давлением венского кабинета собирались выслать лидера сербских эмигрантов из страны. И тогда его выручили эмигранты русские: Ралли укрыл Пашича в Добрудже, в городке Тулча, – у другого видного представителя русской революционной эмиграции в Румынии, бывшего члена петербургского «Кружка чайковцев» (и шурина писателя В.Г. Короленко) Василия Ивановского [*]. Австро-венгерская миссия надолго потеряла его след.

---

[17] *Андонов И.* Съединението. С. 40; Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. V-А2. Д. 903 (1885 г.). Л. 9; Архив Србије (далее – АС). Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 895. Л. 1об., 8.

[18] Архив на Възраждането. Т. 2. С. 141.

[19] Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 79.

[*] Впервые в научной литературе о пребывании Н. Пашича в Румынии и его общении с З.К. Арборе-Ралли и В. Ивановским упомянул В.Я. Гро-

inslav

Весь путь Пашича от гостиницы «Меркурий» в Бухаресте, буквально кишевшей агентами румынской полиции, до Добруджи был обставлен по законам классического детектива. Вместе с Ралли спасать эмигранта помогал его старинный друг еще с цюрихских времен Владимир Летич. В этой «операции» было все – тайный вывод Пашича из отеля с оставлением всех личных вещей на месте и ночная погоня по улице Виктории; счастливое для Летича и Пашича (т. е. не замеченное в темноте полицией) бегство на ходу из экипажа и изумленный вопрос комиссара Эпурхану на Северном вокзале: «Господин Арборе, а где же Пашич?». Затем – несколько дней нелегального пребывания в доме Летича на Strada Calarasilor, 95 и, наконец, путешествие по Дунаю до убежища в Тулче [20].

Здесь, в глухой и сонной провинции – «вдали от шума городского», Пашич мог, наконец, на досуге обдумать все недавно случившееся и поразмыслить о перспективах дальнейшей борьбы с ненавистным сербским монархом.

Именно тут, в румынской глуши, его и застала весть об объявлении 2 ноября 1885 г. Миланом Обреновичем войны Болгарии. Именно отсюда наблюдал он за последовавшими за тем событиями – наступлением сербской армии на Видин, решающим сражением под деревней Сливница 5–6 ноября, отходом потерпевших неудачу сербов на Пирот и дальше, занятием его болгарами... И именно сюда, в Тулчу, 19 ноября прибыл для встречи с ним его софийский приятель – Захарий Стоянов.

Поездка эта состоялась по инициативе Д. Ризова, который еще 10 ноября, сразу после сливницкого триумфа, телеграфировал находившемуся тогда в Рущуке соратнику: «Срочно отправляйся в Бухарест. Отыщи Пашича и договорись с ним о немедленных действиях» [21]. Спустя

сул (см.: *Гросул В.Я.* Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М., 1988. С. 187; *Он же.* Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX века. М., 2001. С. 348).

[20] Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 7026. Оп. 1. Д. 3 (Воспоминания З.К. Арборе-Ралли). Л. 25–27; *Љотић Љ.* Мемоари. Минхен, 1973. С. 181–184.

[21] Народна Библиотека «Кирил и Методий» – Български Исторически Архив (далее – НБКМ-БИА). Ф. 100 (З. Стоянов). Арх. ед. II. А. 9717; *Ташев Т.* Животът на Летописец. Захарий. Ч. 3. Пловдив, 1989. С. 23.

inslav

три дня из Софии в Рущук уходит новая депеша – более точная и пространная: «Немедленно поезжай в Тулчу. Передай Пашичу, что сейчас самый благоприятный момент для решительных действий. Если он откажется, то скажи ему, что в этом случае вся ответственность за будущую вражду между обоими народами (сербским и болгарским. – *А.Ш.*) падет на него… Телеграфируй о результатах и срочно возвращайся. Наше военное положение блестяще» [22].

О каких таких решительных действиях идет речь, и за отказ от чего грозит Ризов Пашичу «судом истории»? Да и вообще, о чем это в течение двух дней (19 и 20 ноября) совещался его посланец с залегшим «на дно» теперь уже дважды беглецом?

Биограф Захария Стоянова болгарский историк Тодор Ташев мог о том только догадываться, располагая всего лишь полудесятком телеграмм Ризова и Стоянова друг другу. И хотя его предположение, высказанное в общей форме, в принципе верно – чем явственнее понимали в Софии неизбежность войны с Белградом, тем более популярной становилась там идея использовать сербских эмигрантов против сербского же режима; ну, а после Сливницы многим показалось, что «наступил самый удобный момент для нанесения окончательного удара по врагу» [23], – ничего более определенного прибавить к нему он не сумел… И это один-единственный автор, кто хоть как-то обозначил этот прелюбопытный поворот темы. Другие же (как болгарские, так и сербские) о «свидании в Тулче» вообще ничего никогда не упоминали [*].

---

[22] НБКМ-БИА. Ф. 100. Арх. ед. II. А. 9714; *Ташев Т.* Животът на Летописец… Ч. 3. С. 24.

[23] *Ташев Т.* Животът на Летописец… Ч. 3. С. 22–23.

[*] Отсутствие упоминаний об этом сюжете в сербской историографии связано, по-видимому, с тем, что австро-венгерские дипломатические и секретные агенты действительно на какое-то время потеряли Николу Пашича из виду. Дело в том, что венский кабинет, желая оказать помощь режиму в Белграде, предписал своим представителям в Болгарии и Румынии следить и доносить в Вену о каждом шаге Пашича, чтобы раскрыть и по возможности нейтрализовать его антиправительственные замыслы. Отсюда и многочисленные демарши австро-венгерских дипломатов (часто – совместно с сербскими) в Софии и Бухаресте с требованием удалить эмигрантов с болгаро-сербской границы, в одном случае, и выслать Пашича из страны пребывания или

inslav

А между тем, в архиве Сербской академии наук и искусств хранятся карандашные и оттого за 130 лет наполовину стершиеся записки ближайшего соратника Пашича и его единственного друга, испившего с ним горькую чашу изгнания до дна и выполнявшего обязанности как бы начальника штаба эмиграции, Ацы Станоевича, которые проливают свет на подлинные мотивы этой секретной миссии [24]. Воспользуемся же ими.

План Ризова, изложенный в общих чертах Стояновым Пашичу, сводился к следующему: в условиях военного разгрома, когда режим короля Милана Обреновича в Сербии зашатался, Болгария обязывалась оказать сербским эмигрантам помощь в деле подготовки срочного восстания в соседней стране с тем, дабы, свергнув монарха и взяв власть в свои руки, именно Радикальная партия с Пашичем во главе смогла бы вести переговоры с Софией о мире и будущих сербско-болгарских отно-

выдать его сербскому правительству – в другом… С давних пор (если точнее, то с 1920-х гг.) сербские историки использовали и используют австрийские материалы для воссоздания заговорщической деятельности Пашича в эмиграции. Но, ежели за период с конца 1883 г. и по октябрь 1885-го таких материалов в венских архивах сохранилось немало, то дальше следует лакуна. Поток информации иссякает – Пашич пропал… В отличие от австрийских коллег, российские дипломаты Пашича из виду не теряли. И уже 22 ноября консул в Добрудже (с резиденцией в Тулче) А.А. Челебидаки отправил в Петербург исчерпывающую телеграмму: «Третьего дня прибыл сюда из Бухареста инкогнито Захарий Стоянов, главный зачинщик Филиппопольского восстания (Пловдивского переворота. – *А.Ш.*), и возвратился вчера обратно с сербским революционером Пашичем, который скрывается здесь от полиции у русского социалиста Петровского (один из псевдонимов В. Ивановского. – *А.Ш.*). Стоянову поручено собрать сербских эмигрантов, изгнанных из Болгарии до войны» (Архив внешней политики Российской Империи. Ф. СПб. Главный архив. Политотдел. 161/3. Оп. 233. Д. 1 (1885 г.). Л. 107). В одном лишь допустил неточность усердный Аристарх Антонович – «переговоры» закончились не 21 ноября, а 20-го, и в тот же день их участники (З. Стоянов, Н. Пашич и А. Станоевич) отбыли из Тулчи в Бухарест.

[24] АСАНУ. Бр. 11721 (Пашићеве бележнице).

inslav

шениях. В таком случае, по мнению авторов проекта, Сербия и Болгария могли бы сами, т. е. без вмешательства великих держав, договориться обо всем. И далее в разговоре зазвучал мотив федерации. «Мы вряд ли будем в состоянии освободиться от влияния великих держав, – заметил Захарий Стоянов, – если нам не хватит ума договориться о солидарной деятельности и противодействии всякому иностранному проникновению. И вас, и нас могла бы спасти федерация. Без нее мы сломаемся под натиском русских, а вас проглотит Австрия».

Пашич согласился с этими доводами и поддержал идею федерации. «Нынешнее соглашение, – констатировал он, – могло бы заложить основу федерации двух наших стран». В ответ на просьбу собеседника он высказал мнение и по поводу возможного содержания такового. Приведем его полностью: «Сербские войска оставляет занятую ими болгарскую территорию, болгарская армия поступает так же. С целью дальнейшей совместной деятельности заключается наступательно-оборонительный договор. Сербия признает воссоединение Восточной Румелии с Болгарией. Для того, чтобы придать ему необратимый характер, она обязуется помочь Софии – соответственно, оба государства должны действовать синхронно и вместе, чтобы Румелия была окончательно признана за Болгарией, а Сербия получила компенсацию в Старой Сербии. Македонская проблема должна пока оставаться открытой, а к ее решению следовало приступить, когда придет время». И наконец, «необходимо решить таможенный вопрос». Таможенная политика, резюмировал Пашич, «должна проводиться в интересах обоих государств». Вот из этого-то соглашения, как он полагал, и могла впоследствии вырасти болгарско-сербская федерация.

Однако, чтобы брошенное семя уродилось добрым плодом, требовалась немалая подготовительная работа, и оба собеседника прекрасно отдавали себе в том отчет. «По завершении нынешних событий, – размышлял о будущем Стоянов, – я предполагаю вместе с друзьями всерьез заняться пропагандой мысли о федерации… И первым делом я займусь организацией выпуска своей газеты, которая будет называться “Балканская федерация”». Пашич вполне одобрил замысел приятеля, заметив, что, в сравнении с Болгарией, «у нас в этом отношении дела обстоят лучше, поскольку мы, представители молодого поколения (т.е. соратники Светозара Марковича. – *А.Ш.*), агитировали за федерацию особенно активно, и потому ее идея нашему народу известна и неплохо им принята».

inslav

Но все это рассуждения о дне грядущем. А что же с конкретными заботами дня нынешнего. Шел в Тулче разговор и об этом.

Когда гость из Софии затронул вопрос о предоставлении помощи обретавшимся в Румынии сербским эмигрантам, дабы, как он выразился, обращаясь к своему визави, «вы смогли так изменить положение в Сербии, что именно вам и никому другому довелось бы вести с нами переговоры о мире», последний развернул его в целый план действий, состоявший из трех пунктов. Во-первых, «Болгария должна снабдить нас необходимым вооружением». Во-вторых, «было бы неплохо, если б нам передали тех попавших в плен сербов, которые выразили бы желание идти вместе с нами в Сербию». И, наконец, «нам должно быть позволено переместиться ближе к сербским позициям, чтобы встретиться с некоторыми людьми (с "той" стороны. – *А.Ш.*) и договориться с ними». Разделяя предложенный план и полагая цель своей поездки в принципе достигнутой, Стоянов предложил Пашичу отправиться вместе с ним к князю Александру Батенбергу, поскольку не имел полномочий для заключения с руководством эмиграции конкретного договора. Но… его собеседник отклонил предложение, рассудив, что время для «ответного визита» еще не пришло.

Среди причин, которыми Пашич аргументировал свой отказ, выделим две. Во-первых, это необходимость консультаций с товарищами по изгнанию и соратниками в Сербии. «До тех пор, – заявил он, – пока я не услышу, что они думают обо всем этом, я не смогу предпринять никаких конкретных шагов». И во-вторых, Пашич не преминул предостеречь софийские власти (через их представителя) от чрезмерной эйфории по случаю победы под Сливницей и взятия Пирота: «С территориальными потерями сербский народ никогда не смирится, а равно и с требованием контрибуции. Он надеется, что братья болгары признают то обстоятельство, что в эту войну, против собственной воли, его втянули правители Сербии, и что он сражался ровно столько, сколько должен был делать это. Поэтому сербы и потерпели фиаско. Но, если народ сербский увидит, что братья болгары ничего такого признавать не желают, если почувствует, что они хотят воспользоваться его нежеланием воевать в своих целях, то, видит Бог, он будет биться не на жизнь, а на смерть. И будет ли тогда вообще возможен скорый выход из этого сербско-болгарского конфликта – сказать очень сложно». Как видим, Пашич четко обозначил жесткие рамки, внутри которых лишь и возможен переговорный процесс и выходить за какие он не имеет права,

inslav

давая ясно понять, что с болгарской «партией войны» он не желает иметь никакого дела. В случае ее торжества, его место – в рядах тех, кто «будет биться не на жизнь, а на смерть».

Несмотря на все попытки Стоянова уверить его в обратном, Пашич остался непреклонен: «Будет лучше, если вы поедете один и все разузнаете сами».

На том и порешили – Стоянов, полный радужных надежд, поспешил в Рущук; а Пашич занялся своими делами (подготовкой к своей первой поездке в Россию). Верил ли он в успех миссии своего друга? До конца, вряд ли. Уже имевшийся опыт общения с болгарскими властями породил у него довольно стойкое недоверие к ним, что и проявилось во время встречи с Захарием. Может быть, он надеялся, что, вернувшись на родину, тот развеет его сомнения и скепсис? Весьма вероятно. Но когда 22 ноября Пашич и подоспевший из Журжи Станоевич получили из Рущука телеграмму: «До сих пор ответа из Софии нет. Димитриев (псевдоним З. Стоянова. – *А.Ш.*)», верный друг Аца зафиксировал в своих записках: «А мы серьезно на него и не рассчитывали».

Тем временем, по ту сторону Дуная события развивались стремительно. Прибыв в Рущук, Стоянов сообщил Ризову о результатах бесед с Пашичем – «Они готовы действовать по предварительной договоренности с нами» [25]. Получив телеграмму, Ризов помчался в Пирот, в ставку Баттенберга. Здесь-то и наступила развязка. В то время, как князь и военный министр, майор Константин Никифоров, были согласны реализовывать достигнутые с Пашичем договоренности, премьер Каравелов пускаться в совместное с сербскими эмигрантами предприятие решительно отказался [26]. Он предпочел синицу в руках (военную победу над сербами) журавлю в небе (призрачной сербско-болгарской федерации), иными словами – именно то, от чего предостерегал Пашич.

Узнав из депеши Ризова о столь крутом повороте, Стоянов, лично им весьма уязвленный, послал в ответ полную негодования телеграмму: «Поведение Петко – это скандал. Чего он лезет, если Иван (Александр Баттенберг. – *А.Ш.*) и Никифоров согласны. Зачем же я тогда

[25] НБКМ-БИА. Ф. 100. Арх. ед. II. А. 9722.

[26] Там же. Арх. ед. II. А. 9720; *Ташев Т.* Животът на Летописец... Ч. 3. С. 24.

inslav

побеспокоил несчастных. Ради всего святого, сделай все, что можешь» [27]. Но негодование Стоянова и дополнительные усилия Ризова, увы, не помогли, и 29 ноября Никола Пашич получил из Софии сообщение: «Дело закончилось неудачей, вследствие изменившейся обстановки. Действуйте по вашему усмотрению. Димитриев» [28]. А в декабре Захарий в письме Пашичу констатировал и причину неудачи – «противодействие только одного человека, который ныне диктаторствует в Болгарии (т. е. Петко Каравелова. – *А.Ш.*)» [29]. Эти письма Пашич получил уже после возвращения из России, где находился большую часть декабря уходящего года.

А новый, 1886-й год начинался с неприятностей, точнее – с неприкрытой клеветы. 5 января (н. с.) в венской «Neue Freie Presse» появилась заметка, будто бы «Пашич с несколькими друзьями из Бухареста предлагал болгарскому правительству во время войны поднять восстание в Сербии, и что правительство это предложение решительно отклонило».

Реконструированная выше канва событий ясно показывает всю оправданность – при оценке данного случая – использования определения «клевета», хотя, как известно, в политике не должно быть эмоций, а все делается, исходя из целесообразности. Каравелов, помнится, выбрав «синицу в руках», и вбросил эту «правдоподобную ложь», посчитав ее целесообразной именно в данный момент, – не зря она появилась в начале января, когда шли переговоры о мире, а не месяц назад, когда все реально закончилось. Пашич четко просчитал ситуацию и в тексте опровержения, отправленном в новосадскую газету «Застава», назвал весть из Софии «ложной». Он заявил, что она «пущена с намерением помешать консолидации Сербии и вынудить ее пойти на выгодные для Болгарии условия мира». В проекте же его он еще более точен – «испугать короля и правительство с тем, чтобы принудить их к принятию тяжелых условий мира или, в случае возобновления боевых действий, сохранить и далее внутреннее расстройство в стране» [30]. В письме русскому приятелю – некоему Петру Михайловичу, сообщая о газетной

---

[27] Там же. Арх. ед. II. А. 9725; *Ташев Т.* Животът на Летописец… Ч. 3. С. 24.

[28] АСАНУ. Бр. 11721 (Пашићеве бележнице).

[29] Там же.

[30] АСАНУ. «Pasić collection». Бр. 14924/11; *Пашић Н.* Заоставштина из Торонта. 1876–1903. Приредили. Б. Димитријевић и Ј. Илић. Зајечар, 2012. С. 141–143.

inslav

диверсии и квалифицируя свои переговоры со Стояновым и Ризовым, как «попытку примирить два братских народа», Пашич назвал Каравелова «подлецом», подчеркнув «честолюбивые и шовинистические склонности» болгарского премьера [31]...

Важно отметить, что *такая* трактовка изложенных событий (миф о «предателе» Пашиче) оказалась крайне живучей. 18 января 1892 г. в софийской газете «Свобода» было опубликовано письмо бывшего личного секретаря Александра Баттенберга Александра Головина. В нем, вспоминая свое пребывание в Пироте, он писал, как однажды Ризов, примчавшись в ставку, потребовал срочную аудиенцию у князя. Поинтересовавшись, в чем причина такой спешки, Головин *по большому секрету* узнал, что «Пашич, как болгарин по происхождению (sic! – *А.Ш.*), предлагает помочь Болгарии, образовав отряд сербов и черногорцев для вторжения в Заечарский округ, с целью устроить революцию в Сербии. Часть армии короля Милана в таком случае будет вынуждена отвлечься для усмирения восстания, а Болгария сможет напасть на оставшиеся под Пиротом сербские войска и легко захватить Ниш и Белград. С этой целью Пашич и требует от болгарского правительства ружья, револьверы и пр.».

Отметим, что Головин повторил эту версию «измены» Пашича и в своей биографии Баттенберга [32].

Она же, очень скоро прижилась и по ту сторону болгаро-сербской границы. Ее воспроизвел в своем полемическом тексте «Кто лжет?» сербский премьер времен войны 1885 г. Милутин Гарашанин [33], тот самый, кто крайне некорректно использовал письмо Пашича Николе Сукнарову в Народной скупщине, дабы любыми способами отвести от правящего режима ответственность за бездарную политику во время Балканского кризиса середины 80-х [34]. Неприятели Пашича не стеснялись

---

[31] АСАНУ. «Pasić collection». Бр. 14924/103; *Пашић Н.* Заоставштина из Торонта. 1876–1903. С. 135–136.

[32] *Головин А.Ф.* Князь Александър Българский (1879–1886). Варна, 1897. С. 452; *Golovine A.F.* Furst Alexander I von Bulgarien. S. 386.

[33] АС. Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 1885.

[34] Подробнее об этом сюжете, а равно о «предательских» письмах Н. Пашича, см.: *Шемякин А.Л.* Болгарские письма Николы Пашича (сентябрь 1885 г.). Проблема интерпретации // О чем поведают архивы... Российско-болгарские отношения и связи. М., 2012. С. 208–223.

inslav

распространять заведомую клевету и за границей. Так, сербский посланник в Петербурге, либерал Алимпие Васильевич, писал в 1892 г. своему партийному лидеру Йовану Ристичу, что, пытаясь очернить Пашича в глазах русских, он рассказывал, будто тот «во время нашей войны с Болгарией собирал отряды, чтобы ворваться в Сербию и воспрепятствовать ее успеху» [35]. И позднее столь же голословные обвинения были не редкостью, иногда доходя до откровенной брани: «В эмиграции он конспирирует против своего же Отечества в самый тяжелый для него момент и ищет помощи болгар, чтобы вторгнуться в Сербию и дорваться до власти» (Настас Петрович) [36]. Или еще более грубо: «Болгария приютила Пашича, и он ей предался весь, став ее наемником» (Душан Николаевич) [37].

И современные работы (научные и популярные) нередко грешат субъективностью. Так, в «Путеводителе по истории Сербии для начинающих», где по определению каждое слово должно быть предельно взвешеннным, утверждается, что «неморальные» действия Николы Пашича в Болгарии свидетельствуют лишь об одном: «Он был готов на все, дабы только прийти к власти» [38], т. е., как указывается в одной из недавних статей о нем, «ставя личный интерес над партийным и государственным» [39]. Такой циник! И в более солидном сочинении его болгарские деяния оцениваются как «непатриотические», доказывающие, что «король Милан с полным правом обвинял радикалов в недостатке „государственной идеи"» [40].

Мы же, завершая анализ деяний Пашича во время Сербско-болгарской войны, хотим подчеркнуть, что факт остается фактом – широкие планы старых друзей развития не получили. Но заключение это справедливо лишь с формальной точки зрения: в болгаро-сербских отношениях и впрямь не произошло никакого качественного сдвига. Однако, если иметь в виду идеологический аспект, то здесь результаты

---

[35] АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Инв. Бр. 10/218. Сигн. X/7.

[36] *Петровић Н.* Пашић и Голуховски // Никола Пашић у «Новој Европи». Загреб, 1926. С. 43.

[37] *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927. С. 112.

[38] *Турлаков С.* Водић за Србе почетнике (1804–1941). Београд, 2001. С. 50.

[39] *Јагодић М.* Никола Пашић // Владе Србије. Београд, 2005. С. 165.

[40] *Љушић Р.* Никола Пашић и Обреновићи (Борба за опстанак) // *Љушић Р.* Србија 19. века. Књ. 2. Београд, 1998. С. 296.

inslav

совсем иные. Дискуссия в Тулче оказалась весьма плодотворной; она подтвердила выводы, к каким мы пришли, анализируя сентябрьские события в Болгарии и участие в них нашего героя. В конце 1885 г., в условиях непрекращающегося брожения на Балканском полуострове, Пашич оставался последовательным федералистом и сторонником сербско-болгарского союза. Записи, оставленные заботливой рукой Ацы Станоевича, ясно показывают, что в деле наполнения конкретным содержанием схемы такого союза (федерации) вождь сербских радикалов в ноябре 1885 г. продвинулся далеко вперед.

Важно и то, что, потерпев неудачу и признав очередное поражение «славянского дела», Пашич не изменил себе – острота его традиционно антизападнического подхода отнюдь не притупляется, и он по-прежнему видит «спасение» в славянской интеграции. «Несчастная судьба балканских народов, – писал он в июле 1886 г. Симо Соколову, – привела к тому, что два братских народа столкнулись в кровавой схватке... Сбылась мечта врагов славянства... Если сторонники славянского, а особенно сербско-болгарского сообщества будут лишены возможности влиять на дальнейшее развитие событий на Балканах, – тогда мы так и останемся игрушкой в руках неприятелей славянского дела. Дай Бог дождаться лучших времен!» [41] А уже 29 ноября 1886 г. болгарская газета «Зора» объявила о готовящемся в Бухаресте выходе нового периодического издания – «Балканское объединение» с участием Земфирия Арборе-Ралли, Николы Пашича и Захария Стоянова. Предполагалось, что оно будет печататься на румынском, болгарском и сербском языках и пропагандировать идею Балканской конфедерации [42]. Газета не состоялась, но уже сам факт ее проекта свидетельствует о многом.

А тем временем, в феврале 1889 г. сербский король Милан Обренович отрекся от престола – путь на родину для Пашича был открыт. И вновь он не изменяет себе. Вернувшись из эмиграции и заняв значительный пост председателя Народной скупщины Сербии, он в августе 1889 г. приватно отправился в Софию для встречи со Стефаном Стамболовым. Главная идея Пашича оставалась прежней – антитурецкий

---

[41] *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891). С. 233.

[42] *Ташева Л., Ташев Т.* Захарий Стоянов. Документален летопис. 1850–1889. София, 1995. С. 279.

inslav

сербско-болгарский союз и совместная акция в Македонии*. Но Стамболов отказался от его предложения, сообщив о переговорах с сербским «спикером» турецким властям [43]...

В дальнейшем былая («союзная») позиция Николы Пашича в отношении Болгарии заметно эволюционировала – в связи с изменением международной обстановки, и особенно с событиями Второй балканской и Первой мировой войн.

* Представляется несколько странным, что автор, в целом, весьма корректной и историографически добросовестной (что ныне бывает так редко) статьи «Никола Пашић и Бугари. Генеза идеолошких и политичких ставова» (Зборник Матице Српске за историју. Бр. 84. Нови-Сад, 2012. С. 87–109) Иван Ристич даже не упоминает об этой «тайной» поездке Пашича в Софию, полагая, что «переломный момент» в его отношении к Болгарии наступил после «отказа болгарской стороны следовать договору из Тулчи» (*Ристић И.* Никола Пашић и Бугари... С. 97).

[43] *Маринов Д.* Стефан Стамболов и новейшата ни история. София, 1992. С. 279–280; *Јовановић В.* Србија и Бугарска. 1886–1896. Београд, 2002. С. 85–91.

inslav

Светлозар Елдаров
София

Хорватский путь от неославизма к югославизму

В данной статье автор предпринимает попытку представить и обосновать тезис о прямой преемственности между идеями неославизма и идеологией югославизма в хорватской политической мысли – накануне, во время и непосредственно после Балканских войн 1912–1913 гг. До сих пор подобная связь не была выявлена во многом из-за того, что участие хорватов в движении неославизма первого десятилетия XX в. редко являлось объектом исследования [1]. Немногочисленные публикации по теме принадлежат перу хорватского историка Дамира Агичича, профессора философского факультета Загребского университета и относятся к 2003–2004 гг. В то же время только в хорватской историографии существуют десятки и сотни исследований (от статей до монографий) о пути хорватов к югославизму и созданию Югославии (Королевства сербов, хорватов и словенцев).

В этом же контексте в статье интерпретируются некоторые тенденции и процессы, проходившие в хорватском обществе под воздействием отголосков Балканских войн 1912–1913 гг. Тема отзвука Балканских войн среди хорватов также до недавнего времени не относилась к числу популярных. Лишь в последние годы, в связи со столетней годовщиной Балканских войн, она привлекла интерес некоторых историков в Хорватии, таких, как, например, Степан Маткович, Игор Деспот, Анте Бралич, Ивица Звонар и др. [2], в Болгарии

---

[1] *Agičić D.* Hrvati i slavenski kongresi u Sofiji 1910. godine // Българи и хървати през вековете. София, 2003. С. 172–184; *Agičić D.* Između hrvatskog i slavenskog identiteta. Odjeci neoslavističkih kongresa u hrvatskoj javnosti // Dijalog povjesničara – istoričara. Zagreb, 2003. S. 107–126; *Agičić D.* Slavenski novinarski kongresi 1903–1908. // Spomenica Filipa Potrebice. Zagreb, 2004. S. 309–318.

[2] *Matković S.* Hrvatska historiografija i intelektualna javnost o Balkanskim ratovima 1912.–1913. // Hrvatsko-bugarski odnosi u 19. i 20. stoljeću. Zbornik radova međunarodnog znanstvenog skupa, Zagreb, 27.–28. X. 2003.

inslav

появилось несколько публикаций автора настоящей статьи [3]. Эти работы, а также материалы хорватских архивов и библиотек, которые в последние десятилетия автор имел возможность изучать как член (а впоследствии и руководитель) болгаро-хорватского исследовательского проекта Института балканистики с центром фракологии Болгарской академии наук и отделения исторических исследований Хорватской академии наук и искусств, являются основой для научного обоснования темы.

Из исследований Дамира Агичича следует, что неославянское движение вызывало у хорватов относительно небольшой интерес. По его мнению, неославизм в политической жизни хорватского общества представляли партии Хорватско-сербской коалиции, а противостояли неославизму, причем остро и категорично, в первую очередь фракции Партии права и организации политического католицизма.

Эта констатация отражает ограниченное понимание неославянского движения как исключительно политического проекта, при недооценке и игнорировании его экономических, культурных и иных аспектов. Между тем широкое распространение и влияние идей неославизма невозможно оценивать только на основании состава и численности хорватского представительства на славянских конгрессах. При этом не только в цитируемых публикациях Д. Агичича, но и в ряде других работ хорватских и зарубежных авторов, словно по традиции и по предубеждению, априорно приписывается хорватским «правашам» (членам и приверженцам Партии права) и католикам отрицательное отношение к славянской идее. Подобный вывод можно сделать, только

Zagreb, 2005. S. 267–282; *Zvonar I.* Obzor o Drugom balkanskom ratu // Hrvatski-bugarski odnosi... S. 359–382; *Despot I.* Tisak Hrvatske i Dalmacije o balkanskim ratovima (1912–1913) // Historijski zbornik, 2009. № 1. S. 109–135; *Bralić A.* Balkanski ratovi i recepcija bugarske politike u dalmatinskom javnom mnijenju // Hrvatsko-bugarski odnosi u XIX. i XX. stoljeću. Zagreb, 2012. S. 63–87.

[3] *Елдъров С.* Балканската война, видяна от Загреб // Военноисторически сборник, 2008. № 1. С. 43–48; *Елдъров С.* Македония и Македонският въпрос в хърватския печат от Българското възраждане до Балканските войни // Македонски преглед, 2012. № 4. С. 63–84; *Елдъров С.* Братска подкрепа: войните за национално освобождение и обединение на България и хърватската благотворителност 1878–1913 г. // Македонски преглед, 2013. № 1. С. 7–24.

inslav

сузив славянскую взаимность до хорватско-сербских отношений. Однако лидеры Партии права и иерархи католической церкви всегда имели свое, хотя и своеобразное представление о сущности, целях и формах южнославянской взаимности. Для католической церкви им стал униатский проект, убеждение, что путем церковной унии можно достичь культурного объединения южных славян. Эта идея, отразившаяся в деятельности епископа Йосипа Юрая Штроссмайера, послужила толчком для самых разных процессов – достаточно вспомнить создание Южнославянской академии наук и искусств в Загребе в 1869 г., или поддержку болгарского униатства до и после освобождения Болгарии [4]. Для представителей Партии права «обязательным» в любых балканских и южнославянских проектах национальным, политическим и культурным фактором было представление о Болгарии и болгарах как о противовесе Сербии с ее амбициями играть роль Пьемонта для южных славян. Подробностей об отношении «правашей» к Болгарии и болгарам известно немного, лишь недавно по этому поводу была опубликована статья, из которой следует, что основатели и идеологи Партии права Анте Старчевич и Евген Кватерник считали болгар «историческим народом», видели в них «истинных братьев, соседей и друзей», важным и необходимым фактором решения Восточного вопроса в будущем [5].

Переломным моментом, создавшим благоприятные условия для проникновения идей неославизма в хорватское общество, можно считать события 1903 г. в Хорватии и других южных славянских землях, которые и предопределили новые процессы в политике. К ним относятся народное движение (hrvatski narodni pokret), положившее конец двадцатилетнему правлению бана Куэна Хедервари и ставшее началом «нового курса» хорватской политики – на сотрудничество с сербами; переворот 29 мая 1903 г. в Сербии, который привел к власти династию Карагеоргиевичей и сориентировал политику страны на сотрудничество с Россией; восстание в Македонии и Одринской Фракии, пошатнувшее устои Османской империи и положившее начало военно-политическому наступательному

[4] Епископ Йосип Щросмайер и българите. Хърватският интелектуален елит и София. София, 2009.

[5] *Matković S.* Pravaši o Bugarima i Bugarskoj // Hrvatsko-bugarski odnosi u XIX.–XX. stoljeću. Zbornik radova međunarodnog znanstvenog skupa održanog u Novom kampusu Sveučilišta u Zadru od 24.–26. rujna 2007. Zagreb, 2012. S. 229–242.

inslav

планированию в Болгарии в расчете на будущую освободительную войну. В хорватской политической жизни, пребывавшей в двадцатилетней стагнации, при многочисленности партий и их противоборстве друг с другом, возникло оживление, и открылись ясная политическая перспектива и достижимая цель. Только два года спустя «новый курс» нашел практическое осуществление – в 1905 г. была создана Хорватско-сербская коалиция. Аннексия Боснии и Герцеговины, объявление независимости Болгарии и Младотурецкая революция 1908 г. способствовали еще большей динамике в хорватском обществе, политическая элита которого уже предчувствовала назревающие в Европе и на европейском юго-востоке преобразования. В таких политических условиях в среду хорватов и стали проникать идеи неославизма.

Изначально идеи и проявления неославизма в Хорватии, понимаемые, в частности, как идеи южнославянской взаимности и солидарности, находили развитие на уровне культурных, спортивных и молодежных связей – проводились совместные художественные выставки, конгрессы журналистов, студенческие встречи, литературные собрания, военно-сокольские спортивные слеты. Хорватские представители и делегации неизменно участвовали в подобных совместных славянских мероприятиях в Любляне, Белграде и Софии, нередко и Загреб также становился местом их проведения. В июле 1908 г. с созывом Первого славянского конгресса в Праге неославянское движение поднялось на более высокий политический уровень. Хорватская делегация состояла из пяти человек – известных деятелей из сферы культуры и политики Бановины и Далмации. На Втором славянском конгрессе в Софии в июне 1910 г. хорваты были представлены двумя делегатами, и оба они были из Далмации[1]. В то же время хорватское представительство в таких мероприятиях съезда, как Девятый конгресс славянских журналистов, Первая славянская конференция врачей, Первый конгресс славянских юристов и Военно-сокольский гимнастический слёт было достаточно многочисленным. Самым значительным стало хорватское участие в Военно-сокольском слете – 640 человек, по численности это была третья делегация после болгар (2800 человек) и чехов (750 человек). Следовательно, нет оснований утверждать, что неославянская идея не нашла достаточного отклика у хорватов. Более того, как уже указывалось выше, она имела

[1] *Agičić D.* Hrvati i slavenski kongresi… S. 172–174.

inslav

более широкие культурные очертания и, как таковая, не игнорировалась другими политическими течениями в хорватском обществе [7].

Политический католицизм в Хорватии (называемый нейтрально «хорватским католическим движением» или негативно «клерикализмом») нашел своеобразную точку пересечения с неославянским движением в кирилло-мефодиевской символике и праздниках, которые в период 1903–1914 гг. приобрели исключительную популярность среди хорватов. К этому периоду относится переход праздника Славянских апостолов из лона церкви в общественную сферу и его трансформация из богослужебного прославления в гражданское чествование. На фоне национально-культурного противопоставления хорватов немецкому, венгерскому и итальянскому влиянию и пропаганде праздник Кирилла и Мефодия – 5 июля по календарю католической церкви – превратился в хорватский национальный праздник. Впервые отмеченный как гражданский в 1909 г. в Истрии, со следующего 1910 г. День Кирилла и Мефодия стал с возрастающей популярностью и массовостью праздноваться как общенародный хорватский праздник, причем повсеместно в Хорватской Бановине, Далмации и в Боснии и Герцеговине. В эти годы утверждалась и популяризировалась разделяемая всеми партиями и социальными слоями хорватского общества идея превращения Дня славянских апостолов Кирилла и Мефодия – «narodni blagdan» – в народный (соответственно и национальный) праздник, праздник хорватского национального единства, день политического и социального примирения, символ культурной идентичности, призванный сплотить хорватов и воодушевить их на реализацию национальных чаяний. В то же время День Кирилла и Мефодия был праздником славянской солидарности, служившей опорой и поддержкой хорватского народа в его борьбе против иностранных посягательств. Эта идея в различных интерпретациях доминировала в хорватской печати всего политического спектра в дни празднования 5 июля [8].

---

[7] *Лазарова Е.* Славянското движение в България. София, 1997. С. 157–158; *Елдъров С.* Нашият специален дописник съобщава. Хърватският кореспондент и доброволец Крунослав Херуц за България и българите. София, 2005. С. 78–92.

[8] *Елдъров С.* Празникът на Славянските апостоли Кирил и Методий в Хърватия (1910–1914) // Държава, общество и култура на българи и хървати. VII–XXI век. Материали от конференция, проведена в София

inslav

В такой содержательной форме и проявил себя неославизм в Хорватии. Это касается и связей Хорватской католической церкви, Партии права или Хорватской сельской партии с Болгарией и болгарами. Так южнославянская идея приобрела новое измерение. В Хорватии это проявилось не только в форме узкого понимания хорватско-сербского культурно-политического единства, т. е. представления о едином народе с двумя названиями, или одной нации, состоящей из двух «племен», что являлось сущностью югославизма, но и в том, что хорваты, словенцы, болгары и сербы обладают собственной национальной идентичностью, на основе чего только и возможно равноправное сотрудничество. Подобное понимание неославизма было наиболее популярно и общественно значимо в период накануне Балканской войны. Католическая, национальная и крестьянская Хорватия – или большинство хорватского народа – возможно и не разделяло политические цели неославизма (по поводу которых, впрочем, не было единства и среди партийных и духовных лидеров), но правильно понимало его культурную сущность и потенциал, хотя и в особой для каждого политического течения форме.

В 1912–1913 гг. наступили коренные изменения в соотношении двух моделей – культурной модели неославизма и политической модели югославизма. Именно тогда, в годы Балканских войн и под их непосредственным воздействием, в хорватском общественном сознании они поменялись местами, точнее, произошла подмена неославизма югославизмом. Это стало кульминацией краткого, но бурного и динамичного периода хорватской политической истории, который длился с 1911 по 1914 гг. и в историографии получил название «razdoblje atentatora» («период убийц, террористов») или «pobuna omladine» («бунт молодежи»). На мой взгляд, второе название, которое также является заглавием книги мемуаров одного непосредственного участника и свидетеля событий[1], более точно характеризует форму и содержание событий этого времени. Они хорошо отражены в источниках и литературе. Действительно, накануне, во время и непосредственно после Балканских войн тон

(5–9 юли 2008 г.). София, 2009. С. 236–263; *Елдъров С.* Кирилло-Мефодиева праздничность как символ хорватской национальной идентичности (вторая половина XIX – начало XX в.) // IMAGINES MUNDI. Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Балканистика. Выпуск 2. Екатеринбург, 2010. С. 7–39.

[1] *Horvat J.* Pobuna omladine 1911–1914. Zagreb, 2006.

inslav

политической жизни в Хорватской Бановине, Далмации, Истрии и в Боснии и Герцеговине задавался студентами и учащейся молодежью. Оценивая предвоенный период в книге «Сараево – очерки о причинах мировой войны», известный британский историк Р.У. Сетон-Уотсон подчеркивает, что политическая инициатива в югославянском вопросе «перешла из рук государственных деятелей и политиков в руки дерзкой и фанатичной молодежи, которая не останавливалась ни перед чем» [10]. Один из наиболее активных участников молодежного политического движения Нико Бартулович в воспоминаниях писал: «Правителями улиц, правителями общественного мнения были не политики, была молодежь. Она создавала напряжение, умышленно провоцировала инциденты, организовывала демонстрации, сжигала австро-венгерские флаги, владела общественным мнением, а "старые вынуждены" были за ней следовать» [11]. С этим соглашается и хорватский историк Миряна Гросс, которая отмечает, что студенческое движение в Хорватии перед Первой мировой войной «оказывало решающее влияние» на политические и культурные события в стране [12].

Политическая активность хорватской молодежи, которая увлекала за собой все политические течения – «прогрессистов», «правашей», католиков и других – это феномен эпохи и региона (а, возможно, и в более широких пространственно-временных границах). В Болгарии, Сербии, Греции, Османской империи в те же годы развитие политической жизни диктовалось партийным истеблишментом и офицерским корпусом, которые играли ведущую роль в осуществлении национальных программ. В Хорватии из-за слабости и раздробленности политических партий и отсутствия национального офицерского корпуса, эту историческую ответственность взяла на себя молодежь. Следовательно, не будет преувеличением сказать, что накануне, во время и непосредственно после Балканских войн хорватское общество переживало настоящую идейную, социальную и политическую революцию. Наиболее важным ее последствием стал радикализм перехода от неославизма к югославизму, который совершился действительно по-революционному – в атмосфере эйфории,

---

[10] *Seton-Watson R.W.* Sarajevo: sudija o uzrocima svetskog rata. Zagreb, 1926. S. 49.

[11] *Bartulović N.* Od revolucionarne omladine do Orjune. Split, 1925. S. 25.

[12] *Gross M.* Studentski pokret 1875.–1914. // Spomenica u povodu proslave 300-godišnjice Sveučilišta u Zagrebu. Knj. 1. Zagreb, 1969. S. 477.

inslav

дерзко, и, по традиции, без логической связи с реальными жизненными потребностями. Движущей силой этих процессов была хорватская молодежь.

Молодежная политическая волна изначально поднялась в Далмации, точнее в Сплите, где летом 1911 г. была учреждена Хорватско-сербская прогрессивная молодежь (Hrvatsko-srpska napredna omladina) с ярко выраженной унитаристской югославянской ориентацией. Ее целью было революционное разрушение Австро-Венгрии и создание нового государственного образования – Югославии путем полного национального слияния хорватов, сербов и словенцев. Благоприятная среда для распространения идей югославянской националистической молодежи (как они сами себя называли) возникла в правление нового хорватского бана Славко Цувая, назначенного в декабре 1911 г. Он распустил Хорватский сабор, отменил конституцию и ввел чрезвычайное положение – комиссариат. На это хорватская ученическая и студенческая молодежь ответила волной стачек, демонстраций и заговоров, увенчавшихся несколькими неудачными попытками покушения на императорского комиссара. Новые идеи и их шумное публичное продвижение увлекли представителей молодых «правашей» и католической молодежи, которые, разочаровавшись в своих партиях и лидерах, стали присоединяться к своим «напредняцким» («прогрессистским») сверстникам. Студенты, уверенные в том, что старое поколение политиков не может решить новые исторические задачи, продемонстрировали готовность к еще более дерзким шагам [13].

Первым таким шагом стал приезд в апреле 1912 г. 156 хорватских студентов в качестве гостей в Сербию. Их шестидневное пребывание в сербской столице и других городах самими участниками, а позже и в историографии, было названо «Белградской экскурсией», хотя более точным было бы говорить о «политическом паломничестве». Это было отлично организованное и срежиссированное при участии сербского монарха, политической элиты и, прежде всего, офицерского корпуса действо, которое превратилось в дерзкую политическую манифестацию с яркой антигабсбургской окраской. Студенты были торжественно

[13] За генезиса и развитието на младежкото движение в Хърватия см. недавно вышедшую книгу *Luetić T.* Studenti Sveučilišta u Zagrebu (1874–1914). Društveni život, svakodnevnica, kultura, politika. Zagreb, 2012 и указанную в ней литературу.

inslav

встречены на вокзале Белграда многотысячной толпой – по оценкам сербской прессы собралось около 10 тыс. человек. Военный оркестр исполнил хорватский и сербский гимны, хоровые общества пели патриотические песни. Сербские и хорватские студенты обменялись приветствиями, звучали пламенные речи, прерывавшиеся скандированием «Долой Австрию!», «Долой Венгрию!», «Да здравствует Хорватия», «Да здравствует Сербия!». Далее студенты в сопровождении толпы прошли по городу, делая продолжительные остановки и устраивая овации перед дворцом, зданиями парламента и министерского совета. С балкона дворца их приветствовали лично король Петр и престолонаследник князь Александр. В Белграде хорватские студенты находились четыре дня, с 18 по 22 апреля. Программа пребывания, без сомнения, преднамеренно, была насыщенна военными мероприятиями – посещение Военной академии и Дома офицеров, присутствие на совместных учениях сокольских объединений и войск белградского гарнизона Калемегдана, участие в военном смотре в Топчидер, были и в нескольких министерствах. Прежде чем вернуться в Загреб, студенты после Белграда посетили также Крагуевац, Смедерево и Шабац [14].

О значении «белградской экскурсии» очень хорошо и образно написал в воспоминаниях один из представителей католической молодежи. Он провел параллель с библейской притчей о «чуде по пути в Дамаск»: «в те дни в Белграде произошло чудо: много Савлов стали Павлами, и многие Фомы Неверующие уверовали, что действительно возможно и осуществимо не только взаимопонимание и согласие, но и объединение хорватов и сербов» [15].

За торжественным фасадом и чудотворной метафорой «Белградской экскурсии» родилось и конкретное политическое «чудо», которому суждено было изменить судьбу южнославянских народов и саму идею южнославянской взаимности. Этим «чудом» стал политический контакт южнославянской националистически настроенной молодежи с тайной офицерской организацией, которая в 1903 г. совершила государственный переворот и сменила правящую династию, а затем руководила антиболгарской четнической деятельностью в Македонии. Об этом пишет хорватский историк и свидетель эпохи Йосип Хорват: «Эти офицеры, а точнее их руководство, именно после контактов с молодым

[14] *Horvat J.* Pobuna omladine… S. 121–126.
[15] *Deželić V.* Kakvi smo bili? Zapisi mojoj unučadi. Zagreb, 2011. S. 662.

inslav

поколением Хорватии первыми осознали тотальность югославянского вопроса, поняли, какие возможности кроются в нем. В 1912 г. взоры политической Сербии были обращены на юг, к Старой Сербии и Македонии. Пространство по ту сторону Дрины и Савы до того времени не было объектом ее постоянных интересов. Участники посещения Белграда и Сербии в 1912 г. стали поборниками и проповедниками связи югославянского националистического движения в Габсбургской империи с молодыми националистами Сербии. С этого момента уже следует говорить о «революционной югославянской националистической молодежи» [16]. Й. Хорват верно отмечает, что, если в 1908 г. инсценированный политический процесс в Загребе против группы политических деятелей хорватско-сербской коалиции, обвиненных в государственной измене, был фарсом, то случившееся в Белграде в апреле 1912 г. стало первым шагом к разрушению монархии Габсбургов революционным путем.

Это подтверждается еще одним событием, происшедшим за кулисами «Белградской экскурсии», детали которого частично стали известны гораздо позже. В апреле 1912 г. в Белграде была проведена, вероятно, самая массовая в истории агентурная вербовка. Многие хорватские студенты были либо завербованы в качестве членов тайной офицерской организации «Черная рука» («Црна рука»), либо привлечены к оказанию ей различных услуг. По возвращении домой они стали самыми активными пропагандистами идей югославизма.

Пропаганда югославизма велась в атмосфере воодушевления и энтузиазма хорватов по поводу Балканских войн, что дополнительно усилило его революционность и способствовало разрыву связи с уже не модным неославизмом. Создание Балканского союза и первые победы болгарских, сербских и черногорских войск вызвали в Хорватии настоящую эйфорию. К молодежной фаланге хорватско-сербской коалиции все теснее примыкали их сверстники из среды «правашей» и католиков. Они воспринимали Балканскую войну не только как борьбу южнославянских народов за освобождение из-под власти Османской империи, но и как благоприятный момент, своего рода «революционную ситуацию» для начала освобождения южных славян и в империи Габсбургов. Короче, Балканская война дала мощный толчок для пропаганды югославизма как

[16] *Horvat J.* Pobuna omladine... S. 123.

inslav

реального и достижимого политического проекта [17]. Наиболее убежденные его последователи происходили из среды националистически настроенной молодежи, а наиболее активные пропагандисты – из среды «белградских экскурсантов». Пропаганда югославизма одновременно сопровождалась восхвалением Сербии и сербов. Как писал в воспоминаниях уже упоминавшийся Нико Бартулович, активный участник этой пропаганды: «Чтобы завоевать массы, мы возвеличивали сербское юначество, сербских военных, сербскую армию и сербских политиков. Мы создали культ всего, что было сербским (сербиянским), и массы начали принимать этот культ» [18].

Тема сочетания пропаганды югославизма и восхваления Сербии в годы Балканских войн привлекает в последнее время внимание хорватских историков. На основе анализа недавно открытых источников были сформулированы две точки зрения. Согласно одной из них, все элементы молодежного националистического движения были созданы вне Хорватии, точнее в Белграде, откуда происходили основные программные документы, шла финансовая поддержка, обмен профессиональным опытом [19]. Сторонники другой точки зрения, не отрицая документально доказанные факты агентурной и финансовой связи югославянской националистической молодежи с Сербией, отдают приоритет внутренним факторам, таким, как чрезвычайный режим комиссариата, репрессии, деятельность политических партий Хорватско-сербской коалиции, выступавших за национальное единство хорватов и сербов, а также позиция и публицистика Франа Супило, контакты и связи хорватских студентов с их сербскими коллегами в европейских университетах [20].

Опираясь на собственный научный опыт изучения структуры и деятельности тайной офицерской организации «Черная рука» (что было лишь новым названием Сербской четнической организации), которая

---

[17] *Luetić T.* Studenti Sveučilišta u Zagrebu (1874–1914)… S. 309–404.

[18] *Bartulović N.* Od revolucionarne omladine do Orjune… S. 25.

[19] *Lipovcan S.* "Beogradska komponenta" u postanku Jugoslavenske nacionalističke omladine // Hrvatska historiografija XX stoljeća: Između znanstvenih paradigmi i ideoloskih zahtjeva. Zagreb, 2006. S. 169–196.

[20] *Despot I.* Tisak Hrvatske i Dalmacije o balkanskim ratovima (1912–1913)… S. 151–152.

inslav

проводила вооруженную пропаганду в Македонии *, а также изучения в последние годы хорватской печати периода Балканских войн, могу утверждать, что в 1912–1913 гг. хорватское общество стало объектом масштабной пропагандистской кампании, руководимой из Сербии. Целью этой кампании было использование антиавстрийских и славянофильских настроений большей части хорватского общества для внедрения той идеи, что хорваты и сербы – единый народ, а Сербия – их политическая альтернатива Австро-Венгрии. Путем умелой пропаганды, в которой сказывался опыт десятилетий, сербы смогли внушить эту идею определенным политическим кругам Хорватии, в особенности – новому поколению политиков. Составной частью и целью сербской пропаганды среди хорватов в это время было разрушить их традиционное представление о Македонии, заглушить их симпатии к Болгарии и дискредитировать болгар как противников идеи славянской и южнославянской солидарности.

«Черная рука» являлась организационным приемником Сербской четнической организации, которая в 1903–1908 гг. терроризировала болгар в Македонии. Ее корни восходят к заговору офицеров, которые 29 мая 1903 г. совершили переворот, отмеченный зверским убийством короля Александра Обреновича и его супруги. Офицеры-заговорщики стали главными инициаторами, организаторами и исполнителями сербской вооруженной пропаганды в Македонии. Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. и неспособность сербского правительства воспрепятствовать ей вдохнули новую жизнь в офицерскую конспирацию. К 27 апреля 1911 г. она окончательно оформилась в тайную организацию «Объединение или смерть» («Уједињење или смрт»), известную под своим неофициальным названием «Черная рука».

Организационная структура «Объединения или смерть» была подчинена строгой секретности, железной дисциплине и беспрекословному подчинению. Во главе стояло Верховное центральное управление из 11 человек, среди которых ведущую роль играл полковник Драгутин Димитриевич-Апис. Состав «Черной руки», по некоторым источникам, достигавший 2500 человек, в основном офицеров, был разделен на небольшие группы, члены которых имели лишь номер и строго определенную связь между собой. Общение между членами, группами и Верховным управлением было исключительно устным. «Объединение

* А это тема моей кандидатской диссертации, защищенной в 1985 г.

inslav

или смерть» имела две программы – открытую, опубликованную в ее печатном органе «Пьемонт», и тайную, согласно которой организация ратовала за объединение сербства, т. е. за присоединение Македонии, Боснии и Герцеговины, Далмации и Хорватии к Сербии, за влияние над всеми государственными институтами, политическими факторами, общественными слоями и в целом над всей общественно-политической жизнью королевства. Одновременно объявлялась борьба со всеми противниками идей организации и проч. Конечной целью было завоевание Сербией роли гегемона и объединителя южных славян.

Идеи, цели и средства «Черной руки» характеризуют ее как ультранационалистическую и милитаристскую организацию с подчеркнуто антипарламентарными и антидемократическими чертами. Тесно связанная с армией, она быстро стала играть решающую роль как во внутренней, так и во внешнеполитической жизни Сербии.

Вовлеченность в прежнюю вооруженную пропаганду и участие в деятельности четнических штабов в Сербии и в Вардарской Македонии определяли внешнеполитическую ориентацию новой организации. Не преуменьшая опасность, исходящую от Австро-Венгрии, ее руководство сочло, что наибольшая угроза нависает над «сербством» в Македонии, и потому решили сосредоточить свою деятельность там. Весной 1911 г. сербские четы вновь вернулись в Македонию и возобновили террор и репрессии против болгарского населения. Политический кризис в Хорватии, однако, неожиданно открыл перед «Черной рукой» новые политические горизонты и новое оперативное пространство [21].

Как уже говорилось выше, наиболее поддающимися внушениям сербской пропаганды были представители нового поколения хорватских политиков, которые, стали и самыми активными пропагандистами. Как только разразилась Балканская война, в сербскую армию записались десятки хорватских добровольцев, среди которых были и участники «Белградской экскурсии». В своих статьях, письмах и очерках они начали распространять в хорватском обществе сербское представление о будущем славянских народов, о македонском вопросе и проч. [22]. То же стали делать и некоторые хорватские газеты, находившиеся под

[21] *Елдъров С.* Сръбската въоръжена пропаганда в Македония (1901–1912). София, 1993. С. 100–105.

[22] *Despot I.* Tisak Hrvatske i Dalmacije o balkanskim ratovima (1912–1913)... S. 151–152.

inslav

влиянием или напрямую контролировавшиеся сербской пропагандой. Сербские газеты в Австро-Венгрии и особенно загребский «Србобран» приняли самое большое участие в распространении этой дезинформации. Можно сказать, что в 1912–1913 гг. в Хорватии разыгралась масштабная пропагандистская война, в которой Болгария не то что не участвовала, но, вероятно, и понятия о ней не имела. Так что не удивительно, что в изложении хорватской печати сербская армия – в прямом и переносном смысле – сумела одержать более серьезные победы, чем в реальной войне. При взгляде из Загреба через призму сербской информационной монополии и с поправками на хорватскую политическую наивность получалось, что именно Сербии принадлежат все победы от Куманово до Шкодры и от Одрина до Чаталджи.

Особенно активным в списке дезинформаторов была сплитская газета «Свобода» («Sloboda»), орган Хорватского прогрессивной партии – одного из столпов Хорватско-сербской коалиции. Его редактор, Оскар Тарталья, участник «Белградской экскурсии» был завербован «Черной рукой». О том, что его деятельность финансировалась из фондов сербского военного министерства, он сам поведал в своих воспоминаниях. В газете, превратившейся в рупор сербской пропаганды, тотально переиначивались материалы о действительном этническом характере Македонии, широко публиковались статьи хорватских корреспондентов-добровольцев в сербской армии, перепечатывались или пересказывались публикации белградских газет, восхвалявших сербских четников. Если читать параллельно загребский «Србобран» и сплитскую «Свободу», как делал автор этих строк, невозможно не заметить – они написаны, словно, одной рукой, в сущности, «Черной рукой». В той или иной степени другие хорватские газеты, особенно находившиеся в орбите влияния Хорватско-сербской коалиции, участвовали в такой пропаганде.

Подобным образом в сеть сербской пропаганды оказалась вовлеченной даже «Riječke novine», первая хорватская католическая ежедневная газета. Хотя католическая печать, как правило, была более информирована о положении на Балканах в целом и в Македонии, в частности, и симпатизировала Болгарии, военный корреспондент «Riječke novine» Милко Келович, который идейно и политически был связан с националистической молодежью, в своих статьях последовательно отстаивал сербские интересы. Это стало совсем очевидно, когда из черногорской армии он переместился в сербскую и стал передавать корреспонденцию из Македонии и Сербии. Уже тогда современники, особенно активисты

inslav

хорватского католического движения, возмущались тенденциозностью и односторонностью позиции специального военного корреспондента газеты [23]. В августе 1913 г. на Четвертом католическом конгрессе в Любляне на специальном заседании были осуждены «сербофильские заметки и статьи» «Riječke novine» [24]. По мнению некоторых католических деятелей, газета превратилась в «сербский военный орган». А позже и исследователи стали утверждать, что тому существуют доказательства в виде расписок и счетов, оплаченных Келовичу Белградом [25]. Где-то явно, где-то более завуалировано и другие хорватские газеты, особенно находившиеся в орбите влияния хорватско-сербской коалиции, были вовлечены в сербскую пропаганду.

Поэтому истинным триумфом сербской пропаганды в хорватских землях можно назвать факт, означавший, что ей удалось поколебать до того твердую уверенность хорватского общественного мнения в болгарской принадлежности большинства населения Македонии. Это стало очевидно в начале 1913 г., когда проявились противоречия между союзниками, главным образом, между Болгарией и Сербией по поводу раздела наследия Османской империи. Тогда стало ясно, что, даже будучи благосклонным к Болгарии и болгарам, хорватское общество уже усвоило теорию Йована Цвиича, согласно которой большинство населения Македонии не имело четкого национального сознания и легко могло стать сербским или болгарским, в зависимости от того, к какому из двух государств будет присоединено. Поэтому, когда хорватские газеты сообщали статистические данные о жителях освобожденных городов в Македонии или о населении этой области в целом, их чаще называли славянами, чем болгарами, или же называли сербами там, где их не было [26].

---

[23] *Matijević Z.* Balkanski ratovi na stranicama "Riječkih Novina" (1912.–1913.). Prilog poznavanju hrvatskoga katoličkog novinstva // Tkivo culture. Zbornik Franje Emanuela Hoška: U povodi 65. obljetnice života. Rijeka, 2006. S. 202–210.

[24] *Grgec P.* Dr. Rudolf Eckert. Rijeka, 1995. S. 229–230.

[25] *Matijević Z.* Balkanski ratovi na stranicama "Riječkih Novina" (1912.–1913.)... S. 210–215.

[26] *Елдъров С.* Балканската война, видяна от Загреб... С. 43–48; *Елдъров С.* Македония и Македонският въпрос в хърватския печат... С. 74–75.

inslav

Таким же образом сербская пропаганда преуспела в манипулировании и введении в заблуждение хорватского общества об обстоятельствах взятия Одрина. Сначала в сербской печати, а оттуда через загребскую «Србобран» и другие подобные издания в хорватские газеты попала и стала ими тиражироваться информация о, якобы, решающей роли сербских войск при Одрине, о пленении Шукри паши сербами и необоснованности болгарских притязаний. На деле же газеты, находившиеся под влиянием или контролируемые сербской пропагандой, бесцеремонно украли, или, по меньшей мере, принизили болгарскую победу.

Лишь один шаг отделял сербскую пропаганду от следующего большого торжества, и сделан он был в разгар Второй Балканской или Межсоюзнической войны. Тогда многие хорватские газеты, даже те, которые еще в недавнем прошлом традиционно симпатизировали болгарам, стали осуждать Болгарию как главную виновницу братоубийственной войны. Сербская пропаганда столь умело умудрялась манипулировать хорватским общественным мнением, что люди действительно начинали верить, что сербская идея раздела Македонии путем фактической оккупации – это братская славянская идея, а призывы к автономии Македонии – это антиславянская австрийская игра. Дискредитация Болгарии и болгар как нелояльных союзников, агрессоров и предателей славянской идеи и достигла своего пика в первую очередь благодаря публикациям хорватских специальных военных корреспондентов. Стилистически, тематически и фактологически их статьи настолько схожи, что для меня не подлежит сомнению, что материал они черпали из одного источника – официальных сербских коммюнике или подобной же специальной сербской военной информации.

Именно в эти дни, недели и месяцы сложилось обоснование (если не сказать оправдание), якобы закономерности разгрома «неславянской» Болгарии и захвата Вардарской долины, что было неизбежным, законномерным и едва ли не предопределенным историческим этапом на пути к утверждению хорватско-сербского народного единства и строительства общего государства – будущей Югославии [27].

Содержание сербской пропаганды в Хорватии в 1912–1913 гг., подготовленной организационно до начала Балканской войны, а идейно, возможно, еще до подписания договора о дружбе и союзе между Сербией

[27] *Елдъров С.* Балканската война, видяна от Загреб… С. 43–48; *Елдъров С.* Македония и Македонският въпрос в хърватския печат… С. 75–80.

inslav

и Болгарией и сопровождающих его тайных соглашений и военных конвенций, что легло в основу Балканского союза, подсказывает, что сербы допускали вероятность войны со своим союзником. С высоты нынешнего времени это могло бы оцениваться как проявление политической дальновидности или стратегического мышления, однако современниками и потерпевшими в этих событиях вряд ли такое могло восприниматься иначе как смертный грех перед идеей южнославянской взаимности.

Китайская пословица гласит, что дети – это цветы, выросшие на могилах родителей. В духе этой дальневосточной мудрости, перенесенной на балканскую почву, мы можем сказать, что югославизм расцвел на могиле неославизма. Неслучайно 16-м июня 1913 г. (начало Второй балканской или Межсоюзнической войны) датируется не только день «преступного безумия» в болгарской истории, но и смертного акта неославизма.

По ту сторону линии фронта в этой своеобразной информационной войне однако были силы, противостоявшие сербской пропаганде и крайним политическим идеям югославизма. Это фракции «правашей» Партии права, политический католицизм и крестьянская партия, которые еще тверже стали отстаивать идею хорватской национальной идентичности и хорватского государственного права. В отличие от газет, связанных с хорватско-сербской коалицией или направляемых непосредственно из Белграда, которые слепо превозносили и прославляли военно-политический гений Сербии, издания католической, национальной и крестьянской Хорватии объективно отражали ход Балканской войны, определяли место и роль Болгарии в Балканском союзе, признавали болгарский характер Македонии. Они не скрывали информацию и о случаях массового насилия сербской армии в отношении албанцев-мусульман и католиков в Косово, к чему другие хорватские газеты оставались слепы, глухи и немы.

Расхождение во мнениях среди хорватской общественности было не только по поводу Балканской войны. В сущности, в то время, когда на полях битвы во Фракии, Македонии и Косово решалась судьба Балкан, в дискуссиях на страницах газет и журналов в Загребе, Риеке или Сплите решалась судьба Хорватии. Братоубийственная война породила отрезвление части хорватских политических групп, особенно среди представителей фракций Партии права, политического католицизма, крестьянской партии. Сомнения возникли и в лагере сторонников югославизма.

inslav

Хотя Межсоюзническая война и не разрушала идею хорватско-сербского (или хорватско-сербско-словенского) унитаризма, она все же вызвала неуверенность и сомнения в возможности легкого и беспроблемного преодоления различий между будущими составными частями единой «югославянской нации».

Так или иначе, в 1912–1913 гг. хорватская печать превратилась в своеобразное поле боя, где противоборство симпатий и антипатий к Сербии или Болгарии было лишь внешним проявлением истинного внутреннего противостояния между двумя фундаментальными политическими концепциями национальной идентичности и политического будущего хорватов – это либо интегрированное славянство, считающее сербов и хорватов одним народом, которому предопределена интеграция в единый государственный организм, либо национальное хорватство, придерживающееся идеи хорватской национальной идентичности, отличной от сербской, независимого хорватского государства. Это противостояние продолжилось в эпоху королевской и титовской Югославии, а конец его мы увидели уже в наши дни.

Дальнейшая хронология развития югославизма и создания Королевства сербов, хорватов и словенцев – будущей Югославии – хорошо изучена, поэтому в завершение приведу лишь эпизод с так называемым «Югославянским добровольческим корпусом», сформированным в России в годы Первой мировой войны. Речь идет о событиях октября 1916 г. в казармах на Куликовом поле рядом с железнодорожным вокзалом Одессы, когда бунт хорватских офицеров и бойцов корпуса, составленного из пленных и дезертиров австро-венгерской армии, был жестоко подавлен их недавними сербскими боевыми товарищами с помощью русских частей. Крупный хорватский писатель Мирослав Крлежа назвал это событие «Одесской резней». С расстояния прошедших десятилетий хорватский бунт в Одессе и его подавление выглядят символичным знаком того, что мы знаем из нашей современности. Из многочисленных фронтов Первой мировой войны, где он мог быть полезен, Югославянский добровольческий корпус был направлен именно туда, где он мог биться единственно с болгарами – сначала в Добруджу в 1916 г., затем в Македонию в 1918 г. Не тем ли постулатом, что югославизм противостоит Болгарии и болгарам, и что будто бы югославянская унитарная идея не может осуществиться, пока болгары не будут побеждены, они руководствовались?

С болгарского языка перевела А.А. Леонтьева

inslav

Ю.В. Лобачева
Москва

Проекты югославянской интеграции в годы Первой мировой войны и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г.

Объявление Австро-Венгрией войны Сербии 28 июля 1914 г. и постепенное перерастание локального конфликта в европейскую войну стало поводом для югославянских политиков вновь задуматься о судьбах своих народов. Во время войны сербские, хорватские и словенские политические и общественные деятели как из Австро-Венгрии, так и Сербии продумывали различные планы относительно будущего югославянских народов. В частности, новое звучание обретали уже существовавшие ранее идеи югославизма, а югославянский вопрос ставился и как вопрос о государственной интеграции югославян, проживавших на территории Сербии, Черногории и югославянских областей Австро-Венгрии.

Стоит сказать, что различные аспекты проблемы государственного объединения югославян многократно становились объектом исследования зарубежных и отечественных специалистов, предлагавших разные подходы к пониманию и оценке того, что произошло в 1918 г. [1]. Вместе с тем, этот сюжет сохраняет актуальность [2].

---

[1] *Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925; *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1984; *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Југословенско питање. Књ. 1, 2. Београд, 1985; *Stanković Đ.* Srbija i stvaranje Jugoslavije. Beograd, 2009; *Екмечић М.* Стварање Југославије, 1790–1918. Д. 2. Београд, 1989; *Petrovich M.* A History of Modern Serbia, 1804–1918. V. II. New York, London, 1976; The Creation of Yugoslavia, 1914–1918. Santa Barbara, 1980; *Djordjevic D.* The Yugoslav Phenomenon // The Columbia History of Eastern Europe in the Twentieth Century. New York, Oxford, 1992. P. 306–344; *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. М, 1975; *Шемякин А.Л.* Первая мировая война.

inslav

В данной статье мы представим содержание и проследим судьбу некоторых идей и проектов югославянской интеграции, сформулированных, с одной стороны, сербским правительством во главе премьер-министром Николой Пашичем, а с другой – югославянскими деятелями, эмигрировавшими в начале войны из Австро-Венгрии в Европу и образовавшими в 1915 г. Югославянский комитет. Не ставя целью всесторонне охватить этот вопрос, мы постараемся показать на каких основаниях, принципах и в какой форме, по замыслам югославянских политиков, могло произойти государственное объединение югославянских народов, и в каких обстоятельствах оно осуществилось в 1918 г.

Первые планы объединения появились в сербском правительстве уже в самом начале войны. А 7 декабря 1914 г. в Народной скупщине была обнародована Нишская декларация, определявшая военно-политические цели Королевства Сербия и представлявшая в самых общих чертах программу интеграции югославян. «Королевское правительство в настоящий судьбоносный момент считает своей главнейшей и единственной задачей способствовать успешному завершению этого великого вооруженного противостояния, которое с самого начала стало одновременно и борьбой за освобождение и объединение всех наших неосвобожденных братьев сербов, хорватов и словенцев», утверждалось в документе [3].

Вряд ли тогда, в условиях Австро-Венгрии, сербские политики всерьез верили в реализацию этой программы. Однако она виделась как эффективное средство защиты интересов Сербии от притязаний Болгарии, в противостоянии геополитическим планам Италии и как пропагандистское средство в борьбе с Австро-Венгрией. И именно это заявление стало основой югославянской программы и политики сербского руководства в годы войны [4]. Впрочем, оно не раз (например, летом 1915 г. и в начале 1918 г.) от нее отходило, когда на первый план выступала необходимость защиты собственных национальных интересов сербов. А одновременно с югославянской Н. Пашич продумал и другую – всесербскую – программу на случай, если геополитические притязания Италии

Рождение Югославии // Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. С. 175–216 и др.

[2] См., например, статьи Н.С. Пилько и А.А. Силкина в данном сборнике.

[3] *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 10.

[4] Подробнее см.: *Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 178–183.

inslav

будут удовлетворены, и ее проект «независимой» Хорватии принят государствами Антанты [5].

В то же время намерение бороться за объединение югославян выразила небольшая группа югославянских политиков и интеллектуалов, эмигрировавших из Австро-Венгрии в Европу. Лидерами эмигрантов стали известные хорватские общественные деятели из Далмации – Анте Трумбич, Франо Супило, Иван Мештрович. Они пришли к заключению, что единственная возможность обеспечить национальные интересы хорватов и словенцев (избежать угрозы германизации, мадьяризации, а также агрессии со стороны Италии, защитить независимость хорватских и словенских земель) лежит в создании вместе с Сербией единого государства [6].

В сентябре 1914 г. эмигранты обратились за поддержкой к дипломатическим представителям Антанты в Риме, а затем французским и английским государственным и общественным деятелям [7]. После заключения в апреле 1915 г. Англией, Францией и Россией секретного Лондонского договора с Италией, по которому к Италии отходил ряд югославянских территорий (Триест, Истрия и Далмация и другие), эмигранты выступили более решительно.

30 апреля в Париже они официально образовали Югославянский комитет (председателем стал А. Трумбич), с мая находившийся в Лондоне, и оформили свои политические идеи в «Меморандуме» [8]. Текст «Меморандума Югославянского комитета» был составлен А. Трумбичем и Хинко Хинковичем и передан французскому министру иностранных дел Т. Делькассе, а его копия 6 мая 1915 г. вручена российскому послу в

---

[5] Там же. С. 182. Также о югославянской и сербской программах сербского правительства см., например: *Станковић Ђ.* Указ. соч. Књ. 1.

[6] *Stokes G.* The Role of the Yugoslav Committee in the Formation of Yugoslavia // *Stokes G.* Three Eras of Political Change in Eastern Europe. New York, 1997. P. 95; *Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 191–192.

[7] *Seton-Watson H.*, *Seton-Watson Ch.* The Making of a New Europe. R.W. Seton-Watson and the last years of Austria-Hungary. Seattle, 1981. P. 108–109.

[8] *Seton-Watson H.*, *Seton-Watson Ch.* Op. cit. P. 131. Также см., например: *Габрић Н.* Јован Јовановић Пижон и европска дипломатија Србије 1913–1918. Београд, 2011. С. 248–249.

inslav

Париже А.П. Извольскому [9]. 12 мая был подготовлен аналогичный документ для британского народа и политической элиты; активное участие в его продвижении приняли английские общественные деятели Генри Уикхем-Стид (редактор внешнеполитического отдела газеты «The Times») и Роберт Сетон-Уотсон, который еще и перевел его на английский язык [10].

В «Меморандуме» эмигранты сформулировали свой взгляд на объединение югославян, подчеркивая решающую роль в деле создания их общего государства позиции держав Антанты по этому вопросу, а также участия Сербии и Черногории в войне. В нем, в частности, говорилось: «Весь югославянский народ – сербы, хорваты и словенцы – ожидает от этой войны объединения всех племен одного народа и всей его территории в одно независимое государство. Уверенность в этом основывается на торжественных заявлениях, которые так часто делали представители Антанты, касающихся защиты и реализации принципа национального самоопределения. Вера в это охраняет от отчаяния наш порабощенный народ. Она же явилась источником моральной силы, что породила исключительный героизм Сербии и Черногории, внесших столь значительный вклад в общее дело союзников, в сопротивление военному натиску Австро-Венгрии. Борьба Сербии и Черногории не является завоевательной за расширение границ: оба сербских государства участвуют в освобождении всех югославян, и их задача – наша общая задача: обеспечить наше народное существование на нашей объединенной земле» [11].

В «Меморандуме» провозглашались и обосновывались «исторические и этнографические права» югославян на земли, где проживали сербы, хорваты и словенцы [12]. Утверждалось также, что «мир

---

[9] *Šišić F.* Op. cit. S. 24–35.

[10] Подробнее см.: *Seton-Watson H.*, *Seton-Watson Ch.* Op. cit. P. 131–134.

[11] *Šišić F.* Op. cit. S. 25.

[12] «Народная территория сербов, хорватов и словенцев охватывает: a) Сербию и Черногорию; b) Боснию и Герцеговину; c) Далмацию с островами; d) Хорватию и Славонию с Риекой и Меджумурьем; e) Подравину южной Венгрии и бывшую сербскую Воеводину (Бачку и Банат); f) Истрию с ее островами и Триест; g) Каринтию и Горицу; h) Южную Корушку и южную Штирию с пограничной частью юго-западной Венгрии» (Ibid. S. 27–29).

inslav

на всем юго-востоке Европы, а особенно на Адриатике и Балканах», можно установить лишь при условии «объединения всех югославянских племен и их территорий в одно независимое государство» [13].

Аргументируя необходимость югославянской интеграции, Комитет ссылался на решения Конгресса в Нише 6 мая, собравшего представителей сербского правительства, армии и скупщины и югославян из Австро-Венгерской монархии (эмигрантов и военнопленных) [14], и на поддержку идеи югославянского объединения югославянскими переселенцами из Австро-Венгрии в США и Канаде [15]. Вопросы о форме правления и политическом устройстве будущего государства в «Меморандуме» не затрагивались.

Однако в тот момент подобные радикальные планы были встречены официальными кругами Англии, Франции и России довольно сдержанно. Поскольку, во-первых, Югославянский комитет являлся лишь эмигрантской организацией. Во-вторых, отношение Антанты к национальным движениям австро-венгерских славян, выступавших за освобождение от власти Монархии и образование отдельных государств не было благосклонным.

С другой стороны, уже в начале войны акции югославянских политиков вызвали интерес у сербского руководства. Более того, без его участия деятельность политической эмиграции в пользу объединения югославян в европейских странах и Америке в 1914–1918 гг. вряд ли обрела бы такой широкий размах. Сербское правительство, поддержав ее в 1914 г., инициировало и создание самого Югославянского комитета [16]. Оно же на протяжении всего военного времени покрывало и большую часть расходов Комитета. Средства из Америки и в отдельных случаях из Европы были вторым основным источником его финансирования (в значительном объеме с 1916 г.) [17].

---

[13] *Šišić F.* Op. cit. S. 29.

[14] О решениях Конгресса см.: *Šišić F.* Op. cit. S. 24.

[15] Речь идет о конгрессе югославянских эмигрантов в Чикаго 10–11 марта 1915 г.

[16] О создании Комитета см., например: *Стојановић Н.* Југословенски одбор (Чланци и документи). Загреб, 1927. С. 10–11; *Seton-Watson H.*, *Seton-Watson Ch.* Op. cit. P. 108–109; *Stokes G.* Op. cit. P. 95.

[17] *Stanković Đ.* Materijalna osnova jugoslovenske propagande (1914–1918) // Stvaranje Jugoslovenske Države 1918. Beograd, 1983. S. 232.

inslav

Вместе с тем, об объеме и распределении «собственных средств» Комитет сербское руководство не информировал. Упрочение же финансового положения имело для югославянских деятелей большое значение в связи с их стремлением не только усилить югославянскую пропаганду и активнее отстаивать интересы югославян Австро-Венгрии перед сербским правительством и самостоятельно выступать на международной сцене. Особенно важным это являлось для Ф. Супило и А. Трумбича, которые сами были финансово независимы [18].

Впрочем, зависимость от сербского правительства не помешала Югославянскому комитету развивать собственные идеи о будущем югославянском государстве и стремиться проводить свою политику. При этом их взгляды во многом существенно различались. Серьезные расхождения вызывала и сама политическая программа государственной интеграции. Сербские политики предполагали создание централизованного югославянского государства с династией Карагеоргиевичей во главе, а югославянские деятели отдавали предпочтение федеративному государственному устройству с широкой автономией «исторических областей» [19].

Отличались и их точки зрения на способ «унификации». В одном из вариантов сербское правительство предполагало «расширение» территории Королевства и включение в его состав новых областей, в то время как эмигранты стремились к созданию «нового» государственного образования. Спорным был и вопрос о положении сербов и хорватов в предполагаемом государстве. Н. Пашич отводил Сербии роль «освободительницы» югославян, а сербам в нем главное место. Подразумевалось также, что, поскольку македонцы и черногорцы считались сербами, то им не нужен особый статус, а хорваты и словенцы, явно не являющиеся сербами, смогут сохранить этническую и религиозную самобытность и традиционные политические институты [20]. Политическая эмиграция –

---

[18] Ibid. S. 224.

[19] К примеру, Ф. Супило во время своего пребывания в Петербурге в 1915 г. высказывался в пользу создания югославянской федерации («централистской федерации»), интересов Хорватии и т. д. (*Šepić D.* Srpska vlada i počeci Jugoslavenskog odbora // Historijski Zbornik. Godina. XIII. Br. 1–4. Zagreb, 1960. S. 25–26).

[20] *Stokes G.* Op. cit. P. 95–96.

inslav

особенно Ф. Супило – полагала, что доминирующую позицию должна занять Хорватия [21].

Кроме того, по мысли сербского премьера, Сербии принадлежало исключительное право представлять интересы югославян на международной арене, Комитет же был призван лишь помогать ей в создании их общего государства. Югославянские лидеры, со своей стороны, надеялись на «сотрудничество» и считали, что со временем смогут стать «равным партнером» сербского правительства в деле объединения [22].

Несмотря на расхождения по ряду вопросов с сербским руководством, Югославянский комитет, тем не менее, видел в Сербии главную опору, а к тому же получал от нее финансовую помощь. Поэтому в 1915 г. его участники открыто не выступали против сербского правительства и не действовал без его согласия, за исключением, может быть, только Ф. Супила. Больше того, в июле А. Трумбич в письме Н. Пашичу выразил готовность Комитета поддержать любую политическую и военную акцию Сербии [23].

С другой стороны, летом 1915 г. позиции Югославянского комитета несколько укрепились благодаря контактам с политическими группами словенцев и хорватов в Австро-Венгрии и финансовой поддержке югославян из Америки [24]. И, когда после военного поражения Сербии в конце 1915 – начале 1916 г. ее правительство оказалось в изгнании на острове Корфу, Комитет был готов оспаривать ее ведущую роль в югославянском объединении. По мнению его руководителей, сербское правительство не должно далее оставаться единственным политическим лидером и официальным представителем всех югославян, поскольку политико-юридическое положение Сербии и югославянских земель Австро-Венгрии сравнялось [25].

13 марта 1916 г. представителю французского правительства был передан «Дополнительный меморандум Югославянского комитета». В

---

[21] *Екмечић М.* Указ. соч. С. 749–750; *Stokes G.* Op. cit. P. 98–99.

[22] *Stokes G.* Op. cit. P. 95–96.

[23] *Šepić D.* Op. cit. S. 39–43.

[24] *Seton-Watson H.*, *Seton-Watson Ch.* Op. cit. P. 139–140.

[25] *Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 194. Также см., например: *Ђорђевић М.* Србија и Југословени за време рата: 1914–1918. Београд, (1922) 1991. С. 33–35.

inslav

нем содержалась уточненная программа объединения югославян, ориентированная на реализацию хорватских претензий.

«В югославянской проблеме хорватский вопрос играет ключевую роль. Хорватия – это одно из древнейших королевств в Европе... Хорватия со своей столицей Загребом является главным культурным центром югославян Австро-Венгрии... Вот почему главным залогом объединения югославян является вхождение Хорватии в состав единого государства. Если Хорватия станет центром "собирания" югославян, то все остальные югославянские земли будут идти в ее фарватере. И действительно, она ведь является естественным "связующим звеном": на востоке с Сербией, на западе со словенскими землями, на юге с Боснией и Герцеговиной. Срединное географическое положение лишь повышает значение Хорватии в контексте общеюгославянской проблемы», говорилось, в частности, в документе [26].

Югославянский комитет попытался получить официальное признание Антанты в качестве представительного органа югославян Австро-Венгрии. 20 марта 1916 г. в интервью газете «l'Écho de Paris» («Эхо Парижа») А. Трумбич заявил о равных правах сербского правительства и Комитета на роль предводителя югославянского движения [27]. Однако, не найдя поддержки своим стремлениям ни в Париже, ни в Лондоне, Трумбич был согласен и на совместные действия с сербским правительством. В итоге переговоров с Пашичем он снял требования о «создании общеюгославянского правительства», и стороны обменялись наблюдателями [28].

Однако эту позицию А. Трумбича разделяли не все представители Комитета. Ф. Супило еще осенью 1915 г. склонялся к открытой пропаганде хорватских интересов и даже передал Э. Грею меморандум, в котором отстаивал привилегии хорватов [29]. Во время переговоров с руководством Сербии, он предлагал убедить Н. Пашича пересмотреть его программу объединения. Потерпев в этом неудачу, Ф. Супило внес предложение об организации обособленного хорватского эмигрантского

---

[26] Цит. по: *Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 194.

[27] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 162; *Ђорђевић М.* Указ. соч. С. 36–37.

[28] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 163–164.

[29] *Seton-Watson H., Seton-Watson Ch.* Op. cit. P. 155; *Екмечић М.* Указ. соч. С. 749–750.

inslav

центра. Оно было отклонено Комитетом, и он вышел из его состава [30]. Предпринятая им попытка «самостоятельной хорватской миссии» в Риме в апреле – мае 1916 г. также успеха не имела [31]. В итоге, как и усилия Комитета в марте 1916 г., деятельность Супила не смогла существенно повлиять на сложившееся в европейском югославянском движении положение. Югославянский комитет продолжил пропаганду югославянской интеграции, находясь во многом в зависимости от позиции сербского правительства по югославянскому вопросу и поддерживая его политику.

Руководители Сербии, наряду с проведением переговоров с союзниками о помощи, в связи с нанесенным ей сокрушительным поражением в конце 1915 г. и оккупацией ее территории австро-германскими и болгарскими войсками, еще в январе 1916 г. вновь поставили югославянский вопрос на самом высоком уровне. Он стал предметом переговоров престолонаследника Александра и Н. Пашича в столицах союзных государств. В апреле 1916 г. Александр в публичной речи прямо выразил намерение сербов: «Мы будем бороться за Великую Сербию, которая объединит всех сербов и югославян». При этом, заняв столь однозначную позицию и не желая делить с кем-либо руководство югославянским движением, сербские деятели до лета 1917 г. воздерживались от официальных шагов в сторону Югославянского комитета [32].

Отметим, что идеи государственной интеграции сербов, хорватов и словенцев, проводимые правительством Сербии и Югославянским комитетом, получили признание и поддержку в кругах югославянских эмигрантов в США и Южной Америке. В свою очередь, некоторые выдающиеся эмигранты – югославяне, лидеры движения за объединение из США (А. Бьянкини, Н. Гршкович, М. Пупин, Й. Марохнич) и Южной Америки (П. Бабурица, В. Митрович, В. Моро), были кооптированы в состав Югославянского комитета в 1915 и 1916 годах. На протяжении войны переселенцы в Америке оказывали югославянскому движению в Европе существенную идеологическую и практическую помощь, отправляя добровольцев в сербскую армию и финансируя Лондонский комитет. Только во второй половине 1918 г. в югославянском движении в США

---

[30] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 163; *Stokes G.* Op. cit. P. 99.

[31] *Екмечић М.* Указ. соч. С. 750.

[32] *Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 198–200. Также см., например: *Станковић Ђ.* Указ. соч. Књ. 1. С. 179; Књ. 2. С. 149–150.

inslav

наступил действительно серьезный кризис, приведший в ноябре к отказу некоторых его предводителей от сотрудничества с сербским правительством и его расколу, но это уже тема для рассмотрения в отдельной статье [33].

Следующую веху в развитии югославянского движения – в частности, планов объединения сербов, хорватов и словенцев и отношений сербского правительства и Югославянского комитета – обусловили опять-таки события внешние. После краха царской России в феврале 1917 г., на которую рассчитывали политики Сербии в реализации собственных национальных интересов, ее правительство пошло на сотрудничество с Югославянским комитетом, в лице которого был найден новый союзник для осуществления программы югославянского объединения [34].

В мае сербское руководство пригласило делегатов от Югославянского комитета для совместных совещаний на остров Корфу. Результатом конференции, проходившей с 15 июня по 20 июля 1917 г., стала разработка и подписание 20 июля Н. Пашичем и А. Трумбичем Корфской декларации, представлявшей уже их общий проект государственной интеграции югославян [35]. Заметим, что помимо указанной существовали и другие причины появления этой Декларации [36].

---

[33] Югославянскому движению в США и Южной Америке посвящен ряд исследований. См., например: *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi i stvaranje Jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1987; *Čizmić I.* Jugoslavenski iseljenički pokret u SAD i stvaranje Jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1974; *Лобачёва Ю.В.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). М.; СПб., 2014.

[34] *Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 200; *Габрић Н.* Указ. соч. С. 272–273.

[35] Подробнее об этом см., например: *Екмечић М.* Указ. соч. С. 791–794; *Petrovich M.* Op. cit. P. 642–649; *Габрић Н.* Указ. соч. С. 273–278.

[36] Среди них: выступление А. Корошеца 30 мая 1917 г. от имени Югославянского клуба в австрийском рейхсрате с программой объединения югославян Австро-Венгрии в самостоятельный государственный организм под скипетром Габсбургов (Майская декларация); претензии Югославянского комитета на лидирующую роль в югославянском движении в начале 1917 г.; перспектива проведения реформ в Австро-Венгрии.

inslav

Рассмотрим подробнее содержание этого документа, имевшего немалое значение для югославянского движения в Европе и за океаном [37]. В Декларации выражалось стремление югославян к объединению «в свободном, национальном, независимом государстве», создаваемом на основе демократических принципов. Главные ее положения сводились к следующему: 1) Государство сербов, хорватов и словенцев, известных под именем южных славян или югославян, будет свободным, независимым королевством с единой территорией и единым гражданством. Оно станет конституционной, демократической, парламентской монархией во главе с династией Карагеоргиевичей. 2) Государство это будет называться Королевством сербов, хорватов и словенцев, а правитель – королем сербов, хорватов и словенцев. 3) Все три народных имени – сербы, хорваты и словенцы – полностью равноправны на всей территории Королевства. 4) Оба алфавита – кириллица и латиница – также полностью равны и могут свободно использоваться на всей территории Королевства. 5) Свобода вероисповедания. 6) Территория Королевства сербов, хорватов и словенцев охватывает все территории, на которых компактно проживает трехименный народ. Югославянские земли необходимо освободить от власти Австро-Венгрии и объединить с Сербией и Черногорией в одно государство. 7) В интересах свободы и равноправия народов Адриатическое море будет открыто для всех. 8) Все граждане на всей территории равноправны и равны перед государством и законом. 9) Избирательное право едино для всех и реализуется прямым и тайным голосованием по округам. 10) Конституция, которую после заключения мира примет Учредительное собрание, избранное на основе общего и равного, прямого, тайного голосования, станет основой жизни государства, источником всей власти и права. Конституция и другие законы, принятые Учредительным собранием, вступают в силу после их утверждения королем [38].

Итак, по сравнению с Нишской декларацией и «Меморандумом Югославянского комитета» Корфская декларация представляла собой уже более проработанный проект единого государства югославян, включавший принципиально важные положения. Оно должно было стать

---

[37] Текст Корфской декларации см., например: *Šišić F.* Op. cit. S. 96–99; Дипломатска преписка српске владе 1917. год. Збирка докумената / Приред. М. Зечевић, М. Милошевић. Београд, 1984. С. 321–324.

[38] Дипломатска преписка српске владе 1917. год... С. 322–324.

inslav

конституционной, демократической, парламентской монархией, возглавляемой династией Карагеоргиевичей и организованной на базе демократических принципов. Вместе с тем, решение вопросов о внутреннем устройстве государства (составление его конституции и т. д.) оставалось на будущее.

Хотя уже и в этом общем проекте сербские национальные интересы были вполне учтены, утверждением сербской королевской династии у власти в новом государстве Корфская декларация устанавливала за Сербией свободу и первенство в решении значимых вопросов, в том числе, его организации. По оценке американского историка Г. Стоукса, Декларация стала искусным дипломатическим ходом сербского премьера в переговорах с политической эмиграцией. В обмен на признание династии Карагеоргиевичей, подразумевавшее целостность Сербии, он согласился на принципы демократии, гражданские права и конституцию. Пашич сохранил за Сербией право на роль державы-освободительницы и самостоятельность в реорганизации государства после войны. Он достиг и несколько краткосрочных целей, сделав Комитет своим должником, ограничив свободу его действий и отставив за собой инициативу в действительно важных вопросах [39].

Вместе с тем подписание Корфской декларации не устранило разногласий между сербским премьером и югославянскими лидерами. Даже само их отношение к документу различалось. Югославянский комитет считал, что было достигнуто основополагающее соглашение с Сербией. Хотя стороны не смогли договориться об устройстве будущего государства, многим эмигрантам казалось, что сделан главный шаг к объединению югославян. Пашич же решился на переговоры под влиянием обстоятельств и после подписания Декларации игнорировал ее, кроме тех случаев, когда ему нужно было продемонстрировать сотрудничество с Комитетом [40].

А. Трумбич настаивал на передаче текста Декларации державам Антанты в качестве официального документа, представляющего основные цели Сербии и Комитета в войне, однако сербский премьер не хотел брать на себя подобные обязательства. Полагая, что «декларация является всего лишь рекомендацией, которую правительство может принять или отклонить по собственному усмотрению», Пашич отказался

[39] *Stokes G.* Op. cit. P. 101.
[40] Ibid. P. 100.

inslav

от ее обсуждения в Народной скупщине, «так как это могло привести к принятию парламентом решения, имеющего силу закона» [41]. На конференции Антанты по балканскому вопросу в Версале, куда он вскоре отправился, вместо формального представления Декларации державам, как надеялись югославянские деятели, он лишь устно неохотно изложил ее содержание [42].

Более того, в начале 1918 г., когда Англия и США обнародовали свою позицию по национальному вопросу в Австро-Венгрии, заявив о необходимости предоставления югославянам территориально-национальной автономии, сербское правительство было готово отступить от югославянской программы в пользу всесербской, неофициально ставя вопрос о присоединении к Сербии Боснии и Герцеговины [43].

Когда же в апреле – июне 1918 г. государства Антанты выразили поддержку национальным движениям славян в Австро-Венгрии, дезинтеграция которой теперь могла стать реальностью, сербский премьер вновь решительно выступил за объединение сербов, хорватов и словенцев. Так, еще 30 марта в «Декларации сербского правительства» о внешней политике и целях в войне говорилось о свободной и объединенной Югославии; а 27 апреля Н. Пашич в речи в скупщине заявил, что национальный идеал югославян выражен в Корфской декларации, а их желанием является освобождение и объединение [44].

Югославянский комитет также решился на активные действия. В июле А. Трумбич пытался организовать второй конгресс угнетенных народов Австро-Венгрии в Париже [45], но это намерение успехом не увенчалось.

---

[41] *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968. С. 238.

[42] *Stokes G.* Op. cit. P. 101.

[43] Подробнее см., например: *Petrovich M.* Op. cit. P. 654; *Шемякин А.Л.* Указ. соч. С. 200–201.

[44] Građa o stvaranju Jugoslovenske države / Prired. D. Janković, B. Krizman. Beograd, 1964. Knj. 1. S. 148–151, 176–178.

[45] Ibid. S. 223, 225, 234.

Поясним, что 8–10 апреля 1918 г. Конгресс угнетенных народов состоялся в Риме. В нем приняли участие представители чехов, словаков, румын и югославян (делегаты от Югославянского комитета, сербской скупщины, Югославянской дивизии на Салоникском фронте),

inslav

Не принесло результатов и стремление Трумбича добиться формального признания Комитета со стороны сербского руководства, которое считало себя единственным выразителем и защитником интересов югославян. Так, в июле Югославянское народное вече в Вашингтоне, являясь заокеанским отделом Югославянского комитета, обратилось к американскому, французскому и английскому правительствам с просьбой признать его в качестве законного представителя южных славян в Америке [46]. Узнав об этом, Пашич писал сербскому посланнику в Лондоне Й. Йовановичу, утверждая, что только Сербии принадлежит признанное союзниками право официально представлять югославян, и она не нуждается для этого в иной организации; что касается Югославянского комитета, ему следует выражать волю югославян, живущих в Австро-Венгрии и желающих освободиться и объединиться с Сербией, а также помогать сербскому правительству в деле объединения; все же другие организации должны подчиняться Комитету, а не действовать самостоятельно [47].

Кроме того, в течение нескольких месяцев А. Трумбич старался получить официальное признание Югославянского комитета другими странами Антанты. Он понимал, что без него Комитет не сможет повлиять на образование югославянского государства. Однако и здесь его усилия оказались напрасными.

В конце октября А. Трумбич обратился к югославянским политикам в Австро-Венгрии[48]. Они под влиянием международной обстановки тоже перешли к более решительным действиям. 29 октября хорватский сабор заявил о разрыве всех связей Королевства Хорватии, Славонии и Далмации с Австро-Венгрией и создании суверенного Государства словенцев, хорватов и сербов (Государство СХС), к которому позже

итальянские политики, а также Г. Уикхэм-Стид и Р. Сетон-Уотсон. В одобренном на нем «Римском пакте», в частности, провозглашалось право славянских народов на свободу, политическую и экономическую независимость, и содержался призыв к общей борьбе против Австро-Венгрии как главного препятствия в реализации их национальных стремлений (Građa o stvaranju Jugoslovenske države... Knj. 1. S. 172).

[46] Građa o stvaranju Jugoslovenske države... Knj. 1. S. 225–226.

[47] Ibid. S. 226–227, 231–232.

[48] Građa o stvaranju Jugoslovenske države... Knj. 2. S. 425–427.

inslav

присоединилась и Словения [49]. 31 октября оно вышло из войны, а 1 ноября Вече в Загребе сообщило Югославянскому комитету и правительствам Антанты, что уполномочивает Комитет представлять Государство СХС на международной арене [50].

В это время упрочению положения Сербии способствовало развитие ситуации на фронтах в сентябре [51], как и ответ В. Вильсона на мирные предложения Австро-Венгрии 18 октября, где речь уже шла о полном освобождении чехословаков и югославян [52]. 27 сентября Н. Пашич заявил парижским газетам о необходимости признания союзниками за Сербией права освободить своих братьев и объединиться с ними в единое независимое государство [53]. В октябре он еще несколько раз выступил перед прессой по поводу объединительной программы Сербии и решения югославянского вопроса [54]. Так, 17 октября премьер заявил газете «The Times», что сербское правительство следует принципам Корфской декларации, а его цель – освобождение югославян и обеспечение для них права на самоопределение, чтобы они сами решили, хотят ли они объединиться с Сербией на основе Декларации или образовать свои государства [55].

Последняя в ходе войны попытка югославянских политиков договориться об условиях государственного объединения была предпринята в ноябре 1918 г. 6–9 ноября состоялась Женевская конференция представителей сербского правительства, югославянской эмиграции и Народного веча в Загребе [56]. Результатом трудных и длительных переговоров стало подписание 9 ноября «Декларации». В ней говорилось об

---

[49] *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 375–376.

[50] *Petrovich M.* Op. cit. P. 664.

[51] 14 сентября – начало наступления Антанты на Салоникском фронте; освобождение территории Сербии; капитуляция Болгарии; 26 сентября – начало генерального наступления армий Антанты на всем Западном фронте.

[52] *Šišić F.* Op. cit. S. 179.

[53] Građa o stvaranju Jugoslovenske države... Knj. 1. S. 303–304.

[54] Ibid. S. 349, 357–359, 366–367.

[55] Ibid. S. 365–366.

[56] Подробнее см., например: *Petrovich M.* Op. cit. P. 666–671.

inslav

объединении югославян в единое государство, которое на внешнем уровне будет представлять «общее министерство сербов, хорватов и словенцев», а внутренними делами на каждой территории продолжат управлять «правительство Королевства Сербия» и «Народное вече в Загребе» до тех пор, пока Учредительное собрание сербов, хорватов и словенцев не примет конституцию, определяющую устройство государства[57]. Однако решения конференции были позже отвергнуты и правительством Сербии, и большинством Народного веча[58].

Между тем Государство СХС оказалось в весьма тяжелом положении из-за отсутствия собственной армии для сопротивления Италии, которая начала оккупацию югославянских территорий в соответствии с Лондонским договором. Как не было и государственного аппарата, чтобы справиться с внутренним хаосом. К тому же оно не получило признания со стороны великих держав. В такой ситуации в ноябре представители югославянских областей бывшей Австро-Венгрии приняли решение об объединении с Сербией[59], которая ко всему прочему выступила против выполнения условий Лондонского договора и направила свои войска на территорию Государства СХС, чтобы помешать итальянской оккупации. 1 декабря 1918 г. Александр Карагеоргиевич провозгласил образование Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Итак, под влиянием международных, военных и политических факторов и благодаря проведению югославянской политики Сербия в 1918 г. реализовала свою программу объединения югославян, и ее королевская династия возглавила новое государство. Югославянский комитет, в свою очередь, внес существенный вклад в развитие югославянского движения в годы войны. Однако, оставаясь по сущности эмигрантской организацией, так и не получившей международного признания, он оказался неспособным отстоять свои планы объединения и серьезно повлиять на создание югославянского государства в конце войны.

---

[57] *Šišić F.* Op. cit. S. 236–237.

[58] *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях... С. 379.

[59] 16 ноября правительство Далмации известило Народное вече о намерении присоединиться к Сербии, 24 ноября Народное вече приняло постановление об объединении с Сербией. 25 ноября Народная скупщина в Нови Саде приняла решение об объединении Воеводины с Сербией.

inslav

Н.С. Пилько
Москва

Идея югославизма и словенская политическая элита (1914–1918 гг.)

Идея югославизма, иными словами объединение южных славян, не является порождением XX в. Своими корнями она уходит в глубь XIX в., правда, в то время она была овеяна в большей степени романтизмом, нежели побуждением к действию. Век XX напротив прошел под знаком югославизма, позволив воочию наблюдать его реализацию, развитие и крах.

Конец XIX в. на словенских землях был ознаменован зарождением первых словенских политических партий в привычном понимании этого слова. Сразу же лидирующие позиции заняла Католическая национальная партия (с 1905 г. Словенская народная партия (СНП)), идеологом которой был Янез Крек. Одним из главных вопросов, которому он уделял особое внимание, был национальный вопрос. Крек считал необходимым преобразование Австро-Венгерской империи в многонациональное государство с автономией для всех его народов, что должно было быть закреплено в конституции. Эта позиция не отличалась оригинальностью. Для империи, где только один народ – венгерский, смог добиться относительного равноправия, было естественным стремление непривилегированных народов, к коим относились и словенцы, к некоторому виду самостоятельности. В связи с этим наиболее популярной стала идея преобразования Австро-Венгерской монархии на основе триализма, что подразумевало создание третьей славянской части империи, которой была бы предоставлена бóльшая автономия, вплоть до получения ими статуса Цислейтании и Транслейтании [1].

Эти настроения подогрела аннексия Боснии и Герцеговины, благодаря которой процент славянского населения значительно возрос. После аннексии возросла популярность СНП, к ней присоединяются схожие по идеологии католические организации Нижней Штирии, Каринтии, Истрии. Лидер партии И. Шуштершич выступил с предложением объединить все югославянские земли в отдельную территориальную единицу и наделить ее равными правами с австрийской и венгерской частями. Другой лидер партии

---

[1] См. подробнее: *Чуркина И.В.* Национальный вопрос в программах словенских партий накануне Первой мировой войны // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С. 271–273.

inslav

А. Корошец полагал, что аннексия Боснии и Герцеговины и присоединение этих территорий к «хорватскому королевству», в составе которого он видел и словенцев, остановит распространение великосербской пропаганды. Франца Фердинанда руководство партии рассматривало как поборника интересов южных славян и сторонника триализма. Клерикалы видели свое будущее только в составе Австро-Венгрии и не принимали того, что имело антигабсбургский характер, в частности, выступали против хорватско-сербской коалиции.

Главную опору и союзника в борьбе за свои национальные интересы Крек видел в хорватах, неоднократно указывая на то, что словенцы и хорваты являются единым народом. Эти прохорватские высказывания вполне понятны и закономерны, поскольку существовали опасения, что в случае реформы монархии, словенцев могли не включить в новую славянскую часть империи, а вместе с чехами оставить в Австрии.

По духу из всех славянских партий католикам была близка Хорватская партия права. В октябре 1912 г. произошло их слияние, что привело к образованию «Хорватско-словенской партии права». У нее было два председателя Старчевич и Шуштершич. Это объединение оказало немалое влияние на развитие сотрудничества хорватских и словенских депутатов в Хорватско-словенском клубе в рейхсрате. В совместной резолюции партии подчеркивалось, что новое политическое образование выступает за сохранение габсбургской монархии как великой державы, и одновременно выражалась надежда, что она выполнит свой долг по отношению к южным славянам [2].

Убийство Франца Фердинанда подорвало надежды на переустройство монархии и подогрело антисербские настроения. Так на траурном митинге в память императора в отеле «Унион» 5 июля Шуштершич заявил: «тяжелый кулак словенского солдата… разобьёт череп любого серба, в котором живет жадная мания величия» [3]. А в газете «Словенец» от 27 июля 1914 г. в статье «Да здравствует Австрия! Долой Сербию!» было написано следующее: «закипела геройская кровь, все жаждут наказать цинично-преступную Сербию, это бандитское государство, которое является сыпью на теле Европы, позором современности» [4].

---

[2] *Чуркина И.В.* Указ. соч. С. 278.

[3] *Lončar D.* Političnо življenje Slovencev. Ljubljana, 1921. S. 92.

[4] Slovenec. 27.07.1914. Št. 168.

inslav

Убийство эрц-герцега нанесло серьезный удар по югославянскому движению в империи, поскольку были закрыты все славянские общества, подозревавшиеся в антиправительственной пропаганде или просто имевшие югославянскую окраску. Либеральные и социал-демократические издания были ликвидированы. Деятельность словенских партий, за исключением клерикальной, которая полностью поддержала объявление Веной войны Сербии, была прекращена. 25 июля Франц Иосиф издал «высочайшие повеления», которые остановили работу австрийского рейхсрата, местных саборов, ландтагов и сеймов. Кроме того, была создана служба безопасности при ставке, а на местах особые отряды по охране внутреннего порядка [5], занимавшиеся выявлением неблагонадежных граждан, а также запрещено под угрозой штрафа распространение книг и других изданий, напечатанных в Сербии [6].

Активизации политической деятельности славян способствовало развитие событий на мировой арене, которое показало, что положение югославянских народов может вскоре измениться и не в лучшую сторону. Вступление в войну Италии побудило словенских либералов из Горицы и Триеста активизировать популяризацию югославянских идей, поскольку возникла реальная угроза захвата этих территорий итальянцами. Причем страх перед Италией был гораздо сильнее страха навсегда остаться под властью Вены и Будапешта. Несомненно, что весьма агрессивное поведение Италии явилось одним из факторов сближения с Сербией. 11 апреля в Триесте состоялось собрание представителей хорватских и словенских партий из Триеста, Истрии, Горицы, Крайны, Хорватии и Славонии. От словенцев участвовали Жерьяв и Равнихар. Участники обсудили две проблемы: достижение независимости и возможность объединения трех народов под скипетром Карагеоргиевичей. Австрийское правительство ощущало начавшееся национальное брожение. Чтобы хоть как-то укрепить свой авторитет, оно освободило некоторых арестованных в начале войны либеральных деятелей.

В это же время возникла угроза раскола СНП. Корошец и Крек начали поддерживать либералов, которые со своими однопартийцами выступили за ориентацию на Антанту. Крека поддержало большинство словенских и хорватских депутатов рейхсрата.

4 февраля 1915 г. в Любляне произошла встреча парламентской комиссии. Идея о ее проведении возникла еще в 1914 г. На встрече присутст-

---

[5] *Писарев Ю.А.* Образование югославянского государства. М., 1975. С. 115.
[6] Slovenec. 26.06.1914.

inslav

вовали глава хорватско-словенского клуба Корошец и члены комиссии Дулибич, Крек, Фон, Шуштершич и Графенауэр. Комиссия обсудила современную ситуацию в монархии, уделив особое внимание положению хорватского и словенского народа [7]. Однако политические выводы комиссии обнародованы не были. Что касается экономического положения, то особо подчеркивалось, что «в отношении положения гражданского населения, дуализм проявил себя наихудшим образом. Военное правление имеет право поступать, как ему заблагорассудится в отношении реквизиции продуктов питания в обеих государственных частях, в то время как наша государственная половина не имеет никаких прав, чтобы реквизировать в пользу своего гражданского населения продукты в Венгрии. Были случаи, когда закупленное в Венгрии зерно для наших людей, было реквизировано, что принесло нам большой урон» [8]. Следующая встреча хорватских и словенских политиков состоялась в начале весны 1915 г. в Триесте. В марте 1915 г. в Риеке Крек встретился с представителями хорватского духовенства. На встрече было решено, что при любом исходе войны хорватские и словенские земли должны быть вместе.

30 апреля 1915 г. в Париже был образован Югославянский комитет, который возглавил известный политик из Далмации представитель Хорватско-сербской коалиции Антея Трумбич. Комитет состоял из 14 человек, трое из которых были словенцы: юрист и публицист из Гориц Богумил Вошняк, адвокат из Триеста Йосип Едловски, этнолог Нико Жупанич. Комитет огласил свою программу в Лондоне, она сводилась к идее освобождения южных славян от Австро-Венгрии и к объединению с Сербией и Черногорией в единое государство [9]. Из дезертиров и военнопленных комитет попытался создать так называемые «югославские военные части», которые бы на стороне Антанты воевали против Центральных держав. Однако этому воспротивилась Италия, из-за влияния которой, к тому же Югославянский комитет не был признан в качестве политического представительства габсбургских югославян на стороне Антанты [10]. Основная деятельность комитета заключалась в привлечении внимания французских, британских и сербских дипломатов к проблемам

[7] Slovenec. 5.02.1915. Št. 28.

[8] Slovenec. 5.02.1915. Št. 28.

[9] *Dolenc E.* Jugoslovanski odbor in Krfska deklaracija // Slovenska novejša zgodovina 1848–1999. Ljubljana, 2004. S. 154.

[10] Ibid. S. 155

inslav

южнославянских народов империи. 6 мая 1915 г. комитет представил свою программу, направив ее французскому правительству, русскому послу в Париже и чуть позднее английскому правительству. Программа состояла из двух частей. В первой говорилось о стремлении объединить все южнославянские земли в единое независимое государство, во второй части высказывались опасения относительно интервенции Италии [11]. Таким образом, можно сказать, что на протяжении всего своего существования деятельность Комитета сводилась к оспариванию правомочности Лондонского договора и обоснованию права на создание единого югославянского государственного образования на руинах Австро-Венгрии.

В это же время развернулось скрытое соперничество между Сербией, с одной стороны, и хорватами и словенцами в эмиграции, с другой, – кто возглавит объединение. Когда в начале 1916 г. Сербия была занята австро-германскими и болгарскими войсками, хорватско-словенская эмиграция (13 марта) передала французскому правительству «Дополнительный меморандум Югославянского комитета». По мнению его руководителей, оккупированная Сербия и югославянские области Австро-Венгрии стали равными по своему статусу, и сербское правительство должно потерять статус защитника и изъявителя воли трех племен одного народа. Этот шаг означал, что хорваты стремились возглавить процесс объединения путем признания Комитета органом равным по статусу сербскому правительству и сделать Хорватию собирательницей югославян, объясняя это тем, что если Хорватия станет центром, то все остальные югославянские земли будут идти в ее фарватере [12]. В меморандуме говорилось, что «Хорватия является естественной связкой на востоке с Сербией, на западе со словенскими землями, на юге с Боснией и Герцеговиной. Срединное географическое положение повышает значение Хорватии в контексте общеюгославянской проблемы» [13]. Сербское же правительство не желало признавать легитимность Комитета. Таким образом, уже в то время обозначились основные противоречия, которые продолжали сопровождать Югославию долгое время: стремление словенцев и хорватов к федерализации, с одной стороны, и желание сербов создать унитарное государство, с другой.

---

[11] *Lončar D.* Op. cit. S. 95

[12] *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX в. М., 2011. С. 194–195.

[13] Там же. С. 195.

inslav

Помимо Югославянского комитета были созданы похожие организации в Южной и Северной Америке, в России. 10–11 марта 1915 г. в Чикаго состоялся первый национальный конгресс, на котором присутствовало более пятисот сербов, хорватов и словенцев из США и Канады. На конгрессе была поддержана идея объединения югославянских земель Австро-Венгрии с Сербией в единое государство. В 1915 г. сербы, хорваты и словенцы из Аргентины, Боливии, Чили, Перу и Уругвая создали «Югославянскую национальную оборону». 29–30 ноября 1916 г. состоялся второй конгресс южнославянских народов Северной Америки в Питтсбурге.

В России бывший редактор словенского журнала «Наш лист» Ф.Л. Тума образовал газету «Югославия», которая начала издаваться в Петрограде 8 октября 1916 г. Статьи печатались на русском, словенском, сербско-хорватском языках. Издание было проюгославской направленности и придерживалось мнения, что все южнославянские народы должны объединиться в единое государство под эгидой России [14].

28 октября 1915 г. состоялось заседание Хорватско-словенского клуба, на нем было принято решение потребовать созыва рейхсрата, где был бы обсужден вопрос о создании югославянской территориально-административной единицы. В марте 1915 г. в Риеке Крек встретился с представителями хорватского духовенства. На встрече было решено, что при любом исходе войны хорватские и словенские земли должны быть вместе.

Однако в словенском клерикальном лагере не было единства. Осенью 1915 г. раздор между двумя течениями ВНП обострился, а весной 1916 г. развернулся открытый конфликт. Шуштершич самовольно исключил Крека из партии. Лишь к концу 1916 г. окончательно оформилась линия Корошец–Крек, для которой были характерны идеи югославизма, высказанные через несколько месяцев в Майской декларации.

В ноябре 1916 г. умер император Франц-Иосиф и на престол вступил Карл I. К этому времени военное положение центральных держав ухудшилось. Внутри империи росла оппозиция. Военное положение центральных держав пошатнулось. Карл принимает решение созвать венский парламент. Словенские либеральные и клерикальные депутаты решили образовать в нем единую фракцию – Югославянский клуб, который возглавил Корошец.

9 марта 1917 г. хорватский сабор обнародовал меморандум Карлу I,в котором особо подчеркивалась храбрость и жертвенность хорватов на полях сражений за династию и содержалась просьба объединить всех

[14] *Lončar D.* Op. cit. S. 97.

inslav

хорватов в рамках Австро-Венгрии [15]. Следует отметить, что Хорватско-сербская коалиция с самого начала войны по большей части выражала лояльность к властям. В декабре 1916 г. на Хорватском саборе при участии словенцев активно обсуждался вопрос о югославянском объединении. Корошец традиционно выдвинул идею триализма. Было принято решение направить адрес императору с требованием объединения славян на основе хорватского права под венгерской короной.

В марте Корошец и Крек посетили министра-президента Цислейтании графа Клам-Мартиница, с которым обсуждали вопрос о реформах, аргументируя необходимость преобразований стремлением ослабить влияние Сербии. «Без монархии вопрос о югославянах может быть решен в рамках программы Пашича о «Великой Сербии», задача монархии решить ее в свою пользу», – отметил Крек [16].

В марте 1917 г. на заседании Хорватско-словенского клуба в Вене Корошец снова потребовал созыва рейхсрата и решения вопроса о триалистическом переустройстве монархии. Весной 1917 г. рейхсрат был созван. В Хорватско-словенском клубе и в Всесловенской народной партии оживились дискуссии о различных вариантах объединения хорватов и словенцев. За день до открытия рейхсрата 33 словенских, хорватских и сербских депутата создали Югославянский клуб, в котором объединились представители всех югославянских депутатских клубов: Хорватско-словенского, Далматинского и Национального, а также два словенских депутата либерала, не являвшихся членами ни одного из них – Владимир Равнихар и Отокар Рибарж. Главой стал член Всеславянской народной партии Антон Корошец. 30 мая Югославянский клуб провозгласил Майскую декларацию, призывавшую к объединению сербов, хорватов и словенцев на основе национального принципа и хорватского государственного права в самостоятельное демократическое государственное образование под габсбургским жезлом. Текст декларации на немецком языке зачитал А. Корошец. Историческое значение Майской декларации для югославянских народов Австро-Венгрии заключалось в том, что это был первый документ, созданный и подписанный всеми представителями югославян империи, в котором они потребовали объединения всех территорий монархии, на которых проживали словенцы, хорваты и сербы в

---

[15] *Bastaić K.* Hrvatski sabor i Jugoslavenski odbor // Jugoslavenski odbor u Londonu u povodu 50-godišnjice osnivanja. Zagreb. 1966. S. 324–335.

[16] *Pkepeluh-Abditus A.* Pripombe k naši prevratni dobi. Ljubljana, 1938. Knj. II. S. 75.

inslav

единое «государственное тело» под скипетром габсбургско-лотарингской династии. Майская декларация получила поддержку различных политических организаций, обществ, священнослужителей и простых граждан. Народное движение в поддержку Майской декларации начало развиваться в словенских землях в сентябре 1917 г. 15 сентября вышла Люблянская декларация, которая была подписана люблянским епископом А. Бонавентура Егличем, канониками Й. Грудненом, А. Каланом, от имени Словенской народной партии – ее лидером И. Шуштершичем, от Национально-прогрессивной партии – И. Тавчаром и К. Триллером и др. Эта декларация подчеркивала стремление к единству словенцев, хорватов и сербов под скипетром Габсбургской династии.

Однако Майская декларация не вызвала реакции со стороны австрийских властей. Ее требования остались неуслышанными. 28 июля в газете «Словенец» вышла статья «Австрийские славяне». В ней в частности говорилось: «Пусть никто не думает, что мы словенцы забыли о наших страданиях в Штирии и особенно в Каринтии. Мы не забыли и не забудем никогда, что все образование на словенских землях... в немецких руках. Все государственные учреждения власти, суды, железные дороги стали доменами немецкой мысли... Если и дальше так будет продолжаться, больше не будет хлеба для нас на нашей земле и нам, словенцам придется искать пропитание заграницей» [17]. Далее говорилось, что «минимальная программа словенцев, с которой они либо падут, либо победят – это югославянская свободная единица в рамках Австрии под жезлом Габсбургов на основе государственно-правовой декларации от 30 мая» [18]. Завершалась статья словами: «единого выступления австрийских славян не сможет разбить ни один немецкий клин». Майское движение или движение за декларацию на словенских землях достигло своего апогея 24 марта 1918 г. когда в Любляне состоялось торжественное вручение Корошецу 200 тыс. подписей в поддержку этого меморандума.

Но несмотря на все эти заявления, политика клерикалов была довольно умеренной, избегающей открытого конфликта с центром. Против этого выступила радикально настроенная группа, возникшая внутри Словенской народной прогрессивной партии во главе с Г. Жерьявом., который критиковал клерикалов-австрофилов и руководство собственной либеральной партии. В журнале «Дан» Жерьяв опубликовал ряд статей, в которых развил

[17] Slovenec. 28.07.1917. Št. 171.
[18] Ibid.

inslav

идею создания независимого югославянского государства с включением его в состав Сербии [19]. В газете «Словенски народ» Майская декларация называлась минимальной программой, которая призывает монархию решить проблему югославянского вопроса самостоятельно без вмешательства третьих сил. В одной из статей этой же газеты также отмечалось, что нельзя рассматривать югославянский вопрос поэтапно, и думать, что решить его можно именно таким образом, означает вредить самому себе [20].

Иным был взгляд Шуштершича на Майскую декларацию. Для него это была программа максимум. 8 апреля 1918 г. он собрал на совещание священников. В ходе встречи были осуждены действия депутатов Югославянского клуба, южнославянских эмигрантов, а также отмечено, что победа Антанты означает гибель для словенцев, поскольку при таком исходе войны словенцы попадут под власть либо итальянцев, либо сербов [21]. В завершении участники совещания выразили искреннюю преданность своему католическому монарху.

Осенью 1917 г. выступления словенских депутатов в рейхсрате стали более решительными. Они подчеркивали, что Майская декларация – это всего лишь минимум того, на что надеялись югославянские народы, и недвусмысленно указывали на возможность решения югославянского вопроса вне рамок империи. Эта решительность явилась результатом довольно напряженной ситуации в рейхсрате. С резким осуждением идеи триализма в парламенте выступали немецкие и венгерские депутаты. Подлил масла в огонь и глава правительства Зейдлер, заявив, что немцы представляют собой костяк государства. Во время встречи с императором Корошец упрекнул государственных деятелей в предпочтении немецких интересов. Владимир Равнихар, который записал рассказ Корошеца об этой встрече, писал следующее: «Император хороший человек, но заложник Берлина и своего окружения, оказавшийся без сил и средств перед традиционной политикой дома Габсбургов и венгров. На его стороне выступала только супруга при поддержке своих братьев, особенно Сикста Пармского, которые сражались на стороне Антанты» [22].

---

[19] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 201.

[20] Slovenski narod. 18.09.1917. Št. 213.

[21] *Lončar D.* Op. cit. S. 108.

[22] *Нечак Д., Репе Б.* Перелом: 1914–1918. Мир и словенцы в Первой мировой войне. Любляна, 2012. С. 293.

inslav

В конце марта 1918 г. состоялся съезд пангерманских организаций Судет, Штирии, Каринтии, Словении на котором была принята резолюция против создания национальной автономии для южных славян короны, т. к. она являлась бы лишь этапом на пути к самостоятельному южнославянскому государству [23]. В мае 1918 г. австрийское правительство запретило агитацию в поддержку Майской декларации и подтвердило немецким партиям свою решимость сохранить за немцами доступ к Адриатике.

25 мая 1918 г. император принял у себя представителей немцев из словенских земель. В своем заявлении он подчеркнул неделимость земель короны и отметил, что правительство остро отреагировало на агитацию за отделение словенских территорий. «Настойчивые требования югославян о принятии Майской декларации и, соответственно, о государственно-правовом объединении словенцев, хорватов и сербов он назвал делом, направленным не столько против политики правительства, сколько против воли самого императора» [24]. После заявления императора 27 мая 1918 г. в Любляне состоялась встреча представителей словенских партий, которые приняли протестное заявление против прогерманской политики руководства страны.

30 мая под председательством императора состоялось объединенное заседание австро-венгерского правительства. Венгерские представители выступили за субдуалистическое решение: автономия Хорватии должна была распространиться на Далмацию, а Босния и Герцеговина – войти в состав Венгрии. Зейдлер предлагал объединить хорватские земли с Боснией и Герцеговиной в единую государственно-правовую единицу. Обе стороны согласились, что словенцы должны быть исключены из югославянского государства [25].

В борьбе против Зейдлера объединились Югославянский, Чешский и Польский депутатские клубы, однако их взаимоотношения не пошли дальше проведения нескольких совместных манифестаций, одна из которых прошла в Любляне 16–17 августа и получила название «Славянские дни». Иван Хрибар об этой встрече написал следующее: «Участники люблянской встречи разошлись, объединенные святой клятвой, что они не успокоятся, пока не достигнут свободы своих народов, что будут в этом богоугодном деле поддерживать друг друга и что свое будущее они организуют таким образом,

---

[23] *Турок В.М.* Очерки истории Австрии. 1918–1929. М., 1955. С. 68.
[24] *Нечак Д., Репе Б.* Указ. соч. С. 294.
[25] Там же.

inslav

что заключенная в этот день в Любляне дружба претерпит всевозможные испытания»[26].

Правительство Зейдлера долго не продержалось, вскоре был назначен новый глава правительства Макс Гусарек фон Гейнлейн. Гусарек поддерживал иллюзию, что делает все возможное для решения славянского вопроса в монархии. Однако это не мешало ему оказывать давление на словенское духовенство и прежде всего на архиепископа Еглича, с тем, чтобы он остался верным Габсбургской династии, предупреждая его, что католицизм при возможном объединении с православными сербами захлебнется[27].

Своего рода ответом на Майскую декларацию стала Корфская декларация, заключенная 20 июля 1917 г. председателем сербского правительства Пашичем и председателем Югославянского комитета Трумбичем. Ее основным достижением было решение объединить в едином государстве сербов, хорватов и словенцев. Новое государство должно быть конституционной, демократической, парламентской монархией под руководством сербской династии Карагеоргиевичей. Первоначально Пашич надеялся, что австро-венгерский вопрос будет решать Россия, однако с ее выходом из войны оказалось, что оставшихся союзников: Францию, Англию и тем более Италию в последнюю очередь интересует дальнейшая судьба южнославянских народов.

Следует отметить, что подписывая этот документ Пашич и Трумбич трактовали его каждый по-своему. Глава сербского правительства утверждал, что в основе новой программы сохраняется прежнее положение о создании «Великой Сербии»[28]. На заседании правительства 14 июня 1917 г. Пашич заявил, что члены Комитета приглашены на Корфу с тем, чтобы сербское правительство оказало им поддержку на мировой арене и чтобы было понятно, что комитет выступает совместно с сербским правительством[29]. Трумбич понимал Корфскую декларацию как программу, предусматривавшую расширение прав Хорватии и других югославянских территорий Австро-Венгрии в будущем объединенном югославянском государстве, пытаясь сохранить Югославянский комитет как ведущий центр[30].

---

[26] *Нечак Д., Репе Б.* Указ. соч. С. 295.

[27] Там же. С. 296.

[28] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 209.

[29] *Živojinović D.* Vatikan, Srbija i stvaranje jugoslovenske države 1914–1920. Beograd, 1980. S. 213.

[30] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 209.

inslav

Значительная часть заседаний конференции была посвящена взаимоотношениям православной и католической церквей. Большинство участников конференции выступало за равноправие вероисповеданий. В итоге было подтверждено равноправие мусульманской, православной и католической веры перед государством, запрещался религиозный прозелитизм в любой форме его проявления, впрочем, как и все, что могло нарушить мир между религиями [31]. Подписание Декларации было встречено словенскими клерикалами с прохладцей. В газетах довольно резко отмечалось, что Комитет не имеет права говорить от имени всех южных славян Австро-Венгерской монархии. Шуштершич полагал, что еще не настало время для совместной работы, что столь сложный вопрос как объединение должен решаться постепенно. В итоге он полностью отверг Корфскую декларацию. Епископ Еглич также выступил против декларации. Подобное отношение объясняется тем, что идея о равенстве религий была неприемлема для словенских клерикалов. Для них наибольшее значение имела Майская декларация, которая не затрагивала религиозного вопроса, но подразумевала объединение южнославянских народов империи под скипетром католического монарха.

Ощущение приближения конца войны повлияло на упорядочивание политической жизни словенцев. Постепенно появлялось понимание необходимости создания центральной власти на словенских землях, которая в случае необходимости могла бы защитить словенские национальные интересы. В конце июня 1918 г. в Любляне была создана Югославянская демократическая партия, которую возглавил И. Тавчар. В середине августа был создан Национальный совет в Любляне, его возглавил А. Корошец. В него вошли все партии, которые поддерживали движение за декларацию. 28 июля состоялся Всеславянский съезд, принявший резолюцию. В ней выражалось твердое желание объединить триединый народ в едином демократическом государстве.

25 августа состоялось заседание Немецкого народного совета для Австрии, на котором представители пангерманских кругов высказались против уступок славянским народам и против создания южнославянского государства [32]. 26 сентября премьер-министр Гусарек на совещании с депутатами внес предложение образовать коалиционное министерство с представительством всех наций. А на встрече министра иностранных дел Буриана с представителями пангерманских организаций было отмечено, что «при создав-

[31] *Živojinović D.* Op. cit. S. 219–220.

[32] *Рубинштейн Е.И.* Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963. С. 324.

inslav

шейся внешнеполитической ситуации «перестройка» Австро-Венгрии на основе федерализации является насущной необходимостью, ибо без нее заключение мира будет невозможно»[33]. Члены социал-демократической фракции, среди них Зейц и Адлер, предложили пересмотреть взаимоотношения между нациями на основе свободы и самоуправления, в связи с этим должны быть созданы специальные парламенты отдельных наций.

На заседании парламента 1 октября 1918 г. Югославянский клуб предложил императорско-королевскому правительству предоставить парламенту «основательное, правдивое сообщение о мирном процессе, особенно о праве народов на самоопределение и их участии в мирной конференции...»[34]. 2 октября Корошец зачитал на заседании парламента меморандум, составленный 24 сентября 1918 г. представителями сербов, хорватов и словенцев в Загребе. В нем было отмечено, что «императорско-королевская австрийско-венгерская власть может говорить только от имени двух народов, которые господствуют в Австро-Венгрии, и то, что они могут предложить представителям воюющих сторон не отвечает интересам угнетенных народов... Мы заявляем от имени словенцев, хорватов и сербов, что полностью принимаем идею всеобщего мира, который должен опираться на право народов на самоопределение, чтобы народ сам принимал решение о своем существовании и решал, хочет ли он образовать свое самостоятельное государство или создать государственную единицу совместно с другими народами»[35].

На заседании парламента в октябре 1918 г. Гусарек демонстрировал приверженность дуализму. Требования югославянских народов остались неудовлетворенными. 11 октября император принял у себя представителей национальных клубов, от Югославянского клуба присутствовал Корошец. Император предложил для южных славян создать самостоятельное государственное образование в рамках монархии, но при условии, что Триест, Риека и железные дороги до обоих портов останутся под контролем общего государства[36]. Во время разговора император также попытался сыграть на религиозных и национальных чувствах Корошеца. Он сказал: «Вам как католическому священнику все же нужно опасаться сербов. Они очень импульсивны, позиции католиков окажутся ослаблен-

[33] Там же. С. 325.
[34] Slovenec. 2.10.1918. Št. 226.
[35] Slovenec. 3.10.1918. Št. 227.
[36] *Нечак Д., Репе Б.* Указ. соч. С. 297.

inslav

ными. Хорватские священники, насколько мне известно, испытывают страх перед сербами». На что Корошец ответил: «Такого страха у нас нет. Сербы толерантны в вопросах вероисповедания. В Боснии проживают представители трех конфессий, и никогда между ними не было столкновений, причиной которых стала бы религия» [37].

Положение Австро-Венгрии день ото дня ухудшалось. 15 сентября войска Антанты прорвали Македонский фронт, Болгария капитулировала. К началу октября сербские войска под командованием Франше д`Эспере освободили от австро-венгерских войск значительную территорию Сербии и подошли к границам Хорватии и Боснии. В сентябре началось отступление германской армии с французских территорий, а в начале октября военные действия разворачивались уже на германской территории.

5–6 октября в Загребе было образовано Народное вече словенцев, хорватов и сербов. Его возглавил А. Корошец. Вече провозгласило борьбу южнославянских народов Австро-Венгрии за независимость. 5 октября в газете «Словенец» вышла овеянная романтизмом и оптимизмом статья под заголовком «В желанной стране». Автор нарисовал перед читателем образ будущего государства «милой Югославии», «в которой будут демократическая власть и конституция, но, – отмечает автор, – все это невозможно без автономии, без национального самоуправления. Автономия во всем и везде: в стране, в регионе, общине!» [38].

12 октября Карл организовал в Бадене встречу представителей 32 парламентских партий всех наций Австро-Венгрии, на которой обсуждался вопрос о переустройстве империи, но встреча не дала желаемых результатов. Глава провинции Крайна граф Аттемс писал, что «агитацию за югославянское государство восприняли все до последнего горного селения, и она охватила словенское население полностью. Долго взращивавшаяся ненависть к немцам переросла в ненависть к Австрии» [39].

16 октября 1918 г. Карл выступил с манифестом «К моим верным народам Австрии». Он предложил трансформировать государство в федеративное, которое состояло бы из немецко-австрийского, венгерского, чешского и иллирийского государств под скипетром Габсбургской монархии: «Австрия должна стать союзным государством, в котором каждый народ должен образовать на своей территории собственное государство… Созданные из

[37] Там же. С. 297–301.

[38] Slovenec. 5.10.1918. Št. 229.

[39] *Нечак Д., Репе Б.* Указ. соч. С. 303.

inslav

депутатов рейхсрата каждой нации национальные советы должны регулировать взаимные интересы и осуществлять связь с моим правительством» [40]. Немцы не приняли манифеста. Немецкие депутаты отметили, что «идея союзного государства... ошибочна. Трудности подобного вида государства увеличились бы в геометрической прогрессии. Лучше бы этот манифест вообще не был опубликован и остался бы в качестве последнего ошибочного рецепта австрийских государственных врачей» [41]. В результате Гусарек подал в отставку, его сменил Генрих Ламмаш, который в состав правительства пригласил Корошеца, но тот отклонил предложение. На словенских землях манифест вызвал негативную реакцию. Югославянские депутаты заявили, что «ни на волос не отступят от своих требований» [42].

29 октября император попросил перемирия, после его подписания в начале ноября итальянские части расположились вдоль демаркационной линии установленной Лондонским договором. В газете «Истина», политическом органе до последнего преданных Австрии словенцев, 2 ноября 1918 г. было написано: «Немцы, вытаращив глаза, смотрят, как происходит переворот. Не так давно они не хотели дать нам автономию, тормозили любое решение югославского вопроса. Поэтому немцы стали могильщиками Австрии. Немецкая неуступчивость породила нашу свободу!» [43].

В конце октября 1918 г. было образовано Государство словенцев, хорватов и сербов, которое провозглашалось суверенным государством с включением в его состав портового города Риека и югославянского населения бывшей Дунайской империи, независимо от того, на какой территории оно проживает. Вопрос о формах государственной власти и внутреннем устройстве югославского государства должно было решить учредительное собрание. Временная же верховная власть в стране передавалась Народному вече словенцев, хорватов и сербов с местом пребывания в Загребе [44]. Правда, положение нового государства оказалось незавидным. Оно не получило признания, у него не было окончательно оформившегося государственного аппарата и, главное, полноценной армии, которая могла бы защитить его территориальную целостность. 31 октября Народное вече официально заявило о

---

[40] *Рубинштейн Е.И.* Указ. соч. С. 330.
[41] Slovenec. 17.10.1918. Št. 239.
[42] Slovenec. 17.10.1918. Št. 239.
[43] *Нечак Д., Репе Б.* Указ. соч. С. 305.
[44] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 297.

inslav

выходе из войны и о своей нейтральной позиции, однако силы Антанты не считали Государство СХС союзническим и не торопились признать его.

Что касается отношения словенской политической элиты к самой идее югославизма, то, несомненно, она присутствовала в обсуждениях, но рассматривалась только как одна из возможностей для выживания. Помимо этого самоидентификация себя как южнославянского народа давала словенцам надежду на объединение с Хорватией, в тандеме с которой они могли противостоять Австрии. Немалую угрозу для словенцев представляла и Италия, которая недвусмысленно заявляла о своих территориальных претензиях на словенские земли. Таким образом, присоединение словенцев к югославянскому движению было продиктовано стремлением сохранить свою национальную идентичность. Однако словенские политики не стремились к полной независимости, они предпочли бы остаться под скипетром Габсбургов, получив некий вид автономии, поскольку австрийские реалии были привычнее и понятнее для словенцев. Но когда стало ясно, что идея триализма канула в Лету, и единственным выходом стало создание независимого государства совместно с хорватами и сербами, словенские политические деятели, не колеблясь, согласились на это. Однако новое государственное образование – Государство сербов, хорватов и словенцев выглядело неоперившимся и весьма незащищенным, представляя собой легкую добычу для Италии. В сложившихся условиях не было ни времени, ни возможности для реализации своих планов государственного устройства и единственно возможным шагом было объединение с Королевством Сербия.

В завершение хотелось бы еще раз отметить, что наиболее активной словенской политической силой в годы Первой мировой войны была клерикальная Словенская народная партия, руководство которой в начале войны не видело для словенцев иного пути как получение некоего вида автономии в рамках Австро-Венгрии. Однако предчувствие грядущих геополитических изменений на карте Европы сумело изменить позицию политиков. Вхождение словенцев сначала в состав Государства СХС, а затем в Королевство СХС было скорее не взвешенным и осознанным выбором, а смирением с реалиями времени и страхом быть поглощенными Австрией и Италией. Все это было не лучшим багажом, с которым словенцы, да и не только словенцы, вошли в новое государство. То, как создавалось Королевство СХС и то, как оно развивалось вплоть до Второй мировой войны, свидетельствовало только о том, что это государство так и не стало монолитным, каждая из его составляющих пыталась с переменным успехом тянуть одеяло на себя.

inslav

А.А. Силкин
Москва

Югославянская идея и проблемы ее реализации в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929 гг.)

«Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнее: образовалась комиссия для построения какого-то казенного весьма капитального строения. В эту комиссию пристроился и он, и оказался одним из деятельнейших членов. Комиссия немедленно приступила к делу. Шесть лет возилась около здания; но климат, что ли, мешал, или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента».

(Н.В. Гоголь. Мертвые души. Поэма. Том I.)

Спустя сто лет после начала Первой мировой войны уместно вспомнить, что именно она запустила процесс югославянского объединения, основой для которого послужила идея народного единства сербов, хорватов и словенцев. Современные историки, ностальгирующие по Югославии, а таких чаще можно встретить среди сербов, считают, что «интеграционная югославянская идея была модерной политической и государственной идеей. Лелея у югославян осознание ими собственной этнической близости, общности языка, территории проживания, интересов и индивидуальных черт, носители этой идеи стремилась к преодолению раздробленности и барьеров, которые оставили предыдущие столетия» [1]. Неуспех реализации «модерной идеи» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев [2], о создании которого было объявлено 1 декабря 1918 г., Л. Димич объясняет тем, что ей «противостояло партикуляристское сознание аграрного общества, с укорененными в нем национальны-

---

[1] *Димић Љ.* Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 108.
[2] С 1929 г. – Королевство Югославия.

inslav

ми идеологиями, по своей природе клерикальными, консервативными, авторитарными».

Имеются ввиду, прежде всего, югославяне-католики, центробежные устремления которых полагаются основной причиной кризиса первой Югославии. По словам С. Джурович, «бросалось в глаза сопротивление интеграции и централизации со стороны отдельных субъектов политики, которые… претендовали на представительство отдельных регионов государства, которые они – эти субъекты – стремились представить в качестве так называемых исторических областей. Противоречия между инициаторами процесса становления нового модерного капиталистического государства, с одной стороны, и носителями историзма, с другой, в 1920-е гг. всерьез препятствовали нормальному функционированию Королевства СХС» [3].

Соображения второй из сторон, участвовавших в данном противостоянии, очевидны [4]. Любопытней оценить усилия сербских и, в первую очередь, сербиянских правящих кругов, находившихся в интересующие нас два десятилетия у кормила власти. Начнем с ответа на вопрос, имеются ли основания для того, чтобы трактовать их роль в борьбе «прогрессивного» с «косным» так, как это делают процитированные выше авторы. Безусловно, имеются, если принимать во внимание только лишь публичные заявления политиков и носящие декларативный характер правовые акты.

* * *

Риторика представителей белградского политического бомонда, как таковая, не оставляет сомнений в искренности их интегралистских и модернизаторских побуждений. Применительно к первым годам существования Королевства СХС иллюстрацией оных могут служить парламентские выступления многолетнего главы правительства Николы Пашича: «Великая война, разрушившая старые великие империи и приведшая к созданию новых государств, провозгласила принцип народности и

[3] *Ђуровић С.* Основне тенденције привредног развоја Југославије 1918–1941 // Југословенска држава 1918–1998. Београд, 1999. С. 274.

[4] *Силкин А.А.* Хорватская политика в Королевстве СХС // Историја 20 века. Београд, 2003. № 1; *Он же.* Социальная и религиозная пропаганда Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП) в первой половине 1920-х гг. // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX вв.). СПб., 2007.

inslav

упразднила все исторические права, основанные на силе и обмане... Сегодня, когда мы постоянно повторяем, что мы один народ, и нас ничто не разделяет, я не могу понять логику тех, кто одновременно с этим выступает за то, чтобы мы поделились на отдельные административно-территориальные единицы, которые бы соответствовали тем, что существовали в Австро-Венгрии» [5].

«Народное единство» подразумевало достижение «единства государственного», то есть обустройства Югославии на строго централистской основе. «Объединившись в одно государство, сербы, хорваты и словенцы должны устранить не только государственные, но и все разделявшие их административные границы. Они должны пожертвовать своей племенной государственностью и своими локальными автономиями... Ибо Королевство СХС возникло не в результате соглашения, заключенного прежними государствами и областями. Оно воплощает волю объединившихся сербов, хорватов и словенцев, которые, несмотря на три различных названия, суть один народ» [6], – такой логикой руководствовались две крупнейшие сербские партии – Народная радикальная (НРП) и Демократическая (ДП). В перспективе государственный централизм должен был, по словам Н. Пашича, привести «к устранению всех особенностей менталитета и идеологии, нас (югославян. – *А.С.*) разделявших» [7], или, по словам выдающегося сербского правоведа и историка Слободана Йовановича, к «формированию государственной идеи», которая бы пришла на смену «племенному сознанию» [8].

Плодом сотрудничества НРП и ДП в правительстве и Уставотворной скупщине [9] стала принятая 28 июня 1921 г. конституция, которая описывала государство, поделенное на «самоуправляющиеся области, образованные в соответствии с природными, социальными и экономиче-

---

[5] Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Прва књига (од I претходног до XXXVII редовног састанка). Београд, 1921. С. 11.

[6] *Јовановић С.* Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1995. С.94–95.

[7] Стенографске белешке Уставотворне скупштине... С. 11–12.

[8] *Јовановић С.* Указ. соч. С. 98.

[9] Выборы в Уставотворную скупщину (Конституционное собрание) состоялись 28 ноября 1920 г.

inslav

скими критериями» [10]. «Мы за самоуправление общин, районов и областей. Но мы против самоуправления такого, которое фактически делает область государством... Области не должны иметь своих конституций, своих скупщин и своих законодательств, потому что опять бы появилась какая-нибудь Хорватия с сербами и Сербия с хорватами и т. д.» [11], – говорил лидер радикалов Н. Пашич вскоре после принятия основного закона.

Взамен упраздненных коллективных прав предусматривались индивидуальные права и свободы подданных королевства: «Правительственный проект конституции предоставляет народу... гарантию того, что он сможет... контролировать все государственные институты. Ни одно решение не сможет быть принято без одобрения народного представительства» [12]. Порукой тому стало содержавшееся в статье 1-й определение Королевства СХС как «парламентской монархии», что служило подтверждением современности и прогрессивности формируемого государственного устройства. Ведь упоминание парламентаризма выгодно отличало Видовданский устав как от законодательства Великобритании, чьи политические традиции почитались образцовыми, так и от положенной в его основу сербской конституции 1903 г. А та даже без этой новации, по словам Н. Пашича, «была предметом зависти всех остальных демократических народов».

Опубликованное в апреле 1922 г. правительственное Распоряжение о разделении страны на области [13] стало последней централистско-унитаристской мерой тандема НРП и ДП. «Я в конце 1920 г., – признавался Н. Пашич, – вошел в коалицию с демократами только от нужды. Следовало использовать Демократическую партию в деле, в котором она могла быть полезна. Речь шла о принятии конституции, что я считал самой важной задачей, стоявшей перед новым государством. Я ее выпол-

[10] Согласно тексту конституции, население области не должно было превышать 800 000 человек.

[11] «Самоуправа». 17 февруара 1923.

[12] Стенографске белешке Уставотворне скупштине... С. 11–12.

[13] Страна была поделена на 33 области. Хорватия и Славония – на три, Далмация – на две, Словения – на две, Босния и Герцеговина – на шесть, Сербия в границах 1924 г. – на 15, «Южная Сербия» (Македония) – на три. Большая часть «Старой Сербии» (Косово) вошла в Косовскую область. Воеводина была разделена на две области. Черногория в границах 1913 г. составила отдельную область.

inslav

нил... и меня больше ничто не связывает ни с демократами, ни с королем, который мое премьерство обусловил созданием той коалиции» [14]. Несмотря на ее распад в декабре 1922 г., на политической сцене Королевства СХС вплоть до конца десятилетия разыгрывалась драма, лейтмотивом которой была борьба за «народное/государственное единство». Стремлением к нему оправдывались едва ли не все значимые шаги: установление и прекращение союзнических отношений, роспуски скупщины и отставки правительства, проведение парламентских выборов и т. д. Новым, по сравнению с началом 1920-х гг., стало то, что теперь партии-«уставотворцы» и двор к врагам «единства» причисляли не только словенцев с хорватами, но и друг друга.

Радикалы разрыв с демократами объясняли их идеологической нестойкостью и вероломством: «Мы им заявили, что так наш союз не сохранить... Мы сформировали совместное правительство для достижения одной общей цели, а тем временем некоторые наши партнеры начали крутить шашни с противниками, мечтающими разделить это государство на разные области... Нам пришлось разойтись, так как нельзя мириться с таким двуличным поведением. Политика должна основываться на одной идее и реализовываться в одном неизменном направлении... Мы вместе создали это государство, вместе приняли конституцию, и теперь должны ее осуществить, воплотить ее в жизнь... Политика сотрудничества с Радичем [15] не что иное как политика сознательного или несознательного предательства» [16].

Свое противостояние с оппозиционерами и примкнувшими к ним демократами, достигшее особой остроты во время избирательной кампании 1923 г., радикалы уподобляли участию Сербии в Первой мировой войне: «Подобно тому, как во время военных испытаний мы были верны идее народного и территориального единства, сегодня мы считаем своим долгом отстаивать это завоевание на новом поприще. Для этого мы продолжим разработку и принятие законов, предусмотренных самой конституцией... Одновременно будут унифицироваться различные законода-

[14] Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 77.

[15] Степан Радич – председатель Хорватской республиканской крестьянской партии (ХКП), переименованной в 1925 г. в Хорватскую крестьянскую партию (ХКП).

[16] Говор господина Николе Пашића, председника министарског савета, одржан 1 фебруара 1925. године // «Самоуправа». 3 фебруара 1925.

inslav

тельные системы, до сих пор действующие в отдельных частях королевства. Излишне говорить, как пагубно это влияет на работу административного аппарата, как препятствует тому, чтобы народ вкусил плоды освобождения и объединения» [17].

Что касается демократов, то они платили радикалам той же монетой, уличая их самих в попустительстве хорватскому сепаратизму: «Господину Пашичу нет дела до интересов государства, до его целостности и безопасности... Руководство Радикальной партии считает, что в их интересах усиление республиканцев Радича за счет ослабления ненавистных демократов, над которыми сами радикалы не смогли одержать верх» [18]. Резкость обвинений соответствовала самооценке ДП, которая в 1919 г. была образована из групп, формально представлявших все части «сербохорвато-словенского народа» и объединенных югославянской «надплеменной» идеологией. «Единственная партия всех племен, всех конфессий и всех сословий, Демократическая партия основывается на возвышенных идеалах народного единства, политических свобод, равноправия граждан и экономической справедливости» [19], – гласил предвыборный манифест демократов. Остальные партии, возникшие в тот период, когда «трехименный» народ был насильственно разделен, по мнению Светозара Прибичевича [20], «не имели способности решать проблемы современного югославянского государства» и являлись не более чем «анахронизмом», сербскими, или, еще того хуже, австрийскими рудиментами [21].

Однако, высшие государственные интересы оказались весомее личных антипатий. Весной 1924 г. «великая потребность защиты народ-

---

[17] Бирачима // «Самоуправа». 25 фебруара 1923.

[18] *Прибићевић С.* Терор у Хрватској // «Правда». 10 марта 1923.

[19] Проглас Демократске странке // «Политика». 16 јануар 1923.

[20] Официальным председателем ДП был Л. Давидович. Реальным лидером партии с момента ее создания был С. Прибичевич, пользовавшийся поддержкой проживавших в Хорватии сербов. Желание Давидовича реализовать на практике свой формальный статус и идеологические расхождения с Прибичевичем привели сначала к фактическому распаду ДП на «давидовичевцев» и «прибичевичевцев», а в 1924 г. и к официальному разделу организации. Прибичевич и его сторонники образовали Самостоятельную демократическую партию.

[21] *Matković H.* Svetozar Pribićević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972. S. 191.

inslav

ного и государственного единства» [22] побудила Н. Пашича и С. Прибичевича образовать новый союз – так называемое Правительство П.-П. В 1925 г. двухпартийная коалиция, назвавшись Национальным блоком, совместно выступила на третьих парламентских выборах, преподносимых как «решительная битва двух фронтов: одного фронта, который выступает за это государство, и второго, который хочет наше прекрасное отечество видеть не единым, а разобщенным и расколотым» [23].

«Битва» закончилась победой радикалов, которые, однако, пожинали ее плоды не с Прибичевичем, а в компании с «проигравшими». В марте 1925 г. Хорватская крестьянская партия (ХКП) признала Видовданскую конституцию, а в июле образовала с НРП новую двухпартийную коалицию. Следствием этого стало изъятие (как показало будущее, временное) лозунга «защиты народного/государственного единства» из пропагандистского арсенала сербских правящих кругов. На первый план вышли продекларированные новым кабинетом обязательства «интегрального применения конституции и ее реализации посредством соблюдения имеющихся и принятия новых законов» [24].

Тем же была озабочена и последняя межпартийная коалиция 1920-х гг., в состав которой входили НРП, ДП, Словенская народная партия (СНП) и Югославянская мусульманская организация (ЮМО). В 1927 г. роспуск парламента и проведение ставших последними выборов в Народную скупщину мотивировались «несоответствием прежней законодательной деятельности реальным потребностям народа и государства». Как пишет сербский историк Б. Глигориевич, «правительство утверждало, что принятие важных законов не терпит отлагательства. Особенно это касалось вопросов, правовое урегулирование которых предусматривалось конституцией. Без него нельзя было полагать, что конституция претворена в жизнь» [25].

Процесс решения этой непреходящей задачи, длившийся восемь лет, прервал Александр Карагеоргиевич 6 января 1929 г. Обращенный к подданным высочайший манифест объяснял упразднение конституции,

---

[22] Архив Југославије (Далее – АЈ). Ф. 143 (Никола Пашић). Фасцикла 1.

[23] Говор господина Николе Пашића, председника министарског савета, одржан 1 фебруара 1925. године...

[24] Цит. по: *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929). Beograd, 1979. S. 204.

[25] Ibid. S. 230.

inslav

парламента и запрет партий монаршим «долгом хранить государственное и народное единство». Убедительности данной мотивировке, не отличавшейся оригинальностью, придало то обстоятельство, что прозвучала она в ситуации, которую сам король-узурпатор описывал следующим образом: «Не оправдались надежды на то, что внутриполитическое развитие обеспечит консолидацию государства и наведение в нем порядка... Согласие и, даже, обычные отношения между партиями и людьми стали абсолютно невозможными» [26]. Данная констатация не вызвала возражений ни у югославян, ни у сторонних наблюдателей. В частности, в унисон с королем итог существования Королевства СХС подвел британский посланник в Белграде: «Центральное правительство скандальным образом оставило без внимания необходимость установления отношений между составными частями королевства. За десять лет это привело к пониманию того, что ничто, кроме коренной ревизии этих отношений, не может спасти страну от распада» [27]. Диссонанс между плачевным состоянием государства и представленной выше централистско-унитаристкой риторикой сербских правящих кругов ставит вопрос о реальном содержании их деятельности в 1920-е гг.

Даже беглый взгляд на нее позволяет сделать вывод, что в неменьшей степени, чем югославским патриотизмом, радикалы, демократы и двор руководствовались стремлением к взаимному превосходству. Безостановочная борьба за него часто вынуждала сербских политиков откладывать в долгий ящик решение насущных государственных проблем, по которым даже некогда было сформулировать собственное мнение. Так, после 1 декабря 1918 г. Радикальной и Демократической партиям потребовалось более года, чтобы принять собственные программы. Демократам это удалось в феврале 1920 г., а радикалам и того позднее – в сентябре 1920 г. Конституция, воплотившая программные установки ДП и НРП, появилась только через два с половиной года.

Впрочем, все это время «государствообразующие партии» чуждались праздности. Проект основного закона вынес на суд Конституционного собрания уже восьмой кабинет, сформированный после провозглашения Королевства СХС. Семь правительственных кризисов «государст-

[26] Прокламација од 6 јануара 1929 године. // Краљевске владе од 1903–1935. Београд, 1935. С. 64–65.

[27] Цит. по: *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj. 1. Zagreb, 1986. S. 499.

inslav

венно-правового временного периода» свидетельствуют об остроте внутрисербского противостояния, участники которого не столько боролись с центробежными наклонностями «освобожденных братьев», сколько старались использовать их для оказания давления на своих оппонентов.

Зачинателями подобной практики можно считать сербиянскую оппозицию [28], которая еще в ноябре 1918 г. в ходе Женевской конференции поддержала Югославянский комитет и загребское Народное вече, добивавшихся от сербского правительства признания самопровозглашенного Государства словенцев, хорватов и сербов [29] равноправным партнером в процессе объединения югославян. Видный радикал Л. Маркович негодовал: «Эта сербская оппозиция в своем желании свергнуть радикальное правительство Пашича не постеснялась использовать разногласия по национальному вопросу... и выступить против Пашича, то есть принять точку зрения хорватов. Оппозиция хотела уничтожить Пашича и не выбирала средств для этого» [30].

Цель действительно оправдывала средства, какими бы противоречивыми они ни выглядели. В Швейцарии сербские оппозиционеры поставили подпись под документом, которому в случае его исполнения надлежало провозвестить федеральное устройство государства. А несколько месяцев спустя, встав под централистско-унитаристские знамена Демократической партии, они отвергали не то что федерализацию Югославии, но даже возможность существования в ней каких-либо автономий. «В них зреют семена государственного распада» [31], – предостерегал в стенах Уставотворной скупщины председатель ДП Л. Давидович.

Инициатива создания Демократической партии исходила от принца-регента Александра Карагеоргиевича, которому она была необходима в качестве инструмента реализации властных амбиций, выходивших далеко за рамки, определенные законом и политическими традициями довоенной Сербии. ДП должна была способствовать ослаблению традиционных политических представителей сербов, хорватов, словенцев и мусульман, чьим интересам противоречило усиление власти монарха. «Де-

[28] Сербиянскую оппозицию составляли Самостоятельная радикальная, Прогрессивная и Либеральная партии.

[29] Образовано в конце октября 1918 г. в результате объединения хорватских, словенских земель и Боснии.

[30] *Марковић Л.* Срби и Хрвати. 1914–1944. Београд, 1993. С. 29–30.

[31] Стенографске белешке... С. 4.

inslav

мократическая партия, – раскрывал ее подноготную Л. Маркович, – возникла под лозунгом борьбы против Радикальной партии. Создатели ДП считали, что ее предназначение в том, чтобы заменить радикалов у кормила власти в новом королевстве» [32]. Забегая вперед, отметим, что в силу разных причин задача осталась невыполненной, и ДП, по воле ее венценосного покровителя, была вынуждена войти в коалицию с радикалами, которым до 1926 г. удавалось сохранять лидерство в межпартийной «гонке с преследованием».

Неудовлетворенность собственным положением – что в правительстве, что вне его – подталкивала демократов к сотрудничеству с пречанами [33]. В первую очередь, со стоявшим во главе Хорватского блока (ХБ) [34] С. Радичем, не признававшим ни югославского государства, ни его законов. Продолжавшиеся большую часть 1922 г. уговоры прервать бойкот скупщины и вместе с демократами разрушить парламентское большинство, привели к подписанию протокола «о совместной деятельности с целью устранения теперешнего режима» [35]. Добиться этого, хоть и ненадолго, удалось в июле 1924 г., когда возглавляемый ДП Оппозиционный блок [36] получил мандат на формирование правительства. Вхождение радичевцев в кабинет не состоялось из-за их отказа признать монархическое устройство государства и его конституцию. 15 октября 1924 г. под давлением короля Александра Давидович подал в отставку.

Зафиксированное в протоколе стремление можно считать единственной константой в деятельности бывших сербских «самосталцев», «напредняков» и либералов, которые, по словам хорватского историка Х. Матковича, «были скорее антирадикалы, чем демократы. Тактика для

---

[32] *Марковић Л.* Из Уставотворне у законодавну скупштину // Нови живот. VI књига. Београд, 1921. С. 4.

[33] Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком для обозначения югославян новоприсоединенных территорий в целом.

[34] В Хорватский блок входили Хорватская республиканская крестьянская партия, Хорватское объединение и Хорватская партия права.

[35] От имени ХБ подписи поставили председатели ХРКП С. Радич и Хорватской партии права Анте Павелич – будущий вождь Усташеского движения и глава так называемого Независимого государства Хорватия.

[36] Компанию демократам составляли ЮМО и СНП.

inslav

них значила больше, чем программа»[37]. Настолько больше, что главные вопросы, служившие первопричиной внутриполитических противоречий, не заслуживали того, чтобы дать на них однозначный ответ. Например, ни союзникам, ни оппонентам Л. Давидович не признавался, считает ли он нужной ревизию Видовданской конституции. Хорватский блок в связи с этим упрекал лидера ДП за излишнюю осторожность: «Если господин Давидович намеревается создать в Демократической партии основу для решения хорватского вопроса, он естественно должен был бы встать на позицию отмены Видовданской конституции».

В то же самое время С. Прибичевич непрерывно обвинял партийного шефа в том, что он с середины 1922 г. «вступил на путь соглашательства с чисто племенными и религиозными партиями с целью свержения конституционного строя»[38]. «Невиданный в мире случай, – возмущался представитель хорватских сербов, – председатель партии с несколькими депутатами приезжает на собрание (Загребский конгресс общественных деятелей. – *А. С.*), на котором осуждается политика, которую проводила и до сих пор проводит партия под его руководством»[39].

«Невиданную» идейную и организационную «всеядность» сербиянского крыла Демпартии нельзя считать каким-то из ряда вон выходящим явлением югославской политической жизни. Наоборот, в межвоенное время мало кто из сербских/сербиянских государственных мужей, уступивших конкурентам причитавшиеся «по праву» влияние и власть, не обращался за поддержкой к «врагам народного единства», усиление которых должно было, само по себе, стать возмездием тем, кто остался на вершине политического Олимпа и продолжал нести ответственность за достижение оного «единства»[40]. Стремлением компенсировать утрату собственного политического веса и, одновременно, отомстить двору был вызван и переход в непримиримую оппозицию самого С. Прибичевича, в 1927 г. в одночасье перековавшегося из централиста в (кон)федералиста.

---

[37] *Matković H.* Op. cit. S. 41.

[38] Цит. по: Ibid. S. 81.

[39] Цит. по: *Gligorijević B.* Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970. S. 283, 294.

[40] Так, в 1930-е гг. по списку ХКП в парламент баллотировались отправленные в отставку премьер-министры Б. Евтич и П. Живкович, а также бывший глава МВД Б. Максимович, некогда принудивший С. Радича к «капитуляции».

inslav

Вместе с С. Радичем глава Самостоятельной демократической партии сформировал Пречанский фронт, объявивший «социальный бойкот» Сербии.

Что касается Радикальной партии, то и ее сотрудничество со «сторонниками историзма» началось не от хорошей жизни. Политический взлет ДП в первые месяцы и годы существования Королевства СХС, а также опала, временно наложенная Александром Карагеоргиевичем на Н. Пашича, сблизили НРП со словенскими и хорватскими партиями, представленными во Временном народном представительстве [41]. Залогом жизнеспособности Парламентского объединения (ПО), просуществовавшего около года (1919–1920 гг.), стало то, что его участники вплоть до выборов в Конституционное собрание не выносили окончательных суждений о будущем внутреннем устройстве Королевства СХС.

Конец ПО положило публичное принятие радикалами централистско-унитаристской программы и согласие на формирование правительственной коалиции с демократами. Причиной такого шага стали сиюминутные соображения руководства НРП, которому союз с хорватами и словенцами не принес явного перевеса над ДП. По словам сербской исследовательницы Ольги Попович, «покровительство, оказываемое престолонаследником Александром демократам, особенно сторонникам Прибичевича, демонстрировало, что пользоваться поддержкой двора будет только бескомпромиссная централистская политика и только партия, которая ее осуществляет. Это убедило Радикальную партию в том, что ее перспективы (уже тогда было ясно, что без поддержки регента на них нечего рассчитывать) не в совместной с хорватскими и словенскими децентралистскими силами борьбе с демократами... а в заключении союза с ними» [42].

Сразу после принятия конституции начался новый раунд радикально-демократического противоборства. Возобновилась и практика использования центробежных намерений пречан с целью оказания давления на постылых союзников, которых радикалам к концу 1922 г. удалось лишить важнейших министерских постов, а затем и вытеснить из правительства. В частности, одиозность С. Прибичевича в областях, населенных югославянами-католиками, давала повод критиковать демокра-

[41] Временное народное представительство (ВНП) действовало до выборов в Законодательное собрание (Уставотворную скупщину).

[42] *Popović O.* Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988. S. 33.

inslav

тов за административно-полицейский произвол, а также требовать уступить портфель министра внутренних дел и пересмотреть в пользу радикалов пропорцию разделения постов между ДП и НРП в местных органах власти. Одновременно попытки устранить из кабинета воинствующего централиста должны были произвести благоприятное впечатление на набиравшего силу С. Радича, которого следовало убедить, что не демократы, а радикалы, несмотря на нелицеприятные заявления в его адрес, являются предпочтительными контрагентами ХРКП в Белграде.

С той же целью руководство НРП, уже спустя несколько месяцев после принятия Видовданской конституции, начало сигнализировать Загребу, что не считает ее догмой, требующей немедленного и безусловного практического воплощения. В завуалированной форме об этом говорилось в партийной резолюции от декабря 1921 г., провозглашавшей «необходимость учитывать оправданные требования Хорватов», а также добиваться того, чтобы «все части нашего народа были довольны в нашем общем Королевстве» [43]. Откровенный смысл этих «благопожеланий» раскрывал Л. Маркович в своем комментарии к принятому документу: «Радикальная партия рассчитывает на практическое применение Устава,... а если при этом обнаружится, что некоторые конституционные положения угрожают специфическим интересам хорватов, то радикалы будут за изменение этих положений» [44].

До «изменения» дело не дошло. Хватило и приостановления «практического применения» конституции, чтобы убедить хорватских республиканцев пойти навстречу радикалам, то есть не принимать участия в работе скупщины, где они могли бы помешать НРП сформировать правительственное большинство. Откладывалось исполнение пресловутого Распоряжения о разделении страны на области. Выборы в областные органы самоуправления «задержались» до 1927 г., хотя должны были состояться в 1922 г. В результате, так называемый переходный период в Хорватии длился аж до 1925 г. [45] В течение этого времени в мятежном регионе, которого передел должен был бы коснуться в первую очередь,

---

[43] Резолуција земаљске конференције Радикалне странке од 13. Децембра 1921. Године // *Станковић Ђ.* Указ. соч. С. 431.

[44] Др. Лазар Марковић о значају Резолуције земаљске конференције радикалне странке од 13. децембра 1921. године са становишта односа према хрватима // *Станковић Ђ.* Указ. соч. С. 433.

[45] *Станковић Ђ.* Указ. соч. С. 78.

inslav

сохранялась старая административная система во главе с наместником, и откладывалось применение многих государственных законов.

13 апреля 1923 г. негласное взаимовыгодное сотрудничество НРП и ХРКП было оформлено подписанием секретного Маркова протокола [46], согласно которому первая обязывалась прекратить «дробление Хорватии», а вторая способствовать образованию однопартийного правительства Пашича, то есть не появляться в Белграде. Протокол остался неисполненным, так как Пашич, добившись необходимого результата, дезавуировал соглашение с Радичем. ХРКП перешла на сторону Оппозиционного блока, а ее лидер, взбешенный вероломством главного радикала, многократно увеличил остроту своих антигосударственных и антидинастических высказываний. Попав под действие Закона о защите государства, он вынужден был бежать за границу. Подноготную взаимоотношений в треугольнике «радикалы – демократы – радичевцы» раскрывала белградская «Политика» от 5 июля 1924 г.: «Основные государственные интересы стали предметом постыдного межпартийного торга, которому нет конца. Пока г. Радич не перешел к г. Давидовичу, он не был изменником для правительства г. Пашича, хотя оно имело большинство в скупщине и могло предать г. Радича суду… И если бы г. Радич не переметнулся к г. Давидовичу, правительство г. Пашича спокойно бы правило, а г. Радич спокойно бы сидел в Загребе» [47].

* * *

Таким образом, уже в первой половине 1920-х гг. стала очевидной пропасть между публичным югославянским кредо НРП и ДП (и отколовшейся от нее СДП) и практикой политической жизни, в которой и те, и другие руководствовались сиюминутными узкопартийными интересами. Результаты расхождения дела со словом описывало все то же авторитетное ежедневное издание: «Четыре года беспорядочного, непоследовательного и на практике часто абсурдного централизма открыли перед страной перспективу федерализации. Точно так же неупорядоченная и непоследовательная… федерация, несомненно, заставила бы задуматься об установлении централизма» [48].

---

[46] Протокол назван по имени подписавшего его от имени НРП Марко Джуричича.

[47] На суд! // «Политика». 5 јул 1924 г.

[48] Тежина положаја // «Политика». 31 марта 1923 г.

inslav

Одной из причин указанного несоответствия можно считать то, что ни радикалы, ни демократы не верили (или перестали верить) в проповедуемое ими народное единство сербов, хорватов и словенцев. Не в том смысле, что они сомневались в их принадлежности одному роду-племени, а в том, что теория национального унитаризма перестала восприниматься как эффективная идеология, обеспечивающая политическую мобилизацию масс в масштабах всей страны и поэтому заслуживающая того, чтобы её последовательно придерживаться. С Прибичевичем такое «прозрение» произошло в 1927 г., с радикалами – на несколько лет раньше.

Еще в конце 1921 г. руководство партии строило амбициозные планы: «Решено не просто принимать в Радикальную партию хорватов и словенцев, а призывать их присоединяться к нам. Для этого даже изменено название партии, получившей имя «Радикальная партия сербов, хорватов и словенцев». И действительно, удалось сформировать организации и в Словении, и в Хорватии... Немногочисленные, но из чистых хорватов и словенцев» [49]. Однако уже спустя неполные два года результаты парламентских выборов, показавшие низкую популярность радикалов в несербских областях, продемонстрировали безосновательность надежд функционеров НРП привлечь на свою сторону югославян-католиков. «Этот опыт так повлиял на руководство партии, – вспоминал Милан Стоядинович, – что оно решило всю активность посвятить только сербскому электорату, предоставив словенцев словенским партиям, хорватов хорватским, а боснийских мусульман – Югославянской мусульманской организации» [50]. Сербы из Хорватии в свою очередь были отданы на откуп Прибичевичу.

«Журавлю» народного единства, которому, согласно процитированным выше программным документам, следовало воплотиться в облике партии, радикалы предпочли «синицу» представительства интересов сербского «племени». В этом качестве НРП проявляла готовность поделить страну на зоны влияния с такими же «племенными партиями», чему должен был способствовать и принятый в 1923 г. избирательный закон. В соответствии с ним львиная доля мандатов доставалась не тем партиям, чьи избиратели жили по всей стране, а тем, чей электорат располагался

[49] Др. Лазар Марковић о значају Резолуције... С. 434.

[50] *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 183.

inslav

компактными массами в отдельных избирательных округах. В результате в парламент проходили, помимо триумфаторов (ХРКП, НРП и СНП), черногорские федералисты, представители немецкого нацменьшинства и т. д. Без мандатов оставались партии, лишенные племенной окраски, – социал-демократы, республиканцы и др.

О том, насколько крутой поворот предприняло руководство НРП, можно судить по пропагандистскому обоснованию формирования совместного правительства с ХРКП. Если раньше отношения с ней трактовались как «борьба государствообразующих элементов с антигосударственными экстремистами», желающими, – по словам Пашича, – заманить страну в западню, из которой ей не будет спасения» [51], то в июле 1925 г. прежнее противостояние преподносилось как «столкновение национального, конституционного характера», борьба «двух братских, но в то же время различных представлений о многочисленных проблемах нашей государственной народной жизни». А создание коалиции двух «*организованных на племенной основе партий*» (курсив мой. – *А. С.*) следовало воспринимать как «примирение двух главных стволов нации». Залогом верности хорватов своим новым партнерам Л. Маркович полагал то, что с ними они «делили государственную власть. Любая другая комбинация не обеспечила бы радичевцам такого влияния и такого престижа» [52].

Покупка лояльности третьего «ствола» – Словенской народной партии – была оформлена 10 июля 1927 г. подписанием Бледского договора, согласно которому словенцы, по словам Л. Марковича, получили «практически настоящую автономию» [53]. «Как приграничной области Словении для ее наиболее благоприятного развития были гарантированы все экономические и социальные льготы», – пишет белградский исследователь Надежда Йованович. За это СНП обязывалась «согласиться с государственным устройством, основанным на Видовданском уставе» [54].

Свидетельством отказа сербских/сербиянских правящих кругов от следования унитаристско-централистской идеологии стало невыполнение

---

[51] Изборни проглас Народне радикалне странке од 4 фебруара 1925. // Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998. С. 340.

[52] *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914–1929). Beograd, 1991. S. 260–270.

[53] Ibid. S. 320.

[54] *Јовановић Н.* Политички сукоби у Југославији 1925–1928. Београд, 1974. С. 214.

inslav

обещаний «интегрального применения конституции и ее реализации посредством... принятия новых законов». В конце 1920-х гг. Югославия оставалась все тем же разобщенным территориальным образованием, каким она была десятью годами раньше. Страна по-прежнему делилась на шесть «исторических» правовых областей [55], в которых действовало по пять разных уголовных [56] и налоговых [57] кодексов.

Стоит отметить, что «задерживалось» принятие решений, касавшихся не одной только внутренней интеграции югославянских территорий, а едва ли не всех существенных сторон жизни Королевства СХС. Например, только через три с половиной года после Перводекабрьского акта объединения появился Закон о бюджете [58], что, однако, не поспособствовало его ежегодному своевременному принятию. Ни до, ни после, вопреки действовавшей норме, финансовый год не совпадал с календарным [59]. Спустя без малого семь лет после окончания мировой войны, был подписан Закон об инвалидах, по понятным причинам, имевший особое значение для населения страны. И так далее... Что касается правовых актов, до которых так и не дошли руки, то об их количестве можно судить на основании того факта, что в течение одного 1929 г. Верховный зако-

---

[55] 1. Сербия; 2. Черногория; 3. Банская Хорватия со Славонией, Ликой, Кордуном и частью Срема; 4. Воеводина с Меджимурьем и Прекомурьем; 5. Словения с Далмацией и частью Истрии; 6. Босния и Герцеговина.

[56] *Dobrivojević I.* Državna represija u doba diktature Kralja Aleksandra. Beograd, 2006. S. 101. (1. в Сербии, принятый в 1860 г.; 2. в Черногории – 1906 г.; 3. в Боснии и Герцеговине – 1879 г.; 4. в Хорватии и Славонии, а также Далмации и Словеннии – 1852 г.; 5. в Воеводине – 1879 г. Единый уголовный кодекс для всей Югославии был принят 1 января 1930 г.)

[57] 1. Сербский; 2. Черногорский; 3. особый – в Боснии и Герцеговине; 4. австрийский – в Словении и Далмации; 5. венгерский – в Воеводине и Прекомурье. Единый налоговый кодекс для всей Югославии был принят в 1928 г. (*Бецић И.М.* Министарство финансија Краљевине Југославије 1918–1941. Београд, 2012. С. 85, 115.)

[58] *Бецић И.М.* Указ. соч. С. 228.

[59] Бюджетные годы 1919/20, 1920/21 и 1921/22 начинались 1 июня. 1921/22 финансовый год примечателен тем, что он продолжался полных 14 месяцев. Последний финансовый год пятилетнего послевоенного цикла начался 1 августа 1922 г. и закончился 30 июня 1923 г. В 1924 г. начало финансового года перенесено на 1 апреля.

inslav

нодательный совет представил на подпись узурпировавшему власть королю более 200 (!) законопроектов [60].

Вышесказанное позволяет предположить, что в 1920-е гг. общая неспособность «государствообразующих партий» [61] обеспечить стабильное функционирование молодого государства выразилась в их отречении от правовой унификации в пользу «постыдного торга» как единственного способа выстраивания отношений между центром и регионами. Последствия данного выбора описаны в уже процитированном выше отчете британского посланника руководству Foreign Office: «Бесплодные партийные интриги, которым предаются белградские политики, сделали невозможным проведение каких-либо законодательных или административных реформ... За десять лет в Белграде было образовано двадцать пять кабинетов, и все они занимались мелким политиканством, – главным развлечением на Балканах, – вместо того чтобы решать срочные проблемы государственного обустройства...» [62].

---

[60] Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929–1931. Београд, 2002. С. 353–365.

[61] Особые качества сербского правящего класса, обусловившие указанную неспособность и предопределившие характер развития Королевства СХС, – предмет исследования работ, посвященных *политической культуре Сербии конца XIX в. – начала XX в.* (*Шемякин А.Л.* Политическая культура в независимой Сербии // Человек на Балканах: власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009; *Он же.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.), *а также югославскому парламентаризму* 1920-х гг. (*Силкин А.А.* Характер югославского парламентаризма // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб., 2004.)

[62] Цит. по: *Avramovski Ž.* Op. cit. S. 499.

inslav

Румяна Конева
София

Пан-Европа, Балканы и Болгария *

На протяжении многих веков балканские народы и их государства находились в сложном геополитическом положении, а нередко и сами себя в него ставили. Им не раз приходилось пережить горькое разочарование, трудно складывались национальные и межнациональные взаимоотношения. Они боролись с «врагом» внешним, но не всегда могли побороть, преодолеть «врага внутри себя».

Это понуждало сотни балканских интеллектуалов, общественных деятелей, политиков искать пути к достижению единения, единства и сотрудничества. Наука в прошлом и настоящем изучает проекты и идеи Балканского возрождения – масштабные и в большинстве случаев доброжелательные, усилия политических элит, стремящихся идейно обосновать и сократить время возвращения этих народов в единый европейский духовный дом. Мы давно знаем, что балканские народы были в шаговой близости к реализации этих идей [1]. Но мы знаем также, что препятствий на пути к этому оказалось еще больше. И в первую очередь – это войны 1912–1918 гг., и среди них Межсоюзническая война, когда была подорвана идея Балканского союза, а славянская идея потерпела полный крах. Во время Первой мировой войны противоборство и ненависть так полномерно вытеснили сформулированные в эпоху Возрождения благородные помыслы о балканском единстве, что «национальное» заменило собой общечеловеческое и в политико-поведенческом и в культурно-

---

* Автор сердечно благодарит руководителей научного проекта проф. Р.П. Гришину и проф. Светлозара Елдырова, как и Институт славяноведения РАН, где проходила научная конференция, за возможность представить новые и слабо изученные в культурно-политическом и культурно-историческом научном пространстве проблемы. Особую благодарность автор выражает проф. Г. Шкундину за его содействие в документальном обогащении настоящей статьи.

[1] *Weigel H., Lukan W., Peyfuss M.* Jeder Schuss ein Russ, jeder Stoß ein Franzos. Literarische und graphische Kriegspropaganda in Deutschland und Österreich 1914–1918. Wien, Brandstätter, 1983.

inslav

психологическом аспектах. Единственным утешением при мысли о противостоянии внутри «балканского котла» может быть его соизмеримость с подобными явлениями среди других европейских народов, где еще в 1914 г. германской и австрийской пропагандой были сформулированы лозунги: «Каждый выстрел – один русский, каждый удар – один француз» («Jeder Schuss – ein Russ, jeder Stoß – ein Franzos»). Много писалось об этой пропаганде воюющих сторон, и с позиций XXI в. она видится окончательно преодоленной. Сделан и основательный вывод о том, что в войне оказались побежденными все народы, а победа оставила за собой долголетний неблагоприятный психологический след. Таким образом, вопросы о соотношении культуры и войны [2], поставленные, в сущности, еще в 80-е годы XX в. и получившие тогда неоднозначные ответы в виде ряда «смелых» тезисов, имеют своих сторонников и ищут подтверждения.

* * *

Если мы дистанцируемся от «жесткости» болгарской историографии после Второй мировой войны и «авангардных» для тех лет исследований, защищенных сначала в качестве диссертаций и затем изданных как монографии, то в обществе имелось достаточно поборников преодоления интеллектуальной пустоты. Эта тенденция родилась после Первой мировой войны как ее следствие. Не только «тесные социалисты» или большевики (как тогда писалось), но и традиционные «европеисты», восприняли Мировую войну как первый случай провала европейской идеи.

Этот крах, разрушительный сам по себе, нанес человечеству небывалую до того времени травму мирового масштаба и поставил его перед многими дилеммами. Все они были связаны с новыми объединительными программами и предложениями. Самые важные могут быть сгруппированы по трем направлениям:

1. Предложение революционных сил об единой всеобщей социалистической платформе, основная идеологема которой – «пролетарский интернационализм» с его догмой – «пролетариат не имеет отечества».

---

[2] См.: *Илчев Ив.* Родината ми права или не! София, 1995; *Конева Р.* Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918. София, 1995.

inslav

2. Неизвестное до того «компенсаторное» обращение к самому себе, а также к «национальным устоям» и поиску национального единства, что, впрочем, порождало противопоставление и ксенофобию.

3. Предложение о создании Единых европейских штатов (Пан-Европы), вокруг которого объединились традиционные политики, общественные деятели, ученые, писатели, радетели духовного общения между народами. Они выдвигали идеи мира, пацифизма и миротворчества как основополагающие столпы совместного европейского будущего.

Первые две политические и в то же время в некотором смысле «общественно-культурные» платформы в научных исследованиях XX и XXI вв. изучены подробно. Несколько в стороне в болгарской историографии осталась именно «традиционная» платформа «зрелых европейцев». Они же первыми заметили, что триумф и торжество победителей в лондонском отеле «Ритц» является и знамением покалеченных судеб, чувств и муз с обеих сторон фронта. Может быть поэтому не было случайным совпадение, что именно в столице Великобритании собрались и первые противники войны из сферы художественного слова. Они основали в октябре 1921 г. Международный союз писателей – ПЕН-клуб, остающийся и сегодня синонимом объединения писателей, ессеистов, новелистов, авторитетных в своих странах и признанных за границами «родных государств». Все они предварительно проявили в своих творениях приверженность к гуманитарным ценностям, имеющим всемирный эквивалент.

В том же 1921 г. родилась и идея Соединенных штатов Европы, приобретшая известность и ставшая началом пан-европейского движения, его поддержали многие сторонники идеи Пан-Европы. 15 февраля 1922 г. граф Рихард Куденхов-Калерги [3], сын австрийского дипломата графа Генриха Куденхов-Калерги и японки Мицуко Аояма, опубликовал в берлинской газете «Vossische Zeitung» статью «Пан-Европа – одно

[3] Более подробно см.: *Ziegerhofer-Prettenthaler Anita*: Botschafter Europas. Richard Nikolaus Coudenhove-Kalergi und die Paneuropa-Bewegung in den zwanziger und dreiЯiger Jahren. Wien 2004; *Wyrwa Ulrich*: Richard Nikolaus Graf Coudenhove-Kalergi (1894–1972) und die Paneuropa-Bewegung in den zwanziger Jahren. In: Historische Zeitschrift *283*, Heft 1/2006), S. 103–122; *Громова А.* Рихард Куденхов-Калерги и пан-европейское движение в 30-е годы XX века. Москва, 2008. дисс.

inslav

предложение»[4]. Предложение быстро нашло единомышленников и сторонников в ведущих кругах интеллектуалов, поэтов, писателей и философов Европы. Среди них Поль Клодель, Поль Валери, Генрих и Томас Манны, Стефан Цвейг, Герхард Гауптман, Райнер Мария Рильке, Артур Шницлер, Зигмунд Фрейд, Альберт Энштейн, Хосе Ортега-и-Гассет, Рихард Штраус и пр. К движению, задуманному как интеллигентское, присоединились тогда еще молодой мэр Кельна Конрад Аденауэр и венский студент, позднее австрийский канцлер Бруно Крайски.

Не сильно ошибемся, если скажем, что пан-европейская идея, в сущности, явилась новым уровнем и следующим шагом в системе традиционных европейских ценностей, в течение веков создававших образ Старого Света на основе высоких и духовных категорий. Ее автором и идейным вдохновителем, был граф Рихард Николаус Куденхов-Калерги (1894–1972). Он родился и вырос в мультикультурной среде, рано воспринял ценности «космополитизма». Его отец, дипломат, владевший 18 языками, вместе с супругой, представительницей известного рода в «стране восходящего солнца», и воспитали восемь детей в духе толерантности и доброжелательности. Молодой Куденхов не пошел по пути отца, он отказался от профессии дипломата и посвятил себя, еще будучи гимназистом в Терезиануме, а затем и студентом, изучению нравственно-этических проблем, порожденных послевоенным временем. Изучал философию и историю, в Вене защитил диссертацию по психологии[5]. В более поздних воспоминаниях признавался, что на свое исследование по философии он потратил три года, а на книгу «Пан-Европа» ему понадобилось всего три недели[6] – столь воодушевлен и захвачен был идеей об общем европейском доме. Он также утверждал, что «свет философии

[4] Годом позже была опубликована его книга «Пан-Европа», которая положила начало новому политическому и культурному движению. Он видел только две альтернативы в послевоенной Европе – или объединение, или полный распад, при котором будет создана искусственная граница, которая будет делить Старый Свет на «советскую колонию» и «американский протекторат».

[5] Die Objektivität als Grundprinzip des Morales. Wien, 1917 (Объективность как основной принцип морали).

[6] *Coudenhove-Kalergi*. Ein Leben für Europa. Meine Lebenserinnerungen. Köln, 1966.

inslav

всех времен его интересовал гораздо больше, чем политический» [7], что без философских размышлений он никогда бы не пришел к мысли о необходимости борьбы за Европу. Переосмысление (гипер)этических ценностей, которые должны были лечь в основу неоаристократических мироощущений, призвано было спасти Европу от морального заката, а достижение взаимодействия этики и техники остановить в конечном счете ее экономический упадок [8].

Эти рассуждения в книге «Техника», а также и статья «Пан-Европа – одно предложение» произвели впечатление и на болгарского ученого Ивана Шишманова еще в 1922 г., что послужило для него одним из поводов через несколько лет заняться учреждением болгарской секции, а затем и возглавить ее. Позднее Шишманов признавался Калерги, что еще во Фрайбурге познакомился с его взглядами, воспринял их и донес их до студентов осенью 1923 г. [9]. Действительно он сделал это еще в своей вступительной лекции к курсу «Славянский мир», и таким образом, стал одним из первых «миссионеров» Европейской идеи в Германии, распространяя ее и в академической среде [10]. Даже более того, он связал ее с культурами славянских народов, стал бороться против предрассудков западного общества по отношению к ним [11].

Граф Куденхов-Калерги проявил изумительные организационные способности, и в короткое время его идея стала известна в среде культурно-политической элиты. Это облегчило учреждение в 1923 г. собственного центра в венском дворце Хофбург. Там находилась и штаб-квартира Пан-Европейского союза, который с 9 июля 1925 г. обрел статус

---

[7] «Mich hat die philosophische Welt zu allen Zeiten mehr interessiert, als die politische».

[8] Там же.

[9] НА-БАН. Ф. 11к. Оп. 1. А. е. 236. Л. 52. “Noch vor drei Jahren, als ich in Freiburg weilte (ich hielt damals als Gastprofessor Vorlesungen an der dortigen Universität) las ich mit Vergnügen Ihr geistesreiches und doch tiefes Werk «Das technische Zeitalter»

[10] Более подробно см.: *Конева Р.* Иван Шишманов и Обединена Европа. Издателска къща «Гутенберг». София, 2011.

[11] Там же. См.: *Она же.* Големият човешки замисъл «взаимност» в българската култура и „взаимното взаимност” в големия европейски замисъл на професор Иван Шишманов // Балканите и техните периферии. Балканистичен форум. № 1. 2012. С. 51–69.

inslav

самостоятельной общественной организации. В 1924 г. Калерги основал и возглавил журнал «Пан-Европа», в котором рассматривались вопросы, связанные с новой идеей, разъяснялась деятельность организации. Вокруг журнала объединились единомышленники. При подборе единомышленников и соратников Калерги упорно следовал представленным в его книге взглядам: противниками объединенной Европы он считал националистов-шовинистов, коммунистов, милитаристов и приверженцев таможенного налога [12].

Автор программы отделял политические требования от экономических. К первым он относил: обязательный договор между всеми европейскими государствами, включая и Великобританию; заключение пан-европейской военной конвенции; учреждение британско-европейской Антанты; пан-европейский пакт о гарантиях и безопасности внешних границ; пан-европейская защита национальных меньшинств; пан-европейская «доктрина Монро»; региональное разделение объединенных народов; всеобщее разоружение.

Экономические требования, сформулированные Калерги, были следующими: постепенное преодоление внутренних европейских границ; создание пан-европейского таможенного союза; свободная торговля внутри Европы; создание единой экономики; планомерное подключение европейских колоний Западной Африки к европейским сырьевым источникам; тесное экономическое сотрудничество с Советским Союзом; совместное создание европейских водных путей и других транспортных связей; признание и установление единой европейской валюты [13].

* * *

Пан-европейская идея является по существу прообразом нынешнего Европейского союза, его предшественницей, рожденной идеологией нравственного отрицания мировой войны и ее последствий. Хотя ее основателем стал 30-летний молодой человек, мы квалифицировали бы пан-европейское движение как движение опытных – «Der Erfahrenen», в смысле опытных политиков и интеллектуалов, выстрадавших путь «политики противопоставления». В этом легко можно удостовериться в ходе Первого пан-европейского конгресса в Вене, проведенного с 3 по 6 октября 1926 г.

---

[12] *Coudenhove-Kalergi R.* Paneuropa. Ein Vorschlag. Wien, 1922.
[13] *Coudenhove-Kalergi* R. Das Pan-Europa-Programm. Wien, 1924.

inslav

Из списка руководителей конгресса видно, что идеей будущей объединенной Европы были захвачены мужи со значительным политическим стажем: Пол Дестре, Вацлав Шустер, Пауль Лёбе, Карел Пуста, Эдуард Эррио, Николаос Политис, Н. Климас, Игнац Зейпель, Георг Лукач, и не на последнем месте Куденхофе-Калерги. Все, кроме немецких и французских представителей, были обозначены как политики [дипломаты, экс-министры («ausser Dienst»), другие «бывшие»]. Все они находились в самом дееспособном возрасте. Эррио и Политису исполнилось 54 года, Лёбе – 51, Лукачу – 41. Ивану Шишманову из Болгарии было 64 года, и он также обладал солидным политическим стажем.

Уже тогда были сформулированы основополагающие задачи Движения:

1. Пан-европейское движение является надпартийным массовым движением за объединение Европы.

2. Цель его – объединить все европейские государства, выразившие такое желание, в один общий политико-экономический союз, основанный на равноправии и мире.

3. Мировой политической программой Пан-европейского движения является дружеское взаимодействие с другими континентами в рамках Лиги наций.

4. Пан-Европейское движение воздерживается от всякого вмешательства во внутриполитические вопросы других государств.

5. Пан-Европейский союз разделен на государства; каждое государство имеет свой собственный комитет, который сам себя финансирует; Центральное бюро Пан-Европейского союза размещается в Вене.

6. Символом Пан-европейского союза является Красный крест на золотом солнце.

Не будем здесь рассматривать историю конгресса, а также различные волнующие стороны его ежедневной работы. Не можем удержаться лишь от искушения вспомнить, что делегату впервые тогда стало достаточно показать свое делегатское удостоверение на границе с Австрией, чтобы пересечь ее без требуемой визы. Такое право получили те первые мужи-европейцы [14] Этот вопрос впоследствии был поставлен на широкое

[14] *Ludwig E.* Das neue Vaterland Paneuropa. Berlin, 29 Sept. 1926 // NFP, 02.10.1926. «Wer in diesen Tagen nach Österreich fährt, um am Kongress teilzunehmen, braucht kein Visum; er zeigt nur seine Legitimation als Paneuropäer vor: dann wird er

inslav

обсуждение перед отдельными государствами. На Балканах болгары первыми отреагировали на это предложение и уже в 1927 г. выразили к нему положительное отношение. Они поддержали также идею о ликвидации таможенных тарифов, чтобы иметь свободную торговлю между государствами.

Согласно обнаруженным до сих пор документам (существует проект, который должен выявить много нового), балканские народы в самом начале выискивали в своей среде активных сторонников. Слово «выискивали» было специально выбрано автором статьи, поскольку о полностью развернутой и усвоенной пан-европейской идее тогда еще было трудно говорить.

О постепенности ее усвоения свидетельствуют и первые высказанные представления о «нашем общем будущем». В 1925 г. Куденхов-Калерги с помощью анкеты провел опрос среди известных интеллектуалов и политиков Европы по следующим вопросам:

1. Считаете ли Вы создание Объединенных европейских штатов необходимым?

2. Считаете ли Вы осуществимым это намерение?

Премьер-министр Греции и министр иностранных дел Михалакопулос ответил на первый вопрос, что, по его мнению, это было бы самым большим счастьем для европейских народов, что в таком случае войны были бы невозможны, и каждая страна посвятила бы себя продуктивной и созидательной работе. На второй вопрос он ответил, что ему не кажется невозможной реализация этого предложения, хотя ее близкая перспектива нереальна, поскольку национальный эгоизм является непреодолимым препятствием. Он продолжал: «Несмотря на трудности, духовной элите Европы необходимо терпеливо и упорно работать в пользу этого гигантского и благородного проекта» [15].

---

durchgelassen. In dieser kleinen Artigkeit liegt ein Symbol, zum erst mal in unserer Geschichte wird einer, der sich Europäer nennt dafür belohnt. Macht nichts, dass er zehn Schilling zahlt um dabei zu sein, die alten Staaten fördern weit höhere Steuern. ... so wird es wohl in einem Jahrzehnt auch sein, wenn unsere Sohne staunend von den Pässen erzählen lassen werden, ohne denen 25 Visa die 25 Staaten Europa nicht besuchen konnten».

[15] Paneuropa-Zeitschrift, 2 Jg, Heft 1/3, 1925, S. 50–53. Для сравнения приведем только пророческие ответы тогдашнего кмета Кельна и будуще-

inslav

Д-р Рудольф Панвиц (Rudolf Pannwitz) из Коркула, Далмация, написал, что находит эту идею необходимой и что только таким образом могут быть преодолены конфликты между государствами. Он также пришел к выводу, что создание такого союза возможно. «Для Европы это необходимо, – подчеркивал он, – независимо от обстоятельства, с удовольствием или без желания некоторые государства войдут в него („gern oder ungern"). Здесь необходимо проявить мудрость и работать в этом направлении» [16].

Премьер-министр Болгарии – тогда Александр Цанков – ответил следующим образом: «Создание Объединенных европейских штатов после такой большой войны выглядит едва ли возможным. Европе необходимо работать долгие годы, чтобы восстановить снова нормальные дружеские отношения между государствами... Сама идея трудно осуществима не только из-за долгосрочной перспективы, но, прежде всего, из-за различного положения малых и больших народов в Европе». И все же добавил: «Нельзя сказать, что Объединенные европейские штаты совершенно необходимы, можно утверждать, однако, вопреки всему, что их образование – если оно возможно – было бы очень желательно» [17].

В этом же номере журнала (1925) читаем, что пан-европейские комитеты были основаны в Германии, Австрии, Чехословацкой республике, Венгрии. Еще сообщалось, что идет процесс учреждения соответствующих секций во Франции, Польше, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Дании, Финляндии, Литве, Эстонии, Болгарии.

После Первого пан-европейского конгресса штаб-квартира в Вене продолжала высылать различные анкеты государствам-членам Союза, и один из следующих вопросов был связан с изготовлением единого общеевропейского паспорта.

Первый положительный ответ был дан болгарским царским правительством. Он гласил: «Болгарское правительство в принципе согласно с

го канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, который был убежден в необходимости Соединенных европейских штатов, но он также был убежден и в том, что в настоящий момент (1925 г. – *Р.К.*) это было невозможно: «1. Ich halte die Schaffung des vereinigten Staaten von Europa für notwendig. 2. Ich halte das Zustandekommen wohl für möglich, nur im gegenwärtigen Zeitpunkte nicht».

[16] Ibid. S. 56–57.

[17] Ibid. S. 76–77.

inslav

Вашим предложением о едином общеевропейском паспорте при условии, что предложение будет принято также и другими государствами, и особенно соседними с Болгарией странами, отдельные подробности чего должны быть уточнены на специально организованной по этому случаю конференции» (подписано секретарем дипломатического представительства Н. Желевым).

В указатель пан-европейского движения за этот год впервые было включено и балканское государство – Болгария, а в качестве адреса Болгарской секции указано: София, улица Шипка № 11, где находился дом профессора Ивана Шишманова. В следующем году появилась и секция Королевства СХС, первая резиденция которой находилась в Загребе (ул. Маргаретска д. 4), а ее председателем являлся Павле Беркич (Pavle Berkeš) [18]. Эта недавно созданная секция развила активную деятельность и пригласила в Загреб премьер-министра Польши и руководителя польской пан-европейской секции Александра Ледницкого прочесть на ее заседании доклад на тему «Национальная идея и ее развитие», в котором было бы прослежено превращение национальной идеи в пан-европейскую.

Несмотря на предварительные настроения в пользу Союза, в одном из аналитических обзоров деятельности пан-европейских секций в 1929 г. читаем, что «югославская пресса либо ограничивается самыми общими комментариями предложений из Парижа (речь идет об инициативе Бриана), либо вновь ставит македонскую проблему как главное условие при создании Объединенных европейских штатов». Так «Обзор» писал, что Франция хочет быть гегемоном в Пан-Европе, а Германия – кукловодом за кулисами. «Привредни преглед» видел Пан-Европу только через призму македонского вопроса: до тех пор, пока он не будет решен, Балканы

[18] Ibid. 4 Jahrgang, Heft 3. 1928 «Hochwohlgeboren Herrn Graf Coudenhove-Kalergi, President der Paneuropäischen Union, Wien 1, Hofburg.Über Ersuchen des Kgl. Ministeriums dess Äussern beehrt sich die Königlich Bulgarische Gesndschaft Ihnen Nachstehendes Höflichst mitzuteilen: Die bulgarische Regierung stimmt Ihrem Vorschlage betreffs Einführung eines Europapsses im Prinzip zu, unter der Voraussetzung, dass der Vorschlag auch von anderen Staaten, insbesondere von Nachbarstaaten Bulgariens gebilligt wird, wobei Einzelheiten auf einer Konferenz zu erörtern wären. Mit dem Ausdrucke besonderer Hochachtung zeichnet der Gesandtschaftsekretär N. Geleff m.p.».

inslav

останутся очагом пожара в Европе; наступило время, когда европейские государственные мужи должны заниматься решением актуальных вопросов, вместо того, чтобы терять время в идеологических дискуссиях; тем не менее, предложение Бриана – говорилось в газете – могло быть реализовано, если не распадется Лига наций, в которой решающее слово принадлежит только большим государствам, а малым ничего не остается.

В обзорах, постоянно печатавшихся в журнале «Paneuropäisches Kalendaricum», прослеживается усиливавшийся интерес балканских государств к идее Пан-Европы. Из материала того же журнала следует, что на официальном банкете 23 октября 1929 г. премьер-министр Болгарии Ляпчев самым сердечным образом приветствовал проект Пан-Европы, «осуществление которого необходимо поощрять, как и большее доверие в отношениях между балканскими странами» [19].

Сколько бы примеров ни приводилось, вывод будет один. Все балканские государства проявляли заинтересованность в развитии панеевропейской идеи и большинство из них, наученные горьким балканским соседством, затаенно надеялись на ее реализацию.

Румынская газета «Адеверул» подчеркивала, что в Европе на тот момент (1929) были две основные силы, которые находились в борьбе друг с другом – «большевизм» и «капитализм». Они также могли бы объединиться в совместной международной деятельности и чувстве солидарности, которым должны обладать все европейцы. В 1856 г. * произошло объединение Италии, в 1871 г. – Германии, в 1879 г. впервые заговорили о балканском единстве: когда же в конце концов осуществится и европейское единство? – нетерпеливо вопрошала румынская газета.

Все это свидетельствовало об интенсификации пан-европейского движения в Юго-Восточной Европе. В 1930 г. была учреждена греческая секция Пан-Европы. Президент Греческой республики Александрос Заимис, премьер-министр Элефтериос Венизелос и министр иностранных дел Андре Михалакопулос были приняты в авторитетный комитет панеевропейского движения.

---

[19] Ibid.. 1929. November. N 9. S. 28.

* Объединение Италии произошло в сентябре 1870 г., когда Рим, из которого был выведен французский гарнизон, присоединился к Итальянскому королевству, провозглашенному в 1861 г. Но в журнале указана дата – 1856 г. (*ред.*).

inslav

В том же году была учреждена и румынская секция во главе с почетным председателем – ректором Бухарестского университета и депутатом профессором Николае Йорга; президентом был избран профессор К. Стоянович [20].

А 1 мая Франция выступила с предложением о создании Европейского государственного союза. Инициатива была поддержана многими правительствами, которые прислали соответствующие ноты и обоснования своей позиции. Среди них были и Румыния, Югославия, Греция, Болгария, Албания. Содержание этих документов автор намерена подробно рассмотреть в подготавливаемой ею монографии. Здесь стоит только отметить наличие редкого единства во взглядах балканских государств на совместное европейское будущее.

Базельский конгресс 1932 г., помимо того, что принял ряд значимых решений, знаменателен еще и учреждением Дня Пан-Европы – 17 мая.

В первый день его работы с приветствиями выступили проф. Борис П. Петков от Болгарии, экс-министр Михаил Маноилеску (руководитель Европейской аграрной комиссии) – от Румынии, Недим Вейзель – от Турции, министр Момчило Нинчич (президент организации европейского мира) – от Югославии, Мегалос Калояни – от Греции.

Приведенные факты свидетельствуют, что балканские государства и их политические элиты включились, хотя и с различной интенсивностью, в пан-европейское движение и заняли в нем достойное место.

* * *

[20] Ibidem. 6 Jahrgang. Fev. 1930. S. 58. В румынский комитет входили еще: заместители – проф. Дмитрий Густи и экс-министр Лаховари; со стороны правительства в Комитет вошли министр иностранных дел Миронеску, министр финансов В. Маджару, министр юстиции Г. Юниан. Членами Комитета были: Oberzeremonialmeister J´Stircea, Prinzesin Alexandrina Contacuzen, Helen Seulescu, Calypso Botez, die ehemaligen Minister C. Argotoianu, J.G. Duca, N.D. Germani, Dr. N. Lupu, G. Trancu Jaşi, Universitätssekretär G.Gafencu, die Professoren Antonescu, Radulescu-Motru, Lascar Antoniu, G. Taşca und der redakteur der «Adeverul» B. Braniestanu. В следующем году место умершего экс-премьер-министра занял Seulesco wurde der bisherige Vizepräsident, Gesandter AD zum Präsidenten, Die Prinzessin Alexandrina Contacuzen nebst Universitätsprofessor Gusty zu Vizepräsidentin gewählt (Ibidem. Juni–Juli 1930).

inslav

В Болгарии вдохновителем идеи Пан-Европы был профессор Иван Шишманов. Еще в 1922 г. во Фрайбурге он прочитал статью графа Николауса Куденхов-Калерги «Пан-Европа – одно предложение», о которой говорилось выше, рассказал о ней студентам и затем активно включился в пан-европейское движение, участвовал в руководстве Первым конгрессом в 1926 г., а весной 1927 г. основал и болгарскую секцию.

Во второй половине октября 1926 г. Шишманов, возвратившись в Болгарию с Первого пан-европейского конгресса в Вене, написал подробный отчет о виденном на нем и о его результатах. Просьбу Куденхова основать и в Болгарии подобное движение он осуществил в короткий срок. Для этого в феврале 1927 г. ученый отправил многим болгарским общественным деятелям и авторитетным политическим лидерам письма с приглашением присоединиться к движению: «Этим месяцем (февраль. – *Р.К.*) в Софии создана болгарская секция Пан-Европейского союза, который уже имеет подобные секции в Германии, Бельгии, Польше, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Литве и Латвии. Целью Союза является распространение через живое слово и печать идей сближения и сотрудничества между всеми европейскими народами на политической, экономической и культурной почве, чтобы в ближайшем или более отдаленном будущем, в меньшем или большем объеме могла осуществиться мечта стольких светлых и великих умов, начиная с Данте и Генриха IV…», – так начинал свое письмо ученый. И далее продолжал: «Пан-Европа, которую хотят создать в рамках Лиги наций, уже не утопия, в этом убеждает заявление премьер-министра Э. Эррио в парламенте Франции 29.01.1925: “Самое большое мое желание – это увидеть Соединенные штаты Европы. Если я действую в Лиге наций с такой смелостью, то только потому, что вижу в этом важном институте прообраз Соединенных штатов Европы”» [21]. Затем Шишманов кратко обрисовал историю движения и обосновал свой взгляд на учреждение болгарской секции. За первым жестом Эррио последовал сочувственный ответ Г. Штреземана, министра иностранных дел Германии. Не подчеркивая специально свою тайную надежду на то, что таким образом друг другу подадут руку и другие народы, враждующие между собой, Шишманов подводил именно к такому выводу. Он называл, перечисляя не только страны, поддержавшие волю к миру и

[21] *Конева Р.* Първите „мъже-европейци”. Към историята на Паневропейското движение в България. Част I. Балканистичен форум. София, 2010. № 1–2. С. 82–104.

inslav

взаимопониманию, но и известных людей, возглавивших это «миссионерство», в том числе интеллектуалов величины Альберта Энштейна, Герхарда Гауптмана и др.

«Так как мы убеждены, что Вы целиком и полностью осознаете огромную пользу от возможности, которая дается Болгарии заявить перед новым европейским форумом свои справедливые требования и жалобы (второй Пан-европейский конгресс созывается в этом году в Брюсселе и будет заниматься преимущественно экономическими вопросами), мы Вас просим, – продолжал ученый – поддержать нас морально, присоединившись к нам и став членом болгарской секции Пан-европейского союза» [22]. Письмо было написано на бланке, специально изданном для этой цели с логотипом Союза и указанием адреса – ул. Шипка, № 11 (дом Ивана Шишманова), и собственноручно подписано – председатель проф. д-р Иван Шишманов, секретарь д-р Иван Байнов. Был приготовлен и список адресатов, которых просили подтвердить в письменной форме свое участие. Письменные подтверждения прислали следующие отмеченные в записках Шишманова лица [23]: Мишев, Николаев, Кьорчев, Статев, Данаилов, Янулев, Кир. Попов, Джидров, Ив. Ст. Гешев, Байнов, Ст. Цанков, П. Стайнов, Дренков, Д. Казасов, Сталийски, Минчевич, Станчев, Караджулев, Ас. Златарев, Гиргинов, д-р Стоянов, д-р Киров, Арнаудов, Танчев, Минчевич, Влайков, Ставров, Фичев, Фаденхехт, Мишайков, Мошанов, Ив. Георгов, Баламезов, Тенев, Гр. Василев, П. Стоянов, П. Пешев. В отдельном списке Шишманов распределил участников по трем секциям – по вопросам национальных меньшинств, экономического развития и культуре – «умственного союза» (как тогда было сформулировано) [24].

О числе, подтвердивших свое намерение участвоапть, узнаем из письма Шишманова Куденхов-Калегри от 1 марта 1927 г., в котором он сообщил, что в настоящее время приверженцев движения насчитывается 30 человек, все из сферы политики, экономики, науки и искусства, но он надеется, что их количество увеличится [25].

Учредительное собрание было назначено на «13 марта 1927 г., воскресенье, в 10 час. до полудня в здании Археологического института на

---

[22] Там же.

[23] Имена написаны так, как сам Шишманов их внес в свои записи.

[24] *Конева Р.* Указ. соч..

[25] РГВА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 13. Л. 442.

inslav

ул. Раковского № 127, напротив Свободного университета»[26]. В 1927 г. этот день не соответствовал (по Григорианскому календарю) такой же дате 1913 г., когда пришло известие о падении Адрианопольской крепости, и он уже не нес большой национально-патриотической и эмоциональной нагрузки[27]. Ассоциативный символ здесь скорее связан с эволюцией тогдашних настроений в отношении идеи Шишманова «Нет ненависти» и проповедуемой им идее мира, и с написанным им собственноручно и принятым в то раннее воскресное утро «Уставом болгарской секции Пан-Европейского союза». Он состоял из 9 пунктов, в которых были регламентированы основные правила устройства и деятельности организации. В пункте 2 указывалась цель Болгарской секции – «распространять в среде болгарского народа идеи Пан-Европейского союза о сближении и сотрудничестве между всеми европейскими народами на политической, экономической и культурной основе».

Штаб-квартира Болгарской секции организовывала группы сочувствующих и общества (дружества), распространяла брошюры, проводила конференции, созывала собрания внутри страны, а за рубежом действовала, публикуя мемуары, доклады, устраивала выступления, использовала как международные конгрессы союза, так и его официальный орган «Пан-Европа»[28].

В уставе определялись взаимоотношения между штаб-квартирой и отдельными группами, устанавливалось, какие лица и корпорации (союзы, общества, синдикаты, группы) могут быть членами союза, способы приобретения средств, управление, жизнедеятельность союза и пр. Союз управлялся настоятельством в составе председателя, двух его заместителей, секретаря, кассира и четырех членов-советников, избиравшихся ежегодно на общем собрании в день основании секции.

Пункт 5 гласил: «Штаб-квартира секции разделяется на три комиссии: а) по вопросам политики и меньшинств; б) по вопросам экономики и в) по вопросам научного сотрудничества. Каждая комиссия избирает из своих членов председателя и секретаря сроком на один год».

Едва дождавшись следующего дня после Учредительного заседания, Иван Шишманов поспешил написать своему другу, вдохновителю и единомышленнику в Вену и сообщить ему «радостную весть», что «вчера

---

[26] Там же.

[27] *Иван Шишманов*. Дневник. Указ. соч. С. 149.

[28] Там же.

inslav

была учреждена Болгарская секция Пан-Европы». Сообщил об этом и членам руководства союза. В письме, достаточно подробном, которое будет дополнительно опубликовано автором статьи, Куденхов-Калерги благодарил Шишманова и в свою очередь «благословил» новоприсоединившуюся Болгарию к большой европейской идее [29]. А из Секретариата в Вене уже 18 марта во все подсекции были разосланы письма с призывом поздравить болгар и их председателя. Был сообщен и адрес – ул. Шипка, 11 [30].

Согласно ныне известным сведениям можно утверждать, что движение имело серьезный отклик среди болгарской общественности, и его учреждение может быть квалифицировано как проявление мужества политиков и деятелей науки и культуры. На втором собрании заместителем председателя была избрана Екатерина Каравелова – хорошо известная в общественно-политической жизни Болгарии. Она начала усердно работать в феминистской секции, которую основала Штаб-квартира, и развила широкую деятельность в 1930-е годы.

Об учреждении болгарской секции было сообщено в журнале Куденхов-Калерги (по данным Шишманова из цитированного выше письма Калерги). Годом раньше в журнале писалось, что профессор Шишманов, министр просвещения Болгарии, выступил с инициативой создать в Болгарии секцию Пан-Европейкого союза [31], теперь читателям был представлен и сам этот факт. Вслед за председателем были указаны и самые близкие его помощники: вице-президент Иван Гешов; председатель Болгарской женской лиги за мир и свободу госпожа Каравелова; секретарь – Иван Байнов, президент академического общества Лиги наций. Подчеркивалось также, что основание Болгарской секции приветствовали премьер-министр Болгарии Ляпчев и *все* (выделено мною. – *Р.К.*) панеевропейские союзы [32]. В «Совет членов» вошли Димитр Мишев (вице-президент болгарского общества по правам человека), Кирилл Попов

[29] РГВА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 13. Л. 437.

[30] Там же. Л. 339.

[31] Paneuropa. 2. Jahrgang, Doppelheft 11/12. S. 35.

[32] Paneuropäische Union Bulgarien – Ebenda, 3. Jahrgang, Heft 4, S. 28.: «Die Konstituierung der Bulgarischen Sektion der Paneuropäischen Union fand am 13. März 1927 statt....Die Paneuropäische Union Bulgarien wurde zu Ihrer Gründung vom bulgarischen Ministerpräsidenten Liaptschev und von allen paneuropäischen Unionen beglückwünscht».

inslav

(директор Института статистики), д-р Н. Николаев (главный редактор газеты «*La Bulgarie*») и депутат Д. Кьорчев [33].

Месяцем позже (в апреле 1927 г.) был основан и первый Болгарский студенческий союз Пан-Европы. Это было новой заслугой радетеля европейской идеи Ивана Шишманова. В очередном письме своему приятелю Калерги он рассказал о создании студенческой секции, состоявшемся в самой большой аудитории Университета. Лекция ученого восхитила молодежь, и студенты быстро подготовили Устав и другие документы. Поступило много заявок из провинции о создании молодежных секций. «Могу говорить о большом прогрессе в нашем движении в Болгарии», – делился ученый [34].

Деятельность Болгарской секции после ее учреждения будет рассмотрена подробно в отдельной публикации автора. Укажем только, что она продолжалась и после закрытия пан-европейской секции в Вене в 1933 г. А в Болгарии создавались местные отделения пан-европейского общества экономистов. Болгары участвовали и в конференции по проблемам международного транспорта Дунайских стран, и в конференции, созванной по инициативе Таможенного союза, даже накануне Второй мировой войны.

Для нас важно наиболее полно представить масштаб деятельности создателя движения в Болгарии – профессора Ивана Шишманова: Болгарская пан-европейская секция была основана почти одновременно с секциями других государств, а именно: Германии, Франции, Литвы, Польши, Греции, Венгрии и пр. Куденхов-Калерги сообщал Шишманову, что во второй половине 1927 г. пан-европейское движение набирает темп и в Югославии. «Я Вам скоро напишу о тамошних результатах более подробно», – читаем в одном из его писем [35].

Нельзя исключить предположение, что Шишманов при личных встречах с Куденхов-Калерги говорил о необходимости активизации и расширении этого движения в Юго-Восточной Европе и на север от нее. Основание к такому заключению дает не только цитировавшееся выше письмо. Калерги «докладывал» Шишманову и о повестке дня одного из заседаний Генерального совета, где обсуждалось предложение Шишманова о создании отдельной секции по вопросам национальных мень-

[33] РГВА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 13. Л. 435.
[34] Там же. Л. 432.
[35] Там же. Л. 412.

inslav

шинств на предстоящем конгрессе. Его предложение было поддержано, затем дело стало за инициатором – Шишмановым, чтобы наполнить его содержанием. Болгарский ученый считал, что «этот вопрос являлся одним из самых важных в программе» и что пока не будут решены вопросы национальных меньшинств, в Европе не наступит долгожданный мир. И приводил пример с македонским вопросом, который, «если не будет решен, то Балканы развалятся» — с грустью поделился болгарский паневрпеец [36].

Эти предложения были основаны на выстраданной идее Ивана Шишманова о единстве и единении, усвоенных им гуманитарных принципах и неукоснительном следовании европейским нравственно-цивилизационным посланиям, сформулированным плеядой выдающихся людей на протяжении веков и превратившихся в «Верую» (Credo) тех молодых «европейцев», неизменной частью которых и был он сам. Ученый-политик и неутомимый деятель движения, он сумел уже тогда убедить болгарскую элиту в важности Пан-Европы, убедить других паневрпейцев в значении дела их для доверия к другим и, самое главное, вдохнуть смелость в своих единомышленников. Они продолжили его дело и после преждевременной его смерти. А немецкая секция Пан-Европейского союза в Берлине послала телеграмму на имя Ивана Шишманова, в которой приветствовала «младшую сестру» в ее борьбе за объединение Европы [37]. В телеграмме также подчеркивалось, что обе страны вместе прошли путь страданий, и в этом смысле защита ими мира в Европе является еще более убедительной. Такого катарсиса могут достичь только достойные мужи. Поэтому сам замысел и борьба за объединенную Европу после Первой мировой войны являются проявлением большого

[36] Там же: «Der nächste Paneuropa Kongress darf nicht völkischen Minderheiten außer Acht lassen zu wollen. Sie muss eine der wichtigsten Punkte in unserem Programm sein. Denn solange die Minoritäten nicht befriedigt sind, wirde es einen dauernden Frieden in Europa nicht geben. So muß unter anderem die mazedonische Frage eine befriedigende Lösung finden, sonst geht der ganze Balkan aus der Fugen».

[37] Телеграмма от 22 марта 1927 г. и получена на адрес Шишманова – ул. Шипка № 11: «Die Paneuropäische Union Deutschlands sendet ihrer jungen Schwester in Sofia herzliche Glückwunsche. Mögen die beiden Völker, die in schwerster Zeit zusammenlieten zu Vorkämpfern für die Einigung Europas waren». (Там же).

inslav

мужества, каким, несомненно, обладал Иван Шишманов как организатор, и поддержавшие его болгарские политики, интеллектуалы и общественные деятели – последователи и радетели европейской идеи.

* * *

Пан-Европа, Балканы и Болгария являют собой институциональную субординацию от большой к меньшей общности. Продолжая далее «расчленять», мы придем к понятиям родины, рода, семьи и увязнем в глубоких дебрях теории институций, которая призвана объяснить законы общественного устройства. И какие бы толкования и схемы не были приведены, нельзя избегнуть основного побудительного мотива, который интересует историка культуры, антрополога, обществоведа. А им является сопричастность человека с понятием нашего общего дома (в узком и широком смысле), проявляется в заботе о нем, в стремлении и воле сильных его защитить. Потому что «многие вызваны, а немногие избраны». Как и в период Возрождения «немногие» были избраны, чтобы повести болгарский и остальные балканские народы к свободе и единению, так и после Первой мировой войны явились немногие, кто заложил фундамент будущего объединенного мира. Пан-европейцы являются одними из них. Поскольку для них понятия род, родина и любовь к родине действительно исходят из одного корня. Не только в понимании лингвистическом. Соединенные институциональной оболочкой – семья, государство, общность региональная, континентальная и др., они сами и те достойные хранители ценностей, устоявшие в бурях, двигались во взаимном единении к взаимопониманию и взаимопомощи. И это на всех институциональных и ментальных уровнях.

Именно поэтому балканские народы имеют все основания гордиться тем, что из их среды вышли одни из первых «мужей европейцев». Даже и тогда они сумели вступить в борьбу с эгоистическими и разъединительными силами, с разрушительным националистическим инстинктом, охватившим «вызванных», с наслоившейся и иногда специально побуждаемой ненавистью. Они проходили свой путь поэтапно, и всегда на новом уровне выявлялась воля к взаимности.

Они также понимали, что от опытных и зрелых, от мудрых и «избранных» зависит и будущее «молодых». Каждое поколение нуждается в прочном тыле и опоре. И первые «мужи-европейцы» на Балканах это знали. Но историческая незрелость, другие национальные или личностные комплексы, или же все еще незрелое самоуничтожающее упрямство

inslav

обрекли поколения на поведенческое одиночество и лишили их основного для человека – тыла и опоры. И как предсказывал сам Куденхов-Калерги, должны пройти десятки лет, чтобы большинство людей осознало необходимость общности европейских народов. Поскольку с давних времен каждый «избранный» знал, что консолидация сильнее разобщенности.

В таком смысле болгарский профессор Иван Шишманов есть не только болгарский европейский институционалист, но и пророк. Хотя другая притча утверждает, что «нет пророка в своем отечестве». Даже если это и так – Иван Шишманов это пророк европейского масштаба. А еще отрадней, что в 20-е годы XX века, когда и балканские народы были сильно разъединены, он не был одинок. Были и другие «балканские пророки», которые пробуждали волю не только к единым Балканам, но и к единой Европе.

С болгарского языка перевела М.М. Фролова

inslav

Балканская федерация:

идеи, проекты, попытки воплощения

inslav

Р.П. Гришина
Большевистские планы строительства
Балканской коммунистической федерации. 1920-е гг.
– 241 –

Воислав Павлович
Федерализм как инструмент в борьбе ХКП и КПЮ
за образ послевоенного государственного устройства Югославии
(1940-е гг.)
– 267 –

Л.Я. Гибианский
Проекты федерации на Балканах
в годы Второй мировой войны
и в начале холодной войны
– 293 –

Александр Животич
Албания и югославское видение Балканской федерации
после Второй мировой войны
– 331 –

А.С. Аникеев
Балканский пакт в контексте советско-югославского конфликта
(1953–1954 гг.)
– 361 –

А.С. Стыкалин
Проекты Дунайской Федерации Оскара Яси
в контексте национально-территориальных споров
в Средней Европе (1910-е – 1940-е годы)
– 373 –

Т.А. Покивайлова
Трансильвания в планах СССР
по послевоенному мирному урегулированию
–395 –

Т.В. Волокитина.
О проектах конфедерации европейских социалистических стран
(1960-е годы)
– 405 –

inslav

Р.П. Гришина
Москва

Большевистские планы строительства Балканской коммунистической федерации (1920-е гг.)

Идея федерации, зародившаяся на Балканах в конце XVIII века, бурно и разносторонне развивалась на протяжении всего следующего столетия. Болгарский историк, профессор Милчо Лалков, изучавший перипетии истории этой идеи – одной из самых популярных в странах полуострова – обнаружил большое количество различных предложений по объединению балканских государств в XIX в. Составлялись они на самых разных основаниях. Здесь и вариации преимущественно антитурецкой направленности – сплочение для коллективной победы над угнетателем, и планы федерации/конфедерации – балканской, дунайской, южнославянской и других – с целью создания «более крупного государства, охватывающего всю Юго-Восточную Европу и даже часть средней полосы Старого континента». В одних случаях планы федерирования преследовали цель языково-культурного слияния южных славян, в других предполагалось сугубо политическое объединение [1].

Примечательны предложения о составе подобных объединений. Например, в одном из румынских вариантов предполагалось включение в конфедерацию Валахии, Молдавии и Сербии, а в задуманную Милошем Обреновичем конфедеративную южнославянскую лигу должны были войти сербы, болгары, хорваты, иллирийцы, боснийцы. Был также план турецко-болгарской монархии во главе с султаном, коронованным в Тырново и становящимся болгарским царем. Вообще в федеративном строительстве вначале преобладал монархический принцип, такими виделись Дунайская федерация, а также Восточная конфедерация из 15 государств (причем под французским католическим покровительством), Греко-славянская федерация и т. п. [2].

---

[1] *Лалков М.* От надежда към разочарование. Идеята за федерация в балканския югоизток. 1894–1948. София, 1995. С. 19.

[2] Там же. С. 24.

inslav

Позже появляются разработки, основанные на демократическом республиканском принципе, с признанием паритетных прав членов федерации, общим парламентом, единым правительством, президентом и вице-президентом от различных национальных групп. Важно отметить, что в революционных планах Св. Марковича, В. Левского, Хр. Ботева федеративная идея уже приобретала социальный оттенок.

Такой калейдоскоп разнонаправленных федеративных планов трудно поддается систематизации. Лалков все же считает возможным выделить основные цели их строителей. Это – стремление, во-первых, к стабильному международному статусу как гарантии от аспираций великих государств; во-вторых, к созданию предпосылок для бесконфликтного разрешения проблем между балканскими государствами; в некоторых случаях – даже надежды найти в федерации ключ для решения внутренних социальных проблем [3]. И в целом – восприятие федеративной идеи как скорее политической тактики, чем государственной стратегии.

И как важный вывод Лалкова: федеративные идеи и проекты в XIX веке оставались в рамках общественной мысли и потому практически были бесплодными. В числе причин такого положения он указывает на постоянный страх перед возможным нарушением паритета, равенства членов планируемой федерации или потерей ее инициатором первенствующей роли на Балканах. С утверждением же во внешней политике балканских государств идей национализма и великодержавности их стремление к собственному доминированию среди соседей, становилось неудержимым [4]. Так большинство федеративных проектов и осталось в пространстве иллюзий.

Натруженная столькими авторами Идея Балканской федерации была энергично воспринята в начале XX в. балканскими социалистами, которые придали ей новую – классовую, революционную интонацию. В таком качестве она стала конкурировать со славянской идеей, преобразовывавшейся примерно в то же время в неославянскую. «Учреждение» последней состоялось на Славянском съезде в Праге (1908 г.), где «младочех» К. Крамарж предложил заменить лозунг «Православие, самодержавие, народность» принципами французской буржуазно-демократической революции «Братство, равенство, свобода». Однако в Оргкомитете по проведению следующего Общеславянского съезда (собора) в 1910 г.

[3] Там же. С. 44.
[4] Там же. С. 42.

inslav

(София) возобладало прежнее славянофильское направление, что вызвало решительное сопротивление болгарских социалистов – и «тесняков», и «широких». Они, как и другие левые и демократические силы Болгарии, выступили против придания конгрессу такого содержания, создав свой «Гражданский комитет». Л.Д. Троцкий, присутствовавший на Славянском соборе в Софии, дальнейшее развитие событий излагал так: спустя две-три недели «тесняки» решили превратить свой очередной съезд в демонстрацию *пансоциализма* против *панславизма*. На болгарский съезд были приглашены представители социал-демократических партий других стран [5].

Выходило, что «славянофильский» настрой Славянского собора подтолкнул и таким образом немало посодействовал идеологическому сплочению балканских социалистов, развитию федеративной идеи в их среде.

Впрочем, почва для этого в определенной степени была подготовлена. Еще на конгрессе Второго Интернационала в Штутгарте (1907 г.) между сербскими и болгарскими делегатами было достигнуто соглашение о созыве соцконференции для выработки общей программы борьбы против милитаризма и за создание Балканской федерации [6]. В декабре 1909 г. такая конференция состоялась в Белграде. На ней балканские социал-демократы согласились на федерирование своих партий. Одним из ее активистов и пропагандистов являлся Крыстю Раковский, деятель социалистического движения Болгарии и Румынии. Идею федерации он распространял и на строительство будущей Балканской федерации как государственного образования. Отстаивая при этом классовые позиции, он отвергал «всякие славизмы» [7]. В том числе русофильство, считая, что цель подобных идеологических построений – укоренить в болгарском народе убеждение, будто он сам неспособен руководить своей судьбой. Эту мысль Раковский развивал и дальше: массы, оставаясь в постоянном сознании своей политической негодности и неспособности, приучались ждать своего освобождения извне или свыше – от некоей провиденческой силы. Именно поэтому тактика болгарских социалистов и каждого демо-

---

[5] «Правда». 1/14 августа 1910 г.

[6] *Турлакова Т.* Д-р Кръстьо Раковски и идеята за Балканска федерация // Известия на Института по история на БКП. Т. 64. София, 1989. С. 200.

[7] *Панайотов Ф.* Доктор Кръстю Раковский. Допълнения към биографията му. София, 1988. С. 277.

inslav

крата, продолжал Раковский, должна быть противоположной: «Мы хотим идти вместе не с русским самодержавием, а с русским народом, для нас важно, чтобы вожделения народа шли не вразрез с русским духовным и политическим прогрессом, а параллельно с ним» [8].

Однако взгляды Раковского не раз менялись. В 1912 г. в социалистической газете он пишет, что союз всех балканских государств, включая Турцию, может осуществиться и в рамках буржуазного общества, и что задача пролетариата – поддержать буржуазию в реализации этой идеи. Такая позиция вызвала резкую реакцию Д. Благоева. Впрочем, в 1914 г. Раковский и сам заявляет – решить балканский вопрос может только социал-демократия, а никак не буржуазия. И даже предполагает, что «в конечном счете, балканская республика объединится с республиками, которые однажды будут созданы в России и Австрии» [9].

Об отсутствии четкости и единства представлений о характере будущей Балканской федерации свидетельствует опять-таки множественность и разнокалиберность предлагавшихся ими проектов. Например, болгарскими социал-демократами. Так, в Болгарии один из лидеров «широких» социалистов Янко Сакызов, выступая в 1912 г. в Народном собрании с тезисом о постепенности, поэтапности общебалканского государственного федерирования, говорил, что опору процесса и движущую силу объединения он видит «в союзе промышленников и пролетариата», да еще при благосклонности правительства и монарха. Развернутый проект составил накануне Первой мировой войны член ЦК партии «тесняков» Христо Кабакчиев. В его плане «Балканская демократическая федеративная республика» предполагалась в составе восьми автономных провинций (Албания, Болгария, Греция, Македония, Румыния, Сербия, Фракия, Черногория). Условием его реализации «тесняк» Кабакчиев называл самостоятельную классовую борьбу объединенного балканского пролетариата, под натиском которого буржуазные правительства, дескать, примут политику балканской федеративной республики. Единое рабочее законодательство, общая финансовая и внешняя политика, уважение национальных и религиозных прав населения дополняли его проект. Именно он вошел в программные документы ЦК БРСДП (т. с.). Но, как и все предыдущие, остался только упражнением мысли.

---

[8] Цит. по: *Панайотов Ф.* Указ. соч. С. 283–284.
[9] Там же. С. 202.

inslav

В июле 1915 г., когда уже шла мировая война, в Бухаресте была созвана 2-я балканская социалистическая конференция. Основными ее участниками стали делегации болгарских «тесняков» и румынской социал-демократии; греческую сторону представлял один посланец, сербские социал-демократы приехать в столицу Румынии не могли по условиям военного времени, но присоединились ко всем принятым решениям. В повестке дня работы конференции на первом плане стоял вопрос о средствах пропаганды идеи Балканской федерации.

На бухарестской конференции перед балканскими социалистами ставились более или менее конкретные задачи. Это отметил участвовавший в ее организации Раковский: «Белградская конференция, писал он в газете «Работнически вестник», удовлетворилась официальной декларацией. Нынешняя же является шагом вперед – она предаст идее плоть, организовав борьбу за ее осуществление» [10]. «Плотью» стали учреждавшиеся «Балканская рабочая социал-демократическая федерация» (БРСДФ) и ее руководящий орган – Межбалканское соцбюро, во главе с секретарем Раковским. Так впервые федеративное объединение балканских социалистов приобрело организационную форму. Целью БРСДФ объявлялась координация деятельности партий и профсоюзов за мир и создание Балканской федеративной республики. Идея пропагандировалась как атрибут антивоенной деятельности балканской социал-демократии, даже в условиях противостояния славян на полях сражений.

Однако продолжавшаяся война и развитие внутренних процессов в странах и партиях вносили свои коррективы во многие планы. В том числе в федеративные проекты. Так, сербские социалисты с приближением окончания мировой войны обратились к идее поэтапного решения балканских проблем. В качестве первоочередного этапа выносилось объединение Сербии и Черногории с югославянскими землями Австро-Венгрии, что, дескать, и будет шагом к Балканской федерации. Таким образом актуализировался принцип югославизма в качестве центра общебалканской федеративной модели.

Отечественные историки характеризуют эту сторону деятельности сербских социалистов как отход от согласованных на Бухарестской соцконференции 1915 г. решений, «отход от довольно абстрактного лозунга Балканской федерации» и «сближение с планами сербской буржуазии» с

[10] Цит. по: *Турлакова Т.* Указ. соч. С. 204.

inslav

целью добиться конкретных результатов «в русле национальных устремлений» [11].

Но государственное строительство было важно не только для сербов, хотя и в несколько другом плане. Осенью 1917 г. в ходе подготовки международной социалистической конференции в Стокгольме, которая собиралась предложить воюющим державам свой план послевоенного устройства мира, ориентированный на быстрое окончание войны и заключение мира без победителей и побежденных, без аннексий и контрибуций, к тому же при сохранении довоенных границ, столкнулись точки зрения сербской (Тр. Кацлерович и А. Попович) и болгарской делегаций (Г. Кирков и В. Коларов). Понятно, из-за Македонии. Очевидно, аргументация сербов была более гибкой, и Голландско-Скандинавский комитет – инициатор и организатор конференции, вначале признавший более весомыми доводы болгар, затем лишил их этого преимущества. Сербы доказывали, что без Македонии их государство не будет иметь никакой возможности для существования, высказывались за Солунь как общий порт для всех балканских народов и концентрационную точку будущей федерации. Сербские социалисты говорили, что в интересах мира готовы на известные территориальные изменения в пользу Болгарии [12]. Но, пожалуй, самым важным было исходное положение, выдвинутое Голландско-Скандинавским комитетом, – национальные вопросы не должны тормозить заключение мира.

Забегая вперед, отметим, что в мае 1919 г. при преобразовании БРСДП (т. с.) в коммунистическую, в программу новой партии был внесен пункт об автономии Македонии.

* * *

Как-то так сложилось, что в бурное революционное время после окончания мировой войны Балканы стали притягивать к себе особое внимание большевиков. Вероятно, сказывались прежние связи и активность балканцев во II-м Интернационале, свою роль играло и лоббирование отдельными социалистами революционной деятельности на Балка-

---

[11] *Никифоров К.* Социал-демократия в югославянских землях в 1917 г. // Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994. С. 242–243; *Сироткин В.* От гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано. М., 1998. С. 153–154.

[12] «Радикал». София. 23 ноемри 1917 г.

inslav

нах. Один из первых среди них – Раковский. Освобожденный революцией в апреле 1917 г. из Ясской тюрьмы, он уже летом этого года примкнул к большевикам. Любопытно, как современные украинские историки в книге, посвященной последующей административной, дипломатической и партийной деятельности Раковского в Советской России (начало-середина 1920-х гг.), рисуют первые шаги его продвижения по этой лестнице: «В конце декабря 1917 г. Раковский приезжает в Петроград встречается с Лениным, предлагает ему свои услуги» [13]. Пролетарский вождь оценил европейскую образованность необычного балканца, знание им многих языков, желание служить делу революции. В скоростном порядке принятый в партию большевиков, Раковский, имя которого приобрело в России новое звучание – его стали называть Христианом Георгиевичем, в 1918 г. стал выполнять весьма непростые дипломатические поручения Ленина [14]. В частности, ему предстояло урегулировать ситуацию на российско-румынской границе в связи с тем, что на территорию Бессарабии вступили румынские войска; в составе советской делегации участвовал он и в переговорах с представителями Украинской народной республики о заключении договора [15].

С переходом в начале 1919 г. основной части Украины под контроль советской власти Раковский, опять-таки по воле Ленина, был направлен в Харьков, чтобы возглавить украинское правительство.

Упомянутые украинские историки не преминули отметить, сколь быстро и в каком направлении изменились умонастроения Раковского – недавнего центриста. Подключившись к большевистскому, экстремистскому крылу социал-демократии, он стал носителем и активным пропагандистом идеи мировой революции, диктатуры пролетариата и других ультралевых идеологических постулатов ленинской теории того времени. Ими он руководствовался и в своей непосредственной политической и государственной деятельности в «Стране Советов». И таким образом «нес свою долю ответственности, пишут украинские авторы, за установ-

[13] *Головко В.А., Станчев М.Г., Чернявский Г.И.* Между Москвой и Западом. Дипломатическая деятельность Х.Г. Раковского. Харьков, 1994. С. 13.

[14] *Дамянова Ж.* Кръстьо Раковски – живот и дейност // Известия на Института по история на БКП. Т. 64. София, 1989. С. 137.

[15] *Головко В.А. и др.* Указ. соч. С. 19–26.

inslav

ление тоталитарного режима в России» [16]. Это, надо признать, справедливая оценка.

В то время идейно-политическое размежевание двух течений европейского рабочего движения еще не дошло до абсолютного отчуждения [17]. Но руководители того и другого торопились создать свои Интернационалы.

В послужном списке Раковского было участие в создании Коммунистического Интернационала в Москве в марте 1919 г.

Можно предположить, что фигура бывшего центриста Раковского, хорошо известного европейским социалистам, а теперь ставшего членом ЦК большевистской партии и руководителем формально отдельного от России государства – Украины, была использована Лениным как наглядный пример для сомневающихся выходцев из рухнувшего II Интернационала. Иначе трудно понять тот ореол, что был создан большевистским вождем вокруг фигуры Раковского на заключительном этапе подготовки Учредительного конгресса. Об этом можно судить по репликам Ленина на заседании группы делегатов, обсуждавших 2 марта 1919 г. основные вопросы, выносимые на конгресс. Как пишет болгарский исследователь Ф. Панайотов, ссылаясь на стенограмму заседания, работа подготовительной группы несколько затормозилось в ожидании прибытия Раковского. Автор приводит такие реплики Ленина: «Мы получили сообщение, что т. Раковский отправился в путь и завтра должен прибыть», «Только что пришло сообщение, что т. Раковский приедет только на один день, и шведские депутаты уже едут». Ленин закрыл заседание в полночь словами: «Должен сообщить, что т. Раковский приедет всего на один день. Вот почему целесообразно начать работу завтра в 12 часов» [18].

Возможно, такая необходимость в Раковском связывалась и с тем, что как секретарь Межбалканского соцбюро, созданного, как мы помним, в 1915 г., он мог представлять сразу несколько партий. Что он и сделал. На конгрессе Коминтерна Раковский был избран в состав Исполкома новой организации. Его подпись стоит под всеми принятыми документами наряду с подписями В. Ленина, Г. Зиновьева, Л. Троцкого, Ф. Платтена.

По прошествии десятилетий некоторые историки, например, болгарские, ставят под вопрос столь обширные полномочия Раковского, по-

---

[16] Там же. С. 66 и др.

[17] *Ватлин А.А.* Коминтерн: первые десять лет. М., 1993. С. 37.

[18] *Панайотов Ф.* Указ. соч. С. 358.

inslav

лагая, что они были им превышены [19]. Но как бы то ни было, на съездах Югославской (20 апреля 1919), Болгарской (25–27 мая 1919), а затем Греческой (апрель 1920) и Румынской (май 1921) соцпартий каждая из них заявила о присоединении к Коминтерну, принятии всего коминтерновского кодекса теоретических понятий – о мировой революции, диктатуре пролетариата и т. п. При этом членский состав балканских партий имел слабое представление о внутреннем смысле и конкретике большевистской партийной риторики. И, в частности, о диктатуре пролетариата, которую отечественный исследователь А. Ватлин называет «первым камнем, обозначившим водораздел между социализмом и большевизмом» [20]. А что такое диктатура пролетариата в крестьянских странах, где можно было нащупать только зародыши промышленного рабочего класса, кажется, не представляли и сами большевики. Весьма отвлеченно понимали балканские коммунисты и взятые ими на себя партийные уставные и программные обязательства. В целом можно сказать, что ни одна из балканских компартий не была готова к той деятельности, которой требовал Коминтерн.

В том числе и в отношении революционной борьбы за воплощение идеи мировой революции – создание Всемирной советской социалистической федерации. И как составной ее части – Балканской советской социалистической федеративной республики.

Так, получив новый облик и выражение, идея федерации возвращалась на Балканы.

Но это считалось только половиной дела. Другая половина состояла, по мнению большевистских руководителей России, в том, чтобы, опираясь на идею мировой революции и соответствующую революционную практику, основательно подорвать и уничтожить то мироустройство в Европе, которое было навязано версальскими победителями. Версальскую систему мирных договоров советское руководство в начале 1920-х гг. не признавало и определяло исключительно как результат «империалистического, грабительского передела мира». Балканские государства – Королевство сербов, хорватов и словенцев, Греция, Румыния стали тоже именоваться империалистическими. И как таковые, вместе со всей Версальской системой, обрекались на целенаправленное разрушение путем все той

[19] България в сферата на съветските интереси. Българо-руски научни дискусии. София, 1998. С. 372, 377.

[20] Там же. С. 23.

inslav

же мировой революции. Роль одного из инструментов для подрыва этих стран изнутри предназначалась коммунистическим партиям.

Иным, хотя и сходным образом, оценивалась роль Болгарии, оказавшейся в стане побежденных и недовольных перекройкой карты Европы по-версальски. Революционная пропаганда, ведшаяся БКП, казалось, свидетельствовала о готовности партии участвовать в разрушении версальской системы. На деле же все это было не более, чем декларация. Ни в 1920–1921 гг., ни в 1922–1923 гг., включая Сентябрьское восстание, БКП не была готова к борьбе за провозглашенные революционные цели. Д. Благоев, памятуя о кровавой расправе с советской республикой в Венгрии, твердо заявлял в начале 1920-х гг., что революционного переворота БКП затевать не должна, и своим авторитетом просто глушил все подобные поползновения среди членов партии.

Болгары пошли своим путем: уже в январе 1920 г. они созвали в Софии 3-ю Балканскую соцконференцию (она стала и 1-й коммунистической) из представителей 4-х соседних стран. На ней была образована Балканская коммунистическая федерация в качестве секции Коминтерна. Выдвигая на первый план интересы мировой революции, основатели БКФ утверждали, что в близкой перспективе Балканы могут явиться одним из очагов мировой революции.

Однако первостепенным делом явилось организационное, идейное и программное становление БКФ. В мае 1921 г. на 2-й конференции БКФ (в ней участвовали представители только болгарской и югославской компартий) был принят Устав федерации, определен состав ее Исполкома (по два представителя от компартий Болгарии, Югославии и Румынии, и один от Греции). Если говорить о цели БКФ, то она определялась с удивительной твердостью и уверенностью: «Объединение балканских коммунистических партий в БКФ является необходимым условием для общего руководства Балканской революцией и для ее победы» [21].

В принятой резолюции речь шла о необходимости создать «одно центральное руководство и крепкую централистическую и дисциплинированную организацию. При этом подчеркивалось, что БКФ не посягает на автономию входящих в ее состав партий, а также не устраняет прямой контроль и непосредственные сношения с Коммунистическим Интернационалом. София была определена местом пребывания Исполкома БКФ,

[21] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 509. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–8.

inslav

возглавил который член ЦК БКП В. Коларов [22]. После его избрания секретарем ИККИ этот пост перешел к другому члену руководства БКП – Христо Кабакчиеву.

Не только организационные инициативы Болгарской компартии или территориальное расположение руководящего органа БКФ определило возникшее и ставшее нарастать доминирование именно этой компартии в федерации, чего, напомним, всегда опасались сторонники и энтузиасты такой формы объединения. Правда, ситуация имела под собой известные основания – в условиях неустойчивого положения Болгарии на Балканах, как страны, потерпевшей поражение в войне и окруженной со всех сторон «империалистическими победителями», Федерация балканских коммунистических партий, поддерживаемая Москвой и Коминтерном, представлялась болгарам своеобразным щитом от военных угроз соседей. Уставом БКФ ее члены связывались друг с другом «пролетарской солидарностью» и конкретно в данной ситуации должны были помешать своим правительствам напасть на Болгарию и окончательно расправиться с нею. Поэтому именно БКП была более всего заинтересована в деятельности БКФ и поддержании в ней внутренней дисциплины. Несомненно, в ее интересах очень скоро равное представительство балканских партий в Исполкоме организации сменилось его квотированием: БКП получила право на 3 места в нем, румынская и югославская партии – по 2, греческая – 1. Болгарская компартия и платила больше остальных на содержание БКФ – 35% общего объема, в то время как КПЮ и КПР по 25%, компартия Греции – 15% [23]. Стоит отметить, что БКП была тогда единственной компартией на Балканах, которая действовала легально и более свободно, чем загнанные в подполье ее балканские сестры.

Но более всего болгарские коммунисты были заинтересованы в поддержке со стороны Москвы: заявления Советского правительства о непризнании мирных договоров Версальской системы становились теми нитями, что крепко привязывали БКП к Коминтерну и советскому большевистскому руководству. Их взаимный интерес опирался на существовавшее со времен II-го Интернационала мнение о том, будто после России, именно на Балканах пролетарское движение организовано лучше всего.

---

[22] Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х гг.). Ч. 1. / Под ред. Р.П. Гришиной. М., 2000. С. 17.

[23] РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

inslav

В июне 1922 г. БКФ провела в Софии свою 4-ю конференцию. Это было довольно шумное мероприятие, проходившее сразу после очередного съезда БКП, на который съехались делегаты от компартий Германии, Греции, Румынии, коммунистических групп Турции, ряда молодежных и женских организаций. И в том, и в другом мероприятии активно участвовал кандидат в члены ЦК РКП(б) В.П. Милютин, командированный Исполкомом Коминтерна на Балканы.

Левоориентированный посланец Москвы на основе увиденного и услышанного в Софии пришел к выводу, что Болгарская компартия достаточно сильна, чтобы взять власть и установить в стране советский строй. Но чтобы власть удержать после переворота, нужна революционная поддержка со стороны компартий соседних стран. Тогда все получится.

Революционную экзальтацию Милютина не разделяли болгарские коммунисты, а значит и ИК БКФ. Более привычной для них была агитационно-пропагандистская работа, и они не собирались выходить за ее рамки. Так что дело ограничилось рекомендациями: сначала надо поставить на ноги компартии Югославии и Румынии. Но отчет Милютина о поездке не пропал в Коминтерне втуне: на некоторые его выводы опирался, например, нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин [24].

* * *

Пока балканская секция Коминтерна топталась на одном месте, рядом возникла другая, параллельная реальность, и связана она была с именем Раковского. Человек инициативы, он воспринял установку на мировую революцию как требующую немедленного действия.

Став председателем СНК Украины, пишут упоминавшиеся выше украинские авторы, он создает в апреле 1919 г. в Одессе Добруджанский комитет, в планах которого – «в нужный момент поднять восстание в Добрудже», организовать интернациональные части, которые первыми перейдут румынскую границу и «поднимут знамя политической социальной революции». Вскоре состав ревкома был преобразован в Балканское оргбюро. Оно считало объектом своей деятельности более 10 стран и районов: Болгарию, Румынию, Бессарабию, Добруджу, Сербию, Македо-

[24] *Гришина Р.П.* Формирование взгляда на македонский вопрос в большевистской Москве. 1922–1924 гг. // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 164.

inslav

нию, Грецию, Албанию, Черногорию, Турцию, Венгрию, из которых в будущем может сложиться федерация. Самовольно, пользуясь огромной властью, Раковский посылал в соседние страны, особенно часто в Болгарию, партийных эмиссаров, которые пытались диктовать линию поведения местным коммунистам [25]. Руководство БКП вовсе не хотело принимать такого давления. Коларов резко противился ему, о чем писал и самому Раковскому, и жаловался в Москву, где тогда еще не сложилось четкой программы действий на балканском направлении [*].

Помимо создания Балканской коммунистической федерации как партийной организации, большевистская Москва задумывалась и о государственной перестройке на Балканах, точнее, строила некоторые планы. О характере одного из них Г.В. Чичерин писал в июле 1924 г. в письме к Раковскому, своему заместителю и послу СССР в Великобритании: «Я должен заметить, что наша балканская политика до сих пор была под чрезвычайно сильным давлением старого принципа II-го Интернационала, что каждая партия должна работать в пределах существующих политических границ. При Вашем участии мы решили выставлять два тезиса: федерализацию Югославии и создание Балкано-Дунайской федерации» [26].

---

[25] *Головко В.А. и др.* Указ. соч. С. 147.

[*] О деятельности Добруджанской революционной группировки известно немного. Отношение к ней имеет один малоизвестный документ из архива Коминтерна. Это «Протокол заседания балканских коммунистических групп» от 29 марта 1920 г. с указанием фамилий десяти его участников, позволяющих приблизительно определить их национальную принадлежность: в заседании участвовали болгары, румыны, возможно, серб и русские. В документе, написанном по-русски, говорилось о желании собравшихся помочь «дальнейшему победному шествию советской власти на Балканах и Средней Европе». Первой задачей собрание объявило: «Имея в виду географическое положение Добруджи для дальнейшего развития всемирной революции, возобновить немедленно прерванную деятельность Ревкома Добруджи». С соответствующим ходатайством перед СНК Украины и Бюро III-го Интернационала решили командировать в Харьков к Раковскому двух товарищей – Бине и Бузина (РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6об.).

[26] Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 7. Папка 102. Л. 13.

inslav

Союз двух революционно настроенных советских государственных деятелей, готовых рушить политические границы на полуострове и проводить их по-своему, очевидно укрепился в результате их совместной работы на международной конференции 1922 г. в Генуе, где Раковский отлично проявил себя и не только как знаток Балкан. В преддверии новой международной конференции – Лозаннской – Чичерин 25 ноября 1922 г. пишет Сталину: «Уважаемый товарищ, сверх принятой уже Политбюро платформы по ближневосточному вопросу тов. Раковский рекомендует декларативно выдвигать проект создания Балканской Федерации (с включением Венгрии). Идет речь не о том, чтобы принудить к этому балканские народы, но чтобы давать им такой совет. Имеется в виду не простой союз. Такой союз был бы второй малой Антантой и был бы направлен против нас и против Турции. Он теперь уже почти создался под руководством Антанты. Речь идет о другом, о проекте создания Единого Балканского государства с уничтожением границ. Это не актуальная программа, но декларативная. В мелкобуржуазных пацифистских кругах на Балканах эта программа встречает громадное сочувствие. Это единственное лекарство против угнетения национальных меньшинств на Балканах. Этот лозунг особенно популярен среди побежденных народов. Агитационно он очень выгоден. Предлагаю поэтому разрешить нам при случае в Лозанне высказаться в этом смысле. С коммунистическим приветом (Чичерин)» [27].

Напомним, речь идет об огромной территории с 30-милионным населения, выходом ко всем южным морям и т. д. А при доминации коммунистов!? Заманчивые мечты…

Положительный ответ Сталина, очевидно, был получен.

Основные положения будущего меморандума, судя по ниже рассматриваемому документу, были разработаны Раковским, думается, при опоре на его прошлые федеративные проекты.

Сначала следует атрибутировать хранящийся в АВП РФ документ.

Это машинописная копия, помеченная «30 октября 1922 г., г. Харьков» и адресованная «Уважаемому товарищу». Аутентичной подписи под ним нет, а начинается он словами: «В ответ на Ваше предложение о посылке «проекта идеальной платформы разрешения балканских дел», я набросал ниже приведенные положения» [28]. Проставленная архи-

[27] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 324. Л. 11.

[28] АВП СССР. Ф. 028. Оп. 2. Папка 13. Д. 11. Л. 127.

inslav

вом сигнатура (Ф. № 028) указывает на Чичеринский фонд хранения, а имеющиеся авторские пометы о дате и месте происхождения документа достаточно выразительны, чтобы с уверенностью утверждать, что рукопись принадлежит перу Раковского, отвечавшего на запрос шефа. В данном случае – Чичерина.

В самом начале послания Раковский снижает пафос наркома, проявляя определенную трезвость суждений, хотя и в рамках большевистской теории: «Конечно, идеального в них (планах. – *Р.Г.*), с нашей точки зрения ничего нет. Ваше предложение я понимаю в том смысле, что идет речь не о том идеальном решении, которое нам может дать только захват политической власти рабочим классом, а о составлении пассифистской программы, которой мы могли бы оперировать ввиду предстоящей конференции по Ближневосточным делам».

Сославшись на недостаток конкретного материала у него в Харькове, Раковский тем не менее так определяет суть «пассифистской программы»: она должна быть направлена «против милитаристических и националистических партий различных стран Балканского полуострова» [29]. Затем он рассматривает «Составные элементы балканского вопроса». Подойдя к сути проблемы, как он ее понимает, Раковский вслед за утверждением о доминировании в балканской политике принципа дележа территории, пишет: «Но наряду с этими наступательными союзами различных балканских государств мы имеем в истории балканских стран течение, которое можно назвать пассифистско-федеративным, и задача которого заключалась в создании между всеми балканскими государствами союза – конфедерации, внутри которой все национальности пользовались бы одинаковыми правами». При невозможности создать на Балканах «этнографически единых государств со строго очерченными этнографическими границами», при «переливании» населения из одной страны в другую, так что от 1/3 до 1/4 его в Югославии, Румынии, Греции принадлежит к различным национальным меньшинствам, «объединение всех национальных элементов данного народа возможно только в границах их широкой конфедерации,-охватывающей их всех и упраздняющей внутренние границы и внутреннее политическое неравенство» [30].

В числе «наших предложений», вынесение которых возможно на международной конференции, Раковский называет «принцип националь-

[29] Там же.
[30] Там же. Л. 137–138.

inslav

ного самоопределения». Однако считает, что его применение не должно касаться территорий, перешедших в другие руки в результате последней империалистической войны, как и Балканских и Турецко-итальянской войн 1912–1913 гг.

Таким образом, «вернув» всех чужих переселенцев на прежнее место жительства и как бы очистив Балканы от них, Раковский предполагает, что теперь «в случае свободного волеизъявления» местного населения Македония и Западная Фракия «выделятся как отдельные государственные единицы или как одна государственная единица». Но так как само по себе это все равно не привело бы к умиротворению Балканского полуострова, одновременно, считал он, следует придать государственному устройству полуострова федеративную форму. «Поэтому мы должны выдвигать Балкано-Дунайскую конфедерацию» (к тому же расширенную за счет Турции и Венгрии), заключает разработчик идеи, которая, по его мнению, единственно в состоянии предупредить, насколько это возможно при капиталистическом строе, будущие войны здесь [31]. Такая конфедерация должна иметь общий парламент, общую центральную власть, общие армию и флот, монетную систему. Кроме того, должны быть обеспечены гарантии для национальных меньшинств, для чего следует требовать, чтобы Румыния, Югославия, Греция, Турция и Болгария обязались провести культурно-национальную автономию для всех меньшинств и с учетом необходимости вписывать в государственную смету соответствующие расходы на содержание школ и культурно-национальных учреждений национальных меньшинств [32].

В разделе о проливах Раковский также говорит о необходимости восстановления «довоенного положения» – с ограничением вооружения черноморских держав, как Советской федерации, так и других черноморских государств – Румынии, Болгарии и Турции. Впрочем, он не забывает и о новых обстоятельствах: «В вопросе о проливах для нас чрезвычайно важно сохранить дружественные отношения с Турцией, мы должны избегать, конечно, всяких предложений, которые являются нарушением ее суверенитета и возражать, главным образом, против нейтрализации» [33].

На этом кончаются рассуждения Раковского, точнее, они обрываются, т. к. рукопись выглядит недовершенной.

---

[31] Там же. Л. 141–142.
[32] Там же. Л. 144.
[33] Там же.

inslav

25 декабря 1922 г. на Лозаннской конференции «Меморандум по восточному вопросу» за подписью Чичерина и Раковского был официально вручен Дж. Керзону от имени Российско-украинско-грузинской делегации.

В Меморандуме отчетливо выражена формула неприятия страной советов Версальской системы мирных договоров. А более конкретно – неприятия произведенного победителями территориального передела в Балкано-Дунайском регионе. Если говорить о федерализации, то в Меморандуме предлагалось раздробить недавно созданную унитарную Югославию на национальные автономии с последующим объединением их в конфедерацию. Но конфедерация – это все-таки не «единое балканское государство с уничтожением границ», как предполагал Чичерин.

Документ был опубликован в газете «Известия» 11–12 января 1923 г. Однако официальная поддержка его длилась недолго – всего несколько месяцев. Никакого практического значения выдвинутые в нем идеи не имели и дальнейшего развития не получили. В целом же, скорее можно говорить об активности и инициативности Раковского в 1922 г., его определенном авторитете в кругу складывавшейся партийной номенклатуры, чем о разработке четкой и сложившейся программы Советской России на балканском направлении.

* * *

Но вернемся к БКФ, где дела по-прежнему шли ни шатко, ни валко – документальные свидетельства о ней, если и посылались в Москву, то нерегулярно. Особенно беспокоило ИККИ положение в КПЮ. Положение в ней специально обсуждалось на IV-м конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. В принятой резолюции говорилось, что КПЮ «еще не успела завершить своей эволюции в направлении коммунизма» и что ее руководство совершило ряд серьезных ошибок и промахов из-за «неправильного понимания методов классовой борьбы, диктуемых Коммунистическим Интернационалом». А посему рекомендовалась «чистка партии от скомпрометировавших себя элементов».

Интересен следующий пассаж резолюции: «Большую помощь Югославской партии может оказать в этом отношении Б.К.Ф., но для этого партия должна связаться с нею и по примеру других балканских коммунистических партий выделить и сразу же отправить своего представи-

inslav

теля в ИК Балканской федерации»[34]. Из текста документа проступает интересная деталь – БКФ формально существует уже два года, но связи с компартией Югославии нет? Настораживающими были и непростые отношения между членами федерации. Особенно между представителями БКП и КПЮ.

Разногласия между ними по национальному вопросу проявились еще на 4-й конференции БКФ в Софии, о чем сообщал в ИККИ Милютин[35]. Стычки продолжились и в Москве на следующей конференции в декабре 1922 г., когда два югославских делегата выступили с критикой Коларова, обвинив во вмешательстве во внутренние дела других партий его как секретаря Исполкома БКФ и в целом БКП, которая, по их словам, «через федерацию» стремится навязать свое мнение ИККИ по вопросам, касающимся остальных партий федерации[36]. Фактически это было выражением недоверия БКП со стороны КПЮ.

Определенное впечатление о деятельности БКФ можно получить из отчетов Милютина, который на время стал куратором балканских дел в Коминтерне, как и других его функционеров, наблюдавших за Балканами.

Одной из наболевших тем стало более или менее явно выраженное нежелание КПЮ участвовать в работе ИК БКФ. Например, в письме от 6 февраля 1923 г. Милютин сообщал в ИККИ: «Павлович (в 1920 г. избран председателем ИК КПЮ. – *Р.Г.*) саботирует отъезд в Софию, я угрожал за саботаж репрессиями. Но не знаю, подействует ли. Думаю все же, что отправлю его, хотя боюсь, что там будет, по меньшей мере, бесполезен»[37]. К разрешению конфликта пришлось подключить авторитетного коминтерновского функционера Богумира Шмераля. 19 апреля 1923 г. Шмераль и Милютин подписали Заключение по делу о Югославянской партии: «Мы со своей стороны считаем т. т. Павловича и Новаковича виновными в нарушении постановлений IV конгресса (Коминтерна. – *Р.Г.*), обязывающих первого выехать в Софию в качестве члена ИК БКФ, а второго работать в ЦК. Вместо проведения этого решения и т. Павлович и т. Новакович подали в отставку, отказались от всякой работы и занялись писанием склочного характера заявлений»[38].

---

[34] Национальный вопрос на Балканах… Док. 13.
[35] Там же. Док. 5.
[36] РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.
[37] Т Национальный вопрос на Балканах… Док. 17.
[38] Там же. Док. 25.

inslav

Ситуация с Румынской и Греческой компартиями была не лучше – партии были очень слабыми с точки зрения их «большевизации» и организационно, к тому же сотрудничать они тоже не хотели. ИККИ требовал от БКФ «немедленно восстановить связь» с ЦК КПР и ЦК КПГ и «оказать на них воздействие в пользу наших инициатив» [39]. В письме Милютина от августа 1923 г. говорится: «В Румынии совсем плохо, и потребуется продолжительное время, чтобы там что-либо сделать. Партийная верхушка совсем разложилась /.../ На мои письма они упорно молчат. Когда туда был послан курьер, они ему материалов не дали. Списка местных организаций я от них не получил». Это пассивное сопротивление, продолжал Милютин, «я рассчитываю сломать, заявил Паукеру, что, если конференцию они не соберут, мы не сможем партию поддерживать материально. Очень трудное дело было с югославянами, а с румынами будет в десять раз труднее» [40].

Или вот мнение в ИККИ о Греции: «Компартия крайне слаба. Наш делегат тов. П. (С.С. Пестковский. – *Р.Г.*) пишет, что с такой партией ничего сделать серьезного не удастся» [41].

Чтобы заставить действовать компартии Югославии, Румынии, Греции в нужном ИККИ направлении, в частности, провести национальные коммунистические конференции, Милютину приходилось угрожать их руководителям репрессиями по линии Коминтерна, тогда еще, правда, не очень страшными и, главным образом, путем прекращения финансирования партии. Это было наиболее действенным способом.

Только БКП считалась примерной. 14 апреля 1923 г. секретарь ИККИ О. Куусинен писал: «Кажется, что, помимо Болгарии, ни одна из остальных секций БКФ не в состоянии работать последовательно согласно решениям Коминтерна». Явное преувеличение коминтерновских достоинств Болгарской компартии крыло немалую опасность для нее самой.

Приняв в 1923 г. некоторые признаки оживления революционного движения в Европе за наступление новой волны мировой революции, большевики стали подталкивать революционные события в ряде стран. В Болгарии в июне 1923 г., казалось, случился подходящий повод для этого – государственный переворот, свержение правительства А. Стамболийского. Его-то, по мнению Коминтерна, и должна была использовать

[39] Там же. Док. 24.
[40] Там же. Док. 52.
[41] Там же. Док. 58.

inslav

БКП для борьбы за власть. Однако она этого не только не сделала, но и не собиралась делать. А ведь от болгарского восстания в Москве ожидали стимулирования революции на всем полуострове. Сюжет о подготовке болгарского восстания и его истории хорошо известен. Коротко здесь скажу, что хотя БКП не была готова ни политически, ни психологически к открытому антиправительственному выступлению, она под давлением, главным образом, эмиссаров и инструкций Коминтерна была вынуждена взять курс на вооруженное восстание. Что вылилось в сентябре в фактически стихийный, плохо организованный и быстро подавленный мятеж. И никто из «мировых ультрареволюционеров», навязавших руководству БКП путь вооруженной борьбы, не пришел болгарам на выручку. 2 октября 1923 г. высокая комиссия в Москве все еще обсуждала вопрос, как и кого через Черное море послать на помощь повстанцам, в то время, как уже за три дня до этого последние очаги борьбы в Болгарии были подавлены.

Впрочем руководители Коминтерна и советского правительства еще в июле на время оставили Болгарию в покое, очевидно, поняв, что с Балканами они просчитались. Уже в августе – сентябре средоточием внимания Москвы стала Германия, компартия которой якобы готова была бороться за власть. И здесь дело кончилось так же плачевно: «выступление немецкого пролетариата», намеченное на 7 ноября 1923 г., успеха не имело, как и последовавшие за ним подобные «мероприятия» в Польше и Эстонии.

Так практика «мировой революции» начала 1920-х гг., обеспеченная только хорошо отработанной фразеологией и совершенно оторванная от жизни, сходила на нет. Хотя сама эта идея еще долгие годы проявляла живучесть, правда, преимущественно в лозунгах.

Попытку реанимировать БКФ после поражения Сентябрьского восстания в Болгарии, вдохнуть в нее новую жизнь ИККИ предпринял в ноябре 1923 г.: очередную – 6-ю конференцию БКФ решили провести в Москве сразу после IV-го конгресса Коминтерна и под непосредственным руководством Коминтерна и большевистской партии. На ней в целях все той же мировой революции балканским компартиям был предложен новый тактический прием – использовать национальные конфликты. Кроме того, все они должны были вписать в свои документы пункт о борьбе за самоопределение вплоть до отделения. Один из секретарей

inslav

ИККИ И.А. Пятницкий требовал: «Нужно во всех резолюциях сказать: право наций на самоопределение до отделения» [42].

Для балканских компартий это был довольно крутой поворот. В общей резолюции, принятой на конференции, говорилось: «Каждая коммунистическая партия в своей ежедневной практике должна считаться с новым положением относительно характера национального вопроса» [43]. Крутой поворот потребовал укрепления руководства БКФ. Ее Исполком был расширен до 8 человек с правилом собираться один раз в квартал. «Для текущей работы» учреждался Президиум БКФ из трех членов, работающих на постоянной основе – представители от компартий Болгарии, Югославии и Румынии были названы поименно (о квотах ничего не говорилось). Местопребывание этих органов перемещалось из столицы Болгарии в Вену (БКП после разгрома восстания переходила на подпольное положение).

Г. Димитров, возглавивший Президиум ИК БКФ, строил ее работу, исходя из представления о необходимости нового восстания на его родине. В апреле 1924 г. Исполком БКФ записал в своем решении: «Балканы остаются той частью Европы, где перспективы развития революции имеют виды на серьезный успех и могут привести революционную борьбу трудящихся масс в сравнительно близком будущем к господству рабочих и крестьян» [44]. Оказавшийся в силу обстоятельств на первых позициях среди болгарской эмиграции в Вене, Димитров не мог легитимно представлять руководство внутренней БКП. Отсюда, очевидно, некие комплексы его ультрареволюционности – ощущение необходимости максимально проявить себя, завоевать авторитет в Коминтерне, зацикленность на немедленном новом вооруженном восстании. В этом смысле Димитров и Коларов даже перехлестывали. Так, 21 июля 1924 г. они обратились Политбюро ЦК РКП(б) с требованием включить государственные и партийные органы Советской России в немедленную подготовку вооруженного восстания в Болгарии и фактически стать его участником [45]. 29 июля комиссия в составе Ф. Дзержинского, Л. Троцкого, М. Фрунзе, созданная специально по этому случаю, не реагируя на крутой тон заявителей, ука-

[42] Там же. Д. 22. Л. 13.

[43] Национальный вопрос на Балканах ... Док. 96.

[44] Там же. Док. 153.

[45] Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. / Под ред. Р.П. Гришиной. М., 2003. Док. 43.

inslav

зала, что БКП слаба для вооруженного восстания и что в настоящее время международная обстановка наименее благоприятна для выступления [46]. Да, и до большевиков доходили некоторые реалии.

Но более всего темп, взятый руководством БКФ, не устраивал остальных ее членов. Они никак не могли «переварить» недавних новаций ИККИ о придании революционных функций национальному вопросу, многого не понимали, с чем-то были не согласны. Об этом свидетельствуют материалы 7-й конференции БКФ (9–18 июля 1924 г.). В отчете о проделанной работе Димитров критиковал КПЮ за то, что оппозиция в партии не признает существования национального вопроса в Югославии, считает ее народ единым, отрицает наличие революционных условий на Балканах и выступает против «авантюристических выступлений»; компартия Греции получала «нагоняй» за то, что не обнародовала решений БКФ о самоопределении и даже выступила с протестом против их обнародования, опасаясь репрессий в отношении коммунистов, и т. п. [47].

Делегаты говорили о другом – своём насущном. Оно достаточно выразительно. Например, Б. Бошкович (КПЮ) размышлял: «До войны Сербия, Греция и Болгария являлись национальными государствами одного типа. Национальный вопрос не был актуальным. Он был актуальным для Австро-Венгрии, но не для нас. До сих пор для сербских рабочих масс национальный вопрос был новым вопросом. Они не могли понять, как может рабочая партия заниматься, помимо рабочих и социальных вопросов, еще и национальным вопросом, считая, что разжигание национальных страстей нужно лишь буржуазии и буржуазным партиям» [48]. Характерны и другие высказывания. В. Чопич (Загреб): «У нас этот поворот к более правильному взгляду с этой нивелистской точки зрения произошел слишком быстро. В этом отношении поголовно все балканские партии находятся в одинаковом положении – никто из них не уделял достаточного внимания национальному вопросу. И вдруг с этой нивелистской точки зрения мы делаем прыжок в резолюцию, которую выработала январская конференция КПЮ» [49].

На особые условия указывал румынский делегат Д. Финкельштейн-Фабиан: «Мы видим, что румынская партия вела хорошую борьбу

[46] Там же. Док. 55.
[47] Там же. Док. 25.
[48] Там же. Док. 29.
[49] РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 39. Л. 69.

inslav

в бессарабском вопросе. Мы в стране кричали, что Бессарабия самоопределила себя в то время, как речь шла о том, что Советская Россия требовала присоединения Бессарабии к себе. Что это нелегко было, видно из того, что газеты запрещались, что партия стала нелегальной, многие были арестованы и т. д.» [50]. Действительно, как тут определить свою позицию, сохранив ее революционную тональность!

На конференции Коларов выступил с претензиями к КПЮ, повторяя вслед за Бухариным, что «в условиях назревающей революции» Югославия становится центром контрреволюции, и это может задушить революцию в Болгарии [51]. Так на 7-й конференции БКФ отчетливо проявилось противостояние между отдельными членами федерации. К этому добавлялось непонимание и неготовность их большинства взятому ИК революционному темпу. Путаницу в голове, оперирование удивительной логикой демонстрировал и годом позже один из руководителей левых в КПЮ Дж. Цвиич, выступая 22 апреля 1925 г. на расширенном пленуме ИК БКФ: «Хотя перестали существовать факторы, которые делают ситуацию на Балканах революционной, мы должны считать, что ситуация остается революционной». Он полагал, что надо заменить прежний курс на изолированное восстание в Болгарии новым, имея в виду «подготовку революции рабочих и крестьянских масс для создания рабоче-крестьянского правительства в общебалканском масштабе».

Эта задача была у «левых» в БКФ постоянно в перспективе, обрамлять же ее красивыми словами балканские революционеры научились хорошо. На деле же у них почти все валилось из рук. Тот же Цвиич печалился: «Можно сказать, что идея Балканской федерации до сих пор конкретно не выработана» [52]. О ничтожности успехов Румынской компартии в области идеологии сокрушался член ее ЦК Т. Ткаченко, хотя его приоритеты были совсем другими: «Для нас идеологическая большевизация – самая важная. ... Но и на четвертом году существования Румынской компартии мы не имеем определенной большевистской идеологии. В отношении Добруджи нами были выдвинуты лозунги о поддержке революционного движения в Добрудже, но опять-таки не было организаци-

[50] Там же. Л. 72.

[51] Национальный вопрос на Балканах... Ч. 2. Док. 31.

[52] Там же. Док. 221.

inslav

онной поддержки... Поэтому лозунги партии остались висеть в воздухе и не дошли до масс [53].

Удивительно, двое последних спокойно выступали в Москве, хотя всего неделю назад прозвучал сигнал бедствия для всего коммунистического движения на Балканах: 16 апреля 1925 г. в центре Софии левые болгарские коммунисты произвели теракт – взорвали кафедральный собор. Было много погибших и пострадавших. За варварским действием последовали жестокие, массированные репрессии со стороны болгарского правительства. И не только в отношении коммунистов. Власти не разбирались, кто прав, кто виноват. Местная компартия была совершенно обессилена. Кровавая вакханалия охватила не одну Болгарию, распространилась по всему полуострову.

Пока выясняли подробности теракта, кто виноват и прочее, Москва помалкивала. Но спустя месяц – 22 мая орган, грозно именовавшийся «Подкомиссия Балканской комиссии ИККИ/ЦК РКП(б)» в составе Уншлихта, Пятницкого, Трилиссера и др. приняла решение о коренной реорганизации БКФ и перенесении центра балканской работы из Вены в Москву. Тем самым Президиум Балканской федерации должен был быть уже не сам по себе, а находиться под полным контролем Балканской комиссии ИККИ (прощай венская вольница и самоуправление БКФ, хотя и лишь частичное!). Состав Президиума сокращался с восьми до трех человек («т. т. Димитров, Бодулеско и Бошкович»).

Кроме того, Подкомиссия предлагала ЦК КПЮ обсудить вопрос о переброске Заграничного бюро партии из Вены в Италию, а ЦК Румынской компартии – ее Заграничного бюро в Прагу. О БКП было сказано коротко: вопрос о местопребывании ЦК БКП «вырешить самому ЦК после его сконструирования» [54]. В Вене должен был остаться всего один представитель ИККИ.

Для БКФ катастрофа развивалась по нарастающей. 24 марта 1926 г. Президиум ИККИ принял новое решение – об образовании 11 секционных секретариатов [55], лендерсекретариатов. Их отличительная черта заключалась в невозможности самим принимать решения. В Балканский вошли Б. Шмераль (ответственный секретарь), Димитров, Бошкович, Пятницкий, Тольятти.

---

[53] РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 62. Л. 100.

[54] Национальный вопрос на Балканах... Ч. 2. Док. 238.

[55] Там же. Док. 293.

inslav

Нововведение ставило под вопрос само существование БКФ, перемещенной в Москву на предыдущем этапе. Уже на следующий день Димитров и еще двое товарищей направили в ИККИ «секретное письмо» с такой аргументацией: «Делегация убеждена в том, что местонахождение Президиума на далеком расстоянии от балканских стран означало бы фактическую ликвидацию самой БКФ, а это со своей стороны было бы большим шагом назад для коммунистического движения на Балканах». Авторы письма указывали, что Вена – самый удобный центр для Балкан и что создание Балканского секретариата не только не делает излишним Президиум БКФ в случае его перемещения из Москвы в Вену, но наоборот облегчает задачу БКФ [56].

О некоторых подробностях заключительного этапа истории БКФ Димитров писал 29 марта 1926 г. Коларову: «Сербы жаловались на гегемонию болгарской партии и ее иго, выразили ей недоверие и настаивали (перед русскими товарищами) на оставлении Президиума в Москве. Мы сделали подробное письменное заявление, указывая на необходимость близости Президиума к Балканам. Есть определенная надежда, что вопрос, несмотря ни на что, получит благоприятное разрешение» [57]. Но он ошибался.

3 мая Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение ликвидировать комиссию Политбюро по балканскому вопросу. И вообще прекратить активную работу советских органов на Балканах (под активной работой на советском сленге означалась подпольно-диверсионная деятельность).

Димитров еще продолжал сопротивляться, обращался в Политбюро ЦК (копии Сталину, Бухарину, Чичерину, Ворошилову, Пятницкому) с обоснованием своих возражений. Просил найти новые, удобные формы «балканской работы» [58].

Но дело БКФ уже шло к полному закату. В сентябре 1928 г. была проведена ее последняя конференция – 8-я. На ней был снят призыв «За Балканскую федерацию» как ведущий лозунг революционной борьбы. Тогда же БКФ фактически была распущена, хотя отдельные всплески ее деятельности продолжались до 1931 г.

В итоге приходим к выводу: опыт строительства Балканской коммунистической федерации оказался провальным. Даже при поддержке

---

[56] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 495. Д. 164. Л. 38–50.

[57] Там же. Ф. 509. Оп. 1. Д. 83. Л. 11а–11б.

[58] Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 90. Л. 120–121.

inslav

внешней силы ее члены из-за нерешенности национального вопроса между соседними странами не могли и не хотели договариваться между собой и действовать совместно, хотя бы в вышних интересах – мировой революции. Отрицательную роль играло и несоблюдение принципа равноправного представительства в руководящем органе БКФ, доминация в нем представителей БКП. В условиях негативных отношений между правительствами балканских государств обращение к лозунгам пролетарской солидарности не вызывало большого сочувствия к побежденной в мировой войне Болгарии и в компартиях стран-победительниц. По большому же счету, большевики поторопились делать ставку на БКФ в расчете на мировую революцию – балканские социалистические партии и после преобразования в коммунистические оставались организационно слабыми и не готовыми к революционной деятельности.

Не имела перспектив на реализацию и другая большевистская идея – строительства Балканской федерации/конфедерации как государственного образования на базе всей той же теории мировой революции. Ее носители предполагали разрушение унитарных государств на Балканах с последующим преобразованием их осколков в федерацию. Изначально неосуществимая, прежде всего, из-за умозрительности и оторванности от жизни самой этой теории, она даже в разработках советских дипломатов заявлялась лишь декларативно. Но как лозунг Балканской советской социалистической федерации существовала долго, «вдохновляя» балканских коммунистов.

inslav

Воислав Павлович
Белград

Федерализм как инструмент в борьбе ХКП и КПЮ за принцип послевоенного устройства Югославии (1940-е гг.)

Результатом вступления Югославии во Вторую мировую войну стала не только ее оккупация вооруженными силами иностранных государств, но и гражданская война, межэтнические конфликты. Создание марионеточного Независимого государства Хорватия, находившегося под покровительством оккупационных сил, а также геноцид сербов, евреев и цыган, осуществлявшийся на его территории усташами, привели к крайнему обострению межнациональных отношений на просторах бывшего Королевства Югославия.

Интегральное югославянство покойного короля Александра, изрядно пошатнувшееся после заключения Соглашения Цветкович-Мачек в 1939 г., безвозвратно сошло с исторической сцены после усташеских злодеяний. Попытки предложить новую концепцию югославянства были предприняты, с одной стороны, лондонским королевским правительством в изгнании, составленным из сербских, хорватских и словенских политиков, а, с другой, Коммунистической партией Югославии (КПЮ), которая в оккупированной стране приступила к созданию нового строя, основанного на концепции народного фронта.

Уже летом 1941 г., по получении первых известий о преступлениях усташей, королевское правительство разделилось на ожесточенно соперничавшие сербскую и хорватскую фракции, стремившиеся навязать союзникам собственное видение межнационального конфликта, разразившегося в Югославии. КПЮ, использовавшая сопротивление оккупантам как инструмент политической борьбы и средство обретения массовой поддержки, которой партия была лишена в довоенном королевстве, провозгласила федеративное устройство основой будущего возрожденного государства. Как сторонники федерализма выступили и представители Хорватской крестьянской партии (ХКП) в изгнании и, в

inslav

частности, Иван Шубашич, исполнявший обязанности бана Хорватии в соответствии с Соглашением Цветкович-Мачек.

Федералистская концепция объединяла КПЮ и ХКП, так как обе партии выступали против сербской идеи единой Югославии. Однако, как оказалось, федерализм служил отнюдь не целью, а средством реализации совсем иных долгосрочных интересов. Он был лишь элементом общей стратегии, нацеленной на создание суверенного хорватского государства в рамках югославской конфедерации или даже вне ее. В свою очередь коммунисты использовали идеологию федерализма для осуществления переворота и строительства новой пирамиды власти, основанной на сталинской концепции народного фронта.

Стратегии Шубашича и генсека КПЮ Йосипа Броз Тито объединяло несколько общих предпосылок: использование федерализма как основы идеи изменения конституционного строя и национальных отношений в Югославии; использование условий оккупации и войны в контексте реализации стратегии, успешность которой зависела не от ситуации в Югославии, а от соотношения сил в антигитлеровской коалиции, то есть от ее решения (не)высаживаться на Балканах; конечная цель – смена власти и установление нового баланса сил в Югославии.

Федерализм как основа для изменения конституционного строя и национальных отношений в Югославии

Со времени приезда в Америку в сентябре 1941 г. в составе делегации югославского правительства Иван Шубашич стремился обеспечить себе особый статус в среде югославских политиков в изгнании. Это, как он считал, по праву полагалось ему как бану Хорватии. Сразу по приезде в США Шубашич высказал пожелание, чтобы его принял президент. Причем отдельно от остальных членов югославской делегации, ведь он – бан, то есть легитимный представитель Хорватии [1]. До особой аудиенции дело, впрочем, не дошло, так как югославское правительство сочло, что подобное выпячивание хорватской государственности противоречит югославскому конституционному устройству. Шубашич стремился предстать перед амери-

[1] *Šepić D.* Vlada Ivana Šubašića. Zagreb, 1983. S. 31.

inslav

канской общественностью достоверным толкователем политической воли хорватов. Свой банский титул он преподносил как символ существования хорватского государства, которое, в отличие от гитлеровской марионетки Независимого государства Хорватия (НГХ), было неотъемлемой частью союзнической коалиции [2].

То, как Шубашич позиционировал себя в США, подразумевало прояснение его отношения к Югославии. Та, в отличие от Хорватии, оставалась общепризнанным членом коалиции союзников, относившихся к ней с большой симпатией, особенно после событий 27 марта 1941 г. и выхода на сцену полковника Дражи Михайловича – лидера движения сопротивления. Сообщения о невиданных погромах в отношении сербского населения НГХ стали причиной открытого столкновения хорватских и сербских эмигрантских объединений и газет. Опубликованный 6 ноября 1941 г. в газете «Американски Србобран» меморандум Сербской православной церкви до предела обострил отношения сербов и хорватов в Америке. В статьях, публикуемых в издании с ноября 1941 г., содержался призыв покончить с сотрудничеством двух народов. Наступил момент, чтобы Шубашич представил на суд американской общественности и югославских переселенцев в США свое видение событий в Югославии.

16 ноября 1941 г., выступая в Питтсбурге на съезде всех хорватских переселенческих организаций в США, Шубашич остро осудил позицию редакции газеты «Американски Србобран». Рядясь в тогу подлинного югославянина и поборника возрождения югославского государства, он осуждал авторов, которые всех хорватов представляли погромщиками. Кроме того, Шубашич поведал, какие конституционные и политические соображения побудили его стать решительным сторонником восстановления Югославии.

Бан выступал за сохранение общего государства южных славян, руководствуясь собственным видением нового конституционного устройства Югославии. В соответствии с ним, Соглашение Цветкович-Мачек служило гарантом хорватской государственности, а сам факт существования Бановины Хо̏рватия с ее границами, баном, Сабором и полномочиями подтверждал, что хорватская государственность восстановлена. Формирование бановины, по мнению Шубашича, стало лишь первым шагом на пути федерализации государства, прерванном

[2] Ibid. S. 33.

inslav

войной. Трансформация государственного объединения получила бы естественное продолжение в результате конституирования словенской и сербской административно-территориальных единиц. Согласно представлению бана о «федеральном» устройстве Югославии, центральная власть занималась бы только внешней политикой, обороной, почтой и транспортом, а также финансами, необходимыми для обслуживания вышеперечисленных сфер государственной деятельности. Остальные реализовывались бы тремя членами федерации в их собственных границах [3].

Подобной концепции «федеративного» устройства Шубашич придерживался по двум причинам. Политическая целесообразность побуждала его убеждать хорватских переселенцев в Америке, что Югославия не угрожает хорватской государственности. Ведь независимость стала минимальным требованием хорватов-эмигрантов после возникновения НГХ, пусть даже находившегося во враждебном лагере. Поэтому характеристика основанного на Соглашении Цветкович-Мачек устройства Югославии как конфедеративного должна была доказать скептикам, что хорватское государство – член союзнической коалиции – уже существует. Второй важный тезис шубашичевских выступлений состоял в том, что поддержка Югославии означает поддержку Хорватии – союзницы США. Истинной целью бана оставалось создание независимого государства, однако он в отсутствие более выигрышных решений был готов мириться и с расширением югославских государственных рамок, но только до тех пор, пока они не мешают Хорватии демонстрировать все внешние атрибуты государственного суверенитета [4].

Борьба бана за восстановление Югославии на практике сводилась к ее защите от ошибочной, по его мнению, политики лондонского правительства, а также от деятельности посланника в Вашингтоне Константина Фотича – покровителя «Србобрана». Интересы защиты Югославии, а также особый статус в ней Хорватии, как казалось Шубашичу,

---

[3] Ibid. S. 36, 37.

[4] Позиции хорватских политиков в эмиграции наиболее удачно обобщил Рудольф Бичанич в своем меморандуме, переданном в феврале 1942 г. британскому представителю при югославском правительстве Джорджу Рэнделлу // Ibid. S. 51–51; *Stefanovski M.* Srpska politička emigracija: o preuređenju Jugoslavije 1941–1943. Beograd, 1988, S. 165–168; *Kosanović S.* Jugoslavija je bila osudjena na smrt. Zagreb, 1984. S. 197, 198.

inslav

позволяли добиваться установления личных и прямых отношений с администрацией Рузвельта [5]. В июне–июле 1942 г. бан выразил недовольство в связи с недостаточным к нему вниманием во время визита югославского короля в США. Шубашич возложил на Фотича вину за то, что в ходе официальных мероприятий его и остальных членов правительственной делегации оттеснили на второй план. Назначение Фотича послом в США в сентябре 1942 г. стало предлогом для того, чтобы Шубашич прекратил всякое общение с правительством в изгнании. О своем решении он официально уведомил короля Петра II, союзные правительства, а также директора американской секретной службы (Office of Strategic Services. Далее – OSS), Вильяма (Билла) Донована [6].

Сразу после разрыва контактов с правительством Шубашич изменил и свое отношение к движениям сопротивления, действовавшим в Югославии. В ходе первого года войны Шубашич неоднократно публично поддерживал полковника Михайловича – лидера югославского движения сопротивления. В последний раз бан отметил его вклад в борьбу союзников 27 июля 1942 г. на праздновании Дня Хорватии в Питтсбурге [7]. Тогда же, как и несколько раз до того, Шубашич отметил и деятельность оставшегося на родине вождя ХКП В. Мачека, не менее, как он считал, значимую, чем та борьба, которую вел Михайлович. Бан заявил, что, согласно имевшимся у него данным, в частях Югославской армии в отечестве (ЮАО) сражалось и немало хорватов. То есть, до тех пор, пока Михайлович пользовался безраздельными симпатиями общественности союзнических стран, Шубашич преподносил хорватов как его товарищей по оружию, подчеркивая их вклад в борьбу, которую вели союзники.

В конце 1942 г. позиция бана по отношению к событиям в Югославии полностью изменилась. 29 ноября 1942 г. в Сан-Франциско на митинге, получившем название «Yugoslav Victory Meeting» («Югославский митинг за победу»), Шубашич поприветствовал всех, кто на югославской земле боролся с врагом [8]. Коммунисты расценили это выступление как выражение поддержки Народно-освободительному движению (НОД). 31 декабря 1942 г. ЦК КП Словении в письме

[5] *Šepić D.* Op. cit. S. 57.
[6] Ibid. S. 77.
[7] Ibid. S. 70.
[8] *Stefanovski M.* Op. cit. S. 212.

inslav

словенскому приморскому обкому сообщил, что Шубашич публично поддержал партизан [9]. Очевидно, что перемены в том, как союзнические СМИ изображали Михайловича, побудили бана изменить его оценку ситуации в стране.

Хорватский бан не только публично назвал партизан борцами с оккупантами Югославии, но и вместе с их представителями в США организовал в феврале 1943 г. Первый конгресс американских хорватов. Организация конгресса целиком находилась в руках коммунистов, с которыми Шубашич обсуждал проект резолюции конгресса. В начале переговоров с коммунистами бан, согласившись с идеей отправить от имени конгресса приветствие НОДу, настаивал на том, что следует послать две телеграммы. Одну – Тито как главнокомандующему, а вторую – Мачеку как политическому вождю движения сопротивления. Налицо было значительное изменение оценки ситуации в Югославии. Шубашич стал открыто поддерживать отряды Тито, но только в качестве вооруженных формирований, подконтрольных ХКП. Партия постоянно преподносилась как важный член того движения сопротивления, которое пользовалось максимальной поддержкой американских СМИ.

На самом конгрессе, который открылся 20 февраля 1943 г. в Чикаго, Шубашич повторил тезис о необходимости возрождения «федеративной» Югославии, а затем поприветствовал сражавшихся на родине. Несмотря на то, что оратор не сказал конкретно, о ком идет речь, было ясно, что имелась ввиду Народно-освободительная армия (НОА) [10]. По мнению Шубашича, его сотрудничество с коммунистами не мешало достижению главной цели – послевоенному восстановлению Югославии. Противоречивость такой позиции очевидна, если принять во внимание тот факт, что главным для бана оставалось требование признания королем и правительством особого статуса хорватского государства и его лично как высшего должностного лица этого государства. Недовольный национальной политикой правительства и, в частности, его позицией в отношении конфликта, разделившему югославян-эмигрантов в США, хорватский бан стремился сделать «федеральный» принцип новой основой сосуществования югославянских народов. Поэтому

[9] Dokumenti o spoljnoj politici SFRJ. I. Beograd, 1989. S. 274–278 (CK KP Slovenije – Pokrajinskom komitetu KP Slovenije za Slovenačko primorje, Dolomiti 31.12.1942).

[10] Ibid. S. 103–107.

inslav

поддержка коммунистов, получавших все большее признание в качестве представителей движения сопротивления, имела особое значение для его борьбы с югославским правительством.

Подлинный смысл выступлений бана за восстановление Югославии проявился еще в ноябре 1942 г., когда он представил на подпись королю проект бюджета Бановины Хорватия. Смысл этого поступка состоял в том, чтобы подтвердить хорватскую государственность и получить необходимые средства. Ведь Шубашич, разорвав все контакты с правительством, более не желал принимать от него финансовые подачки. Для прояснения ситуации король Петр II пригласил бана в Лондон.

Шубашич прибыл в Великобританию с ясным намерением добиться формирования правительства, которое бы удовлетворило хорватское требование конфедерализации югославского государства и одобрило бюджет Бановины Хорватия [11]. Шансы на реализацию этого плана уменьшились ввиду того, что в Лондон Шубашич приехал в марте 1943 г., то есть сразу по завершении Первого хорватского конгресса в США. Находившиеся в Англии сербские политики полагали, что конгресс встал на позицию хорватского экстремизма. Тот факт, что собрание не отправило приветствие королю, подтверждал, по их мнению, что хорваты более не хотят восстановления Югославии [12].

Пребывая в Лондоне (с марта по июнь 1943 г.), Шубашич убеждал короля, председателя правительства Слободана Йовановича (с которым он вел переговоры как со специалистом по конституционному праву, а не как с главой кабинета) и аккредитованного при югославском дворе британского посла Джорджа Рендела, что он не обязан хранить лояльность правительству. По словам бана, он напрямую подчинялся королю и требовал от него подписать бюджет бановины в соответствии с Соглашением Цветкович-Мачек. Рендел и Йованович пытались убедить Шубашича, что по соглашению правительство осуществляет внешнюю политику и распределяет финансы, а Хорватия, не располагающая во время войны собственными доходами, не может иметь своего бюджета. Причитающееся бану, по мнению его собеседников, было прописано в правительственном бюджете. Уязвимости позиции Шубашича добавлял тот факт, что его не поддержали остальные министры-хорваты, которые

[11] *Stefanovski M.* Op. cit. S. 230.
[12] *Grol M.* Londonski dnevnik. Beograd, 1990. S. 292.

inslav

не желали покинуть кабинет из-за разногласий по вопросу бюджета бановины. Хорватский бан не только не сумел принудить правительство и короля принять его требования, но и сам вынужден был признать, что его план формирования нового югославского правительства потерпел полный крах. Шубашичу недвусмысленно дали понять, что после сербских погромов в Хорватии настаивание на образовании «бановины в изгнании» свидетельствует о полном отсутствии здравого смысла и морали [13].

Следствием провала миссии Шубашича стало решение хорватских политиков, находившихся в Лондоне, любой ценой добиваться смещения правительства С. Йовановича, выступавшего с «великосербских» позиций. Новую политическую стратегию Шубашич изложил в письме королю от 18 мая, которое в начале июня по возвращении в США он отправил и руководству OSS [14].

Свое письмо королю Шубашич начал с констатации, что в Югославии имеет место конституционный и государственный кризис, ставший результатом политики прежних составов правительства в эмиграции. Утверждая, что кабинеты генерала Душана Симовича и Слободана Йовановича добивались исключительно доминирования сербского народа над остальными двумя титульными нациями, а также создания «Великой Сербии», Шубашич писал, что необходимо заложить основы новой подлинно югославянской политики. Для этого следовало сформировать новое правительство, которое, пользуясь поддержкой представителей всех трех народов, ясно бы определило курс Королевства Югославия и предприняло незамедлительные шаги по его реализации [15].

С намерениями хорватских политиков-эмигрантов американское правительство ознакомилось после бесед сотрудника отдела OSS по контролю за иностранцами в США Де Витт Пула (DeWitt C. Poole) с Шубашичем накануне его отъезда в Лондон. Бан убеждал Пула, что создание «Великой Сербии» – единственная цель сербских политиков, прибравших к рукам все официальные югославские учреждения: правительство, посольство в США, а также ЮАО. В отличие от сербов, хорватский деятель полагал, что единственная возможность восстановления

[13] *Grol M.* Op. cit. S. 340.
[14] *Stefanovski M.* Op. cit. S. 231.
[15] *Šepić D.* Op. cit. S. 115–117.

inslav

Югославии – ее переустройство на «федеральной» основе. О характере такой виртуальной федерации можно судить на основании того, что ее членом могла бы стать Болгария [16]. Предложение о ее включении в новое государственное объединение было продиктовано стремлением компенсировать численное превосходство сербов над остальными югославскими народами. Подобная национальная комбинаторика вызывала удивление у американских собеседников Шубашича, считавших, впрочем, вполне естественными, требования переустройства Югославии на основе федерализма, который, в силу их исторического опыта, казался им оптимальным способом обустройства государства. Замешательство с американской стороны было вызвано различным смыслом, вкладываемым в термин «федерация». Ведь Шубашича, несомненно, не устроила бы Югославия, повторяющая американскую модель федеральных отношений.

Летом 1943 г. из-за неуступчивой позиции хорватских министров югославское правительство не смогло принять политическую декларацию, в которой бы излагались основные принципы будущего обустройства Югославии. Очевидная неспособность югославских официальных представителей преодолеть собственные национальные противоречия ради выработки политической программы, общей для всех югославянских народов, стала следствием нового курса хорватской политики, оформившегося после пребывания Шубашича в Лондоне. Приоритетной целью бана и министров-хорватов стало свержение правительства Йовановича. По их мнению, накануне ожидаемой высадки союзников на югославскую территорию нельзя было допустить, чтобы Хорватию представляло правительство, в котором заправляют «великосербы». Их смещение при помощи западных союзников должно было стать первым шагом к сущностной трансформации отношений в Югославии. Это позицию бан ясно изложил в письме королю Петру II, добавив, что имеет место не правительственный, а конституционный кризис. Намерение хорватских политиков состояло в том, чтобы в ходе приготовлений к высадке союзников в Хорватии убедить их в том, что перед этим необходимо сформировать новое югославское правительство.

[16] NAW. Serija 860.01/486, grupa 59 (Меморандум Отделения OSS по контролю за иностранцами в США, Вашингтон 6.5.1943); Serija 860.01/453, grupa 59 (Pol-Haroldu Hoskinsu Stejt Department, Vašington 23.6.1943).

inslav

Ключевым аргументом их критики кабинета Йовановича был тот, что он, ввиду своего «сугубо сербского характера», не способен ни руководить движением сопротивления, ни подготовить почву для десантирования союзнических войск на хорватское побережье. Хорватские министры и бан утверждали, что вовсе не ЮАО, действия которой повышали авторитет правительства Йовановича, а отряды ХКП являются единственной силой Сопротивления в Югославии. И, соответственно, только хорваты в новом составе правительства могли бы руководить этим движением.

Хорватские представители, навязывавшие союзникам ХКП в качестве единственного партнера, четко поделили между собой роли. Юраю Крневичу, заместителю Мачека в эмиграции, следовало в ходе контактов с британским руководством ясно сформулировать территориальные и политические запросы хорватов. Показательным примером его действий в этом направлении стал документ, в котором он, по просьбе британского посла Рендела, представил свое видение границ хорватского государства. Крневич описал границы, на которые, по словам историка Илии Юкича, не согласился бы ни один серб. Они охватывали Хорватию, Далмацию, Славонию, Боснию и Герцеговину, западную часть Воеводины с Суботицей, центральную Истру с Риекой и Задаром [17] Шубашичу с хорватскими требованиями следовало познакомить американцев. У них, кому предстояло сформировать основу экспедиционного корпуса, не должно было остаться сомнений, что в Хорватии действует мощное движение сопротивления под руководством ХКП.

Федерализм как основа нового политического устройства Югославии являлся неотъемлемым элементом и стратегии Й.Б. Тито. Генеральный секретарь КПЮ стремился к выстраиванию коммунистической системы власти уже в военных условиях. В ее основе – сталинская концепция формируемого снизу народного фронта, руководящая роль в котором принадлежит коммунистической партии. Создание народных комитетов показало, что подлинной целью с первых дней войны было изменение государственного строя. Однако поражение, которое понесли партизаны в Сербии осенью и зимой 1941 г. продемонстрировало, что такая концепция нереализуема в этнически однородной среде. Значение имели и огромные человеческие жертвы, ставшие

[17] *Jukić I.* The Fall of Yugoslavia. New York, 1974. P. 170; *Stefanovski M.* Op. cit. S. 253–255.

inslav

результатом попытки создания коммунистической власти в условиях немецкой оккупации. После неудачи в Сербии Тито убедился, что СССР не в состоянии оказать ему существенную помощь. Теперь ему пришлось самому искать выход из сложившейся ситуации, опираясь при этом на политическую программу, принятую на V конференции КПЮ (1940 г.). В новых условиях характер классовой борьбы приобрело противостояние с движением Михайловича, олицетворявшего довоенный государственный строй. Ведь в январе 1942 г. глава четников стал военным министром в королевском правительстве, а подконтрольные ему войска получили признание в качестве Югославской армии в отечестве. С другой стороны, Тито пришлось уйти из Сербии – сначала в Санджак, затем в Черногорию, и, наконец, в восточную Боснию, которая тогда входила в состав Независимого государства Хорватия. Именно на территории НГХ Тито в течение 1942 г. удалось возродить свое движение, благодаря спасавшимся в лесах от усташеского террора сербам из Боснии, Герцеговины и Хорватии. Со своим штабом Тито и кочевал между населенными сербами районами НГХ: от Черногории и Санджака на юге до Боснийской краины на северо-западе [18]. Особенностью территории, на которую распространялась активность движения Тито, состояла в том, что она находилась вне основных коммуникаций, в отличие от Сербии, через которую проходил стратегический путь из Центральной Европы на Ближний Восток.

Во всех населенных пунктах, которые на время занимали партизаны, народное управление формировалось с помощью сети народных комитетов, используемых КПЮ в качестве органов собственной власти. В комитетах участвовали местные жители, находившиеся под постоянным контролем КПЮ [19]. Такая организация народных комитетов, по сути, служила воплощением политики, которую Москва отстаивала еще в 1930-е гг. Речь шла об организации широкого антифашистского Народного фронта снизу, то есть без посредничества или сотрудничества с другими партиями – исключительно силами коммунистов. После двух лет такой деятельности, пребывая в ожидании союзнической высадки на

[18] *Pavlovic V.* Stalinism without Stalin. The Soviet origins of Tito's Yugoslavia 1937–1948 // The Balkans in The Cold War Belgrade, 2011. P. 30–31.

[19] *Petranović B., Nešović S.* AVNOJ i revolucija, tematska zbika dokumenata. Beograd, 1983. S. 178–179.

inslav

Адриатическом побережье, Тито посчитал, что его движению необходимо обзавестись и органами верховной власти, чтобы стать реальной альтернативой королю и лондонскому правительству. Поэтому 5 ноября 1943 г. Тито направил следующие послания в Сербию, Черногорию, Санджак, Воеводину, Хорватиїо, Словению и Македонию: «В связи с событиями в мире и нашей стране, а также, имея ввиду попытки югославского правительства в изгнании и короля обманным путем использовать договоренность, достигнутую в Москве, для возвращения на родину, необходимо срочно созвать пленум Антифашистского вече народного освобождения Югославии для принятия важных решений. Так как ситуация не терпит отлагательств, предлагаем еще до созыва пленума сформировать Национальный комитет народного освобождения Югославии, полномочия которого на пленуме получили бы только формальное подтверждение» [20].

29 ноября 1943 г. в г. Яйце состоялось заседание Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) – верховного органа, стоявшего во главе всех ранее созданных народных комитетов. В собрании приняли участие отобранные КПЮ представители партизанских органов власти. Несмотря на ограниченную репрезентативность, или именно благодаря ей, съезд коммунистов и их сторонников осуществил государственный переворот и провозгласил смену власти в Югославии, запретив королю возвращаться на родину. В заседании приняли участие и некоторые довоенные политики, которых коммунисты пригласили не как представителей их партий, а как «не скомпрометировавших себя буржуазных политиков». КПЮ сама решала, кто скомпрометировал себя, а кто нет. АВНОЮ стало воплощением политики «насильственной смены власти». При этом формально не КПЮ узурпировала власть и совершила государственный переворот, а народный фронт, сформированный коммунистами из собственных делегатов и отобранных довоенных деятелей. Государственный переворот, организованный КПЮ на II заседании АВНОЮ в г. Яйце, сопровождался провозглашением федеративного устройства Югославии и запрета на возвращение короля.

[20] *Tito J.B.* Sabrana djela. knjiga 17. S. 187. (Директива Тито для Сербии, Черногории, Санджака, Воеводины, Хорватии, Словении и Македонии)/

inslav

Иностранная помощь как основа стратегии изменения внутреннего устройства Югославии

Публично декларируемую цель переустройства Югославии в условиях войны нельзя было достичь без поддержки членов антигитлеровской коалиции. Поэтому Шубашич и Тито, каждый со своей стороны, активно стремились к тому, чтобы заручиться поддержкой симпатизировавших им союзнических правительств. В середине июня 1943 г. Шубашич заявил представителю OSS Бернарду Йерроу, что во главе югославского кабинета находятся сторонники создания не Югославии, а Великой Сербии. Они, дескать, мешают либеральным политикам, представляющим все три народа, реализовать единственно возможную программу воссоздания Югославии. Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать только прямое вмешательство союзнических властей.

Кроме того, стремясь повлиять на Йерроу, Шубашич изложил ему свое видение ситуации в стране. В его словах деятельность британской разведслужбы Управление специальных операций (Special Operation Executive – SOE) предстает составным элементом той политики, цель которой – помешать сербским националистам. Ключевым моментом произносимого баном монолога стало перечисление участников движения сопротивления, состоявшего, помимо отрядов Тито и Михайловича, из формирований подконтрольных ХКП, выступавшей за федеральное переустройство Югославии [21]. Именно Хорватская крестьянская партия преподносилась как единственная реальная альтернатива засевшей в Лондоне «великосербской камарилье» и, что не менее важно, ее сторонникам в стране во главе с Михайловичем. Если убедить американских собеседников в неэффективности югославского правительства и преимуществах федерализма не составляло труда, то доказать им, что отряды ХКП представляют собой серьезную вооруженную силу, было намного проблематичнее. Смысл поддержки Народно-освободительного движения (НОД), озвученной баном, в первую очередь, состоял в том, чтобы дискредитировать ЮАО. Во вторую, – в том, чтобы НОА

[21] NAW. Jedinica 160, kutija 26, dosije 167, grupa 226 (Бернард Йерроу – полковнику Флоримонду Дюку (Florimond Duke), Нью-Йорк. 16.6.1943).

inslav

представить как военную организацию, в политическом плане подконтрольную ХКП. Когда подобная интерпретация, отстаиваемая баном на Первом хорватском конгрессе, стала более невозможной по причине усилившейся коммунистической пропаганды в союзнических СМИ, актуальность приобрела задача ограничения влияния партизан и подтверждения того, что независимые вооруженные силы ХКП реально существуют. В разговоре с Йерроу Шубашич заявил, что партизанами называют целый ряд национально ориентированных формирований в Югославии. На основе такой трактовки бан утверждал, что только ХКП имеет вооруженные отряды на территории Хорватии.

В июне 1943 г. шубашичевская программа действий была полностью сформирована. В результате прямого вмешательства британских и американских властей в югославские внутренние дела следовало сформировать новое югославское правительство, в которое бы вошли политики, не скомпрометировавшие себя поддержкой прежних великосербских кабинетов. Новая администрация сразу бы выступила в поддержку «федеративного» переустройства Югославии. Непосредственным следствием выбора в пользу «федерализма» стало бы то, что еще до окончания войны руководство движением сопротивления перешло бы в руки легитимных представителей трех югославянских народов. Этим были бы заложены основы *de facto* конфедеративного устройства государства, что полностью соответствовало главной цели хорватской политики – достижению независимости Хорватии. По плану Шубашича, суверенная Хорватия – часть «федеративной» Югославии – еще в ходе войны, благодаря активности соединений ХКП, подтвердила бы свое право считаться членом союзнической коалиции. Особое значение придавалось тому, чтобы лишить сербов, а затем и партизан, монопольного статуса борцов с нацизмом. Одновременно следовало разрушить образ Хорватии как составной части нацистского нового порядка. Очевидно, имея ввиду политическое значение вышеописанного плана, Шубашич в разговоре с Йерроу совершенно пренебрег достоверностью той информации, которой он подкреплял свою позицию.

Краеугольным камнем плана Шубашича оставалось утверждение, что ХКП представляет собой реальную политическую и военную силу. Пытаясь убедить в этом американцев, он попросил Йерроу организовать ему встречу с генералом Донованом, которому бан хотел заявить о своей готовности сотрудничать с OSS. Встреча состоялась благодаря нью-йоркскому отделению OSS, в котором полагали, что их директору,

inslav

участвовавшему в разработке планов вероятных операций союзников в Средиземноморье, имеет смысл встретиться с тем, кто представляет пять миллионов хорватов. В ходе разговора, состоявшегося в Нью-Йорке 24 августа 1943 г.[22], бан изложил Доновану свое мнение о югославском правительстве, заявив, что кабинет Божидара Пурича – реинкарнация довоенной Шестоянварской диктатуры. Сравнение администрации Пурича с режимом личной власти короля Александра преследовало цель дискредитации первого. Формирование этого правительства означало крах надежд бана на создание подлинного «югославянски ориентированного» кабинета. Поэтому Шубашич заявил Доновану, что представители югославского государства более не вправе говорить от имени хорватского народа. Но все это была лишь прелюдия к разговору о позиции хорватов и о том, что они могут предложить.

В ходе беседы Шубашич следил за тем, чтобы хорватские требования не противоречили провозглашенным целям союзников. Главным для хорватов бан назвал завоевание свободы, ради которой желательным и возможным выглядело сотрудничество всех движений сопротивления в Хорватии. В то же время Шубашич утверждал, что не существует опасности узурпации власти коммунистами после завершения войны. Когда Донован намекнул на возможность союзнической высадки в Югославии, бан, естественно, обещал ему всяческую поддержку, но не без некоторых условий. Главным были союзнические гарантии послевоенного статуса Хорватии[23].

Какие гарантии бан имел ввиду, стало ясно из плана, предложенного им на рассмотрение OSS сразу после капитуляции Италии. На основании тезиса о возможности сотрудничества ХКП и НОА, изложенного в разговоре с Донованом, Шубашич предоставил американской разведке детальный проект плана своих действий в Югославии. О содержании плана сохранилось два свидетельства: написанный Шубашичем оригинальный текст и меморандум, составленный Йерроу на его основе. Два документа по-разному описывают статус бана и его намерения. Шубашич в своем варианте настаивает на нерепрезентативном характере кабинета Пурича и описывает негативные последствия, ко-

---

[22] NAW. Jedinica 160, kutija 26, dosije 167 (Джон Хьюз (John Hughes) – полковнику Эдварду Бакстону (Edward Buxston), Нью-Йорк. 26.8.1943).

[23] *Pavelić A.S.* Dvije akcije bana Šubašića // Hrvatska revija. Buenos Aires, 1960. God. X. Sv. 4. S. 633.

inslav

торые эта нерепрезентативность может иметь для высадки союзников: «Нынешнее югославское правительство (д-ра Божидара Пурича) из-за его состава (с участием бывшего диктатора и политически малозначительных фигур), а также прискорбное наследие прежних кабинетов привели к тому больше нет авторитета, который мог бы предоставить народам Югославии гарантии того, что военные цели союзников после освобождения Югославии будут реализованы. Это, в первую очередь, касается хорватов. Так как вторжение затронет, прежде всего, хорватские области, необходимо, чтобы союзники политически вооружили и подготовили хорватов» [24].

Межнациональные отношения в Югославии, по мнению бана, обострились настолько, что их урегулирование требовало прямого вмешательства союзников. Оставаясь верным своему представлению о «федеративной» Югославии, Шубашич полагал, что король Петр II – единственный заслуживающий доверие представитель Югославии, с кем следует проконсультироваться, прежде чем приступать к воплощению его плана. Упоминая военные планы союзников, бан добивался от них принятия на себя обязательства исполнения в отношении Хорватии зафиксированного в Атлантической хартии положения, согласно которому каждый народ имеет право самостоятельно определять форму своего политического устройства.

Йерроу, представляя на суд своего начальства план Шубашича, совсем по-другому описывал отношения между югославскими политиками в эмиграции. Бан, по словам Йерроу, не интересовался политической комбинаторикой и был единственным человеком, способным объединить все движения сопротивлении. Главный в политической деятельности Шубашича было стремление к федеративному переустройству Югославии [25]. По мнению, Йерроу бан пользовался доверием короля и правительства и как человек, и как бан, отстаивавший концепцию автономного положения Хорватии. Констатация того, что межнациональные отношения в Югославии обострились до предела, в пересказе Йерроу, трансформировались в картину всеобщего согласия по вопросу о федеративном переустройстве страны. Йерроу необходимо было сформировать у своего руководства мнение, будто шубашичевское

[24] Ibid. S. 634 (Меморандум Шубашича OSS от 16.9.1943)

[25] NAW. Jedinica 160, kutija 26, dosije 167, grupa 226 (Бернард Йерроу – Джону Хьюзу, Нью-Йорк. 21.9.1943).

inslav

предложение не противоречит официальной позиции югославского правительства. Ведь в противном случае, план не имел бы шансов на одобрение.

В меморандуме Йерроу игнорировались слова Шубашича о том, что он вправе говорить только от имени хорватов. Упомянув, что он должен заботиться о целостности Югославии и об уважении легитимности югославского двора, бан недвусмысленно заявил, что он может говорить только от имени хорватов и действовать только среди них. Это выраженное ограничение, присущее деятельности бана, не было четко описано в меморандуме Йерроу. Перечисление конкретных мер в обоих документах также значительно различалось.

Шубашич в своем плане указал, что его главная цель – объединение всех политических групп и движений сопротивления в Хорватии в единый фронт, безотносительно их этнической и религиозной принадлежности. Понимание всеми движениями сопротивления актуальной необходимости борьбы с нацизмом, по мнению бана, служило предпосылкой успешной высадки союзников в Югославии. Центром единого фронта сопротивления мог бы стать только титовский штаб. Бан полагал, что осуществлению его плана способствовало бы признание союзниками (как они и раньше это делали) власти партизан в Югославии. Шубашич высказал уверенность, что он сумел бы, если все перечисленные условия будут выполнены, как перетянуть на сторону союзников регулярную армию НГХ, так и объединить отряды ХКП и НОА [26].

В составленном Йерроу меморандуме интерпретация целей шубашичевского плана не соответствовала оригиналу. Главное внимание в нем было уделено содействию американской разведслужбе, стремившейся усилить свои позиции в Югославии. Только после этого сотрудник OSS упоминает основную цель плана – объединение всех движений сопротивления в один фронт. Важно отметить, что, согласно Йерроу, Шубашич собирался распространить свою деятельность на всю Югославию, в то время как тот подчеркивал, что ограничится одной лишь Хорватией. В меморандуме нет ни слова о том, что штаб Тито станет центром собирания всех вооруженных формаций в Хорватии. Зато акцентируется готовность Шубашича побудить хорватскую регулярную армию численностью в 220 000 домобранов перейти на

[26] *Pavelić A.S.* Op. cit. S. 634, 635.

inslav

сторону союзников. Йерроу даже сообщает, будто бан обещал, что сможет аналогичным образом повлиять и на армию марионеточного правительства Сербии во главе с М. Недичем. Йерроу докладывал начальству, что подобный оптимизм Шубашича основывается на том, что при реализации плана ему будет обеспечена полная поддержка ХКП. Она же, располагая доверенными лицами и партийными ячейками в каждом населенном пункте Бановины Хорватия, якобы, до сих пор оказывала решающее влияние на ситуацию в ней.

Йерроу пересказал и предложение бана о его личной встрече с представителями «так называемой Бихачской народно-освободительной армии» (то есть с Тито), а также с главнокомандующим хорватских вооруженных сил генералом Томашевичем и его начальником штаба генералом Иваном Прпичем. В лице Йерроу Шубашич убеждал американское руководство, что он лично знал хорватских генералов, которые не откажутся с ним встретиться. По мнению бана, можно было с основанием надеяться, что хорватские генералы сначала сложат оружие, чтобы затем направить его против немцев. В ходе выполнения данной миссии бана сопровождал бы Йерроу, который подвел итог своего доклада следующими словами: «С почтением утверждаю, что в лице бана мы имеем в нашем распоряжении самую динамичную силу и самое действенное средство, использование которого позволило бы объединить все движения сопротивления в Югославии и, более того, переманить от немцев хорватскую регулярную армию и тем самым облегчить предстоящую задачу освобождения Югославии» [27].

Несмотря на перечисленные несовпадения плана Шубашича и его пересказа, содержавшегося в меморандуме, несомненно одно – целью бана было объединение движений сопротивления в Хорватии, которое позволило бы ему в качестве их политического представителя встретить союзников в момент их высадки на хорватское побережье. Когда союзники появились бы в Далмации, ХКП предстала бы политической и военной силой, способной оказать им содействие, а бан – единственным югославским политиком, которому бы удалось склонить на их сторону квислингские формирования в Югославии. Усилия Шубашича изобразить ХКП единственным толкователем политической воли хорватов и организатором их сопротивления следовало подкрепить реальной

[27] NAW. Jedinica 160, kutija 26, dosije 167, grupa 226 (Бернард Йерроу – Джону Хьюзу, Нью-Йорк. 21.9.1943).

inslav

практической деятельностью на территории Югославии. Предложение переманить домобранов и недичевскую государственную стражу соответствовало основным положениям балканского плана Донована, одобренного в начале сентября Объединенным комитетом начальников штабов.

С планом Шубашича ознакомились и в Государственном департаменте, заинтересовавшимся только той его частью, которая касалась разведывательной деятельности. Ее следовало осуществлять под полным контролем союзного командования на Средиземноморье. Предприняв первые шаги по выполнению балканского плана OSS, Донован в начале октября вернулся в Вашингтон. 5-го числа он письменно проинформировал о своих действиях президента США, который вскоре лично принял его в Белом доме [28]. Донован, будучи на Средиземноморье во время операции «Одри», целью которой было снабжение партизанских отрядов, убедился, что после капитуляции Италии появилась возможность активно участвовать в событиях в Югославии. Неудивительно, что по возвращении в США Донован поинтересовался судьбой шубашичевского плана, в котором предусматривалось вмешательство OSS в ситуацию в Югославии. На встрече с баном, состоявшейся 16 октября 1943 г. в Вашингтоне, Донован проявил большую заинтересованность в планируемой операции «Пастырь» и попросил еще раз подробно изложить план действий [29]. Благодаря инициативе Донована Шубашичу снова удалось придать политический оттенок операции «Пастырь», которая ранее, из-за вмешательства Кэнона, была сведена к мероприятиям разведывательного характера.

В ответ на предложение Донована Шубашич 19 октября направил президенту Рузвельту письмо, в котором детально изложил мотивы и цели задуманной им операции. Представился Шубашич следующим образом: «Я бан Хорватии, но я не люблю так представляться. Я начал свою жизнь как пастух и сохраняю эмоциональную привязанность к своей стране и ее народу. Бан для хорватов – то же, что и суверен в королевстве. Суверен может оказаться злым человеком, но не институция, которая представляет народ и страну. Я считаю своим

[28] Ruzveltova biblioteka, Hyde Park. Fond predsednikovog sekretara , kutija 167 (Донован – Рузвельту, Vašington. 5.10.1943).

[29] NAW. Jedinica 160, kutija 26, dosije167, grupa 226 (Джон Хьюз – Уитни Шепардсону, Вашингтон. 16.10.1943).

inslav

долгом быть защитником и первым слугой своего народа. Поэтому многие неправильно трактуют мою отчужденность и бескомпромиссность» [30].

Подчеркнув, что считает себя исключительно представителем хорватского народа, бан поблагодарил президента за предоставленную возможность действовать на благо хорватского, а также сербского и словенского народов, то есть добиваться спасения Югославии. «Федеральная» концепция устройства страны, не в полной мере проясненная в начале письма, раскрывается, когда бан перешел к мотивам и целям собственной деятельности: «С Вашего ведома и с Вашего одобрения, господин Президент, я принимаюсь за выполнение важной миссии, которая принесет пользу не только моей нации, но и Вам, господин Президент, и Вашей великой стране, а также остальным союзникам. Если мне будет сопутствовать удача, прошу Вас, господин Президент, считать это заслугой моей нации. Я лишь желаю освободить мой народ от лжи, опутавшей мой народ, дабы он предстал в свете истины. Когда это произойдет, я уверен, за моим народом признают его национальную самобытность, а также все права, причитающиеся свободолюбивым и демократическим нациям, что будет соответствовать принципам демократии, гарантированным в послевоенном мире. Я расцениваю все оказанное мне внимание и признание как внимание и признание, оказанное хорватской нации. От этого польза будет хорватам, сербам и словенцам, а также счастливой и лучшей Югославии. Она должна стать объединением югославянских народов, абсолютно свободных, организованных на подлинно демократической основе и в одинаковой степени справедливой для всех. Этому объединению союзники окажут помощь и предоставят гарантии его существования» [31].

Письмо президенту не страдало излишней детализацией, поэтому политические цели Шубашича изложены в нем предельно ясно. Считая себя представителем хорватов, он хотел, прежде всего, разрушить образ, или, как он сам пишет, фальшивую картину, изображающую хорватов приспешниками нацистов. Задачей бана было доказать на практике приверженность хорватов борьбе, которую вели союзники. Те бы в ответ согласились на выполнение требования хорватов относительно создания независимого хорватского государства. Предложенная концепция Юго-

[30] Ibid (Шубашич – Рузвельту).
[31] Ibid.

inslav

славии как объединения независимых и демократических югославянских народов, гарантом устройства которого выступили бы союзники, сильно напоминала рыхлую конфедерацию. Процитированное письмо дает ясное представление об интенсивности югославянских чувств Шубашича. *De facto* независимая Хорватия в составе конфедеральной, или, как виделось бану, федеральной Югославии, по сути, мало отличалась от предложенной Юраем Крневичем независимой Хорватии, которая потом могла бы войти в конфедеральную Югославию или какое-нибудь другое государственное образование. Факт остается фактом – для Шубашича *conditio sine qua non* его деятельности было восстановление Югославии. Но только той, частью которой стала бы абсолютно независимая Хорватия со статусом, гарантированным союзниками.

Донован отправил письмо Шубашича президенту, присовокупив к нему меморандум, в котором излагались основные параметры операции «Пастырь». По версии Донована, Шубашич готов был, по заданию OSS, отправиться в Италию, а затем и в Югославию, чтобы установить контакты с военными и политическими лидерами в Хорватии. Бан предлагал наладить отношения не только с вождями движения сопротивления, но и с генштабом марионеточного хорватского государства. Донован подчеркнул, что бан движим исключительно патриотическими мотивами. Любые политические комбинации ему чужды. Шубашич, дескать, искренно хотел помочь США достичь трех целей: 1. Получить всю необходимую информацию о положении в Югославии; 2. Убедить военачальников хорватской марионеточной армии перейти на сторону союзников; 3. Наладить контакт с Тито, с которым бан собирался тесно сотрудничать [32]. В заключение меморандума директор OSS предлагал президенту принять Шубашича. Будучи недостаточно осведомленным о запутанной ситуации в Югославии, президент запросил мнение Государственного департамента о том, предоставлять ли Шубашичу аудиенцию [33]. 30 октября на запрос президента ответил помощник секретаря Госдепа Эдвард Стеттиниус, не посоветовавший принимать Шубашича. Стеттиниус считал, что без консультаций с СССР

[32] Ibid (Донован – Рузвельту, Вашингтон. 21.10.1943).

[33] Ruzveltova biblioteka, Hyde Park. Fond predsednikovog sekretara kutija Donovan (Рузвельт – Эдварду Стеттиниусу, Вашингтоню 23.10.1943).

inslav

и британцами не стоит переправлять бана на родину[34]. Полагая, что возвращение Шубашича в страну имело такое значение, что его следовало согласовывать с союзниками, дипломат в неявной форме подтвердил вышеприведенное мнение Кэнона, что предложенное баном подразумевает полный пересмотр американской политики в отношении Югославии.

Одновременно с Шубашичем Тито тоже готовился к возможной высадке союзников на Балканах, ожидавшейся после окончания военных действий в Африке. Во время немецких наступлений в первой половине 1943 г. во внутренние районы Адриатического побережья, Тито прилагал все возможные усилия, чтобы воспрепятствовать высадке, не гнушаясь при этом переговорами с немецким военным руководством в Югославии. В марте 1943 г. Тито через своих эмиссаров передал командующему 717 германской дивизии, что не видит причин для столкновения с ним, ибо партизан интересует только уничтожение противника по гражданской войне – Югославянской армии в отечестве под командованием генерала Михайловича. Можно с уверенностью утверждать, что Тито, не сомневавшийся в конечном крахе Гитлера, считал борьбу с нацистами лишь эпизодом осуществляемой им революции. Самым важным было после ухода нацистов из Югославии захватить в ней власть, что стало бы возможным в результате прихода Красной армии. Если бы в момент поражения нацистов власть оказалась бы в руках ЮАО, поддерживаемой высадившимися на Адриатике англо-американскими войсками, судьба революции была бы предрешена. Основной целью Тито и КПЮ, несомненно, была революция, сталинистский народный фронт, народное правительство, состав которого был намечен на V партконференции. Война лишь предоставила Тито возможность осуществить революцию, как и говорилось в директиве, полученной им в Москве в 1939 г. Сталинистская идеология Тито сформировалась еще до войны, а в том, как она воплотилась в Югославии, можно было разглядеть прообраз холодной войны, разразившейся в Европе после 1945 г.

Несмотря на участие в борьбе с оккупантами, до декабря 1943 г. движение Тито не располагало какой-либо правовой или политической легитимностью. Амбиции вождя коммунистов подразумевали осущест-

[34] Библиотека Конгресса в Вашингтоне. Zaostavština Kordela Hala, jedinica 49, dosije 378 (Стеттиниус – Рузвельту, Вашингтон 30.10.1943).

inslav

вление государственного переворота и создание народного правительства, что было бы нереализуемо без признания со стороны англо-американских союзников (признание СССР подразумевалось). На руку Тито сыграл Черчилль, который в начале 1944 г. предложил заключить соглашение между королем Петром II и его правительством, с одной стороны, и Тито, с другой. Партизанский вожак согласился с предложением британского премьера, понимая, что подписание договора позволит ему легитимизироваться в качестве субъекта международных отношений. Однако он решительно отказался вести переговоры с королем, заявив в феврале 1944 г., что будет разговаривать с эмигрантским кабинетом, если его представителем станет Иван Шубашич, который публично признавался в симпатиях к партизанскому движению [35].

Инициатива Тито последовала после получения по радио сведений из Москвы о позиции Шубашича и предложения, поступившего из Вашингтона. Речь идет о просьбе OSS, переданной Тито через американского офицера-связиста, принять хорватского бана, что стало единственным практическим воплощением вышеописанного плана. Стремившийся к международному признанию и поставленный перед необходимостью выбирать партнера по переговорам среди довоенных политиков, Тито выбрал Шубашича. Несомненно, выбор Тито был обусловлен тем, что Шубашич выступал за федерализм и, вообще, за переустройство югославского государства. Результатом переговоров, начавшихся в июне 1944 г. на острове Вис, стало не коалиционное правительство титовского движения и лондонского кабинета, а вхождение в состав последнего двух представителей Тито. Новое королевское правительство и партизанский лидер договорились о полномочиях каждой из сторон и о принципах совместной деятельности. Королевское правительство, представляемое Шубашичем, признало титовские вооруженные силы и органы власти, а партизаны признали короля, но только на тех условиях, которые утвердило Второе заседание АВНОЮ. Тито и его движение стали единственной легальной силой в Югославии, а правительство Шубашича стало представлять страну в международных отношениях [36]. Согласившись на компромиссное решение и обретя международное признание, коммунистический вожак, одновременно,

---

[35] *Biber D.* Tito Čerčil, Strogo tajno. Zagreb, 1981. S. 97 (Маклин – Стивенсону, который передал депешу Идену, 2.3.1944).

[36] FRUS 1944, IV, 1402,1403 (Мёрфи – Халлу, Касерта, 30.8.1944).

inslav

сумел лишить новое правительство и союзников какой-либо возможности оказывать влияние на ситуацию в Югославии.

Тито докладывал Сталину обо всех своих решениях, а также о контактах с союзниками. При поддержке Москвы главе партизан удалось выдержать давление Черчилля и отказаться от формирования совместного с Шубашичем правительства, что поставило крест на возможности королевского правительства оказывать влияние на события в стране. Для Тито приоритетом была победа в гражданской войне и, прежде всего, захват ключевой области в Югославии – Сербии. Совместное правительство могло только затруднить реализацию данной стратегии. По прошествии девяти месяцев дипломатических усилий, в сентябре 1944 г. Черчилль признал, что его югославская политика потерпела неудачу. Не поставив его в известность, Тито покинул Вис и улетел в Москву.

В ходе всей войны реализация стратегии Тито целиком зависела от ожидаемой поддержки со стороны СССР, которая и последовала после заключенной в Москве договоренности югославского лидера со Сталиным. У партизан после прихода Красной армии в Югославию открылось второе дыхание. Освобождение Белграда в октябре 1944 г., осуществленное советскими войсками и партизанами, окончательно укрепило власть Тито и НКОЮ. Наконец-то, после трехлетней борьбы сформировались условия для политического переворота, задуманного КПЮ еще на V партконференции в октябре 1940 г. Красная армия сделала возможной победу в Сербии вооруженных формирований КПЮ над Югославской армией в отечестве, что предопределило исход гражданской войны. Благодаря советским войскам в Югославии сформировался фронт в собственном смысле слова – Сремский фронт. В его тылу впервые образовалась подконтрольная партизанам территория, которую немцы, несмотря на предпринятые попытки, не смогли отвоевать, как они это делали со всеми предыдущими «освобожденными территориями», начиная с Ужицкой республики. В этих районах разыгрался последний акт гражданской войны, начатой летом 1941 г., – насильственная смена власти. КПЮ и Тито в зоне советских интересов могли беспрепятственно формировать нужный им государственный строй, а также осуществлять внешнюю политику, целью которой стала защита и оправдание второй – коммунистической – Югославии. Воплощение программы, в 1940 г. казавшееся делом отдаленного будущего, вселила в КПЮ и Тито огромную уверенность в собственных силах, а

inslav

также едва ли не метафизическую убежденность в абсолютной правоте их политики.

В результате продолжение переговоров Тито и Шубашича после освобождения Белграда протекало в совершенно иных условиях. Бывший хорватский бан представлял королевское правительство и опирался на поддержку британского премьера, не располагавшего более какими-либо реальными инструментами воздействия на ситуацию в Югославии. Тито стоял во главе армии и администрации, подконтрольной КПЮ, и поэтому имел возможность диктовать Шубашичу состав нового правительства, навязывать ему институт королевских наместников и даже называть их поименно. Несмотря на недовольство Черчилля поведением Тито, британское правительство в отсутствие альтернативы рекомендовало Шубашичу принять его условия. В декабре 1944 г. были утверждены положения нового договора между Тито и Шубашичем, впоследствии получившего одобрение участников Ялтинской конференции. Непризнание югославским монархом соглашения, лишившего его власти, длилось до февраля 1945 г., когда и он вынужден был смириться. Попытка короля самому выбрать наместников, которые представляли бы его в Югославии, потерпела неудачу. Наместников назначили в соответствии с договоренностью Тито и королевского правительства. Новое объединенное правительство с премьером Тито и главой МИДа Шубашичем было образовано 7 марта 1945 г. Таким образом, Тито добился международного признания, не отказавшись от своей политической программы. Англо-американские союзники, выразив в нотах правительству Демократической федеративной Югославии недовольство недемократичным характером новой власти, тем не менее, аккредитовали своих послов при наместниках и временном правительстве ДФЮ. Последнее совершенно самостоятельно, в нарушение договора Тито-Шубашич сформировало правительства шести федеральных единиц.

Добиваясь переустройства Югославии на федеральной основе, ХКП и КПЮ стремились к удовлетворению своих узкопартийных интересов, а вовсе не к установлению новых демократических межнациональных отношений в стране. Как Меморандум Крневича от 1943 г., содержавший требование создания Великой Хорватии, так и абсолютная власть КПЮ, представлявшей собой партию сталинского типа, над новосозданными республиками служат подтверждением того, что федерализм для тех и других был лишь пропагандистским лозунгом. Его

inslav

смысл и предназначение исчерпывались пропагандистским воздействием на югославян, которые видели в нем нечто противоположное централизму, характеризовавшему первую Югославию. Из двух политических стратегий – шубашичевской и титовской – верх одержала та, которая пользовалась большей и главное деятельной поддержкой одного из членов антигитлеровской коалиции. Сталин проявил живой интерес к установлению коммунистического режима в Югославии. Черчилль не мог воспрепятствовать реализации намерений СССР ни на военном, ни на политическом поприще. Ведь администрация Рузвельта дала понять, что судьба Балкан ее фактически не слишком интересует.

С сербского языка перевел А.А. Силкин

inslav

Л.Я. Гибианский
Москва

Проекты федераций на Балканах в годы Второй мировой войны и в начале холодной войны

Как известно, период Второй мировой войны и начала холодной войны стал временем сильнейшего всплеска замыслов того или иного объединения балканских стран и более того – усилий, направленных на реализацию таких замыслов. Это заняло в те годы весьма важное место в политической жизни Балкан и в международных отношениях, касавшихся региона.

Естественно, данная тематика вызвала затем значительное внимание в историографии. Раньше всего – в западной [1]. Но возможности исследования долго сдерживались недоступностью многих значимых документов в архивах балканских стран с коммунистической властью и особенно в архивах Советского Союза. Не говоря уж о цензурно-идеологических ограничениях для историков в этих и других странах с коммунистическими режимами, вплоть до установленного в СССР полного запрета на разработку названной тематики. К тому же в тех из стран под коммунистическим правлением, где разработка допускалась, как произошло сначала в Югославии [2] и позже в Болгарии [3], вся эта тема обросла мифами официальной пропаганды, воздействовавшими на историографию. А югославский вариант мифологии влиял отчасти и на западных исследователей, которые, за неимением другого, основывались преиму-

---

[1] Она начала там рассматриваться преимущественно в трудах о советском блоке и его расколе (напр.: *Ulam A.* Titoism and the Cominform. Cambridge (Mass.), 1952; *Brzezinski Z.* The Soviet Bloc: Unity and Conflict. Cambridge (Mass.), 1960) или об этнотерриториальных проблемах на Балканах (напр.: *Barker E.* Macedonia: Its Place in Balkan Power Politics. London; New York, 1950; *Palmer S.*, *King R.* Yugoslav Communism and the Macedonian Question. Hamden (Conn.), 1971).

[2] Из наиболее известных работ см.: *Nešović S.* Jugoslavija – Bugarska: Ratno vreme, 1941–1945. Beograd; Sarajevo, 1978; *Он же*. Bledski sporazumi Tito – Dimitrov (1947). Zagreb, 1979.

[3] Напр.: *Палешутски К.* Югославската комунистическа партия и македонският въпрос, 1919–1945. София, 1985; *Даскалов Г.* Българо-югославски политически отношения, 1944–1945. София, 1989.

inslav

щественно на официозных сведениях, после разрыва советского блока с Югославией исходивших от ее пропаганды.

Лишь в 1980-е годы стали появляться первые публикации архивных материалов по указанной проблематике, прежде всего в Югославии [4]. Но особенно серьезно положение изменилось за два с лишним посткоммунистических десятилетия, когда начавшиеся рассекречивание прежде закрытых архивных документов и публикация ряда из них [5] создали совершенно другие возможности в изучении названной темы. Вышли в свет работы, где она рассматривается в той или иной мере с использованием ранее недоступных материалов [6], в том числе работы авто-

---

[4] Самая значительная: *Avramovski Ž.* Devet projekata ugovora o jugoslovensko-bugarskom savezu i federaciji (1944–1947) // Istorija 20 veka. 1983. Br. 2. Ряд документов по этой проблематике был опубликован в: Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije (далее – DSP SFRJ), 1941–1945. T. I–II. Beograd, 1988–1989.

[5] Напр.: *Гибианский Л.Я., Мурин Ю.Г.* Последний визит Й. Броза Тито к И.В. Сталину: Советская и югославская записи беседы 27–28 мая 1946 г. // Исторический архив. 1993. № 2; Marrëdhëniet shqiptaro-jugosllave 1945–1948: Dokumente / Përgatitur për botim nga N. Plasari, L. Malltezi. Tiranë, 1996; *Гибианский Л.Я., Волков В.К.* На пороге первого раскола в «социалистическом лагере»: Переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии. 1948 г. // Исторический архив. 1997. № 4; *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949) / Съст., преводи, редакция, предговор, бележки и указатели Д. Сирков и др. София, 1997; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Отв. ред. Г.П. Мурашко. Т. I. М., 1997; Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998; БКП, Коминтернът и македонският въпрос (1917–1946) / Съст. Ц. Билярски, И. Бурилкова. Т. II. София, 1999; Советско-югославские отношения 1945–1956 гг.: Документы и материалы. Новосибирск, 2010.

[6] См., в частности: *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991; *Лалков М.* От надежда към разочарование: идеята за федерацията в балканския югоизток (1944–1948). София, 1994; *Мичев Д.* Македонският въпрос и българо-югославските отношения. 9 септември 1944–1949. София, 1994; *Тошкова В.* Великите победители и провалът на проектите за южнославянска федерация след Втората световна война // Историческо бъдеще. 2000. Бр. 1–2; *Волков В.К.* Советское руководство и Юго-Восточная Европа в последний год войны. Некоторые проблемы советско-югославских отно-

inslav

ра данного доклада [7]. С учетом того, что до сих пор сделано, попробуем подвести некоторый – разумеется, сугубо промежуточный – своего рода итог рассмотрения этой проблематики на данном этапе ее исследования.

* * *

шений (1944–1945) // *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000 (более краткий вариант см.: *Volkov V.* The Soviet Leadership and Southeastern Europe // The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949 / Ed. by N. Naimark, L. Gibianskii. Boulder (Colo.), 1997); *Dragišić P.* Jugoslovensko-bugarski odnosi 1944–1949. Beograd, 2007; *Животић А.* Југославија, Албанија и велике силе (1945–1961). Београд, 2011.

[7] Напр.: *Гибианский Л.Я.* Балканский узел // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995; *Он же.* Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е годы // Холодная война: новые подходы, новые документы / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995; *Он же.* Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 гг. // Македония: проблемы истории и культуры / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1999; *Он же.* Tito and Regional Balkan Agreements (Attempts at Integration of the Balkans) // Self-Determination. From Versailles to Dayton its Historical Legacy / Ed. by H. Huttenbach, F. Privitera. Ravenna, 1999; *Он же.* СССР и отношения между коммунистами Болгарии и Югославии по поводу Македонии и федерации на Балканах (1943–1945) // България и Русия през XX век: Българо-руски научни дискусии / Ред. кол. В. Тошкова и др. София, 2000; *Он же.* Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12; *Он же.* Herausbildung des sowjetischen Blocks und Projekte osteuropäischer Föderationen in den vierziger Jahren des 20. Jahrhunderts // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2002. Heft 2; *Он же.* Балканските компартии, СССР и федеративните проекти в Югоизточна Европа в края на Втората световна война и първите следвоенни години // Турция, Балканите, Европа. История и култура: Изследвания в чест на профессор Д. Хаков / Ред. кол. А. Гарабедян и др. София, 2003; *Он же.* Federative Projects of the Balkan Communists, and the USSR Policy During Second World War and at the Beginning of the Cold War // The Balkans in the Cold War: Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict / Ed. by V. Pavlović. Belgrade, 2011.

inslav

Замыслы балканского объединения, выдвинутые в годы Второй мировой войны и в начале холодной войны, были, конечно, обусловлены тогдашними интересами и целями тех, от кого замыслы исходили. Но вместе с тем ориентация на объединение балканских стран была своеобразным продолжением тенденции, уже до того традиционной для политического развития на Балканах. Подобного рода тенденция начала играть заметную роль в политической жизни Балканского полуострова главным образом с XIX века, когда здесь в ходе национальных движений против османского, а затем и австрийского / австро-венгерского господства развернулось образование самостоятельных государств. Причем идея того или иного их объединения стала развиваться по двум значительно отличавшимся друг от друга направлениям.

Одним из них являлось стремление части правящих элит новых государств к созданию союза между приобретшими независимость балканскими странами. Союз должен был служить упрочению позиций возникавших государств и полной ликвидации чужеземной власти на Балканах. Известными примерами такой тенденции могут служить попытка сербского правителя Михаила Обреновича во второй половине 60-х годов XIX в. создать Балканский союз с участием Сербии, Греции, Черногории, Румынии и болгарского национально-освободительного движения или, уже в начале XX в., образование Балканского союза в 1912 г. Сербией, Болгарией, Грецией и Черногорией. Позже, в 1934–1940 гг., продолжением подобной тенденции стала Балканская Антанта с участием Румынии, Югославии, Греции и Турции. Другим направлением идеи балканского объединения стала нацеленность на создание общего государства всех или значительной части народов полуострова, преимущественно в федеративной или конфедеративной форме. Носителями таких устремлений, получивших заметное распространение в основном со второй половины XIX века, являлись, как правило, оппозиционные по отношению к власти в новых самостоятельных государствах некоторые леволиберальные, а особенно социалистические либо близкие к последним радикальные национально-революционные течения. Они рассматривали федерацию или конфедерацию балканских республик, основанную на равноправии всех объединяемых ею народов, как государственное устройство, которое наилучшим образом отвечало бы осуществлению их представлений не только о национальной свободе, но и о демократическом порядке и социальном прогрессе на всем полуострове. Упомянутые общественные силы придавали образованию федерации / конфедерации особое значение и как единственно

inslav

возможной альтернативе соперничеству и взаимным территориальным претензиям между обретавшими независимость балканскими странами. В создании федерации или конфедерации эти силы видели и противовес стремлению европейских великих держав использовать территориальные противоречия между возникавшими государствами на Балканах для насаждения там своей гегемонии и установления сфер влияния. В конце XIX – начале XX в. цель образования федеративной республики или федерации республик на Балканах стала, чуть ли ни повсеместно, неотъемлемым элементом программ балканских социал-демократических партий. А после Первой мировой войны эта цель была взята на вооружение возникшими компартиями и санкционирована в установках Коминтерна в виде задачи создания федерации будущих «рабоче-крестьянских» республик на Балканах.

Вторая мировая война привела к новому значительному оживлению замыслов балканского объединения. Все они исходили от сил, выступавших противниками господства нацистской Германии и фашистской Италии на Балканах. И были рассчитаны на перспективу поражения «оси». Но в остальном как содержание такого рода замыслов, так и их носители были совершенно различными. С одной стороны, в роли новых инициаторов балканского объединения выступили первыми эмигрантские правительства Греции и Югославии. Они поощрялись и даже подталкивались к этому Англией, у которой нашли приют и покровительство после оккупации их стран в апреле 1941 г. государствами «оси». В данной инициативе оба эмигрантских правительства, как и британская политика, исходили из своих практических интересов и целей. С другой стороны, значительный импульс к объединению на Балканах возник затем из рядов коммунистического движения в странах региона. Этот импульс был сопряжен с планами установления коммунистической власти и тесной связи балканских стран с СССР.

Греческое и югославское правительства в эмиграции уже во второй половине 1941 г. стали обсуждать проект, а 15 января 1942 г. заключили договор о Балканском союзе. Он до известной степени представлял собой симбиоз обоих отмеченных выше традиционных направлений идеи объединения. Договору были присущи отчасти черты союзнического пакта, предусматривавшего тесное межгосударственное сотрудничество и взаимопомощь в военной, внешнеполитической и внешнеэкономической областях, в основном, разумеется, на послевоенную перспективу. Но вместе с тем договору были в определенной мере свойственны и черты конфедеративной связи между странами-участницами, в частности путем

inslav

создания совместных военных, политических и экономических координирующих органов и образования таможенной и валютной унии [8].

Договор от 15 января 1942 г., подписанный в качестве греко-югославского, был вместе с тем заключен как открытый для последующего присоединения к нему других балканских стран. Оба эмигрантских правительства, а особенно британская сторона рассчитывали, что он, после поражения «оси», станет основой формирования Балканской конфедерации с участием не только Греции и Югославии, освобожденных от оккупации, но также Болгарии и Румынии, чьи прогитлеровские правители будут отстранены от власти. Сложнее обстояло дело с перспективой включения в такую конфедерацию Албании, в отношении которой греческое эмигрантское правительство вынашивало планы ее послевоенной ликвидации и раздела между Грецией и Югославией [9].

Создание Балканской конфедерации замышлялось в контексте усиленно стимулировавшихся Лондоном планов широкого послевоенного образования федераций в ряде европейских регионов, а особенно в Юго-Восточной и Центральной Европе [10]. Последнее серьезно затрагивало интересы Москвы. Но первоначально, на советско-английских переговорах в декабре 1941 г., руководитель СССР И.В. Сталин высказал в общей форме согласие с возможностью создания федераций [11]. Ибо в тот тяжелый для Советского Союза момент Кремль стремился к максимальному налаживанию отношений с западными союзниками и был крайне заинтересован в том, чтобы планировавшимся тогда договором с Англией было санк-

---

[8] О подготовке, подписании и содержании договора см., напр.: *Đuretić V.* Vlada na bespuću: Internacionalizacija jugoslovenskih protivrječnosti na političkoj pozornici drugog svjetskog rata. Beograd, 1982. P. 112–120; *Krizman B.* Uvod // Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu 1941–1943: Dokumenti / Prired. B. Krizman. Beograd; Zagreb, 1981. P. 38; Pax Britannica: Wartime Foreign Office Documents Regarding Plans for a Postbellum East Central Europe / Ed. A. Bán. Boulder (Colorado); Highland Lakes (New Jersey); New York, 1997. P. 48.

[9] *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, 1976. P. 130–131, 173; *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. S. 34–37.

[10] Об этих планах см.: Pax Britannica. См. также: Документы внешней политики (далее – ДВП). Т. XXIV: 22 июня 1941 – 1 января 1942. М., 2000. Док. 311. С. 480 (телеграмма посла СССР в Англии И.М. Майского в Москву 5 декабря 1941 г. о беседе с британским премьер-министром У. Черчиллем).

[11] ДВП. Т. XXIV. Док. 328. С. 504, 505.

inslav

ционировано послевоенное восстановление советских границ в Европе, установленных в 1939–1940 гг. Однако на тех же переговорах в декабре 1941 г. Сталин выдвинул претензии на фактическое установление военного контроля СССР в Румынии. А это, как сразу отметили в Лондоне, входило в противоречие с замыслом создания Балканской конфедерации [12].

В последовавшие месяцы 1942 г. в Народном комиссариате иностранных дел СССР (НКИД) все больше оценивали британские федеративные планы, в том числе на Балканах, как враждебные Москве[13]. И когда советской стороне не удалось добиться, чтобы союзнический договор с Англией, подписанный в мае 1942 г., предусматривал восстановление границ СССР 1941 г., Кремль снял свое согласие с планировавшимся Лондоном образованием федераций / конфедераций [14]. А затем негативное советское отношение к таким планам было прямо выражено на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Британии в октябре 1943 г. [15]. Окончательно крест на этих планах был поставлен с приходом Красной Армии на Балканы и в Центральную Европу, когда большинство расположенных там стран стало сферой советского контроля. В частности, на Балканах уже при ликвидации осенью 1944 г. гитлеровского господства в Югославии и Албании утвердилось фактически коммунистическое правление, а в Болгарии в сентябре 1944 г. и в Румынии в марте 1945 г. утвердились режимы с коммунистическим преобладанием, которые затем превратились в монопольно-коммунистическую власть. В таких условиях обозначилась, казалось, перспектива осуществления планов балканского объединения, которые возникли в коммунистических рядах.

---

[12] Там же. С. 503; *Barker E.* Op. cit. P. 131.

[13] См., напр.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0512. Оп. 4. П. 22. Д. 178. Л. 13–18, 26.

[14] СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. I: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. / Сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. М., 1996. Док. 23. С. 153; Док. 24. С. 160–161.

[15] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. I: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. Док. № 50. С. 193–194; Док. № 95. С. 343, 355–356.

inslav

Имеющиеся документы с очевидностью свидетельствуют, что в ходе Второй мировой войны усилия балканских компартий, направленные на обеспечение своего прихода к власти при освобождении их стран от фашистской / нацистской оккупации или прогитлеровских режимов, сочетались со стремлением ряда коммунистических лидеров к созданию в будущем какой-то формы объединения тех государств на Балканах, в которых удастся установить режимы «народной демократии».

Пожалуй, раньше всего и наиболее рельефно это проявилось у руководства компартии Югославии (КПЮ), вставшего во главе наиболее значительного в регионе движения Сопротивления. Впервые такое стремление обнаружилось в связи с миссией С. Вукмановича-Темпо, которого генеральный секретарь КПЮ и командующий югославскими партизанами Й. Броз-Тито послал в конце 1942 г. в Вардарскую Македонию. В частности, Тито дал Вукмановичу поручение вступить от имени руководства КПЮ в контакт с албанскими, греческими и болгарскими коммунистами и предложить им идею образования Балканского штаба, под чьим началом были бы партизанские силы, возглавлявшиеся каждой из четырех упомянутых компартий [16]. Идею одобрили на созванных по инициативе Вукмановича двух совещаниях югославских, албанских и греческих представителей в июне – июле 1943 г. (от болгарских коммунистов там никого не было). При этом указывалось, что создание штаба будет не только способствовать координации партизанской борьбы, но и откроет путь к «обеспечению народно-демократической власти» в каждой из стран и созданию «балканской конфедерации» [17].

Для коммунистов ориентация подобного рода была обусловлена, с одной стороны, доктринальными мотивами – идеей интернационального объединения народов, освобождающихся от господства эксплоататоров, и примером якобы федерации в лице СССР, чей опыт воспринимался как эталонный. А с другой стороны, эта ориентация стимулировалась реальными потребностями решения характерных для Балкан, и в частности для Югославии, проблем, связанных с народами, этническими группами или традиционными территориями, которые были рассечены на части границами балканских государств. Одним из наиболее ярких примеров была

[16] *Krivokapić B.* Tempo: Ja i Tito. Beograd, 1990. S. 20.

[17] DSP SFRJ, 1941–1945. T. I. Dok. 224. S. 347–349; Dok. 228. S. 353–355; Dok. 233. S. 361–363. См. также: *Вукмановиќ-Темпо С.* Борба за Балканот. Скопје, 1982. С. 113–132.

instaw

ситуация с Македонией, которая вследствие балканских войн 1912–1913 гг., а затем Первой мировой войны оказалась разделенной между Грецией (Эгейская Македония), Югославией (Вардарская Македония) и Болгарией (Пиринская Македония). В период Второй мировой войны, когда КПЮ возглавила военно-политическое движение, которое развернуло Сопротивление оккупантам и одновременно революционную борьбу за власть, практические проблемы, подобные македонской, не только оставались важными, но даже приобрели еще большее значение для югославских коммунистов и организованного ими движения.

Так, развертывая вооруженную борьбу, наряду с другими частями Югославии, и на территории Вардарской Македонии, это движение, в противоположность политике довоенного югославского государства, выступало под лозунгом национального освобождения македонского народа вместе со всеми югославскими народами. Но уже само провозглашение подобной цели («национальное освобождение македонского народа») выдвигало и необходимость ответа на вопрос о перспективах объединения трех частей Македонии. А поскольку КПЮ стояла на позиции целостности Югославии, получалось, что речь должна идти о присоединении двух других частей Македонии к югославской части. Фактически так и ставился вопрос в манифесте Главного штаба партизанских сил на территории Вардарской Македонии в октябре 1943 г. [18].

С отчасти сходной проблемой, но повернутой к ним противоположным образом, Тито и его сподвижники столкнулись в связи с Косово. С одной стороны, албанское большинство населения Косова приветствовало присоединение этой области к квислинговскому режиму тоже оккупированной Албании и относилось враждебно к возглавлявшемуся КПЮ движению, которое боролось за восстановление Югославии. Это движение могло опираться в Косове только на определенные слои сербского населения [19]. С другой стороны, лидеры компартии Албании (КПА), в своей стране возглавлявшей, в известной мере подобно КПЮ, сильное военно-политическое движение против оккупантов и квислинговского режима, будучи очень тесно связаны с КПЮ и даже находясь под патро-

[18] Зборник на документи од Антифашистичкото собрание на народното ослободување на Македонија (АСНОМ). Скопје, 1964. Док. 10. С. 68–74.

[19] См., напр.: Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija 1941–1945 (далее – DCO). Knj. 13. Beograd, 1990. Dok. 10. S. 22–24; *Животић А.* Указ. соч. С. 106.

inslav

натом последней, тем не менее проявляли заинтересованность в том, чтобы договориться с югославскими коммунистами о перспективе объединения Косова с будущим коммунистическим режимом Албании. Вопрос о необходимости такого соглашения был поставлен перед руководством КПЮ летом 1943 г. сначала через представителя ЦК КПЮ при ЦК КПА М. Поповича, а затем и непосредственно в контактах албанских коммунистов с видными функционерами КПЮ [20]. Тито отверг это предложение. Заверяя руководство КПА в своей приверженности праву косовских албанцев на самоопределение, он, однако, подчеркнул, что на данном этапе лозунг о будущем присоединении Косова к Албании играл бы на руку противникам движения, возглавляемого КПЮ [21]. Выдвижение такого лозунга грозило бы дискредитацией югославских коммунистов в глазах всего сербского населения Югославии. В то же время Тито не мог не видеть все нараставшей сложности косовской проблемы, немного позже, в конце 1943 – начале 1944 г. проявившейся в том, что руководящий актив КПЮ в Косове выступил в поддержку права албанцев области на объединение с Албанией [22].

Для руководства КПЮ в этой ситуации особую привлекательность с точки зрения решения проблем, подобных македонской и косовской, приобретала идея будущего федеративного или конфедеративного объединения Болгарии, Албании и Греции с Югославией, которое могло бы произойти после победы коммунистов в этих странах. Возникновение такой федерации / конфедерации давало бы возможность провести объединение трех частей Македонии или соединение Косова с Албанией не как перекройку государственных границ с потерями для того или иного из государств, а в виде всего лишь перегруппировки внутренней структуры нового большого государства, общего для всех участвующих стран и народов.

В течение нескольких месяцев, последовавших за упомянутым выше югославским предложением о Балканском штабе, стремления ру-

---

[20] DCO. Knj. 14. Beograd, 1990. Dok. 120. S. 391, 392; Dok. 122. S. 408; *Петрановић Б.* Косово у југословенско-албанским односима и пројект балканске федерације // Срби и Албанци у XX веку – Serbs and Albanians in 20th Century. Београд, 1991. С. 321; *Ђаковић С.* Сукоби на Косову. Београд, 1986. С. 159–160.

[21] DCO. Knj. 14. Dok. 120. S. 391–393; Dok. 122. S. 408–409.

[22] Ibid. Knj. 15. Beograd, 1986. Dok. 40. S. 211 (см. также: S. 207–217).

insiav

ководства КПЮ выразились в его курсе на будущее образование южнославянской федерации, которая охватывала бы Югославию и Болгарию, и установление «особых отношений» с эвентуальными коммунистическими режимами, которые постепенно возникали в виде повстанческой власти в ряде районов Албании, а затем и Греции. Такой курс приобрел особенно рельефные очертания осенью 1943 г., когда Тито и его окружение стали готовить конституирование новой, революционной югославской государственности на предстоявшей II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ). На заседании политбюро ЦК КПЮ в середине октября 1943 г., где определялся план проведения сессии АВНОЮ и характер ее основных решений, было, среди прочего, предусмотрено, что Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ), который будет создан на сессии, выдвинет в своей декларации «программный лозунг» о «Федерации южных славян» и особые обращения к греческому и албанскому народам [23].

При этом верхушка КПЮ во главе с Тито исходила из того, что в замышляемом федеративном / конфедеративном объединении на Балканах доминирующая роль должна принадлежать югославской стороне. Такая цель присутствовала с первого же выдвижения руководством КПЮ планов интеграции коммунистических движений Сопротивления и будущих коммунистических режимов региона. Если верить свидетельству Вукмановича, Тито, давая ему в конце 1942 г. поручение относительно Балканского штаба, вообще имел в виду, что в качестве такового компартии Албании, Греции и Болгарии будут признавать югославский партизанский Верховный штаб [24]. Вукманович же такой план оказался не в состоянии выполнить: на упомянутых совещаниях югославских, албанских и греческих партизанских представителей летом 1943 г. была достигнута договоренность, что общий для всех штаб, в котором предполагалось и участие болгар, будет основан на паритетных началах и состоять, соответственно, из четырех командиров и четырех комиссаров [25]. Резко критикуя год спустя Вукмановича за это решение, Тито подчеркивал, что по размаху вооруженной борьбы с оккупантами и по успехам в создании новой, революционной власти Югославия «играет руководящую роль на

---

[23] *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 636.

[24] *Krivokapić B.* Op. cit. S. 20.

[25] Как примечание 17.

inslav

Балканах», а потому «мы должны быть центром для балканских стран как в военном, так и в политическом отношении» [26]. Провозгласив на II сессии АВНОЮ 29 ноября 1943 г. создание федеративной Югославии, ее коммунистические лидеры планировали формирование федерации на Балканах как расширение югославского федеративного государства путем включения в него других стран региона. Обращаясь после II сессии АВНОЮ к албанским коммунистам, руководство КПЮ выдвигало перед ними задачу популяризировать решение сессии об образовании федеративной Югославии и параллельно пропагандировать «возможность вступления остальных балканских народов в эту федерацию и создание сильного и большого балканского государства равноправных народов» [27]. Тот же принцип в отношении участия Болгарии в замышлявшемся балканском федеративном объединении Тито излагал в апреле 1944 г. главе прибывшей к нему советской военной миссии генералу Н.В. Корнееву, о чем последний сообщил в Москву [28].

В подобных устремлениях югославского коммунистического руководства сливались воедино тенденции двоякого происхождения. С одной стороны, Тито, сознательно или неосознанно, в сущности, продолжал традиционную для отношений между балканскими странами борьбу за территориальное приращение и за преобладание более сильных из них над более слабыми соседями по региону. С другой стороны, руководство КПЮ, возглавив наиболее мощное по сравнению с окружающими странами движение Сопротивления и добившись наиболее впечатляющих успехов на пути завоевания власти, действительно ощущало себя центром революционных перемен в регионе, своеобразным мини-СССР в масштабах балканской или даже балканско-адриатической зоны. Недаром ЦК КПЮ считал необходимым не только в отношении балканских стран, но и Италии популяризировать новую Югославию как центр, а Тито как вождя «всех народных демократических движений в этой части Европы» [29].

---

[26] DSP SFRJ, 1941–1945. T. I. Dok. 256. S. 392.

[27] Цит. по: *Петрановић Б.* Косово... С. 316.

[28] Эта информация, без обозначения того, что она поступила от Корнеева, опубликована в переводе на болгарский язык в: БКП, Коминтернът... Т. II. Док. № 409. С. 1101.

[29] DCO. Knj. 15. Dok. 61. S. 354–355.

instiav

Однако в конце 1943 г. Тито пришел к выводу, что реализация мер, подобных созданию Балканского штаба или публичному выдвижению лозунга федерации на Балканах, была бы в тот момент способна вызвать крайне резкую реакцию на Западе как попытка большевизации региона, а тем самым могла лишь затруднить положение новой Югославии, прилагавшей тогда усилия, чтобы ее признали западные союзники. Как уже говорилось, Тито, кроме того, был неудовлетворен соглашением Вукмановича о формировании Балканского штаба на паритетной основе. Тито принял также во внимание, что советская сторона в конце 1943 г. отвергла британские федеративные планы для Центральной и Юго-Восточной Европы, и потому стремился избежать шагов, которые могли быть использованы англичанами как прецедент. В такой ситуации он решил отказаться как от плана образования Балканского штаба (впоследствии официальная югославская версия вовсе утверждала, будто Вукманович не имел поручения Тито о создании подобного штаба), так и от выдвижения лозунга об образовании южнославянской или балканской федерации. Но этот отказ был лишь временным тактическим маневром. Сама же цель федеративного объединения в регионе, причем на основе югославского доминирования, осталась [30].

Отношение компартий Албании, Болгарии и Греции к югославскому замыслу интеграции было довольно неоднозначным. С одной стороны, для них идея федеративного / конфедеративного объединения на Балканах была столь же традиционной. С другой стороны, в этих компартиях имелась серьезная настороженность по поводу югославских претензий на лидерство. Особенно настороженность давала себя знать среди греческих и болгарских коммунистических деятелей, которых прежде всего заботил в данной связи вопрос о Македонии и все более ощутимо исходившие от югославских коллег притязания на все ее части. В результате, несмотря на первоначальную договоренность об организации Балканского штаба, руководство КП Греции вскоре отказалось от реализации этой идеи. А немного позже отрицательное отношение к ней выразил и ЦК болгарской компартии, находившийся в подполье в Болгарии [31]. К

[30] DSP SFRJ, 1941–1945. T. II. Dok. 13. S. 28–30; Архив Југославије (далее – AJ). Фонд 836 (материалы бывшего Arhiv Josipa Broza Tita). KMJ I-3-c/3. Л. 17.

[31] DSP SFRJ, 1941–1945. T. I. Dok. 237. S. 372–373; *Вукмановиќ-Темпо С.* Борба... С. 178; *Драгойчева Ц.* Повеля на дълга (Спомени и размисли). Кн. 3: Победата. София, 1979. С. 358–359.

inslav

тому же для тех и других перспектива вовлеченности в югославские замыслы относительно Македонии оказывалась сопряжена с опасностью дискредитации в своих странах как сторонников уступки части национальной территории другому государству. Поэтому греческие коммунистические лидеры с большой подозрительностью относились к созданию в Эгейской Македонии, в рамках движения Сопротивления во главе с компартией, особых славяномакедонских организаций, тяготевших к связи с движением под руководством КПЮ в югославской Македонии. А позднее, с весны 1944 г., КП Греции приняла меры по расформированию таких организаций [32]. Сложным было положение коммунистов в Болгарии. Они, осудив участие правящего режима своей страны в захвате югославской и греческой частей Македонии, испытывали, однако, воздействие того фактора, что в сознании большинства болгар вся Македония воспринималась как неотъемлемая часть территории болгарского народа. Стремясь проскользнуть между Сциллой и Харибдой ответов на вопрос, должны ли оккупированные болгарскими войсками районы Вардарской и Эгейской Македонии быть возвращены Югославии и Греции или, наоборот, сохранены за Болгарией, подпольный ЦК болгарской компартии совместно со своими некоммунистическими партнерами по Отечественному фронту (ОФ) распространил в декабре 1943 г. декларацию, в которой предлагалось создание независимой объединенной Македонии, отдельной от всех балканских государств [33]. Однако в этой связи упоминались части Македонии, до войны принадлежавшие Югославии и Греции, но отсутствовало упоминание о Пиринской Македонии, которая и до войны была в составе Болгарии.

Предложение о независимой Македонии противоречило планам югославского коммунистического руководства, провозгласившего Македонию на II сессии АВНОЮ одной из шести составных частей федеративной Югославии (имелась в виду Вардарская Македония, но подразумевалось, что к ней потом присоединятся Пиринская и Эгейская).

---

[32] О славяномакедонском движении в Эгейской Македонии и его отношениях с КП Греции во время Второй мировой войны см., напр.: *Андоновски Х.* Македонците под Грција во борбата против фашизмот (1940–1944). Скопје, 1968 (в частности, главы 5–9); *Rossos A.* Incompatible Allies: Greek Communism and Macedonian Nationalism in the Civil War in Greece, 1943–1949 // The Journal of Modern History. Vol. 69. No. 1 (March 1997). P. 47–53.

[33] Декларацию см., напр.: БКП, Коминтернът... Т. II. Док. 398. С. 1083–1085.

inslav

24 января 1944 г. Тито послал в Москву радиограмму, в которой расценил выраженную в декларации ОФ позицию как «враждебную нашей народно-освободительной борьбе»[34]. Радиограмма была адресована Г. Димитрову, выступавшему в двух ипостасях: с одной стороны – болгарского коммунистического лидера, с другой – заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б), продолжавшим функции формально распущенного Коминтерна.

Позиция Димитрова отличалась от конкретного решения, к которому тогда пришел подпольный ЦК компартии в самой Болгарии. В течение 1943 – весны 1944 г. Димитров и возглавляемое им заграничное бюро болгарской компартии, в действительности являвшееся ее высшим партийным органом, вырабатывали проекты урегулирования этнотерриториальных и пограничных проблем на Балканах, особенно в связи с Македонией. Некоторые из этих проектов вырабатывались для НКИД СССР, где шла работа по подготовке для советского руководства предложений по поводу послевоенного устройства в мире и прежде всего в Европе, в том числе на Балканах. Проекты основывались, как и планы Тито, на идее объединения будущих «народных демократий» в балканской либо южнославянской федерации. Предусматривалось, что объединенная Македония станет одним из равноправных членов федерации[35].

Югославский / сербский историк Б. Петранович свыше 20 лет тому назад высказал мнение, что именно эти планы, став, как он считал, известными Тито от прибывшего в его штаб из Москвы во второй половине сентября 1943 г. болгарского коммунистического деятеля Ш. Атанасова, повлияли на руководителя КПЮ и вызвали принятие упомянутого выше решения политбюро ЦК КПЮ в середине октября 1943 г. о выступлении в пользу создания федерации южных славян[36]. Но на самом деле мнение Петрановича было всего лишь предположением. Ибо никакими данными ни о получении Тито такой информации от Атанасова, ни о том, что она

---

[34] DCO. Knj. 15. Dok. 33. S. 149.

[35] Централен държавен архив – София (далее – ЦДА). Ф. 3 б. Оп. 4. А. е. 598. Л. 5–12, 17–19, 21–22; А.е. 599. Л. 8–9; Ф. 147 б. Оп. 2. А.е. 332. Л. 81–88, 93–95, 97; *Димитров Г.* Дневник... С. 418–419; Коминтерн и вторая мировая война. Ч. II: После 22 июня 1941 г. / Сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1998. Док. № 181. С. 447; БКП, Коминтернът... Т. II. Док. № 403. С. 1093–1095.

[36] *Петрановић Б.* Косово... С. 314; *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 72–73.

inslav

вызвала югославское решение, Петранович не располагал. И, заметим, подобных данных так и нет в исследованных до сих пор документальных материалах. Тем не менее, мнение Петрановича полтора десятилетия спустя воспроизвел, причем без каких-либо комментариев, сербский исследователь П. Драгишич, хотя никаких аргументов, а тем более документальных доказательств в пользу этого мнения он привести не мог [37].

Между тем в вырабатывавшихся болгарской коммунистической эмиграцией в Москве предложениях о федерации южных славян, чье создание представлялось более достижимым, чем балканской федерации, в значительной мере присутствовало стремление рассматривать такое объединение не как федерацию Болгарии и Югославии, а как совсем новое государство, с возникновением которого Югославия в качестве таковой перестала бы существовать и растворилась бы в нем в виде отдельных и равноправных как с Болгарией, так и с Македонией автономных территорий каждого из других южнославянских народов, населявших Югославию [38]. Это было отнюдь не то, к чему стремился Тито, замышлявший, как уже сказано выше, создание южнославянской или балканской федерации на основе вступления других стран Балканского полуострова в уже провозглашенную федеративную Югославию. В итоге, хотя на первый взгляд идея образования южнославянской либо балканской федерации была общей как для болгарских коммунистических деятелей в Москве, так и для югославского коммунистического руководства, фактически цели каждой из сторон совпадали лишь отчасти, а в значительной мере серьезно отличались и даже противоречили друг другу.

Но вместе с тем, Димитров, в отличие от подпольного ЦК, находившегося в самой Болгарии, придавал особое значение тому, что в Югославии коммунисты в ходе вооруженной борьбы добились наибольших успехов по сравнению с остальными балканскими странами. Поэтому он считал необходимым – во всяком случае, на данном этапе – поддержать решения II сессии АВНОЮ, в том числе и по поводу Македонии как одной из федеральных единиц в составе Югославии. Соответственно, уже в начале января 1944 г. он дал для подпольного ЦК в Болгарии директиву не выдвигать лозунга независимой Македонии. А получив радиограмму

---

[37] *Dragišić P.* Op. cit. S. 59.

[38] В частности, см. записку, подготовленную В. Коларовым, ближайшим сотрудником Димитрова, для НКИД СССР: ЦДА. Ф. 3 б. Оп. 4. А.е. 598. Л. 17–18; Ф. 147 б. Оп. 2. А.е. 332. Л. 93–94.

inslav

Тито от 24 января 1944 г. с протестом против упомянутой выше декларации ОФ, Димитров 8 февраля в ответе, адресованном Тито, дезавуировал декларацию [39]. Позиция Димитрова была неотделима от позиции советского руководства, которое в своей политической стратегии в отношении Балкан также придавало особое значение Югославии как стране, где ввиду успехов борьбы, руководимой КПЮ, сложились наиболее многообещающие перспективы победы коммунистов. В ответ на сообщение генерала Корнеева 13 апреля в Москву с изложением жалоб Тито на политику болгарских коммунистов по поводу Македонии, в том числе и в связи с декларацией ОФ, Сталин и глава НКИД СССР В.М. Молотов направили Тито 15 апреля радиограмму, в которой подчеркнули, что Москва относится к новой Югославии как к своему основному союзнику на Балканах. И заверили, что никакого решения по македонскому вопросу не будет принято без согласия югославского коммунистического руководства [40].

Что же касалось поднятой тогда же Тито через Корнеева проблемы будущего включения Болгарии в федеративную Югославию, то с советской стороны сначала проектировалось ответить, что на данном этапе ввиду сложных международных обстоятельств такая постановка вопроса пока преждевременна. Но в итоге Кремль предпочел вообще обойти молчанием эту тему [41]. И, таким образом, уклониться от ее нежелательного в тот момент обсуждения. А от Димитрова в связи с жалобами Тито последовали в середине апреля 1944 г. объяснения, представленные Сталину и Молотову. Димитров изложил им идею решения македонского вопроса в

---

[39] БКП, Коминтернът... Т. II. Док. № 400. С. 1087; DCO. Knj. 15. Dok. 77. S. 444.

[40] Оригинальный русский текст радиограммы Сталина и Молотова: AJ. Фонд 836. KMJ I-3-b/574. Опубликован ее перевод на сербский язык: Односи Југославије и Русије (СССР), 1941–1945: Документи и материјали. Београд, 1996. Док. 378. С. 489–490, и перевод с этого сербского перевода на русский язык: Отношения России... Док. № 378. С. 296–297 (в публикациях документ ошибочно датирован началом сентября 1944 г.; о датировке см., например: *Волков В.К.* Советское руководство и Юго-Восточная Европа... С. 84). См. также: БКП, Коминтернът... Т. II. Док. № 409. С. 1100–1101; *Димитров Г.* Дневник... С. 419.

[41] Сравни: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 41; AJ. Фонд 836. KMJ I-3-b/574.

inslav

рамках будущего создания федерации южных славян в том виде, как ее представляло себе загранбюро болгарской компартии. Но он подчеркнул, что публично говорить об этом еще несвоевременно, а то и вредно [42]. Не известны документы, которые бы свидетельствовали о той или иной реакции советского руководства на такую точку зрения Димитрова. Но, видимо, это удовлетворяло Кремль, по крайней мере, в том плане, что позволяло не втягиваться пока в обсуждение данной темы ни с югославскими, ни с болгарскими коммунистами, а особенно – с западными союзниками.

Скорее всего, Сталин так или иначе разделял идею создания федерации. Ибо при ликвидации гитлеровского господства на Балканах, наступившей с рубежа лета – осени 1944 г., и приходе к власти коммунистов в Югославии, Албании и в большой степени в Болгарии Тито и Димитров во время состоявшегося во второй половине сентября тайного визита Тито в Москву, где он встречался со Сталиным, договорились, как отмечено в дневнике Димитрова, о «проведении намеченной нами линии – создание союза между Болгарией и Югославией вплоть до федерации южных славян» [43]. Такой договоренности, конечно, не могло быть без санкции Кремля. В мемуарах Э. Карделя, следующей после Тито фигуры в югославском коммунистическом руководстве, утверждалось даже, что вообще идею о федерации Югославии и Болгарии выдвинул тогда на встрече с Тито «сам Сталин». А югославская сторона с этой «идеей Сталина и Димитрова» согласилась, «хотя и не с воодушевлением» [44]. Но ни советские, ни югославские документы, которые бы подтверждали тезис Карделя, не известны. Между тем та часть его тезиса, согласно которой югославская сторона отнеслась тогда к идее федерации южных славян «не с воодушевлением», находится в явном противоречии с фактом, что в последующие месяцы имели место как раз югославские инициатива и настойчивые усилия по скорейшему созданию этой федерации (о них еще будет речь ниже). А что касается отношения Сталина к идее федерации

---

[42] БКП, Коминтернът... Т. II. Док. № 410. С. 1102–1103; Коминтерн и вторая мировая война. Ч. II. Док. № 181. С. 446–447.

[43] *Димитров Г.* Дневник... С. 440. Оригинальный русский текст (расшифровка) записи Димитрова: ЦДА. Ф. 146. Оп. 2. А.е. 13. Л. 93.

[44] *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije 1944–1957: Sećanja. Beograd; Ljubljana, 1980. S. 103–104. До сих пор не известны документы, которые бы содержали сведения о тогдашних переговорах Тито в Москве.

inslav

южных славян, то первая известная в историографии документальная фиксация его позиции относится к 22 ноября 1944 г. В тот день он, вместе с Молотовым принимая югославских представителей, в том числе Карделя, прямо заявил, что «с Болгарией нужно ускорить процесс [создания] федеративного объединения» [45]. Днем позже Димитров и Кардель обсуждали сказанное Сталиным и меры по практической реализации такой задачи [46].

В историографии можно встретить более чем произвольную интерпретацию позиции, выраженной советским вождем на встрече с югославами 22 ноября. Так, ссылаясь на сведения о встрече, историк из Финляндии Р. Куллаа в своих недавних работах даже считала идею, как она формулирует, «Балканской федерации» (хотя Сталин говорил о федерации южных славян) будто бы вообще «внесенной впервые Сталиным в 1944 г.» [47]. Подобное утверждение может свидетельствовать лишь о пол-

---

[45] DSP SFRJ, 1941–1945. T. II. Dok. 195. S. 311 (краткая югославская запись); повторно опубликовано: Односи Југославије... Док. 496. С. 626 (не совсем точный перевод на русский язык: Отношения России... Док. 496. С. 378).

[46] Расшифровка оригинального русского текста записи Димитрова о беседе с Карделем гласит: «Имел обстоятельную беседу с Карделем. Информировал меня о приеме у Стал[ина] и Молотова. Договорились о подготовке и проведении заключения союза между Болгарией и Югославией и создания общей федерации южных славян: болгар, сербов, хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев» (ЦДА. Ф. 146. Оп. 2. А.е. 14. Л. 21). Из употребленного словесного оборота «Договорились...» не совсем ясно, идет ли речь о договоренности между Димитровым и Карделем или имеется в виду, что Кардель информировал Димитрова о подобной договоренности между Сталиным и югославскими представителями. В издании дневника Димитрова на болгарском языке перевод сделан по первому из этих вариантов: «Мы договорились...», т. е. Димитров и Кардель (*Димитров Г.* Дневник... С. 449), между тем, к примеру, в американском издании, наиболее используемом в мировой историографии (хотя и неполном), перевод на английский язык сделан по второму варианту: «Они договорились...», т. е. Сталин и югославы (The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / Introduced and edited by I. Banac. New Haven; London, 2003. P. 343).

[47] *Kullaa R.* Non-Allignment and Its Origins in Cold War Europe: Yugoslavia, Finland and the Soviet Challenge. London; New York, 2011. P. 30; *Eadem.* Origins of the Tito – Stalin Split within the Wider Set of Yugoslav-Soviet Relations

inslav

ной некомпетентности Куллаа в этом вопросе, если учесть приведенные выше примеры того, что замыслы будущего создания балканской либо южнославянской федерации выдвигались лидерами различных балканских компартий задолго до этого высказывания Сталина, а к тому же и до 1944 г. Впрочем, болгарский историк М. Стамова, походя упомянув о политике югославского коммунистического руководства по поводу «федерации в Юго-Восточной Европе», утверждала вовсе без привязки к каким-либо событиям, что «идея федерации южных славян зарождается извне», т. е. за пределами КПЮ и Югославии, а основной импульс идет от советского руководства во главе со Сталиным. Свой тезис Стамова ничем не аргументировала [48].

Однако вернемся к моменту первого известного нам документально зафиксированного высказывания Сталина 22 ноября 1944 г. в пользу создания федерации южных славян. К тому времени уже представлялось возможным практически начать переговоры по этому поводу между НКОЮ и болгарским правительством ОФ, пришедшим к власти в результате переворота 9 сентября 1944 г., произведенного в условиях вступления советских войск в Болгарию. Такие переговоры о конкретной реализации замысла федерации южных славян последовали с конца ноября 1944 г. вплоть до января 1945 г. Но в ходе них возникли трудности. Югославская сторона сразу начала стремиться к скорейшему образованию федерации на основе равного статуса Болгарии и каждой из шести федеральных единиц Югославии. Фактически речь шла о попытке реализации

(1941–1948) // The Balkans in the Cold War: Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict / Ed. by V. Pavlović. Belgrade, 2011. P. 93. Куллаа ссылалась не на вышеупомянутую югославскую запись этой встречи Сталина с югославами 22 ноября 1944 г. (видимо, документ ей не знаком), а на сведения о встрече, содержавшиеся в дневнике Димитрова при фиксации беседы между Димитровым и Карделем 23 ноября. Причем Куллаа использовала американское издание дневника и тот перевод записи Димитрова, который присущ данному изданию.

[48] *Стамова М.* Албанският въпрос на Балканите (1945–1981). В. Търново, 2005. С. 48–49. Стамова дала к этому примечание, содержавшее лишь общее, без какой-либо конкретизации или указания на страницы, перечисление ряда работ югославских и болгарских историков, вышедших как в годы коммунистической власти, так и в посткоммунистический период. Что именно в этих работах должно подтверждать ее тезис, она не указала.

inslav

упоминавшегося нами замысла Тито создать федерацию на Балканах путем включения других стран региона, в частности Болгарии, в федеративную Югославию. С болгарской стороны такая тенденция встречала определенную настороженность. Правда, Димитров занимал, в частности в названных выше беседах с Тито в сентябре и с Карделем в ноябре 1944 г., вроде бы схожую с югославской позицию в пользу образования федерации южных славян как государства, объединяющего на равных условиях болгар и каждый из основных этнических компонентов, фигурировавших к тому времени в качестве составных частей федеративной Югославии [49]. Но сходство было скорее внешним, ибо, как мы уже отмечали, еще в 1943 – начале 1944 г. Димитров и его болгарские сподвижники по тогдашнему загранбюро компартии, вырабатывая идею федерации южных славян, были в той или иной мере склонны рассматривать будущую федерацию как совсем новое государство, в котором Югославия как целое фактически растворялась бы. Проявившийся же в ходе начатых с ноября 1944 г. переговоров югославский курс на сохранение Югославии и присоединение к ней Болгарии означал прямо противоположное. И чем дальше, тем ощутимее со стороны болгарского руководства, включая большинство болгарских коммунистических деятелей, вернувшееся из СССР на родину, а с рубежа 1944–1945 гг. и со стороны Димитрова, продолжавшего занимать свой пост в Москве до ноября 1945 г., стала выдвигаться линия на постепенное, через промежуточные этапы, формирование федерации, которая бы носила дуалистический характер, с равным статусом Болгарии и всей Югославии. Это сочеталось и с разногласиями относительно Македонии. Болгарское согласие на присоединение Пиринской Македонии к Вардарской сопровождалось стремлением, чтобы это было сделано только при образовании федерации южных славян (и в обмен на возвращение Болгарии районов Цариброда и Босилеграда, присоединенных после Первой мировой войны к Югославии). Белград же пытался добиться присоединения болгарской Македо-

[49] В качестве таковых Димитров в своих записях об этих беседах называл сербов, хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев (*Димитров Г.* Дневник... С. 440, 449). На самом деле в составе федеративной Югославии, провозглашенной на II сессии АВНОЮ, фигурировала также еще одна федеральная единица – Босния и Герцеговина, которую Димитров в своем перечислении не упоминал.

inslav

нии к федеративной Югославии даже до того, еще на подготовительной стадии [50].

В этой ситуации, в соответствии с иерархией отношений в коммунистическом движении и начавшем формироваться советском блоке, один из деятелей югославского руководства А. Хебранг, по поручению Тито, на встрече со Сталиным 9 января 1945 г. обвинил болгар в фактическом саботаже создания федерации южных славян. Но Сталин не поддержал югославских претензий и высказался за дуалистический вариант федерации, мотивируя это необходимостью считаться с реальностью существования Болгарии как государства и избегать того, чтобы болгары усмотрели «желание проглотить их». Сталин заявил, что к федерации надо идти постепенно, начав на данном этапе «с союза, с договора о взаимной помощи» [51]. Той же позиции он придерживался и на совещаниях в конце января с вызванными в Москву ведущими деятелями Югославии и Болгарии, в результате чего там было принято решение, что непосредственной целью является заключение такого договора, а образование федерации – более отдаленная перспектива [52].

В источниках, до сих пор оказавшихся доступными исследователям, отсутствуют данные, которые бы позволяли с достаточной надежностью судить как о действительных мотивах позиции Сталина, так и том, насколько линия болгарской стороны, особенно в тех решающих моментах, которые непосредственно исходили от Димитрова, была следствием собственных соображений последнего, а насколько диктовалась ему закулисно Кремлем.

В историографии, и в частности в моих предыдущих работах [53], высказывалось мнение, что одной из причин, почему Сталин решил отложить решение вопроса о федерации, стали, видимо, упомянутые болга-

---

[50] Документы о ходе переговоров см.: БКП, Коминтернът... Т. II. Док. № 464–465. С. 1177–1178; Док. № 467–468. С. 1179–1191; *Avramovski Ž.* Devet projekata... S. 98–113.

[51] Восточная Европа… Т. I. Док. № 37. С. 128–129; Отношения России… Док. № 517. С. 398.

[52] Отношения России… Док. № 530. С. 405; *Димитров Г.* Дневник… С. 463; ЦДА. Ф. 147 б. Оп. 2. А.е. 1025. Л. 2; *Avramovski Ž.* Devet projekata... S. 113–121 (см. также: S. 94–96); *Волков В.К.* Советское руководство и Юго-Восточная Европа… С. 107–109.

[53] См. примеч. 6 и 7.

instav

ро-югославские противоречия. А что другой причиной стало возражение против объединения Болгарии и Югославии в федерацию, полученное правительством СССР 1 января 1945 г. от британского правительства, узнавшего о секретных югославо-болгарских переговорах [54]. Ибо ввиду британских прерогатив в отношении Болгарии как побежденной страны возражение Лондона было фактически наложением «вето» на создание федерации, с чем Сталину приходилось считаться. Вместе с тем, в историографии были выдвинуты и другие соображения о причинах позиции, занятой Сталиным. Так, известный российский исследователь В.К. Волков связал эту позицию с выраженной Сталиным по итогам упомянутой встречи с Хебрангом 9 января 1945 г. серьезной обеспокоенностью значительными территориальными притязаниями югославского руководства в отношении всех соседних с Югославией стран, включая фактически поглощение Болгарии и Албании. По мнению Волкова, советский вождь стал, видимо, опасаться, что для политики СССР подобные аппетиты Тито способны вызывать осложнения как с западными державами, так и внутри формирующегося советского блока [55]. А видный болгарский историк В. Тошкова выдвинула соображение, что Сталин вообще не хотел федерации Болгарии с Югославией, хотя и скрывал это. И что на самом деле именно им, чтобы торпедировать ее образование, был запущен, очевидно, в первой декаде января 1945 г. – и за кулисами директивно навязан Димитрову – тезис о необходимости настаивать на дуалистическом характере федерации и противостоять югославской линии как угрожающей поглощением Болгарии. Британское же возражение против югославо-болгарской федерации было, на взгляд Тошковой, просто использовано Сталиным как еще один инструмент в этих его усилиях [56].

Из исследованных документов видно, что в итоге беседы с Хебрангом, состоявшейся 9 января 1945 г., Сталин действительно был сильно озабочен югославскими территориальными аппетитами в отношении окружающих стран, посчитав их чрезмерными и, как можно понять, потенциально опасными с точки зрения интересов внешней политики Крем-

---

[54] О британском возражении см.: АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 10. Л. 13–14; България – непризнатият противник на Третия райх / Съст. В. Тошкова и др. София, 1995. Док. № 159. С. 195–196.

[55] *Волков В.К.* Советское руководство и Юго-Восточная Европа... С. 103–109; *Idem*. The Soviet Leadership and Southeastern Europe. P. 64–69.

[56] *Тошкова В.* Великите победители... С. 9–24.

inslav

ля [57]. Вывод Волкова в этом отношении правомерен. Однако не только о желаниях Тито в отношении Болгарии, но и о его других территориальных притязаниях, в частности в отношении Италии и Греции, Сталину было известно еще весной – летом 1944 г. от Корнеева [58]. Почему же, тем не менее, оказалась санкционирована Кремлем договоренность в конце сентября 1944 г. между Димитровым и Тито о курсе на создание федерации южных славян, а в конце ноября Сталин даже дал установку на ускорение федеративного объединения и лишь по итогам встречи с Хебрангом высказал иную позицию? Так вопрос Волковым или Тошковой не ставился. Тем более что если Волков, по крайней мере, специально касался сентябрьской договоренности между Димитровым и Тито, то у Тошковой она совсем не упоминается, а о высказывании Сталина 22 ноября 1944 г. в пользу ускорения образования федерации ни слова нет у обоих названных исследователей.

Наличие подобных лакун придает уязвимость, прежде всего, мнению Тошковой. Она, настаивая на том, что Сталин вообще не хотел федерации Болгарии с Югославией, никак не уточнила, к какому периоду относится ее утверждение, которое, таким образом, выглядит как чуть ли ни характеризующее постоянную позицию правителя СССР в конце 1944 – начале 1945 г. Однако как раз не упоминаемые Тошковой договоренность Димитрова с Тито в конце сентября и особенно установка Сталина на встрече с югославами 22 ноября 1944 г. свидетельствуют, что тогда советский вождь был сторонником федеративного замысла. И если, на ее взгляд, он стал воздействовать на Димитрова в противоположном

---

[57] Восточная Европа... Т. I. Док. № 37. С. 126–131; *Димитров Г.* Дневник... С. 460 (запись Димитрова о том, что сказал ему Сталин после беседы с Хебрангом. Оригинал записи на русском языке: ЦДА. Ф. 146. Оп. 2. А.е. 15. Л. 6–7).

[58] БКП, Коминтернът... Т. II. Док. № 409. С. 1101; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1371. Л. 11. Кроме того, руководство НКИД располагало обширной информацией о территориальных устремлениях югославского коммунистического руководства, представленной работавшими в Москве деятелями КПЮ В. Влаховичем и Б. Масларичем (AJ. Ф. 836. KMJ I-3-c/3) не позднее августа 1944 г. (*Гибианский Л.Я.* Триестский вопрос в комиссии Литвинова (осень 1943 г. – весна 1945 г.) // Slovenica II: Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. К юбилею И.В. Чуркиной / Отв. ред. С.И. Данченко, Н.Н. Старикова. М., 2011. С. 198, 209 – примеч. 21, 22).

inslav

направлении в течение первой декады января 1945 г., то, выходит, позиция Сталина на рубеже декабря – января изменилась. Тошковой это изменение не отмечается и, в сущности, вообще остается за пределами ее анализа. Но изменение действительно имело место. По какой же причине? В частности, не из-за полученного ли Москвой 1 января британского демарша-«вето», который Тошкова посчитала лишь предлогом для Сталина?

Здесь есть, правда, некоторая неясность, ибо первым отразившимся в документах показателем изменения стало высказанное Димитрову Молотовым еще 26 декабря 1944 г. мнение, что с заключением планировавшегося болгаро-югославского договора не следует слишком спешить [59]. Тошкова, отмечая этот факт, рассматривала его в духе своей версии: как отражение скрывавшейся Сталиным позиции вообще против федерации [60]. Но поскольку мы знаем, что на самом деле еще за месяц до того Сталин, наоборот, выступал за ускорение создания федерации, то встает вопрос, чем вызвано высказывание Молотова 26 декабря, если британское «вето» было вручено советской стороне лишь 1 января 1945 г.? Чем-то иным, нежели английский демарш? Или, возможно, Москва знала об этом демарше заранее от своих агентов вроде Д. Маклина или Г. Берджесса? Очевидно, это одна из тем для дальнейшего исследования. А общая точка зрения Тошковой, что в вопросе о федерации южных славян позиция Кремля в конечном счете оказывала определяющее воздействие на практические шаги Димитрова, конечно, вполне правомерна.

Что касается версии Волкова, то в ней нет упоминания не только, как уже сказано, об установке на ускорение федеративного объединения, высказанной Сталиным 22 ноября 1944 г., но и о позиции, высказанной Димитрову Молотовым 26 декабря 1944 г., и об английском демарше, полученном правительством СССР 1 января 1945 г. Британское воздействие вовсе не учтено в этой версии. А потому трудно судить, насколько изменение позиции Сталина было обусловлено, как считал Волков, озабоченностью всей суммой югославских территориальных устремлений, изложенной Хебрангом, а насколько – иными возможными факторами, в том числе английским «вето».

Во всяком случае, как бы ни относиться к той или иной из названных версий, в итоге упомянутых выше советско-югославо-болгарских совещаний в Москве в конце января 1945 г. был под советским руково-

---

[59] *Димитров Г.* Дневник... С. 456.

[60] *Тошкова В.* Великите победители... С. 10 и след.

inslav

дством срочно выработан для предстоящего заключения договор о союзе между Югославией и Болгарией. Но предусматривалось и одновременное подписание секретного письма-приложения к нему с указанием, что главной целью является образование южнославянской федерации. Причем, при участии Сталина было решено пока не предопределять вопроса о том, будет ли федерация дуалистической или Болгария займет там положение, аналогичное каждой из федеральных частей Югославии [61]. А англичанам советское правительство в ответной ноте 29 января заявило, что в данное время об образовании федерации речь не идет и переговоры ведутся лишь о заключении болгаро-югославского пакта взаимопомощи, к чему СССР относится положительно [62].

Однако на последовавшей за этим Крымской конференции англичане выступили и против договора. А предпринятые вслед за конференцией советские попытки продолжить переговоры на сей счет с западными союзниками остались безрезультатными [63]. Заключение болгаро-югославского договора тоже пришлось отложить.

После неудачных переговоров с болгарами о федерации и выступления Сталина в пользу дуалистического варианта, не отвечавшего замыслу Тито, последний, насколько можно судить по документам, довольно охладел к федеративным планам. Во всяком случае, когда этот вопрос в апреле 1946 г. был поднят болгарским посланником в Белграде, Тито высказался отрицательно о возможности реализации данной идеи в ближайшем будущем и известил вернувшегося в Болгарию Димитрова, что пока не считает своевременным приступать и к заключению союзно-

---

[61] Отношения России... Док. № 530. С. 405; *Avramovski Ž.* Devet projekata... S. 95, 113–121; *Димитров Г.* Дневник... С. 463; ЦДА. Ф. 147 б. Оп. 2. А.е. 1025. Л. 2.

[62] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 10. Л. 14.

[63] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. Док. № 17. С. 197; Док. № 21. С. 240, 244–245, 252, 255–256; Док. № 28. С. 281; АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 10. Л. 14–15; Велика Британија и Македонија: Документи. Т. I (18 август 1944 – 8 мај 1945) / Избор, превод и редакција Т. Чепреганов. Скопје, 1995. Док. 74–82. С. 183-195.

inslav

го договора между двумя странами [64]. Ту же позицию в отношении федеративного замысла руководитель Югославии повторил на встрече со Сталиным в конце мая и даже отчасти спорил с хозяином Кремля, который настаивал на необходимости федерации. В итоге Тито согласился с повторенной Сталиным установкой начать с подписания болгаро-югославского договора о дружбе и взаимопомощи, но идти фактически значительно дальше в установлении тесной связи между двумя странами [65]. Возможно, здесь оказывало особое влияние то, что для югославской стороны существенное значение сохраняла желательность присоединения Пиринской Македонии к Македонской республике, существовавшей в рамках федеративной Югославии, а во время этого визита Тито в Москву Сталин продемонстрировал готовность идти навстречу подобному пожеланию и дал руководству Болгарии директиву о подготовке к такому присоединению в недалеком будущем. На данном этапе речь шла о мерах по введению своего рода автономии Пиринской Македонии [66].

Директива Сталина обусловила принятие постановления пленума ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов) о Пиринской Македонии в августе 1946 г., в соответствии с которым там стала усиленно осуществляться программа национальной македонской автономии и всяческого культурного сближения с Македонской республикой в Югославии [67]. Проведение подобных мер соответствовало стремлению югославской стороны [68]. Но она хотела большего форсирования в решении этого во-

---

[64] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 15. Л. 39–40, 47–48, 72; *Димитров Г.* Дневник... С. 525.

[65] *Гибианский Л.Я.*, *Мурин Ю.Г.* Последний визит... С. 23, 26–27 (повторно опубликовано: Советско-югославские отношения 1945–1956 гг. Док. 46. С. 92–93; Док. 47. С. 95–97).

[66] БКП, Коминтернът... Т. II. Док. № 511. С. 1269, 1270.

[67] Материалы этого пленума ЦК болгарской компартии опубликованы частично, в: БКП, Коминтернът... Т. II. Док. № 515–517. С. 1278–1284.

[68] В болгарской историографии эти меры оценивались как навязанная извне насильственная деболгаризация населения Пиринской Македонии (см., напр.: *Мичев Д.* Македонският въпрос и българо-югославските отношения. 9 септември 1944 – 1949. София, 1994. Гл. 2; *Ангелов В.* Хроника на едно национално предателство: Опитите за насилствено денационализиране на Пиринска Македония (1944–1949 г.). Благоевград, 1999. С. 108–237), в то время как в македонской историографии такая оценка оспаривалась или

inslav

проса и в конце 1946 г. подвергла болгарское руководство резкой критике, в том числе и публичной, за то, что в опубликованном тогда проекте новой конституции Болгарии не было упоминания о македонцах как национальном меньшинстве. Столь острый и публичный югославский выпад вызвал негативную оценку в Москве [69].

С весны – лета 1947 г., в значительной мере по инициативе Димитрова, София и Белград предприняли меры по заключению болгаро-югославского договора о дружбе и взаимопомощи и ряда соглашений интеграционного характера в экономической сфере, которые рассматривались как шаг на пути к будущей федерации южных славян [70]. Однако при этом руководители обеих стран вначале недостаточно консультировались с Москвой и даже пренебрегли ее указаниями подождать с подписанием двустороннего договора до того момента, как вступит в силу мирный договор с Болгарией. Такое поведение вызвало резкое осуждение со стороны Сталина, который тем не менее после вступления в силу мирного договора с Болгарией дал добро на заключение пакта между Болгарией и Югославией [71]. Но что касалось федерации, никаких решений о ее будущей организации принято не было, в том числе и по принципиальному вопросу о том, станет ли она дуалистической или Болгария получит такой же статус, как и каждая из уже имевшихся республик федеративной Югославии. В сущности, создание федерации отодвигалось на неопределенный срок, превращалось скорее в политико-пропагандистский лозунг, нежели в непосредственную практическую задачу. Пока что югославское руководство старалось максимально усилить влияние своей Македонской республики на Пиринскую Македонию.

ставилась под сомнение (напр.: *Велјановски Н.* Македонија во југословенско-бугарските одно-си (1944–1953). Скопје, 1998. С. 180–190). В постюгославской сербской историографии можно наблюдать тенденцию рассматривать упомянутые события, приводя различные, в том числе противоположные, оценки происходившего (напр.: *Dragišić P.* Op. cit. S. 176–192).

[69] Восточная Европа... Т. I. Док. № 240. С. 708.

[70] Соглашения и договор, заключенные в августе и ноябре 1947 г., см.: Външна политика на Народна република България: Сборник от документи и материали. Т. I. София, 1970. Док. № 36–39. С. 90–99; DSP SFRJ. 1947. T. II. Beograd, 1986. Dok. 41–45. S. 84–92; Dok. 149–150. S. 374–377.

[71] AJ. Ф. 836. KMJ I-2/17. Л. 69, 70.

inslav

Но еще более активные усилия югославское руководство направляло в течение первых послевоенных лет на фактическую интеграцию Албании с Югославией. Благодаря той в большой мере патронирующей роли, которую КПЮ со времени войны играла по отношению к КПА, Югославия серьезно воздействовала на деятельность албанских властей через своих военных и гражданских советников в Албании. В контактах с советской стороной Тито обнаруживал стремление к тому, чтобы в конечном счете Албания вошла в федеративную Югославию [72]. Этот вопрос был, в частности, поднят и во время визита Тито в СССР в конце мая – первой половине июня 1946 г. В переговорах со Сталиным на вопрос последнего, согласен ли албанский коммунистический лидер Э. Ходжа на включение Албании в Югославию, Тито ответил утвердительно, хотя, судя по документам, так категорично и прямо Ходжа к тому времени не высказывался. Однако Сталин, одобрив идею заключения югославо-албанского договора о дружбе и взаимопомощи, который бы «поближе подвел» Албанию к Югославии, заявил о преждевременности присоединения первой ко второй. Он мотивировал свою позицию необходимостью для Югославии сначала добиться нужного ей решения триестского вопроса. Тито пришлось с этим согласиться [73].

Из имеющихся документов не ясно, был ли аргумент Сталина действительным выражением советской позиции или лишь тактической уловкой, призванной воспрепятствовать федерированию Албании с Югославией. Так или иначе, но в результате московских переговоров 1946 г. проблема прямого объединения была на время снята. Вместе с тем советская сторона, дав Тито «добро» на договор о дружбе и взаимопомощи и соглашение о тесном экономическом сотрудничестве с Албанией, уведомила албанское руководство, что выступает за их заключение и «ориентацию Албании на близость с Югославией». Это оказало влияние на албанскую позицию, в частности на приехавшего в Белград в конце июня 1946 г. Ходжу, и способствовало подписанию в начале июля соответствующих югославо-албанских документов [74].

---

[72] См., напр.: АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 10. Л. 1; Д. 15. Л. 38–39.

[73] *Гибианский Л.Я., Мурин Ю.Г.* Последний визит... С. 23, 26 (повторно опубликовано: Советско-югославские отношения 1945–1956 гг. Док. 46–47. С. 92–93, 95–97.

[74] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 15. Л. 167–168; Д. 16. Л. 1.

inslav

В ходе переговоров с Тито в июне 1946 г. Ходжа поднял и вопрос о Косове. Он отнюдь не считал целесообразным ставить проблему присоединения Косова к Албании в качестве актуальной задачи. Очевидно, он понимал, что для югославского руководства это на данной стадии политически невыполнимо. Ходжа просил Тито о другом: в какой-то форме публично обозначить перспективу объединения Косова с Албанией в будущем, отметив это, например, в албано-югославском договоре о дружбе и взаимопомощи. Он аргументировал это необходимостью противостоять противникам коммунистической власти как в самой Албании, так и среди албанцев Косова, обвинявших албанское правительство, что оно продало судьбу Косова Югославии. Однако, как и во время войны, Тито, с одной стороны, заверял Ходжу, что стоит за право албанцев Косова на объединение с Албанией в будущем, а с другой стороны, заявил о невозможности в какой-либо форме выдвигать в данный момент вопрос о присоединении этой области к Албании. Он сослался как на неблагоприятное международное положение, так и на то, что постановка вопроса о Косове ослабила бы внутриполитические позиции югославского правительства, особенно в Сербии. Тито предложил принять меры для облегчения связи албанцев Косова с Албанией, вплоть до открытия границы, на что Ходжа реагировал довольно сдержанно [75].

Вопрос о Косове и югославо-албанских отношениях затрагивался и во время советско-югославских переговоров в апреле 1947 г., когда Кардель изложил Сталину намерение Белграда передать Косово в будущем Албании при одновременном интегрировании Албании с Югославией. Сталин, во всяком случае на словах, одобрил данный план [76]. При такой постановке вопроса, в сущности, Косово должно было играть роль своеобразной цены за фактическое приобретение всей Албании югославским коммунистическим режимом.

Однако постепенное установление прямых советско-албанских контактов, особенно после того, как Ходжа и следующий за ним по рангу в албанском руководстве К. Дзодзе посетили Москву в июле 1947 г., вызвало беспокойство у Тито, который опасался, что это может угрожать преимущественной позиции югославов в Албании. Обеспокоенность возросла, когда югославы узнали, что влиятельный член албанского руководства Н. Спиру, придерживавшийся антиюгославских взглядов, имел

[75] Восточная Европа... Т. I. Док. № 159. С. 476–477.
[76] AJ. Ф. 836. KMJ I-3-b/639. Л. 9.

instaw

особые контакты с советскими представителями в Тиране. В конце ноября 1947 г. Спиру перед лицом югославских обвинений во враждебной деятельности покончил с собой, потеряв надежду на получение весьма ожидавшейся им поддержки из Москвы [77]. Но Тито, встревоженный сведениями о советских связях Спиру, даже после самоубийства последнего тем не менее обратился к Кремлю, стремясь получить там подтверждение согласия на то, чтобы Югославия продолжала играть преимущественную роль в Албании, и одобрение мер по усилению этой роли [78]. В ответ Сталин в беседе с Милованом Джиласом, одним из ближайших сотрудников Тито, в середине января 1948 г. высказался за дальнейшее развитие тесной связи Албании с Югославией вплоть до их объединения. Однако, так же, как при встрече с Тито в мае 1946 г., он сказал о необходимости отложить объединение до более благоприятного времени [79]. Документы и на сей раз не дают ясного ответа, отражало ли это его реальные стремления или было лишь тактической игрой с югославами.

Тем временем, получив от Джиласа сообщение о советской позиции, Тито предложил Ходже предоставить в южной Албании базу для размещения югославской дивизии. Он ссылался на угрозу греческого вторжения в Албанию при западной поддержке. Ходжа согласился [80]. Согласно же мемуарам Джиласа, действительным стремлением Тито было упрочить позиции Югославии в Албании вводом туда войск [81]. Так или иначе, но Тито принял это решение без консультации с СССР. Как только советское руководство узнало о поведении Белграда, оно резко

---

[77] См.: AJ. Ф. 507: ЦК СКЈ. IX. 1/I-135. Л. 10–13, 14–15, 16–21, 26–30; 1/I-141; I/I-142; Ф. 836. KMJ I-3-b/651. Л. 3, 4–5; Восточная Европа... Т. I. Док. № 250. С. 735–737.

[78] AJ. Ф. 836. KMJ I-3-b/651. Л. I–5; Архив Министарства иностраних послова (Београд). Фонд ПА. 1947 god. F-IV. Str. Pov. 1765; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 99. Л. 1–5, 8 (см. также: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 / Отв. ред. Т.В. Волокитина. Т. 1. М., 1999. Док. № 181. С. 510–512).

[79] AJ. Ф. 836. KMJ I-3-b/651. Л. 10–11; *Đilas M.* Vlast i pobuna. Beograd, 1991. S. 127–128.

[80] AJ. Ф. 836. KMJ I-3-b/651. Л. 24; KMJ I-3-b/34.

[81] *Đilas M.* Vlast i pobuna. S. 125.

inslav

осудило его и немедленно вызвало высокопоставленных югославских представителей в Москву [82].

Одновременно в Москву были вызваны и болгарские руководители после того, как Кремль резко осудил заявление Димитрова 17 января 1948 г. о будущем создании федерации всех восточноевропейских стран. Заявление было также сделано без предварительного согласования с советским руководством и отражало лишь собственные идеи Димитрова. Сталин оценил замысел создания большой восточноевропейской федерации отрицательно, и Димитров был подвергнут публичной критике в «Правде» [83]. Тито тоже отнесся к заявлению Димитрова негативно и сразу, еще не зная о реакции Сталина, адресовался в Москву с предложением, чтобы советская сторона сделала строгое внушение болгарскому лидеру [84]. Позиция Тито была понятна: он не был заинтересован в создании большой федерации, где Югославия оказалась бы всего лишь одним из членов. Его федеративные планы были, наоборот, направлены на включение некоторых соседних балканских стран в Югославию.

Хотя в осуждении заявления Димитрова Тито оказался вместе со Сталиным, югославская попытка ввести войска в Албанию, предпринятая без ведома Кремля, делала в советских глазах югославское руководство не менее проштрафившимся, чем Димитров. Но в отличие от последнего, прибывшего по вызову в Москву вместе со своими ближайшими сотрудниками Т. Костовым и В. Коларовым, Тито в Москву не приехал, а поручил неприятные объяснения там Карделю, Джиласу и В. Бакаричу. На встрече с болгарами и югославами 10 февраля 1948 г. Сталин вновь резко осудил идею Димитрова о федерации всех восточноевропейских стран. Что же касалось Югославии, то, во-первых, Сталин запретил размещение югославских войск в Албании, отметив, что югославы пытались сделать это из-за боязни, как бы СССР не стал играть там ведущую роль. Во-вторых, он противопоставил объединению Албании с Югославией, столь желательному для Тито, идею образования сначала болгаро-югославской

---

[82] Документы об этом: Конфликт, которого не должно было быть (из истории советско-югославских отношений) // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 6 (64). С. 57, 59, 60. Часть тех же документов опубликована повторно в: Советско-югославские отношения 1945–1956 гг. Док. 108–110. С. 211–213.

[83] AJ. Ф. 836. KMJ I-3-b/140. Л. 7–8; Правда, 28 I 1948.

[84] AJ. Ф. 836. KMJ I-3-b/651. Л. 15.

instav

федерации, к которой позднее присоединилась бы и Албания [85]. Историография не располагает документальными данными, действительно ли он был готов к подобному развитию событий или это была лишь тактическая игра. В любом случае выдвижением подобного плана ставились под вопрос замыслы Белграда в отношении Албании.

Болгарское руководство приняло указания Сталина к исполнению и с энтузиазмом приветствовало идею создания болгаро-югославской федерации [86]. Однако югославская сторона по возвращении ее делегации из Москвы решила на этом этапе не соглашаться на федерацию с Болгарией [87]. В то же время Белград пытался убедить Тирану, чтобы она сама выступила с инициативой ввода югославских войск в Албанию и объединения Албании с Югославией [88].

Таким образом, исходя из своих собственных интересов, югославское руководство начало действовать в противоположность советским указаниям, а тем самым – вопреки иерархии отношений внутри советского блока. Это послужило важнейшим отправным пунктом возникновения советско-югославского конфликта, приведшего к известным резолюциям Коминформа в июне 1948 г. и в ноябре 1949 г., первой из которых коммунистический режим Югославии был объявлен исключенным из советского блока и мирового коммунистического движения, а второй и вовсе провозглашен фашистским и прислужником «империализма» [89].

Исключение Югославии из советского блока положило конец прежним планам федеративного объединения. Без Югославии создание федерации лишь из Болгарии и Албании, продолжавших оставаться в советском блоке, было практически невозможно даже чисто географиче-

---

[85] См.: *Гибианский Л.Я., Волков В.К.* На пороге... Док. № 1. С. 97–99, 100; Док. № 2. С. 103, 105, 107, 108; С. 117 – примеч. 34, 37.

[86] ЦДА. Ф. 147 б. Оп. 2. А.е. 62. Л. 42–49 (о федерации – Л. 48); AJ. Ф. 507: ЦК СКЈ. IX. 15/I-102, 15/I-104.

[87] Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11 jun 1945 – 7 jul 1948) / Prired. B. Petranović. Beograd, 1995. Deo II. Dok. 34. S. 234; Dok. 35. S. 242–244.

[88] AJ. Ф. 507: ЦК СКЈ. IX. 1/I-135, 1/I-163, 1/I-164; Ф. 836. KMJ I-3-b/135. Л. 3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 472. Л. 78–79, 84–86.

[89] Подробнее см., напр.: Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. Ч. IV. Гл. 2 (автор – Л.Я. Гибианский).

inslav

ски: они не граничили друг с другом. Не говоря уж о том, что из исследованной документации не видно, чтобы после разрыва с Югославией Кремль был бы хоть в какой-то мере заинтересован в образовании федерации «народных демократий» на Балканах, как, впрочем, и во всей сфере советского контроля.

Но при этом на первых порах вопрос о федерации использовался Москвой и коммунистическими режимами, находившимися под эгидой СССР, прежде всего балканскими, для публичных пропагандистских обвинений Белграда в том, что он, как утверждалось, «своей раскольнической политикой» препятствует реализации федеративных планов. Особую известность приобрело подобное обвинение, специально включенное в доклад Димитрова на состоявшемся в декабре 1948 г. V съезде Болгарской компартии. Димитров заявил в докладе, что болгарская сторона по-прежнему выступает за создание федерации южных славян, которая бы объединила Болгарию и Югославию, но этому противится югославское руководство, ставшее, по словам Димитрова, «главным препятствием» для такой федерации [90].

Немного позже, в начале 1949 г., в возглавляемом Кремлем фронте борьбы против Тито возникла новая тактическо-пропагандистская комбинация, эксплуатировавшая идею федерации на Балканах. Комбинация была связана со сложностями, которые ввиду советско-югославского конфликта возникли для Компартии Греции (КПГ) и возглавляемых ею повстанческих вооруженных сил, сражавшихся против правительственных войск в ходе гражданской войны. Присоединение руководства КПГ к антититовской кампании, дирижируемой Москвой, вызвало столкновение в той части повстанческого движения, которая представляла так называемое славяномакедонское население греческой Македонии. В этой части движения одни деятели, ориентируясь в большей мере на Скопье и Белград, выступили как югославские сторонники, в то время как другие деятели, на которых активно воздействовала верхушка КПГ, приняли ее позицию. КПГ было крайне важно удержать славяномакедонских участников повстанческих сил под своим влиянием, блокируя влияние, оказывавшееся из Югославии. Ведь именно славяномакедонские участники, по

[90] Политический отчет ЦК БРП (к), сделанный генеральным секретарем ЦК Георгием Димитровым на 5 с"езде, 19 декабря 1948 года. София, 1948. С. 88–90, 97–98. Эта брошюра была издана в качестве официального перевода доклада Димитрова на русский язык.

instav

различным данным историографии, составляли в тот момент чуть ли ни до 1/3 и даже до 2/3 повстанцев. Поэтому в конце января – марте 1949 г. руководство КПГ и подконтрольный ему Национально-освободительный фронт (НОФ) Эгейской Македонии провозгласили целью образование «народно-демократической федерации балканских народов», в которой одним из равноправных государств-членов была бы и объединенная Македония. Последняя, как заявлялось, включила бы и Эгейскую Македонию. Дело даже рисовалось так, что греческая Македония призвана положить начало новой македонской государственности [91].

Тем самым, пропагандистски выдвигался такой способ создания федерации «народных демократий» на Балканах и образования объединенной Македонии, который, по меньшей мере, игнорировал уже существовавшую в составе Югославии республику Македония, провозглашавшуюся режимом Тито олицетворением македонской государственности. Более того, в противовес всей предшествовавшей югославской линии на присоединение остальных частей Македонии к этой республике, а таким образом – к Югославии, в комбинации, заявленной руководством КПГ и НОФ Эгейской Македонии, можно было усмотреть намек на то, что полное объединение Македонии станет возможным при отпадении ее Вардарской части от Югославии.

Позиция, провозглашенная КПГ, получила одобрение в болгарской печати [92]. И тем самым приобретала более широкое значение, становясь частью общей политической кампании против югославского режима. Как сама предпринятая акция, так и особенно ее поддержка в болгарской печати были способны даже вызвать в тот момент подозрение, что тут дело не обошлось без санкции, если даже не инициирования со стороны Москвы.

Естественно, подобное положение обусловило крайне негативную реакцию югославского руководства. На первых порах она получила выражение в начале марта 1949 г. в секретных контактах между Белградом и верхушкой КПГ, тогда еще частично сохранявшихся, поскольку Югославия продолжала участвовать в оказании помощи партизанским силам, которые КПГ возглавляла. В ответ на югославские возмущение и упреки руководство КПГ в ходе

---

[91] См., напр.: *Rossos A.* Op. cit. P. 71–73; *Улунян Ар.* Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики, внутренней истории: КПГ в Национальном Сопротивлении, Гражданской и «холодной» войнах, 1941–1956 гг. М., 1994. С. 232–240.

[92] *Улунян Ар.* Указ. соч. С. 233.

inslav

упомянутых контактов стало сразу же стараться, насколько возможно, уклониться от обсуждения вопроса, поставленного югославской стороной, по существу. Оно отрицало, что провозглашенная новая линия по поводу федерации на Балканах и будущего создания объединенного македонского государства связана с советско-коминформовской кампанией против режима Тито. И объясняло выдвижение новой линии исключительно необходимостью создать противовес, как утверждалось, «раскольникам» НОФ Эгейской Македонии, которые, ориентируясь на Югославию и найдя там убежище, развернули под покровительством югославских властей «пораженческую агитацию», адресованную славяномакедонским участникам партизанского движения в Греции. Со стороны КПГ утверждалось, что агитация содержала призыв к отказу от продолжения участия в этом движения, к дезертирству из партизанских рядов и переходу в югославскую Македонию. Перекладывая, таким образом, ответственность за происходившее на югославские власти, руководство КПГ, в свою очередь, более чем прозрачно обвинило Белград, что тот конкретные вопросы оказания помощи греческим партизанам стремится использовать в качестве инструмента давления с целью навязать свою линию коммунистам Греции [93].

Югославская сторона с самого начала этой проходившей в тайне дискуссии настаивала на срочном урегулировании возникшей проблемы, имея в виду достижение результата в своих интересах. И сразу предупредила, что иначе она будет вынуждена изложить собственную позицию через югославскую печать, поскольку коммунистическое радио «Свободная Греция» и болгарская пресса уже сделали публичной новую линию КПГ по поводу Македонии и федерации на Балканах [94]. Но когда в течение ближайших дней Белграду стало очевидно, что на желательный исход, тем более быстро, рассчитывать не приходится, в центральной газете КПЮ «Борба» была опубликована специально посвященная этой теме большая статья М. Пьяде, одного

---

[93] См.: AJ. Ф. 507: ЦК СКЈ. IX. 33/I-711 (К-6. Л. 84–89). Ксерокопии этих документов оказались в моем распоряжении благодаря любезности М. Милошевича, руководителя Архива Югославии, в постюгославские годы временно переименовывавшегося в Архив Сербии и Черногории. Те же документы, но со ссылками на другие архивные шифры опубликованы в переводе на греческий язык в: *Κοντης Β., Σφετας Σ.* (επιμ.). Εμφυλιοσ πολεμοσ: Εγγραφα απο τα γιουγκοσλαβικα και βουλγαρικα αρχεια. Θεσσαλονιχη, 1999. Εγγρ. 40–44.

[94] AJ. Ф. 507: ЦК СКЈ. IX. 33/I-711 (К-6. Л. 85); см. также: *Κοντης Β., Σφετας Σ.* (επιμ.). Ibid. Εγγρ. 40. Σ. 129.

instav

из видных деятелей коммунистического режима Югославии. В публикации содержалась та же – если не еще более острая – критика, которая уже была только что высказана югославской стороной в ходе тайных контактов с верхушкой КПГ относительно упомянутой линии КПГ и НОФ Эгейской Македонии в вопросе о македонской независимости и Балканской федерации. Однако, эта линия характеризовалась в статье как навязанная руководством Болгарии и являющаяся одним из инструментов коминформовской политики, направленной как против Югославии, так и против подлинных интересов всех балканских народов, включая македонский и греческий. В заключение проводилась мысль о том, что идея балканской или южнославянской федерации, прежде находившаяся «на линии общественного прогресса», в сложившихся условиях утеряла такой характер, превратилась в «реакционную и контрреволюционную», в средство борьбы против социалистической Югославии [95].

Но уже ближе к концу 1949 г. произошел новый поворот тактики Кремля, а тем самым и всего советского блока в вопросе о федерации «народных демократий» на Балканах: теперь идея создания южнославянской либо балканской федерации попала в категорию неприемлемых. В этом смысле показательна, например, та редакционная правка, которой были подвергнуты, преимущественно советскими представителями, доклады и выступления участников совещания Коминформа, состоявшегося в ноябре 1949 г., при включении этих материалов в протокол совещания. Так, любое упоминание о том, что идея южнославянской или балканской федерации пользовалась до того времени огромной популярностью в компартии и среди населения Болгарии, было исключено из письменного текста выступления В. Червенкова, одного из руководящих деятелей болгарского коммунистического режима [96]. Хотя протокол совещания Коминформа был сугубо секретным, даже в таком документе советская сторона больше не хотела каких-либо упоминаний о прежних коммунистических планах создания федерации на Балканах. А на состоявшемся в декабре 1949 г. инсценированном судебном процессе против Т. Костова, до того являвшегося одним из высших руководителей коммунистического режима Болгарии, планы образования фе-

[95] *Пијаде М.* О питању Балканске федерације // Борба. 6 III 1949. С. 2. Вся эта история стала, очевидно, одним из факторов, ускоривших произошедшее два с половиной месяца спустя прекращение помощи из Югославии греческим партизанам и закрытие югославо-греческой границы.

[96] РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 74. Л. 165, 177.

inslav

дерации южных славян, в прежние годы обсуждавшиеся и согласовывавшиеся между Белградом и Софией, вовсе изображались в черном свете. Они были представлены как чуть ли ни следствие заговора «англо-американских империалистов» и «клики Тито», якобы пытавшихся при содействии их «шпиона» Костова использовать идею федерации для отрыва Болгарии от Советского Союза и «народных демократий» [97]. Фактическим автором подобной версии, сделавшейся публичной, был Кремль, поскольку обвинение против Костова монтировалось по непосредственным указаниям и под контролем советской стороны [98].

Подобно тому, как во время Второй мировой войны приходом советских войск на Балканы и установлением там «народных демократий» был поставлен крест на планах Лондона и эмигрантских правительств Югославии и Греции создать после войны федерацию / конфедерацию балканских государств, так теперь был поставлен крест и на коммунистических замыслах федеративного объединения стран полуострова. Эти замыслы исчезли со сцены не только в качестве каких-то шагов практической политики, но и вообще как идея.

---

[97] Судебный процесс Трайчо Костова и его группы. София, 1949. С. 20–27, 28–30, 39, 89–102, 110, 118, 478–479. Эта книга содержала официальный перевод материалов судебного процесса на русский язык.

[98] О советской роли в деле Костова см., напр.: *Петров Н.В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД – МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011. С. 234–245.

instav

Александр Животич
Белград

Албания и югославское ви́дение Балканской федерации после Второй мировой войны

Во время Второй мировой войны на территории Албании югославское партийное руководство стремилось к созданию прочной партийной и военной организации, однако изменение обстановки на фронтах в конце 1942 г. побудило его активизировать деятельность и на юге Балканского полуострова. С этой целью на юг страны отправился Светозар Вукманович Темпо, перед которым стояла задача развертывания борьбы на территории южной Сербии, Македонии, Косово и Метохии, а также установления отношений с представителями коммунистических партий Греции, Болгарии и Албании [1]. Следовало подготовиться как к возможному переносу союзниками операций на Балканы, так и к тому, что прежние успехи партизанского движения будут девальвированы, если союзники окажут помощь буржуазным политическим движениям. О характере миссии знали только Йосип Броз Тито и С. Вукманович [2]. Помимо побуждения к проведению вооруженных вылазок и общей координации военных усилий, следовало работать и на революционную перспективу.

Результаты активности Вукмановича не заставили себя ждать. 20 июня 1943 г. в Албании представители коммунистических движений, осознававшие необходимость согласования действий и активизации борьбы на Балканах, достигли соответствующих договоренностей, в которых предусматривалось формирование общего штаба и единое командование. Данное сотрудничество, помимо решения актуальных военных задач, должно было способствовать достижению долгосрочных политических целей, а именно, формировать предпосылки для победы народно-освободительного движения после разгрома фашизма [3].

---

[1] *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991. S. 62.
[2] *Vukmanović S.* Revolucija koja teče. Knj. I. Beograd, 1971. S. 168.
[3] *Petranović B.* Op. cit.

inslav

Однако, согласованности усилий мешали серьезные препятствия, одним из которых стали шовинистические сербофобские настроения албанского населения Косово и Метохии. Предполагалось, что более успешной мобилизации местных югославских албанцев на борьбу с немцами поспособствует переселение на территорию края албанцев из Албании [4]. Это соображение побудило югославскую сторону запросить Главный штаб Народно-освободительной армии Албании отправить в район севернее г. Скадар партизанские отряды, которые бы мобилизовали албанское население Косово и Метохии на борьбу с оккупантами. С этой же целью Фадилю Ходже присвоили звание командующего всеми партизанскими отрядами на территории Косово и Метохии. Эти меры преследовали двоякую цель. С одной стороны, они демонстрировали албанцам, какие перспективы открывает перед ними партизанское движение. А, с другой, должны были воспрепятствовать их переходу на сторону движения Балли комбетар. В это же время, существовали опасения, что «заигрывания» с албанцами могут вызвать недовольство сербского населения области.

Проблема мобилизации албанцев остро стояла и в Македонии [5]. Предполагалось, что Главный штаб Народно-освободительной армии Албании отправит туда Хаджи Леши, которому следовало наладить тесные отношения с македонскими партизанами в районе г. Елбасан с целью установления полного контроля над этой территорией и блокирования транспортной артерии Корча-Елбасан [6]. Считалось целесообразным сосредоточить греческие силы в районе г. Костурия, албанские – в окрестностях Корчи, а югославские – между Охридом и Битолем. На очередной встрече, состоявшейся 12 июля 1943 г., югославские, албанские и греческие представители приняли решение о создании единого штаба – прообраза будущей конфедерации. В его состав должны были войти по 4 командира и политических комиссара [7].

В Македонии межнациональные противоречия стали препятствием для деятельности Вукмановича. В результате уже осенью 1943 г. Йосип Броз отказался от идеи формирования Балканского штаба [8]. Нельзя точно установить, как и почему было принято соответствующее решение.

---

[4] Ibid.

[5] *Бартл П.* Албанци. Од средњег века до данас. Београд, 2001. С. 228.

[6] *Petranović B.* Op. cit.

[7] *Vukmanović S.* Op. cit. S. 175.

[8] *Petranović B.* Op. cit. S. 66.

inslav

Можно лишь предположить, что, с одной стороны, свою роль сыграли опасения возможного распыления результатов югославской революции в новой среде с ее военной, идеологической и политической неопределенностью. С другой стороны, имели значение внешнеполитические соображения. В ситуации гражданской войны и борьбы за власть Броз опасался негативной реакции западных союзников, поддержки которых он добивался.

Несмотря на то, что влияние югославских коммунистов на события в Албании росло, со временем начали обостряться старые проблемы, появившиеся за много десятилетий до описываемых событий. Смена оккупантов в Албании и на югославских территориях, населенных албанцами, никак не повлияла на старую концепцию албанского этноцентризма. Проект Великой Албании считали национальным приоритетом все три фракции албанского народа: квислинги, прозападные антифашисты и даже коммунисты, не заявлявшие об этом публично лишь по причине особых отношений с югославской стороной [9]. Тем не менее, албанские коммунисты, участвовавшие в национально-освободительном движении на югославской территории, пропагандировали албанскую национальную интеграцию. Одновременно, албанское население Югославии опасалось народно-освободительного движения, считая, что его цель – восстановление прежней модели межнациональных отношений [10]. Межнациональная напряженность оказывала влияние и на взаимодействие албанского и югославского партизанских движений [11].

Несмотря на развитие военного и политического сотрудничества, зимой 1944–45 гг. вновь был поднят вопрос о будущем статусе Косово и Метохии. Возобновились начатые в 1942 г. дискуссии, в ходе которых упоминалось якобы сделанное Миладином Поповичем в устной форме обещание передать после войны эти области Албании [12]. Уже летом 1944 г. в Албании получила широкое распространение идея ее будущего объединения с Югославией, что, однако, в сложившейся на тот момент ситуации совершенно не соответствовало государственным интересам

---

[9] *Борозан Ђ.* Велика Албанија. Поријекло. Идеје. Пракса. Београд, 1995. С. 237.

[10] *Petranović B., Dautović S.* Jugoslavija, velike sile i balkanske zemlje, 1945–1948. Iskustvo «narodne demokratije» kao partijske države. Beograd, 1994. S. 82.

[11] Архив Југославије (далее – АЈ). 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ. Албанија, 1/I-6. Обращение к народу Косово. Декабрь 1943 г.

[12] *Смирнова Н.Д.* Письмо Кочо Ташко в Москву 1942 // Вопросы истории. № 2. 1999. С. 100–101.

inslav

последней. Само албанское руководство, придерживавшееся принципов интернационализма и права нации на самоопределение вплоть до отделения [13], не исключало присоединения Косово и Метохии, о чем, разумеется, не заявляло публично. Одновременно о необходимости присоединения этих областей к Албании заговорили почти уничтоженные к тому времени албанские прозападные организации. В целом, эта идея, по свидетельству члена югославской военной миссии в Тиране Нияза Диздаревича, нашла живой отклик в албанском народе [14].

Важным шагом на пути югославско-албанского сближения стало состоявшееся 20 февраля 1945 г. в Белграде заключение соглашения между Временным правительством Албании и Национальным комитетом освобождения Югославии [15]. Было подписано два исключительно важных международных договора. Первый, в котором речь шла о совместной борьбе против Германии, представлял собой основу будущего военного союза на случай агрессии третьей стороны в отношении Югославии или Албании [16]. Второй, регламентировавший обмен природными ресурсами, предполагал, что Албания отдаст Югославии излишки нефти и нефтепродуктов, а также шерсти и оливкового масла. Взамен Тирана получала бы кукурузу, пшеницу и сахар [17]. Оборонительный договор, фактически, предоставлял Албании югославские гарантии независимости, особенно значимые в условиях, когда ей грозила опасность со стороны Греции. Та в последние месяцы войны все активнее обвиняла предыдущее албанское правительство в соучастии в итальянской агрессии в 1940 г. Шаткость положения Албании усугублялась предложением ее раздела, сделанным Грецией Югославии [18]. Договор о военном союзе зафиксировал югославскую ориентацию

---

[13] *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 101.

[14] *Dizdarević N.* Albanski dnevnik. Sarajevo, 1988. S. 59.

[15] В состав албанской делегации входили: генерал-майор Муслим Пеза, зам. председателя правительства и член Главного штаба Народно-освободительной армии Албании Омер Нишани, министр иностранных дел Бехар Штила, министр сельского хозяйства и генерал-майор Бедри Спахию, министр социального развития и член Главного штаба.

[16] АЈБТ. КМЈ, I-3-b/11. Договор о союзе и военной взаимопомощи между Югославией и Албанией.

[17] Там же.

[18] О положении в Греции см. подробнее: *Kuniholm B.R.* The Origins of the Cold War in the Near East. Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and

instav

Албании, а также заложил основу установления будущих федеративных отношений, когда для этого будут созданы необходимые условия.

По оценке югославской стороны, к началу 1946 г. в Албании уже схлынула волна братских чувств в отношении народов Югославии. Энвер Ходжа все больше воспринимал югославское присутствие в Албании как тяжкое бремя. Проюгославская линия временно возобладала после V пленума ЦК КП Албании в феврале 1946 г., на котором было решено, что партии следует покончить с оппортунизмом, поддерживать братские отношения с народами Югославии, а также приступить к общественному строительству по югославскому образцу [19]. Принятые постановления не изменили, однако, враждебного настроя Энвера Ходжи, обременявшего отношения с Югославией постоянным упоминанием о проблеме статуса Косово и Метохии. Антиюгославская позиция албанского лидера четко проявилась в критических замечаниях, которые он накануне визита в Белград летом 1946 г. высказал в адрес Кочи Дзодзе [20].

Для Югославии, стремившейся к более активному влиянию на ситуацию на Балканах, Албания имела большое значение из-за ее стратегически важного географического положения, а кроме того и перспективы создания федерации, и использования средств, вложенных в албанскую экономику и строительство вооруженных сил. Реализация югославских планов в Албании наталкивалась на постепенно усиливавшееся противодействие Энвера Ходжи. Подоплека его конфликта с проюгославской группой во главе с Кочей Дзодзе состояла в позиции Ходжи, что именно Албания в соответствии с принципом права нации на самоопределение должна получить Косово и Метохию. Эта линия пользовалась поддержкой влиятельных групп албанского общества [21].

Greece. New Jersey, 1994; *Улунян А.А.* Балканы. Горячий мир холодной войны 1945–1960. М., 2001; *Клог Р.* Историја Грчке новог доба. Београд, 2000.

[19] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ. Албанија, 1/I-59. Отчет, отправленный Й. Джердже Й. Броз Тито о разговоре с Энвером Ходжей. 29 апреля 1945 г.

[20] Државни архив секретаријата Министарства иностраних послова (Далее – ДАСМИП). ПА-1946. Документ 4216. Доклад югославского посольства в Тиране от 10 января 1946 г.

[21] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ, Албанија, 1/I I -75. Выступление Э. Ходжи на заседании ЦК КП Албании накануне отъезда в Белград.

inslav

Первая и последняя официальная встреча Йосипа Броз Тито и Энвера Ходжи состоялась в июне-июле 1946 г. Визит албанского лидера, запланированный на более ранний срок, три раза откладывался из-за югославско-албанских разногласий, а также по причине неопределенности отношения И.В. Сталина к албанской политике Белграда [22]. В течение того времени, что готовился визит, югославский посланник в Тиране Йосип Джерджа поддерживал тесные связи с Ходжей, который в сложившейся ситуации выражал сомнения относительно своего намерения прибыть в Белград [23]. Визит должен был состояться в середине апреля [24], его отложили на конец мая [25], а затем и на 23 июня [26]. Последний перенос объяснялся желанием Тито, собиравшегося в Москву в конце мая – начале июня 1946 г., узнать мнение советского руководства о планировавшейся встрече.

Ходжа с воодушевлением принял приглашение югославской стороны, намеревавшейся в ходе его визита обсудить все проблемы двусторонних отношений [27]. Накануне отъезда албанский лидер заявил, что стал жертвой интриг, инициированных некоторыми членами местного партийного руководства, целью которых была его дискредитация, лишение властных полномочий и низведение до уровня статиста. По-видимому, Ходжа полагал, что встреча с Тито поспособствует укреплению его позиций и увеличит шансы одержать верх во внутрипартийной борьбе [28]. Югославская сторона намеревалась использовать предстоящую встречу

---

[22] АЈБТ. КМЈ. I – 1/7. Записка о переговорах югославской и советской делегаций в Москве, 27–28 мая 1946 г.

[23] АЈ. 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ. Албанија. 1/I-40. Донесение, отправленное Й. Джердже Й. Броз Тито о возможном приезде Э. Ходжи в Югославию. 22 января 1946 г.

[24] Там же. 1/I-54. Донесение, отправленное Й. Джердже Й. Броз Тито о возможном приезде Э. Ходжи в Югославию. 29 марта 1946 г.

[25] Там же. 1/I-65. Донесение, отправленное Й. Джердже Й. Броз Тито о возможном приезде Э. Ходжи в Югославию. 22 мая 1946 г.

[26] Там же. 1/I-68. Донесение, отправленное Й. Джердже Й. Броз Тито о возможном приезде Э. Ходжи в Югославию. 18 июня 1946 г.

[27] Там же.

[28] Там же. 1/I-71. Донесение, отправленное Й. Джердже Й. Броз Тито о настроениях в Албании в связи с возможным приездом Э. Ходжи в Югославию. 1 июня 1946 г.

instav

для подготовки подписания базового межгосударственного соглашения, которое бы наметило направления дальнейшего сотрудничества [29].

Албанская делегация, прибывшая в Белград 23 июня 1946 г. [30], была принята на высшем государственном уровне и размещена во дворце Стари Двор в районе Дединье. По приезде Ходжа удостоился высшей югославской награды – звания Народного героя [31]. О пребывании албанской делегации сохранилось совсем немного свидетельств, и о содержании переговоров мы можем судить только по мемуарам Ходжи, от которых веет враждебностью в отношении Югославии и ее лидера. Согласно им албанский лидер во время встречи заявил, что Косово, Метохия и прочие югославские области, где албанцы составляют большинство, следует присоединить к Албании, которая стремится к тому, чтобы укрепить свой статус свободного, суверенного и самостоятельного государства. Йосип Броз, якобы, принципиально согласился с предложением, подчеркнув при этом, что вопрос не удастся решить быстро и окончательно из-за неминуемого противодействия «сербского фактора» [32]. Броз выступал за создание Балканской федерации, механизмы которой позволили бы устранить проблему легче и элегантней. Ходжа выразил с этим согласие, настояв, однако, на том, что вопросы формирования федерации и статуса Косово и Метохии следует рассматривать отдельно. При этом, по его мнению, необходимо было немедленно приступить к подготовке передачи этих югославских областей Албании [33].

По возвращении в Тирану Ходжа, стремясь заручиться поддержкой СССР, сразу уведомил об албанских территориальных притязаниях

---

[29] Zapisnik sa sednice Politbiroa CK KPJ od 27. marta 1946. // Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945 – 7. jul 1948). Beograd, 1995. S. 140.

[30] Помимо Энвера Ходжи, занимавшего посты председателя албанского совета министров, министра обороны и министра иностранных дел, в состав делегации входили: зампред президиума Народного собрания Албании Муслим Пеза, генерал-майор Бедри Спахию, министр юстиции Манол Кономи, министр народного хозяйства Нако Спиро и албанский посланник в Белграде Хисни Капо.

[31] E. Hoxha dekorohet me urdhëerin e Heroit të Popullit të Jugosllavisë 26 qershor 1946. // *Plasari N.*, *Malltezi L.* Marredheniet shqiptaro-jugosllave 1945–1948. Tiranë, 1996. S. 38.

[32] *Hodža E.* Titoisti. Beograd, 1982. S. 146–148.

[33] Ibid. S. 149–150.

inslav

советского посланника Д.С. Чувахина. Москва, однако, обманула ожидания албанского руководителя [34]. Как пишет Чувахин в своем дневнике, Ходжа сказал ему, будто Йосип Броз согласился с его требованием, но с оговоркой, что в тот момент оно совершенно не реализуемо, и что, по мнению Тито, следовало действовать в направлении сближения народа Албании и населения Косово и Метохии для их интеграции в будущем. При этом не говорилось, в каком государственном организме это могло бы произойти [35]. О том, что Энвер Ходжа в Белграде поставил вопрос о статусе Косово и Метохии, свидетельствует и депеша Й. Джерджи. По мнению югославского посланника в Тиране, Ходжу на такой шаг сподвигло донесение албанского посла в Москве Кочи Ташко, сообщившего будто Тито вопрос принадлежности Косово и Метохии обсуждал со Сталиным, который посоветовал разрешить его в пользу Албании [36]. Джерджа за день до того, как сообщить о своих догадках Тито, детально информировал Чувахина о визите Ходжи в Белград. Джерджа заявил, что между югославским и албанским правительствами достигнут полный консенсус по всем вопросам, кроме косовского, так как Белград твердо стоит на том, что для передачи этого региона Албании отсутствуют необходимые внутренние и внешние политические условия. С югославской точки зрения, такой шаг мог бы спровоцировать соответствующую реакцию Сербии, для которой Косово и Метохия имели особое историческое значение, а также дестабилизировать весь Балканский полуостров [37]. Имеющиеся в нашем распоряжении советские и югославские источники не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть факт обсуждения косовской проблемы Йосипом Брозом и Сталиным во время пребывания югославской делегации в Москве. Нельзя также определить, на основании чего Ходжа сделал вывод, что такое обсуждение имело место.

---

[34] Из дневника посланника СССР в Албании Д.С. Чувахина, 3.7.1946 // Восточная Европа в документах российских архивов. I. (1944–1949). Москва – Новосибирск, 1997. С. 472–476.

[35] Там же.

[36] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ, Албанија, 1/I-78. Донесение, отправленное Й. Джердже Й. Броз Тито о непосредственном поводе для упоминания Э. Ходжей косовского вопроса. 6 июня 1946 г.

[37] Из дневника Д.С. Чувахина, 5.7.1946 // Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. I. (1944–1948). М., 2002. С. 315–317.

instav

Таким образом, по вопросу о Косово и Метохии сформировались две противоположные позиции: югославская, увязывавшая их судьбу с перспективой создания Балканской федерации, и албанская, предусматривавшая передачу Тиране территорий вне зависимости от будущих политических изменений. Очевидно, Ходжа находился под мощным давлением настроений народных масс, позиции властей, компартии и армии. В свою очередь обуреваемый планами перекройки Балкан Тито стремился направить Албанию по югославскому пути развития [38]. Препятствием для одностороннего удовлетворения албанских притязаний на Косово и Метохию служило само значение этих территорий для истории, сознания и духовной жизни сербского народа. Этот фактор перевешивал даже то обстоятельство, что в югославском руководстве решения принимались единолично. Имело значение и то, что после Второй мировой войны этнический состав населения области, несмотря на попытки изменить его в ущерб сербам, значительно отличался от более позднего времени.

Ходжа с предубеждением относился к идее Балканской федерации, так как опасался, что в рамках этого более плюралистического [39], чем существующие политические системы, образования осуществление албанской национальной эмансипации будет проблематичным. Кроме того, пострадал бы личный престиж Ходжи. В преимущественно славянской федерации он выглядел бы второсортным политическим персонажем рядом с Йосипом Брозом Тито и Георгием Димитровым.

Броз же, по всей видимости, стремился к тому, чтобы вопрос Косово и Метохии – один из ключевых в межгосударственных отношениях на полуострове – решить в процессе создания Балканской федерации. Этот надгосударственный, наднациональный и надэтнический механизм мог бы обеспечить внутреннюю интеграцию Балкан, уменьшив остроту проблемы межэтнических отношений и неудовлетворенности существующими государственными границами.

Результатом визита Ходжи в Белград стало состоявшееся в Тиране 9 июля 1946 г. подписание Договора о дружбе и сотрудничестве, под которым с югославской стороны поставил подпись министр иностранных дел Станое Симич, а с албанской – Энвер Ходжа. Уже 20 июля Президиум Народной скупщины Федеративной народной республикой Югосла-

---

[38] *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 103.

[39] Там же.

inslav

вия (ФНРЮ) ратифицировал договор [40], закладывавший основы политического и дипломатического сотрудничества, а также совместного ведения военных действий в случае агрессии третьей стороны [41]. Подписанное соглашение санкционировало не только всестороннее межгосударственное сотрудничество, но и югославское вмешательство во внутриполитическую жизнь Албании, а также известное политическое покровительство, оказываемое Белградом Тиране на международной арене. Одновременно был заключен Договор об экономическом сотрудничестве, предусматривавший создание на паритетной основе ряда совместных акционерных обществ: Общества строительства и эксплуатации железных дорог, Общества добычи и переработки нефти, Общества разведки, добычи и обработки полезных ископаемых, Общества электрификации, Общества морской навигации, Торгового общества экспорт-импорт, Албанско-югославского банка [42]. Подписав соглашение, правительство ФНРЮ приняло на себя целый ряд обязательств. От оказания технической помощи в сфере промышленности и сельского хозяйства до командирования экспертов, предоставления информации и документации, обучения албанских специалистов. Югославия, кроме того, пообещала предоставить кредит для приобретения станков и строительства предприятий по производству товаров широкого потребления [43]. Разумеется, албанская сторона с нескрываемым воодушевлением восприняла подписание договоров [44].

Политическое и экономическое сближение двух стран набирало ход, несмотря на недоверие албанского руководства к намерениям Югославии и собственным проюгославски настроенным кругам. С целью укрепления межпартийных связей в августе 1946 г. в Албанию отправился специальный партийный уполномоченный Саво Златич. На основе со-

---

[40] Указ о ратификацији Уговора о пријатељству и узајамној помоћи између Федеративне Народне Републике Југославије и Народне Републике Албаније // СЛ ФНРЈ. № 60/46. 26. јул 1946. С. 693–696.

[41] АЈБТ. КМЈ. I – 3 – b / 21. Договор о дружбе и сотрудничестве между ФНРЮ и НР Албания.

[42] АЈБТ. КМЈ. I – 3 – b / 24. Доклад о работе югославской хозяйственной делегации в Албании с приложениями.

[43] АЈ. 50-ПВ ФНРЈ. ф. 3. а.ј. 6. број 48–75. Доклад К. Глигорова Б. Кидричу от 14 июля 1946 г.

[44] ДАСМИП. ПА-1946. Албанија. Ф. 1. Документ 489. Телеграмма Й. Джердже в МИД от 7 августа 1946 г.

inslav

глашения 1946 г., в двусторонних отношениях был достигнут значительный прогресс, результатом чего стало подписание в Тиране 27 ноября 1946 г. нового Договора о согласовании планов развития народного хозяйства, заключении таможенного союза и паритете валют [45]. Предусматривалось формирование координационных органов, а также проведение в течение трех месяцев валютной реформы, направленной на выравнивание курса албанского лека и югославского динара [46]. Обоюдное решение в месячный срок упразднить таможенный контроль на албанско-югославской границе и образовать единое таможенное пространство демонстрировало давление, оказываемое Белградом на Тирану, дабы та покончила с остатками либеральных проявлений во внутриполитической и, в первую очередь, в экономической сфере [47]. Унификация хозяйственных систем использовалась югославским руководством как средство ускорить создание федерации, для которой, якобы, сформировались все необходимые условия. Органы албанской компартии выразили единодушную поддержку сближению двух стран. Таможенный союз создавался одновременно с подготовкой перехода Югославии к плановой экономике, что соответствовало договоренности, заключенной Тито и Ходжей во время приезда последнего в Белград [48].

В ответ на укрепление югославско-албанского союза в результате подписания ряда соглашений, направленных на унификацию обеих систем, Бюро ЦК КП Албании демонстрировало показное единодушие. Тем не менее, очевидным для всех было оформление в албанском партийном руководстве осенью 1946 г. двух соперничавших течений. В главе первого стояли Энвер Ходжа и Нако Спиру, а второго – Кочи Дзодзе и Панди

---

[45] AJ. 50-ПВ ФНРЈ. ф. 3. а.ј. 6. број 48–98. Договор о согласовании планов экономического развития, таможенной унии и достижении паритета валют, подписанный ФНРЮ и Албанией.

[46] AJ. 50-ПВ ФНРЈ. ф. 3. а.ј. 6. поверљиво број 557. Донесение Й. Джердже Б. Кидричу от 12 ноября 1946 г.

[47] АЈБТ. КМЈ. I – 3 – b / 24. Телеграмма Й. Джердже в МИД от 7 декабря 1946 г.

[48] Traktati (Konventa Ekonomike) në mes Shqipërise dhe Jugosllavisë për koordinimin e planeve, për bashkimin doganor dhe barazimin e monedhave, 27 nëntor 1946. // *Plasari N.*, *Malltezi L.* Marredheniet shqiptaro-jugosllave 1945–1948. Tiranë, 1996. S. 38.

inslav

Кристо [49]. Яблоком раздора между ними стал состав Бюро ЦК КП Албании, на процесс пополнения которого всячески пытались повлиять югославские представители, особенно Сава Златич. При этом преследовалась цель продвижения в самый важный партийный орган сторонников той или иной из упомянутых группировок, что в конечном счете должно было обеспечить ей гегемонию в рамках партийной иерархии [50]. В частности, Златич резко выступал против кооптирования в Бюро тех, кто не состоял членом ЦК КП Албании [51].

В декабре 1946 г. пленум ЦК постановил, что подписанные с Югославией соглашения обеспечили основу развития албанской экономики и стали логичным результатом базового договора, заключенного в Тиране в июле 1946 г. И до достижения соглашения об экономическом сотрудничестве Югославия оказывала помощь албанскому правительству в решении хозяйственных проблем и урегулировании внутриполитических противоречий.

Двусторонние соглашения широко обсуждались западной прессой и дипломатическими кругами. Говорилось о заключении некого тайного договора, существование которого не нашло отражения в доступных нам источниках. На Западе открыто говорили о скором объединении двух государств, что стало бы концом албанской независимости. Так, дескать, албанское правительство «расплачивалось» за поддержку Югославии при вступлении в ООН, членство в которой усилило бы позиции восточного блока при голосовании на Генеральной ассамблее. Имели место спекуляции, будто Югославия предоставит Албании часть вооружений, полученных от Советского союза. Американские власти особенно внимательно следили за деятельностью в Албании различных югославских советников и специалистов, истинные цели которых вызывали у Белого дома подозрения [52]. Британское правительство в конце 1946 г. полагало, что югославско-албанское таможенное соглашение это первый шаг к созданию федерации Болгарии, Югославии и Албании [53]. Одновременно в Лондоне считали, что стратегическое

---

[49] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ. Албанија. 1/I-89. Отчет С. Златича о политической ситуации в Албании. 26 августа 1946 г.

[50] AJБТ. КМЈ. I – 3 – b / 25. Донесение С. Златича из Тираны от 7 октября 1946 г.

[51] AJБТ. КМЈ. I – 3 – b / 25. Донесение С. Златича ЦК КПЮ от 12 октября 1946 г.

[52] The representative in Tirana Jacobs to the Secretary of State, Tirana, February 17, 1945 // Foreign Relations of the United States. Volume VI. Washington, 1969. P. 13–15.

[53] *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 172.

inslav

значение Албании, которое было ничтожным в период итальянского могущества, чрезвычайно возросло из-за нахождения Югославии в сфере интересов СССР, получившего таким образом выход к Средиземному морю [54].

Как раз в тот момент, когда, с британской точки зрения, шел процесс создания федерации балканских государств, те отказались от идеи ее создания. Болгария и Албания склонились к тому, чтобы стать самостоятельными членами ООН как наиболее важной международной организации.

К спекуляциям на тему будущего Албании на международной арене присоединилась и Италия, отказывавшаяся мириться с утратой руководящей роли в регионе. Итальянский премьер Де Гаспари выступал за полную независимость Албании, которая служила бы гарантией баланса сил на Адриатике [55]. В итальянской печати все чаще встречались утверждения, что Югославия собирается аннексировать Албанию, которая станет седьмым членом федерации, располагающим широкой политической и административной автономией, а также собственным официальным языком [56]. Писали, будто Югославия решительно поддерживает албанские территориальные претензии в отношении Греции. Югославская пресса и агентство ТАНЮГ опровергали подобную информацию. С другой стороны, Италия посылала Югославии и Греции примирительные сигналы, стремясь компенсировать утрату собственного влияния в Албании. Надежды на его восстановление появились после подписания итальянско-албанского мирного договора, согласно которому Тиране не полагались какие-либо репарации, а Рим не брал на себя обязательство уважать территориальную целостность Албании [57].

В конце 1947 г. в отношениях Югославии и Албании наступил тяжелый кризис, грозивший выйти за рамки временных разногласий и пе-

---

[54] The representative in Tirana Jacobs to the Secretary of State, Tirana, December 21, 1945, Foreign Relations of the United States. Volume IV. Washington, 1968. P. 78–80.

[55] Архив внешней политики Российской федерации. Ф. 144-АЈ. Оп. 6а. Д. 1. П. 9а. Л. 14. Информация о позиции Де Гаспери по вопросу Албании и ее политических перспектив 28 февраля 1946.

[56] The Ambasador in Italy Kirk to the Secretary of State, Rome, December 26, 1945 // Foreign Relations of the United States. Volume IV. Washington, 1968. P. 80–81.

[57] ДАСМИП. ПА-1946. Албанија. Ф. 1. 5371. Отчет югославского посольства в Тиране, направленный в МИД 6 декабря 1946 г.

inslav

рерасти в серьезный и продолжительный конфликт. Взаимное охлаждение, особенно четко проявлявшееся в сфере военного и экономического сотрудничества, совпало со все более очевидным кризисом в советско-югославских отношениях, а также с эскалацией гражданской войны в Греции. Положение в ней, служило источником осложнений и для Белграда, и для Тираны, особенно с учетом участившихся провокаций на албанско-греческой границе. Одновременно югославскую внешнюю политику обременял ряд проблем во взаимоотношениях со странами Запада.

В соответствии с достигнутой ранее договоренностью в Тирану в январе 1948 г. направилась специальная группа сотрудников Министерства народной обороны ФНРЮ во главе с генерал-лейтенантом Миланом Купрешанином. Перед ней стояла задача коренной реорганизации албанской армии с целью повышения боеспособности, а также подготовка к приему югославской военно-материальной помощи. Албанские вооруженные силы оказались совершенно не готовыми к вероятной греческой агрессии [58]. Кроме того, югославские делегаты в Албании столкнулись с полным непониманием греческой проблемы местным политическим и военным руководством [59]. Поэтому Купрешанин поспешил приступить к реорганизации албанской армии. Удостоверившись, что та не в состоянии оборонять южную границу страны, югославский генерал от имени Йосипа Броз Тито запросил у Энвера Ходжи разрешение на размещение одной югославской дивизии в районе Корчи. Ходжа ответил отказом, заявив, что принятие такого решения требует много времени [60]. Вскоре после этого, 19 января 1948 г., Александр Ранкович, ознакомив Энвера Ходжу с возможностью серьезной вооруженной провокации с греческой стороны, потребовал объявить район Корчи югославской военной базой, в которой разместилась бы одна югославская дивизия, обеспечивающая совместную оборону [61]. Уже на следующий день Ходжа дал согласие. Оно сопровождалось описанием необходимой Албании военной помощи и сведе-

---

[58] *Dimitrijević B.* JNA od Staljina do NATO pakta. Armija u spoljnoj politici Titove Jugoslavije. Beograd, 2006. S. 81.

[59] АЈБТ. КМЈ. I-3-b/37. Телеграмма Й. Джердже в МИД от 5 января 1948 г.

[60] *Hodža E.* Op. cit. S. 495–499.

[61] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-154. Депеша А. Ранковича, отправленная Э. Ходже 19 января 1948 г.

inslav

ниями о вооруженных инцидентах на греческо-албанской границе [62]. В своем обращении к албанскому законодательному собранию Ходжа подчеркнул надежность союза с Югославией, а также решимость дать отпор греческим военным провокациям [63]. О готовности албанской стороны провозгласить Корчу югославской военной базой сообщал и Саво Златич. Предполагалось, что Югославии оставалось только выбрать подходящий момент [64]. Пока велись переговоры о вступлении югославских военнослужащих на албанскую территорию, в Албанию, по требованию нового начальника Генерального штаба генерала Балуку, прибывали необходимые средства связи, обувь и обмундирование [65]. Одновременно из окрестностей г. Осиек в приграничный район поближе к албанскому г. Скадар была переброшена 9-я югославская дивизия, а в районе Охрида сосредотачивались части 27-й дивизии, переведенной из г. Баня Лука [66].

Следует отметить, что югославское руководство не имело ясного представления об отношении СССР к этим военным приготовлениям. Политбюро ЦК КПСС настаивало на предоставлении детальной информации о югославском присутствии в Албании. Главный советский военный советник в Югославии генерал Барсков 1 января 1948 г. доложил М.А. Суслову о югославской военной помощи Албании, оцениваемой в два миллиарда динаров, об унификации организации албанской и югославской армии, а также о том, что Албанию в конце декабря 1947 г. посетили начальник Генштаба генерал Коча Попович и двое замов начальника Политического управления югославского Министерства народной обороны. На совещании в албанском Генштабе Попович заявил, что Югославия принимает на полное содержание албанскую армию и направляет для ее подготовки своих военных инструкторов и советников. В

---

[62] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. 1-154. Депеша Э. Ходжи, отправленная А. Ранковичу 20 января 1948 г.

[63] ДАСМИП, ПА-1948, ф. 1, 41П8. Телеграмма Й. Джердже в МИД от 21 января 1948 г.

[64] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. 1-155. Депеша С. Златича А. Ранковичу от 26 января 1948 г.

[65] ВА. АЈНА. ГШ-10. К. 372, 8. Телеграмма генерала Хамовича генералу Купрешанину от 31 января 1948 г.

[66] *Dimitrijević B.* Op. cit. S. 82.

inslav

случае войны албанские, югославские и болгарские вооруженные сил, по словам Поповича, сражались бы под единым командованием [67].

Советское руководство, хотя и располагало детальной информацией о планах Югославии, тем не менее, подозревало, что она скрывает свои подлинные намерения. Разногласия между Москвой и Белградом по албанскому вопросу вселяли дополнительные опасения в югославских представителей, отправлявшихся в СССР. 8 января 1948 г. в Москву отбыли Милован Джилас и представители военного руководства: генералы Коча Попович, Миялко Тодорович и Светозар Вукманович Темпо. В день приезда Джилас отправился на прием к Сталину, который, как пишет Джилас, заявил, что Советский союз не слишком заинтересован в Албании и не возражает против того, чтобы Югославия поглотила эту страну [68]. Джилас утверждал, что речь идет об объединении двух государств, но Сталин остался при своей точке зрения [69]. По его словам, следовало делать ставку на таких подверженных внешнему влиянию людей, как Энвер Ходжа, а также сохранить видимость независимости Албании, дабы не дать повод упрекнуть Югославию в том, что она хочет подчинить себе соседнее государство [70]. У Джиласа сформировалось представление, будто Советы полагали, что намерения Югославии в отношении Албании сугубо экспансионистского характера [71].

Вопреки ожиданиям, переговоры Джиласа и Сталина не только не прояснили позицию Москвы и Белграда по албанской проблеме, а стали провозвестником новых дальнейших разногласий, которые не замедлили проявиться. Сталин предъявлял претензии югославской стороне по поводу того, что она решила отправить войска в Албанию без предварительной консультации с Советским союзом [72]. По словам Эдварда Карделя, Белград полагал, что Москву проинформирует албанцы. Энвер Ходжа так

---

[67] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17- П ЦК КПСС. Оп. 128. Д. 1160. Л. 1–4. Донесение Барскова Суслову от 1 января 1948 г.

[68] *Đilas M.* Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990. S. 92.

[69] Там же. С. 93.

[70] AJБТ. КМЈ. I-3-b/651. Депеша М. Джиласа Й.Б. Тито от 19 января 1948 г.

[71] *Đilas M.* Op. cit. S. 93.

[72] AJБТ. КМЈ. I-3-b/631. Депеша Э. Карделя, М. Джиласа и В. Бакарича Й.Б. Тито от 12 февраля 1948 г.

inslav

и сделал [73]. В.М. Молотов упрекал югославов, что об их намерениях приходится узнавать случайно от третьих лиц. Албанцы, в свою очередь, были уверены, что согласие советской стороны получено.

28 января 1948 г. Молотов поручил послу в Белграде А.И. Лаврентьеву передать Тито, что советская сторона, будучи осведомленной о намерении Югославии послать в Албанию одну дивизию, выступает против такого шага, так как западные державы могли бы использовать прецедент для осуществления собственной интервенции без формального нарушения албанского суверенитета [74]. В ходе беседы Броз настаивал на существовании для Албании внешней угрозы, а советский представитель – на опасности реализации югославского плана [75]. Последовало новое послание Молотова Тито, которому Лаврентьев передал, что неприемлема ситуация, когда Югославия, будучи связанной с СССР договором о взаимопомощи, не консультируется с ним по такому важному вопросу. Посол заявил, что Москва не готова нести ответственность за последствия запланированного Белградом необдуманного решения [76]. 31 января 1948 г. Тито в разговоре с Лаврентьевым попытался унять разбушевавшиеся страсти, заявив, что решение об отправке дивизии в Албанию было принято в ответ на настойчивые просьбы албанской стороны, до которой дошла информация о возможных греческих провокациях [77]. Тогда же Тито сказал, что переброска военнослужащих отменена, что он берет на себя всю ответственность за принятое решение, и что между советским и югославским руководством нет принципиальных разногласий. Лаврентьев подчеркнул, что не в первый раз югославское правительство избегает консультаций с Кремлем. В частности, в 1947 г. Белград, без согласова-

---

[73] *Hodža E.* Op. cit. S. 469–475.

[74] Вестник МИД СССР. № 6. 31 марта 1990 г. С. 58. Из телеграммы В.М. Молотова А.И. Лаврентьеву для передачи Й. Броз Тито 28.1.1948.

[75] Там же. С. 59. Из телеграммы А.И. Лаврентьева В.М. Молотову в МИД СССР 1.2. 1948.

[76] Там же. С. 59. Из телеграммы В.М. Молотова А.И. Лаврентьеву для передачи Й. Броз Тито 31.1.1948.

[77] *Гиренко Ю.С.* Сталин-Тито. М., 1991. С. 337–338; Вестник МИД СССР. № 6. 31 марта 1990 г. С. 59. Из телеграммы А.И. Лаврентьева В.М. Молотову в МИД СССР 1.2. 1948.

inslav

ния, подписал договор с Софией. На это, согласно советским документам, Броз ничего не смог ответить [78].

Со своей стороны Энвер Ходжа постоянно сообщал советскому послу в Тиране Чувахину о югославскоих идеях, инициативах и указаниях, чем подпитывал подозрения и негодование Кремля [79]. Уже 2 февраля Сталин потребовал вызвать в Москву для консультаций кого-нибудь из высшего югославского руководства. В Югославии было решено, что отправятся Эдвард Кардель и Владимир Бакарич, которые прибыли в столицу СССР 8 февраля [80]. Кардель в свою очередь попытался исправить положение, признав вину Белграда, не уведомившего Советский союз о намерении Югославии взять под свой контроль южную албанскую границу.

Сталин полагал, что югославское военное присутствие в Албании дало бы повод Великобритании и США для интервенции под предлогом защиты албанской независимости, что вызвало бы крупномасштабный вооруженный конфликт. Об этом советский руководитель в острой и не слишком дипломатичной форме заявил 10 февраля на встрече с Димитровым и Карделем. При этом он подчеркнул, что после Второй мировой войны гарантами независимости Албании выступили три державы-победительницы, и что западные государства могли бы истолковать переброску югославских войск как нарушение этой независимости [81]. В то же время Албанию Сталин назвал ахиллесовой пятой Восточного блока, так как ее, по сути, не признали западные союзники, и она до сих пор не вступила в ООН. Карделю было заявлено, что Югославии следует всеми силами помочь Албании, если она подвергнется нападению. Но до этого вводить на ее территорию войска было бы неверно, так как Запад в этом случае, однозначно, объявит Югославию агрессором [82]. Кроме того, Сталин откровенно, в присутствии Димитрова сказал Карделю, что не стоит опасаться, что Москва заберет Албанию у Белграда. Албанию «возьмет Югославия, но сделает это правильно» [83]. По мнению кремлевского вла-

---

[78] Вестник МИД СССР. № 6. 31 марта 1990 г. С. 59. Из телеграммы А.И. Лаврентьева В.М. Молотову в МИД СССР 1.2. 1948.

[79] *Borozan Đ.* Albanija u kampanji Kominforma protiv Jugoslavije 1948–1950 // Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. Beograd, 1998. S. 52.

[80] Ibid. P. 339.

[81] *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933–6 февруари 1949). София, 1997. С. 598.

[82] Там же. С. 598–599.

[83] Там же. С. 599.

inslav

стителя, федерацию могли бы сформировать не три, а два ее члена - Болгария и Югославия, составной частью которой стала бы Албания [84]. Димитрову и Карделю был адресован упрек в том, что они, принимая те или иные решения, не учитывают возможность осложнения отношений между СССР и Западом [85].

Стало ясно, что планам ввода в Албанию югославских войск и создания Балканской федерации в ближайшее время не суждено сбыться, так как Советы опасаются как реакции западных государств, так и усиления балканского элемента в социалистическом лагере. Кроме того, Сталин рекомендовал югославам способствовать повышению боеспособности албанской армии [86]. Таким образом, несмотря на то, что разногласия по албанскому вопросу были временно заморожены, обозначились контуры будущего противостояния. Поведение югославского руководства вошло в противоречие с иерархией и системой принятия решений в советском блоке, что грозило серьезным обострением отношений между двумя коммунистическими партиями [87]. Советская сторона, в принципе, признавала за Югославией свободу действий в Албании, но только до тех пор, пока они не противоречили советским интересам и не нарушали иерархическое устройство соцлагеря. В результате по настоянию Москвы 13 февраля 1948 г. состоялось подписание особого протокола, обязавшего Югославию консультироваться с СССР по всем важным внешнеполитическим вопросам [88]. Аналогичное обязательство взяла на себя и Болгария. Стало ясно, что в будущем Советский союз собирается контролировать действия Югославии и Болгарии на международной арене. Москва, строго придерживавшаяся собственных обязательств перед союзниками по Второй мировой войне, опасалась непродуманных шагов своих балканских вассалов, которые могли бы поставить под сомнение ее отношения с Западом [89].

---

[84] Там же. С. 601–602.

[85] *Borozan Đ.* Op. cit. S. 52.

[86] *Petranović B.* Balkanska federacija... S. 198–200.

[87] Там же. С. 339.

[88] AJБТ. KMJ. I-3-b/651. Депеша Э. Карделя Й.Б. Тито от 13 февраля 1948 г.

[89] О том, как встреча оценивалась в СССР см.: *Гибианский Л.Я.* К истории советско-югославского конфликта 1948-1953: Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10. февраля 1948. года. Части 1–4 // Славяноведение. 1991. № 3. С. 12–23; № 4 С. 4–36; 1992. № 1. С. 42–56; № 3. С. 35–51.

inslav

О противоречиях с СССР по вопросу югославского присутствия в Албании Йосип Броз 1 марта 1948 г. проинформировал Политбюро КПЮ, подчеркнув, что советско-югославские отношения «в последнее время зашли в тупик». Советы, по словам Тито, не разрешают дислокацию одной югославской дивизии в окрестностях Корчи, что стало бы демонстрацией прочности союза с Албанией, так как «готовы не к войне, а к провокациям» [90]. Югославский руководитель, сетовавший на военное и экономическое давление со стороны СССР, признал, что совершил ошибку, не проинформировав своевременно его о своих намерениях.

Эдвард Кардель доложил о переговорах в Москве, передав слова Сталина о том, что стоит уменьшить активность партизанского движения в Греции, если нет гарантии его победы [91]. Для югославского руководства такая позиция советского вождя стала неожиданностью. Милован Джилас полагал, что сыграли роль опасения по поводу возможных осложнений международной ситуации, к чему СССР, понесший огромные людские и материальные потери во Второй мировой войне, не был готов. Кроме того, Советский союз не мог поддержать создание нового коммунистического государства на Балканах, до тех пор пока в советском блоке не закончилась интеграция тех, кто присоединился к нему из идеологических соображений [92]. В дискуссии, которая состоялась в Политбюро, преобладало мнение, что Югославия слишком много вложила в Албанию, чтобы уходить из нее. В то же время нельзя было заходить за определенные обозначенные границы, если это противоречило государственным интересам. В результате оказываемого Кремлем давления в югославском руководстве сформировалась убежденность в том, что, необходимо придерживаться прежней линии поведения в отношениях с Албанией и СССР, при этом «не забывая о судьбе собственного государства» [93].

Между тем вопрос о создании Балканской федерации снова встал в повестку дня. О возможной активизации процесса Энвер Ходжа узнал от своего посланника в Софии, который имел личную беседу с Димитровым. В связи с болгарской инициативой албанцы сразу заподозрили не-

---

[90] Sednica Politbiroa CK KPJ 1. marta 1948 // Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945 – 7. jul 1948.). Beograd, 1995. S. 236–247.

[91] Ibid.

[92] *Đilas M.* Vlast. London, 1983. S. 134–136.

[93] Ibid.

inslav

ладное, так как привыкли получать информацию из другого источника [94]. Югославская стороны отреагировала немедленно. Йосипу Джердже было поручено довести до сведения Ходжи позицию официального Белграда, полагавшего, что говорить о федерации с Болгарией слишком рано. Дескать, еще не сложились условия, и Югославия, в принципе против создания федерации сначала с Болгарией, а затем с Албанией. И то, и другое должно произойти одновременно [95].

Такой же была и позиция советского руководства, подчеркивавшего, что вопрос решится в будущем, когда сложатся необходимые условия, и позволит международная обстановка [96]. В Белграде к этому времени осознали, что создание Балканской федерации маловероятно. Судить об этом позволяют итоги заседания Политбюро ЦК КПЮ, состоявшегося 1 марта 1948 г. [97].

Участившиеся вооруженные инциденты на албанско-греческой границе, охлаждение отношений между Москвой и Белградом, сокращение югославского присутствия в Албании – все это побудило Энвера Ходжу обратиться с письмом к Йосипу Броз Тито [98]. В послании речь шла о продолжении югославской военной и экономической помощи Албании, а также о едином командовании вооруженными силами двух стран в случае войны [99]. Албанский руководитель затронул и тему создания Балканской федерации, подчеркнув, что действует по совету генерала Купрешанина и Саво Златича. Те, якобы, утверждали, что сложились все необходимые условия для объединения Югославии и Албании. Однако Ходжа, по собственному признанию, прежде чем форсировать события, хотел посоветоваться с Брозом [100].

А на практике отношения между Югославией и Албанией становились хуже день ото дня. Конфликты с албанским командованием, пло-

---

[94] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-167. Депеша Й. Джердже Й.Б. Тито от 13 марта 1948 г.

[95] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-168. Депеша А. Ранковича Й. Джердже от 14 марта 1948 г.

[96] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-171. Депеша Й. Джердже Й.Б. Тито от 11 апреля 1948 г.

[97] Sednica Politbiroa CK KPJ 1. marta 1948... S. 236–247.

[98] АЈБТ. КМЈ. I-3-b/35. Письмо Э. Ходжи маршалу Й.Б. Тито от 19 марта 1948 г.

[99] Там же.

[100] Там же.

inslav

хое обращение с югославскими военными советниками, а также начало конфронтации с СССР побудили югославский Генеральный штаб издать 20 апреля приказ о срочном отзыве всех офицеров из Албании [101]. Энвер Ходжа быстро отреагировал телеграммой, переданной Тито через посла Й. Джердже. В послании содержалась просьба повременить с отзывом, а также сообщалось о письме, отправленном в тот же день [102]. Действие приказа было приостановлено до дальнейших распоряжений [103].

Своим письмом Энвер Ходжа стремился снизить накал противоречий, обременявших отношения двух стран. В нем опровергались слова Купрешанина, утверждавшего, что многие из находившихся в Албании югославских специалистов оказались в тюрьме, а их семьи лишились квартир, что в албанском обществе постоянно принижается размер югославской помощи, что реализация военных соглашений в таких условиях, в принципе, невозможна [104]. 21 апреля Ходжа обратился с новым письмом к Тито, в котором, помимо повторной просьбы отменить отзыв советников, он развернуто объяснял, почему следует продолжить сотрудничество в военной сфере. Особенно Ходжу беспокоило то, что принятое югославским Генштабом решение совпало с распоряжением об эвакуации из Албании советского военного персонала. А это подрывало позиции самого албанского руководителя.

Москва, впрочем, руководствовалась совсем другими соображениями. Сталин не желал из-за Греции вступать в конфронтацию с Западом, который мог расценить советское военное присутствие в Албании как некую провокацию. Кроме того, как свидетельствует межпартийная переписка, уже начал возгораться конфликт между СССР и Югославией. Накануне открытого столкновения Москва эвакуировала своих советников как из Югославии, так и из находившейся в сфере ее влияния Албании. Сталин отвергал возможность какой-либо помощи Албании, до тех пор, пока не подтвердится ее разрыв с Югославией. Лишь удостоверившись в нем,

---

[101] ВА. АЈНА. ГШ-10, к. 372, 20. Приказ Генштаба военной миссии в Тиране от 20 апреля 1948 г.

[102] АЈ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-169. Депеша Й. Джердже Й.Б. Тито от 21 апреля 1948 г.

[103] АЈБТ. КМЈ. I-3-b/35. Телеграмма генерала Купрешанина начальнику Генштаба Югославской армии от 24 апреля 1948 г.

[104] АЈБТ. КМЈ. I-3-b/38. Письмо Э. Ходжи маршалу Й.Б. Тито от 18 апреля 1948 г.

inslav

Кремль 13 апреля отменил решение об отзыве из Албании военных советников, которым тогда же было предоставлено право контролировать работу политических органов албанских вооруженных сил [105].

22 апреля 1948 г. Йосип Броз Тито направил Ходже ответное письмо, написанное в резком тоне [106]. В нем говорилось, что югославское партийное руководство единодушно пришло к выводу, что отношения между странами ухудшились аналогично тому, как это произошло в 1947 г. Причиной стали не замечания генерала Купрешанина относительно единичных инцидентов, а использование их албанским правительством для маскировки главных проблем [107]. Югославский лидер напрямую обвинил албанскую сторону в утрате веры в искренность намерений Белграда, а также в сознательном преуменьшении размеров экономической помощи и прочих материальных жертв, на которые пошла Югославия, дабы помочь союзнику. Утверждалось, что руководство ФНРЮ не может более помогать Албании, обделяя собственный народ. Тем более, что такая помощь не приводит к улучшению двусторонних отношений. В письме также содержалось признание того, что Югославия с самого начала слишком идеализировала собственные отношения с Албанией, которые теперь необходимо поставить на совершенно иные, реалистичные основания, соответствующие как обоюдным возможностям, так и международной обстановке [108]. В том же письме Броз проинформировал Ходжу об отзыве генерала Купрешанина и персонала военной миссии, а также об отказе в следующем году финансировать албанскую армию за счет бюджета Югославии. Взамен предлагалось договориться о предоставлении какого-нибудь кредита [109].

Отправленный в тот же день ответ на второе письмо Ходжи [110] гласил, что генерал Купрешанин и прибывшие с ним в Албанию офицеры отозваны из-за враждебного отношения к ним албанского правительства. Отрицалось, что решение об отзыве мотивировано тем, что в Албании

---

[105] AJ. 507/IX-KMOB ЦК КПЈ. Албанија. I-172. Депеша С. Златича А. Ранковичу от 14 апреля 1948 г.

[106] AJБТ.КМЈ. I-3-b/38. Письмо Э. Ходжи маршалу Й.Б. Тито от 21 апреля 1948 г.

[107] Там же.

[108] Там же.

[109] Там же.

[110] AJ. 507/IX-KMOB ЦК КПЈ. Албанија. I-174. Письмо маршала Й.Б. Тито Э. Ходже от 22 апреля 1948 г.

inslav

остались советские военные советники. Их присутствие названо необходимым по политическим и военным соображениям [111]. Тито выразил готовность к продолжению сотрудничества, но подчеркнул, что для этого албанское руководство должно подтвердить, что верит в искренность намерений Югославии в отношении Албании [112].

Для югославской компартии обострение албанского вопроса с самого начала было неразрывно связано с ухудшением отношений с СССР. Поэтому на состоявшемся 9 мая 1948 г. заседании Политбюро ЦК КПЮ речь зашла и об Албании, и о критике, озвученной Политбюро ЦК КПСС. Итогом обсуждения стало решение негативно ответить на письмо последнего и не посылать делегацию на заседание Информбюро в Бухаресте. Что касается Албании, то отношения с ней планировалось выстраивать на новой основе, которую следовало заложить в результате подписания нового международного соглашения и ряда двусторонних договоров. Это позволило бы, во-первых, положить конец прежней порочной практике, а во-вторых, защитить югославские вложения в Албании [113].

Одновременно с этим Политбюро ЦК КПСС приступило к анализу реального масштаба югославского присутствия в Албании. При этом учитывалась возможность изменения ситуации в ней и ее повторного сближения с Югославией. Детальному изучению подвергся албанский пятилетний план развития народного хозяйства [114] и возможности его реализации [115], состояние торговли [116], промышленности [117], уровня развития культуры [118] и образования [119], транспортной сети [120], а также деятельность совместных югославско-албанских и советско-албанских куль-

---

[111] Там же.

[112] Там же.

[113] Sednica Politbiroa CK KPJ 9. maja 1948 // Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945 – 7. jul 1948.). Beograd, 1995 S. 248–250.

[114] РГАСПИ. Ф. 17- П ЦК КПСС. Оп. 128. Д. 473. Л. 2–5. Отчет об албанском пятилетнем плане.

[115] Там же. Л. 10–18. Отчет о перспективах реализации плана на 1948 г.

[116] Там же. Л. 19–30. Отчет о развитии торговли в Албании.

[117] Там же. Л. 6–9. Отчет о развитии промышленности в Албании.

[118] Там же. Л. 31–39. Отчет о культурных достижениях в Албании.

[119] Там же. Л. 51–61. Отчет о развитии образовательной системы в Албании.

[120] Там же. Л. 42–50. Отчет о развитии транспорта в Албании.

instav

турных обществ [121]. Итогом всестороннего рассмотрения стал вывод, что, несмотря на то, что югославское влияние на соседнюю страну огромно, в руководстве албанской партии верх взяла преданная СССР группа, которая считает это влияние вредоносным.

Ответ на письмо Тито пришел только 23 мая 1948 г. [122]. Признавая ответственность за ухудшение двусторонних отношений, Политбюро ЦК КПА отвергало обвинение в том, что оно сомневается в югославских намерениях. Наоборот, оно полностью доверяет Югославии, ее государственному и партийному руководству [123]. Кроме того, в послании содержались клятвы верности марксизму-ленинизму, братским отношениям с народами ФНРЮ, а также обвинения в адрес генерала Купрешанина и С. Златича в связи с их «враждебной» антиалбанской позицией [124]. При этом авторы письма старались не касаться сути противоречий, настаивая на продолжении сотрудничества на прежних основах, как будто не случилось ничего, что могло бы поссорить две страны и две компартии. 31 мая 1948 г. Политбюро ЦК КПЮ отправило ответ, в котором албанскому правительству предлагалось прислать в Белград делегацию для переговоров о двусторонних отношениях и продолжении экономического и военного сотрудничества [125].

Положение в самой Албании оставалось тяжелым и запутанным. Для руководства страны тяжелее всего было объяснить армии ухудшение отношений с Югославией [126]. Из-за контактов с албанскими офицерами, в частности, с начальником Политического управления генералом Кристо Темелько, Тирана 24 июня 1948 г. потребовала отзыва югославского политического инструктора полковника Шпиро Срзентича [127]. Александр

---

[121] Там же. Л. 40–41. Отчет о работе культурных обществ Югославия-Албания и Албания-СССР.

[122] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-175. Письмо Э. Ходжи Й.Б. Тито от 23 мая 1948 г.

[123] Там же.

[124] Там же

[125] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-175. Письмо Политбюро ЦК КПЮ Политбюро ЦК КПА от 31 мая 1948 г.

[126] AJБТ. КМЈ. I-3-b/40. Донесение полковника Ш. Сржентича генерал-лейтенанту С. Вукмановичу-Темпо от 6 июня 1948 г.).

[127] AJБТ. КМЈ. I-3-b/40. Телеграмма Сафета Филиповича А. Ранковићу от 25 июня 1948 г.

inslav

Ранкович советовал Срзентичу не покидать Албанию, пока ему не объяснят подлинных причин высылки, и одновременно укорял его, что он слишком далеко зашел в разговорах с албанскими коллегами [128]. В связи с этим инцидентом югославский МИД 1 июля направил ноту протеста [129]. Накануне, 30 июня 1948 г. югославский Генштаб приказал всем военнослужащим ФНРЮ срочно эвакуироваться из Албании, военное сотрудничество с которой почти полностью прекратилось [130]. Одновременно все 225 албанцев, обучавшихся в югославских военных школах и академиях, как и большинство учеников и студентов гражданских учебных заведений, отправились домой [131].

Сразу по обнародовании резолюции Информбюро по Югославии албанское правительство приступило к разрыву политических, военных и культурных связей с ней. При этом Тирана действовала быстрее, энергичнее и грубее, чем остальные страны Информбюро [132]. Албанцы не дожидались ни заявления ЦК о положении в Коммунистической партии Югославии [133], ни заявления от 20 июня 1948 г., адресованного участникам заседания Информационного бюро [134]. 1 июля ЦК Компартии Албании выпустил официальное сообщение, в котором публично и недвусмысленно солидаризировался с Резолюцией Информбюро. Письмо, наполненное банальностями, клятвами на верность марксизму-ленинизму и

---

[128] АЈБТ. КМЈ. I-3-b/40. Телеграмма А. Ранковича Ш. Срзентичу от 26 июня 1948 г.

[129] АЈБТ. КМЈ. 1-3-b/40. Нота югославского МИДа албанскому МИДу от 1 июля 1948 г.

[130] ВА. АЈНА. ГШ-10, к. 372, 59–34. Телеграмма Генштаба югославской военной миссии в Тиране от 30 июня 1948 г.

[131] *Dimitrijević B.* Op. cit. S. 90.

[132] О конфликте Югославии и стран Информбюро см. подробнее: *Petranović B.* Istorija Jugoslavije. III. Beograd, 1988; *Štrbac Č.* Svedočanstva o 1948. Beograd, 1989; *Dedijer V.* Izgubljena bitka Josifa Visarionoviča Staljina. Sarajevo, 1968; *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945 – 1950). Подгорица, 1998; *Он же.* Велика шизма. Четрдесетосма. Подгорица, 1999.

[133] Изјава Централног комитета Комунистичке партије Југославије поводом резолуције Информационог бироа комунистичких партија о стању у Комунистичкој партији Југославије // „Борба". 30. јун 1948.

[134] Изјава ЦК КПЈ од 20. јуна 1948. упућена заседању Информационог бироа // «Борба», 30. јун 1948.

instav

лично великому вождю Сталину, содержало ряд лживых утверждений и оскорблений в адрес Югославии, которая обвинялась в попытке навязать албанской компартии свой предательский курс [135]. В том же духе суть конфликта с Югославией албанское руководство объясняло и рядовым членам собственной партии [136]. Исполком Демократического фронта Албании сразу известил Политбюро ЦК КПСС о том, что принято решение осудить КПЮ и поддержать позицию ЦК Коммунистической партии Албании и Информбюро. В очередной раз прославлялись Сталин и СССР, подчеркивалось участие албанцев в борьбе за освобождение Югославии в ходе Второй мировой войны, выражалась надежда на то, что ее народы сбросят клику Тито и т. д. [137] ЦК Компартии Албании отправил в Москву аналогичное послание, в котором, помимо обязательных клятв верности Сталину, содержались обвинения КПЮ в троцкизме, антимарксизме и антиалбанских намерениях [138].

Уже в последние дни июня 1948 г. албанское правительство закрыло в Тиране югославский книжный магазин и приказало удалить из помещений и кабинетов совместных албанско-югославских обществ портреты Тито, в связи с чем югославские власти заявили официальный протест [139]. Одновременно албанская сторона в одностороннем порядке прекратила строительство железнодорожных путей, соединяющих Скадар и Тропою, а также ведущих из городов Кукс и Скадар до границы с Югославией. Прервались поставки нефти и битума, что также вызвало энергичный протест [140]. Югославское руководство полагало, что имеет место грубое нарушение заключенных договоренностей и требовало прибытия в Белград специальной делегации с целью разрешения конфликта

---

[135] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-194. Сообщение ЦК КП Албании от 1 июля 1948 г.).

[136] AJ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-241. Депеша посольства в Тиране ЦК КПЮ от 4 июля 1948 г.

[137] РГАСПИ. Ф. 17-П ЦК КПСС. Оп. 128. Д. 474. Л. 1–4. Сообщение Исполкома Демократического фронта Албании советскому Политбюро в связи с резолюцией Информбюро.

[138] Там же. Л. 1–4, 5–13. Сообщение ЦК КП Албании Политбюро ЦК КПСС в связи с резолюцией Информбюро.

[139] AJБТ. КМЈ. I-3-b/44. Нота югославского МИДа албанскому МИДу от 1 июля 1948 г.

[140] Там же. Нота югославского МИДа албанскому МИДу от 2 июля 1948 г.

inslav

и восстановления экономического сотрудничества [141]. В то время как власти ФНРЮ полагали, что сохраняется возможность нормализации отношений, Хисни Капо 2 июля 1948 г. от имени албанского правительства вручил новому югославскому посланнику в Тиране Диминичу две ноты. Первая содержала требование отозвать в течение 48 часов из Албании всех югославских специалистов, профессоров и советников, а вторая – односторонний отказ от соблюдения всех экономических соглашений, договоров и протоколов, подписанных с Югославией после 1945 г. При этом подчеркивалось, что албанское правительство не хочет расторгать договор о дружбе и взаимном сотрудничестве. Конвенция о культурном сотрудничестве не упоминалась [142]. Что касается прекращения экономических контактов, то оно было вызвано «империалистическими намерениями» югославской стороны, якобы не соблюдавшей взятые на себя обязательства. Всего было разорвано 22 межгосударственных и экономических соглашения.

Югославское правительство оперативно отреагировало на односторонние действия соседнего государства. 2 июля 1948 г. Йосип Броз поручил Эдварду Карделю и Миловану Джиласу подготовить ответ на албанские ноты, в котором подчеркивалось бы, что в результате расторжения экономических соглашений и сам договор о дружбе и сотрудничестве для югославской стороны становится недействительным. Будучи уверенным, что Тирана действует по приказу Москвы, Тито полагал, что бессмысленно требовать восстановления status quo. Последовало распоряжение потребовать от Албании возврата всех материальных средств, переданных в рамках исполнения двусторонних договоренностей, возвращения югославских судов, а также репатриации всех югославских граждан. Кроме того, Александр Ранкович получил приказ закрыть границу с Албанией, как это было раньше сделано с греческой границей [143].

Затем скорректировав свою позицию и отказавшись от решения денонсировать договор о дружбе, формально продолжавший действовать, югославское правительство направило албанскому руководству ноту протеста [144]. 21 июля 1948 г. прибыл обширный ответ, в котором повторялись обвинения в стремлении подчинить Албанию и в попытке ее эко-

[141] Там же.

[142] Там же. Телеграмма посланника Диминића МИДу от 2 июля 1948 г.

[143] Там же. Письмо Й.Б. Тито М. Джиласу от 2 июля 1948 г.

[144] Там же. Нота югославского МИДа албанскому МИДу от 3 июля 1948 г.

inslav

номической эксплуатации [145]. Югославское посольство в Тиране оказалось в полной изоляции. Была ограничена свобода передвижения его сотрудников. Прекратилось информирование о ситуации в стране [146]. Начались систематические кампании по дискредитации югославского партийного руководства, а также против югославского присутствия в Албании [147]. Кроме того, албанское правительство затягивало решение проблемы репатриации югославских граждан, медленно оформляя документы и препятствуя выезду тех, кто голосовал на выборах 1945 г., и кого местные власти считали гражданами Албании [148]. На них оказывали давление, принуждая «откреститься» от деятельности Коммунистической партии Югославии и осудить ее курс [149]. Пытаясь вернуть своих граждан, 14 октября 1948 г. официальный Белград направил Тиране ноту протеста, оставшуюся без ответа [150]. Не принесло результата и обращение за помощью к советскому послу в Албании Чувахину, которого посольство ФНРЮ просило поспособствовать прекращению антиюгославской кампании и решению проблемы репатриации. Чувахин пытался объяснить происходящее происками отдельных безответственных лиц, не имеющими ничего общего с официальной политикой албанского правительства [151]. В тот момент отношения СССР и Югославии еще не вошли в фазу глубокого кризиса, и Кремль пытался примирить враждующие стороны.

Югославско-албанский кризис конца 1947 г. – начала 1948 г. совпал с резким ухудшением югославско-советских отношений. Поводом для него послужило югославское военное присутствие в Албании, а именно, намерение отправить в соседнее государство одну дивизию, не

---

[145] Там же. Нота албанского МИДа югославскому МИДу от 21 июля 1948 г.

[146] АЈБТ. КМЈ. I-3-b/46. Отчет посольства в Тиране МИДу от 28 сентября 1948 г.

[147] АЈ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-196. Депеша посольства в Тиране МИДу от 2 июля 1948 г.

[148] АЈБТ. КМЈ. I-3-b/48. Телеграмма Драго Кошмрля МИДу от 14 октября 1948 г.

[149] АЈ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-1200. Депеша посольства в Тиране МИДу от 12 июля 1948 г.

[150] АЈБТ. КМЈ. I-3-b/48. Нота югославского МИДа албанскому МИДу от 3 июля 1948 г.

[151] АЈ. 507/IX-КМОВ ЦК КПЈ. Албанија. I-180. Депеша посольства в Тиране ЦК КПЮ от 30 июня 1948 г.

inslav

проинформировав об этом советское руководство. Подлинные причины разрыва лежали гораздо глубже. Их корни прослеживаются как в противоречивых югославско-албанских отношениях 1944–1948 гг., так и в том, как Москва представляла себе ситуацию на Балканах, какую роль в международных отношениях отводила Югославии, каким видела ее присутствие в Албании, и какое место уготовило Тиране внутри социалистического лагеря. Греческий вопрос также имел большое значение для отношений трех государств. Доступные исторические источники со всей очевидностью свидетельствуют, что Советский союз стремился избежать вовлечения в серьезный конфликт в Греции и поэтому пытался контролировать своих балканских союзников, поддерживавших греческое партизанское движение. По мнению Москвы, «слишком укрепившиеся» позиции Белграда, вдохновленного собственным опытом автохтонной революции, строившего планы выйти через Албанию на Средиземноморье, могли стать источником проблем для соцлагеря. В результате разразился конфликт, в котором Албания послужила ареной эскалации противоречий СССР и Югославии. В то же время албанский вопрос, имевший для ФНРЮ и второе – внутриполитическое – измерение, отвлекал внимание югославского руководства от иных, более значительных проблем, вероятное обострение которых могло спровоцировать разрыв межсоюзнических отношений, установленных советским руководством еще в ходе Второй мировой войны. Конфликт с Албанией не только подорвал военные и политические позиции Югославии, но и нанес ей материальный ущерб. Безвозвратно пропали огромные вложения в албанскую экономику, которые пригодились бы и в самой разоренной войной Югославии.

С сербского языка перевел А.А. Силкин

inslav

А.С. Аникеев
Москва

Балканский пакт в контексте советско-югославского конфликта (1953–1954 гг.) *

В июне 1948 года конфликт между ВКП(б) и югославской компартией, начавшийся в конце зимы этого года с советских обвинений югославского руководства в отходе от «генеральной линии» марксисткой теории и практики, был интернационализирован на заседании Информбюро в Бухаресте. Й. Броз-Тито и его соратники отказались приехать в румынскую столицу, на котором советское партийное руководство коллективно осудило югославских коммунистов. Свой отказ они мотивировали тем, что все «братские» компартии заранее согласились с версией ЦК ВКП(б) об ошибках КПЮ и осудили югославов до того, как выслушать их точку зрения, а 21 июля того же года открылся V съезд компартии Югославии [1]. Выступивший на нем с докладом Й. Броз-Тито, коснувшись обвинений со стороны Информбюро, назвал их «чудовищными», но заверил делегатов съезда, что ЦК КПЮ, несмотря на это, полон решимости восстановить хорошие отношения с ВКП(б). На съезде было заявлено, что «руководство КПЮ постарается предоставить советскому партийному руководству все возможности, чтобы оно могло на месте убедиться в неточности своих обвинений» [2].

Вторая половина 1948 г. была отмечена постепенным нарастанием напряженности в отношениях Белграда с Москвой и ее сателлитами. Югославское руководство категорически отказывалось признать свою мнимую вину и продолжало заявлять о верности идеям марксизма и солидарности со странами «народной демократии», но подчеркивало, в то же время, что пути к социализму могут быть различными.

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 12-01-00125.

[1] Arhiv Jugoslavije. Fond 836. KMJ. Sig. I-3-b/153. L. 5.

[2] V конгрес КПЈ. 21–28 јула 1948. Стенографске белешке. Београд, 1949. С. 148–159.

inslav

В сентябре этого года в «Правде» появилась статья «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии», которая обозначила начало активной пропагандистской кампании против югославской компартии, руководство которой обвинялось в том, что оно «объединилось с империалистами», развязало террор против партии и постепенно превращается в «клику политических убийц» [3].

К весне 1949 г. межпартийные и межгосударственные отношения между ФНРЮ и странами советского блока еще более ухудшились. В резолюции Информбюро 1948 г. перед «здоровыми» силами КПЮ ставилась задача заставить нынешнее руководство партии честно признать свои ошибки: «отход от марксизма-ленинизма» и национализм, вернуться на позиции интернационализма и всемерно укреплять «единый социалистический фронт против империализма», либо, если «нынешние руководители компартии окажутся неспособными на это, – сменить их и выдвинуть новое, интернационалистское руководство» [4].

В Кремле разрабатывались различные варианты замены Тито лояльными руководителями, готовыми выполнить все указания Сталина, который, в частности, рассчитывал на появление внутри руководства КПЮ оппозиции, изоляцию Тито от его ближайшего окружения – Э. Карделя, А. Ранковича и М. Джиласа, а затем и его удаление. Существовал вариант, связанный с привлечением к кремлевскому сценарию югославских граждан – коммунистов, которые работали или учились в СССР и остались здесь после принятия резолюции Информбюро, а также тех, которые, поддержав резолюцию, вынуждены были бежать из Югославии, опасаясь преследований. В качестве одной из мер в этом направлении планировалось создать в Москве единый центр политэмиграции, который способствовал бы координации под руководством ЦК ВКП(б) работы по активизации всех групп югославских эмигрантов и объединению их усилий в «борьбе против клики “Тито-Ранкович”» [5]. В начале 1950-х годов, не успев ни с одной из поставленных задач, Сталин принял решение физически устранить Тито [6].

---

[3] «Правда». 8.IX.1948.

[4] Југословенско-совјетски односи 1945–1956. Зборник докумената. Београд, 2010. С. 374.

[5] РГАСПИ. Ф. 82.Оп. 2. Д. 1379Ю. ЛЛ. 40–41.

[6] *Зубок В.* Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 123.

instav

Москва резко ограничила экономическое сотрудничество с Югославией. Также поступили по совету из Кремля и сателлиты. Она не была принята в созданный зимой 1949 г. Совет экономической взаимопомощи, объединивший вокруг СССР страны «народной демократии», что вызвало протесты югославского руководства, вынужденного приступить к поиску альтернативных источников для нормального функционирования экономики.

В странах советского блока, по указанию из Москвы, разворачивалась кампания по поиску «титоистов» в верхних эшелонах власти. В Албании, готовился процесс над К. Дзодзе, в Болгарии над Т. Костовым, в Венгрии над Л. Райком. Показательный суд над Райком осенью 1949 г., в ходе которого прозвучали обвинения в адрес югославов, стал основой для формулировок второй Резолюции Информбюро «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» [7]. Почти одновременно СССР, а вслед за ним и страны-сателлиты, разорвали договорные отношения с Белградом [8]. Нарастали провокации на границах Югославии с Болгарией, Венгрией и Румынией [9]. Все это заставляло югославское руководство обратить серьезное внимание на проблему безопасности страны [10]. Естественными союзниками Белграда в данной ситуации могли быть только западные державы.

США обратили внимание на конфликт еще летом 1948 г., когда их дипломаты в Белграде, оценив его большое значение для американской

---

[7] Совещание Информационного бюро компартий в Венгрии. М., 1949. С. 23–29; Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 587.

[8] Југословенско-совјетски односи 1945–1956... С. 525.

[9] Югославские статистические данные с апреля по сентябрь 1949 года свидетельствовали о серии провокаций на границах страны, в том числе и о заброске информбюровской литературы – Arhiv Jugoslavije. F. 836. KMJ. Sig. I-3-b/151. Об ужесточении политики венгерских властей в отношении режима приграничной полосы и границы с Югославией в годы конфликта см. также: *Orgovanyi Istvan.* Border defense on southern Hungary (1948–1953) // Big brothers. Miserable little grocery store. Studies on the history of the Hungarian secret services after World war II. Budapest, 2012. P. 157–161.

[10] См.: AJ. Ф. 507. CK SKJ. III/42, III/43; Sednice Centralnog Komiteta KPJ (1948–1952). Beograd, 1985.

inslav

политики сдерживания Советского Союза, проводимой в тот период, рекомендовали осторожную поддержку югославского режима. В ходе начавшихся вскоре неофициальных двусторонних контактов американцы постепенно стали выдвигать условия, на которых они готовы были сотрудничать с югославскими властями. В качестве неотложной задачи своей новой политической линии на Балканах американцы рассматривали завершение гражданской войны в Греции. Для достижения этой цели было необходимо обеспечить прекращение югославской военной и материальной помощи партизанам, составлявшей в 1947–48 гг. основную долю в общем объеме поставок советских стран-сателлитов Демократической армии Греции (ДАГ) [11]. На территории Югославии в тот период находился самый крупный лагерь греческих партизан с полной инфраструктурой военизированного поселения, где они жили семьями, работали, учились, проходили специальную военную подготовку, раненым оказывалась медицинская помощь [12]. К весне 1949 г. давление на югославов в этом направлении усилилось. Обозначив перед Белградом возможности сотрудничества с Западом, США сумели решить эту проблему с учетом того, что югославы со своей стороны уже были готовы к прекращению помощи из-за возникших разногласий с греческой компартией, которая в советско-югославском конфликте поддержала позицию Москвы. Летом того же года Тито публично заявил о закрытии границы с Грецией, что означало запрет на свободное перемещение в обе стороны греческих партизан [13]. Обещание не оказывать больше никакой помощи партизанам югославы дали генеральному секретарю ООН Трюгве Ли накануне голосования по кандидатуре ФНРЮ в Совет Безопасности [14].

В конце года югославы смогли заручиться поддержкой США и Великобритании, заявивших о своей готовности реагировать на любые агрессивные действия против Югославии [15]. В конце года югославы при поддержке США сумели реализовать свой план избрания Югославии в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН, вопреки протес-

---

[11] Foreign relations of the United States (далее – FRUS). 1948. Wash., 1974. Vol. IV. P. 1084–1085.

[12] См.: *Ристовић Милан.* Експеримент Буљкес. Грчка утопија у Југославији 1945–1949. Нови Сад, 2007.

[13] FRUS. 1949. Wash., 1977. Vol. VI. P. 363.

[14] FRUS. 1949. Wash., 1975. Vol. II. P. 245.

[15] FRUS. 1949. Wash., 1976. Vol. V. P. 939–941.

instav

там Москвы и ее намерению провести на этот пост своего кандидата – Чехословакию [16]. Постепенно с западными державами, которые увидели в советско-югославском конфликте, помимо серьезной идеологической составляющей – раскола монолитного советского блока, важный фактор восстановления своих позиций в регионе, стали складываться новые отношения.

В Вашингтоне рассматривали Балканы в послевоенный период как один из важнейших для безопасности Запада районов Юго-Восточной Европы. С принятием «доктрины Трумэна», призванной остановить коммунистическую экспансию в Грецию, внимание к ним усиливается. После возникновения советско-югославского конфликта Югославия, являвшаяся ключевым элементом на геостратегической карте региона, оказалась в сфере особых расчетов США и Великобритании. Резкое ухудшение отношений Югославии с Москвой и ее сателлитами и возможная агрессия против нее заставляли американцев и их союзников рассматривать различные варианты реагирования. В сентябрьском 1949 г. документе Совета планирования госдепартамента говорилось об особом значении геостратегической позиции Югославии в глобальной политике США и отмечалось, что утрата Белградом независимости поставит в очередной раз перед Вашингтоном проблему югославо-греческих и югославо-итальянских отношений в связи с Триестом и в итоге позволит СССР выйти к Адриатике. Для осуществления ответных действий на возможное нападение, либо усиление политического, экономического и психологического давления, Совет рекомендовал продажу оружия Белграду и предоставление материальной помощи югославской армии. В то же время, отмечая ее высокую боеспособность аналитики Совета, не рекомендовали в случае вооруженного конфликта использовать американскую армию, но попытаться опереться на авторитет ООН [17]. Чуть позже Лондон сообщил Тито, через своего посла в Белграде Ч. Пика, о неготовности Британии ввязываться в мировую войну из-за нападения на Югославию. США согласились с британской формулой «любая помощь, исключая войну», но рекомендовали англичанам предотвратить просачивание содержания беседы британского посла с Тито в печать, так как это могло бы, по их мнению, только поощрить советскую агрессию [18].

---

[16] FRUS. 1949. Vol. II. P. 254.
[17] FRUS. 1949. Wash., 1975. Vol. II. P. 245.
[18] FRUS. 1950. Wash., 1980. Vol. IV. P. 1342.

inslav

К концу 1949 г. Югославия, оказавшись на Балканах практически в полной изоляции, вынуждена была пойти, с различными оговорками, на постепенную нормализацию отношений с Грецией. Она проходила при активном посредничестве американцев, убеждавших и греков в необходимости улучшения отношений с соседней страной. В апреле 1950 г. состоялась встреча Тито с кандидатом на пост премьер-министра Греции Н. Пластирасом, на которой было решено повысить ранг взаимного дипломатического представительства. В течение года была решена проблема возвращения греческих детей, отправленных во время гражданской войны в страны «народной демократии» и в том числе в Югославию, а в ноябре Афины объявили об обмене посланниками между двумя странами. Процесс ускорился с началом корейской войны. В июле заместитель министра иностранных дел ФНРЮ А. Беблер в разговоре с высокопоставленными сотрудниками администрации в Вашингтоне сообщил о существующих в Белграде серьезных опасениях относительно возможного советского нападения на Югославию. Американцы тогда же еще раз напомнили грекам о том, что для них важна нормализация греческо-югославских отношений, а на рутинную пропаганду Белграда против западного империализма они не реагируют [19].

События в Корее также способствовали расширению отношений ФНРЮ с США и их союзниками. В конце 1950 г. американская администрация приняла, в ответ на обращение Белграда, программу продовольственной помощи Югославии. В октябре, когда в Совете национальной безопасности (СНБ) проходило обсуждение этой программы, в дискуссии выступил государственный секретарь Д. Ачесон, отметивший, что «Тито не должен быть оставлен в ситуации, когда советское давление может привести Югославию к гибели, поставив ее в один ряд с сателлитами». Стратегический аспект такой помощи состоял в том, что «независимый от Москвы Белград должен был способствовать уменьшению коммунистического давления на Австрию. Италию, Грецию и Турцию». В одобренном СНБ документе подчеркивалось, что помощь необходима и для поддержания сильной, боеспособной югославской армии, готовой к отражению агрессии на Балканах, а также способствующей сохранению в этом районе мира и безопасности [20].

---

[19] FRUS. 1950. Vol. IV. P. 1420.

[20] *Larson D.* United States foreign policy toward Yugoslavia. 1943–1963. Wash., 1979. P. 218–220.

inslav

С началом корейской войны США, рассматривая СССР и Китай в качестве потенциальных агрессоров против слаборазвитых стран Дальнего Востока, а также государств вдоль т.н. «Северного яруса» (Афганистана, Ирана, Ирака, Турции и Греции), предпринимают усилия для создания коллективных оборонительных систем. Идея регионального блока, который объединил бы Турцию, Грецию и Италию в различных вариантах рассматривалась в Вашингтоне и столицах этих стран с конца 40-х годов. В начале 1950-х годов параллельно с подготовкой к принятию Греции и Турции в НАТО, обсуждался проект Средиземноморского пакта, куда могли бы войти США, Великобритания, Франция, Италия, Греция и Турция, как временный для двух последних элемент, связывающий их с Североатлантическим договором. Югославия в расчетах госдепартамента тогда не фигурировала, поскольку в Вашингтоне еще не было единого мнения относительно возможного югославского участия в том или другом блоке. Дипломаты считали, что участие Югославии в региональном союзе, будет для Белграда предпочтительнее по идеологическим причинам, в то время как военное министерство, принимая во внимание ее значение в стратегическом балансе сил в регионе, было заинтересовано в прямом включении Югославии в НАТО [21].

Внутри югославского руководства также существовали различные точки зрения на этот предмет. Небольшая его часть считала, что возможно присоединение к Североатлантическому договору, в то время как большинство полагало, что оптимальным было бы вхождение в региональный союз. Тито, занимавший гибкую позицию в зависимости от складывавшейся обстановки, в декабре 1950 г. говорил о возможности советских военных провокаций и необходимости безотлагательной нормализации отношении с Грецией и Италией, как он выразился – «не привязываясь к мелочам» [22].

1951 год начался с югославо-американских переговоров о предоставлении военной помощи Югославии, о чем 14 ноября был подписан соответствующий договор. В январе 1952 г. Тито согласился начать переговоры о стратегическом планировании и уже во второй половине года американцы приступили вместе с югославами к определению зон ответ-

---

[21] FRUS. 1951.Wash., 1981. Vol. III. Pt. I. P. 661–662; *Sulzberger C.* A long row of candles. Memoirs and diaries (1934–1954). N.Y., 1959. P. 644–645.

[22] *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije. 1944–1957. Secanja. Ljubljana, 1980. S. 144–145.

inslav

ственности в обороне Югославии и, соответственно, в обороне юго-восточного фланга НАТО, что прекрасно понимали в Белграде, но о чем предпочитали не говорить. К середине 1952 г. югославы согласились выделить для обороны стратегически важного Люблянского перевала (небольшая часть понижения между Альпами и Динарами в промежутке от Любляны до Триеста) три армейских корпуса, не подписав при этом никакого соглашения с американцами, так как это предполагало бы обмен военной информацией с Италией, с которой еще не была решена проблема Триеста [23].

Начавшиеся в этом же году предварительные переговоры югославов с греками и турками о создании коллективного пакта были ускорены благодаря принятию Греции и Турции в НАТО. Эти переговоры в закрытой части сводились к определению взаимной оборонной ответственности в так называемой Люблянской и Вардарской зонах, хотя публично югославская сторона говорила о невозможности обеспечить мир региональными союзами и предлагала поэтапное решение вопроса, начав с заключения экономических и культурных соглашений. За этим скрывалась попытка Белграда уйти от концепции трехстороннего оборонительного пакта, стратегические планы которого были бы жестко привязаны к планам НАТО.

Этот акцент на гуманитарных аспектах Балканского пакта сохранялся во все время существования блока. Вместе с тем эта, в значительной степени пропагандистская риторика, заданная ранее тезисом Тито о том, что суть не в создании пактов, а развитии сотрудничества и взаимопонимания во всех сферах межгосударственных отношений, позволяла югославскому руководству принимать нужные решения в нужный момент. Оно готово было идти на уступки в сфере координации стратегической обороны с США и их союзниками по НАТО в обмен на предоставление требуемой военной и экономической помощи и оказание поддержки в решении триестской проблемы на максимально приемлемых для Белграда условиях.

В середине года была достигнута договоренность о поставке двухсот танков и артиллерии, но с оговоркой американцев, что это должно пойти на оборону Люблянского перевала (в англоязычной литературе: Gap – разрыв, промежуток, брешь, пропуск). До конца года США предоставили ФНРЮ двадцать реактивных истребителей, после чего Тито дал согласие на продолжение стратегических переговоров.

---

[23] *Heuser B.* Western «Containment» Policies in the Cold War: the Yugoslav Case, 1948–1953. London–New York, 1989 . P. 156–157.

inslav

Задуманная американцами многоуровневая и поэтапная (сначала с США, а затем с Грецией и Турцией) схема обсуждения стратегических проблем в регионе с перспективой последующего привлечения к этому Италии позволила югославам успешно маневрировать, добиваться принятия выгодных для себя решений. Так им удалось блокировать, опираясь в ряде случаев на поддержку Греции, настойчивое желание американцев привлечь в Балканский пакт Италию, что позволило бы США полностью включить Югославию в средиземноморскую цепь НАТО, чего югославы постоянно стремились избежать. Членство в Балканском пакте давало им гораздо больше возможностей добиваться выгодных для себя решений.

На заключительном этапе переговоров трех стран о создании регионального союза югославская сторона заняла активную позицию, учитывая перспективу предлагая включить в соглашение и статьи о взаимной обороне. Однако в подписанном 28 февраля 1953 г. в Анкаре Договоре о дружбе и сотрудничестве между Югославией, Грецией и Турцией говорилось только о консультациях представителей генеральных штабов стран-участниц с целью вынесения рекомендаций для своих правительств по проблемам обороны.

Анкарский договор стал первым этапом в оформлении Балканского пакта. Следующие почти полтора года до подписания соглашения в Бледе, завершившего создание трехстороннего блока, прошли для американцев и их союзников в острых обсуждениях двух проблем: следует ли придавать пакту военно-политический характер без формального соединения его с НАТО, на чем настаивали югославы, либо всю военно-стратегическую проблематику оставить для НАТО и прямо включить Югославию в эту организацию. Белград в этот период стремился получить полноценное членство в окончательно оформленном блоке трех стран, что давало бы ему дополнительное преимущество на переговорах с западными державами и с Италией по Триесту.

Итогом стало заключение 9 августа 1954 г. Договора о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи между тремя балканскими странами. Стороны брали на себя обязательства оказывать друг другу помощь в случае агрессии против одного из членов пакта, а также содействовать усилению оборонительного потенциала каждого из участников. Для реализации этих задач создавался Постоянный совет Балканского пакта. Спустя два месяца в Лондоне был подписан Меморандум о согласии четырех стран по Триесту. Зона «А» с городом Триест передавалась Италии, а зона «Б» Югославии. Итальянцы взяли на себя обязательство сохранить свободный порт в Триесте и обеспечить либеральный приграничный режим.

inslav

Вступление Югославии в специально созданный для нее американцами Балканский пакт югославское руководство объясняло с самого начала для разной аудитории разными причинами. Когда в начале 1950-х годов начался процесс его формирования, югославская мотивация участия в нем была связана с более чем вероятной угрозой с Востока. Американцы играли на реальной югославской фобии и само югославское руководство и в стране, в первую очередь в среде партийной элиты, и на внешней арене, активно прибегало к этой аргументации своего участия в пакте. Однако, оно не переставало, скорее в пропагандистских целях, но, отчасти, опасаясь и непредсказуемой жесткой советской реакции, говорить о том, что участие Югославии в пакте, страны социалистической и миролюбивой, было направлено на придание ему прежде всего не милитаристской, но экономической и гуманитарной направленности.

Если в 1951–1952 гг. в югославском обосновании участия в блоке доминировали мотивы военной угрозы с Востока, то после смерти Сталина, в 1953–1954 гг., когда происходило оформление организационной структуры пакта, на первый план вышли отмеченные выше причины. Так, советские дипломаты в Лондоне летом 1951 г. считали, что сближение «титовцев и англо-американских империалистов» в рамках эвентуального союза Югославии, Италии, Греции и Турции следует рассматривать как угрозу Советскому Союзу. В направленном из советского посольства документе подчеркивалось, что «предоставив гарантии Югославии, правительства США и Британии по сути дела включили ее в свой военный союз, а начав снабжать титовскую армию вооружением, они превращают Югославию в базу агрессии против СССР и стран народной демократии» [24]. Очевидно, что такая интерпретация отношений Югославии с Западом, звучащая в тот период из разных советских источников и повторяемая многократно, была известна югославскому руководству и могла вызывать у него только одну реакцию. Советская военная агрессия с помощью стран-сателлитов, соседей Югославии ожидалась в Белграде в ноябре 1952 г. буквально во время проходившего тогда VI съезда КПЮ (СКЮ), хотя оценки американских разведслужб такого сценария развития событий были отрицательными[25].

---

[24] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 35. Д. 41. П. 146. Л. 99.

[25] Эксперты ЦРУ считали такое развитие событий маловероятным, поскольку советское руководство должно было учитывать в этом случае не только риск военного конфликта с США и ООН, но и его превраще-

instav

Начавшаяся после смерти Сталина в марте 1953 г. постепенная нормализация советско-югославских отношений внесла коррективы в трактовку югославами причин сохранения интереса к Балканскому пакту. Так, югославский посол в Москве Д. Видич в беседе с заведующим отделом МИД М. Замятиным, отвечая на его замечания относительно того, что вряд ли пакт будет содействовать улучшению отношений с СССР, указал на ряд важных моментов. Он отметил, что, во-первых, Югославия вступила в этот союз задолго до заявления Г.М. Маленкова 8 августа 1953 г. о нормализации отношений с Югославией. Во-вторых, вступление Югославии в этот блок было вызвано существовавшей тогда политической обстановкой – «другого выхода у нас не было», и, в-третьих, подчеркнул посол особо, «пока Югославия находится в блоке Балканский пакт никогда не сможет быть использован в агрессивных целях против СССР и стран народной демократии» [26]. Й. Броз-Тито на переговорах с Хрущевым в 1956 году, касаясь Балканского пакта, отметил, что югославское руководство не считает целесообразным его укрепление в военном отношении – «в этом мы расходимся с турками», но, по его мнению, он должен стать основой, объединяющей балканские народы. «Пакту следует придать культурное, экономическое и политическое значение», – указывал югославский руководитель.

Эта установка югославского руководства оставалась основной на протяжении последующих нескольких лет активного функционирования пакта. Вскоре после подписания в августе 1954 г. договора о создания союза и через несколько месяцев после заключения в Лондоне соглашения по Триесту, западные державы, опираясь на Турцию, приступили к реализации плана включения в БП Италии. Это должно было, по мысли натовских стратегов, замкнуть, наряду с создаваемыми в тот период ближневосточными союзами СЕНТО и СЕАТО, цепь «Северного яруса» вдоль южных границ СССР и советского блока и окончательно включить Югославию в НАТО. Усилия в этом направлении предпринимались в течение 1955–1956 годов. Политическое и военное руководство Италии, вероятно, видело в этих планах признание роли и места своей страны в Восточном Средиземноморье со стороны стран-победительниц. Итальян-

ние в глобальную войну. – From «national communism» to national collapse. US intelligence community estimative products on Yugoslavia, 1948–1990. Prep. By *T. Finger*. Wash., 2006. P. 128.

[26] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. Д. 6. П. 150. Л. 12–14.

inslav

ский генштаб даже считал, что участие Италии в Балканском пакте будет оправданием сделанных ею огромных уступок в вопросе о Триесте [27].

В Белграде этот западный сценарий оценивался как намерение изменить региональный формат пакта и желание привязать Югославию к военной структуре НАТО, что в условиях нормализации отношений с Москвой не входило в его планы. Опираясь на поддержку Греции, которая также не желала видеть Италию в союзе балканских стран, югославское руководство сумело отстоять свою позицию.

Дальнейшая судьба пакта складывалась под влиянием сложных отношений между Грецией и Турцией, связанных с территориальными проблемами, в частности, с Кипром. Югославия даже пыталась использовать свое влияние, чтобы примирить обе стороны, но результатом стало только югославо-греческое сближение, вызвавшее подозрение у Анкары. Между тем, Балканский пакт во второй половине 1950-х гг., сохраняя свои контуры юридически, терял жизнеспособность.

На последнем этапе его существования Москва вновь выступила против пребывания в нем Югославии. Хрущев в беседах с югославскими дипломатами говорил, уже не впервые, о том, что оставаясь членом этого союза, Югославия фактически оказывается связанной с Североатлантическим союзом и СЕНТО. Летом 1960 г. во время встречи посла СФРЮ в Москве В. Мичуновича и посла Турции Ералпа, последний задавал югославу вопросы о намерениях его страны относительно перспектив пребывания в пакте, отмечая, что он знает о давлении на Югославию со стороны СССР. Мичунович сообщил, что руководство его страны не принимает политических решений, находясь под давлением со стороны. Отказ от продолжения участия в нем, по словам югославского посла, нанес бы Югославии серьезный политический урон, ибо подтвердил бы обвинения советской стороны, а также то, что Югославия вышла из международного договора под прямым советским давлением [28]. Последние известия о его существовании относятся к 1960–1961 гг. и не исключено, что резкое снижение его активности было вызвано и под влиянием советского фактора.

---

[27] Balkanski Pakt 1953/54. Zbornik dokumenata. Beograd, 2005. S. 106–107; *Tatjana Lečić*. Uzroci krize u funkcionisanju Balkanskog saveza // «Balkanski Pakt 1953/1954». Zbornik radova. Beograd, 2008. S. 160.

[28] Balkanski Pakt 1953/54. Zbornik dokumenata... Dok. Br. 148. S. 915–916.

inslav

А.С. Стыкалин
Москва

Проекты Дунайской Федерации Оскара Яси в контексте национально-территориальных споров в Средней Европе (1910-е – 1940-е годы)

18 октября 1918 г. президент США Вудро Вильсон признал полное право народов Австро-Венгерской монархии на самоопределение. Предоставление им автономии уже не было достаточным условием для заключения мира с Австро-Венгрией. Все более открытая поддержка державами-победительницами центробежных тенденций в многонациональной Дунайской империи ускорила ее обвал. Провозглашенное 28 октября Чехословацкое государство претендовало не только на чешские земли, входившие в состав австрийской половины двуединой монархии, но и на словацкие – принадлежавшие ее восточной, венгерской половине. 30 октября Словацкий национальный совет подтвердил свою приверженность единому с чехами государству. 13 ноября Чехословакия провозглашается республикой, а на следующий день Национальное собрание в Праге избирает ее президентом находившегося в США Т.Г. Масарика. Тогда же, в ноябре, республикой становится и Венгрия, президентом был избран известный либеральный политик граф Михай Каройи.

Попытки нового правительства сохранить Венгрию в исторически сложившихся границах ее «коронных» земель, включавших в себя Трансильванию, Словакию, Воеводину, Закарпатскую Украину и др., с самого начала терпели неудачу. Подписанная Венгрией как побежденной страной 13 ноября конвенция предусматривала вывод войск с обширных территорий, ранее управлявшихся из Будапешта.

Правительство Каройи сразу признало право земель, заселенных словаками, на автономию в составе Венгрии. Однако контроль над этими землями был утрачен. Новая администрация формировалась там с чешской помощью. Венгерское правительство, не отказавшись от претензий

inslav

на словацкие земли, инициировало наступление своих войск. Их столкновение с чешскими легионерами было чревато перерастанием в серьезную войну. Конфликт не могли разрешить ни обмен нотами, ни переговоры. Неудача на переговорах по вопросам размежевания с Румынией, проходивших перед этим в Араде [1], только придавала венгерской стороне решимости отстаивать свои позиции в споре с молодым чехословацким государством. Между тем, чехословацкая дипломатия нашла себе мощного союзника в лице Франции. С подачи министра иностранных дел Э. Бенеша представитель Антанты в Будапеште французский подполковник Ф. Викс вручил венгерскому правительству ноту, определявшую венгеро-чехословацкую границу по достаточно произвольной линии, не совпадавшей с этнической границей. Согласно позиции венгерского правительства, вопрос о границах могла решить только мирная конференция, а до тех пор речь должна была идти лишь о демаркационной линии, установить которую можно в ходе двусторонних переговоров. Однако фактически первая «нота Викса» предвосхитила будущие границы двух государств.

Масарик, вернувшись на родину 20 декабря, через день выступил в Национальном собрании, изложив свои представления о послевоенном устройстве Центральной Европы и месте Чехословакии в нем. Его речь имела особый отклик в Венгрии, чья новая политическая элита, продолжая воспринимать страну в границах «королевства Св. Стефана» (включавших в себя словацкие территории), была весьма неравнодушна к постановке Прагой словацкого вопроса. В первой же программной декларации президента Чехословакии было заявлено жесткое отношение к 3-миллионному немецкому меньшинству – немцам сразу же было указано, что в чешских землях они воспринимаются не как коренное население, а как потомки иммигрантов и переселенцев. Масарик выразил и свое отношение к австро-венгерской государственности эпохи дуализма. Австро-Венгерская монархия, образованная в 1867 г., как и обе ее составные части, были, на его взгляд, искусственными конструкциями, сразу же развалившимися при поражении Германии и ее союзников в войне. Президент напомнил и о политике дискриминации национальных меньшинств в Венгрии. Страны-союзницы, говорил он как бы от имени всех

[1] См.: *Чуканов М.Ю.* К истории венгеро-румынских переговоров о будущем Трансильвании в ноябре 1918 г. // Восточная Европа после «Версаля». Отв. редактор И.И. Костюшко. СПб., 2007.

inslav

победоносных держав, ясно видят, что у венгров есть право только на национальное государство в границах проживания мадьярского этноса.

Возможные со стороны венгров обвинения чехов в экспансионизме Масарик отверг: правительство молодой республики не претендует на чужие земли, однако претензии на Словакию обоснованны в силу того, что речь идет о землях, на которых проживает одна из ветвей единой (согласно выношенным убеждениям Масарика) чехословацкой нации. Как и венгерские политики, он исходил из принципа исторических границ. В случае с Богемией и Моравией проблем не было, ибо сложившиеся еще в средневековье границы этих государственных образований номинально продолжали существовать и в условиях габсбургского господства. Сложнее дело обстояло с чешской Силезией (на часть которой претендовала Польша) и особенно со словацкими землями. С севера естественной границей Словакии должны были стать северные границы прежнего Венгерского королевства, в самых верхних комитатах которого словаки составляли абсолютное большинство. Спорным, по мнению Масарика, мог быть только вопрос о южных границах Словакии, а значит, и о венгеро-чехословацких границах. Границы, обозначенные французской нотой, президент назвал исторически обоснованными, но никаких исторических аргументов не привел. К этнической аргументации он также не прибегал, она не могла работать в его пользу: в Южной Словакии, вблизи новых границ, проживало более полумиллиона венгров.

В те же дни, в интервью венгерской газете президент не мог уйти от вопроса о правомерности присоединения к Чехословакии ряда земель, где преобладали венгры. В качестве контраргумента Масарик заметил, что и в Венгрии осталось словацкое меньшинство (он при этом не вдавался в подробности относительно его численности – весьма незначительной). Обязавшись гарантировать соблюдение прав венгров в Словакии, президент в то же время отклонил идею плебисцита на спорных территориях. Более надежным инструментом закрепления этих земель в составе Чехословакии он считал гарантии западных держав. Масарик говорил и о правомерности присоединения к Чехословакии земель, заселенных преимущественно русинами – речь идет о Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине). Венгерского министра по делам национальностей Оскара Яси сильно задело недоверие к венгерскому демократическому правительству, поскольку 23 декабря оно провозгласило автономию этой области и там было начато строительство новых властных институтов.

inslav

Программные заявления Масарика тем сильнее задевали венгерского политика, что чешский лидер воспринимался им как старый соратник в борьбе с изжившей себя дуалистической системой. М. Каройи и О. Яси (оба родившиеся в 1875 г.), хотя и относились совсем к другому поколению, чем Масарик (1850 г.р.), играли в политической жизни довоенной Венгрии роль сходную с той, что играл Масарик в чешских землях. Они были виднейшими фигурами того лагеря, который выступал за далеко идущие системные реформы (хотя, конечно, ситуации различались: если в Чехии на повестке дня стояло достижение национального суверенитета, то в Венгрии – задачи коренной демократизации существующей политической системы [2] и в том числе решения остро стоявшего национального вопроса). Роль Яси в движении за реформы была настолько велика, что относящийся к его поколению великий поэт Эндре Ади назвал его ни много, ни мало «венгерским мессией», открывшим ранее неизвестные пути к национальному возрождению [3]. С самого начала своей карьеры публициста, политика и ученого (одного из основоположников венгерской социологии) Яси (уроженец Трансильвании, выросший в полиэтнической среде) проявлял чувствительность к национальному вопросу, который справедливо считал важнейшим для дальнейшего существования исторически сложившейся венгерской государственности. Один из пороков системы он видел в том, что либеральный закон 1868 г. барона Й. Этвёша, предусматривавший развитие национальных школ, использование в суде и комитатских органах языков этнических меньшинств, назначение их представителей на ответственные должности, не был проведен в жизнь. Вместо того, чтобы решать национальный вопрос, венгерская элита использовала его в корыстных целях: если бы не было нацменьшинств, их бы придумали – ведь для того, чтобы канализировать недовольство венгров жизненным положением, нужно было найти общего для всех, независимо от социальных различий, врага. Выступая за ликвидацию всякой дискриминации, за широкое представительство выходцев из меньшинств в органах власти, Яси писал, что содействие немадьярским культурам только обогатит хозяйственные и духовные силы многонациональной страны и даже призывал венгерскую интеллигенцию

[2] Из 17 млн населения многонационального Королевства Венгрия избирательным правом пользовались 400 тыс. человек.

[3] См.: *Congdon L.W.* Beyond the «Hungarian Wasteland»: a study in the ideology of national regeneration. 1900–1919. Ann Arbor, Mich., 1973.

inslav

осваивать языки живущих в стране народов. Вместе с тем позиция Яси обозначила непреодолимую пропасть между максимумом уступок, на которые готовы были пойти самые радикальные венгерские политики, и минимумом, который считали приемлемым для себя лидеры румынских, словацких, хорватских, сербских движений монархии. Мнение Яси о том, что национальный вопрос сам собой постепенно разрешится вследствие общей демократизации, вестернизации страны, было неубедительным для представителей национальностей, требовавших (как и во время революции 1848–1849 гг.) не только личных свобод, но и коллективных национальных прав. Критикуя политику мадьяризации, Яси и сам не был чужд иллюзиям относительно возможности снять существующие межэтнические противоречия, опираясь на идею единой венгерской политической нации, которая как аксиома присутствовала во всех межпартийных спорах [4]. Критерием нации, отличающим ее от национальности, Яси считал способность к образованию государства. В проживающих в Венгрии национальных меньшинствах он видел главным образом национальности, которые могут и не иметь предпосылок для создания собственной государственности, их устремления должны быть направлены на развитие своего языка, культуры и хозяйства в рамках инонационального (или многонационального) государства. Его представления о культурной автономии, близкие австромарксистским, не исключали, а напротив, предполагали в отдаленной перспективе ассимиляцию меньшинств. Правда, Яси выступал за медленную, постепенную, безболезненную ассимиляцию, в которой видел естественный исторический процесс. Вместо близорукой политики насильственной мадьяризации, ведущей к консервации отсталости, необходимо, считал он, предоставить дело ассимиляции великим историческим силам экономического прогресса, создавшим унитарные западные государства, в которых (как например, во Франции, где Яси провел около года в университетской среде) в целом решен национальный вопрос. Индустриализация, развитая городская культура, всеобщее избирательное право и более высокие жизненные стандарты решат задачи ассимиляции куда эффективнее силовой политики. Приоритетной задачей он считал не всеобщую языковую мадьяризацию, но усиление у разноязыких жителей страны венгерского государственного самосознания. С другой стороны, подлинная демократия, по его мнению, поведет к

[4] См.: *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. Глава VI.

inslav

усилению доминации венгерской культуры в Дунайском бассейне, поскольку для представителей национальностей откроются широкие возможности преуспеяния на экономическом, административном и любых других поприщах и они с большей охотой будут учить венгерский язык. Залогом сохранения «исторической Венгрии» является ее демократическая трансформация, ведь только общими усилиями всех проживающих народов можно превратить Венгрию в современную, отвечающую европейским стандартам страну, предотвратить распад всей Австро-Венгерской монархии и сохранить экономическую целостность ее венгерской половины.

Требуя строгого соблюдения автономии хорватских земель, предусмотренной законом 1868 г., Яси и его партия в то же время исходили из принципов унитаризма, полагая, что федеративное устройство страны помешало бы делу демократии и развитию культуры. Реформированную Венгрию он по возможности хотел видеть в тех же исторических границах. Сохранение целостности венгерского государства он считал тем более важным для обеспечения стабильности в Дунайском бассейне, что этнические границы в этом регионе достаточно размыты и условны. Предвидя ситуацию, действительно сложившуюся в условиях Версальской системы, Яси еще до первой мировой войны писал, что проблема нацменьшинств сохранится и в государствах, образованных вследствие развала Австро-Венгрии.

Между тем, надежды на то, что программа культурной автономии сделает нацменьшинства лояльными Венгрии, оказывались несостоятельными в условиях, когда вдоль венгерских границ существовали самостоятельные румынское и сербское государства, а в чешских землях – мощное национальное движение, притягательное для словаков. Ни один из этносов Венгрии, исключая разве что закарпатских русин, в начале XX в. уже не мог удовлетвориться этой программой, а тем более принять ассимиляторские установки. Чем далее, тем более лидеры национальных движений связывали пути разрешения своих проблем с созданием и укреплением собственных национальных государств.

С началом Первой мировой войны с ее сомнительными при любом исходе перспективами для Австро-Венгрии (успех Германии усилил бы ее доминацию в регионе за счет ослабления союзной ей Дунайской монархии) Яси, резко не принявший войну, признал, что выполнение его прежней национальной программы отнюдь не гарантирует сохранения целостности венгерского государства. Под влиянием идей позднего

inslav

Л. Кошута он выступает с проектами преобразования Австро-Венгерской монархии в Дунайскую федерацию (конфедерацию), Дунайские Соединенные Штаты [5]. В условиях угрозы со стороны соседних мощных держав – Германии и России – венгерское государство, по его мнению, могло бы сохраниться как жизнеспособное образование только в тесном союзе с соседними государствами (польским, чешским, австронемецким, югославянским). Только объединившись во внешнеполитическом и военном плане и создав единое таможенное пространство, они могли бы стать серьезной державой, способной противостоять любой экспансии как с Запада, так и с Востока – очевидна идейная перекличка с эмигрантской публицистикой Л. Кошута.

При том, что осуществление Дунайского проекта Яси предполагало далеко идущую демократизацию политической жизни в каждой из составных частей нового государственного образования, лидеры национальных движений народов Австро-Венгрии воспринимали этот проект как форму сохранения венгерской гегемонии в регионе и даже как проявление венгерского экспансионизма, ибо речь могла идти о претензиях Венгрии на ведущую роль в федерации, даже превышающей по размерам монархию Габсбургов [6]. Для такого отношения были основания, ведь Трансильвания и словацкие земли должны были остаться неотъемлемыми частями унитарного венгерского государства в составе Дунайской конфедерации. Там, где дело касалось Трансильвании, это был шаг назад в сравнении с проектом Л. Кошута, видевшего в Трансильвании самостоятельный государствообразующий компонент. Только в октябре

---

[5] На идейные построения О. Яси оказала известное влияние и концепция «Срединной Европы» Ф. Науманна, хотя венгерский публицист наполнял ее иным, более демократическим содержанием, нежели идеолог германского экспансионизма.

[6] Для установления равновесия в регионе Яси считал необходимым включить в состав Дунайской конфедерации польские и югославянские территории, не входившие в состав Австро-Венгрии. Венгрия стала бы важнейшим системообразующим компонентом федерации, войдя в нее в границах восточной – венгерской половины дуалистической монархии (кроме хорватских земель). Проект Яси по сути дела предусматривал создание союза не народов, а исторических государственных образований. В случае успешного осуществления Дунайская Федерация стала бы, по мнению Яси, шагом к созданию Соединенных Штатов Европы.

inslav

1918 г., в самый канун революции, Яси признал правомерность федерализации Венгрии, превращения ее в своего рода «восточную Швейцарию», однако эти идеи не были поддержаны его соратниками по радикальной партии, которые продолжали делать акцент на целостности будущей демократической Венгрии, ограничившись обещаниями удовлетворить притязания других народов в сфере языка и культуры. Между тем, к осени 1918 г. уже и программа федерализации Венгрии казалась лидерам национальных движений недостаточной, на повестку дня весомо и зримо вышли лозунги национального самоопределения вне рамок венгерского государства. В ноябре 1918 г., в совершенно новых условиях, создавшихся в результате падения Австро-Венгерской монархии, Яси на венгеро-румынских переговорах исходил из принципа федерализации демократической Венгрии в границах максимально приближенных к границам раннесредневекового королевства «святого Стефана». Но его миссия, как уже отмечалось, закончилась полным провалом, натолкнувшись на жесткую позицию румынской делегации во главе с Ю. Маниу [7]. Не только в практической политике и на дипломатическом поприще, но и как теоретик Яси потерпел осенью 1918 г. серьезную неудачу: его надежды на поддержку идей Дунайской конфедерации со стороны Великобритании и США, примирение этих проектов с провозглашенными принципами вильсонизма оказались иллюзорными, а любые планы по удержанию национальных меньшинств в лоне исторической Венгрии – мертворожденными.

Программные выступления Масарика оказались еще одним ударом (после неудачи «на румынском направлении») по формирующейся венгерской демократии, тем более сильным, что нанесен он был европейски известным политиком и мыслителем демократического склада. Яси подверг резкой критике в прессе заявления чехословацкого президента. Задетый утверждением о том, что многонациональное венгерское государство было искусственной конструкцией, закономерно распавшейся, он писал,

[7] После неудачных арадских переговоров Яси писал о том удручающем положении, в котором оказалась молодая венгерская демократия в своем стремлении решить национальный вопрос: теперь уже невозможно удовлетворить национальности теми мерами, которые они с удовольствием приняли бы несколько лет, а может быть и несколько месяцев назад. У нас уже ничего не осталось, кроме демократических принципов, которые мы последовательно соблюдаем, заметил он.

instav

что совсем не в интересах победы демократии в Дунайском бассейне было бы ущемлять 10-миллионный народ несправедливым решением, нанося ему плохо заживающие душевные раны. Было бы более правильным воздать должное искренним демократическим стремлениям нации, которая сбросила виновников своего вовлечения в войну и со всей решимостью приступила к демократическим реформам. Яси считал, что победоносная Антанта, игнорируя венгерскую позицию о границах с Чехословакией, совершает серьезную ошибку, которая будет иметь негативные последствия для безопасности в регионе. В более широком плане, соглашаясь с необходимостью принятия мер в целях нейтрализации на будущее германской угрозы для народов Дунайского бассейна, Яси видел ключевую проблему послевоенной системы безопасности все же не в формировании защитных механизмов против пангерманизма, а в том, чтобы для всех наций региона были созданы условия для демократического развития – без ущемления национальных чувств. Воспрепятствовать германскому реваншизму может только союз жизнеспособных демократических государств, умеющих обеспечить полноценное развитие своих народов и находящихся при этом в состоянии тесного экономического сотрудничества.

Требование Масарика отказаться от плебисцитов при подготовке мирного договора с Венгрией вызвало серьезные возражения Яси. Раздраженный недоверием к венгерскому демократическому правительству и его искренним обещаниям навсегда отказаться от прежней шовинистической политики, он решительно отверг обвинение в том, что оно будет в случае проведения плебисцита путем насилия добиваться выгодного для себя результата. Действительно, речь шла о территориях, контролируемых чехословацкими войсками, и подобного рода обвинения были бессмысленны. Венгерское правительство не имело механизмов, способных повлиять на исход плебисцита, именно в этом безнадежном положении Яси и предлагал прибегнуть к плебисциту как наиболее демократичному способу выявления народного волеизъявления. Что касается Масарика, его позиция не была здесь последовательна. Лидер Чехословакии неоднократно высказывался в пользу проведения плебисцита как метода разрешения спорных территориальных вопросов, но только если не видел в том или ином конкретном случае прямой угрозы чехословацким интересам.

В свою очередь Яси был весьма последователен в скептическом отношении к проекту чехословакизма. Еще в условиях Первой мировой войны он высказывал раздражение по поводу чрезмерного, по его мнению, радикализма чешского национального движения: чехи уже не удов-

inslav

летворяются исторической территорией «земель короны св. Вацлава», они вошли в азарт и требуют для себя также земли венгерской «короны св. Стефана (Иштвана)», заселенные словаками. Споря с Масариком в конце 1918 г., Яси уже не ссылался на принцип исторического права, говорил лишь о требовании справедливости в отношении Венгрии и соображениях экономической целесообразности. В то же время он высказал сомнение в том, что культурная, образованная часть словацкого общества пожертвует своим языком и правом на самоопределение ради объединения с чехами на искусственной платформе чехословакизма. Ход истории чешско-словацких взаимоотношений в XX в. доказал обоснованность его скептицизма.

Полемизируя с Масариком, Яси в то же время подчеркивал единство целей либеральных элит соседних стран. Он считал разрешение венгеро-чехословацкого конфликта реальным и насущным делом и весьма наивно надеялся на то, что его оппонент, принеся в жертву часть обретенного чехословацкого суверенитета, осознает преимущества преобразования габсбургского пространства в демократическую конфедерацию, в рамках которой можно легче разрешить межэтнические противоречия. Чешская элита, обретшая долгожданную власть, не только с враждебностью воспринимала любые призывы ограничить ее суверенитет. Ставя своей задачей интеграцию словацких земель в единое чехословацкое государство, она вообще в тот момент не была особенно заинтересована в демократической Венгрии, привлекательной для словаков, как не могла быть, конечно, заинтересована и в агрессивном режиме в соседней стране, который угрожал бы региональной стабильности и безопасности. Венгрия в любом случае оставалась для Чехословакии наиболее проблематичным соседом.

Трагедия венгерского демократического правительства заключалась в том, что оно, оказавшись в состоянии внешнеполитической изоляции, не смогло даже в минимальной степени отстоять свои позиции в территориальных спорах с соседями, и это лишило его внутренней поддержки. Уже в январе 1919 г. О. Яси, подвергавшийся сильным нападкам с правого фланга за неспособность сохранить целостность венгерского государства, ушел в отставку с поста министра по делам национальностей. Граф М. Каройи, столкнувшись с новыми требованиями Антанты, 21 марта передал власть правительству коммунистов и левых социал-демократов. Продолжавшийся 133 дня коммунистический эксперимент, предпринятый в расчете на мировую революцию и сопровождавшийся

inslav

левацкими эксцессами, завершился в начале августа падением Венгерской Советской республики под натиском превосходящих сил противника (решающую роль в ее разгроме сыграла румынская армия). На смену советской власти в Венгрии в скором времени пришел правоавторитарный хортистский режим.

Как Каройи, так и Яси покинули Венгрию еще в период коммунистической диктатуры 1919 г. Живя в эмиграции, оба политика в своей борьбе против хортистского режима стремились заручиться поддержкой наиболее влиятельных политических кругов в странах Дунайского бассейна. Встречаясь с Масариком и Бенешем, они пытались прозондировать почву: готово ли либеральное чехословацкое правительство полуофициально признать венгерскую демократическую эмиграцию в качестве представителя интересов Венгрии на международной арене и поддерживать с ней постоянные связи. В Венгрии в первые месяцы 1920 г. бушевал белый террор, преследованиям подвергались не только коммунисты, но и либералы, по мнению правых радикалов, подготовившие национальное унижение, выразившееся в Трианонском мирном договоре, передавшем соседним государствам около двух третей территории, до войны управлявшейся из Будапешта. В ходе беседы с Яси Бенеш охотно согласился с его мнением о том, что режим Хорти представляет собой не только угрозу для соседей, но и препятствие для торжества демократии в Дунайском бассейне (ни его, ни других лидеров соседних с Венгрией государств в этом никогда не надо было убеждать). Он согласился также с необходимостью поддержания искреннего и активного диалога между демократическими силами соседних наций. Хотя Бенеш и заверил Яси в поддержке[8], едва завязавшийся диалог не получил, однако, серьезного продолжения. С одной стороны, руководство молодой Чехословацкой республики не сбрасывало со счетов возможность использования Яси и венгерской демократической эмиграции как орудия против Хорти (прежде всего в пропагандистском плане). С другой стороны, оно понимало, что пришедший к власти в Венгрии режим имеет глубокие корни в полуфеодальной социально-экономической структуре страны, и с этим нельзя не считаться; обладает он и достаточной общественной поддержкой в условиях тотального сдвига вправо, охватившего венгерское общество после провала коммунистического эксперимента и внешнеполитического

[8] См.: *Wilson S.J.* Oszkar Jaszi and the Hungarian democratic emigration // Hungarian Studies, Vol. 7, № 1–2. Bp., 1991/1992.

inslav

поражения в Версале. Знали чехословацкие лидеры и о том, что Яси, напротив, не имеет необходимой опоры в обществе и не пользуется поддержкой крупных держав, чтобы в обозримом будущем оказаться во главе Венгрии.

Не внушала энтузиазма в Праге и персона самого Яси. Там хорошо знали о его скептической позиции в отношении перспектив чешско-словацкой общности. Кроме того, пропагандируемые им проекты установления таможенного союза дунайских государств предполагали ключевую роль демократической Венгрии в таком союзе, что не было в интересах чешской экономической элиты. Наконец, Яси не скрывал своего отрицательного отношения к условиям Трианонского договора, вполне устраивавшего чехословацкую сторону. Во время встречи с венгерскими эмигрантскими лидерами Бенеш явно уклонился от предпринятой его собеседниками попытки навязать обсуждение несправедливостей договора. Масарик, принимая Яси, проявил несколько большее понимание венгерской позиции. Он сказал, что, если бы был лидером демократической Венгрии, добивался бы двух вещей: 1) создания международных гарантий для того, чтобы были обеспечены права венгерского меньшинства в соседних странах; 2) в ходе мирных переговоров он стал бы добиваться пересмотра границы в целях присоединения к Венгрии тех пограничных территорий, где венгры составляли очевидное большинство. На словах признавая правомерность постановки с венгерской стороны вопроса о более справедливых границах, президент Чехословакии, конечно, не собирался идти здесь ни на малейшие уступки. Что же касается Бенеша, то он в ходе беседы с Каройи откровенно заметил: учитывая венгерские политические традиции и влияние поправевшего общественного мнения, сомнительно, чтобы тот, оказавшись в Венгрии у власти, проводил принципиально иную внешнюю политику, нежели Хорти и его окружение [9].

В конце концов в Пражском Граде предпочли обсуждать и решать вопросы двусторонних отношений в диалоге не с демократической эмиграцией, находящейся не у дел, а с самими хортистами, чему способствовали начавшаяся консолидация режима Хорти, провал попытки реставрировать правление Габсбургов в Венгрии и приход к власти в этой стра-

[9] Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* К истории взаимоотношений лидеров первой Чехословацкой республики с венгерскими леволиберальными деятелями (1918 – начало 1920-х гг.) // Славянский альманах. 2007. Отв. ред. М.А. Робинсон. М., «Индрик», 2008. С. 133–152.

inslav

не более умеренных и реалистически настроенных консерваторов во главе с графом Иштваном Бетленом, хотя и не поступившихся ревизионистскими требованиями, но отдававших предпочтение мирному способу решения территориальных проблем в ожидании благоприятной для этого внешнеполитической конъюнктуры. Уже в марте 1921 г. Бенеш принял министра иностранных дел хортистской Венгрии. Интерес к венгерской демократической эмиграции как к орудию борьбы против Хорти к этому времени фактически пропал. В Праге осознали, что есть другие, куда более эффективные и реальные способы обуздать ревизионистские территориальные притязания Венгрии – Малая Антанта (союз Чехословакии, Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев – КСХС, т. е. будущей Югославии) и поддержка Франции, гарантирующей неприкосновенность границ, установленных в рамках Версальской системы. Установки на диалог с хортистами находили поддержку Запада. В 1923 г. режим Хорти получает заем от Лиги наций. Вопреки мнению либеральной эмиграции, требовавшей обусловить предоставление такого займа глубокой внутренней либерализацией Венгрии, от Хорти потребовали только более сдержанной политики в отношении соседей. Сам регент и его премьер-министр граф И. Бетлен были склонны принять это правило игры.

Неудачами завершились попытки Яси обрести весомых политических партнеров и в двух других соседних с Венгрией государствах – КСХС, а также в Румынии. В Белграде помнили о том, что в годы Первой мировой войны венгерский политик отрицательно относился к объединению югославянских земель вокруг Сербии. Он мотивировал это тем, что в этом случае вся Средняя Европа (как регион) утратила бы выход к Средиземному морю, а западные культурные влияния были бы отданы на произвол восточных. В Белграде Яси натолкнулся на стену отчуждения. Не помог и сомнительный в этическом плане компромисс, дававший все основания соотечественникам упрекать его в национальном предательстве: Яси предлагал югославам в целях сохранения рычагов давления на Хорти не спешить с выводом своих войск из г. Печ и его окрестностей, хотя вопрос о принадлежности этих земель был решен державами-победительницами в пользу Венгрии (войска были выведены в 1921 г.).

В Румынии Яси был принят более радушно, однако его идеи экономического и культурного сближения Дунайских стран нашли понимание и поддержку только самого узкого круга интеллектуалов, но отнюдь не политической элиты. В письме Каройи он писал, что румынские, как и чехословацкие, лидеры предпочитают иметь дело не с ним, а с хортиста-

inslav

ми, у которых реальная власть; при всем внешне проявленном радушии к человеку, уступившему в свое время Румынии Трансильванию, интерес к его идеям невелик. В самом деле, идеи федерации с участием демократической Венгрии могли в 1921–1923 гг. проходить только по ведомству «журавлей в небе», тогда как для обуздания реально существовавших ревизионистских притязаний хортистской Венгрии на земли соседей уже были найдены к тому времени достаточно эффективные средства, включая Малую Антанту.

Будучи в Румынии, Яси посетил родную Трансильванию и вынес впечатление о притеснении румынскими властями полуторамиллионного венгерского населения. В своей последующей публицистике и лекциях, отмечая недостатки Версальской системы, он писал не только о неразрешенной проблеме национальных меньшинств, но и о нарушении издавна сложившихся экономических связей (между Венгрией и Трансильванией, венгерскими и словацкими землями), здесь его аргументация парадоксально перекликалась с аргументами хортистских идеологов. Проведенное в Версале размежевание, разъезд по национальным «квартирам» Яси считал в лучшем случае только промежуточным этапом в деле среднеевропейского урегулирования. Он пытался обратить внимание международного общественного мнения на опасность балканизации стран Дунайского бассейна, писал о том, что вакуум, образовавшийся вследствие распада монархии, должно заполнить большое государственное образование, которым могла бы стать демократическая федерация дунайских народов. Ведь только в ее рамках можно разрешить национально-территориальные споры, а с другой стороны, только сильное во внешнеполитическом плане государство будет способно отстоять интересы народов региона в условиях диктата соседних держав. В противном случае Дунайский бассейн станет ареной кровавых междоусобиц.

Призывая к поискам новых форм сотрудничества и кооперации, Яси находил, однако, мало понимания, в том числе и на Западе. В его планах конфедерации и там видели не механизм разрешения застарелых территориальных споров, а хитроумный способ сохранения венгерской доминации в регионе. Играло роль и общее предубеждение против Венгрии, сильное в 1920-е годы в среде европейских интеллектуалов, особенно во Франции. Живучий образ венгров как угнетателей соседних этносов (не только славян, но и румын) дополнился новыми негативными стереотипами вследствие прогерманской ориентации венгерской правящей элиты во время Первой мировой войны. Сказались и коммунистиче-

inslav

ский эксперимент 1919 г., и ревизионистские устремления хортистского режима, которым противостояли, защищая при поддержке Франции свои новые границы, страны Малой Антанты. Причем незавидный политический имидж Венгрии в межвоенной Европе в известной мере способствовал предубеждению против венгерской культуры и даже языка, само существование которого в иноязычном среднеевропейском окружении иногда рассматривалось как нечто иррациональное, мешающее взаимопониманию народов. В самой крайней, провокативной и циничной форме такую точку зрения выразил всемирно известный французский лингвист Антуан Мейе, еще в 1906 г. избранный иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук: «В тот день, когда олигархическая структура Венгрии уступила бы натиску катящегося по всему миру простонародного движения, венгерский язык был бы сметен с лица земли вместе с обломками феодального сословия, которое насильственно навязало этот язык другим. Ведь венгерский язык был защищаем лишь политической силой этого сословия. Язык этот не несет в себе оригинальной цивилизации» [10], – писал он в конце 1920-х годов на волне антивенгерской истерии во Франции, усилившейся после нашумевшей финансовой диверсии: в отместку за Трианон (воплощение французских планов безопасности Средней Европы) венгерские авантюристы при участии хортистских спецслужб пытались наводнить рынки Франции фальшивыми деньгами, что едва не привело к серьезному расстройству финансовой системы в этой стране. Таким образом, общественное мнение на Западе, особенно во Франции, не было надежным союзником венгерской демократической эмиграции.

При всей своей приверженности либеральным ценностям Запада Яси в работах начала 1920-х годов много критиковал не только французскую, но и британскую внешнюю политику, считая эти страны ответственными за приход к власти в Венгрии режима, создающего угрозу региональной безопасности. В 1920 г. не оправдались его надежды на вмешательство Запада в целях пресечения белого террора. Еще более серьезной ошибкой он считал предоставление займа реакционному режиму. Однако ошибки, по его мнению, допускались не только в тактике, но и в стратегии. В Трианонском договоре Яси видел недальновидную попытку принести венгров в жертву тем процессам переустройства региона, кото-

[10] Цит. по: Венгры и Европа. Сборник эссе. Составители В. Середа и Й. Горетить. Предисловие и комментарии В. Середы. М., 2002. С. 33.

inslav

рые были призваны обеспечить всеобщий мир и спокойствие. Он убеждал оппонентов в том, что спокойствие в Средней Европе не наступит, если Венгрия будет изгнана из семьи дунайских народов. Ставя проблему в более широком плане, он обращал внимание лидеров молодых государств на опасность разрозненности в условиях, когда эти страны оказались зажаты между крупными, склонными к экспансии державами (реванш Германии и активизацию наступательной внешней политики СССР он считал только делом времени). Без частичного пересмотра Версальской системы, некоторого удовлетворения амбиций Германии и Венгрии нет надежды на мир, писал он, душевные раны ущемленных народов можно залечить только мирным путем, тогда как новая война будет иметь катастрофические последствия для всех народов Центральной Европы. Указывая на несправедливости Трианонского договора, он в то же время не считал его пересмотр панацеей от всех проблем: Трианон стал для хортистов удобным защитным механизмом от любых оппозиционных выступлений – отсталость экономики и все пороки системы легко можно было списать на внешнеполитическое ущемление Венгрии.

Трагизм положения Яси заключался в том, что его мало кто слушал. Лидеры соседних стран шли на контакт с ним только в той мере, в какой считали возможным использовать его в инструментальном плане (против Хорти). Идеи и проекты Яси совсем не были востребованы. Чехословакия была довольна обретенным суверенитетом, а Румыния своими версальскими границами, нужды в федерации они не видели, связывая гарантии безопасности в Дунайском бассейне с формированием механизма сдержек и противовесов. Более того, будучи критиком Трианонского договора, Яси воспринимался в соседних странах в сущности как сторонник той же ирредентистской политики, что и хортисты. На него до известной степени проецировалось традиционное недоверие соседей даже к самым умеренным венгерским политикам, которое (позволим себе сделать небольшое отступление) значительно позже, в феврале 1940 г., в принципиально иных условиях четко выразил в беседе с советским посланником в Будапеште Н.И. Шароновым его югославский коллега Рашич: с венграми «трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венг-

inslav

рию»; «ревизионизм и мегаломания оставят их без всяких союзников» [11]. Для недоверия были, конечно, все основания. Первый и второй венские арбитражи 1938 и 1940 гг., возвратившие Венгрии часть утраченных ею по итогам договора 1920 г. земель (Северную Трансильванию, Южную Словакию и Южное Закарпатье), показали ненасытность ревизионистских аппетитов хортистской элиты. Они не удовлетворили ее притязаний на земли, отошедшие в 1920 г. к соседним государствам. Лидеры страны в условиях начавшейся второй мировой войны стремились к реализации программы-максимум в деле восстановления дотрианонских границ Венгрии.

Весной 1943 г., после сокрушительного поражения Германии под Сталинградом и разгрома венгерской армии на Дону правительство М. Каллаи пытается осторожно искать пути разрыва с Германией и выхода из войны, ставка делалась на сепаратные переговоры с Великобританией и США. Дело продвигалось с трудом, не доверяя хортистской элите, западные державы предпочитали налаживать контакты с представителями либеральной и социал-демократической оппозиции. При этом не только в оппозиционных, но уже и в умеренных хортистских кругах теперь прорабатываются концепции послевоенного переустройства Карпатско-Дунайского региона, частично перекликавшиеся с прежними проектами Яси. В Будапеште хорошо понимали, что активное участие Венгрии в войне на стороне нацистской Германии практически не дает ей оснований надеяться на поддержку западных держав в деле ревизии трианонских границ, и что можно рассчитывать самое большее на незначительную их корректировку в Трансильвании с учетом того, что не только Венгрия, но и Румыния была сателлитом Третьего рейха. В этих условиях больше надежд возлагалось на возможность осуществления альтернативных федеративных и конфедеративных проектов, участвуя в которых, Венгрия могла бы не только избежать дипломатической изоляции, но и влиять благоприятным для себя образом на ситуацию в регионе. О своих планах венгерские (и в том числе хортистские) политики информировали не только Запад, но и антигитлеровские политические круги некоторых соседних стран, в том числе представителей эмигрантского правительства Югославии, с которыми контактировали в нейтральной Турции. Но

[11] Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. Отв. редактор Т.М. Исламов. М., 2000. С. 20–21.

inslav

попытки в ходе контактов убедить соседей в целесообразности создания некоей Дунайской Федерации не находили понимания. Те же югославы увидели в этих планах не более чем тактический трюк хортистской политической элиты, стремившейся не только избежать ответственности за участие в войне на стороне Германии, но по-прежнему упрямо претендовавшей (пускай, в скрытой форме) на политическую доминацию в регионе. Стойкое подозрение к любым исходившим с венгерской стороны идеям преобразования Дунайско-Карпатского региона на федеративных началах продолжало, таким образом, сохраняться и в годы Второй мировой войны. Показательно, как в июле 1943 г. посланник югославского королевского правительства в Турции в беседе с советским послом С.А. Виноградовым прокомментировал получившие хождение в венгерских оппозиционных кругах идеи создания после войны федерации, в которую Хорватия и Трансильвания входили бы в качестве самостоятельных субъектов: «Венгрия этой комбинацией хочет заполучить все то, что когда-то потеряла Австро-Венгрия, и демонстрирует то, что дважды битая Венгрия не хочет расстаться со своими империалистическими намерениями» [12]. Тем более не могли найти поддержки соседей планы некоторых венгерских легитимистов, сделав ставку на Отто Габсбурга, восстановить в реформированном виде Дунайскую монархию.

Надо сказать, что некоторые проекты Дунайской федерации (конфедерации), разрабатывавшиеся в официальных хортистских кругах, искавших путей разрыва с Германией, в отдельных моментах перекликались не только с идеями Яси, но и с проектами переустройства Дунайско-Карпатского региона, разработанными британскими и американскими экспертами. Правда, эти эксперты сохраняли недоверие к хортистам и с трудом шли на контакты (тем более, что правительство Каллаи не было готово предпринимать слишком радикальные шаги с целью разрыва с Германией, опасаясь оккупации Венгрии вермахтом, что в конце концов и произошло 19 марта 1944 г.).

Как бы то ни было, Оскар Яси ко всему этому не был непосредственно причастен. Убедившись, что лидеры соседних с Венгрией государств предпочитают диалогу с ним контакты с хортистами, а идеи Дунайской федерации не находят большого отклика, он переселился еще в 1925 г. в США, где стал всемирно известным экспертом по габсбургской и среднеевропейской тематике. Живя в США, Яси пропагандировал в

[12] Там же. С. 193.

instav

университетской среде идеи Дунайской федерации как первого шага к созданию Соединенных Штатов Европы, побуждал американскую внешнеполитическую элиту к более активной европейской политике. В своей классической работе 1929 г. о распаде Австро-Венгрии [13] он писал об угрозе националистических вызовов для безопасности в Центральной Европе.

В 1930 г. к 80-летию Т.Г. Масарика в Чехословакии силами либеральной венгерской эмиграции был подготовлен и вышел юбилейный сборник на венгерском языке. Участвовать в нем был приглашен и Яси. Установленные в регионе границы, писал он, едва ли можно назвать оптимальными с точки зрения интересов всех народов Дунайского региона. Однако существующее состояние он считал переходным, надеясь на формирование новых рамок сотрудничества стран Средней Европы [14]. Через три года, с приходом Гитлера к власти, обеспокоенный Масарик и сам уже, по некоторым сведениям, в беседе с австрийским послом завел разговор о Дунайской федерации.

Венгерские либералы не могли не признать, что положение венгров в демократической, масариковской Чехословакии было не таким уж плохим. Неоднозначность ситуации применительно к межвоенному периоду хорошо выразил в работе 1946 г. известный политический мыслитель Иштван Бибо. Чехи имеют все основания утверждать, писал он, «что судьбу немцев или венгров в чехословацком государстве никак нельзя [было] назвать невыносимой». Но хотя «положение их было вполне сносным, однако нелепым был сам факт их пребывания в составе страны чехов и словаков, обретших друг друга на основе славянского братства» [15].

После оккупации в марте 1944 г. Венгрии Германией события развернулись для нее по наихудшему сценарию. Не сумев вовремя «выпрыгнуть», как Румыния, из союза с Гитлером, Венгрия оказалась в незавидной роли последнего сателлита Третьего рейха. Естественно, что после войны ей было еще труднее рассчитывать на благосклонное к себе

---

[13] *Jaszi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929. На русском языке: *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. Перевод О.А. Якименко. Послесловие А.Г. Айрапетова. М., 2011.

[14] *Jászi O.* Masaryk elnök tanítása // Masaryk G.T. életműve, működése és hatása. Bratislava, 1930.

[15] *Бибо И.* О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Венгры и Европа. М., 2002. С. 234.

inslav

отношение больших держав, огромные трудности ждали Венгрию и при выстраивании отношений с ближайшими соседями. Вплоть до подписания в 1947 г. мирных договоров продолжался территориальный спор с Румынией из-за Трансильвании, отношения с Чехословакией резко осложняли проекты выселения венгров из Словакии, вынашивавшиеся чехословацкой элитой во главе с Э. Бенешем. Все-таки Венгрии довольно быстро удалось нормализовать отношения с титовской Югославией, отказавшейся под давлением Сталина от территориальных претензий к своему северному соседу. Развитие отношений двух стран происходило под знаком дунайского содружества и побежденная во время войны, не принятая в ООН Венгрия даже не прочь была отдать пальму первенства гораздо более влиятельной Югославии в проектируемом союзе дунайских государств. К весне 1947 г. происходят некоторые подвижки и в отношениях с Румынией (планы таможенного союза двух стран, поддержанные премьер-министром Румынии П. Грозой, нашли отклик части венгерской элиты, увидевшей шанс на сохранение некоторых экономических позиций Венгрии в Трансильвании).

В последний раз Яси посетил Центральную Европу в 1947 г. «My Fate Calls me» («Судьба зовет меня») – объяснял он в одном из писем мотивы своего среднеевропейского турне. 72-летний американский профессор не просто вернулся в прошлое, он хотел на основе собственных впечатлений оценить, способна ли идея Дунайской федерации найти воплощение в новых условиях. Дунайский регион был охвачен очередной волной межнациональных распрей, правительство Чехословакии, как было отмечено выше, приступило к реализации программы выселения венгров, в отличие от программы выселения немцев так и не реализованной в полном объеме. Парижская мирная конференция подтвердила с небольшими изменениями (не в пользу Венгрии) границы, установленные Трианонским договором 1920 г. Не только консервативная, но в своей значительной части и либеральная интеллигенция Венгрии продолжала видеть родину в ее исторических границах и верить в несправедливость трианонской «ампутации». Считавший себя либералом и западником писатель Шандор Мараи, когда прочитал в феврале 1947 г. текст Парижского договора, сделал запись о новом торжестве «мещанской Бенешевой клики», вновь овладевшей прекрасным и благородным городом Кашша (Кошице), родным городом Мараи. Ностальгируя по Венгрии в границах «святого Иштвана» и сетуя по поводу того, что «чисто венгерское население Верхней Венгрии, никем не спрошенное, вопреки его воле, [вновь]

inslav

пожаловали чешскому и словацкому мини-империализму»[16], Мараи даже не задается вопросом о праве на самоопределение не только венгров, но также румын Трансильвании и словаков Верхней Венгрии (слово «Словакия» вообще принципиально отсутствует в его лексическом багаже). Итак, при всем органически присущем Яси историческом оптимизме результатом его поездки явилось новое, еще более глубокое разочарование в возможности реализации его дунайского проекта. До самой своей смерти (1957 г.) он больше не возвращался в Европу.

Впрочем, было бы неправильно полагать, что у Яси совсем не было единомышленников. Идеи единения, союза, содружества и особенно тесного экономического сотрудничества Дунайских государств были довольно популярны во второй половине 1940-х годов среди части интеллигенции и некоторых видных политиков региона, в Венгрии вошли даже в партийные программы. Для того чтобы в странах Средней Европы часть элит обратилась к серьезному обсуждению перспектив регионального сотрудничества, понадобился исторический опыт двух мировых войн. Празднования весной 1948 г. в Венгрии столетия одной из великих европейских революций XIX в. не просто приобрели большой размах, но стали в общем неплохо получившейся попыткой продемонстрировать единение дунайских народов. Вследствие состоявшихся в Будапеште встреч правительственных делегаций произошли позитивные сдвиги в развитии венгерско-румынских и венгерско-чехословацких отношений, отягощенных различием подходов к урегулированию национально-территориальных споров. Наиболее сильный удар по планам сотрудничества дунайских народов нанес не кто-нибудь, а Сталин, не только всегда с подозрением относившийся к любым неподконтрольным ему горизонтальным связям между странами советской сферы влияния, но инициировавший в 1948 г. конфликт со слишком амбициозным югославским коммунистическим лидером Тито и настоявший на прекращении контактов с Югославией всех своих сателлитов. С началом конфликта Венгрия быстрее других советских сателлитов отмежевалась от Югославии. Из-под любых планов создания союза дунайских государств и даже менее амбициозных проектов активизации дунайского экономического сотрудничества была полностью выбита почва.

В сравнении с Яси, оставшимся в сущности человеком ушедшей эпохи, другой выдающийся венгерский леволиберальный мыслитель,

[16] Венгры и Европа. С. 299.

inslav

Иштван Бибо шел в 1940-е годы дальше. Главным условием превращения Дунайско-Карпатского региона в зону мира и сотрудничества стали бы, по его мнению, не строительство конфедерации и связанные с этим поиски новых комбинаций союзных стран с участием традиционных субъектов, например, самостоятельной Трансильвании, а способность новых политических элит (причем не только венгерской) к дефетишизации отживших себя рамок исторических государств. Это сделало бы возможным отказ от взаимных претензий при перекройке межгосударственных границ на основе строгого соблюдения этнического принципа и принципа самоопределения [17].

Не теряет, однако, значения идейное наследие Оскара Яси. В общественно-политической атмосфере Европы 1920-х годов венгерский мыслитель, конечно, напрасно питал иллюзии, что идея Дунайской федерации окажется более привлекательной для чехов или румын, нежели восторжествовавшая в Версале национальная идея. Но в долгосрочном плане он оказался прав, увидев угрозу национализма и распыленности сил в Дунайском бассейне безопасности всей Европе. Чешские политики и в том числе Эдвард Бенеш, не считавшие нужным реагировать в 1919–1920 гг. на предостережения Яси, в 1938 г. поплатились за свою самоуверенность печальной мюнхенской развязкой.

[17] См.: *Бибо И.* Указ. соч.

instav

Т.А. Покивайлова
Москва

Трансильвания в планах СССР по послевоенному мирному урегулированию

Одним из факторов, оказавших влияние на международно-политическую ситуацию накануне и в годы Второй мировой войны, явился узел национально-территориальных противоречий в балкано-дунайском регионе, которые активно использовались великими державами для установления здесь своего контроля.

Особой остротой отличались румыно-венгерский спор из-за Трансильвании и советско-румынский из-за Бессарабии.

Поскольку Румыния, как и Венгрия, в годы Второй мировой войны выступили на стороне гитлеровской Германии, то Советский Союз, считая их враждебными государствами, и вплоть до выхода Румынии из фашистского блока не отдавал явного предпочтения ни одной из них в решении вопроса о территориальной принадлежности Трансильвании, хотя нюансы в его отношении к этим странам в связи с Трансильванией были очевидны. Рассматривались различные варианты решения трансильванской проблемы, в том числе и создание самостоятельного государства под эгидой СССР. Однако в конечном итоге решающими стали такие факторы, как изменение военно-политической обстановки в Восточной Европе в результате побед Красной Армии и геостратегические интересы СССР в этом регионе. Предпочтительнее оказался вариант передачи всей Трансильвании Румынии взамен на гарантии тесного сотрудничества, отказа Бухареста от претензий на Бессарабию и Северную Буковину и установление там в марте 1945 года просоветского правительства Петру Грозы.

При этом нужно отметить, что в 40-е годы XX века на разных этапах исторического развития советско-румынских отношений трансильванский и бессарабский вопросы так или иначе были связаны между собой.

В развитии советско-румынских отношений, касающихся Трансильвании, можно выделить ряд этапов и существенных моментов, начи-

inslav

ная с Венского арбитража и заканчивая решениями Парижской мирной конференции. Это, прежде всего: второй Венский арбитраж 30 августа 1940 г., работа Комиссии М.М. Литвинова, варианты, предложенные Комиссией по решению территориального спора между Румынией и Венгрией, позиция румынской коммунистической эмиграции по этому вопросу, согласование позиций между НКИД СССР и правительством Великобритании по поводу послевоенного статуса Трансильвании, вопрос о Трансильвании в Комиссии о перемирии, обострение межнациональных отношений в Трансильвании в сентябре–ноябре 1944 г., и установление там румынской администрации после прихода к власти правительства П. Грозы, решения сессий послевоенного сотрудничества СМИД и Парижской мирной конференции, возвращение Румынии Северной Трансильвании.

Обозначим несколько этапов и проблем, касающихся позиции советского руководства по трансильванскому вопросу, начиная с конца 1941 г. и до заключения соглашения о перемирии в сентябре 1944 г.

В декабре 1941 г. в ходе переговоров И.В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании сэром Антони Иденом по конкретным проблемам военного сотрудничества обсуждалась также тема будущих границ стран региона, в первую очередь европейских границ СССР. При этом Сталин дал понять, что своей сферой влияния он считает весь регион Восточной Европы, подчеркнув одновременно решимость СССР восстановить свои границы, установленные на момент нападения Германии на СССР [1]. В проекте секретного приложения к советско-британскому договору советское руководство сочло необходимым записать отдельным (9-м) пунктом следующее: «В отношении Румынии признается необходимым: а) в целях обеспечения безопасности СССР передать Советскому Союзу территорию, занимаемую устьем Дуная с его тремя рукавами; б) передать Румынии те районы Венгрии, которые населены преимущественно румынами [2].

Как свидетельствует протокольная запись беседы Сталина с главой британской делегации Иденом 16 декабря 1941 г., советские руководите-

---

[1] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной Войны. 1941–1943. М., 1983. С. 18

[2] СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. 22 июня 1941–8 мая 1945 г. М., 1996. С. 127.

instaw

ли заговорили о желательности заключения в будущем военного союза с Румынией и праве СССР иметь на её территории военные, воздушные и морские базы.

В связи с этим по поводу Румынии было заявлено, что территория самой Румынии должна быть увеличена на западе за счет Венгрии, в рамках которой в настоящее время проживает 1.5 млн. румын. Это также явилось бы дополнительным наказанием для Венгрии за её роль в войне. Таким образом, Сталин допускал возможность изменения границ между Венгрией и Румынией, но он обусловливал это целым рядом факторов: разрывом Румынии с гитлеровской Германией, заключением военного договора между СССР и Румынией, предоставлением Советскому Союзу военных, воздушных и морских баз и т. д. [3].

Однако в декабре 1941 года англосаксонские представители уклонились от подписания предложенного Сталиным секретного протокола. Военно-стратегическая обстановка в тот период мало располагала англичан к каким-либо обязательствам перед СССР. Германская армия стояла у ворот Москвы и исход войны был слишком далёк.

В противоположность англичанам американцы были готовы идти на более существенные уступки СССР в территориальных вопросах. Так, Президент США Ф. Рузвельт в беседе с ближайшими сотрудниками заявил 2 мая 1942 г., что он не особенно горевал бы, если русские возьмут достаточно большую территорию; им могут принадлежать восточная Польша и балтийские республики, а, возможно, ещё Буковина и Бессарабия [4]. Нужно учитывать в связи с вышесказанным, что Румыния являлась союзницей гитлеровской Германии и советское руководство рассматривало её, также как и Венгрию, враждебной страной, заслуживавшей наказания. Поэтому вопрос о полном восстановлении трианонских границ с Венгрией не стоял в повестке дня. Сталин допускал лишь возможность исправления в пользу Румынии границ, установленных Вторым венским арбитражем.

Следующий этап, на котором хотелось бы остановиться – это переговоры Э. Бенеша со Сталиным в Москве в декабре 1943 года.

---

[3] *Ржешевский О.А.* К истории англо-советского договора // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 139–142.

[4] Цит. по: Foreign Relations of the United States. The Conference of Cairo and Teheran.1943. Washington. 1961. P. 880.

inslav

К сожалению, мы не располагаем первоисточниками, подтверждающими либо опровергающими часто цитируемое в исторических работах заявление Бенеша «со ссылкой на якобы данное тов. Сталиным 4 декабря 1943 г. согласие на передачу Трансильвании Румынии». Однако имеются другие, косвенные источники, которыми мы располагаем, в частности, документы из французских архивов. Из них следует: после пребывания в декабре 1943 г. в Москве президент Чехословакии Э. Бенеш в январе следующего года посетил Алжир. Там он встретился с Шарлем де Голлем и рассказал ему о своей беседе со Сталиным.

Запись этого разговора находится в архиве Министерства иностранных дел Франции в личном фонде Мориса Дежана, тогдашнего представителя Комитета Национального освобождения в Лондоне. Как следует из вышеназванного документа, по словам Э. Бенеша, затронувшего вопрос о венгеро-румынских отношениях, он получил от Сталина заверения, что в случае раздела Трансильвании Россия будет на стороне Румынии. Румыния, в свою очередь, отдаст ей Бессарабию в качестве компенсации за ту часть территории, которую она потеряла в результате Венского арбитража, последовавшего после Мюнхена. Из сказанного можно полагать, что в 1943 г. Сталин допускал раздел Трансильвании между Румынией и Венгрией [5].

Ещё в Стокгольме Румынии в осторожной форме намекнули на возможность пересмотра решений второго Венского арбитража по Северной Трансильвании в качестве вознаграждения за переход на сторону союзников. Однако, судя по документам, весной 1944 г. в Москве еще не сформировалось мнение о передаче Трансильвании Румынии. Тогда советское правительство считало лишь «не вполне обоснованным третейское решение о передаче Венгрии Северной Трансильвании». В проекте условий перемирия с Румынией, переданном советским послом в Египте 7 апреля 1944 г. представителю Великобритании лорду Мойну, в пункте 4-ом советского документа говорилось, что Советское правительство считает решение Венского арбитража неправильным и согласно на совместные действия с Румынией против венгров и немцев. Однако У. Черчилль, не желая заранее связывать себе руки, предложил допол-

[5] Arhives du Ministère des Fffaires Etrangères. Du fond de la Papierrs d'agents Arhives privêes. Papiers Maurice Dejan. 228. Vol. 36 (Jan. 1944). Correspondance officielle. Antretiens avec le président Benes lors de sa visite à Alger. P. 18.

instaw

нить пункт «о возвращении всей Трансильвании или большей её части Румынии» [6] словами: «что подлежит утверждению при мирном урегулировании» [7]. Советская сторона согласилась с этой поправкой, и она была включена в текст Соглашения о перемирии с Румынией.

Позиция США в урегулировании спорных территориальных вопросов в Восточной Европе, в том числе и в отношении Трансильвании, определилась к лету 1944 г.

В июне Госдепартамент США сформулировал «основные принципы» и изложил их в инструкциях, переданных американским представителям, которые должны были участвовать в дальнейшей работе по выработке условий заключения перемирия с Венгрией и Румынией, а именно: 1. Реставрация границ Венгрии, установленных Трианонским мирным договором 1920 г.; 2. Венгрия должна получить заверения, что будет предпринята попытка установить более справедливые границы между Венгрией и Румынией.

Так же как и англичане, американцы полагали, что вопрос о спорных границах должен быть решён при окончательном мирном урегулировании под контролем Объединённых наций [8].

Что касается Венгрии, то советское руководство считало, что за неспровоцированное участие в войне против Советского Союза, за те безобразия, что творила венгерская армия на советской территории, ответственность должно нести не только венгерское правительство, «но и венгерский народ в той или иной степени». Однако, по тактическим соображениям, исходя из интересов ведения войны и необходимости поощрения оппозиции в Венгрии, Москва проявляла склонность на данном этапе несколько смягчить свою позицию в трансильванском вопросе.

Тем не менее ошибочно было бы считать, что судьба Трансильвании была предрешена заранее, прежде всего, в связи с предвзятым подходом СССР к Венгрии. Анализ первоисточников позволяет высказать мнение, что до середины 1944 г. в Москве сложилось твердое убеждение о том, что «Объединенные нации свободны от каких бы то ни было обязательств в отношении Трансильвании, поскольку Трианонский договор

---

[6] АВП РФ. Ф. 125. Оп. 26. П. 23. Д. 7. Л. 65.

[7] Там же.

[8] *Kovrig Bennett*. Communism in Hungry. From Kun to Kadar. Stanford. 1979. P. 72.

inslav

и всякие другие формальные обязательства утратили свою силу, так как и Венгрия, и Румыния являются вражескими государствами» [9].

К началу июня 1944 г. в Комиссии Литвинова, которая занималась подготовкой мирных договоров и послевоенного устройства, для высшего советского руководства была подготовлена справка «о Трансильвании». Справка была направлена И. Сталину, К. Ворошилову, А. Вышинскому, В. Деканозову. Основное содержание документа сводилось к следующему: свои притязания на Трансильванию убедительно обосновывают как Венгрия, так и Румыния. Трудно и даже невозможно найти такое разрешение проблемы, которое удовлетворяло бы и Венгрию, и Румынию. Любое решение будет вызывать недовольство одного или другого из этих государств, а то и обоих государств. Совершенно исключается раздел Трансильвании по этническому принципу из-за смешанности расселения, причем везде по численности венгерское население значительно уступает румынскому. Мадьярские секлеры, т. е. секеи, численностью около полумиллиона, занимают компактную территорию, но она расположена вдалеке от венгерских границ. Ввиду этого нельзя признать удовлетворительным нынешнее положение, созданное Венским арбитражем [10].

8 июня 1944 г. состоялось заседание Комиссии, специально посвящённое вопросу о Трансильвании. На нём рассматривались различные варианты территориальной принадлежности Трансильвании. И как один из возможных вариантов решения трансильванской проблемы выдвигалась идея создания самостоятельного трансильванского государства. Причем, подчеркивал Литвинов, в случае реализации идеи самостоятельная Трансильвания должна оставаться «вне каких-либо региональных союзов и федераций, но под эгидой СССР».

Что же касается независимости Трансильвании, то последнее аргументировалось довольно логично. «Оставаясь яблоком раздора между двумя соседями, Венгрией и Румынией, – писал Литвинов, – Трансильвания не могла бы существовать без покровительства близкого к ней государства, каковым в данном случае являлся бы СССР». Во всяком случае, утверждал Литвинов, – решение о самостоятельной Трансильвании можно было бы принять хотя бы временно, вплоть до выяснения возможно-

[9] Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы. М., 2000. С. 235.

[10] Там же. С. 234–235.

inslav

сти искреннего сотрудничества с нами Румынии или Венгрии и принятия соответственно иного решения.

О том, что подобный вариант рассматривался как реальное предложение, свидетельствуют подготовительные материалы, направленные в комиссию Литвинова экспертами. В частности, речь идёт о записках румынского коммуниста Вальтера Романа и историка, академика Евгения Викторовича Тарле.

Записка Вальтера Романа называется «К вопросу о Трансильвании». Она была обнаружена мною в Архиве внешней политики Российской Федерации в фонде Литвинова. Письмо датировано 28 июня 1944 г. [11]. К сожалению, в подготовленном нами с Т.М. Исламовым сборнике документов «Трансильванский вопрос...» этот документ по техническим причинам не был опубликован, хотя мы упоминали о нём в предисловии к сборнику. Этот пассаж вызвал бурную реакцию в Румынии, поскольку автор записки – фигура не рядовая. Вальтер Роман – видный деятель Румынской коммунистической партии, штатный работник Исполкома Коминтерна. Ко времени составления записки её автор, согласно официальной справке МИД, числился ответственным редактором румынской редакции в институте № 205 при ЦК ВКП(б). Жил В. Роман в знаменитой в истории мирового коммунистического движения гостинице «Люкс».

Будучи выходцем из Трансильвании, он, по его словам, хорошо понимал «всю сложность, разнообразность и особенность трансильванского вопроса», отчетливо сознавал, что в этом крае, между Тисой и Карпатами, «живут в одном конгломерате румыны и венгры».

Основная идея записки, главное её исходное положение – неделимость и единство Трансильвании, разделённой на две части по воле Гитлера. Этот произвольный акт, подчеркивал В. Роман, противоречит экономическим, историческим и этнографическим соображениям, «как если бы отрезать одного из сиамских близнецов, не могущих жить один без другого». Отсюда и первое предложение – восстановить единство края; второе – сделать его самостоятельным независимым государством. Роман рассматривал самостоятельность Трансильвании как «временное и пере-

[11] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 24. Д. 207. Л. 1–3.. См. также: *Исламов Т.М.* По поводу реакции в Румынии на книгу «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский спор и СССР. 1940–1946». М., 2000 // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 166.

inslav

ходное решение». Румынский коммунистический лидер возражал против передачи Трансильвании кому бы то ни было, ни Румынии, ни Венгрии, полагая, что присоединение края к одной из этих стран означало бы «наградить их за участие в грабительской войне Гитлера» [12]. Выдвигая предложение о создании самостоятельного трансильванского государства, В. Роман исходил, прежде всего, из желания раз и навсегда покончить с распрями между двумя соседними странами – Венгрией и Румынией.

Конечно, учитывая сложные условия, в которых находились работники Коминтерна, а также необходимость строжайшего соблюдения партийной дисциплины и повиновения любым указаниям коминтерновского руководства, нельзя с полной уверенностью утверждать, было ли это письмо плодом личных убеждений самого автора, его личным мнением или оно отражало взгляды какой-то группы или отдельных лиц, с которыми общался в то время В. Роман, а может быть, было заказано кем-то автору. В любом случае, оно, безусловно, соответствовало настроениям и взглядам, присущим деятелям Коминтерна, а, следовательно, и советскому руководству.

В 1971 г. в Бухаресте было опубликовано другое письмо, приписываемое Вальтеру Роману. Письмо совершенно иного содержания, аргументирующее необходимость вхождения Трансильвании в Румынию. Датировано оно 24 июня 1944 г., т. е. четырьмя днями ранее процитированного нами выше документа, извлечено оно было, как утверждается автором публикации, «из личного архива Вальтера Романа». Однако сомнения могут возникнуть при его сравнении с письмом В. Романа от 28 июня, подлинность которого безусловна. Дело не только в том, что содержание письма от 24 июня полностью противоположно смыслу и содержанию подлинного документа, сохранившегося в фондах архива внешнеполитического ведомства СССР. Напомним, что в письме от 24 июня автор выступает за независимость Трансильвании, а в письме от 28 июня 1944 г. речь идет о вхождении Трансильвании в состав Румынии. Естественно, что в конкретно-исторических условиях 70-х гг. XX века, когда вся Трансильвания входила в состав Румынии, первый тезис являлся для румынского руководства не только не актуальным, но и вредным. Но история есть история. Сомнительно, чтобы находясь в Москве в качестве политэмигранта, В. Роман, будучи, естественно, под присмотром соответствующих органов, мог бы позволить себе потерять чувство вся-

[12] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 24. Д. 207. Л. 1–3.

inslav

кой реальности и самосохранения, чтобы отстаивать интересы государства, с которым вел войну Советский Союз. И, наконец, если бы это письмо существовало в действительности, то оно должно было быть направлено Литвинову, который, как и всякий ответственный советский работник, прошедший школу чисток 1937–1938 гг., не имел обыкновения держать подобную корреспонденцию в своём личном архиве. Логично спросить, почему в фонде комиссии Литвинова отложилось только письмо В. Романа, датируемое 28 июня, и нет другого, от 24 июня. Можно, конечно, предположить, что письмо В. Романа от 24 июня было действительно написано В. Романом, но оно или не было передано М.М. Литвинову, а, возможно, Литвинова не устроило его содержание, и он предложил написать В. Роману другое письмо, противоположного содержания, а первое осталось «в кармане» у автора, и уже потом – в новых исторических условиях – было опубликовано. Но это только наши предположения.

В пользу самостоятельности Трансильвании высказался советский академик Е.В. Тарле. В записке, направленной им в комиссию Литвинова 1 июля 1944 г., он отстаивал идею о Трансильвании как независимом государстве. Он был убеждён, что Трансильвания в руках Венгрии или Румынии не может быть ничем иным, как: 1) очень большим ростом могущества одной из одинаковых фашистских держав; 2) «вечным яблоком раздора на очень опасном европейском перепутье и вечным поводом к разжиганию войн». Наиболее желательным выходом из положения, по мнению Тарле, являлось создание «самостоятельного государства под формальной гарантией будущей (проектируемой) организации держав с целью охраны от агрессий. Всякое другое решение для нас невыгодно» [13].

Но Тарле был слишком глубоким знатоком истории международных отношений и тонким аналитиком, чтобы не считаться с возможностью иных решений и альтернатив. Поэтому в своих предложениях он выдвигает запасной вариант, предвидя, что может сложиться ситуация, когда СССР будет поставлен перед выбором между двумя соперницами: «Но если уже выбирать между двух зол, то меньшее зло – это отдать Трансильванию Румынии, потребовав за это те или иные компенсации» [14].

Однако, как подчеркивал Литвинов, «в политике, конечно, приходится руководствоваться соображениями целесообразности», «мы не

[13] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 4. П. 24. Д. 205. Л. 1.
[14] Там же.

inslav

должны руководствоваться абстрактными принципами, а должны учитывать реальность» [15].

Действительно, вектор интересов Советского Союза менял своё направление вслед за изменением военно-политической обстановки. Это аксиома, не требующая обстоятельного обоснования.

27 марта 1944 г. Красная Армия, форсировав реку Прут, вступила на территорию Румынии. 2 апреля советское правительство заявило: «Красная Армия в результате успешного продвижения вперёд вышла на реку Прут, являющуюся государственной границей СССР. Этим положено начало полного восстановления советской государственной границы, установленной договором, вероломно нарушенным в 1941 г. румынским правительством в союзе с гитлеровской Германией» [16]. Заявление было адресовано не столько правительству Румынии, сколько союзным правительствам. Советское руководство давало понять, что считает вопрос о Бессарабии и Северной Буковине решённым. В заявлении также подчеркивалось, что «вступление советских войск в Румынию не преследует цель приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя». Вместе с тем было совершенно очевидно, что руководство СССР использует все доступные средства, чтобы закрепиться в Румынии и на Балканах в целом.

Впоследствии на трансформацию позиции СССР по трансильванскому вопросу оказали как чисто политические, конъюнктурного характера интересы СССР, так и соображения геополитические. Предпочтительнее оказался вариант передачи Трансильвании Румынии взамен на гарантии тесного сотрудничества с СССР и отказа Бухареста от претензий на Бессарабию и Северную Буковину. Именно этому варианту и было отдано в конечном итоге предпочтение советского руководства после того, как 23 августа 1944 г. Румыния перешла на сторону союзных держав, а Венгрия продолжала оставаться союзницей Германии и ожесточенно сопротивлялась наступающей Красной Армии.

---

[15] Трансильванский вопрос… С. 236, 243.

[16] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М. 1946. Т. II. С. 105.

inslav

Т.В. Волокитина
Москва

О проектах конфедерации европейских социалистических стран (1960-е годы)

В последнее время наблюдается растущий интерес научного сообщества к истории и проблемам международных и региональных интеграционных процессов, что во многом связано с трудностями их развития в современных условиях. Это находит отражение и в историографии, посвященной региональному, восточноевропейскому, аспекту интеграции, т. е. странам бывшего «социалистического содружества» [1].

Обращаясь к идейным истокам интеграционной политики социалистических стран, ученые сталкиваются с необходимостью нового прочтения одного из ключевых вопросов марксизма – об отмирании государства, а также размышлений В.И. Ленина о будущем группировании отдельных федераций свободных наций вокруг революционной России. Исследователи не обходят своим вниманием и сталинскую трактовку федерации и конфедерации как одной из переходных форм будущего сближения народов [2].

Напомним, что на VIII съезде РКП(б), предшествовавшем учредительному конгрессу Коминтерна, Ленин выдвинул идею «федеративного объединения государств, организованных по советскому типу», подчеркнув, что этот тип государства «становится международным». В тезисах о

---

[1] См., например: *Глинкина С.П.* Центрально-Восточная Европа на пути в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2007, № 5; *Орлик И.И.* Восточная Европа: от СЭВ до Евросоюза // *Орлик И.И.* Очерки истории международных отношений. XX – начало XXI века. М., 2013; *Никова Е.* Балканите и Европейската общност. София, 1992; Из история на европейската интеграция: поглед от Русия и България. В. Търново, 2005; Евроинтеграция на България: проблеми и перспективи. София, 2005; Интеграционните процеси през 60-те години на XX век. София, 2013 и др.

[2] Подробнее см.: Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. Изд. 2-е. М., 1974.

inslav

задачах Коминтерна, принятых на II-м конгрессе (июль–август 1920 г.), возникающая на базе советского строя федерация оценивалась как «переходная форма к полному единству» народов, а «все более и более тесный федеративный союз» – как вполне реальная перспектива. Особо следует подчеркнуть, что, помимо политической и идеологической компоненты, в теоретических рассуждениях Ленина идея, говоря сегодняшним языком, интеграционного союза отражала исключительную важность экономической составляющей: Ленин, в частности, ставил вопрос о «тесном экономическом союзе советских республик», создании «регулируемого пролетариатом всех наций по общему плану мирового хозяйства как единого целого». Такой подход, отражающий приоритет экономической компоненты, в целом соответствует современному уровню развития теории интеграции, в соответствии с которой акцентируются следующие фазы объединительного процесса: создание зоны свободной торговли; таможенный союз; общий рынок, экономический союз и, наконец, союз политический. Понятно, что базисные явления сопровождаются постепенными переменами и в надстройке, причем, как свидетельствует история, политическое объединение государств иногда может предварять создание экономического союза. Но такое забегание вперед, по мнению экономистов, ведет к появлению «мертворожденного» объединения, слишком зависящего от политической конъюнктуры [3].

Принятые на II-м конгрессе Коминтерна «Тезисы о задачах Коммунистического Интернационала» закрепили ленинский подход к федерации. Однако на стадии обсуждения И.В. Сталин в письме от 12 июня 1920 г. предложил добавить пункт о конфедерации, усматривая в ней, наряду с федерацией, еще одну переходную форму сближения народов. Он отметил, что именно конфедерация наиболее подходит не только странам, вступающим на путь социализма и обладающим при этом развитой государственностью (Германия, Польша, Венгрия), но и тем странам, которые, подобно Турции или Персии, были в прошлом зависимыми и отсталыми [4]. Характерна помета Ленина на полях письма: подчеркнув слово «конфедерация», он написал «Так ли это?» [5]. Видимо, ответ для

[3] Экономическая интеграция – htpp://www.krugosvet.ru/node/41428?page=0,8

[4] Ленинизм и национальный вопрос... С. 283–284.

[5] Там же.

inslav

него был очевиден, поскольку ни в основной доклад, ни в документы конгресса Коминтерна сталинский тезис о конфедерации не вошел.

Установки Коминтерна на долгие годы превратились для национальных коммунистов в «священную корову», определяя угол зрения и подходы ко многим вопросам, в том числе и к интеграции, хотя этот термин длительное время отсутствовал в марксистско-ленинском лексиконе.

В Восточной Европе после утверждения властной монополии коммунистических партий актуальная задача модернизации решалась на основе копирования советского опыта, и в частности, путем реализации советской автаркической модели индустриализации. Между тем для малых стран, вышедших из Второй мировой войны с тяжелейшими экономическими последствиями, размах народно-хозяйственных планов мог обрести рациональный характер только в условиях интеграции с соседями. Объединение ресурсов при возможности вносить собственные коррективы в планы развития (такая возможность гипотетически существовала в условиях конфедерации) было бы экономически оправданным. Однако конкретные условия послевоенного мира и особенно нарастание во второй половине 1940-х годов блокового противостояния по линии Восток – Запад обусловили безоговорочную доминацию политического фактора в отношениях между странами «социалистического лагеря», что не могло не отразиться на судьбе проектов их интеграции путем федерирования. Советское руководство теперь усматривало в данных замыслах прямую угрозу своему влиянию в Восточной Европе. Отсюда крайне негативное отношение к ранее исключительно популярной и имевшей глубокие исторические корни идее создания федерации на Балканах, резкая критика Сталиным Г. Димитрова и Й. Броз Тито за готовность форсировать интеграционный процесс и, в частности, заключить таможенную унию [6].

Начавшаяся в 1947 г. после принятия плана Маршалла фактическая координация торгово-экономических связей «маршаллизованных» стран не могла не осознаваться советским руководством как вызов создававшемуся «социалистическому лагерю». Представляется, что это обстоя-

[6] Подробнее см.: *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 225–232; *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны». 1945–1957. М., 2002. С. 86–91, и др.

inslav

тельство подтолкнуло Москву к поискам адекватного ответа Западу. Идея многостороннего сотрудничества стран народной демократии, что называется, витала в воздухе [7], тем более что первые шаги к этому были сделаны еще раньше – на стадии заключения двусторонних договоров между Советским Союзом и его партнерами по формировавшемуся восточному блоку, а также и между отдельными народно-демократическими странами.

Задача перехода к более высокой ступени экономического сотрудничества путем согласования планов хозяйственной деятельности и создания специального Координационного совета была сформулирована на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 23 декабря 1948 г. [8]. А уже в начале января 1949 г. на «совещании шести» в Москве был создан Совет экономической взаимопомощи. Учредителями стали Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. В феврале 1949 г. в СЭВ вступила Албания, а в сентябре 1950 г. – Германская демократическая республика. Начался трудный переходный период становления и поисков оптимальных форм взаимодействия, в котором вплоть до начала 1960-х гг. главной оставалась внешняя торговля. Советский Союз выступал в качестве основного поставщика сырья и топлива в страны СЭВ, а также крупного экспортера зерна [9].

Теория тесно увязывает эффективность интеграции не только с однотипностью социально-политического строя, но и с выравниванием уровней экономического развития. Соединение же в одном интеграцион-

---

[7] 3 сентября 1947 г. в беседе с советским дипломатом С.П. Кирсановым болгарский партийный и государственный деятель Тр. Костов от имени других лидеров народно-демократических стран «с большим жаром развивал... мысль» о совместной выработке долгосрочных планов и согласовании направлений хозяйственного развития (Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 074. Оп. 36. П. 134. Д. 8. Л. 20–21).

[8] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в двух томах /Отв. ред. Г.П. Мурашко. Т. I. 1944–1948 гг. М., 1997. Док. № 308. С. 944–946.

[9] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в трех томах / Гл. ред. А.Д. Некипелов. Т. I. Становление «реального социализма». 1945–1965. М., 2000. С. 285.

inslav

ном блоке стран с сильно отличающимися уровнями, как правило, имеет под собой политическую подоплеку и, в конце концов, оказывается нежизнеспособным и завершается «разводом» участников. Советское руководство понимало, что трудности функционирования социалистической системы порождались во многом средним и даже низким уровнем экономического развития отдельных стран-участниц. Об этом шла речь на внеочередном XXI съезде КПСС (февраль 1959 г.), сформулировавшем задачу выравнивания экономического и культурного уровней всех социалистических государств. В резолюции по докладу Н.С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» именно ее решение рассматривалось как важнейшая предпосылка практически одновременного перехода стран советского блока к строительству коммунизма [10]. О выравнивании уровней экономики говорилось и в принятой на XXII съезде (октябрь 1961 г.) Программе КПСС. Закрепляя перспективу «все большего сближения отдельных национальных хозяйств», авторы программы ссылались на упоминавшиеся выше слова Ленина о создании мирового коммунистического хозяйства, регулируемого победившими трудящимися по единому плану. Программа КПСС формулировала также задачу политической консолидации государств «социалистического содружества» для совместной борьбы за мир, против агрессоров, за коммунизм. В области культуры обрисовывалась перспектива взаимообогащения национальных культур, сближения жизненного и духовного склада социалистических наций. Наличие, наряду с Советским Союзом, еще и «социалистического содружества» рассматривалось как «начало исторического процесса всестороннего сближения народов» [11].

В начале 1960-х гг., в связи с проявившимися трудностями в экономике советское руководство усилило внимание к функционированию Совета экономической взаимопомощи. В июне 1962 г. на внеочередной XVI сессии СЭВ в Москве были согласованы основные принципы международного социалистического разделения труда, закрепленные в принятом документе. На основе узкой специализации и кооперирования производства и согласования планов экономического развития стран-

[10] Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 2. М., 1959. С. 447.

[11] Программа КПСС // Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 335, 422, 423.

inslav

членов Совета предполагалось начать, «по Ленину», постепенный переход к единому коммунистическому хозяйству. Согласно официальной информации, координация народнохозяйственных планов провозглашалась основным методом деятельности Совета. Был определен и главный вектор развития – создание единого коммунистического хозяйства через *постепенное сближение экономик* при повышенном внимании к вопросам внутренней специализации (здесь и далее курсив мой. – *Т.В.*). С этой целью произошло организационное укрепление СЭВ: созданы его Исполком, Бюро по сводным вопросам хозяйственных планов, ряд постоянных комиссий, Институт стандартизации и пр. [12]. По предложению советской стороны предстояло всесторонне обсудить вопрос о совместных плановых органах. Из протокольной записи заседания Президиума ЦК КПСС от 5 ноября 1962 г. следует, что в Москве позитивно оценивали перспективы дальнейшего развития. Выступая на заседании, Н.С. Хрущев, в частности, подчеркнул возросшее доверие лидеров социалистических стран друг к другу, а всех их – к советскому руководству («Нам безгранично верят») [13]. Данная констатация предполагала безоговорочное следование стран-союзниц в фарватере советских инициатив. И, надо сказать, известные основания для таких расчетов у советской стороны имелись. Так, в июле 1962 г. на пленуме ЦК БКП, рассмотревшем московские решения, Т. Живков, как бы развивая принятую установку, с оптимизмом говорил о задаче «*полного органичного слияния экономик социалистических стран – членов СЭВ*» [14]. Однако уже спустя полгода, на сессии Исполкома СЭВ в Варшаве в мае 1963 г., отчетливо выявились принципиальные разногласия по вопросу об экономической кооперации между СССР и Румынией, после чего советская сторона приняла решение искать «приемлемую [для всех] форму сотрудничества по кооперации» [15]. Несмотря на приложенные Москвой усилия, в частности, предпринятый

---

[12] *Фаддеев Н.В.* Совет экономической взаимопомощи. М., 1964. С. 37–39.

[13] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3-х томах / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004. С. 645.

[14] Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 525. Л. 186–187.

[15] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964… С. 732.

instav

Хрущевым визит в Бухарест (24–25 июня 1963 г.), снять спорные вопросы не удалось. Советское руководство, вынужденное признать возможность «иметь отдельные разногласия по отдельным вопросам с отдельными странами» [16], все же продолжило настойчивые поиски формата интеграции и возможностей ее развития. В июле 1963 гг. опять-таки по инициативе Москвы было решено создать Международный банк экономического сотрудничества для многосторонних расчетов в так называемых переводных рублях.

«Ахиллесовой пятой» СЭВ в это время становятся вопросы специализации: несмотря на различия в уровне экономического развития, каждая страна стремилась производить более трудоемкие изделия, продавать их по международным ценам, а продукцию партнеров по блоку покупать как можно дешевле [17]. Выразителем растущих противоречий стало румынское руководство, опасавшееся сведения Румынии до состояния аграрно-сырьевого придатка более развитых стран.

Заметим, что в это время вполне отчетливо проявила себя тенденция рассматривать интеграционные процессы в экономике во взаимосвязи с перспективами политической интеграции. Так, болгарские исследователи Л. Стоянов и Ж. Лефтеров полагают, что постановка на июльском пленуме ЦК БКП (1962 г.) вопроса о форме государственного управления в Болгарии в связи с готовившимися изменениями в Конституции страны (речь шла о внесении по инициативе Москвы в названия народно-демократических государств определения «социалистические») отразила считавшуюся неизбежной перспективу слияния СССР, Болгарии и других социалистических стран [18]. Интересно, что британские дипломатические представители в Софии, опираясь именно на документы совещаний коммунистических и рабочих партий, констатировали возможности перехода

---

[16] Там же. С. 719.

[17] *Калинова Е.* Интеграционни процеси в Източния блок в началото на 60-те години (Исторически и историографски аспекти) // Интеграционните процеси през 60-те години на XX век... С. 33.

[18] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Политиката на БКП за превръщане на България в съветска република (От идейни постулати към практически действия). Част I // История и съвременност. Годишник на департамент История. Нов български университет. Т. 1. София, 2006. С. 211.

inslav

Болгарии «к какому-либо более продвинутому статусу» [19]. Взяв на вооружение установки XXII съезда КПСС и положения принятой на нем Программы партии о всесторонней интеграции социалистических стран в экономике, политике и культуре и дальнейшем сближении социалистических наций, болгарское руководство тем не менее сочло нецелесообразным переименование НРБ в «социалистическую республику». Еще до пленума, на встрече Т. Живкова с советским партийным функционером Л.Ф. Ильичевым в Софии в апреле 1962 г., болгарский лидер подчеркнул, что название республики «народная» в большей мере отвечает положению Программы КПСС об общенародном государстве [20], а на VIII съезде БКП (5–14 ноября 1962 г.) подчеркнул все большее по своим задачам и функциям сближение болгарского *народно-демократического государства* с общенародным советским [21]. Показательно, как болгарский руководитель определял перспективы своей страны и всего «содружества»: «Сам ход экономического развития требует – говоря языком империалистов – экономической интеграции, а экономическая интеграция ведет за собой к интеграции политической и вообще ко всей надстройке, существующей над базисом» [22]. Не случайно в середине 1960-х гг. болгарское руководство вынашивает замысел создания специального органа координации в идеологической области – создания нечто вроде «идеологического СЭВа» [23], активно поддерживает предложение советской стороны отказаться от консультативных и рекомендательных функций Военного совета Объединенных вооруженных сил Варшавского Договора, предоставив ему право издания прямых приказов и распоряжений [24].

Начало 1960-х гг. характеризовалось неблагоприятной для советского руководства политической конъюнктурой. Обещанный им рывок к коммунизму явно откладывался, углублялся конфликт между населением и властью (пиком стали кровавые события летом 1962 г. в Новочеркас-

---

[19] Съветска България през три британски мандата. 1956–1963. Их архива на Форин офис за събития и личности в България. София, 1994. С. 82.

[20] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 53. П. 231. Д. 7. Л. 33.

[21] Там же. П. 234. Д. 36. Л. 150.

[22] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 568. Л. 326.

[23] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 57. П. 247. Д. 13. Л. 90.

[24] *Грибков А.И.* Судьба Варшавского Договора. Воспоминания, документы, факты. М., 1998. С. 51–53.

inslav

ске), в связи с волюнтаристскими действиями Хрущева росли критические настроения в партийно-политических кругах, в том числе и в руководстве, уставших от «шараханий» своего лидера из крайности в крайность. В сфере внешней политики зримыми проявлениями явного для Москвы неблагополучия явились Карибский кризис, создание Движения неприсоединения с его антиблоковой направленностью, неспособность утвердить советское влияние в странах «третьего мира» (несмотря на колоссальные финансовые вливания), утрата лидирующих позиций в международном коммунистическом движении, нарастание противоречий с Албанией (вплоть до разрыва в 1961 г. дипломатических отношений), Югославией, Китаем, Кореей, первые, еще слабые, признаки начинавшейся эрозии Варшавского пакта, и, наконец, трудности функционирования СЭВ. Сложная обстановка диктовала необходимость обеспечить хотя бы частичную компенсацию. Поиски выхода обусловили новый виток внимания к идее единого экономического пространства для стран социализма и создания на этой основе единой советской республики как формы общенародного государства с отдаленной перспективой его постепенного отмирания. (Помимо прочего, это открывало возможность Хрущеву напомнить о себе как о «десталинизаторе», инициаторе возвращения к аутентичному марксизму-ленинизму, «искаженному» Сталиным). Представляется, что именно этот фундаментально-идеологический принцип сделал возможным оживление в некоторых социалистических странах интереса к идее «16-ой республики», которая сама по себе не могла вызывать принципиального отторжения у догматика-«романтика» Хрущева.

Вопрос о превращении тех или иных иностранных территорий в одну из советских республик вставал в политической практике не единожды, что свидетельствовало о живучести этой идеи, равно как и о ее позитивном восприятии частью общества. О вступлении в СССР на правах одной из республик ставило вопрос, например, руководство Внутреннего Туркестана. С таким предложением в 1941 г. обращался в Сталину дубань (высшее должностное лицо, наделенное военно-административными функциями) Шэн Шицай, возглавивший после военного переворота в апреле 1933 г. правительство Синьцзяна [25]. В августе 1941 г. в связи с советской оккупацией части Ирана также возник вопрос о превращении

[25] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 323. Л. 57.

inslav

так называемого Иранского Азербайджана в 17-ю советскую республику. (До 1956 г. в составе СССР было с учетом Карело-Финской ССР 16 республик). В 1944 г. в состав СССР «просились» Монголия и Тува. В октябре 1944 г. Тува на правах автономной области была включена в РСФСР, а Монголия, о которой еще в межвоенный период неофициально говорили как о 17-й советской республике, получила тогда отказ. О Польше в составе СССР мечтала руководитель Союза польских патриотов Ванда Василевская. Когда в 1945 г. Хрущев заговорил с ней о ее предстоящем возвращении в Варшаву, то в ответ услыхал: «Уеду лишь тогда, когда Польша станет 17-й союзной республикой». «И она потом много раз это повторяла», – вспоминал Хрущев [26]. Соответствующие настроения охватили в 1948 г. часть венгерских коммунистов. Это вызвало резкую реакцию социал-демократов, не допускавших и мысли о том, что «Венгрия может стать частью Советского Союза» [27]. Есть сведения, что серьезно раздумывал над идеей присоединения Китая к СССР Мао Цзедун, исходивший при этом якобы из собственных амбициозных расчетов. Москва же считала, что КПК должна быть самостоятельной силой на Востоке, и это определило негативное отношение к идее китайского руководителя [28].

Далеко не всегда такого рода информация подтверждается документально, поскольку, по некоторым предположениям, значительную роль при подаче соответствующих просьб и предложений и подготовке ответов на них играла советская разведка [29]. Последняя же, как известно, неохотно делится своими секретами. Однако и имеющиеся скупые сведения на этот счет нет оснований игнорировать.

Начавшаяся после смерти советского лидера «десталинизация» вызвала различные проявления в восточноевропейском обществе. В широком диапазоне «предоттепельных» настроений нашлось место и революционно-романтической ностальгии. Пример тому – письмо группы бол-

---

[26] *Никита Сергеевич Хрущев.* Воспоминания. Кн. 1. М., 1999. С. 589.

[27] РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 14. Л. 171.

[28] *Дмитрий Григорьев.* Великий кормчий предлагал объединить две коммунистические державы. Мао стремился возглавить Советский Союз? // Загадки истории. СПб., 2011. № 32. С. 6–7.

[29] Как в СССР разные страны просились – http://vzapare.ru/kak-v-sssr-raznye-strany-prosilis/.

inslav

гарских граждан в Политбюро ЦК БКП и Президиум Народного собрания от 23 декабря 1955 г. Авторы документа, именовавшегося «Обращение-предложение», – бывшие политэмигранты в СССР выразили «горячее желание» провести в стране референдум по вопросу о присоединении Болгарии к Советскому Союзу в качестве 17-й республики и превращении болгар в советских граждан. Мотивацией для авторов стали славянское происхождение болгар, двукратное освобождение Болгарии – «страны Георгия Димитрова» Россией и то, что в течение 11 лет страна идет по пути социализма под руководством Болгарской коммунистической партии [30]. Однако дальше регистрации письма в канцелярии секретариата ЦК БКП дело не пошло, и обращение было отправлено в архив.

Прямым следствием «десталинизации» явились нарастание кризисных явлений в Восточной Европе, усиление центробежных тенденций внутри восточного блока, отразившее желание ослабить диктат Москвы, активное восприятие обществом лозунгов гуманного, обновленного социализма. В этих условиях советское руководство предпочло отступить от установок XX съезда КПСС и отдать приоритет силовым методам действия, похоронив, таким образом, надежды на реформирование политической системы социализма. События 1956 года в Польше и Венгрии и их последствия, подобно лакмусовой бумажке, выявили особенности и глубину процесса либерализации в странах советского блока [31]. Так, например, в Болгарии властям удалось сравнительно быстро стабилизировать обстановку в стране, заглушить проявления критики существующего режима. Уже 6 ноября 1956 г. британская газета «Таймс» констатировала: «Надежды и ожидания многих болгар исчезли. Голоса протеста превратились в шепот. Режим укрепляется. Снова пропагандируется бескорыстная помощь СССР, необходимость болгаро-советской дружбы. Это возвращение к “сталинской эре”» [32]. В сложной и неоднозначной морально-психологической атмосфере немало болгарских граждан выражали жела-

---

[30] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 24. А.е. 206. Л. 1.

[31] Подробнее см., например: 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М., 2008.

[32] *Волокитина Т.В.* Начало болгарской «оттепели» и общественные настроения в стране в 1950-е годы // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 306.

inslav

ние оказать помощь «здоровым силам венгерского народа», остановить «наступление фашизма в Венгрии», при этом предлагали народно-демократической власти действовать не только мирными средствами (материальная помощь, отправка продовольствия, продуктов, медикаментов), но и «крепкой рукой», «железным кулаком». 12 ноября 1956 г. группа софийских коммунистов обратилась с письмом в Президиум ЦК КПСС (копия была направлена в Политбюро ЦК БКП) с предложением сделать «решительные выводы» в связи с вылазкой «контрреволюции» в Венгрии. Вероятно, к таким выводам авторы письма причислили утверждение, что «народно-демократические страны должны стать республиками СССР» и что венгерские события дают сейчас «прекрасный повод для такого объединения социал[истического] лагеря» [33]. Вступление в Советский Союз на правах социалистических республик рассматривалось как надежный гарант поступательного движения к коммунизму, причем в соответствии с принципиальными установками классиков марксизма-ленинизма.

Документальные свидетельства указывают на то, что блокирование румынами советского предложения о создании единого для всех стран СЭВ планового органа стала толчком для болгарского руководства, попытавшегося обратить ситуацию в свою пользу. Именно во время июльского (1963 г.) заседания в Москве болгары впервые подняли перед советской стороной вопрос об экономическом и политическом слиянии с СССР [34]. Реакция советских «друзей» была осторожной: вопрос следует подработать и придать ему официальный характер [35]. Но Живков истолковал это как одобрение своей инициативы, и, по его предложению, уже 31 июля 1963 г. на пленуме ЦК БКП делегаты приняли решение обратиться в Москву с письмом, аргументирующим необходимость «создания более тесной связи между советской и болгарской экономикой с перспективой их сближения и дальнейшего политического слияния [обеих стран]». По замыслу Живкова, следовало создать при Госплане СССР сектор или отдел планирования экономики Болгарии с учетом кооперирования 50–60% болгарской экономики с советской. Это, подчеркивал

[33] 1956. «Прекраснинят повод» (Документи за отражението на Унгарската революция в България) / Съст. М. Семков. София, 2006. С. 107–109.

[34] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 54. П. 238. Д. 28. Л. 72.

[35] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. С. 213.

inslav

болгарский руководитель, будет для Советского Союза делом более выгодным, чем искать какой-то новый режим взаимного сотрудничества. «После этого постепенно пойдем дальше» [36]. Показательно, что по ходу обсуждения на стадии подготовки письма в «узком» составе руководства рассматривался вопрос и о форме будущего объединения – федерации или конфедерации. Однако в окончательный текст обращения указания на этот счет не вошли, несмотря на упорные попытки Живкова конкретизировать идею объединения [37].

Не смог четко сформулировать свою позицию по этому вопросу и Хрущев. На встрече с болгарами в начале октября 1963 г. в Москве советский руководитель, согласившись в принципе с идеей слияния, отказался от обсуждения его конкретных форм: «Трудно сейчас сказать, может быть, будет федерация, может быть, конфедерация. Трудно сказать, как это будет» [38]. Показательно, что, информируя 21 октября 1963 г. членов Президиума ЦК КПСС о беседе с болгарами, Хрущев, как это следует из черновой протокольной записи, был предельно лаконичным: «М[ожет] б[ыть], выгодно [будет] создать совместный плановый орган» [39].

Дальнейшие события помогают реконструировать публикации последних лет [40].

---

[36] *Волокитина Т.В.* Тодор Живков: «...НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ю республику СССР») // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сборник статей. М., 2013. С. 255.

[37] *Живков Ж.* Кръглата маса на Политбюро. 16-та република. Случаят Кремиковци. Разгромът на Тексим. Чехословашките събития. Крах на едноличната власт. София, 1991. С. 37–40.

[38] Цит. по: 1963 – отричането от България. Стенограма от пленума на ЦК на БКП от 4.XII.1963 за присъединяването на България към Съветския съюз. София, 1994. С. 97, 99.

[39] Президиум ЦК КПСС... Т. I. С. 761.

[40] См., например: *Баева И.* «Сближението» между България и Съветския съюз (1963–1973) // *Баева И.* България и Източна Европа. София, 2001. С. 106–123; *Марчева И.* Тодор Живков. Пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953–1964. София, 2000. С. 255, 256, 259; *Волокитина Т.В.* Указ. соч. С. 255–257.

inslav

В декабре 1963 г. пленум ЦК БКП рассмотрел единственный вопрос – «О дальнейшем тесном сближении и слиянии в перспективе Народной Республики Болгарии с Советским Союзом» и утверждено письмо-обращение к советскому руководству. Таким образом, высказанная Москвой еще в июле 1963 г. рекомендация ЦК БКП придать вопросу официальный характер была выполнена. Среди прочего на пленуме было принято сформулированное в докладе Живкова предложение о создании совместного планового органа на паритетной основе для решения наиболее острых и болезненных вопросов – цен, кооперирования и специализации, сырьевых ресурсов и пр. Хотя на пленуме неоднократно подчеркивалось, что слияние стран не являлось непосредственной задачей, в письме пленума Хрущеву этот орган предлагалось включить в структуру Госплана СССР. А вскоре после пленума Живков, беседуя с советским послом Н.Н. Органовым, заметил: хорошо, если бы Советский Союз включал в свой народнохозяйственный план развитие экономики Болгарии, так, как это делает Совет министров СССР в отношении союзных республик [41]. Иными словами, Болгария по экономическому, политическому и административному статусу фактически приравнивалась бы к остальным советским республикам. Заметим, что, заявив на пленуме о перспективности для Болгарии решения сложных и острых вопросов специализации, кооперирования, цен и расчетов, ресурсов и пр. на двусторонней основе (коль скоро это не удается сделать на многосторонней, в рамках СЭВ), Живков фактически сформулировал своеобразную альтернативу для своей страны деятельности Совета.

Заслуживает внимания прозвучавшее на партийном форуме пожелание к другим социалистическим странам последовать болгарскому примеру: «Было бы еще радостнее, если бы вместе, группой все социалистические страны объединились вокруг СССР и создали конфедерацию. Но пока для всех стран это невозможно» [42].

В условиях эскалации советско-китайского конфликта и обострения отношений КПСС с руководством компартий Албании и Югославии, резко критиковавшим Программу КПСС, обращение болгар пришлось в Москве явно «ко двору». Оно непосредственно и удачно вписывалось в задачу борьбы за сплоченность международного коммунистического

[41] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 57. П. 248. Д. 28. Л. 9.
[42] 1963 – отричането от България... С. 70.

instaiv

движения, поставленную февральским пленумом ЦК КПСС (1964 г.). Положительная реакция Москвы на болгарскую инициативу проявилась на встрече с болгарской партийно-правительственной делегацией в феврале 1964 г. в Москве.

Первым вопросом повестки дня встречи значилось обсуждение решения декабрьского (1963 г.) пленума ЦК БКП. Тон задал Живков, противопоставив «разделению и разобщенности, националистическим, по сути, центробежным проявлениям» во взаимоотношениях социалистических стран, как между собой, так и с СССР, «еще большее сближение, вплоть до объединения между ними». БКП, подчеркнул Живков, «считает необходимым показать пример марксистско-ленинского решения [этого] вопроса». Характерно, что, касаясь формы объединения, болгарский руководитель резко отмежевался как от «ошибочной» установки на болгаро-югославскую федерацию и проводившейся на ее основе после Второй мировой войны политики Георгия Димитрова. «Ошибочным» он объявил и замысел создания более широкой Балканской федерации «в отрыве от СССР»: «Этот лозунг сегодня не актуален и не реален» [43].

Советскую позицию представил Хрущев, изложивший концепцию развития всего «социалистического лагеря» по пути интеграции – *вплоть до оформления конфедерации*. Отметив «мужество и зрелость» болгарских руководителей, он предложил конкретный план действий: уже на ближайшем заседании Политического консультативного комитета (ПКК) Организации Варшавского Договора обосновать необходимость *начавшейся подготовки конфедерирования НРБ и СССР*. Задача проинформировать военных была возложена на Живкова как на руководителя страны-инициатора. При этом Хрущев посоветовал Живкову (явно с учетом состава аудитории) подчеркнуть, что на юге Болгария граничит со странами НАТО – Турцией и Грецией. К сожалению, материалы ПКК ОВД, в частности заседания в январе 1965 г., до самого последнего времени оставались на особом режиме хранения, и проверить, выполнил ли Живков порученное, пока не представилось возможным.

Определив перспективу, стороны, однако, оставили в подвешенном состоянии вопрос о конкретных сроках объединения, ограничившись указанием на недопустимость спешки и необходимость создания экономических, политических и идеологических предпосылок. В окончатель-

---

[43] Цит. по: *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Указ. соч. С. 222–223.

inslav

ном виде позицию Москвы отразило заключение, что «вопрос об объединении НРБ с СССР... является преждевременным» [44]. Как указывалось в одной из справок V Европейского отдела МИД СССР, «болгарские товарищи согласились с этим мнением» [45]. Понятно, что иного выбора у болгар не было.

Но не только болгарское руководство занимались поиском форм интеграции с Советским Союзом. В сентябре 1964 г. во время визита Хрущева в Чехословакию этот вопрос поднимал А. Новотный, инициировав обсуждение возможности вхождения Чехословакии в состав СССР на правах союзной республики. Более того, Новотный предлагал обсудить вопрос «16-й республики» с Я. Кадаром во время предстоящего визита в Будапешт чехословацкой партийно-правительственной делегации. Хрущев поначалу согласился, заметив, что «этот разговор был у нас с Живковым, и они (болгары. – *Т.В.*) очень настаивали». В стенограмме заседания Президиума ЦК КПСС от 10 сентября 1964 г. позиция Хрущева с его слов передана так: «Сейчас в свете текущего разлада в социалистическом лагере этот шаг (вхождение Чехословакии в СССР. – *Т.В.*) не способствовал бы [его] укреплению. Все-таки может быть конфедерация? ...Потом, когда я приехал, я подумал, и я боюсь, когда он поговорит с Кадаром, это может быть как раз обратный результат. Поэтому я хочу поговорить с ним (Новотным. – *Т. В.*) и отговорить, чтобы он этих вопросов с Кадаром не поднимал» [46]. Уже после вынужденной отставки Хрущева сам Новотный в беседе с советским послом М.В. Зимяниным расставил акценты иначе. Как следует из записи в дневнике Зимянина, Хрущев в беседе с Новотным «развивал идею» о конфедерации СССР с другими социалистическими странами, причем, по оценке чехословацкого руководителя, «проявлял в этом торопливость», что могло явиться «поводом для международных конфликтов» [47]. Показательно, что возражать Хрущеву чехословацкий руководитель не стал: «Тов. Новотный, естественно, не мог отбросить постановку вопроса о дальнейшем сближении и даже объединении наших государств в будущем, тем более что в принципе он и сейчас исходит из этого». Новотный отметил также, что, вер-

[44] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 55. П. 241. Д. 13. Л. 59.
[45] Там же. П. 242. Д. 33. Л. 52.
[46] Президиум ЦК КПСС... Т. I. С. 856–857.
[47] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 51. П. 323. Д. 10. Л. 52–53.

instav

нувшись в Москву, Хрущев «вынужден был изменить, как известно, точку зрения» [48]. Влияние новой политической конъюнктуры на оценки Новотного очевидны. Конкретные же материалы не подтверждают намерение Хрущева искусственно ускорить процессы политической интеграции в рамках «социалистического лагеря». Прав российский исследователь А.С. Стыкалин, заметивший, что при уходе Хрущева с политической сцены его «соратники» безосновательно выдвигали подобное утверждение, ссылаясь, в частности, на болгарский случай [49].

Отставка Хрущева в октябре 1964 г. не сняла с повестки дня вопросы интеграции в рамках «социалистического лагеря». К сожалению, нехватка доступных источников блокирует возможности исследования этой проблематики, создает большие, не заполняемые пока лакуны. Отрывочный материал, которым мы располагаем, свидетельствует о том, что вопрос о формах интеграции по-прежнему оставался открытым. Осторожный Живков, считавшийся в Москве «протеже» Хрущева, не форсирует в это время события, стремится наладить доверительные отношения с Л.И. Брежневым, выяснить, в частности, отношение последнего к перспективе интеграции социалистических стран и ее формате. На пленуме ЦК БКП 1 ноября 1965 г. по итогам поездки болгарской партийно-государственной делегации в Москву Живков, несомненно, озвучивший позицию советской стороны, ограничивается аккуратными формулировками «о нашем *сближении по экономической линии и вообще о нашем сближении, дружбе и дальнейшем расширении сотрудничества»* [50].

В конце 1960-х гг. отмечен новый всплеск внимания болгар к замыслу превращения страны в одну из республик Советского Союза. Для болгарской стороны, отчетливо понимавшей, что подлинная экономическая интеграция с СССР и другими социалистическими странами невозможна без «постепенного подтягивания НРБ к уровню наиболее развитых братских стран» и что решение этой задачи откладывалось на неопределенное время, превращение страны в одну из республик СССР было

---

[48] Там же.

[49] *Стыкалин А.С.* Советско-болгарские отношения в 1953–1964 гг. по материалам Президиума ЦК КПСС // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010. С. 535.

[50] *Волокитина Т.В.* Указ. соч. С. 267–268.

inslav

наиболее быстрым и прямым путем решения огромного комплекса накопившихся внутриполитических задач. Вернувшись из Москвы, где в марте 1967 г. состоялась неофициальная встреча болгарской делегации с высшим советским партийно-государственным руководством, Живков на пленуме ЦК БКП (23 марта) информировал, что болгары предложили строить двустороннее сотрудничество с Советским Союзом «в опытном порядке», сделав для них «исключение» [51]. Трудно с определенностью сказать, что́ конкретно имел в виду болгарский руководитель, однако, думается, исключать предположение о напоминании им таким способом об идее «16-й республики» было бы поспешным. Косвенным подтверждением может, на наш взгляд, служить заявление Живкова во время посещения им 16 июня 1969 г. Звездного городка: «Болгария хотела бы стать 16-й республикой Советского Союза, но кое-кто вне нашей страны считает, что сейчас неподходящая для рассмотрения этого вопроса международная обстановка»[52]. Намек на советское руководство, как и робкое желание подчеркнуть несогласие с его позицией, очевидны.

Это было понятным. В «эпоху» Л.И. Брежнева отношение советских руководителей к идее «16-й республики» было неоднозначным. «К неоднократно выражавшемуся Живковым в беседах пожеланию, чтобы Болгария вошла в состав СССР, стала "еще одной советской республикой" Брежнев отнесся весьма осторожно и даже прохладно, – вспоминал помощник советского руководителя А.М. Александров-Агентов. – Он видел в нем, прежде всего, стремление…извлечь дополнительные экономические выгоды для Болгарии. И к тому же его удивляло нежелание Живкова учитывать возможные внешнеполитические последствия предлагаемого им шага, не только реакцию Румынии, но и международного сообщества в целом. Вообще Брежнев был против того, чтобы перекраи-

[51] *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Политиката на БКП за превръщане на България в съветска република (От идейни постулати към практически действия). Част II // История и съвременност. Годишник на департамент История. Нов български университет. София, 2010. С. 16.

[52] *Каманин Н.П.* Скрытый космос. Книга 4-я. Космические дневники генерала Каманина. 1969–1978. М., 2001 / Электронный ресурс/ Режим доступа – http://www.testpilot.ru/espace/bibl/kamanin/kniga4/06/69.html

insiav

вать послевоенную политическую карту Европы, в этом он был последователен»[53].

Однако в историографии нашло отражение и иное мнение – о сочувственном отношении Брежнева к инициативам Живкова. Когда в 1973 г. болгарский руководитель извлек на белый свет «запылившуюся» идею «16-й республики»[54], подчеркивает болгарский историк И. Баева, она оказала «почти магическое воздействие» на Брежнева. Итогом подобной реанимации идеи явились дополнительные поставки болгарам нефти и электроэнергии, предоставление новых кредитов[55]. Учитывая, что советская сторона адекватно оценивала прагматизм болгарской позиции, а сам Брежнев, по воспоминаниям современников, иной раз замечал, касаясь двусторонних экономических отношений: «Живков – мужик себе на уме, своего не упустит, с ним надо держать ухо востро»[56], уместно предположить причины указанной «магии»: интеграционные схемы в представлении советского руководителя не исключали варианта вхождения отдельных социалистических стран в состав СССР. Подтверждают это и сведения о том, что у Брежнева стала вызревать идея вступления Монголии в состав Советского Союза. Не выступая с ней публично, он неоднократно обсуждал ее в своем окружении, не прислушивался при этом к оппонентам, и со временем идея приняла «навязчивый характер». В одной из бесед с Ю. Цеденбалом Брежнев даже поднял этот вопрос, но

---

[53] *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. М., 1995. С. 157–158.

[54] В июле 1973 г. на пленуме ЦК БКП вторично было принято решение о превращении Болгарии в советскую республику, образно подкрепленное яркой метафорой – «стать одним организмом, орошаемым единой кровеносной системой» (*Стоянов Л.* «Като един организъм, който се оросява от една кръвоносна система» (За юлския пленум на ЦК на БКП от 1973 г.) // България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2008. С. 659–668.

[55] *Баева И.* Тодор Живков – политик и държавник, прагматик и хитрец или всичко това заедно? // в кн.: *Кастелов Б.* Тодор Живков – мит и истина. 563 щтриха към портрета. София, 2005. С. 795.

[56] *Александров-Агентов А.М.* Указ. соч. С. 157.

inslav

понимания не встретил. Правильно оценив ситуацию, он больше к этой теме не возвращался [57].

Вопрос о формате будущей политической интеграции социалистических стран получил неожиданное «разрешение» осенью 1968 г. 16 сентября, уже после военного вторжения в Чехословакию и подавления «Пражской весны», министр иностранных дел А.А. Громыко направил в Политбюро ЦК КПСС записку «Оценка внешнеполитического курса и состояния советско-американских отношений», в которой, помимо прочего, впервые открыто сформулировал предложение о создании в перспективе конфедерации социалистических стран. «Главное направление внешней политики СССР сейчас, – говорилось в документе, – это укрепление содружества социалистических государств и развитие разностороннего, все углубляющегося сотрудничества между СССР и братскими социалистическими странами. Обстановка диктует необходимость добиться интеграции стран социалистического содружества, не менее широкой и основательной, чем имеет Запад в системе многосторонних организаций, связанных с НАТО или примыкающих к ней (общий рынок, парламентские объединения и пр.). *Надо идти поэтапно и неформально к конфедерации de facto – такова цель, которую нельзя не иметь в виду странам социалистического содружества при складывающейся мировой исторической обстановке.* Со стороны США не следует ожидать в этой связи акций, влекущих [за собой] серьезное напряжение международной обстановки» [58]. Этот важный директивный документ был утвержден Политбюро как руководство на будущее. Иными словами, идея конфедерации социалистических стран была закреплена, хотя и негласно, в качестве конкретного направления дальнейшей практической политики советского государства. И этой идее, судя по всему, отводилась роль «спасательного круга» в условиях развивавшегося кризиса социалистической системы. С позиций сегодняшнего дня вопрос о том, можно ли было всерьез рассчитывать на ее реализацию, предстает как чисто риторический.

---

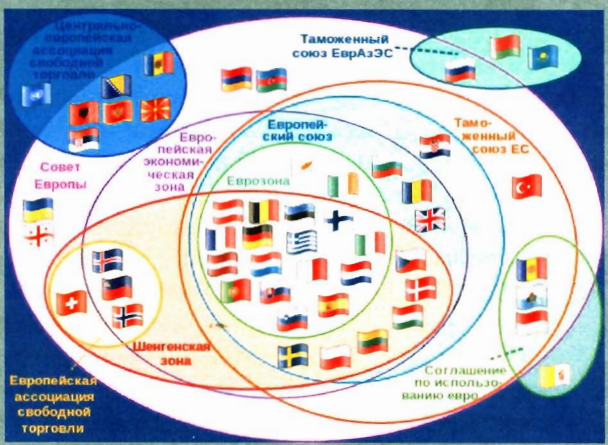
[57] Там же. С. 164–165.

[58] Цит. по: *Добрынин А.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1997. С. 173.

instav

Планы экономической и политической интеграции

XX –XXI вв.



inslav

Александр Костов
Болгарские проекты экономической интеграции
стран Балканского полуострова
в начале XX в.
– 427 –

Искра Баева
Балканы во второй половине 80-х годов XX в.
и перестройка отношений Восток–Запад
– 443 –

Екатерина Никова
Европейский союз и «конец» балканской истории
– 461 –

И.В. Руднева.
Объединение с Европой –
новый геополитический проект для Балкан –
«про» и «контра»
– 481 –

А.И. Филимонова
Сербия и процесс атлантической интеграции
– 493 –

inslav

Александр Костов
София

Болгарские проекты экономической интеграции стран Балканского полуострова в начале XX в.

Процесс европейской интеграции охватил в последние два-три десятилетия и Балканы. Корни этого процесса уходят в глубь времен. К ним относятся идеи регионального экономического сотрудничества, изучение которых представляет большой научный интерес. В начале XX в. такие планы и инициативы обсуждались во всех частях Старого континента, в том числе и на Балканах. Но, к сожалению, в балканской историографии эта проблема не получила достаточного освещения. Среди очень небольшого количества публикаций, посвященных данной теме, более или менее серьезный интерес был проявлен единственно к договору о Сербско-болгарском таможенном союзе от июля 1905 г. [1].

В настоящей статье автор делает попытку представить основные моменты дискуссий в Болгарии, посвященных региональной экономической интеграции на Балканах в начале XX в., точнее, в период 1900–1912/1913 гг. Этот вопрос заслуживает более внимательного, чем до сих пор, рассмотрения, так как он связан не только с развитием экономической мысли в стране, но и шире – с политическими идеями об объединении балканских стран в форме конфедерации или федерации, а они обсуждались тогда не только в Болгарии. На последующих страницах автор анализирует представления лишь некоторых видных деятелей болгарской интеллектуальной и хозяйственной элиты – ученых, университетских преподавателей, членов созданных в 1895 г. Болгарского экономического общества и Торгово-промышленных палат, а также лиц, занимавших руководящие посты в государственной администт-

---

[1] Среди многих публикаций о создании Договора наиболее важными являются: *Ђорђевић Дим.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије (1906–1911). Београд: Историјски институт, 1962. С. 123–129; *Кьосев Хр.* Сръбско-българският митнически съюз от 1905 г. // Известия на Българското историческо дружество. Кн. XXVI. 1968. С. 35–57.

inslav

рации – они часто выступали в нескольких из указанных качеств. Интерес представляет анализ их идей и проектов о балканском экономическом сотрудничестве и интеграции, а также то, как эти идеи увязывались с внутренним развитием страны и международными отношениями начала XX в.

Прежде всего, коротко остановимся на проблеме экономической интеграции, как она понималась до XX в. и в первое его десятилетие. В Европе в то время пробивала дорогу тенденция к протекционизму во внешней торговле. И в качестве реакции на нее возникает или возрождается ряд идей и инициатив по сохранению свободной торговли, но в региональном масштабе. Как один из видов сочетания экономического национализма и международного разделения труда явление экономической интеграции в теоретическом плане может быть разделено, по крайней мере, на пять стадий или форм [2]:

1. Зона свободной торговли,
2. Таможенный союз,
3. Общий рынок,
4. Экономический союз,
5. Полная экономическая интеграция.

Очевидно, что мотивы для региональной экономической интеграции нередко являются политическими. Хрестоматийный пример в этом отношении – известный Zollverein, предшествовавший объединению Германии в 1871 г.

Протекционизм в международной торговле в конце XIX – начале XX в. приводил к таможенным войнам, затруднял движение капиталов и товаров и прочее. Выход искали в экономической интеграции на международном уровне через торговые соглашения. В частном секторе также использовались новые формы, с помощью которых пытались преодолеть возникшие препятствия.

Вот некоторые основные характеристики истории Балкан в 1900–1912 гг.: наряду с обостренными политическими противоречиями между соседними государствами – попытки сближения между ними; наряду с

[2] В литературе число этих стадий варьируется от 5 до 7. См.: *Machlup Fr.* A History of Thought on Economic Integration. New York: Columbia University Press, 1977. P. 3–9; *Jovanovich M.* International Economic Integration. Limits and Prospects. Routledge, 1998. P. 10–12.

inslav

экономической экспансией великих держав на полуостров – попытки оградиться от нее протекционистскими мерами, в первую очередь, в промышленности. К началу XX в. Болгария, государственность которой восстановлена всего лишь за двадцать лет до этого, стремится к экономической модернизации. Ее неразрывной частью является борьба за торговую и политическую эмансипацию, приведшая к провозглашению независимости Болгарии осенью 1908 г. В правящих кругах ведутся серьезные споры о направлении экономической политики. Они колеблются между двумя крайностями – сохранение и развитие аграрного сектора, доминирующего в экономике, или ускоренное развитие современной крупной промышленности по подобию Запада. Важная часть дебатов связана с заключением торговых договоров в период 1900–1905 гг. Именно в таком контексте на первый план выходит в начале XX в. и дискуссия об экономической интеграции Болгарии со странами Балканского полуострова.

Первая, сравнительно отчетливая, идея была выражена молодым, но уже утвердившимся университетским преподавателем Георгием Т. Данаиловым [3]. В 1900 г. он выступил в Болгарском экономическом обществе с рефератом, в котором выделял необходимость быстрого развития промышленности в Болгарии и в качестве одной из важнейших мер ее защиты предлагал политику таможенного протекционизма. Для него это было conditio sine qua non [4]. Впрочем, тогда о таком подходе говорили и многие другие болгарские авторы. Извне основная опасность, по мнению Г.Т. Данаилова, исходила от Австро-Венгрии, расположенной к Болгарии ближе других великих держав. Но в более отдаленном будущем он в еще большей степени опасался Германии с ее быстро

---

[3] Георги Т. Данаилов (1872–1939) окончил юридический факультет Московского университета в 1895 г., а в 1897–1898 гг. специализировался в области экономики, финансов и статистики в Вене, Мюнхене и Берлине. С 1897 г. – доцент политэкономии Высшего училища (с 1904 г. – Софийского университета «Св. Климента Охридского). В 1902 г. становится приглашенным профессором Софийского университета, а с 1908 г. – приват-доцентом. В 1901 г. избран действительным членом Болгарского книжевного общества (с 1911 г. – Болгарской академии наук).

[4] *Данаилов Г.Т.* Проект за един митнишки тариф, в свръзка с нашата търговска политика // Списание на Българското икономическо дружество (СпБИД). 1900, IV, 7. С. 465–490.

inslav

растущим промышленным потенциалом, требовавшим новых рынков на Юго-Востоке Европы. В поиске решения проблем страны Данаилов ставил важный вопрос: «Как слабая Болгария может защититься от Австрии или Германии?». Ответ на него он предлагал искать в положении на Балканах, где «имеется еще ряд государств, находящихся примерно в таких же условиях, как и мы. Румынии, Сербии, Греции, да даже и Турции угрожают, как и нам, наши конкуренты – Австро-Венгрия и Германия. И внутренне они находятся в таких же условиях. Они также стремятся к повышению своей хозяйственной культуры и, следовательно, к созданию новых отраслей и крупной индустрии». Отсюда, по мнению Данаилова, следует вывод: «*Все* мы находимся в одних и тех же *условиях*, у нас *одинаковые экономические интересы* и поэтому *защищаться* мы можем одинаковыми средствами» [5].

Приемлемым для всех решением является заключение таможенного союза балканских государств, названным Данаиловым таможенной конвенцией. Он понимал трудности, исходившие из политических противоречий между странами региона, и потому считал, что осуществление союза должно происходить постепенно. В качестве первого этапа он предлагал введение балканскими государствами одинаковых протекционистских тарифов в отношении иностранных промышленных товаров. При этом делал упор на очень важном условии: «если какое-либо малое государство будет вынуждено начать таможенную войну, все остальные балканские государства должны выступить с такими же репрессиями». Вторым этапом, по его мысли, должно стать объединение таможенного законодательства и «уменьшение числа внутренних таможен или их ликвидация, т. е. таможен между самими балканскими государствами». «А когда таможенный союз балканских народов достигнет уровня таможенного союза германских государств, не будет сложно подумать и о *политической конфедерации,* которая должна быть идеалом для всех балканских государств, если они не хотят быть поглощенными и уничтоженными каким-либо более сильным государством или группой государств».

Данаилов предлагал и конкретные шаги по реализации выдвинутой им идеи. Он считал, что именно Болгария должна стать инициатором создания таможенного союза. И первым делом ее правительство должно достичь соглашения об общих действиях с Турцией – страной, с

[5] Там же. С. 484.

inslav

которой легче всего можно добиться заключения общей «оборонительной конвенции». К ней впоследствии присоединятся и остальные государства региона, и так будет достигнут «балканский таможенный союз» [6]. Действительно, вскоре после публикации реферата Данаилова Болгария заключила с Османской империей соглашение, согласно которому таможенные границы между двумя странами были ликвидированы.

Идея Данаилова не была однозначно принята даже некоторыми его коллегами из Экономического общества. Димитр Ябланский [7] критиковал ее в печатном органе Общества в следующем году. Его мнение было категоричным: «Сейчас, как и еще много лет наперед, таможенный союз государств Балканского полуострова – по примеру германского – немыслим». Более того, Д. Ябланский считал, что таможенное соглашение с Османской империей, которое так приветствовал Данаилов, является грубой ошибкой, приносящей стране большие потери» [8].

Несмотря на критику, несколько позже Г.Т. Данаилов в следующей своей публикации не только подтвердил, но и развил выдвинутый им тезис [9]. «Необходимость союза балканских государств на чисто экономической основе назрела», – писал он, рассматривая положение трех стран региона – Болгарии, Румынии и Сербии. Он указывал на их «одинаковые внутренние условия и ... одинаковые задачи и стремления», а экономические и политические препятствия, на что указывали оппоненты, не считал серьезной преградой для создания таможенного союза. «Сербия нуждается не столько в Македонии, сколько в ее морях», отмечал Данаилов, но после создания союза и будущего включения в

---

[6] Там же. С. 486–488.

[7] Димитр Яблански (1858–1937) окончил Военное училище в Софии (1879), Офицерскую стрелковую школу в С.-Петербурге (1885), изучал «государство и экономику» в Париже (1893). В 1896 г. был одним из учредителей Народного страхового общества «Балкан», а затем его директором и членом (до 1920 г.) Член Народной партии. В 1897–1899 – кмет (мэр) Софии.

[8] См. *Яблански Д.М.* Каква трябва да бъде икономическата политика на България – изобщо, и частно – спрямо съседните ѝ държави // СпБИД. 1901, V, 4–5. С. 232–235, 251–263.

[9] *Данаилов Г.Т.* Стопанска солидарност между Румъния, Сърбия и България и Балканския митнишки съюз // Летописи. 1902, N 5, 100–103; N 6–7, 127–129.

inslav

него Македонии страна получит торговый выход на два моря – Черное и Эгейское. Впрочем, возможное участие Османской империи или ее части он считал довольно условным. Но предусматривал вступление в будущий таможенный союз «организованной (реформированной. – *А.К.*) Турции или автономной Македонии» [10].

Хозяйственное сближение трех стран, продолжал Данаилов, должно происходить постепенно, «небольшими, но твердыми шагами». Первым шагом станет заключение торговых соглашений на новой основе и в пограничной торговле, где страны могут пойти друг другу на взаимные уступки, чем не сможет воспользоваться другое государство со статусом наиболее облагодетельствованной нации. Следующий шаг – ликвидация таможенных границ между балканскими странами, но не сразу, не вдруг – «это было бы ошибкой», а постепенно, сначала в отношении только некоторых товаров, а потом и остальных. Важным элементом экономического сближения между Болгарией, Румынией и Сербией являются коммуникации. Вот почему следует установить взаимные железнодорожные тарифы. Тогда таможенный союз станет шагом к созданию политического союза, и «таким образом появится краеугольный камень Балканских штатов» [11].

В изменившихся после Ильинденско-Преображенского восстания 1903 г. политических и экономических условиях и начавшихся повсюду переговорах о заключении торговых договоров, затрагивавших отношения балканских государств и великих держав, дискуссии о региональной экономической интеграции разгорелись в Болгарии с особой силой.

В последующие годы радетелем экономической интеграции на Балканах выступал другой активный член Болгарского экономического общества – профессор Бончо Боев[12]. На страницах журнала Общества и в

---

[10] Там же. С. 103.

[11] Там же. С. 129.

[12] Бончо Боев (1859–1934) учился в духовных академиях Одессы и Москвы, окончил юридический факультет Московского университета. В 1884–1885 гг. изучал государственные и хозяйственные науки в Галле. По возвращении в страну работал в министерстве финансов, где достиг поста главного секретаря. В 1894–1906 гг. преподавал в Высшем училище/Софийском университете им. Св. Климента Охридского. В 1900 г. избран действительным членом Болгарского

inslav

других публикациях он развивал свое представление о теме. Его публикации часто появлялись по конкретным поводам, например, по проблемам, связанным с торговой политикой Болгарии. Как компетентного специалиста его нередко привлекало правительство при подготовке договоров, в том числе и таможенного союза с Сербией от июля 1905 г. Но не только это. Профессор Боев стал членом делегации, уполномоченной князем Фердинандом заключить этот союз от его имени [13].

О взглядах именитого ученого можно судить по его публикациям в журнале Общества в то время, когда он был его редактором. Так, в 1904 г. он писал о преимуществах большого внутреннего рынка для развития стран полуострова. Основу будущего сотрудничества проф. Боев видел в одинаковом уровне их развития и отсутствии между ними «экономического антагонизма». «Балканские народы, сплоченные в экономический союз, – подчеркивал он, – будут обладать всеми преимуществами большого экономического субъекта» [14]. Эта статья написана в связи с попытками политического сближения Болгарии и Сербии, но кроме того, ее автор предусматривал вхождение в будущий экономический союз и остальных балканских государств – Румынии, Греции и Турции [15].

Работы проф. Боева и других экономистов, их разработки по конкретным вопросам, очевидно, были использованы при подготовке

книжевного общества/Болгарской академии наук. Б. Боев – один из основателей Болгарского экономического общества и его председатель в 1901–1906 гг. С февраля 1906 по август 1908 гг. – управитель Болгарского народного банка. Позже – директор банка «Гирдап» (с 1911 г.) и член его правления.

[13] Проф. Боев был также членом делегации по переговорам в Санкт-Петербурге о заключении торгового договора с Россией. См. *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев: Изд-во при Киевском Государственном Университете, 1974. С. 131–132.

[14] *Боев Б.* Балканската федерация като идеал на сръбско-българската младеж // Списание на Българското икономическо дружество. 1904, VIII, 2, С. 106–107.

[15] См. также замечания проф. Боева по этому вопросу в журнале «Списание на Българското икономическо дружество». 1904, VIII, 9. С. 165–166.

inslav

упомянутого договора о Сербско-болгарском таможенном союзе от июля 1905 г. Его содержание позволяет понять, какие формы экономической интеграции, исходя из тогдашних интересов обеих стран, были приняты. Остановимся подробнее на некоторых пунктах Договора. Он должен был вступить в силу 1 марта 1906 г. (по новому стилю) и действовать по 1 марта 1917 г. Согласно его условиям, Болгария и Сербия создают «таможенный союз с общей торговой областью для взаимного обмена их собственной продукцией». Но еще в ст. 1-й договора говорилось, что оба государства, не определяя окончательно своего отношения к третьим странам, оставляют за собой право заключать отдельные торговые соглашения и сохранять свои таможенные тарифы. Такая формулировка дает основание историкам считать этот таможенный союз неполным.

В статье 2-й говорилось, что «обмен товарами, произведенными на территории одного союзного государства, целиком свободен от таможенных и других такс на территории другого союзного государства», за исключением некоторых товаров, предметов государственной монополии или произведенных в третьих странах. Союзные государства обязывались не препятствовать взаимному торговому обмену путем запрещения ввоза, вывоза и транзита (ст. 3-я). Предусматривалось, что законы о таможне и инструкции по их применению в обеих странах, как и уложения о наказании за таможенные преступления, будут «по возможности одинаковыми или, по крайней мере, разработаны на общих основаниях» (ст. 4-я). Для выполнения договора и выработки упомянутых нормативных документов предусматривалось создание «союзной таможенной комиссии» (ст. 5-я). Внутренние таксы и налоги, действующие в одной стране, будут иметь хождение в том же размере и для товаров, произведенных в другой стране (ст. 6-ая). «При экспорте товаров одного союзного государства на территорию другого государства запрещается давать какие-либо премии и бонификации, за исключением возвращения внутренних взиманий (акцизов, октроа, пошлин), которые были уплачены за продукцию или материалы ее изготовления» (ст. 7-я). Каждое из союзных государств обязывалось предоставить подданным другого государства право свободного заселения, ведения торговой и индустриальной деятельности, приобретения недвижимого имущества (ст. 8-я). Предусматривалось одинаковое отношение к акционерным, коммандитным и другим торговым, промышленным и финансовым компаниям (ст. 10-я). Такой же принцип действует и при перевозке

inslav

товаров союзных государств по железной дороге и на судах (ст. 12-я и 13-я).

Возможно, одним из наиболее важных постановлений, относящихся к смыслу данной работы автора, является статья 16-я. Из ее содержания следует, что обе договаривающиеся стороны обязываются до 1917 г. подписать несколько конвенций и на первом месте среди них – конвенция о создании монетного союза (причем на основе принципов Латинского монетного союза), а также соглашений, касающихся консульской и судебной областей [16].

Судьба этого Договора известна. В начале 1906 г. Сербия под нажимом Австро-Венгрии отказалась его ратифицировать, тогда как Болгария сделала это уже 19 декабря 1905/2 января 1906 г. Еще до его окончательного провала, он, однако, был радушно принят рядом экономистов и политиков. В пример можно привести мнение Косты Д. Списаревского, также члена Экономического общества [17]. В изданной в феврале 1906 г. брошюре он писал: «Оставим в стороне таможенный союз Болгария – Сербия, который, по нашему мнению, является авангардом проектируемой федерации на Балканском полуострове. Положение малых балканских государств заставляет их стремиться в общий балканский союз, во-первых, по экономическим соображениям, а, во-вторых, по политическим» [18]. «Таможенное соглашение между балканскими государствами, осуществление желаемой балканской конфедерации произойдет тем скорее, чем быстрее они увязнут в долгах и встретятся глаза в глаза с грубой действительностью, которая покажет им, что объединение делает возможным всё, а разъединение – ничего» [19]. Мечта о сербско-болгарском таможенном договоре мотивировала и самое развернутое представление идеи экономической интеграции, с которым выступил активный деятель Георги Д. Тошев. В 1906 г. он успешно

---

[16] См. текст договора в кн.: Стенографски дневници на XIII Обикновено народно събрание, III редовна сесия. Кн. V. София, 1906, С. 1787–1805.

[17] Коста Д. Списаревски ро́д. в 1882 г. в Констанце (Румыния). Изучал право в Брюсселе. Работал в министерстве торговли и земледелия Болгарии. Известен как крайний русофил. Приверженец Прогрессивно-либеральной партии и лично Драгана Цанкова. Умер в 1953 г.

[18] *Списаревски К.Д.* Сръбско-българският митнически съюз. Принос към историята на сръбско-българското побратимяване. София, 1906, С. 39.

[19] Там же. С. 50.

inslav

защитил диссертацию в Бернском университете (Швейцария) по теме, связанной с таможенным протекционизмом [20]. С 1908 г. он работал секретарем Бургасской торгово-промышленной палаты, одновременно сотрудничал с журналом «Ново време», издававшимся Димитром Благоевым, с которым даже вступал в полемику о Балканской федерации [21]. Позже стал ориентироваться на «широких социалистов».

Хорошая теоретическая подготовка позволила Г.Д. Тошеву предложить болгарской публике развернутую концепцию идеи. В конце 1907 г. вышло его серьезное исследование о столь желанном для многих Балканском таможенном союзе [22]. С особым вниманием и одобрением эта книга была принята представителями болгарской социал-демократии, не устававшими прилагать усилия для создания балканской федерации. В своей работе Тошев исследовал экономические и политические факторы, отражавшиеся как позитивно, так и негативно на строительстве подобного союза. К первым он относил одинаковый уровень экономического развития стран региона и отсутствие доминирующей силы среди них: «К счастью, ни одно из малых балканских государств не превосходит в торгово-промышленном развитии своих молочных сестер ... подобной опасности вряд ли можно ожидать» [23].

Для успешного экономического развития балканские страны, писал Тошев, кроме внутренней протекции – различных законов по поощрению местной промышленности – нуждаются и во внешней защите от Запада путем установления высоких пошлин, с одной стороны, и создания широкого рынка, с другой. Добиться последнего условия можно благодаря их союзу: территория балканского таможенного союза должна быть по возможности более обширной. Для этого надо охватить весь Балканский полуостров, все балканские малые государства, а именно: Румынию, Сербию, Болгарию, Черногорию, Турцию и Грецию [24]. (Здесь

---

[20] *Georgi Toscheff.* Friedrich List und Henry Ch. Carey als Vorläufer der modernen Schutzzollbewegung. Inaugural-Dissertation. Bern: Hallersche Buchdrückerei, 1906.

[21] В журнале Г.Д. Тошев выступал под псевдонимом «д-р Юрий». См. *Благоев Д.* Балканския въпрос // Ново време. 1909, 13, 8–9. С. 399–407.

[22] *Тошев Г.Д.* Балкански митнически съюз (Balkan Zollverein). Политико-икономическо изследване. Пловдив, 1907.

[23] Там же. С. 51.

[24] Там же. С. 127.

inslav

надо уточнить, что Тошев имел в виду только европейскую Турцию)[25]. По его вычислениям выходило, что ликвидация таможенных границ создаст внутренний рынок с населением в 25 млн человек. Экономическая политика будущего союза основывалась на принципах протекционизма в отношении внешних государств и свободной торговли для внутренних. Автор искал ответ на вопрос: должен ли таможенный союз быть объединением самостоятельных государств в форме конфедерации или должен стать новым государством – федерацией (наподобие США или Германии)? Его ответ быть категоричным: «Балканский таможенный союз должен быть федерацией»[26]. Такой таможенный союз, по Тошеву, будет управляться парламентом, избираемым на основе равного избирательного права. «Таможенный парламент» будет обсуждать все общие вопросы, и решать их большинством голосов. Право вето исключалось. «Общими для всех государств являются вопросы: а) руководство общей для всего союза таможенной политикой, выработка общего генерального таможенного тарифа и выборы делегатов для заключения общих торговых договоров; б) рассмотрение и разрешение вопросов налоговой политики отдельных балканских государств, связанных с общей налоговой политикой (речь шла, прежде всего, о различных косвенных налогах, главным образом, акцизе); в) создание единообразной для всего союза монетной системы». «При нормальном развитии балканского таможенного союза вскоре почувствуется потребность совместно регулировать и военное дело, почту и телеграф, внешнюю политику, железнодорожное и морское сообщение и т. д.». Логичное развитие процесса экономической интеграции, считал Тошев, приведет к ожидаемому политическому результату: «Так постепенно возникнут тесные связи между малыми балканскими государствами, которые при постоянном укреплении приведут, наконец, к превращению балканского таможенного союза в политическую федерацию типа германской». По мысли Тошева, основных препятствий для осуществления этого плана – два: экспансионистская политика Австро-Венгрии и России на Балканах и ожидание распада Османской империи как государства. Тошев отводил Турции очень важное место в будущем таможенном союзе, но именно с нею были связаны и очень серьезные препятствия – Турция, при сохранении режима капитуляций, не могла

[25] Там же. С. 129.
[26] Там же. С. 182–183.

inslav

вести самостоятельную экономическую политику. Тем более необходимо было ее реформирование и не только в области экономики. «Следовательно, – писал он, – Турция сейчас не может войти в балканский таможенный союз по двум причинам: во-первых, потому что из-за капитуляций она не может вести самостоятельную покровительственную политику, и, во-вторых, потому что она нуждается во внутренних реформах и оздоровлении» [27].

В изменявшейся на Балканах в первое десятилетие XX века обстановке дискуссии об экономической интеграции происходили во всех странах региона. В 1908 г. общественное мнение в балканских государствах и Европе было взволновано тремя событиями: взрывом младотурецкой революции, провозглашением независимости Болгарии и аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Все это стимулировало появление новых проектов. Политики и интеллектуалы балканских стран все настойчивее обсуждали планы объединения стран полуострова – союзов, конфедерации и федерации. В общественные дискуссии вновь активно включились болгарские представители экономической науки, возрождая старые и выдвигая новые идеи. Особо интересен проект, предложенный уже упоминавшимся проф. Бончо Боевым. Он имел в виду создание экономического блока балканских государств, на этот раз выходившего за границы полуострова – за счет не только Малой Азии и России [28]. Возможности такого сотрудничества Боев рассмотрел в статье, опубликованной в 1909 г. в журнале Болгарского экономического общества. Предположительно, запуск такой темы в обращение был связан с выдвинутой тогда российской стороной идеей о создании Балканского блока, нацеленного против австро-венгерской экспансии на Юго-Восток Европы [29]. Профессор Боев заявлял, что предпосылкой более тесного экономического сотрудничества является сравнительно одинаковый уровень развития государств Балканского полуострова и России, несмотря на ее прогресс в индустриализации. Но условием реализации такого проекта являлся

---

[27] Там же. С. 195.

[28] *Боев Б.* Балканската проблема и Русия от ступанско гледище // Списание на Българското икономическо дружество. 1909, XIII, 1. С. 27–38.

[29] Следует отметить, что русскими планами предполагался блок, состоящий только из христианских государств.

inslav

отказ России от своей экспансионистской политики в отношении Балкан и ориентация на экономическое сотрудничество. В этой связи проф. Боев вспомнил о предложениях болгарского правительства во время торговых переговоров с Петербургом и резко отрицательном отношении к ним со стороны С.Ю. Витте. Боев же считал, что экономический (аграрный) блок России и балканских государств объединит страны, между которыми нет «экономического антагонизма» и таким образом защитит их от индустриального Запада. Основной целью входящих в блок стран на первое время он называл снижение или даже ликвидацию таможенных пошлин на продукцию сельского хозяйства в торговле с такими странами, как Германия или Великобритания. Одновременно блок должен ввести общие, минимальные и максимальные, тарифы на западные промышленные товары, ликвидировав условие наиболее облагодетельствованной нации. По мнению проф. Боева, «одним из лучших средств для сближения аграрных стран на Балканах и России является пограничная торговля» – как начальный этап «гармонизации» взаимного торгового сотрудничества [30].

В конце первого десятилетия XX в. с идеями экономического сотрудничества и интеграции балканских стран выступали и руководящие деятели Торгово-промышленных палат. Их публикации и высказывания были вызваны к жизни не только тем, что они разделяли определенные теоретические взгляды, но и прагматическим учетом конкретных торговых интересов Болгарии. Так, например, заместитель председателя Софийской торгово-промышленной палаты Хараламби Карастоянов и ее секретарь д-р Иван Златаров выступили с обоснованием точки зрения, что «открытие рынков для свободного торгового обмена между Болгарией и Турцией будет эффективно способствовать взаимному развитию их производительных и промышленных сил, интенсивно подтолкнет эволюцию форм хозяйства этих стран и, следовательно, их

[30] Тезис об отсутствии «экономического антагонизма» между Россией и Болгарией, соответственно и между другими балканскими государствами, в то время, да и позже, отстаивали и другие русофильски настроенные политические и хозяйственные деятели страны. Среди них, например, известный финансист Атанас Буров, писавший: «Болгария меньше всего может иметь экономический антагонизм с Россией». См. *Буров Ат.* Русофобството у нас // Календар на Народната партия за 1915 г. София, 1915. С. 107.

inslav

защите от экономической экспансии со стороны западной и капиталистической Европы» [31].

Д-р Иван Златаров [32] и в целом проявил себя как радетель тесного экономического сотрудничества между странами региона. Он был убежден, что «соглашения между балканскими государствами легче всего добиться в хозяйственной области». И призывал как можно скорее достичь соглашения между Болгарией и Сербией, с тем, чтобы к этому ядру будущего «экономического союза» присоединились в будущем и другие государства полуострова [33]. Было принято и конкретное решение по созданию специального комитета экономического сближения между двумя странами [34].

Стремление к сближению между Болгарией и другими балканскими государствами, включая область экономики, отмечавшееся в начале второго десятилетия XX в., оборвалось Межсоюзнической войной 1913 г. После нее – в изменившейся обстановке – общественность страны, ее хозяйственные деятели были поставлены перед новыми проблемами.

---

[31] Доклад до Софийската търговска индустриална камара по търговската екскурзия до Цариград и Бруса през 1909 година. София, 1910. С. 24–25.

[32] Д-р Иван Златаров род. в г. Ямбол в 1865 г. Изучал экономические и административные науки в Бельгии. Был кметом Бургаса, управителем Видинской области, главным секретарем Софийской торгово-промышленной палаты (1901–1911), главным редактором журнала «Народно стопанство».

[33] *Златаров Ив.* Сръбско-български комитет за икономическото сближение на България и Сърбия. Реферат, четен в X1X-та сесия на Софийската търговска индустриална камара на 9 ноември 1910 г. София: СТИК, 1910. С. 6–9.

[34] В Сербско-болгарский комитет экономического сближения вошли известные политики, общественные и хозяйственные деятели. См. *Велева Л.* Търговско-индустриалните камари в България, 1894–1919. Организация и дейност. София: Авангард Прима, 2005. С. 270–279.

inslav

В настоящей статье автором представлены далеко не все участники общественной дискуссии в Болгарии по вопросам экономической интеграции на Балканах. Но выявлены наиболее характерные для указанных лет идеи и мнения по этому вопросу. Что позволяет сделать в качестве обобщения несколько выводов.

– Предложенные идеи и проекты были порождены по большей части экономическими условиями. В краткосрочном плане они были направлены на решение проблем, связанных с торговой политикой Болгарии, на защиту страны от торгово-финансовой зависимости от Запада. А в долгосрочной перспективе – на проведение более быстрой индустриализации и модернизации страны;

– Рассмотренные публикации позволяют выявить политические взгляды их авторов на место региональной экономической интеграции в решении национальных проблем на Балканах и возможности избегнуть острых конфликтов между государствами региона;

– Наиболее обсуждаемой формой региональной экономической интеграции являлся таможенный союз, в различных вариантах он представлялся средством защиты от экспансии великих держав, с одной стороны, и внутренней хозяйственной модернизации, с другой стороны. Предлагались и определенные шаги по реализации идеи таможенного союза и его развития, вплоть до более высоких форм экономического объединения;

– Изложенные идеи и проекты охватывали целиком или частично весь Балканский полуостров, в некоторых случаях включая даже азиатскую часть Османской Турции, но без провинций Австро-Венгрии (Хорватия, Славония, Далмация, Босния и Герцеговина), распад которой еще был за горизонтом. Единственное исключение в этом отношении – проект профессора Б. Боева, в котором предусматривалось участие России, хотя и на невысокой стадии интеграции.

Автор статьи своей работой не ставит точку в исследовании темы. Скорее наоборот, видит ее основанием для дальнейшего изучения. В числе прочего, в дискуссии по проблемам экономической интеграции Болгарии и ее соседей необходимо представить и других ее участников.

inslav

Актуально, в частности, выяснение позиций балканских политических партий и их руководителей. Не на последнем месте – и будущие исследования сравнительного характера, сопоставление Болгарии с другими балканскими странами в рассматриваемый здесь и другие периоды их истории.

С болгарского языка перевела Р.П. Гришина

inslav

Искра Баева
София

Балканы во второй половине 80-х годов XX в. и перестройка отношений Восток–Запад

После Второй мировой войны Европа пережила самую болезненную трансформацию за последние сто лет. Она сопровождалась разделением континента на две части, вызванным формированием новой биполярной системы международных отношений, главными в которой были вне- или, точнее, неевропейские силы. Ведущее место великих европейских держав (Франции, Великобритании, Габсбургской империи, Германии и др.), определявших судьбы мира в течение почти двух тысячелетий, заняли две новые сверхдержавы, являвшиеся плодом европейской цивилизации, но занимавшие почти до середины XX века несколько периферийное положение – Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Их вынужденное военное сотрудничество (вызванное опасностью, которую представлял для обеих стран Третий рейх Адольфа Гитлера) в Антигитлеровской коалиции плавно перешло в послевоенное противостояние, давшее название целой эпохе – «холодная» война. Для всех европейских стран, независимо от их расположения – в восточной или западной части континента, – самым важным оказалось не соотношение сил между ними, а формальные и неформальные договоренности между двумя сверхдержавами о конструкции послевоенной Европы, согласованные еще до окончания военных действий [1].

Как выглядят Балканы в этой биполярной геополитической ситуации? В целом, следует признать, что за исключением раздела Германии, приведшего к созданию двух государств (ФРГ и ГДР), наиболее острое противостояние между новым Востоком (олицетворявшимся Советским Союзом) и новым Западом (идентифицировавшимся с США) имело место

---

[1] Речь идет о так наз. процентном соглашении между У. Черчиллем и И.В. Сталиным, заключенным во время визита британского премьер-министра в Москву в октябре 1944 г. и о соглашениях об «освобожденной Европе», принятых на конференции в Ялте в начале февраля 1945 г. См.: *Churchill W.S.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. New York, 1979. P. 197; *Бережков В.* Страници от дипломатическата история. София, 1982. С. 454–455; България – непризнатият противник на Третия райх. Сб. док. София, 1995. С. 89–98; Техеран, Ялта, Потсдам. Сб. док. София, 1982. С. 203–205.

inslav

именно на Балканах. На юго-восточной окраине Европы, создававшей проблемы на континенте в течение десятилетий, в миниатюре можно увидеть все европейские противоречия, позиции и стратегии. Чтобы представить их в самом общем виде, можно начать с ориентированных на Запад (хотя на Балканах разделение идет скорее в направлении Север-Юг) Греции и Турции, затем следует нейтральная Югославия (географически ее можно было бы назвать балканским Западом), далее – оставшиеся в советской сфере влияния Болгария и Румыния и, наконец, полностью изолированная от всего континента с 1961 г. Албания, оставшаяся верной сталинской модели социализма. В послевоенный период именно на Балканах происходили самые глубокие изменения по линии Восток-Запад. Линия разделения полуострова смещалась – вначале она проходила по северным границам Греции и Турции, но после того как Югославия и Албания вышли из Восточного блока и заняли нейтральную позицию, сформировались новые границы. При этом разграничение в Центральной Европе на протяжении всего послевоенного периода оставалось неизменным вплоть до распада системы советского государственного социализма.

На первый взгляд, для внешнего мира не представляли особого интереса позиции балканских социалистических стран – Болгарии, Румынии и Албании, к которым следовало бы добавить и Югославию, если бы ее особое положение в рамках Движения неприсоединения не позволяло ей играть различные геополитические роли. Несмотря на югославскую специфику, все четыре перечисленные страны, несомненно, являлись социалистическими, но их социализм с трудом вписывался в строгие рамки, заданные советской моделью во второй половине 1940-х годов. По сути, все страны Восточного блока имели свои особенности, но на Балканах их было чрезвычайно много. Основной причиной того, что балканские государства советской «сферы влияния» вначале двинулись в едином строю, хотя дороги их быстро разошлись, заключается в их наследии, богатом столь продолжительными взаимными конфликтами, что европейцы даже придумали специальный термин для этого процесса – «балканизация» [2]. Накануне 1980-х годов (десятилетия «больших перемен») каждая из балканских социалистических стран имела собственное ли-

[2] *Баева И.* Историческият облик на Балканите – между предубежденията от миналото и надеждите за бъдещето // Имиджът на Балканите: исторически подходи и комуникационни перспективи. Съст. Златева М. София, 2008. С. 115–119.

inslav

цо: полная самостоятельность и высокая международная самооценка Югославии, стремление Румынии к внешнеполитической свободе при строгом внутриполитическом контроле, добровольно избранная Болгарией позиция сателлита СССР, попытка сохранения чистого сталинизма в Албании путем переориентации от европейского к азиатскому варианту социализма.

Если посмотреть на послевоенные Балканы в целом, то можно прийти к выводу, что в конце Второй мировой войны внешние силы принимались за реализацию там крупных политических проектов – западной парламентской демократии и рыночной экономики в Греции и Турции, с одной стороны, и восточного государственного социализма советского типа в Югославии, Румынии, Болгарии и Албании – с другой. К навязыванию двух различных социально-политических систем следует прибавить и военно-политическое разделение Балкан между НАТО и Организацией Варшавского договора, проходившее по северной границе Греции и Турции. Балканские реалии оказали свое влияние на реализацию обеих моделей, в результате чего они значительно изменились. На западную наложили негативный отпечаток гражданская война, репрессивные режимы и бурные социальные протесты в Греции, в то время как Турция боролась с проблемами своей запоздалой модернизации – таким образом, обе страны оказались далеки от классической западноевропейской демократической модели. Очень прочной оказалась и специфика в «социализмах» остальных стран полуострова, но так или иначе, социалистические страны на Балканах выглядели относительно стабильными до второй половины 80-х годов XX в. А перемены произошли под влиянием начавшегося брожения в Восточном блоке, вызванного реформаторской деятельностью М.С. Горбачева. На заключительном этапе «холодной» войны четыре балканских социалистических государства попытались приспособиться к наступившим переменам как внутри блока, так и в глобальном масштабе с помощью реформ и внешнеполитической переориентации.

Реальные причины изменений на Балканах в 1980-х годах гораздо глубже, чем пример кадровых изменений в руководстве Советского Союза и КПСС. Еще в начале этого десятилетия стали проявляться признаки новой «холодной» войны, что часто называют «второй холодной войной». Изменения в климате международных отношений в начале 1980-х годов были связаны с неспособностью президента от Демократической партии Дж. Картера повторить свой мандат и заменой его представителем Республиканской партии и бывшим губернатором Калифорнии Р. Рейганом. Сознательно или нет, под влиянием ли своей голливудской

inslav

карьеры или вследствие отсутствия международного опыта, но 8 марта 1983 г. Р. Рейган выступил с речью, в которой впервые президент США назвал Советский Союз «империей зла». Причем не в эпоху И. Сталина, чрезвычайно расширившего репрессивные характеристики системы, а при «геронтократии», начавшейся с позднего Л. Брежнева и продолжившейся Ю. Андроповым и К. Черненко [3]. А так как резкие слова Рейгана сопровождались размещением американских «крылатых» ракет в Великобритании и ракет «Першинг» в ФРГ, то отношения между двумя сверхдержавами пришли к точке замерзания. Это не могло не отразиться и на отношениях на Балканах, одном из районов прямой конфронтации между Востоком и Западом. Ухудшение отношений Восток-Запад создало проблемы для всех восточноевропейских стран, которые еще с 1960-х гг. с целью своей модернизации надеялись открыться Западу. А экономические проблемы, вызванные «второй холодной войной», закономерно привели к активизации межэтнических и межнациональных конфликтов в регионе.

Ухудшение отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом оказало самое непосредственное влияние на Болгарию, которая в долголетнее правление Тодора Живкова прочно заняла позицию самого преданного советского сателлита. В начале 1980-х гг. страна была подвергнута политическим ограничениям со стороны США [4]. На Болгарию, как ближайшего союзника СССР, на Западе традиционно смотрели с подозрением. Ее периодически обвиняли в торговле наркотиками и оружием, в помощи террористическим организациям (так называли большинство национально-освободительных движений в странах «третьего мира»), во внезапной смерти писателя-диссидента Георгия Маркова в

[3] Рейган сделал это в своем выступлении перед годовым собранием национальной ассоциации евангелистов в Орландо (штат Флорида), призвав: «Надо открыто выступить против тех, кто стремится поставить США в положение военного и морального подчинения. Нельзя игнорировать исторические факты и агрессивное поведение империи зла». – http://www.britannica.com/blogs/2011/02/reagan%E2%80%99s-%E2%80%9Cevil-empire%E2%80%9D-speech/

[4] Обзор обвинений можно увидеть в периодическом 6-месячном докладе президента США по соблюдению Хельсинкского Заключительного акта. См.: ДА на МВнР (Государственный архив Министерства иностранных дел, София). Оп. 41. А.е. 573. Л. 22–25. А также см. 15-й доклад на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе 1984 г. (Там же. Л. 79–83).

inslav

Лондоне (история так наз. «болгарского зонтика»), в соучастии в покушении на Папу Иоанна Павла II (так наз. «болгарский след», сфабрикованный США). Вслед за этим последовали экономические и дипломатические санкции [5]. В середине 1980-х годов международный имидж Болгарии был уже настолько негативным, что, казалось, хуже быть не может. Возможно, именно поэтому в конце 1984 г. в стране началась чрезвычайная националистическая кампания. Она получила название «возродительный процесс» и выражалась в насильственной замене исламских имен болгарских турок на христианские. В свете Хельсинкского Заключительного акта «возродительный процесс» представляется грубым нарушением прав человека, однако Живков решил, что может позволить себе подвергнуться новой критике, но зато остаться «в истории» как создатель «единой болгарской нации» [6]. Эта кампания оказалась крайне несвоевременной, поскольку вскоре после ее начала, в марте 1985 г., к власти в Москве пришел М.С. Горбачев. Этот сравнительно молодой советский лидер совершил большую политическую перемену – для него важнее было приблизить Советский Союз к западным стандартам прав человека и эффективного экономического развития, чем демонстрировать силу. В свете новой советской линии «возродительный процесс» представлялся неадекватным, и на первой встрече лидеров двух стран в октябре 1985 г. Горбачев лишь молча выслушал Живкова, не обещая ему поддержать Болгарию [7]. Прохладное официальное сочувствие [8] и неофициальная критика, полученная Живковым с Востока, дополнились враждебной кампанией Турции, которая пыталась мобилизовать на свою сторону и исламские организации [9], и Запад в целом (за исключением Греции) [10].

---

[5] Состояние болгаро-американских отношений в 1980-е годы подробно рассматривается в «Обзорной справке» // Там же. Оп. 43–4. А.е. 81. Л. 9–16.

[6] Этот тезис наиболее пространно разработан в документе «Единство болгарского народа и практическая реализация Июльской концепции», обсуждавшемся на Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии 25 октября 1989 г. // ЦДА (Централен държавен архив на РБ). Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3788. Л. 5–85.

[7] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 1025. См. также журнал «Ново време». 1995. № 6. С. 88–89.

[8] Его выразил Горбачев во время своих последних встреч с Живковым // Там же. А.е. 3698. Л. 64–67.

[9] Солидарность выразили в январе 1986 г. министры иностранных дел Организации Исламская конференция // ДА на МВнР. Оп. 43–10. А.е. 32. Л. 22–24.

inslav

После 1968 г. Румыния под руководством Николае Чаушеску сумела заработать дивиденды на своей непричастности к вторжению войск стран Варшавского договора в Чехословакию [11]. Она получила привилегии от Запада – щедрые кредиты, инвестиции, соглашения в сфере торговли и культуры, членство в МВФ, статус «наибольшего благоприятствования» в торговле с США. Однако в начале 1980-х гг. преимущества Румынии в ее отношениях с Западом исчерпались. Официальные данные за период 1981–1985 гг. показывают более низкие темпы роста – национальный доход возрос всего на 4,4%, а темпы роста в сельском хозяйстве увеличились только на 2%; уменьшилось и румынское производство нефти (с 16 млн. тонн в середине 1970-х до 10,1 млн. тонн в 1986 г.). В декабре 1985 г. госсекретарь США Дж. Шульц посетил Бухарест (а также Будапешт), чтобы обсудить трудности, возникшие в двусторонних торговых отношениях. С одной стороны, они были вызваны снижением финансовых возможностей Румынии для покупки товаров с Запада, с другой – усилением критики Румынии в Конгрессе США из-за нарушения гражданских прав [12]. После визита Шульца румынское руководство было вынуждено пойти на уступки – создать специальный механизм для консультаций по вопросам прав человека и разрешить эмиграцию 600 румынских граждан, среди которых имелись известные диссиденты [13].

Наибольшее беспокойство вызывали у румынского руководства экономические проблемы: уменьшение внешнеторгового обмена и увеличение внешнего долга. Глобальный экономический застой способствовал попаданию стран Восточного блока в начале 1980-х годов в так наз. долговой капкан Запада. Большинство из них попыталось переструктурировать свой долг, в то время как две балканские страны – Болгария и Румыния – предпочли принять меры по ликвидации долга. Данные журнала

---

[10] ДА на МВнР. Оп. 43–17. А.е. 608. Л. 3–5; Оп. 43–2. А.е. 161. Л. 20; А.е. 279. Л. 1–4; А.е. 280. Л. 3–6.

[11] В Румынии существовало опасение, что вмешательство войск ОВД может быть направлено также и против нее. Поэтому еще 23 августа 1968 г. на совместном заседании ЦК РКП, Государственного совета и правительства Румынии было принято решение о создании «вооруженных патриотических отрядов» // ДА на МВнР. Оп. 24 п. А.е. 2175. Л. 66–68.

[12] Там же. Оп. 43–2. А.е. 10. Л. 21.

[13] Там же. Оп. 43–4. А.е. 102. Л. 2–3. У Шульца сложилось впечатление об «упадке» Румынии. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1436. Л. 2–3.

inslav

«Икономист» показывают, что в 1981 г. румынский долг составлял 10 159 миллиардов долларов США, что означало примерно 90% валютного экспорта Румынии [14]. Для ликвидации долга, представлявшего, по мнению Н. Чаушеску, угрозу национальному суверенитету Румынии, вводились жесткие меры: резко сократился импорт с Запада, ограничивалось внутреннее потребление, при этом всеми средствами стимулировался румынский экспорт на Запад для поддержания положительного баланса в торговле с развитыми странами, что позволило бы выплатить долг. Румыния попыталась протолкнуть некоторые свои идеи в МВФ и Международном банке реконструкции и развития: о пролонгации на 10 лет сроков погашения кредитов, о снижении процентных ставок по кредитам коммерческих банков с 7,76% до 5%, об отказе от «произвольного и несправедливого увеличения внешнего долга путем применения надбавки за так наз. валютный риск», о 5-летнем моратории на долги развивающихся стран (к которым она себя причисляла) [15]. Но ее предложения остались без ответа. Эти экономические трудности стали одной из основных причин произошедшей в 1988 г. перемены во взглядах Чаушеску на место и роль Румынии в Европе и мире.

Албания является третьей балканской страной, ставшей после войны членом Восточного блока (СЭВ и Варшавского договора), но после 1961 г. она начала выступать против инициированной Н.С. Хрущевым десталинизации. Желание Энвера Ходжи сохранить свою неограниченную власть в стране подтолкнуло его к решению выйти из Восточного блока и сделать ставку на китайскую модель Мао Цзедуна. Прокитайская ориентация продлилась всего пятнадцать лет, так как в 1970-е годы Китай сблизился с США и, таким образом, по мнению албанского руководства, «предал» идеи социализма. Отвернувшись от Китая, Албания осталась полностью изолированной как в Европе, так и в мире (об этом говорит и неучастие этой небольшой балканской страны в общеевропейском процессе и в подписании его Заключительного акта в Хельсинки 1 августа 1975 г.).

---

[14] «Икономист» (София). 1987. 28 ноември – 4 декември. Анализ данных выполнен сотрудником Министерства иностранных дел Д. Дановым в Информации о валютной ликвидности ПНР, ВНР и СРР. – ДА на МВнР. Оп. 45–2. А.е. 17. Л. 20.

[15] Там же. Л. 18.

inslav

Смерть долголетнего лидера Э. Ходжи 11 апреля 1985 г. поставила перед Албанией вопрос о ее дальнейшем развитии и о судьбе «албанской политической модели». По мнению албанского аналитика из лондонского Института по изучению конфликтов Элиз Биберай, политическая система Албании опиралась на «открытый национализм», «на собственные силы», «отказ от получения займов и помощи, неучастие в международных организациях», «политику равноудаленности от двух враждующих систем – империализма и социал-империализма» [16]. Несмотря на традиционную закрытость, после 1985 г. реформы стали неизбежными, поскольку даже официальные албанские власти в 1986 г. вынуждены были признать, что «кризисы и международная напряженность отражаются и на Албании» [17]. Албанский кризис выразился в заметном спаде темпов экономического роста, который новое руководство хотело преодолеть путем «улучшения организации и дисциплины, контроля..., повышения трудовой активности работников и экономии везде и во всем» [18]. По сути, это был традиционный для албанского социализма «рецепт», который не может дать желаемого результата, и следует искать новые возможности.

Перед Югославией в начале 1980-х годов также встал вопрос о том, куда должна дальше идти страна, после того, как 4 мая 1980 г. СФРЮ простилась со своим создателем, Иосипом Броз Тито. Сложные отношения между федеральными республиками вынудили наследников Тито отказаться от выборов нового лидера и ввести в управлении систему ротации, целью которой было сохранение равновесия, однако результатом стали нестабильность и все более явное проявление различий [19]. Проблем в югославской экономике было также немало, югославское руководство определяло их следующим образом: «экономический кризис, кредиты и их возвращение, помощь слаборазвитым республикам и Косово, инвестиционная политика, способ перераспределения централизованного национального дохода» [20]. При обсуждении вариантов разрешения

---

[16] *Биберай Э.* Албания между Изтока и Запада. Цит. по: ДА на МВнР. Оп. 44–3. А.е. 35. Л. 4.

[17] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1340. Л. 2.

[18] Там же. А.е. 1342. Л. 2.

[19] О межреспубликанских и межнациональных противоречиях говорится в специальной информации международного отдела ЦК БКП от 7 марта 1986 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1478. Л. 1–9.

[20] Там же. Л. 1.

inslav

этих проблем четко обрисовались две тенденции. Богатые республики Словения, Хорватия и область Воеводина продолжали настаивать на строгом выполнении Долгосрочной программы стабилизации, поскольку она их облагодетельствовала, в то время как Сербия и другие слаборазвитые республики постоянно ее критиковали как «нереальную» и «несоответствующую действительной ситуации в стране» [21]. Не менее острыми были противоречия в политической сфере, сводившиеся к столкновению между федерализмом, за который выступали экономически более слабые республики, и конфедерализмом, который предпочитали более сильные. К этим противоречиям можно добавить и национализм отдельных республик, заставивший «Сербию стремиться к "реваншу" за потери, Хорватию – лелеять мечты о "свободном национальном государстве", Косово и Воеводину – настаивать на самостоятельности в рамках федерации, а Македонию, Черногорию и Боснию и Герцеговину – бороться за свое "национальное" самоутверждение» [22]. Так обрисовалась картина будущего краха, который едва ли мог быть предотвращен чисто политическими средствами. Особенно при отсутствии достаточно авторитетного для всех центрального руководства государством.

* * *

Беглый обзор состояния четырех социалистических стран на Балканах в середине 1980-х годов показывает, что, независимо от их различий, все они испытывали серьезные трудности – экономические и управленческие, и вынуждены были искать новые варианты своего дальнейшего развития. Традиционно, начиная с 1960-х годов, экономические реформы всегда ориентировались на Запад – введение рыночных механизмов, попытки закупок и применения западных технологий (исключение составляла Албания, которая смотрела на Восток, но не на Советский Союз, а на Китай). Однако в 1980-е годы ситуация коренным образом изменилась. Во-первых, поскольку США при администрации президента Рейгана начали наступление против союзников СССР и усилили критику всех социалистических стран из-за состояния в них прав человека, во-вторых, поскольку растущие валютные долги вынуждали восточноевропейские страны ограничить свои экономические контакты с Западом. И тогда, к удивлению некоторых из них, все балканские социалистические страны снова повернулись на Восток, к Советскому Союзу, стремясь ус-

[21] Там же. Л. 1–2.

[22] Там же. Л. 3.

inslav

тановить взаимные контакты. Вот только Советский Союз после марта 1985 г. уже стал другим, потому что еще с первых месяцев правления М.С. Горбачева проявилось новое отношение к союзникам. Наиболее четко оно выразилось в октябре 1985 г. на встрече Живкова с Горбачевым в Софии, когда было сказано: «Дружба дружбой, а табачок врозь!» (буквальный перевод с болгарского: «Дружба дружбой, а брынза за деньги!») [23]. Отсюда и проблемы.

Началась трудная борьба Т. Живкова за политическое выживание, которая имела внутри- и внешнеполитические аспекты. Для Живкова всегда важнее всего были отношения с СССР, поэтому он пытался сообразовываться с реформаторской программой Горбачева, ответив на его «перестройку» болгарским «переустройством». Живков, сумевший политически «пережить» советских лидеров Хрущева, Брежнева, Андропова и Черненко, надеялся «завоевать» на свою сторону и Горбачева, играя на опережение. В середине 1987 г. в Болгарии была объявлена широкая программа экономических, социальных и политических преобразований (реорганизация экономики, правительства, административного деления, государственной пропаганды и даже политической системы, хотя и довольно формальная), которая получила название Июльской концепции [24].

Но попытка провести реформы в условиях кризиса привела к быстрому увеличению внешнего долга. После того как в середине 1980-х годов Болгарии удалось погасить большую часть своего внешнего долга, во второй половине десятилетия он вновь начал расти. В 1987 г. он достиг 4,2 млрд. долларов, что на общем фоне не выглядело опасным – только у Чехословакии долг был меньше (3 млрд.). Но для болгарского государства это стало тяжелым бременем, поскольку внешний долг составлял 180% ее экспорта [25]. Внешнеполитическая изоляция, в которой Болгария

---

[23] Цитата из стенографического протокола Встречи Политбюро ЦК БКП с генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым 24 октября 1985 г. – Ново време (София). 1996. № 1. С. 89.

[24] Июльская концепция была обсуждена и принята на заседании ЦК БКП 27–29 июля 1987 г. – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 65. А.е. 83; Оп. 68. А.е. 3541; *Живков Т.* Реалният социализъм. София, 2006. С. 283–386.

[25] Данные взяты из журнала «Икономист», 28 ноември – 4 декември 1987 г. Цит. по: ДА на МВнР. Оп. 45–2. А.е. 17. Л. 21.

inslav

оказалась после начала «возродительного процесса», способствовала увеличению долга, который к концу 1989 г. уже превысил 9 млрд. долларов [26].

Параллельно с финансовыми трудностями Болгарии ухудшилось и отношение Советского Союза к этой стране, что отмечалось и американскими дипломатами. В лекции о ситуации в Восточной Европе и политике США в регионе, прочитанной в Центре им. Вудро Вильсона в Вашингтоне 16 января 1986 г., заместитель помощника госсекретаря США М. Палмер привел в качестве примера неудовлетворенность СССР качеством болгарских товаров. Особую тревогу вызвало у Живкова заявление Палмера, что в Восточной Европе «ожидается "переходный период" в кадровом отношении» [27].

В новой для Живкова ситуации – атаки с советской стороны, – он попытался балансировать при помощи укрепления связей с европейским Западом. Самые большие надежды вселяла политика канцлера ФРГ Гельмута Коля, направленная на укрепление экономических связей с социалистическими странами Европы – прежде всего, с ГДР, но также и с остальными, в том числе с Болгарией. На итоговой пресс-конференции во время визита в Болгарию президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер в ноябре 1988 г. заявил о своей убежденности в том, что «преобразования в Болгарии являются необходимым и необратимым процессом» и что объявленные свободной для бизнеса зоной Русе и Видин дают дополнительные возможности для экономического сотрудничества» [28]. При этом проблема «турецкого меньшинства» упоминалась лишь в общем плане, в том смысле, что «некоторые различия, касающиеся гуманитарных проблем и проблем меньшинств» не являются «препятствием на пути развития наших двусторонних отношений во всех областях» [29]. Иными словами, после 1985 г. возросшие советские требования к Болгарии снова подтолкнули эту страну к сотрудничеству с Западом, прежде всего, в Европе. 9 августа 1988 г. Болгария установила дипломатические отношения с ЕЭС, начались переговоры по развитию торговли с Западной Европой, велись переговоры и с ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и тор-

---

[26] Един нереализиран проект за реформа на прехода. Кратка оценка на състоянието и причините, довели до икономическата криза // Ново време. 2000. № 1–2. С. 130–131.

[27] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1436. Л. 2.

[28] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1859. Л. 2–3.

[29] Там же. Л. 4.

inslav

говле). А в политической сфере было восстановлено сотрудничество с США и налажены контакты с израильскими политиками.

Вначале новая советская линия Горбачева приветствовалась также в Румынии. Однако вскоре оказалось, что установившаяся более свободная атмосфера в Восточном блоке лишила Румынию ее уникальности и привлекательности в глазах США и Запада в качестве «троянского коня» на Востоке. Почти все восточноевропейские социалистические страны стали добиваться благосклонности Соединенных Штатов, ФРГ, контактов с Израилем, установили дипломатические отношения с ЕЭС. В то же время Запад начинает все более открыто и резко критиковать характер внутренних проблем Румынии. После поездки по Восточной Европе первый заместитель государственного секретаря США Джон Уайтхед сделал вывод, что «румынское руководство осталось на позициях 15-летней давности, оторвавшись от реальных процессов в Европе и в мире..., что с этим руководством невозможно проводить новую политику» [30]. Негативные результаты не замедлили сказаться: с 1 июля 1988 г. Румыния потеряла статус наибольшего благоприятствования в торговле с США.

Побочным результатом румынской переориентации стало ее возвращение на рынок СЭВ, что видно из данных о росте ее товарооборота: в 1981 г. на эти страны приходилось только 41% румынского товарооборота, в 1985 году – 49,5%, в то время как в 1986 г. – уже 60%, что являлось нормой для стран Восточного блока [31]. Изменения коснулись и внешнеполитической линии Румынии. По наиболее важному для Европы второй половины 1980-х годов вопросу – об общеевропейском процессе или, как было тогда принято его называть в Восточном блоке, об «общеевропейском доме», – Румыния неожиданно заняла критическую позицию. В конце 1970-х годов Чаушеску выступал за «объединенную Европу», что отличалось от позиции восточноевропейских государств. Однако когда эта идея начала реализовываться в соответствии с «новым мышлением» Горбачева, Румыния отказалась от провозглашавшихся ранее требований «повышения роли малых и средних стран» и «свободного доступа к достижениям научно-технической революции в развитых капиталистических стран и, соответственно, продажи своей продукции на евро-

[30] ДА МВнР. Оп. 45–2. А.е. 9. Л. 5.
[31] Там же. А.е. 185. Л. 7.

inslav

пейских рынках»[32], и начала критиковать Запад за то, что он поступает неконструктивно, выступая только за гражданские права и игнорируя более важные социальные права, такие, как право на труд, жилище и т. д.[33].

Отход Румынии от Запада ухудшил ее международный имидж, но освободил Чаушеску от необходимости сообразовываться с мнением США и Запада. В поисках выхода из сложного экономического положения (нехватка товаров общественного потребления, сырья и энергоносителей для промышленности[34]) Чаушеску обратился к использованию такого оружия как национализм. Во второй половине 1980-х годов была запущена так наз. программа систематизации: программа преобразований на территориях с компактным проживанием национальных меньшинств (прежде всего, венгерского и немецкого), в ходе которых села разрушались, а на их месте строились «агропромышленные» центры, где люди должны были жить не в отдельных домах на одну семью, а в 3–4-этажных блоках[35]. Официально провозглашенными целями являлись

---

[32] Някои бележки и съображения относно концепцията за «общоевропейски дом». – Там же. А.е. 194. Л. 31.

[33] Там же. Л. 32.

[34] Впечатления Ивана Ликова, советника посольства НРБ в Бухаресте, изложенные в исследовательском отчете о внутренней и внешней политике Румынии и РКП (август 1988 г.) сводились к следующему: «трудности при реализации экономических задач, снижение производственной деятельности – при постоянном падении жизненного уровня..., ухудшении снабжения граждан продуктами питания и промышленными товарами». – Там же. А.е. 195. Л. 2.

[35] 7 октября 1988 г. румынское Министерство иностранных дел организовало для послов в Бухаресте посещение таких районов (Тополовени в Арджеше) с целью защитить программу систематизации. По словам сопровождавшего послов Аурела Дума, «основные цели систематизации отражают высшую заботу партии и правительства, направленную на улучшение и повышение жизненного уровня населения небольших населенных пунктов страны». – Там же. А.е. 194. Л. 6. «Систематизации» была посвящена специальная информация, адресованная болгарскому посольству 23 марта 1988 г. Согласно этой информации, планировалось объединить 13 тысяч румынских сел в 5–6 тысяч, а к 2000 г. трансформировать их в 558 городских агропромышленных центров, объединяющих в среднем по 3 общины. – Там же. А.е. 196. Л. 39–42.

inslav

урбанизация и расширение обрабатываемых площадей, высвобожденных в результате разрушения почти половины сел в Румынии.

Вторым видимым изменением стал поворот внешней политики с Запада на Восток, когда румынская сторона стала отдавать приоритет социалистическим соседям как экономическим партнерам. В отношении «перестройки» Горбачева Румыния заняла позицию умеренной поддержки. Однако Чаушеску объявил ее подходящей для других стран, но не для Румынии, которая, по его мнению, уже осуществила перестройку «20 лет назад специфическим для румынских условий способом» [36]. В качестве нового элемента румынской политики объявлялось о сокращении армии и военных расходов на 5%, которое к 1990 г. должно было достичь 25% [37]. По сути, в данном случае речь шла в первую очередь о сокращении расходов с целью скорейшей выплаты валютного долга.

Общий вывод, который можно сделать об изменившейся позиции Румынии во второй половине 1980-х годов, заключается в том, что в годы глубоких перемен в Восточном блоке и во время «холодной» войны Румыния неожиданно оказалась в сложной ситуации, которая вынудила Чаушеску совершить резкий поворот во внешней политике. Углубление экономического кризиса и долговой капкан заставили его свернуть и временами замораживать отношения с США [38], но развивать связи с Советским Союзом, от которого в 1987 г. Румыния дополнительно получила сверхплановые поставки электроэнергии (800 млн. кВтч), природного газа (300 млн. кубометров), железной руды (300 тыс. тонн) и др. [39]. Поворот произошел и в отношениях Румынии с ЕЭС. Если в 1970-х – начале 80-х годов ЕС являлся наиболее важным румынским внешнеторговым партнером (на него приходилось 60–66% торговли Румынии с западными странами), то во второй половине 1980-х годов Румыния резко сократила импорт и увеличила экспорт в страны ЕЭС [40], чтобы собрать средства для

---

[36] Там же. А.е. 195. Л. 15.

[37] Там же. Л. 21.

[38] Исследовательский отчет о торгово-экономических отношения между СРР и США. – Там же. А.е. 215. Л. 47–58.

[39] Подписана и долгосрочная экономическая программа до 2000 г., соглашение о транзите природного газа в Турцию, Грецию, о строительстве совместных предприятий и т. д. – Там же, Л. 68–77.

[40] Ускоренному погашению внешнего долга были подчинены и отношения между Румынией и ЕЭС. В период между 1975 и 1987 годами румынский

inslav

погашения своего валютного долга. В результате, в то время как 1988 г. ЕЭС установил дипломатические отношения с другими странами Восточной Европы, ожидаемое соглашение об экономическом сотрудничестве и торговле между ЕЭС и Румынией было снято с повестки дня [41]. Так Румыния Чаушеску встретила свой последний год в изоляции от Запада, пытаясь сблизиться с Востоком, но с растущей озабоченностью в связи с происходившими там переменами. Коротко говоря, режим был обречен, и положение Чаушеску не стало стабильнее от того, что летом 1989 г. ему удалось погасить румынский внешний долг.

Албании также пришлось пойти на перемены во внешней политике, так как экономические проблемы заставили ее открыться внешнему миру. Однако многолетняя изоляция вызвала серьезные опасения по поводу идеологических или политических последствий открытия страны миру, поэтому новое албанское руководство Рамиза Алии старалось ограничить изменения только экономикой [42]. Особая внешнеполитическая позиция Албании не предоставляла ей большого выбора в этом плане. Она обратилась, в первую очередь, к восточноевропейским социалистическим странам, хотя и не преодолела своей идеологической предубежденности против них. При этом она рассчитывала, что эти страны «проглотят» ее прежнюю критику в их адрес ради шанса, что бывшая союзница вернется в СЭВ и Варшавский договор. Албанский расчет оправдался, о чем свидетельствуют выводы болгарских дипломатов: «Для НРБ, Советского Союза и других братских стран нет иной альтернативы, кроме как откликнуться на албанские пожелания в этот важный исторический период. Расширение и углубление торгово-экономических отношений с Албанией на данном этапе, несмотря на неблагоприятную сторону товарообмена, является косвенной поддержкой приверженцев нового подхода, и можно ожидать, что в скором будущем она будет должным образом оценена» [43]. Так в 1986 г. начался новый этап в экономических отношениях Албании с социалистическими странами. Особую роль в нем играла

импорт из ЕЭС снизился с 25,7% до 11,2%, в то время как экспорт Румынии увеличился с 22,8% до 25,7%. – Там же. Л 87.

[41] Там же. А.е. 217. Л. 9.

[42] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1342. Л. 2–3.

[43] ДА на МВнР. Оп. 44–3. А.е. 36. Л. 21.

inslav

Болгария, которая обеспечивала Албании реэкспорт столь необходимого ей советского сырья [44].

Что касается отношений Албании с ее соседями, то в этой области во второй половине 1980-х годов все более отчетливо проявляется сильный национализм. Албанский национализм отличается от такового в других балканских социалистических странах, поскольку опирается на свои меньшинства, проживающие в соседних странах. Наиболее яркий пример в этом отношении дает эволюция спора с Югославией касательно албанцев в Косово и Македонии. Албанский официоз «Зери и популлит» от 13 мая 1987 г. опубликовал статью «Без албанцев и вопреки их интересам не могут решаться проблемы Косово», где заявлялось, что Косово было и останется впредь фактором, который в наибольшей степени будет определять развитие взаимоотношений между Албанией и Югославией [45]. Этот тезис предопределил растущую враждебность между двумя странами. Албания имела проблемы и с Италией из-за попыток албанских граждан покинуть страну с помощью итальянского посольства. Но что касается отношений Румынии и Болгарии, то в этот период они начали нормализоваться.

Югославия по-разному реагировала на реформы, начатые Горбачевым в СССР. Они придали югославским руководителям больше уверенности в том, что югославская модель была успешной, поскольку казалось, что и другие социалистические страны пытаются ей следовать. Визит Горбачева с 14 по 18 марта 1988 г. характеризовался как большой успех Югославии, как и подписанная тогда же новая двусторонняя декларация (15 марта 1988 г.), подчеркивавшая равноправные отношения между двумя странами [46]. Окрепшая уверенность в себе югославского руководства в отношениях со странами Восточного блока проявилась и в усилиях по нормализации отношений с балканскими социалистическими соседями – как с Болгарией, так и с Албанией. Однако реальная опасность для Югославии исходила не извне, она проистекала из внутренних противоречий. Они развивались с нарастающей быстротой, особенно после того, как спустя полтора года регион сотряс крах социалистических режимов в Центральной Европе и на Балканах. Оказалось, что большая гордость Югославии – она строит социализм, лишенный недемократических черт советской модели, – не исключает ее из системы, которая начала

[44] Там же. А.е. 39. Л. 63.
[45] Там же. А.е. 41. Л 7.
[46] ДА на МВнР. Оп. 45–3. А.е. 217. Л. 2–14.

inslav

сдавать позиции сначала в Польше летом 1989 г., а затем и в других странах Восточного блока осенью того же года. Это ускорило кризисные процессы в Югославии и привело к ее распаду. Более того, упование на возможность для Югославии идти своим путем усилило сопротивляемость белградского режима, и вместо того, чтобы принять революционную волну, как это сделали другие, югославские правители решили себя ей противопоставить. Так началась борьба за и против Югославии, принесшая столько страданий не только гражданам югославской федерации, но и остальным жителям Балкан.

Легко заметить, что новая советская линия Горбачева в отношении европейского социалистического содружества заставила все балканские страны реагировать и искать новые варианты решения своих экономических и внутриполитических (в том числе этнических) проблем. В предыдущие десятилетия таким спасительным выходом из положения было укрепление связей с Западом (исключение составляла Албания), откуда поступали кредиты, новые технологии, а в результате торговли – и столь необходимая для экономики валюта. Во второй половине 1980-х годов это уже стало невозможным из-за большой внешней задолженности, поэтому балканские социалистические страны попытались решить свои проблемы путем укрепления контактов между собой и в рамках СЭВ. Но эти попытки были обречены на провал из-за изменений в СЭВ, инициированных Горбачевым и некоторыми центральноевропейскими социалистическими странами, в том числе из-за предложений по долларизации отношений, а главным образом в результате наступившего во второй половине 1989 г. краха всей восточноевропейской социалистической системы. За осенними революциями в Восточной Европе последовало дистанцирование Горбачева [47] и Советского Союза в целом от восточноевропейских стран, что заставило их искать новое место в международном порядке, изменившемся после окончания «холодной» войны.

* * *

Какие выводы можно сделать из процессов, развивавшихся в социалистических странах накануне трансформации на Балканах?

---

[47] Живков говорил о дистанцировании М.С. Горбачева от Болгарии еще в 1988 г.: «Посмотрите, что творит Советский Союз. Они отказались от нас и повернули на Запад, все уходит на Запад, конец всем нашим договоренностям. Они уходят и преследуют свои интересы, а мы сидим и ждем, не упадет ли что-нибудь сверху». – ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3472. Л. 357–358.

inslav

Как мы уже знаем, ни румынский опыт по поддержанию системы за счет дистанцирования от Запада, ни болгарские попытки сохранить ее путем поддержания политических связей с Востоком и более широкого экономического открытия Западу, ни албанское стремление отдалить угрозу традиционными средствами, ни югославская попытка в очередной раз искать свой уникальный путь не увенчались успехом. Все четыре режима рухнули – живковский 10 ноября, режим Чаушеску в конце декабря 1989 г., в 1991 г. за ними последовал и албанский, а распад Югославии, хотя и сопровождавшийся несколькими войнами, закончился отстранением Милошевича от власти осенью 2000 г. Их личная судьба сложилась различно: Живков был арестован и осужден, но закончил свою жизнь в 1998 г. в атмосфере широкого одобрения его правления, Чаушеску был осужден и казнен еще во время кровавого румынского Рождества 1989 года, наследники Энвера Ходжи получили время, чтобы подготовиться к переменам, в то время как Милошевич в течение более 10 лет находился в центре международного внимания и умер не осужденным Международным судом в Гааге за преступления в Югославии. Но эти различия менее важны, чем сходство в судьбах их стран во время перехода к демократии и рыночной экономике. А переход осуществлялся по рецепту и под контролем, идущими уже не с Востока, а с Запада, причем в некоторых случаях даже с военной помощью. Балканы в очередной раз резко сменили свою геополитическую ориентацию – перешли из советской сферы влияния в часть Запада.

В конце 1980-х годов оказалось, что ни одно из балканских социалистических государств не смогло найти для себя новую модель развития в рамках государственного социализма советского типа. Когда Советский Союз открыто отказался от обязательств в отношении своих союзников, режимы рухнули один за другим, даже те, которые отмежевались от Советского Союза и Восточного блока. Геополитические последствия распада социалистических режимов в странах Балканского полуострова делятся на краткосрочные и долгосрочные. Краткосрочные проявились в усилении хаоса и конфликтного потенциала, которые привели к кровопролитному распаду Югославии и негативному воздействию этого процесса на весь регион. Долгосрочные же последствия выразились во внешнеполитической переориентации всех стран региона на Запад, что в конечном итоге привело к преодолению внешнеполитических различий и превращению Балкан из «порохового погреба» в регион сотрудничества в первом десятилетии XXI века.

С болгарского языка перевела Е. Валева

inslav

Екатерина Никова
София

Европейский союз и «конец» балканской истории

Едва ли на земле найдется другое место, кроме Балкан, где тезис Фр. Фукуямы о наступающем конце истории был встречен такой острой критикой [1]. И даже с насмешкой – конец истории? – как это может быть! Гордясь своей славой самых крупных мировых «производителей истории», балканцы даже не пытались вникнуть в доводы ученого. Особенно когда вскоре после высказывания Фукуямы [2] вспыхнула война в Югославии. Похоже было, будто история, никогда не уходившая с Балкан, возвращается триумфально. 1990-е гг. стали золотым временем для балканских историков, появились тысячи специалистов, искавших и находивших объяснение случившемуся на полуострове, видевших причины распада федерации в прошлых веках бурной балканской истории.

Вот почему может показаться странным спустя десяток лет после этих событий, взять на себя смелость все же говорить о «конце» балканской истории. Но о каком конце и какой истории? В настоящей статье мы утверждаем, хотя и с известной долей преувеличения и относительности, что ныне действительно наступает своеобразный конец балканской истории, по крайней мере, такой, какой мы ее знали и изучали. Теперь – на переломе двух веков – история народов небольшого европейского полуострова принимает новый курс. В рамках, параметрах, ходе и общем алгоритме этой истории происходят такие изменения, что кажется, будто буреносные Балканы действительно приближаются к важному рубежу и, может быть, последней главе своей истории.

---

[1] Известная фраза «Балканы производят истории больше, чем могут потребить» ошибочно приписывается У. Черчиллю. В действительности она принадлежит британскому сатирику H.H. Munro (Saki) (1870–1916), вложившему ее в уста своего юмористического героя по поводу критских событий.

[2] Ф. Фукуяма опубликовал свою статью «The End of History?» в журнале *National Interest* в 1989 г., а книга – *The End of History* – уже без знака вопроса! – вышла в 1991 г.

inslav

Сразу уточним – данная статья не о Фукуяме и его спорном тезисе о триумфе Запада и либеральной идеи как конце истории. У этого автора заимствуем только привлекательное заглавие. Еще менее «триумфальными» выглядят сегодня конкретные результаты интеграции балканских народов в ЕС – они в лучшем случае могут быть названы спорными. Моментальная съемка состояния полуострова дала бы не черно-белую картину, а скорее серую, и комментарии были бы в стиле наполовину полного или наполовину пустого стакана. Конфликты на Балканах догорают, но их последствия – не решенные или плохо решенные проблемы – остаются и еще останутся надолго. К ним надо прибавить и извечные для Балкан вопросы – слабые экономики, плохо функционирующие государства, коррупцию, преступность.

Тем не менее, очевидно, что первое балканское десятилетие XXI в. коренным образом отличается от драматического десятилетия войн 1991–1999 гг. И довольно неожиданно для себя авторы одного коллективного труда о Балканах начала нынешнего века обнаружили, сколь контрастно различаются между собой эти два последних десятилетия, какие глубокие перемены произошли во всей жизни народов [3].

Редко в истории можно обозначить столь отчетливо границу между веками, как между XX и XXI вв., – здесь рубежом стало появление на балканском горизонте Европейского союза. Этот новый фактор был и остается столь могучим, что заслоняет собой все остальное. Он поставил балканскую историю в новые рамки, подчинил ее другой логике и изменил ее основные алгоритмы.

Объединяющаяся Европа «открыла» для себя Балканы как регион с большими трудностями и довольно поздно – в самом конце XX в. – что связано, главным образом, с ее катастрофически непродуктивной политикой в отношении югославского конфликта. После нескольких лет разнонаправленных, неуклюжих и боязливых действий Косовский кризис оказался для Европы экзистенциональным [4]. Кризис стал испытанием не только для общей внешней политики и безопасности ЕС, но и поставил вопрос о том, насколько Союз вообще может пользоваться доверием в мире. Извлекая уроки из десятилетия войн на Балканах, западноевропей-

---

[3] Балканите през първото десетилетие на 21 век. Съставители *Костов А. и Никова Е.* София, 2012.

[4] См. подробнее: *Никова Е.* Балканите и Европейския съюз през 90-те години // Studia Balkanica. 26. София, 2007.

inslav

ские политики, устав от колебаний, решили, что Союз не может позволить себе игнорировать регион, что безопасность и стабильность Европы неотделимы от положения на Балканах и что, если Союз не «привнесет» стабильность на Балканы, оттуда постоянно будет исходить угроза, отравляющая весь континент.

Так ценой страха балканские проблемы были признаны европейскими, а сами Балканы – интегральной частью Европы. Если и можно найти что-то положительное в югославской трагедии, являвшейся в сущности одной из главных причин торможения процессов трансформации и интеграции в регионе, – то это обстоятельство, что Запад в конце концов обеспокоился его стабильностью.

Обращение ЕС к Балканам, произошедшее в самом конце 1990-х гг., вызвало как коренную ревизию внешней политики Союза, так и поставило вопросы о его расширении. Оба этих направления базировались на идее превращения членства в ЕС в наиболее сильный и эффективный инструмент новой политики. Другими словами, Европа, наконец, сформулировала свою балканскую политику. Ее первым шагом и краеугольным камнем стало открытие перспективы членства в Союзе сначала для Болгарии и Румынии, а в долгосрочном плане и для остальных стран, так называемых Западных Балкан [5].

С тех пор ЕС становится главным фактором всего происходящего в регионе, мотором изменений, их внешней рамкой. Десять лет спустя Греция, Словения, Болгария, Румыния и Хорватия – уже страны-члены ЕС, Македония, Черногория, Сербия и Албания – кандидаты в члены, а Босния и Герцеговина, а также Косово – кандидаты в кандидаты. И, несмотря на горы нерешенных или плохо решенных проблем, несмотря на тлеющие очаги напряженности, балканские страны остаются как никогда мирными и устремленными к единой цели. Появилась и группа стран «Западных Балкан», получивших европейскую перспективу.

Но так и не появилось понятия «Восточные Балканы», куда вошли бы Болгария и Румыния. Таким образом, постепенно размывается само название «Балканы», с присущей им «тяжелой» исторической инерцией.

---

[5] В декабре 1999 г. на заседании руководства ЕС Болгария и Румыния получили приглашение начать переговоры о членстве в Союзе, а несколько месяцев спустя в Загребе перед группой стран, так называемых Западных Балкан, на совместном заседании с Европейской комиссией была очерчена перспектива потенциального кандидатства.

inslav

Журналисты и некоторые небрежные авторы стали часто использовать понятие «Балканы» применительно только к их Западной части. В свою очередь, такой исторический стереотип как «балканизация», также удаляется от места своего рождения – сегодня оно чаще употребляется применительно к другим частям света (например, Индонезии), или как фигура речи, синоним разделения и фрагментарности.

Снова подчеркнем, – мы далеки от мысли, что Европейский союз, решающий и на будущее как бы взявший на себя балканские проблемы, является волшебной палочкой. Особенно трудно говорить об этом в условиях нынешнего всеохватывающего финансово-экономического кризиса, распространяющегося и на европейский проект. Крах Греции, обогнавшей, как считалось, своих балканских соседей на световые годы, – плохой знак. Выходит, что за тридцать лет модернизации под эгидой Европы и при ее щедрой помощи в этой балканской стране не возникло жизнеспособной экономики, модерных политики, общества и государства. Результаты членства в ЕС Болгарии и Румынии также спорны. Хотя в некоторых областях (например, рост среднего ВВП с 25% до 45–49%) и наблюдается прогресс, в других он незначителен, а в отношении коррупции и верховенства закона имеется даже регресс. Остаются висящими крупные вопросы – такие, как название Республики Македония, статуса и внутреннего устройства Косова, будущего нефункционирующей постдейтонской Боснии.

Многие авторы, фиксируя эти проблемы, находят достаточно оснований, чтобы по-прежнему считать Балканы вечной зоной конфликтов и нестабильности. Так, российский автор Петр Искендеров полагает, что Балканы «остаются в геополитическом тумане» и что, по всей вероятности, им угрожает новая перекройка границ. Балканский регион в его современном виде он называет элементом глобальной «дуги нестабильности», начинающейся на юге Сахары и проходящей через Северную Африку, Ближний Восток, Балканы, Кавказ, Южную и Центральную Азию и часть Юго-Восточной Азии. Он выделяет три основных фактора, которые, по его мнению, предопределяют такую характеристику Балкан. Это – во-первых, место балканских стран в геополитических планах и расчетах великих держав, во-вторых, сложность и нерешенность национальных и конфессиональных противоречий и, в-третьих, активизация радикальных исламистов, которые укрепляют свои позиции на полуост-

inslav

рове, чтобы облегчить дальнейшее проникновение в Европу [6]. Примером односторонней, пессимистичной и ультра-негативной оценки членства Болгарии в ЕС является статья под названием «Как умирает Болгария в объятиях Евросоюза» [7].

Не приуменьшая современные реальные и потенциальные проблемы на Балканах, мы предлагаем здесь более широкую картину произошедшего на полуострове за последние два десятилетия и ясно очерчивающуюся, по нашему мнению, историческую перспективу. Как мы уже упоминали, приобщение Балкан к Европе стало коренным поворотом в ходе балканской истории. Евроинтеграция поставила ее в новые рамки, предопределила другие движущие силы, сменила ее основной алгоритм.

Что это за алгоритм балканской истории, и можно ли вообще его определить? Здесь попытаемся найти его основания, опять-таки с долей упрощения, но и стремления к обобщению. Считаем, что для целей нашего исследования вся вселенная балканской истории может быть сведена к трем основным парадигмам: 1) борьба великих держав за доминацию на полуострове; 2) политическая возня «маленьких голодных львят» (как называл Ллойд-Джордж балканские страны, наблюдая за их представителями на Парижской мирной конференции 1919 г.) и 3) вековое стремление балканских народов к европеизации/модернизации.

Великие державы и «маленькие голодные львята»

Балканы всегда были интегральной частью международных отношений; их региональная система смоделирована в большой степени в соответствии с политикой и интересами великих держав. Эти державы – демоны и благодетели – играли в модерной балканской истории двойственную роль. Исторически – от pax ottomanica до pax sovietica – в имперских интересах выстраивались и разваливались союзы на Балканах, страны стравливались друг с другом, направлялись в противоположные лагеря, утверждались при помощи военной силы или сильного идеологиче-

[6] *Искендеров П.* Балканы в геополитическом тумане // Столетие. 11.01.2011; Угрожает ли Балканам новая перекройка границ? // Перспективы. 10.02.2012; Балканский регион как часть глобальной «дуги нестабильности» // Перспективы http://www.perspektivy.info/print.php?ID=6505

[7] Военно-политическая аналитика. Интернат-журнал. 20.08.2013.

inslav

ского воздействия. Со времени Восточного вопроса до юговойн в наши дни противоречия между «великими» приводили к выстраиванию одной группы стран против другой, что катастрофически влияло на балканскую политику и увековечивало образ Балкан как порохового погреба Европы. И Балканы всегда оставались для Запада чем-то внешним, далеким, но вместе с тем – источником возможных неприятностей. И такое отношение выражалось открыто – от Бисмарка, убежденного, что «Балканы не заслуживают гибели ни одного померанского гренадера», до Джорджа Буша (старшего), сказавшего при известии о первых выстрелах в Югославии: «Наши собаки не участвуют в этой драке».

В историографиях балканских стран (и не только в них) издавна имеется склонность объяснять все, что происходит в регионе, интригами великих держав [8]. Эта тенденция усилилась в годы холодной войны и блоковой политики, но также и вследствие недостойного и скандального вмешательства Запада в югославские войны. В начале конфликта европейские государства, сильно переоценивая свои возможности, держались, как в начале Первой мировой. И Германия, и Франция вспомнили и старых союзников, и прежнее соперничество и даже в несчастном Сараеве провидели «то» Сараево. Однако затем пришло осознание, что им «ничего не светит» на Балканах, и что нельзя рисковать сотрудничеством с другими европейскими странами и США во имя неких воображаемых целей. Поэтому «великие державы» Западной Европы одна за другой стали отказываться от самостоятельной политики на Балканах и передавать эстафету США и так называемой Контактной группе – настолько принципиально новой оказалась ситуация, сложившаяся в конце XX – начале XXI в. Так, юговойны показали, что европейские страны уже не могут и не хотят действовать как великие державы.

Проблема состоит в том, что подчеркивавшаяся до сих пор в балканской историографии пагубная роль великих держав (какой бы ни была их вина и реальная вовлеченность в балканские дела) совершенно исключала вопрос об ответственности и вине балканских народов. Но история показывает, что часто они сами выступают друг против друга, также исходя из эгоистических, алчных, империалистических интересов. «Маленькие голодные львята» – прилежные ученики Европы – они следовали ее урокам и играли по ее правилам. Встать под защиту одной из великих

[8] См., например, популярную книгу: *Glenny M.* The Balkans 1804–1999. Nationalism, War and the Great Powers. London, 1999.

inslav

держав против соседей – вот основная формула балканской политики, которая априори лишала региональное сотрудничество всяких шансов.

Членство в ЕС или перспектива вступления в него означали перевод отношений между балканскими государствами на новую основу. И хотя внешняя политика ЕС все еще носит национальный и межгосударственный характер (и нынешний кризис усиливает это), большая ее часть осуществляется как общеевропейская, что дает возможность странам-членам (в том числе и балканским) выступать по мировым проблемам как одно целое. Эта общая внешняя политика и политика безопасности ЕС подкреплена Лиссабонским договором, учредившим пост верховного представителя ЕС по вопросам внешней политики и безопасности и европейской дипломатической службы. Так что постепенно, но неуклонно происходит так называемая европеизация внешней политики балканских стран.

Наиболее драматичным примером в этом отношении стала Греция. В середине 1990-х гг. новый лидер ПАСОК и премьер-министр Греции К. Симитис посчитал, что десятилетие националистической политики в отношении Македонии и особенно войны в Югославии, в которой Греция фактически выступала союзником Сербии, отдалили страну от партнеров и соседей и завели ее в тупик. Уверенно и смело он инициировал резкий поворот внешней политики Греции, направив ее целиком в европейское русло. Даже такая «горячая картофелина», как греко-турецкие отношения была передана в компетенцию ЕС [9] – на историческом заседании Совета министров ЕС в Хельсинки (декабрь 1999 г.) Греция сняла свои возражения против вступления Турции в Союз. Она поддержала турецкую кандидатуру в уверенности, что этот шаг станет катализатором стабильности в регионе и будет способствовать разрешению спорных вопросов. Отношения с Македонией являются, однако, иллюстрацией совершенно обратного – греко-македонский спор о названии остается двусторонним, хотя и сопровождается посредничеством ООН, где ЕС выступает фактически как сторонний наблюдатель.

Примером решения балканских проблем под эгидой ЕС стало урегулирование словенско-хорватских споров и так называемое Брюссельское соглашение (апрель 2013 г.) между Сербией и Косово, Болгарией и Македонией.

---

[9] См. подробнее: *Spyros Economides.* The Europeanisation of Greek Foreign Policy // West European Politics. 28:2, 471–491.

inslav

Региональное сотрудничество

Модерная балканская история протяженностью в два столетия подводит нас к выводу: балканские государства не умеют устанавливать значимое и долговременное сотрудничество и добрососедство. Теперь время спросить, почему, в конечном счете, так и не состоялось балканское сотрудничество, почему проваливались или умирали все попытки объединения, все эти балканские пакты, союзы, федерации, инициативы; почему конфронтация и недоверие были здесь нормой, а сотрудничество – скорее исключением; почему соседние государства не могли установить между собой длительного мира и добрых отношений? Не является ли отсутствие регионального сотрудничества на полуострове одним из крупных провалов, равным, например, тщетной попытке догнать развитую часть континента? Бесконечная серия войн, столкновений, мелкого соперничества характеризуют новую историю полуострова. Не случайно термин «балканизация» возник как символ фрагментации и конфронтации, и родина его – Балканы. И кого или что следует винить в этом? – эгоизм ли молодых, этнически определяющихся государств с нерешенными национальными проблемами, интриги ли великих держав или саму недостижимость модернизации на этой европейской периферии?

И вот неожиданно осуществляется большой прорыв. Регионализм, балканское региональное сотрудничество, – слова до недавнего времени звучавшие как оксюморон, взаимоисключение, стали «модными» и популярными в лексиконе политиков, дипломатов, прессы, в академических исследованиях. За последние 10–15 лет понятие регионального сотрудничества утвердилось в Юго-Восточной Европе как одно из ключевых. Сегодня оно – обязательная часть любой официальной речи или документа. В этих словах, говорит один из исследователей, – сладость материнской любви, яблочного пая. Теперь балканские лидеры регулярно встречаются, отмечается рост сотрудничества во всех областях – в торговле, транспорте, туризме, обмене делегациями и проч. Были предприняты сотни межправительственных инициатив с трудно расшифруемыми аббревиатурами, вроде ПСЮВЕ, SEC1 или TTFSEE, в различных областях реализуются многочисленные проекты и планы.

В интересах истины следует подчеркнуть, что этот поворот не связан с некими существенными переменами в культурно-психологических или исторических мотивациях балканских народов. Или с торжеством некогда популярного тезиса «Балканы – балканским народам». В дейст-

inslav

вительности возникшее в последнее время балканское региональное сотрудничество – это результат усилий, предпринятых с целью способствовать безопасности и стабильности региона. Как выразился румынский политик Мирча Джоана, рост регионального сотрудничества отражает «символическую стратегию преобразования («ребрендинг») конфликтных и полуевропейских Балкан в часть Европы и Запада» [10]. В большой степени балканское региональное сотрудничество является «импортным товаром», процессом, инспирированным такими мощными силами за пределами Балкан, как, в первую очередь, ЕС, но также США и НАТО. Для них налаживание регионального сотрудничества было основной целью стратегии успокоения и стабилизации этой части света.

Упор на добрососедство и сотрудничество способствовал важным изменениям в политике расширения ЕС. В отличие от других стран Восточной Европы и Балтии, в том числе Болгарии и Румынии, требование добрососедства и региональной интеграции стало связываться с вопросом о присоединении к ЕС, что важно для стран Западных Балкан. Стал действовать механизм «обусловленности» (conditionality).

Здесь нет места для иллюзий: решение остающихся актуальными проблем прежнего «порохового погреба» переносится, прежде всего, в рамки ЕС и НАТО. Разрешение кризисов в Косово и Македонии, например, не по силам региональным политикам. На этом этапе в балканском сотрудничестве много риторики, конъюнктуры и, более всего, желания понравиться Брюсселю.

При более широком подходе, однако, переход к региональному сотрудничеству и интеграции означает движение, хотя и с большим опозданием, к новым формам государственности в Европе. И хотя еще многие на Балканах и за их пределами мыслят категориями политики великих держав, интриг, заговоров, территориальной экспансии, все очевиднее, что мерой успеха небольшой страны в системе международных отношений является ее способность к интеграции и извлечению пользы из доступа на крупные рынки; многосторонние организации и технократические учреждения приходят на смену традиционной дипломатии, лавирующей между прежними и новыми союзниками или противниками.

В этом смысле разрешение висящих балканских проблем, связанных, в первую очередь, с Боснией, Косово и Македонией, и пришедших из прошлого, является прерогативой Совета безопасности и международ-

[10] Там же.

inslav

ных договоренностей. И ЕС здесь является «притягательной морковкой». Найдут ли смелость Брюссель и Европа предложить нужные решения, заставят ли они балканцев поверить, что полное членство гораздо ценнее националистических потуг, – для них это станет вызовом и настоящим состязанием со временем.

В то же время за невероятно короткий исторический срок большинство узлов соперничества, в том числе крупных, потеряли смысл и перспективу и остались на вооружении самых консервативных кругов. Под европейской крышей вслед за германо-французским примирением балканские взаимоотношения стали или становятся частью общей картины. В этом смысле, сколь ни важны еврофонды, поддержка, директивы, – важнее всего изменившаяся перспектива. Балканское региональное сотрудничество становится частью общеевропейского, балканские нормы, законы, правила – европейскими. Это долгий и трудный путь, но он начат. Традиционная политика, основанная на территориальных и ирредентистских притязаниях, отправлена в мусорный ящик. Несмотря на продолжающиеся призывы к новым переделам и разменам территорий, на цепную реакцию сепаратизма на Балканах (Воеводина, Прешево, Тетово) – все это теперь мало вероятно, потому что евроатлантические структуры категорически выступили бы против.

Так, например, «Болгария трех морей» – боевой лозунг болгарских националистов, воплощение неосуществленного Сан-Стефанского идеала – потерял смысл после открытия некогда непреодолимой болгаро-греческой границы и быстрого роста в последние годы двусторонней торговли, обмена туристами, развития бизнеса и всевозможных связей. «Почему трех морей?», – вопрошает по этому поводу один настроенный крайне националистически историк, – «Болгария трех океанов!».

В той же логике трудно представить, что кто-то серьезно думает сегодня об объединении албанцев в Великую Албанию. Действительно, около семи миллионов албанцев живут в пяти балканских странах, но едва ли какая-нибудь из них рискнула бы поставить на кон свою евроинтеграцию, призывая к национальному объединению. Тем более, что с определенным «еврооптимизмом» можно считать, что в близкой или отдаленной перспективе все албанцы будут жить под европейской крышей.

Мимоходом отметим, что балканские национализмы все еще живы, проявляют себя с большим шумом и в различных формах, чаще всего популистских. Но националистические лозунги, хотя и привлекательны в кризисные времена, собирают вокруг себя главным образом маргиналов.

inslav

Сегодня не подобает говорить о «великих» (Болгарии, Албании, Греции или Румынии), равно как и о территориальных претензиях, встречных исках, «исторической несправедливости».

Незавершенная модернизация на Балканах

Вековая отсталость балканских стран, их незавершенная модернизация – одна из основных тем балканской историографии. Догнать Европу, преодолеть разрыв, отделяющий их от развитой части континента было исторической задачей и даже идеей-фикс балканских народов. Большая часть балканской истории нового и новейшего времени понимается как история модернизации на полуострове – от эпохи Просвещения и Возрождения, через борьбу за национальное освобождение, создание и консолидацию национальных государств, ускоренное социалистическое строительство, реформы переходного периода и интегрирование с Европейским союзом в наши дни.

Согласно Пасхалису Китромилидису, модернизация связана с постоянным нажимом развитой Европы на балканские страны с «требованием» ответить на вызовы; можно сказать, что это основной вопрос балканской истории с XIX в., «красная нить», ее пронизывающая [11]. А российская исследовательница Ритта Гришина определяет ее как «Бег трусцой по пересеченной местности» [12].

Интегрирование с ЕС – это наиболее радикальный, масштабный и всесторонний модернизационный проект на Балканах. В идеальном варианте он подразумевает сочетание модернизации сверху-вниз с модернизацией снизу-вверх. Это попытка изменить не только политические и экономические структуры стран, но и их хозяйственную культуру, ценности и нормы, регулирующие повседневное поведение людей. Процесс долгого созидания и приспособления европейских институций, горько-сладкой адаптации к европейским ценностям, вся двухвековая история европеизации Балкан, проводившейся несколькими поколениями просветителей, политиков, предпринимателей, – все это теперь сводится к су-

[11] *Kiromilides P.* Modernisation as an Ideological Dilemma in Southaestern Europe from National Revival to Liberal Reconstruction Eglightenment, Nationalism, Orthodoxy. Hampshire, 1994.

[12] *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (Бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008.

inslav

хому языку требований Брюсселя, техническому принятию предложенных условий, к «галочкам» в Копенгагенских или Маастрихтских списках требований и критериев. Иными словами, двухвековая европеизация сводится к «ЕС-зации».

Однако механизм этого типа модернизации/европеизации различен. В данном случае действует так называемый механизм обусловленности (conditionality). Он предполагает интеграцию стран в европейские структуры в меру того, как они перестраивают свои экономические, политические и правовые системы и преобразуют отношения между государством и обществом по европейским стандартам. На этом пути нет колебаний – ведь используются хорошо испытанные модели и образцы европейского развития, хорошо смазанная механика европейских институций и практик. И балканцы, как и другие восточноевропейцы, хотят вернуться в Европу, и для них путь реформ, в сущности, является путем к универсальным принципам модернизационного проекта эпохи Просвещения.

По этому поводу премьер-министр Иван Костов торжественно заявил: «Приглашение начать переговоры о европейском членстве реализует мечту, имеющую самую долгую историю в Болгарии нового и новейшего периодов. ... Благодаря этому членству, мы садимся в машину времени – получаем шанс выйти из сумеречной зоны. Входим в передовое человечество... это гарантия, что мы и наши дети не будут жить ни в третьем, ни во втором мире, а будут жить в первом» [13].

Интеграция в ЕС была и остается одновременно и целью, и средством, и гарантией успеха реформ при переходе от коммунизма к демократии и рыночной экономике. Она гарантирует успех беспрецедентных по глубине, скорости и результативности системных реформ; она усиливает в целом слабый в балканских обществах импульс к реформам и изменениям, легитимирует реформаторов, нашедших в слогане «Брюссель хочет этого» оправдание и средство для проведения болезненных реформ.

Основная проблема балканской модернизации/европеизации всегда заключалась в разрыве между идеями, приходившими извне, и внутренними условиями их реализации. Ныне она дает о себе знать с особой силой. Чтобы задействовать нормативно-правовые акты в данной конкретной стране, нужно, чтобы она имела сильное государство и определенные институции – но таких нет на Балканах. И потому, хотя распоря-

[13] «Демократия». 10.12.1999.

inslav

жения принимаются ударно, приходится уважать и неписаные законы. Вопрос в том, как наполнить европейские нормы соответствующим содержанием, как их привести в действие, как довершить создание институциональной основы государственности. В некоторых областях введение правовых и прочих норм ЕС помогает переходу (например, в Болгарии и Румынии катализируется административная реформа), но в целом обнаруживается ухудшение качества демократии и рост коррупции [14].

Результаты членства Болгарии и Румынии в ЕС не оказались ни катастрофой, которой некоторые опасались, ни панацеей от всех бед, на что надеялись другие. Разочарованы были, прежде всего, те, кто ожидал, что ЕС автоматически решит проблемы «потемкинской» (фасадной) демократии, что членство узаконит коррумпированные элиты переходного периода с их богатством и сомнительными связями. Больше того, существует впечатление, что, когда Румыния и Болгария стали полноправными членами Союза, Брюссель потерял основные рычаги воздействия на них, имея в виду дальнейшие реформы. Администрация балканских стран умело использует различные способы имитации реформ, научилась писать красивые отчеты, доклады и стратегические планы. В результате вместо прогресса наметился регресс в некоторых областях, например, в правосудии, борьбе с коррупцией, а в Болгарии – и в борьбе с организованной преступностью. Предупреждения Брюсселя, регулярные доклады Европейской комиссии, как и новая отсрочка принятия этих двух балканских стран в Шенгенскую зону – вот оставшиеся рычаги, имеющие наибольшее значение для поддержки реформаторских сил. Так называемый механизм сотрудничества и проверки (он, однако, не применялся в отношении Хорватии при ее приеме в 2013 г.) – единственное средство для воздействия на посткоммунистические элиты. И все же при постоянной критике со стороны ЕС общественное мнение в Болгарии и Румынии остается настроенным проевропейски, т. е. румыны и болгары доверяют больше ЕС, чем собственным политическим элитам. Любопытно, что болгарское общество не видит в ЕС угрозы своей идентичности и суверенитету, как и его политики – болгарской демократии. Вообще вступление в ЕС воспринимается как огромное достижение, опирающееся на консенсус национальных элит и на удивление слабый антизападный дискурс.

[14] *Mungiu-Pippidi A.* Of Dark Sides and Twilight ones Enlarging to the Balkans // East European Politics and Societies. 2003, Vol. 17. № 1.

inslav

Недовольство ЕС и недоверие к нему, возможно, проявятся на более позднем этапе.

Интересно отметить, что даже в Греции с ее недавними катастрофическими событиями около 70 % населения высказывается в пользу евро, или за сохранение страны в еврозоне. Наоборот, считается, что уход из нее имел бы тяжелые последствия для страны. Греки выступают против европейской «тройки», против Германии, против меморандума, но не против ЕС как такового. В конечном счете, на выборах 2012 г. они избрали представителей проевропейских партий, хотя на них лежит в большой степени вина за крах страны. В ЕС же не приемлют только Коммунистическую партию и крайне правую «Златна зора». Даже Сириза – крайне левая партия – избегает антиевропейской риторики и ограничивается резкой критикой политики А. Меркель.

ЕС и Западные Балканы

«Западные Балканы» – это пост-историческое понятие. Его простая формула – страны бывшей Югославии, но без Словении, плюс Албания – вызвала критику специалистов, знакомых с бесконечными спорами и публикациями о том, что такое Балканы точно, каковы их исторические границы. После того, как были написаны тома по концепциям и картографированию Балкан, было введено понятие «Западные Балканы» – ни политико-историческое, ни географическое, но содержащее элементы того и другого. Его придумали как оперативное на встрече верхов ЕС в Загребе летом 2000 г. Оно объединяет указанные страны механически по признаку – наличие в каждой из них больших проблем для вступления в ЕС. В то время уже начались переговоры с Болгарией и Румынией, а Словения и Греция являлись членами Союза. Искусственность определения «Западные Балканы» подчеркивается тем, что, как было отмечено выше, не существует «Восточных Балкан». Но именно Западные как будто впитали в себя все негативные стереотипы, весь тяжелый груз балканской истории, и очень часто сегодня, говоря о Балканах, имеют в виду Западные Балканы.

Сколь бы ни было странным такое группирование стран, оно выражает одно – степень готовности ЕС принять их в Союз, но, главное, рисует им ясную перспективу. В 2003 г. на встрече в Салониках представителей ЕС и руководителей стран Западных Балкан приглашение было

inslav

подтверждено. «Западные Балканы» – это также понятие временное: Хорватия с присоединением к Союзу в июле 2013 г. покинула эту группу.

Семь стран, окруженных со всех сторон странами-членами ЕС, стали частью стратегии Союза, нацеленной на прочное умиротворение и стабилизацию. Они получают серьезную финансовую и материальную помощь и, особенно ценимую, свободу безвизового передвижения. Им, однако, были предъявлены дополнительные политические условия, каких на предыдущем этапе не выдвигали перед странами Центральной и Восточной Европы, в том числе ни перед Болгарией, ни перед Румынией. В дополнительные условия входят требования разрешения проблем с беженцами и переселенцами, установления сотрудничества с Гаагским Трибуналом по военным преступлениям в бывшей Югославии, в том числе экстрадиции таких важных и даже авторитетных фигур как Анте Готовина, Радко Младич, Радован Караджич, Агим Чеку и др. Особенно важно, чтобы эти страны серьезно включились в региональное сотрудничество и урегулировали территориальные споры. Понятно, что дополнительные условия и критерии делают процесс присоединения Западных Балкан к ЕС более трудным и политизированным.

Более неблагоприятным для стран Западных Балкан является другое обстоятельство. Словения, Болгария и Румыния стали частью исторического «пятого расширения Европы» на восток, проходившего под знаком разрыва с коммунизмом и преодоления холодной войны. Оно принесло элитам членов-основателей ЕС удовлетворение выполнением ими важной миссии – расширением Союза на восток и юго-восток, в результате чего произошло историческое объединение Европы. В настоящее время, утверждает один из современных болгарских авторов Владимир Шопов, большое историческое окно «пятого расширения» закрыто, а «сооружение» из идей и ожиданий развития «старого континента», способствовавших его осуществлению, – разобрано. Шопов отбрасывает распространенное понятие «усталость от расширения» – сегодня нет речи о замедлении процесса. Хотя ощущение предопределенности уже сменилось чувством расстроенности и досады, потери неотложности действий и смысла [15].

Не менее тревожно, что принятие в Союз стран Западных Балкан увязывается с уроками «пятого расширения». Становится очевидным, что

[15] *Шопов В.* Европейската политика на разширяване: мисия замразена // «Дипломация», октябрь 2013.

inslav

правовые и формальные институциональные перемены недостаточны для членства, особенно когда речь идет о странах с пословично слабыми институтами, как на Балканах. Проблемы, сохраняющиеся в Болгарии и Румынии, говорят о том, что они были приняты недостаточно подготовленными, и что с их вступлением ЕС лишился наиболее эффективных рычагов в пользу изменений.

Замедление процесса очевидно для всех. Кроме утомления балканцев от расширения, появилось и утомление в ЕС от присоединения. Достаточно ли сладок пряник для того, чтобы удержать страны в русле присоединения?

Сложная игра идет между ЕС и элитами стран Западных Балкан. Словесным залогом является членство, но на практике ведется более сложная политика. Местные элиты научились симулировать реформы и даже использовать ЕС в своих целях. Когда Брюссель после семилетнего выдерживания Македонии в статусе кандидата, а затем еще пяти лет повторных рекомендаций начать переговоры о присоединении, отказался их вести из-за нерешенной проблемы с названием страны, скопская газета не выдержала. В статье «Остались сиротами на Балканах» [16] говорилось, что ЕС, поддерживая политику премьера Николы Груевского, направленную на изоляцию Македонии и торможение переговоров с Союзом, подносит ему идеальный подарок в виде пожизненного правления. «Представьте, что будет с этим правительством, если начнутся переговоры и будут один за другим открываться обстоятельства, благоприятные для введения европейских норм, что приблизит возможность найти решение о названии страны, а наш премьер и его сторонники, вместе с их греческими коллегами, начнут публично оскорблять друг друга, с целью укрепления собственных позиций. Так греческие власти добиваются своей стратегической цели – помешать Македонии стать членом ЕС и НАТО, а македонские власти отстаиванием патриотических позиций и ореола единственного хранителя названия страны добиваются еще одного мандата».

На волне эйфории от «пятого расширения» ЕС верилось, что новая группа из семи балканских стран в состоянии присоединиться к Союзу в 2014 г. – сто лет спустя после начала Первой мировой войны объединение Европы предполагали отпраздновать не где-нибудь, а в Сараево. Этого не произойдет по многим причинам и непредвиденным обстоятельст-

[16] «Утрински вестник». 21.10.2013.

inslav

вам. Движение вперед оказалось медленнее, чем ожидалось, решение проблем – труднее.

Но после Дейтона и косовской войны балканский регион вступил в период постепенного умиротворения. Нельзя и не нужно недооценивать висящие проблемы, трудности их решения. Но регион в целом уже не в центре циклона, это уже не пороховой погреб в сердце Европы. Перспектива членства в ЕС и НАТО служит мощным ограничителем, генератором сдержанности.

И вот ударил кризис

Длительный экономический кризис, охвативший Европу в 2008 г., явился большим испытанием для ЕС. Это был кризис еврозоны, евро и в целом европейского проекта. Он поставил под сомнение самое крупное достижение европейских народов – коллективное управление, и его тень пала на считавшуюся наиболее успешной политику трансформации и интеграции Восточной Европы во имя европейского объединения. ЕС должен быть доказать право на существование.

Что касается Балкан, то мировой и европейский кризис поставили под сомнение ход событий, казалось, предопределенный. С одной стороны, кризис чудесным образом доказал европейскую принадлежность Балкан. Показал, сколь уязвим полуостров от внешних шоков и, в частности, идущих из Европы. Драматический провал Греции угрожал не только евро, но и еврозоне, и Союзу в целом. Кризис Греции воспринимался и лечился как европейский, а не балканский. Но он также показал, что евроинтеграция не является абсолютной благодатью для Балкан, и что у нее есть и обратная сторона. Д. Бечев говорит о евроинтеграции как об обоюдоостром мече – в хорошие времена европейское ядро способствует просперитету, в кризисные – нестабильности [17].

Кризис сильно повлиял на процесс интеграции Балкан. Естественным было нежелание принимать в Союз новых проблемных членов в условиях, когда Греция, Испания, Португалия, Ирландия, Италия боролись с грозящим им крахом. Поэтому процесс расширения, замедленный еще до кризиса, был практически заморожен. Комиссия продолжала техниче-

[17] *Bechev D.* The Periphery of the Periphery: The Western Balkans and the Euro Crisis // European Council on Foreign Relations, ECFR 60. August 2012.

inslav

ское оформление процесса, сохраняла бодрую риторику, но очередные годичные доклады отражали стагнацию.

В странах появилось пагубное желание не проводить реформ, предписанных Союзом. Когда перспектива членства отдалилась, приманка перестала работать – готовность проводить краткосрочные, часто болезненные реформы во имя все более долгосрочных выгод упала. То есть политическая цена этих реформ увеличилась, и посткоммунистические элиты научились на словах следовать предписаниям, писать «правильные» отчеты, на практике же проводить политику в собственных интересах. Отсюда, констатировалось в докладах Союза, внесение европейских норм, установление верховенства закона замедлилось, позволив расцвести в странах системе клиентелы и коррупции.

Несмотря на это, процесс евроинтеграции Западных Балкан не остановился совсем. Налицо были немалые успехи – принятие в Союз Хорватии в 2013 г., начало переговоров с Черногорией в июне того же года и перспектива начать переговоры с Сербией в январе 2014 г. В апреле 2013 г. при посредничестве ЕС достигнуто историческое соглашение о нормализации отношений между Сербией и Косово. Документ предусматривает не только установление диалога и сглаживание остроты отношений между Белградом и Приштиной, но и открытие перед обеими странами пути к членству в Евросоюзе.

Замедление и усложнение процесса евроинтеграции влияет на внешнеполитические приоритеты и выводит на первый план вопрос об альтернативах, в том числе об альтернативных игроках на балканской сцене. Заговорили о возрастающей роли России и Турции в регионе, и о том, что с ослаблением тяги к Европе, отмеченным выше, эти две страны «вернулись» на Балканы. Действительно, их возросшее присутствие является фактом. В сущности, они никогда и не уходили. Россия ощутимо присутствовала, не только поддерживая Сербию в косовском вопросе, но и своим энергетическим могуществом, от чего зависят почти все балканские страны, а также «мягкой силой» православия, культуры и человеческих контактов. Таким же образом действует Турция, используя экономическую мощь вновь восходящего государства и свою «мягкую силу» – ностальгию по идеализированной Османской империи (ассоциируемую с неоосманизмом), которую материализует в поддержку ислама. Однако, при всей важности России и Турции трудно представить, чтобы они могли бы стать альтернативой Европейскому союзу. Вот что говорит по этому поводу российский политолог Павел Кандель: «Нет оснований счи-

inslav

тать, что Россия может либо хочет заменить Европейский союз в качестве донора наименее развитой в социально-экономическом отношении части европейского континента... Для России Балканы ценны не сами по себе, а именно как зона начавшегося расширения ЕС, где есть еще возможность заблаговременно закрепиться. Поэтому экономическое наступление России в Юго-Восточной Европе вовсе не направлено против расширения Европейского союза. Интересы Москвы и Брюсселя в регионе вполне можно гармонизировать, будь на то добрая воля и желание считаться с Россией» [18].

В общем плане нынешний кризис ЕС представляет большую опасность для Балкан. Поэтому речь идет не только о технических проблемах, которые могут решить чиновники, финансисты, экономисты. В гораздо большей степени это кризис идентичности Европы, являющейся основополагающим принципом солидарности всех европейцев. Вопрос о национальной идентичности в последнее десятилетие умышленно не выдвигался в качестве предмета больших дискуссий в Европе. Европейский проект был нацелен на преодоление национального эгоизма и противоречий, характерных для политики XX в. Но прежние идентичности никогда не исчезали. Это и обнажил кризис – ползучая ренационализация Европы поставила под сомнение смысл «широкой европейской солидарности», показав, что европейского гражданского чувства так и не возникло, а именно оно способно объединить общность. Технократического же сооружения, созданного для достижения экономической эффективности, недостаточно. На Балканах осязаемо проявилась нарастающая «национализация» политики ЕС. Кризис ослабил Европейскую комиссию, укрепив Совет министров, который все активнее ведет политику расширения таким образом, что отдельные страны легче добиваются реализации собственных интересов. В итоге идея расширения политизируется, попадает в плен популистских партий, настроенных националистически. Изменился и сам климат переговоров, став более осторожным, с элементами недоверия.

В еще более общем плане кризис поставил под сомнение балканскую мечту о единых Балканах и надежду найти под европейской крышей разрешение всех местных проблем. Любопытный парадокс – Балканы были мирными и едиными в рамках предыдущих цивилизаций – эллинистической, римской, византийской, османской. Европа же с периода

---

[18] *Кандель П.* «Балканизация» Европы vs «европеизации» Балкан // Россия в глобальной политике. 15 июня 2008 г.

inslav

Возрождения и на протяжении всего хода европеизации и модернизации на Балканах внесла на полуостров, помимо всего прочего, еще и национализм, а с ним – и разделение балканских народов, балканизацию. Поэтому никто более, чем балканцы, не заинтересован в продолжении существования «Европейской империи». Поэтому никто, кроме них, не встревожен так подъемом европейского национализма, национального эгоизма и тенденцией к умалению европейской солидарности.

Что касается альтернативы, то уместно напомнить, что спустя десяток лет после появления «формулы» Фукуямы о «конце истории», другой консервативный американский автор Р. Каган выступил с контртезисом, дав своей книге показательное название – «Возвращение истории и конец мечты» [19].

С болгарского языка перевела Р.П. Гришина

[19] *Kagan R.* The Return of History and the End of Dreams. 2008.

inslav

И.В. Руднева
Москва

Объединение с Европой – новый геополитический проект для Балкан – «про» и «контра»

Балканы, благодаря своему географическому положению и историческому прошлому, культурному и религиозному многообразию, всегда фигурировали в европейских политических проектах. История региона богата примерами вступления стран региона в самые разные союзы. Мотивы подобных шагов диктовались как экономическими и идеологическими, так и геополитическими факторами. Как бы ни стремились народы Балканского полуострова к самостоятельности, их судьбу в большинстве случаев определяли более сильные и влиятельные страны.

В XXI в. мы наблюдаем формирование европейского объединения (Европейского Союза), состав которого увеличивается год от года. Страны бывшей Югославии видят в нем возможность решения своих, прежде всего, экономических проблем, а также вопросов государственной безопасности. Однако, наряду с положительными факторами объединения с Европой, существуют и серьезные негативные тенденции.

Прежде всего, перспективы подобного проекта сомнительны из-за финансового кризиса в Европе, а также по причине внутренних конфликтов в ЕС. Германия и Франция заявили о желании пересмотреть условия Шенгенского соглашения, чтобы национальные правительства имели право восстановить контроль над своими внутришенгенскими границами. Французы и немцы неохотно разделяют ответственность с греками, итальянцами, испанцами и поляками за безопасность внешних границ ЕС и не готовы вместе решать проблему наплыва эмигрантов из Северной Африки, Ближнего Востока и Восточной Европы.

Все без исключения страны бывшей Югославии стремятся войти в состав Европейского Союза. С начала 1990-х гг. в политических элитах этих стран сложилось представление, что вхождение страны в ЕС является залогом экономического, социального, культурного процветания, а все трудности будут преодолеваться намного проще в составе единой Европы. Эти настроения подкреплялись финансовой поддержкой ЕС своих новых членов на этапе подготовки вхождения в организацию и в

inslav

период адаптации в новых условиях. Однако не все так просто. Во-первых, для того, чтобы вступить в ЕС претендентам нужно провести ряд серьезных национально-правовых и экономических преобразований в стране – для соответствия общеевропейским стандартам. Во-вторых, стремящиеся в ЕС должны выполнить свои обязательства перед другими международными организациями. Для стран бывшей Югославии это, прежде всего, Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ). Конкретно к каждой из стран региона предъявляется еще ряд требований, на которых мы остановимся далее.

Первой к своей мечте приблизилась Республика Словения. В 2004 г. она вошла в ЕС, а спустя еще три года – в зону евро. В социально-экономическом плане страна ожидала от присоединения к Евросоюзу быстрого развития капиталистических отношений, завершения приватизации не только в промышленности, но в банковской и других финансовых сферах, а также частично в сфере публичных услуг (здравоохранении и коммунальном хозяйстве), развития частной предпринимательской инициативы и на этой основе – ощутимого повышения жизненного уровня населения. Надежды людей были в основном связаны с устранением дефицита потребительских товаров на внутреннем рынке, с отменой всякого рода ограничений в политической, общественной и хозяйственной сферах жизни, с возможностью свободного выезда за границу.

Эти ожидания в основном оправдались, хотя и не всегда в полной мере. Словенская сторона быстро и скрупулезно учитывала все замечания и предложения ЕС, но в то же время не спешила выполнять те требования, которые считала преждевременными и недостаточно обоснованными, стремясь использовать все возможности и резервы для укрепления отечественных предприятий и торговых организаций, для повышения их оснащенности и конкурентоспособности, развития экспортного потенциала. Прежде всего, это касалось приватизации банковского и страхового секторов, которые оставались в основном в собственности государства или под его непосредственным управлением. Руководство Словении, несмотря на давление со стороны ЕС не допустило неконтролируемого процесса проникновения зарубежного капитала в важнейшие отрасли экономики, включая промышленность и сельское хозяйство, в том числе и с помощью запрета на продажу земли иностранцам. Негативные последствия от присоединения к ЕС испытали традиционные отрасли промышленности, сельское хозяйство и переработка сельско-

inslav

хозяйственного сырья, банковская и страховая сферы, столкнувшись с неограниченной конкуренцией более мощных иностранных фирм и организаций.

В настоящее время Словения переживает одну из худших рецессий и один из самых сильных коллапсов финансовой системы среди пораженной кризисом группы из 17 стран, использующих евро. Кризис в Словении может заставить ее просить экстренный «спасательный пакет», чтобы избежать банкротства. Непосредственной причиной такого положения дел стало безудержное кредитование, осуществлявшееся контролируемыми государством банками, которые накачивали деньгами рынок недвижимости и неприбыльные компании, неспособные выплатить свои долги. Однако эксперты видят и более глубокую причину: несмотря на видимость экономической модернизации, Словения так, в сущности, и не перешла от социалистической системы к свободному рынку.

Процентные ставки по словенским государственным облигациям повысились до 7% – то есть до порога, переход которого заставил Грецию, Ирландию и Португалию обратиться за финансовой поддержкой к ЕС. Международный валютный фонд подчеркивает, что рецессия в Словении, считающаяся одной из худших в Евросоюзе, демонстрирует «нежизнеспособность былой словенской экономической модели». Глава Европейского банка реконструкции и развития Сума Чакрабарти (Suma Chakrabarti) недавно дал словенцам ясный совет, заявив: «Открыть свою экономику для внешних инвесторов – в долгосрочных национальных интересах Словении» [1].

Следующей на очереди была Хорватия. Республика Хорватия взяла курс на вхождение в состав ЕС с 2001 г. В то время результаты выборов и социологических опросов показывали высокий уровень «евроскептицизма» в хорватском обществе. К 2007 г. политический климат в Хорватии изменился. Социал-демократы (бывший Союз коммунистов Хорватии), Хорватское демократическое содружество (ХДС) и даже Хорватская партия права, являвшаяся сторонницей изоляционизма во внешней политике, выразили готовность сотрудничать с европейскими структурами. На протяжении 11 лет власти Хорватии приводили законодательство страны в соответствие с требованиями ЕС, приняв более 30 поправок в экономической и политической областях. Но, в

[1] *Стоянович Д.* Дела Словении, звезды среди новых членов ЕС, пошатнулись // http://polemika.com.ua/article-100548.html

inslav

общем страна остается небогатой – ВВП на душу населения в ней составляет 61% от среднего по ЕС [2]. Впрочем, у Польши, Венгрии, Латвии и Литвы цифры доходов примерно те же, а у таких членов ЕС, как Болгария и Румыния, они и вовсе на несколько порядков ниже.

Принятие Хорватии в ЕС планировалось изначально на 2009 г. Однако потом сроки были передвинуты. Европа предъявила Хорватии ряд новых условий, при осуществлении которых страна сможет стать членом ЕС (эффективное судопроизводство, борьба с коррупцией и организованной преступностью, сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии, возвращение сербских беженцев). Реализация этих требований предполагала пересмотр, казалось, «незыблемых» для хорватских политиков оценок хода и последствий балканских войн первой половины 1990-х гг., и в первую очередь – тезиса о том, что Хорватия стала в 1990-х гг. жертвой «великосербской агрессии». С одной стороны, ЕС требует сотрудничать с Трибуналом, с другой – поддерживает тезис о «великосербской агрессии». Во время заседания по вопросу о вступлении Хорватии в ЕС депутат Европарламента Ханнес Свобода заявил, что хорваты заслужили вступление в Союз своим «правильным» отношением к войне в бывшей Югославии.

5 декабря 2011 г. на выборах в новый парламент хорваты сделали ставку на левоцентристский блок. «Когда мы вступим в Евросоюз, нам надо будет сделать многое, – заявил лидер левоцентристской коалиции Зоран Миланович. – Это шанс, чтобы нас признали как маленькую, но открытую страну; перед нами открываются большие возможности» [3]. Однако первый же день 2012 г. ознаменовался для нового хорватского руководства очередным ультиматумом со стороны руководителя «Международной амнистии» в Европе и Азии Николы Дукворса, потребовавшего скорейшего расследования военных преступлений: прежнее правительство этого не делало, игнорируя обращения жертв преступлений и их родственников. В частности, Организацию «Международная амнистия» интересуют персоны Владимира Шекса, заместителя председателя ХДС и Давора Домацета Лоше, адмирала в отставке и бывшего начальника Генерального штаба. «Хорватия еще не выполнила

[2] Центральная и Восточная Европа: уроки мирового кризиса / под ред. к.г.н. Н.В. Куликовой. СПб., 2011. С. 308.

[3] «Кукареку» поведёт Хорватию в Евросоюз // http://news.bcm.ru/world/2011/12/05/333500/1

inslav

всех обязательств перед ЕС по защите прав человека и обязательств по возмещению материального ущерба, оказанию психологической помощи жертвам преступлений»[4]. Выполнить эти требования правительству Хорватии будет сложно, поскольку В. Шекс избран заместителем председателя хорватского Сабора и обладает неприкосновенностью. Не успели хорваты подписать соглашение с ЕС, как главный обвинитель Гаагского трибунала Серж Брамертц призвал хорватские власти к еще более активному сотрудничеству, «если они действительно хотят в ЕС»[5].

Наблюдатели отмечают, что переговорный процесс по вступлению в ЕС долго держался в секрете от общественности. За полгода до голосования только 12% населения было хорошо или очень хорошо информировано о начале работы ЕС и представителей хорватской комиссии[6]. Следует также отметить, что в референдуме в Хорватии приняли участие всего 44% местного населения. То есть большая его часть была против вступления в ЕС или оказалась недостаточно информированной о событии в стране.

Вообще, вступление в Евросоюз благодаря голосам меньшинства становится, по всей видимости, традицией в Европе. Об этом говорят данные голосований на референдумах о вступлении остальных европейских стран в ЕС.

---

[4] Amnesty International poručio Milanoviću: Hitno istraži Šeksa i Domazeta zbog ratnih zločina! // http:// www.jutarnji.hr/template/article/article-print.jsp?id=995883

[5] Hrvatska može izgubiti i 2012. ne riješi li problem s Haagom // http://www.jutarnji.hr/template/article/article-print.jsp?id=391595

[6] Hrvatska ne mora brinuti: Protivnici ulaska u EU najčešće ni ne izlaze na referendum // http://www.jutarnji.hr/template/article/article- print.jsp?id=998763

inslav

Данные о голосовании
по вопросу о присоединении к Европейскому союзу [7]

Государство	Участие в голосовании в %	Голоса «ЗА» в %	Дата референдума (2003 год)
Словакия	52,15	93,71	16–17 мая
Литва	63,37	90,97	10–11 мая
Словения	60,44	89,64	23 марта
Венгрия	45,62	83,76	12 апреля
Польша	58,85	77,45	7–8 июня
Чехия	55,21	77,33	13–14 июня
Латвия	72,50	67,00	20 сентября
Эстония	64,06	66,83	14 сентября
Мальта	90,86	53,64	8 марта

Чем ниже явка населения на референдуме о вступлении в ЕС в той или иной стране была, тем выше был процент голосов «за». А там, где участников голосования больше, – значительно ниже.

1 июля 2013 г. Республика Хорватия стала 28 членом Европейского Союза. В ходе подготовки к вступлению в общеевропейскую семью, Хорватия испытывала и испытывает серьезные экономические трудности. По данным Госкомстата страны, число зарегистрированных безработных достигло максимального уровня за последние десять лет и составил 21,9%. По данным Службы занятости Хорватии, в конце января 2013 г. было зарегистрировано более 372000 безработных, что на 3,8% или на 13800 человек больше, чем месяцем ранее. В январе инфляция в стране составила 5,2% в год, в результате темпы роста потребительских цен оказались ниже, чем ожидалось, но в то же время и самыми высокими за последние четыре года. Больше всего выросли цены на жилье, на 14,3%, воду и электроэнергию, газ и другие виды топлива. На 6,2% зафиксирован рост цен на продукты питания и безалкогольные

[7] Hrvatska ne mora brinuti: Protivnici ulaska u EU najčešće ni ne izlaze na referendum // http://www.jutarnji.hr/template/article/article-print.jsp?id =998763

inslav

напитки, в то время как цены на алкогольные напитки и табак увеличились на 5%. Цены на услуги здравоохранения подросли на 3,4% [8].

В 2012 г. при подготовке к общенациональному референдуму по вопросу о вступлении в ЕС власти Республики Хорватия приводили доводы в пользу подобного шага. Президент Иво Йосипович в своем личном блоге в интернете заверил население, что Хорватия не утратит суверенитета и будет иметь в рамках организации свой самостоятельный и равноправный голос. «Хорватии в ЕС будет обеспечен долгосрочный мир и безопасность, что является предпосылкой для экономического, культурного и любого другого направления». Далее президент пообещал молодежи равные возможности с европейцами в области образования и трудоустройства, программы обмена специалистами. Единый европейский рынок, по мнению И. Йосиповича, также будет полезен для развития хорватской экономики. Кроме того, Хорватия всегда может рассчитывать на «финансовую помощь для тех, кто слабее и менее развит» [9].

Однако чем на практике сможет помочь Европа Хорватии? Если в самой Еврозоне в начале 2013 г. зафиксирован рекордный уровень безработицы – 18,8%. По другим данным, он достигает 25%. В хорватском обществе наблюдаются разочарование и апатия, усиливаются беспокойство за свое будущее и раздражение от неспособности властей стабилизировать экономическую ситуацию. Красноречиво об этом говорят результаты социологических опросов. Только 7% респондентов старше 15 лет выразили желание жить в своей стране. Те, кто чтит историю и традиции, предпочли бы переселиться в Германию, более авантюрные натуры предпочитают переехать в США. Также жители Хорватии не отказались бы эмигрировать в Швейцарию, Австрию, Канаду и Австралию.

Пока призрачные европейские «золотые реки» не потекли в Хорватию, руководство страны вынуждено принимать непопулярные

---

[8] Стопа незапослености у Хрватској највиша у последњих 10 година – 21,9 одсто http://www.advance.hr/vijesti/stopa-nezaposlenosti-u-hrvatskoj-najvisa-u-10-godina-inflacija-najvisa-od-2008-najvise-rasle-cijene-stanovanja-energije-i-prehrane/

[9] Josipović ohrabrio građane putem Facebooka: Ulaskom u EU ne gubimo suverenitet, već dobivamo trajni mir i sigurnost // http://www.jutarnji.hr/ template/ article/article-print.jsp?id=1000111

inslav

меры. На заседании правительства 21 марта 2013 г. министр финансов Славко Линич заявил о начале пересмотра бюджета на текущий год в сторону его сокращения, также будет пересмотрен прогноз экономического роста с 1,8% до 0,7% [10].

Обусловлены действия хорватского правительства и давлением, которое оказывают на руководство международные организации. Международное рейтинговое агентство Moody's Investors Service, занимающееся присвоением кредитных рейтингов, исследованиями и анализом рисков, в конце 2012 г. заявило, что не верит в оздоровление экономики Хорватии. Аналитики агентства раскритиковали политику коалиции Kukuriku («Кукареку»). Так, по-петушиному, в Хорватии прозвали левоцентристский блок оппозиции по названию ресторана, где они вели переговоры о создании союза. 5 декабря 2011 г. коалиция одержала победу на парламентских выборах. В нее входят Социал-демократическая партия (СДП), лидером которой является депутат парламента последнего созыва Зоран Миланович, а также Хорватская народная партия, Истрийская демократическая ассамблея и Хорватская партия пенсионеров. Представителей Moody's не устроила политика нового руководства, ориентированная на поддержание кредитного рейтинга, и конкретные планы хорватского правительства: «Хорватия станет одним из тех государств, которые не смогут использовать позитивный эффект от вхождения в ЕС. И все это потому, что они не идут на реформы и не сокращают расходы государственного сектора» [11]. Эксперты также считают, что Хорватии не стоит рассчитывать на инвестиции, так как существующая модель роста экономики не привлекательна для потенциальных инвесторов. Негативный кредитный рейтинг может лишить Хорватию европейской помощи.

На фоне вышеперечисленных негативных тенденций становится понятным неожиданный поворот Хорватии в сторону России. Так, стремясь в объединенную Европу, Республика Хорватия – одна из немногих – активно демонстрировала свою незаинтересованность в участии в проекте «Южный поток», который осуществляется для перераспределения

[10] Vlada o rebalansu - Milanović: 'Režemo rashode, ali dajemo više za znanost' // http://www.jutarnji.hr/na-sjednici-vlade-rebalans-proracuna-gdje-ce-liniceve-skare-najvise-odrezati-/1092149/

[11] Agencija Moody's ne vjeruje u oporavak hrvatskog gospodarstva // http://www.vecernji.hr/vijesti/agencija-moody-s-ne-vjeruje-oporavak-hrvatskog-gospodarstva-clanak-477258

inslav

путей поставок российского природного газа в Европу. Это было продиктовано как обещанными ЕС инвестициями, так и политическими мотивами, чтобы не раздражать европейских коллег излишним интересом к России. Однако, когда проект ожил и был перенесен из кабинетов на строительные участки, стало ясно, что он может принести хорватской экономике долгожданные инвестиции и рабочие места. А намеки российской стороны на то, что проект может и не затронуть хорватской территории, ускорил процесс переговоров. Правительство Хорватии теперь объявило сотрудничество с Россией государственным приоритетом.

«Газпром» и хорватский национальный газотранспортный оператор «Plinacro» подписали 17 января 2013 г. в Загребе соглашение о строительстве ответвления газопровода «Южный поток» в Хорватию. Строительство 100-километровой ветки планируется начать в июле 2015 г., а завершить – в конце 2016 г. Стоимость проекта оценивается в 60 млн. евро. Пропускная способность газопровода, который будет проложен от Сербии на восток Хорватии, составит 2,7 млрд. куб. м газа в год [12].

Таким образом, Хорватии приходится лавировать между внешнеполитическими союзниками, социальными проблемами внутри страны, учитывая национальные интересы и необходимость решения насущных экономических задач.

Европейский Союз планирует принять в свои ряды и другие страны бывшей Югославии. Еще в 2009 г. организация отменила визы для Македонии, Черногории и Сербии. В 2010 г. к ним присоединились Албания и Босния и Герцеговина. В ноябре 2010 г. новый состав Еврокомиссии во главе со Штефаном Фюле обнародовал доклад по вопросу о расширении ЕС. Исполнительная власть Евросоюза, по словам Фюле, высказалась в поддержку вступительных переговоров с Македонией, а также подтвердила европейскую перспективу для Боснии и Герцеговины и для Косова [13].

На сегодняшний день ближе всех из оставшихся республик бывшей Югославии к членству в ЕС Черногория. Путь от решения

---

[12] Газпром доведет «Южный поток» до Хорватии // РБК, Экономика, 17.01.2013 // http://top.rbc.ru/economics/17/01/2013/840869.shtml

[13] Представлен первый «новейший» доклад о расширении Евросоюза. Брюссель, ноябрь, 2010 г. //http://ru.tsn.ua/svit/pred-pervyy-noveyshiy-doklad-o-rasshirenii-evrosoyuza.html

inslav

вступить в Евросоюз до получения статуса кандидата Черногория преодолела вдвое быстрее Хорватии. Заявка была подана в 2008 г. Но до желанного вступления в организацию еще далеко. Руководство ЕС не устраивает высокий уровень коррупции и организованной преступности в Черногории. Не собираются мириться европейцы и с клановым устройством черногорской власти.

Кроме того, власти Черногории успели вступить в конфликт с ЕС, объявив в 2010 г. о предоставлении своего гражданства всем иностранцам, которые инвестируют в страну не менее 500 тысяч евро. Такая «распродажа паспортов» возмутила Еврокомиссию, опасающуюся, что через Черногорию, у которой безвизовый въезд в ЕС, в Европу хлынут «нежелательные личности». Действие этой программы было приостановлено лишь за сутки до публикации доклада о перспективах расширения ЕС [14].

Намного сложнее и серьезнее складываются отношения ЕС с Сербией и Македонией. Наблюдается постоянное давление на руководство Сербии. Ей четко дали понять, что без урегулирования проблемы Косова европейская перспектива сербам не «светит». Вопреки многим мрачным прогнозам, Сербия получила статус кандидата на членство в ЕС. Дата начала переговоров о членстве в ЕС стала очередным инструментом для манипуляции и ультиматумов. Европейские политики открыто вмешиваются в переговорный процесс по Косову. Они настаивают на роспуске сербских органов самоуправления в северных районах края. А это означает поражение немногих сохранившихся прав сербов в Косове. Бесправие «ассоциаций сербских муниципалитетов», на чем активнее всех настаивает Германия, приведет к окончательному вытеснению сербов из края. Рассчитывая, возможно, «железным кулаком дипломатии» добиться определенных результатов, Берлин серьезно заблуждается. Результатом постоянного давления становится уменьшение поддержки граждан европейской интеграции.

19 апреля 2013 г. был подписан Договор о принципах нормализации отношений между Сербией и Косовом. Он регулирует вопросы пограничных переходов, создания в Косове единой таможенной зоны, учреждения «канцелярий по связям» в Белграде и Приштине, параметров

---

[14] *Бондаренко Д.* Евросоюз прирастает Балканами // Экономические известия № 196, 11.11.2010 // http://www.ukrrudprom.ua/digest/Evrosoyuz_prirastet_Balkanami.html

inslav

присутствия Косова на международных форумах, взаимного признания университетских дипломов и личных документов. Сербия добилась создания Объединения (Ассоциации) сербских общин в тех районах, где они составляют большинство. И, хотя Объединение будет иметь председателя, скупщину и вече (как некий вид правительства), все уровни властных общинных структур будут интегрированы в республиканские, теперь уже независимые косовские, структуры. Жизнь общин будет регулироваться косовскими законами [15].

Подчиняясь требованиям Европы, Сербия ущемляет свои собственные геополитические и внутренние интересы. В результате окончательного отделения Косова, страна утратит часть своей территории, получив на границах нежизнеспособное криминализированное образование.

Македония получила статус кандидата в члены ЕС еще до Сербии. Однако переговоры не могут начаться по причине спора из-за ее названия. Греция отказывается признавать страну под названием «Республика Македония», опасаясь претензий на свою одноименную область. Она наложила вето на дальнейшие переговоры о вступлении Македонии в ЕС. Македонцы принципиально не согласны с вариантом – «Республика Скопье». Сейчас «дело о названии» рассматривает Гаагский суд, но решения пока нет.

Одним названием проблемы Македонии не исчерпываются. Почти четверть населения страны составляют албанцы. Тема отделения населенных албанцами западных районов страны с повестки дня не снята. Кроме того, Болгария не признает македонский язык самостоятельным, считая его диалектом болгарского. Так что понятно, почему ЕС не торопится принимать Македонию в свои ряды.

Но хуже всего обстоит дело с евроинтеграцией Боснии и Герцеговины (БиГ). Евросоюз много лет стремился к стабильности в этом регионе. Однако только местные мусульмане заинтересованы в централизации. Глава Республики Сербской Милорад Додик открыто говорит о нежизнеспособности БиГ: «Политическая воля в Боснии и Герцеговине – полностью распылена. Воля определенной части мира – полностью сфокусирована на нас. Ее представители желают продолжить эксперимент под названием «Босния и Герцеговина», несмотря на то, что

[15] Цит. по: *Гуськова Е.Ю.* Спокойствие в Косове мнимое, а напряжение – высокое // http://rus.ruvr.ru/2013_10_01/Spokojstvie-v-Kosove-mnimoe-a-naprjazhenie-visokoe-7180/

inslav

он уже столько раз оказывался неудачным. Нам уже надоело быть химическими элементами, закладываемыми иностранцами в пробирку и перемешиваемыми, чтобы добиться результата, которого добиться невозможно. Химические элементы у нас не соединяются... Будет ли существовать Босния и Герцеговина – кто на это ответит? Может быть философы...» [16]. Местные хорваты добиваются выделения отдельной хорватской национальной единицы, препятствуя формированию общебоснийских органов власти. В результате БиГ не может даже подать заявку на членство в Евросоюз. «Страна еще не сформировала правительство государственного уровня, и отсутствие общего видения политическими лидерами направления движения страны продолжает блокировать проведение ключевых реформ, относящихся к ЕС» [17], – с сожалением констатировала Еврокомиссия. Поэтому вступление Боснии и Герцеговины в Евросоюз – это вопрос очень отдаленной перспективы.

Зачем Европе страны бывшей Югославии? С экономической точки зрения эти регионы давно интегрированы в общеевропейскую систему. Вопрос присоединения к ЕС Хорватии, Сербии, Черногории, Македонии и БиГ политический. Вопрос о членстве в Евросоюзе давно стал предметом для манипуляций, способом оказания давления на руководство той или иной страны. Присоединение стран бывшей Югославии позволит контролировать политические элиты, ориентировать их в нужном для Европы направлении. В то же время сможет ли Европа справиться со сложными региональными разногласиями, решить межнациональные конфликты, когда внутри ее самой усиливаются и разрастаются кризисные явления?

---

[16] *Лагунина И.* Эксклюзивное интервью с президентом Республики Сербской в Боснии Милорадом Додиком. – 12.10.2011 // http://www.svoboda.org/content/transcript/24358237.html

[17] Цит. по: *Трухачев В.* ЕС готов поглотить бывшую Югославию // http://www.otechestvo.org.ua/main/201110/1718.htm

inslav

А.И. Филимонова
Москва

Сербия и процесс атлантической интеграции

Югославия традиционно являлась объектом политики ряда государств, прежде всего, Германии, США, Великобритании, стремящихся к разделению страны на этнические составляющие с последующей реколонизацией. Они тяготели к «возвращению Балкан в Европу», к их интеграции в неолиберальную экономическую систему.

В период администрации Р. Рейгана агрессивная стратегия США была направлена на подрыв советской экономики, дестабилизацию государства и – в конечном итоге – уничтожение коммунистической системы. Одновременно США взяли аналогичный курс в отношении стран Восточной Европы, включая Югославию. В сентябре 1982 г., в то время, когда регион еще выглядел стабильным, а Берлинской стене предстояло стоять еще семь лет, в США была принята президентская директива – National Security Decision Directive (NSDD) № 54, «Политика США в отношении Восточной Европы» [1], названная доктриной «тихой революции по ликвидации коммунистических правительств и партий». В марте 1984 г. в отношении Югославии принимается специальный документ – National Security Decision Directive (NSDD) № 133, «Политика США в отношении Югославии» [2].

Эти два документа, взятые вместе, выявляют единую, четкую геополитическою схему деятельности Государственного департамента. В то время как первый документ утверждает «долгосрочные цели США в Восточной Европе» по «содействию ее реинтеграции в Европейское сообщество наций», на пути к которой должно быть устранено препятствие в виде коммунистических режимов, второй документ определяет политику

---

[1] National Security Decision Directive 54, «United States Policy Toward Eastern Europe», SECRET, the White House, Washington, September 2, 1982. // http://www.reagan.utexas.edu/archives/reference/Scanned%20NSDDS/NSDD54.pdf

[2] National Security Decision Directive 133, «United States Policy Toward Yugoslavia», SECRET SENSITIVE, the White House, Washington, March 14, 1984. // http://www.reagan.utexas.edu/archives/reference/Scanned%20NSDDS/NSDD133.pdf

inslav

США в отношении Югославии «в направлении эффективной, рыночно-ориентированной экономической структуры... и расширения экономических связей США с Югославией путями, ведущими к взаимной выгоде обеих стран и усиливающими связь Югославии с индустриальными демократиями».

Следовательно, фундаментальная задача США в отношении Югославии формулировалась аналогично той, что была поставлена применительно к Болгарии, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Польше и Румынии: капиталистическая трансформация с перспективой превращения Юго-Восточной Европы в зону американского влияния. Более узконаправленная директива NSDD № 133 утверждала механизмы ее реализации – предоставление стране режима наибольшего благоприятствования, займов Международного валютного фонда, реструктурализации долга, в области культуры, реформ образования и т. д. [3].

В начале XXI в. политические элиты, пришедшие к власти на постюгославском пространстве, приступили не только к переформатированию внутриполитического пространства, но и к изменению внешнеполитического курса своих стран. В настоящее время ориентация стран Западных Балкан характеризуется в основном как проевропейская и проатлантическая. Новая геостратегическая картина региона такова: шесть государств являются членами НАТО (Греция, Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия и Албания); четыре государства участвуют в программе Партнерство во имя мира (Македония, Сербия, Черногория и Босния и Герцеговина); в Косово и Метохии (автономный край Республики Сербии) размещены международный контингент КФОР (под руководством НАТО) и военные базы США и НАТО.

Внешнеполитическим приоритетом стран-республик бывшей Югославии является безальтернативный тезис о вступлении в Европейский союз. Однако столпом политики безопасности ЕС является именно Североатлантический альянс. Маастрихтский договор 1992 г. – первый документ Евросоюза, в котором упоминается НАТО. На встрече министров НАТО в Берлине (июнь 1996 г.) было достигнуто соглашение о том, что формирование системы европейской безопасности и обороны будет проходить в рамках структур НАТО, что позволяет европейским странам разворачивать собственные автономные военные операции там, куда аль-

[3] Sean Gervasi Germany, U.S., and the Yugoslav Crisis // http://www.tmcrew.org/news/nato/germany_usa.htm

inslav

янс не хочет вовлекать свои силы напрямую (соглашение было дополнено в 2003 г. и получило название «Берлин плюс»).

Операция в Косово и Метохии (1999 г.) положила начало формированию Европейской системы безопасности и обороны (ESDP, European Security and Defence Policy – Общая политика в области безопасности и обороны). Во время бомбардировок СРЮ (1999) в силу вступил Амстердамский договор об «акциях гуманитарного характера по поддержанию мира и управлению кризисами». Суть его заключалась в предоставлении НАТО со стороны ЕС широкого спектра полномочий, создание «гражданских мощностей управления кризисами и их предоставление в распоряжение НАТО».

Развитие соглашение «Берлин плюс» получило в конце 2004 г., когда была разработана концепция «Всесторонней стратегии», в центре которой – проблема координации военного и гражданского аспектов операций альянса, в частности, – усиление «гражданского компонента». На саммите НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г. не только удалось выработать общие принципы военно-гражданской стратегии, но и, при отсутствии в НАТО специфического «гражданского контингента», создать инструмент оперативной поддержки «всесторонней стратегии». Таким инструментом стал Отдел военно-гражданского сотрудничества НАТО (CIMIC) и его подразделений, представляющий собой военную структуру, отвечающую за «сотрудничество» вооружённых сил с гражданским населением и администрацией. Основной функцией CIMIC является сопровождение операций вооружённых сил на местности посредством пропагандистской и логистической поддержки. Если «всестороннюю стратегию» следует рассматривать скорее в качестве психологической установки, то CIMIC является основным военным инструментом, с помощью которого страны альянса закрепляют результаты проведения военных операций в тесном взаимодействии с местными гражданскими учреждениями и организациями.

Таким образом, принятые на саммите 2010 г. Лиссабонский договор и Новая стратегическая концепция позволяют комбинировать гражданскую и военную активность двух организаций: «мягкую силу» – ЕС с «твердой» – НАТО, что облегчает широкомасштабное развертывание трансатлантических акций. С этого времени европейская политика в области безопасности и обороны получила принципиально новое направление развития с ярко выраженным акцентом на подчинение военным целям «гражданского потенциала».

inslav

Для России в силу духовно-исторических, геополитических и экономических причин ключевым является развитие линии взаимодействия НАТО и Сербии, применительно к которой альянс апробировал модель разрушения государственного суверенитета и территориальной целостности. «Результатом» военной агрессии НАТО против СРЮ 1999 г. стало 4 тыс. убитых и 8 тыс. раненых, из которых 2/3 – гражданское население; более 250 тыс. сербов и других неалбанцев, изгнанных с территории Косова и Метохии, которые и сейчас, спустя 15 лет после агрессии, не могут вернуться в родные края; формирование квазигосударственного криминально-девиантного образования «Республика Косова», являющаяся источником радикальных исламских движений, организованной преступности и наркотрафика глобального уровня.

Одним из основных результатов военной операции альянса против Сербии стало получение им доступа к использованию инфраструктуры страны. Так, пункт о свободном переходе войск НАТО через территорию Сербии содержится в ряде соглашений – Дейтонском (Военное Приложение, ст. 2 и 3) от 1995 г., соглашении в Рамбуйе (Приложение А, пункт 8 и 11, подписать которое сербская делегация отказалась) от февраля 1999 г., Кумановском Военно-техническом соглашении, Резолюции 1244 СБ ООН 1999 г. и в соглашении Вук Драшкович-Яап де Хоп Схеффер от 18 июля 2005 г. Последний документ предусматривает беспрепятственное использование натовскими подразделениями дорог, аэродромов на территории тогда еще существовавшего государственного союза Сербии и Черногории, прежде всего, в случае серьезных волнений в Косово. Натовские подразделения освобождались от таможенного, полицейского и судебного контроля (например, в случае ДТП они располагали судебным иммунитетом). Оппозиция Сербии назвала соглашение Драшкович-Схеффер «позорным» и «предательским».

Согласно резолюции Народной скупщины (декабрь 2007 г.) в Сербии провозглашен военный нейтралитет. Однако это не помешало Сербии участвовать в двух главных программах по сотрудничеству с альянсом: Партнерство во имя мира и Евроатлантический партнерский совет. Данные организационные структуры являются основными для политической инфильтрации различных неправительственных организаций-«спутников НАТО» (обеспечивающих пропагандистскую поддержку атлантического пути и «ценностей» НАТО) и практического сотрудничества.

В частности, НАТО настаивает и вместе с властями Сербии осуществляет реформы в различных сферах: реформу ведомства обороны,

inslav

системы госбезопасности с целью «усиления военной «интероперабильности» Армии Сербии с государствами-членами НАТО и для участия в международных операциях альянса. Совместно с альянсом в Сербии основана Группа по реформе обороны НАТО-Сербия, состоящая из шести рабочих подгрупп, каждые четыре месяца она регулярно проводит совместные заседания с представителями альянса. При содействии специалистов НАТО идет процесс сокращения сербской армии (из ее рядов исключаются все те, кто служил во времена С. Милошевича). В 2010 г. была открыта Миссия Сербии в НАТО (дипломатическая миссия была усилена представителями военных структур Сербии).

Армия Сербии, Министерство внутренних дел и медицинский персонал принимают участие в миссиях ООН (Конго, Либерия, Кот-Д'Ивуар, Чад, Кипр, Ливан, Сомали, Гаити) и выражают готовность участвовать в миссиях ЕС. Однако, учитывая взаимное проникновение структур НАТО и ЕС в аспекте «мирных миссий», это означает, что в определенный момент, официально не участвующей в миссиях НАТО, для Сербии возникает точка соприкосновения с ними.

В октябре 2009 г. Скупщина Сербии приняла Стратегию национальной безопасности и Стратегию обороны. В первом документе, помимо прочего, указывается: РС выступает за региональное сотрудничество в области совместного обучения и использования части системы безопасности в мультинациональных операциях и в управлении кризисами [4]. Во втором речь идет, в том числе, о «достижении интероперабильности с системами обороны государств, включенных в программу Партнерство во имя мира» [5].

Заключено Соглашение об обмене секретной информацией между ЕС и Сербией. Подобное же соглашение заключено между Сербией и НАТО (октябрь 2008 г.), оно позволяет обмен секретной и оперативной

---

[4] Стратегија националне безбедности Републике Србије. Београд, октобра 2009. године http://www.mod.gov.rs/cir/dokumenta/strategije/usvojene/Strategija%20nacionalne%20bezbednosti%20Republike%20Srbije.pdf С. 20.

[5] Стратегија одбране Републике Србије. Београд, октобра 2009. године // http://www.mod.gov.rs/cir/dokumenta/strategije/usvojene/Strategija%20odbrane%20Republike%20Srbije.pdf С. 13.

inslav

информацией между Республикой Сербией и Альянсом [6] – по сути, легализуется поток информации, получаемой Альянсом от сербских служб безопасности. Военное сотрудничество проходит по линии обучения сербских подразделений для участия в мультинациональных операциях. И все это осуществляется, несмотря на то, что в Сербии около 70% населения выступает резко против членства в Альянсе.

Главными относительно линии сотрудничества НАТО-Сербия являются три договора с США [7], представленные на рассмотрение Народной Скупщины Республики Сербия в конце мая – начале июня 2009 г. и ратифицированные ею.

Первый законопроект – подтверждение Соглашения между правительством Сербии и Черногории и правительством США о сотрудничестве в области нераспространения оружия массового поражения и развития оборонных и военных отношений, подписанное в Белграде еще 5 апреля 2006 г. Ст. 7 данного документа освобождает солдат и другой персонал США от уголовной ответственности в случае «смерти или повреждения кого бы то ни было на территории Сербии и Черногории». Ст. 10 Соглашения предусматривает, что оснащение, материалы и другие средства правительства США и его договорных партнеров (в том числе частных военных кампаний), ввозимые и вывозимые, не будут подвергаться таможенному или любому иному контролю со стороны сербских властей. Следовательно, Армия США и частные кампании,

---

[6] Споразум између Владе Републике Србије и Организације Северноатлантског пакта о безбедности информација // http://www.mod.gov.rs/cir/aktuelno/bezbednosni_sporazum/011008_sporazum_rs_nato.pdf

[7] ЗАКОН О ПОТВРЂИВАЊУ СПОРАЗУМА О СНАБДЕВАЊУ И УЗАЈАМНИМ УСЛУГАМА ИЗМЕЂУ МИНИСТАРСТВА ОДБРАНЕ РЕПУБЛИКЕ СРБИЈЕ У ИМЕ ВЛАДЕ РЕПУБЛИКЕ СРБИЈЕ И МИНИСТАРСТВА ОДБРАНЕ СЈЕДИЊЕНИХ АМЕРИЧКИХ ДРЖАВА // HTTP://WWW.PARLAMENT.GOV.RS/;

ЗАКОН О ПОТВРЂИВАЊУ СПОРАЗУМА ИЗМЕЂУ ВЛАДЕ СРБИЈЕ И ЦРНЕ ГОРЕ И ВЛАДЕ СЈЕДИЊЕНИХ АМЕРИЧКИХ ДРЖАВА О САРАДЊИ У ОБЛАСТИ СПРЕЧАВАЊА ШИРЕЊА ОРУЖЈА ЗА МАСОВНО УНИШТЕЊЕ И УНАПРЕЂИВАЊУ ОДБРАМБЕНИХ И ВОЈНИХ ОДНОСА // HTTP://WWW.PARLAMENT.GOV.RS/;

ЗАКОН О ПОТВРЂИВАЊУ СПОРАЗУМА ИЗМЕЂУ ВЛАДЕ РЕПУБЛИКЕ СРБИЈЕ И ВЛАДЕ СЈЕДИЊЕНИХ АМЕРИЧКИХ ДРЖАВА О ЗАШТИТИ СТАТУСА И ПРИСТУПУ И КОРИШЋЕЊУ ВОЈНЕ ИНФРАСТРУКТУРЕ У РЕПУБЛИЦИ СРБИЈИ // HTTP://WWW.PARLAMENT.GOV.RS/

inslav

которые она привлечет к сотрудничеству на основе договоров, смогут свободно ввозить в Сербию все, что посчитают нужным, включая различные виды вооружения, опасные материалы и т. д. без каких бы то ни было проверок. Ст. 11 указанного Соглашения предоставляет США право строить объекты на территории Сербии в соответствии с правилами США.

Второй документ – Соглашение о снабжении и взаимных услугах («УСА – СРБ 01») между министерством обороны Республики Сербии и министерством обороны США, подписано в Белграде 8 ноября 2006 г. По этому соглашению Сербия обязуется оказывать поддержку США по логистике. Точнее, как указывается в ст. 2 – «поддержку по логистике, резервам и обслуживанию».

Третий документ – Соглашение между правительством Республики Сербия и правительством США о защите статуса, доступа и использования военной структуры в Республике Сербии или т. н. СОФА – договор [8]. Его подписали Борис Тадич и Кондолиза Райс в Вашингтоне 7 сентября 2006 г. Министерство обороны Республики Сербии скрывало этот договор от общественности почти год.

Как указывается в преамбуле, договор заключается, «принимая во внимание стремление обеих сторон разделить ответственность в поддержке вооруженных сил Соединенных Штатов, которые бы могли пребывать в Республике Сербии» по линии сотрудничества. Под вооруженными силами подразумевается «совокупность личного состава США, имущества, снаряжения и средств Вооруженных сил США, которые находятся на территории Сербии», которые могли бы «временно находиться на территории Республики Сербии в связи с действиями, вытекающими из данного договора». Точно так же на территории Сербии могут пребывать «юридические и физические лица по договору с США (частные военные кампании, привлеченные на основе договора). «Сербия обеспечит Соединенным Штатам доступ и использование тех объектов, которые будут необходимы для осуществления Программы межгосударственного

[8] Status of Forces Agreement (SOFA) – Соглашение о статусе войск. Международный договор, определяющий правовое положение вооруженных сил одного государства (или военного блока) при нахождении на территории другого государства. Подобные договоры регулируют вопросы о правах и привилегиях иностранных военнослужащих, юрисдикции военнослужащих и грузов.

inslav

партнерства и других действий, относительно которых стороны придут к соглашению, включая, помимо прочего, объекты, связанные с транспортировкой, складированием и обучением», и это «без компенсации», указывается в ст. 2 Договора. Ст. 4 говорит, что персонал США может прибывать и оставлять территорию Республики Сербии (Косово и Метохию Вашингтон не рассматривает как территорию Сербии) только с личными документами, выданными со стороны США. В ст. 7 данного договора указывается, что «Вооруженные силы и персонал Соединенных Штатов могут ввозить, вывозить и использовать в Республике Сербии предметы личного употребления, оснащение, средства, материал, технологии, оборудование для обучения и обслуживания в рамках реализации данного договора. Ввоз, вывоз и использование будут освобождены от инспектирования, разрешений, других ограничений, уплаты таможенных пошлин и других видов налогообложения, существующего в Республике Сербии».

Статус неприкосновенности американцев вытекает и из п. 2 ст. 7: «Авиация, транспортные средства и суда США освобождаются от инспектирования». Положения пп. 1–3 ст. 8 договора СОФА указывают: «Вооруженные силы США могут заключать договоры, которые относятся к поставке материалов, средств и оборудования, как и оказанию услуг (включая строительные) в Республике Сербии без ограничений в отношении выбора партнеров, поставщиков и лиц, предоставляющих товары и услуги согласно нормам США». Точно также все юридические и физические лица, заключившие договор с США, трактуются в Сербии как Вооруженные силы США. Ст. 9 соглашения предусматривает, что СОФА Армия США и частные кампании, которые она привлекает, получают право на правовой иммунитет даже в случае совершения уголовных преступлений на территории Сербии: «стороны по договору отказываются от прав предъявлять друг к другу претензии о предоставлении какой бы то ни было компенсации за ущерб, утрату или уничтожение имущества, повреждение или смерть персонала любой из сторон, которые произойдут в ходе выполнения их официальных обязанностей по договору СОФА». Далее указывается, что «требования третьей стороны о возмещении ущерба или утрат, нанесенных персоналом США, будут решать США в соответствии с законами и нормами США».

Договаривающиеся стороны берут обязательства свои «спорные вопросы не разрешать ни перед какими судами, соответственно, не выносить их на решение третьей стороны». П. 2 ст. 13 договора СОФА гласит: «В случае, если в будущем обе стороны подпишут схожие соглашения,

inslav

содержащие положения, противоречащие статьям данного договора, то применяются статьи данного договора». Это значит, что договор СОФА занимает высшую иерархическую позицию в Сербии по отношению к аналогичным соглашениям в будущем. В феврале 2011 г. в Сербии был принят Индивидуальный акционный план партнерства как интенсивная форма взаимодействия с НАТО в рамках Программы Партнерство во имя мира (Individual Partnership Action Plan). Заключительная Декларация Чикагского саммита НАТО (май 2012 г.) рекомендует Сербии развивать двустороннее сотрудничество с НАТО в политической сфере и в секторе безопасности, что рассматривается как важный этап всеохватывающего взаимоотношений Сербии с НАТО [9].

16–17 января 2013 г. в Брюсселе состоялось 168-ое совещание министров обороны стран-членов НАТО. Министры сфокусировались на трех ключевых аспектах: военные операции, партнерство и трансформация альянса в глобальный фактор международных отношений. Особенно подчеркивалась гражданская миссия НАТО – развитие «умной обороны» и усиление сил ЕС в рамках альянса. «Умная оборона» (Smart Defense) – концепция, принятая на саммите НАТО в Чикаго (май 2012 г.), является составным элементом стратегии «НАТО-2020». Именно «умной обороне» придается особое значение в проведении мультинацональных операций, усилении военной мощи ЕС и укреплении трансатлантической оси. В результате совещания был одобрен пакет мультинациональных проектов, предназначенных для усиления оперативной эффективности при взаимодействии сил стран-членов НАТО. По сути, планируется преобразование вооруженных сил стран-членов альянса (за исключением США и других великих держав) таким образом, чтобы они стали неэффективными вне его рамок.

В мае 2012 г. после парламентских и президентских выборов в Сербии произошла смена правящей гарнитуры. Демократическую партию президента Б. Тадича сменила Сербская прогрессивная партия во главе с Т. Николичем (позднее пост лидера партии перешел к вице-премьером А. Вучичу). Однако вопреки предвыборным обещаниям об отказе от подчинения внутри- и внешнеполитической жизни страны ин-

[9] Participation of the Republic of Serbia in the Partnership for Peace Programme // Ministry of Foreign Affairs Republic of Serbia. http://www.mfa.gov.rs/en/foreign-policy/security-issues/partnership-for-peace-programme

inslav

тересам евроатлантических центров силы новая правящая коалиция последовала еще более жесткому и ярко выраженному прозападному курсу.

12 июля 2013 г., в период проведения так называемой реконструкции правительства, директор белградского Форума межэтнических отношений Душан Янич заявил, что в предстоящем году правительство Сербии официально обнародует изменение политики и потребует членства в НАТО. Янич полагает, что отношение Сербии к НАТО после принятия новой стратегии альянса и ухода Б. Тадича с поста президента изменилось, в сторону сближения, «вопреки кажущейся абсурдности ситуации, когда бывшие сторонники Сербской радикальной партии тяготеют к членству в НАТО более, нежели «прозападный» Борис Тадич». Принятием Брюссельского соглашения [10], подтверждающего территориальную целостность и суверенитет «Республики Косова», указывает Янич, Сербия устраняет препятствия на пути своего вступления в ЕС и НАТО [11]. Сигналы, подобные заявлению Янича, ясно свидетельствуют о том, что относительно Сербии в планах «международного сообщества» произошел коренной поворот: именно атлантическая интеграция выдвигается для Сербии на приоритетное место, в то время как европейская обусловливается бесконечными оговорками и отодвигается на неопределенный срок.

24 мая 2013 г. Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен в ходе визита в Румынию провозгласил необходимость развития партнерства с НАТО для стран Западных Балкан, Восточного партнерства, Молдавии и Южного Кавказа. Новая фаза атлантической интеграции связана с планами установления антиракетного щита в Европе, которое должно, по словам Генсека НАТО, пройти в три этапа и завершится к 2018 году [12]. 5 июля 2013 г. Фог Расмуссен четко определил цели альянса

---

[10] Очередная серия переговоров Белграда и Приштины завершилась заключением 19 апреля 2013 г. Брюссельского соглашения. Соглашение предусматривает, в нарушение Резолюции СБ ООН № 1244 и Конституции Республики Сербии, согласно которым Косово и Метохия является территорией Республики Сербии, передачу территории КиМ, включая север края, населенный подавляющим большинством сербов, в распоряжение нелегитимной власти самопровозглашенной «Республики Косова».

[11] http://www.vaseljenska.com/politika/srbija-ce-traziti-prijem-u-nato/

[12] http://www.rts.rs/page/stories/sr/story/10/Svet/1330204/Vrata+NATO-a+otvorena+za+zapadni+Balkan.html

inslav

в Сербии, которые прежде обозначались в преимущественно завуалированной форме: «Будущее Сербии – в структурах Европейского союза и Североатлантического альянса».

Причина, по которой Сербию вовлекают в альянс, очевидна. Эта страна в стратегическом и экономическом аспектах – самый значимый фактор в Балканском регионе. По словам Генсека, «Сербия – это ключевой игрок в регионе Западных Балкан». Обретя в Сербской прогрессивной партии во главе с вице-премьером Александром Вучичем удобного для себя партнера, альянс открыто заявляет о новом барьере, который на пути вступления в ЕС придется взять Сербии, – членстве в НАТО как «наилучшей стратегической перспективе». Забыть о бомбардировках и о том факте, что НАТО воспринимается как непримиримый враг Сербии предлагается по той простой причине, что, по словам Фог Расмуссена, «с 1999 г. ситуация изменилась».

Сербская армия, отмечает Расмуссен, также может быть полезной – в плане реформирования и модернизации, «используя богатый опыт НАТО в трансформации вооруженных сил». При этом, вне всякого сомнения, перевооружение ВС Сербии по стандартам НАТО поставит под угрозу военно-техническое, и не только, сотрудничество с Российской Федерацией. Однако Белград берет курс на взаимодействие с НАТО. Так, например, глава Генштаба Армии Сербии генерал Любиша Дикович указывает, что «сотрудничество с российскими вооруженными силами не является препятствием для сотрудничества с армиями государств-членов НАТО» [13]. Глава альянса, со своей стороны, бьет по нескольким целям сразу, впервые столь ясно отождествляя европейскую и атлантическую интеграцию: «для Сербии непосредственным преимуществом станет тесное партнерство с НАТО. Но в широком политическом контексте я также считаю, что Сербия будет в выигрыше от близкого сотрудничества не только с ЕС, но и с НАТО. Дело заключается в том, что критерии, необходимые для вступления в ЕС, те же, что необходимы для сотрудничества через Партнерство во имя мира. Следовательно, ЕС и НАТО дополняют друг друга» [14].

---

[13] http://www.nspm.rs/hronika/ljubisa-dikovic-saradnja-s-kforom-umanjuje-mogucnost-tenzija-na-jugu-srbije.html

[14] http://www.danas.rs/danasrs/politika/buducnost_srbije_je_u_nato.56.html?news_id=263851

inslav

Одновременно Расмуссен предупредил, что альянс не потерпит отступления от Брюссельского соглашения: «истинное применение соглашения жизненно необходимо», посылая недвусмысленную угрозу косовским сербам и всем несогласным с антиконституционный передачей части своей территории другому государству: «мы будет готовы отреагировать в случае любой попытки 'торпедирования' прогресса» [15]. Заместитель помощника госсекретаря США Филип Рикер также не менее внятно обозначил внешнеполитические приоритеты США на Балканах: «Те, кто сопротивляются применению соглашения о нормализации отношений Косова и Сербии, по сути, противостоят политике США» [16].

В то же время, в мае 2013 г., в Белграде по адресу Булевар Кнеза Александра Карагеоргиевича, 92 (в самом престижном районе – Дединье) было открыто новое посольство США. Стоимость строительства, начатого еще в феврале 2010 г., составила примерно 140 млн долларов. Однако, поскольку внешняя политика Госдепа своей природы изменить не может, за диковинным фасадом нового комплекса, занимающего площадь в 14 тыс. кв. м, маскируется одна из крупнейших в регионе цитаделей разведывательного комплекса.

В посольстве США в Белграде работает Канцелярия по сотрудничеству в области обороны, фактическое руководство осуществляет Европейское командование сил США (EUCOM). Оно отвечает за координацию активности по Программе помощи в области безопасности, Программы сотрудничества в области обороны с министерством обороны Сербии и Программы государственного партнерства с Национальной гвардией Огайо. Сотрудничество развивается в сферах военно-образовательной и гуманитарной помощи. Марко Савкович (Белградский центр политики безопасности) отмечает, что «вопреки тому, что политики говорят ради популярности и голосов на выборах, сербская армия меняется – в соответствии со стандартами НАТО».

Глава Канцелярии по военному сотрудничеству США в Сербии Шон Лонг отмечает, что сотрудничество Америки с Сербией является «лучшим на Балканах», и только за последний год оно, по оценке Лонга, «улучшилось на 60 процентов». Особое значение Лонг придает Между-

---

[15] http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/326022/NATO-hoce-da-cuva-mir-na-Kosovu

[16] http://www.nspm.rs/hronika/filip-riker-ko-je-protiv-briselskog-sporazuma-suprotstavlja-se-sad.html

inslav

народной программе военного образования и обучения (IMET), в которой участвует Сербия. Это программа военного образования, которую сербские офицеры проходят в США. Лонг отмечает: «Думаю, что программа IMET – самая важная, потому что она занимается людьми. Вы можете снабдить армию лучшим вооружением, выстроить новейшие тренировочные комплексы, но это всего лишь вещи и место. Сердце и душа любой армии – это люди… Когда вы отправляете сербского офицера, например, в Форт Левенворт в Канзасе, с семьей, на год – и не только ради обучения и образования, но и ради жизненного опыта, ради знакомства с нашей страной, с нашими людьми и обретения приятелей – это остается с тем офицером на всю жизнь».

С начала реализации программы (2007 г.) Сербия получила 1,47 млн долларов из фонда IMET, и еще, как отмечается, дополнительных 925 тыс. долларов. Программу обучения на настоящий момент прошло 137 человек. Как указывается, программа государственного партнерства связывает Огайо с Сербией «ради развития двусторонних отношений с Соединенными Штатами». Цель программы – расширение участия Национальной гвардии в «укреплении региональной стабильности и гражданско-военных отношений как поддержки политики США» [17].

Взаимодействие с НАТО с середины 2013 г. стало ощутимо набирать обороты. 13 июля 2013 г. Сербию посетила делегация Госдепартамента и Армии США во главе с генералом Майклом Смитом. Он провел в Нише переговоры с представителями Армии Сербии о развитии военной базы «Юг», расположенной на территории общины Буяновац (юг центральной Сербии с подавляющим большинством албанского населения), в частности, о техническом оснащении полигонов и строительстве инфраструктурных объектов. База «Юг» обладает статусом национального центра по обучению подразделений для проведения мультинациональных операций с задачей трансформации в региональный центр к 2015 г., а к 2017 г. – превращения в центр обучения по программе НАТО Партнерство во имя мира. Данный центр обучения должен «удовлетворить потребностям Армии Сербии» и других армий региона. Профессиональную помощь в строительстве объектов и обучении личного состава окажет Национальная гвардия Огайо (США), программа партнерства которой с

[17] http://serbian.serbia.usembassy.gov/vojna_saradnja.html

inslav

Сербией развивается с 2006 г. и охватывает, помимо собственно военного, экономическое, культурное и другие виды сотрудничества [18].

Сербский аналитик Джордже Вукадинович подтверждает, что в сербской внешней политике в 2013 г. произошел коренной перелом – от политики «и Европа и Косово», которой, хотя и в большей степени номинально, но придерживались все предыдущие правительства, произошел переход к радикальному тезису «Европа без альтернативы». То, что именуется «выдающимся успехом актуального режима в 2013 году», указывает Вукадинович, «могло быть достигнуто любым предыдущим правительством, которое, подобно нынешней гарнитуре, посмело бы признать независимость Косова и ликвидировать государственные органы на территории севера своего автономного края». При этом следующей линией обороны, которая, как убежден Д. Вукадинович, неизбежно падет, как и прежняя концепция о возможности совмещения территориальной целостности и суверенитета Сербии со вступлением в Евросоюз, это «невероятный и неосуществимый» тезис «и Европа и Россия». Ему предстоит столь же скоро стать «нереальным и невозможным» [19].

Отсюда, добавим, остается полшага до коренного геополитического разворота страны в сторону североатлантического альянса. Не случайно советником сербского вице-премьера Александра Вучича стал бывший министр иностранных дел Италии Франко Фратини. Напомним, что в апреле 2010 г. Фратини официально встречался с «президентом» самопровозглашенного Косова Ф. Сейдиу для выражения поддержки независимости квазигосударственного формирования. В мае 2013 г. Фратини выступил с заявлением о необходимости для «Сербии понять, что Россия не является для нее альтернативой Евросоюзу». Помимо прочего, Фратини является активным сторонником расширения НАТО на Балканах [20].

Американский эксперт по Балканам Даниэль Сервер 2 ноября 2013 г. также сделал примечательное заявление. Он указал, что в ближайшие несколько лет Сербия может изменить свою позицию в отношении НАТО. По его словам, Черногория и Македония уже выполнили все

---

[18] http://www.vs.rs/index.php?news_article=c361eae0-32a7-1030-8d2f-000c29270931

[19] http://www.nspm.rs/kolumne-djordja-vukadinovica/2013-12-31-22-52-02.html

[20] http://serbian.ruvr.ru/2013_11_01/Promoter-nezavisnog-Kosova-i-shirenja-NATO-novi-savetnik-Vlade-Srbije/

inslav

условия, необходимые для вступления в НАТО: Косово, как только оформит свои силы безопасности, «будет стремиться войти в североатлантический альянс». Сербия, отмечает Сервер, «сейчас к этому шагу не готова, но птичка мне шепнула, что не пройдет и пары лет, как рухнет и это табу – и это будет хорошая концовка войн, начатых 30 лет назад» [21].

Как в беседе с автором данной статьи указал политолог Александар Павич, на политическом пространстве Республики Сербии с 5 октября 2000 г. непрерывно доминируют партии по существу «проевропейской» и (явно или тайно) атлантической ориентации. С евроатлантической точки зрения для развития отношений Сербии и НАТО наступивший 2014 год является наиболее благоприятным периодом, чем когда бы то ни было. В настоящий момент на общественно-политическом уровне создана ситуация, наиболее отвечающая идеалу «доминирования полного спектра» Пентагона (Full-spectrum dominance): СМИ, финансовые потоки, органы власти и неправительственные организации фактически находятся под контролем евроатлантического фактора. Все это создает иллюзию «демократической легитимности». Особенно принимая во внимание тот факт, что правящая Сербская прогрессивная партия все еще имеет «националистический ореол», обретенный ее лидерами в течение двадцати лет пребывания на ведущих позициях в Сербской радикальной партии.

Реализация так называемого процесса нормализации отношений Белграда и Приштины, подчеркивает А. Павич, в полной мере отвечает интересам евроатлантических сил в Сербии. Территория Косова и Метохии фактически отдана в распоряжение прозападной марионеточной власти Приштины, т. е. главным «спонсорам» косовской независимости – ведущим державам НАТО. Гарантии безопасности и существования сербов и других неалбанских народов на этом пространстве находятся в «евроатлантических руках». Единственной возможностью воспрепятствовать вступлению Сербии в НАТО, указывает Павич, является изменение политической парадигмы, т. е. нахождение путей для объединения тех сил, что (пока еще) представляют волю большинства сербского народа: разворот от НАТО в сторону России и инициированных ею интеграционных процессов.

В противном случае для Сербии открывается новая фаза атлантической интеграции, в которой стране предстоит пройти несколько разноуровневых процессов. Первый – завершение начатой военно-стратеги-

[21] http://www.pressonline.rs/svet/globus/290442/server-pticica-mi-kaze-da-ce-srbija-promeniti-stav-oko-nato.html

inslav

ческой унификации, создание НАТО-пространства как формы «софт-колониализма». Вовлечение Сербии в альянс без преувеличения станет ключом от Балканского региона – опорного пункта НАТО на пути в Евразию. Второй – военно-оперативное усиление с помощью НАТО албанского фактора с последующей политической и этнической корректировкой карты региона, предполагающей удовлетворение интересов национальных (албанского и мусульманского) меньшинств с сокращением и раздроблением сербского национального корпуса и ликвидацией «сербского (и российского) фактора» на Балканах.

Тремя ключевыми событиями, меняющими баланс сил в регионе, является функционирование военных баз США и НАТО, переброска 525-ой американской разведывательной бригады в Косово и Метохию, фактическое оформление «Армии Республики Косова», заключение военного соглашения «Республики Косова» с Албанией практически о создании единой армии.

Самым надежным тылом США/НАТО на Балканах является база ВВС США «Бондстил», расположенная в Косове около города Урошевац. Это самая крупная американская база в Европе (названа по имени Джеймса Бондстила, ветерана войны во Вьетнаме), позволяющая контролировать акватории двух морей – Средиземного и Черного, а также маршруты, ведущие на Ближний Восток, в Северную Африку и на Кавказ. База была построена в рекордно короткий срок, в июле – октябре 1999 г., сразу после завершения натовских бомбардировок Югославии. Оперативные возможности базы «Бондстил» выходят далеко за рамки не только Косова, но и всего Балканского региона. Логистическую поддержку базе могут оказывать аэродромы Тираны, Приштины, Болоньи, Драча, Скопья, Тузлы.

База «Бондстил» призвана выполнять охранную функцию на протяжении маршрута трансбалканского нефтепровода – американо-британского проекта, задуманного для поставок нефти из района Каспия через Болгарию, Македонию до албанского порта Влёра на побережье Адриатики и далее супертанкерами в Западную Европу и США. Характерная деталь: строительство базы «Бондстил» осуществляла та же компания Halliburton (с ней тесно связан бывший вице-президент США Дик Чейни), которая, как предполагают, должна строить трансбалканский нефтепровод.

13 января 2013 г. «Приштинская власть» заявила о начале реализации своего плана по трансформации Косовских сил безопасности (КСБ) в

inslav

«Армию Косова». Официально об этом в «приштинском парламенте» заявил командующий КСБ Агим Чеку, с иезуитским лукавством объявивший о сфере компетенции будущей армии – «реагирование на чрезвычайные ситуации, ликвидация взрывчатых веществ и гражданская защита» [22]. Чеку последователен в своих действиях. Это заявление – точное воспроизведение того, что было им сказано еще в марте 2011 г.: «в 2013 году у Косово будет свое вооруженное формирование, аналогичное региональным армиям» [23]. Главная роль в данном трансформационном процессе отводится Армии США.

Подготовкой преобразования стало официальное заключение КФОР/НАТО о состоянии КСБ, сделанное в конце декабря 2012 г. В заключении констатировалось, что «в развитии Косовских силы безопасности за последние три года отмечается значительный прогресс»; КСБ ожидает предоставление статуса «полной боевой готовности» (главный качественный показатель состояния войск). Окончательное политическое решение в июне 2013 г. вынес высший руководящий орган альянса – Совет НАТО, постановивший, что КСБ обладают статусом «полной боевой готовности» [24].

Приштина о главной боевой задаче КСБ высказалась предельно ясно. «Республика Косова» планирует применить подразделения КСБ на севере Косова и заменить ими КФОР/НАТО на границе с Сербией. Об этом еще 21 декабря 2011 г. на совместной с Ангелой Меркел пресс-конференции заявил «премьер» Х. Тачи: «Косово сформировало структуры безопасности, способные защитить мир и порядок во всех частях государства» [25]. Не забудем и о программном высказывании Тачи: «позиция косовских институтов не была и не будет изменена. Не будет ни сецессии, ни специального статуса, ни автономии для какой бы то ни было части нашей страны» [26]. В апреле 2012 г. КСБ начали отрабатывать бое-

---

[22] http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/284362/Prisina-zeli-armiju-Kosova

[23] http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/125511/Ceku-Kosovo-dobija-vojsku-2013-godine

[24] http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/280524/NATO-odlucuje-o-kosovskoj-vojsci

[25] http://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2011&mm=12&dd=21&nav_category=206&nav_id=567724

[26] http://www.kurir-info.rs/taci-nema-specijalnog-statusa-za-sever-kosova-clanak-316085

inslav

вые навыки: под контролем КФОР провели показательные десятидневные военные учения «по разрешению чрезвычайной ситуации» в районах Печа, Гнилане и Призрена [27].

В состав КСБ входят бывшие боевики террористической Армии освобождения Косова (АОК). В середине 1990-х гг. АОК объединила взаимоконфликтующие вооруженные группировки албанцев. Обучена АОК была иностранными военными специалистами по стандартам НАТО, большинство боевиков АОК в период с 1990 по 1996 гг. прошли диверсионно-террористическую подготовку на базах в Албании.

После военной агрессии НАТО на СРЮ в 1999 г. АОК не была разоружена. Прикрываясь Резолюцией СБ ООН № 1244, говорящей о демилитаризации АОК, она тут же (сентябрь 1999 г.) была трансформирована в Косовский защитный корпус (КЗК) и Косовские полицейские силы (КПС). Однако характер ее деятельности и боевые задачи не были изменены. Согласно данным ряда западных спецслужб, погромы неалбанского населения в марте 2004 г. организовала Албанская национальная армия («филиал» АОК, созданный в 2001 г. и показавший себя в террористических атаках на Македонию), вероятнее всего, при сотрудничестве с КЗК [28].

В 2009 г., согласно плану Ахтисаари, КЗК был трансформирован в Косовские силы безопасности. При этом Германия на этот процесс выделила 7 млн евро [29]. США, со своей стороны, оказывали всестороннюю поддержку КСБ, 22 июня 2011 г. выделив для их развития 2,5 млн. долларов. По этому случаю и.о. посла США в Приштине Майкл Мерфи выразил уверенность, что в будущем КСБ интегрируются в региональные и атлантические структуры [30]. Тогда же Командующий КФОР Эрхард Билер предложил главе Генштаба Армии Сербии М. Милетичу включить

---

[27] http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/219230/KBS-vezba-za-vanredne-stiuacije

[28] http://www.odbrana.mod.gov.rs/odbrana-stari/vojni_casopisi/arhiva/VD_2012-prolece/14.%20Nastanak,%20razvoj%20i%20perspektiva%20Kosovskih%20bezbednosnih%20snaga%20na%20Kosovu%20i%20Metohiji;%20Goran%20Becic.pdf

[29] http://www.setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/sr_Latn/features/setimes/features/2008/10/28/feature-02

[30] http://www.kosovahaber.com/?page=3,12,7173&offset=308

inslav

КСБ в региональное сотрудничество в сфере безопасности[31]. Далее, 27 июня 2012 г. вступило в силу соглашение США с «правительством Косова» SOFA. Одним из его пунктов является расширение в рамках Программы государственного партнерства сотрудничества КСБ с Национальной гвардией Айовы, которая стала своеобразным патроном КСБ. США, среди прочего, ежегодно предоставляют «Республике Косова» 5,5–7 млн долларов на военное обучение и военное снаряжение и оборудование. Общий бюджет КСБ составляет 35 млн долларов в год. Численный состав КСБ проходит обучение в Военной Академии Форт Блиссе (Техас) и в нескольких военных колледжах США. Но и Германия не отстает: военнослужащие Корпуса проходят там военно-тактические учения. Реджеп Селими, член «косовского парламента», курирующий КСБ, констатирует: «Мы хотим закончить нашу работу, как можно скорее, и вступить в НАТО»[32].

Не должна вводить в заблуждение цифра личного состава КСБ: согласно плану Ахтисаари, она официально составляет 2500 военнослужащих и 800 резервистов. Косоварское Министерство по КСБ не скрывает того факта, что с 2008 г. по настоящий момент военное обучение завершило «три поколения рекрутов из числа гражданского населения», которые официально не учитываются. КСБ размещены в девяти казармах на территории Косова: южная Митровица, Приштина, Исток, Печ, Призрен, Урошевац и Гнилане. К тому же практически на всех базах КФОР/НАТО в КиМ висит табличка «КСБ». Центром обучения КСБ в настоящее время является американская база «Монтейт» (Гнилане), вторая по численности после «Бондстила».

Несмотря на официальное разрешение КСБ иметь только легкое стрелковое вооружение, реальная картина обстоит иначе. Во-первых, согласно официальным данным КФОР, в регионе остается примерно полмиллиона нелегальных единиц боевого оружия, сотни тысяч гранат и других взрывчатых веществ. «Боезапас» постоянно пополняется. Пути снабжения Косова оружием идут из Тетова (северо-запад Македонии) через Кукес к Призрену и Печи; из Черногории через Рожай до Печи; через Нови Пазар (Сербия) к южной части Косовской Митровицы. И это

[31] http://www.blic.rs/Vesti/Politika/261400/Biler-predlozio-Mileticu-da-se-KBS-ukljuce-u-regionalnu-saradnju/print

[32] http://www.stripes.com/news/kosovo-aims-to-form-military-force-and-join-nato-1.201794

inslav

при том, что сербы подвергаются арестам и преследованиям даже за охотничьи ружья [33]. Во-вторых, подразделения КФОР предоставляют КСБ бронетранспортеры, вертолеты и др. технику. Чаще всего военнослужащие КСБ вооружены «калашниковыми», германскими винтовками «Хеклер и Кох» и австрийскими пистолетами «Глок». Инструкторами КСБ являются иностранные военные специалисты из частных военных кампаний (например, американской «MPRI»). Среди вооружения КСБ, как отмечалось, значительная часть принадлежит Германии, она же снабжает будущую Приштинскую армию военным транспортом – грузовиками и внедорожниками [34]. Таким образом, за новой границей между Косовом и Сербией формируются военные силы, не подвластные контролю и учету.

3 июля 2013 г. было заключено соглашения о военном сотрудничестве «Республики Косова» и Албании (члена НАТО), о пребывании ВС сил одной стороны на территории другой. Договор определяет процедуру переброски и дислокации подразделений, а также статус ВС Республики Албании и КСБ. Основополагающим является положение о праве албанских армейских подразделений размещаться на территории «Республики Косова». Фактически создается единая армия численностью до 20 тыс. чел. Приштина получает не только прямую помощь Албании в обучении военнослужащих КСБ, но и, по сути, выход на море. Это укрепляет ось «Тирана-Приштина» и позволяет вести речь о реализации радикально-амбициозных планов в отношении региона, учитывая, что сухопутная граница между Албанией и Косовом практически отсутствует, равно как и между Косовом и Македонией. Подписавший соглашение албанский министр обороны Арбен Имами указал, что оно подтверждает плодотворное взаимодействие двух стран, которое возможно благодаря тому, что обе стороны ориентированы на НАТО [35]. Таким образом «великоалбанский проект» на Балканах, помимо идеологической проработки, обретает реальное военное содержание. Главной мишенью «албанского фактора» становится Сербия, которой предложена роль, по определению

[33] http://www.vesti-online.com/Vesti/Hronika/145251/Kosmet-prepun-oruzja-

[34] http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/189311/KBS-bivsi-OVK-pod-patronatom-Nemaca

[35] http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/325498/Kosovo-i-Albanija-potpisali-vojni-sporazum

inslav

М. Лазанского, «молчаливого наблюдателя и соучастника создания Великой Албании» [36].

На настоящий момент стратегическая ситуация в регионе Западных Балкан такова: все страны региона движутся в направлении трансатлантической интеграции, к 2020 г. предполагается вступление подавляющего большинства из них в ЕС и НАТО. Идет процесс горизонтального и вертикального расширения НАТО. Сербия окружена соседями, которые или являются, или вот-вот станут членами НАТО, предлагающей собственную модель решения политических, этнических вопросов и проблем безопасности. В частности, «албанский фактор» при тесном взаимодействии с НАТО приближается к полному оформлению государственности нелегитимного формирования «Республика Косова», в той или иной форме ее объединению с Албанией и Западной Македонией с перспективой изъятия и юга центральной Сербии (с большинством албанского населения), т. е. к реализации доктрин «Великой» или «Природной» Албании.

Не случайно сербский генерал Йован Миланович особенно подчеркивает: альянс под предлогом «гуманитарной интервенции» в Косово «заодно» получил Албанию, Македонию, Румынию и Болгарию, позднее фактический захват получил формальное выражение. При этом, указывает Миланович, для установления так называемого «прочного мира» так, как его понимает альянс, было необходимо привести Сербию в позицию «невозможности обороняться, истощить ее ресурсы, лишить возможности получить помощь со стороны России». Именно лишение Сербии потенциала к развитию является главным условием для установления длительного контроля НАТО над пространством Балканского полуострова [37].

В частности, подрыв государственного суверенитета и территориальной целостности, произошедший в результате заключения Брюссельского соглашения, закрепил стратегическое доминирование США в «Республике Косово», территория которой является плацдармом для развития наступления на других геостратегических направлениях – нефтеносных районов Ближнего и Среднего Востока (Ирак, Иран и далее выход на Закавказье), северной Африки. Продвижение альянса на территории южно-

[36] http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/325844/Beograd-ce-nemo-posmatrati-stvaranje-Velike-Albanije

[37] http://www.nspm.rs/hronika/general-jovan-milanovic-pritisci-koje-srbija-trpi-u-dijalogu-vrhunac-agresije-nato-iz-1999.html

inslav

кавказских стран несет прямую угрозу и для национальной безопасности России. НАТО в настоящий момент получила возможность консолидировать свои ряды в продвижении в восточном направлении – к России, Каспийскому бассейну и Ближнему Востоку. Вступление Сербии в североатлантический альянс, учитывая подрыв территориальной целостности, суверенитета, подчинение боеспособности страны интересам трансатлантических структур, противоречит ее национально-государственным интересам.

В целом в 2014 году, как подчеркивает со слов натовского представителя германское издание «Дойче велле» (3 января 2014 г.), НАТО входит в новый период своего существования. Новым явлением станет трансформация НАТО в «более политический», нежели военный, союз. Как ожидается, обсуждение направлений развития и трансформаций альянса будет проводиться в Великобритании, до сентября 2014 г. К этому сроку, как предполагается, будут выработаны новые задачи «оборонительного союза», обретающего, помимо сугубо военно-стратегических, еще и конкретно-политические очертания [38].

[38] http://www.nspm.rs/hronika/2014-01-02-21-06-35.html

inslav

«Вечные» темы

inslav

В.И. Косик
Константинополь – русская дорога
– 517 –

Г.Д. Шкундин
Болгария
в геополитических проектах
российской правящей элиты
(апрель–ноябрь 1916 г.)
– 529 –

А.Ю. Тимофеев
Планы обороны
и «активных действий» Красной армии
на Балканах
(1944–1945 гг.)
– 547 –

Зорка Пырванова
Младотурецкий османизм:
идея политической нации
или ассимиляторская доктрина?
– 573 –

Евгения Калинова
Проект ассимиляции болгарских турок
в контексте болгаро-турецких отношений
в 80-е гг. XX в.
– 593 –

Е.Ю. Гуськова.
Турецкие планы на Балканах
в современных геополитических условиях
– 621 –

inslav

В.И. Косик
Москва

Константинополь – русская дорога

Вместо эпиграфа

... Внимайте мне, о, верные мои,
Бесстрашные народы! С ваших стен
Внимайте, греки, речи государя!
Мой Цареград! Я взять его могу -
И не хочу! Но в память дел кровавых,
Битв и побед и, наконец, того,
Что Цареград в моей был полной власти,
Что мой шатер раскинут был у стен,
Моей победы совершенной в память,
Я прибиваю щит свой знаменитый
К высоким цареградским воротам!
Пускай отсель, щитом моим прикрытый,
Смеется он и бурям и врагам!
Пусть в нем с сих пор гремят победы клики:
На нем мой щит красуется великий!
Ликуйте же и радуйтесь, друзья!
Царьград неодолимый покорил я,
Свой грозный щит к его вратам прибил я!
Мечта сбылась! Теперь бессмертен я!

К.С. Аксаков
«Олег под Константинополем» (1858 г.)

Константинополь будет наш
Из ненаписанной истории России

П р о л о г

«… стоило лишь России объявить о своем призвании защищать угнетенную православную церковь и порабощенное славянство, как почва для завоеваний – под маской освобождения – была уже здесь подготовлена. Точно так же к югу от Кавказского хребта под турецким владычеством находились небольшие христианские государства и исповедующие христианство армяне, по отношению к которым царизм мог провозгла-

inslav

сить себя «освободителем». К тому же здесь, на юге, алчного завоевателя прельщала такая военная добыча, равной которой не было в Европе: древняя столица Восточной Римской империи, метрополия всего православного мира, город, одно уже русское название которого Константинополь-Царьград служит выражением господства над Востоком...

Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, – это означало бы, однако, не только духовное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решающим этапом к установлению господства над Европой. Это означало бы безраздельное господство над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом.

Это означало бы, что Черное море по первому желанию царя может быть закрыто для всех торговых и военных флотов, кроме русского, что это море превращается в русскую военную гавань и место маневров исключительно русского флота, который в любой момент мог бы с этой надежной резервной позиции делать вылазки через укрепленный Босфор и снова укрываться в этой гавани. Тогда России оставалось бы только установить такое же господство, прямое или косвенное, над Зундом и обоими Бельтами, – и она была бы неприступна также и с моря.

Господство над Балканским полуостровом продвинуло бы границы России до Адриатического моря».

«Внешняя политика царизма»
Ф. Энгельс

* * *

Вначале я хотел бы представить видение Константинополя, его значения и судьбы в текстах Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева. Причем, я сразу хочу отметить, что не вкладываю какого-либо сугубо отрицательного содержания в слово «панславизм». Для меня это, как и для многих других, есть идея объединения славянства.

В отличие от балканских политиков с их национально-великодержавными построениями, Леонтьев в своих «восточных» построениях шел дальше и дальше, пока не остановился на образовании славянской конфедерации под гегемонией России, призванной стать щитом против Запада с его революциями в области духа. Именно здесь он видел пути решения Восточного вопроса.

В чем же была его суть? Традиционное объяснение историков можно, грубо говоря, свести к разделу владений «разлагающейся» Отто-

inslav

манской империи. Но здесь я хотел бы предоставить слово Федору Михайловичу Достоевскому, который писал: «Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России. Что же это за судьбы православия? Римское католичество, продавшее уже давно Христа за земное владение, заставившее отвернуться от себя человечество и бывшее таким образом главнейшей причиной материализма и атеизма Европы, это католичество естественно породило в Европе и социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упадшего христианского в ней, по мере извращения и утраты его в самой церкви католической. Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей православия. С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос. Но для такого назначения России нужен Константинополь, так как он центр восточного мира» [1].

Для Константина Николаевича – это, прежде всего, священное наследство православной России. Воплощение идеи о русском Царьграде означало для него силу и крепость православной, самодержавной империи, гибель которой откладывалась бы на неопределенное время. Захват Царьграда связывался им не столько с освобождением славян, сколько с «развитием своей собственной оригинальной славяно-азиатской цивилизации» [2].

Это был бы не крестовый поход, а своеобразная крестовая оборона. И здесь главная задача отводилась формированию восточноправославной политической, религиозной, культурной – но ни в коем случае не административной – конфедерации славянских стран. Именно эта конфедерация под гегемонией самой неславянской и в то же время славянской России должна была обеспечить «новое разнообразие в единстве, все славянское цветение», стать оплотом против пошлого европеизма и обеспечить себе духовную независимость» [3].

Несколько иначе писал Николай Яковлевич Данилевский в своем знаменитом, но весьма для меня тяжело читаемом труде «Россия и Евро-

---

[1] *Достоевский Ф.М.* ПСС в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 85.
[2] *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. М., 1912. Т. 5. С. 420.
[3] Там же. С. 255.

inslav

па»: «По этнографическим условиям, славяне действительно должны составить федерацию; но федерация эта должна обнять все страны и народы – от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага... под водительством и гегемонией цельного и единого Русского государства» [4].

Причем в названную федерацию должны «волею или неволею, войти те неславянские народности (греки, румыны, мадьяры), которых неразрывно, на горе и радость, связала с нами историческая судьба, втиснув их в славянское тело» [5].

Здесь только можно заметить, что не так уж они были «втиснуты». Да и сама идея, связанная с «обязательностью вхождения», несла в себе семена разрушения конструируемого «союза»: больше было разъединяемого, нежели соединяемого, достаточно вспомнить культуру.

В то же время Данилевский весьма трезво оценивал ситуацию, когда писал, что «дозволено, конечно, опасаться, чтобы Константинополь, сделавшись столицею России, не привлек к себе в слишком значительной степени нравственных, умственных и материальных сил России и тем не нарушил в ней жизненного равновесия. Итак, Константинополь не должен быть столицею России, не должен сосредотачивать в себе ее народной и государственной жизни – и, следовательно, не должен и входить в непосредственный состав Русского государства... освобожденный Константинополь, преображенный в настоящий Царьград, должен быть сам по себе, чем-то больше, нежели столицею Русского царства, в отношении же к России быть меньше этого; не должен быть с нею в слишком тесной связи, иметь такое материнское значение, на которое имеет право только Москва. Одним словом, Царьград должен быть столицею не России, – а всего Всеславянского союза» [6].

Царьград – эта отвлеченная идея – будет вновь возникать и оживать на страницах сочинений русских панславистов. В сущности, само человечество и может жить только благодаря отвлеченным идеям, как бы их не называли – мечтами, фантазиями или снами!

Так, Леонтьев предполагал, что утверждение России на Босфоре даст «тот выход из... нравственного и экономического расстройства, который мы напрасно будем искать в одних внутренних переменах. Раз ве-

---

[4] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1871. С. 385.
[5] Там же. С. 386.
[6] Там же. С. 408.

inslav

ковой сословно-корпоративный строй жизни разрушен эмансипационным процессом, новая прочная организация на старой почве и из одних старых элементов становится невозможной. Нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания, а, главное, необходим новый центр, новая культурная столица» [7]. В сущности, тут можно и нужно говорить о Леонтьеве как предтече евразийства с его поворотом к Востоку.

И еще одна важнейшая проблема здесь всплывала: угроза поглощения Россией освобожденных стран.

Здесь можно предоставить вновь слово Достоевскому, который не забывал подчеркнуть, что «чуть ли не вся интеллигенция восточной райи хоть и зовет Россию на помощь, но боится ее, может быть, столько же, сколько и турок: «хоть и освободит нас Россия от турок, но поглотит нас как и "больной человек" – вот их неподвижная идея, отравляющая все их надежды!» [8].

Словом, видения судьбы Константинополя толковалось с разных позиций у русских мыслителей. В целом, да, Константинополь должен быть русским, а дальше у каждого были свои мысли, диктуемые необходимостью ли создания славянской федерации, разрешения ли Восточного вопроса, пониманием роли и значения самой России.

Проекты, мечты, фантазии сменялись войнами. Османская империя оставалась племенным врагом славянства, стерегущим Проливы, выход из «турецко-русского озера» в другое – «европейское озеро». Хотя и здесь все было непросто. В 1828 г., в год начала очередной русско-турецкой войны, К.В. Нессельроде писал командарму русской армии на Балканах Ивану Ивановичу Дибичу, что «Его Императорское Величество считает, что положение вещей, существующих в Османской империи, должно быть сохранено самым строгим образом». Далее министр подчеркивал: «Мы не хотим Константинополя. Это было бы самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать» [9].

Возвращаясь в мир высокой политики, скажу, что «неудача» в Крымской войне не означала «замерзания» Восточного вопроса. Во вто-

---

[7] Там же. С. 421.

[8] *Достоевский Ф.М.* ПСС. Т. 21. 1898, Петроград. С. 78.

[9] Цит. по: *Киняпина Н.С.* Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. № 1, 2, 2001; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 94.

inslav

рой половине 1870-х гг. Европа была взбудоражена начавшимися на Балканах антитурецкими выступлениями. Не осталась в стороне и Россия, и ее император, выказавший себя приверженцем начала войны с Османской империей.

В военных кругах России уже составлялись соответствующие планы. 1 октября 1876 г. начальник Генштаба Н.Н. Обручев представил военному министру Д.А. Милютину план войны, предусматривавший наступление на Константинополь. В окончательном плане от марта 1877 г. также было зафиксировано взятие Константинополя. Обручев писал, что «взятие Константинополя должно было поставить Европу перед свершившимся фактом. Быстрая, победоносная, эффектная война должна была стать залогом невмешательства держав» [10].

Однако «Англичанка» «подгадила».

Но идея взятия «русского наследства» во времена Александра III, императора-миротворца, не исчезала. И здесь «помогла» Великая война.

Константинополь сам «поплыл» в русские руки после вступления Турции в Первую мировую войну на стороне Германии и ее союзников.

В Высочайшем манифесте по случаю нападения Турции на Россию 2 ноября 1914 г. Николай II писал: «Вместе со всем Народом Русским Мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет для России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря» [11]. Комментарии какие-либо здесь не нужны.

В ходе войны проблема Константинополя и проливов не раз была предметом рассмотрения военных и дипломатических чинов. Осенью 1914 г. военным агентом в Турции генерал-майором М.Н. Леонтьевым была высказана идея о возможности, при соблюдении определенных условий, совместного болгаро-русского выступления против Турции с продвижением на Константинополь и его занятием совместными силами [12].

---

[10] *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «Русского Мольтке» Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб, 1998. С. 146, 147, 165, 166.

[11] Цит. по: *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М.–Пг, 1923. С. 163.

[12] *Каширин В.Б.* Бессилие и лукавство у порога Балкан: проблема применения военной силы в стратегии России на черноморско-балканском направлении в 1914–1915 гг. // Величие и язвы Российской империи.

inslav

Однако тогда, как пишет мой коллега В.Б. Каширин, этот план имел «лишь теоретическое звучание, поскольку… в военном отношении на черноморских рубежах Россия в тот момент была бессильна» [13].

Несколько слов о Дарданеллельской операции, начатой союзниками в 1915 г. Стал готовиться русский десант в районе Босфора. Одной из целей операции, как писал 6 марта 1915 г. Н.Н. Янушкевич командующему морскими силами Черноморского флота адмиралу А.А. Эбергарду, предполагалось «занятие территории как Константинополя, так и прилегающих районов проливов, т. е. Босфора по обоим его берегам, а Дарданелл по западному берегу, с заранее предусмотренным выделением в ведение союзников отдельных кварталов турецкой столицы» [14].

Однако, как пишет В.Б. Каширин, детально исследовавший тематику, связанную с деятельностью и бездеятельностью в сфере подготовки военных операций, нацеленных на проливы и Константинополь, русское командование не было готово к действительному проведению такой операции и ограничилось по просьбе союзников демонстративными приготовлениями, чтобы отвлечь турок от Дарданелл [15].

А что союзники, можно задаться вопросом? Известно одно, самое главное, они были согласны пойти навстречу России в этой стратегической сфере.

Достаточно напомнить англо-франко-русское секретное соглашение 1915 г., которое предусматривало включение Константинополя и Проливов в границы Российской империи (оно не было оформлено договором и представляло собою лишь обмен памятными записками и вербальной нотой). Его сохранение предусматривало и Временное правительство. Министр иностранных дел России П.Н. Милюков в телеграмме от 1/14 апреля 1917 г. послу в Париже А.П. Извольскому и поверенному в делах в Лондоне К.Д. Набокову сообщал: «Последняя декларация временного правительства об основных началах нашей внешней политики упоминает, между прочим, о “полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников”. В виду того, что эти обстоятельства являются двусторонними, мы отнюдь не отказываемся от обеспечения

Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. М., 2012. С. 325.

[13] Там же. С. 326.

[14] Цит. по: *Каширин В.Б.* Бессилие и лукавство у порога Балкан. С. 337.

[15] Там же. С. 343.

inslav

жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях» [16].

Октябрьская революция окончательно смешала все планы. В подписанном 20 ноября/3 декабря 1917 г. председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным) и Народным Комиссаром по национальным делам Джугашвили-Сталиным Обращении Советского правительства – «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» были следующие строки: «Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, – ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее Правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель: Константинополь должен остаться в руках мусульман» [17].

Но если вдруг подвертывалась возможность расширить революционную базу на берегах Босфора, то первое в мире пролетарское государство было «непрочь», как говорил кучер Баркис в «Дэвиде Копперфилде», рискнуть ради такого дела, тем более, что основная задача ложилась на заговорщиков из врангелевской армии.

Это или глупость или фантазия – можно воскликнуть.

Однако есть любопытные материалы, опубликованные в «Независимом военном обозрении» за подписью А. Широкорада. В своей статье «Красные и белые могли помириться в Константинополе» он пишет, что в ВЧК была получена информация о заговоре в «белом стане».

В письме от 22 апреля 1921 г. за подписью наркома иностранных дел Георгия Чичерина на имя В. Ленина сообщалось, что Коллегия Наркомата выступает за прием предложения некоего «товарища» Е. А. по установлению контактов с армией «черного барона». Предполагалось, что бывшие враги, «получив, – как подчеркивает А. Широкорад, – советское оружие, деньги и обещание полного прощения, захватили Константинополь, в районе которого расположены их части. Затем, естественно, они передадут город советской стороне». Советский нарком считал, что Москву «нельзя будет винить за события, [якобы] развернувшиеся помимо нас. После этого мы передадим Константинополь его законным владельцам – туркам, но не ангорским кемалистам… а имеющемуся в [горо-

[16] Константинополь и Проливы по секретным документам б. министерства иностранных дел под редакцией Е.А. Адамова. М., 1925. С. 479.

[17] Международные отношения и внешняя политика СССР (Сборник документов) (1871–1957). М. 1957. С. 52.

inslav

де]... рабочему элементу, который мы сорганизуем и вооружим, формально же Константинополь будет нами передан Турецкому государству».

Добавлю, что «товарищ» Е. А. полагал, что одновременно врангелевцы, еще до приезда комиссаров из Москвы, легко захватят и Адрианополь и Салоники, сами же «едва держащиеся балканские правительства будут опрокинуты, что может иметь огромный политический эффект и дальше Балкан». Что было дальше? Широкорад ссылается на некое заседание Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля, где вопрос о Константинополе обсуждался при участии таких видных партдеятелей, как Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Вячеслав Молотов, Карл Радек, Лев Каменев, одобривших «иностранную затею» Чичерина. В итоге заседания было принято решение о командировке в Константинополь 20 «агитаторов» с ежемесячным содержанием в 15 тысяч лир [18].

Тем не менее, Константинополь так и не стал советским. Документы, которые могли бы пролить свет на эти события, пишет А. Широкорад, до сих пор закрыты. Но сам он пишет без всякой отсылки на источник, так что очевидно, что к указанным сведениям следует относиться с большой сдержанностью и осторожностью.

Однако оказывается, что этот очень странный сюжет вдруг «чудесным образом» сближается с историей возможного захвата Константинополя врангелевскими войсками, но уже как бы без «руки Москвы».

В начале 1930-х гг. в Париже появилась статья «Константинопольский поход. Из воспоминаний о Галлиполи», принадлежащая перу генерал-лейтенанта В.К. Витковского, заместителя командира I-го корпуса в Галлиполи. В ней боевой офицер описывает стремление «французского правительства распылить галлиполийские войска и тем самым... уничтожить не только кадры Крымской армии, но и идею Белой вооруженной борьбы. С этой целью французами был выпущен ряд “обращений” и “объявлений”, убеждавших русские войска выйти из подчинения своим начальникам и отправиться в Советскую Россию, в Бразилию и в иные места» [19].

Командир I-го кордуса генерал Кутепов, пишет Витковский, «избрал следующий план: В случае прекращения французами продовольст-

---

[18] *Широкорад А.* Красные и белые могли помириться в Константинополе // Независимое военное обозрение. 07.12.2012.

[19] *Витковский В.К.* Константинопольский поход. Из воспоминаний о Галлиполи. Париж, 1933. С. 4.

inslav

вия войск или предъявление нового ультиматума о разоружении, корпус двинется походным порядком из Галлиполи в направлении на Кашан и далее на север, распространяя слух о своем желании перейти в Болгарию. Достигнув параллели Константинополя, повернуть на восток и форсированными маршами занять сперва Чаталджинскую позицию, а затем и Константинополь. По мнению генерала Кутепова, занятие Константинополя явилось бы внушительной демонстрацией, способной обратить внимание мира на положение Белой Армии» [20]. Сама политическая ситуация была благоприятна для такой «авантюры», подчеркивал автор статьи: «Кемаль, являвшийся фактическим диктатором Турции, только и ожидал благоприятного момента, чтобы овладеть оттоманской столицей. В свою очередь, султан, находившийся в почетном плену у союзников, мечтал любой ценой упрочить свою власть. Греки не скрывали своих исторических вожделений овладеть Царьградом. Что касается союзников, то в их отношениях, давно, увы, не было ни сердечности, ни согласованности взглядов и действий» [21].

Поэтому, продолжал В.К. Витковский, «Белые войска имели все основания найти для себя, хотя и временных, но союзников и в то же время не ожидать серьезного военного сопротивления... Что касается дальнейшего, после занятия Константинополя, поведения, то оно не предрешалось и ставилось в зависимость "от неприятельского обращения"» [22].

В секретный план были посвящены греки, обещавшие ему поддержку при выходе из Галлиполи [23]. П.Н. Врангель после секретного ему доклада генерала Штейфона также «одобрил» представленный план и приготовления к нему [24].

Однако план так и не был приведен в исполнение, так как «к концу 1921 года переговоры Главного Командования о принятии частей Русской Армии правительствами Болгарии и Сербии увенчались успехом» [25].

И здесь опять можно только ставить вопросы: можно ли говорить о наличии некоей связи между советским планом и врангелевским? Ответы

[20] Там же. С. 5–6.
[21] Там же. С. 6.
[22] Там же. С. 7.
[23] Там же. С. 8.
[24] Там же. С. 10.
[25] Там же. С. 12.

inslav

пока мне недоступны. Может повезет другим историкам? Сама идея русского, советского Константинополя уходила из того времени, с его революциями.

Отмечу только, что 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор о дружбе и братстве между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Турецкой Республикой [26]. Другой важный документ – Конвенция о режиме проливов – была подписана в Монтре 20 июля 1936 г. Болгарией, Великобританией, Грецией, Румынией, СССР, Турцией, Францией, Югославией, Японией. В документе содержались положения относительно режима прохода проливов для торговых и военных судов в мирное и военное время [27].

К этому стоит добавить, что тема Константинополя в середине 1940-х гг. активно увязывается в публичной литературе с именем Иосифа Сталина, который то якобы напрочь отказывался в 1944 г. от «взятия» Стамбула (Константинополя), то был как бы вынуждаем в 1945 г. к отказу, вследствие применения США атомного оружия в Японии, которого тогда не было в СССР [28].

Однако, учитывая «модный сталинизм», нельзя утверждать истинность высказываний вождя всех народов, приводимых в массовой литературе. Но здесь важна даже не сама реальность, а ирреальность, миф, идея, бытующая во времени. Именно к ней и относится русский Царьград.

И не только миф. Были и реалии. Весной 1945 г. СССР денонсировал договор о дружбе и нейтралитете с Турцией и потребовал от нее ряд северо-восточных земель, включая Арарат, и согласия на создание военно-морской базы близ Стамбула, т. е. около Константинополя. Однако турецкие власти не поддались советским требованиям.

В заключение я хотел бы вернуться к Константинополю духовному, православному. В победе СССР над фашистской Германией многие православные люди, живущие за рубежом, увидели новую, победоносную Россию, искупившую кровью былые вины, Россию, власть которой может помочь православной церкви и вне светских границ СССР.

---

[26] Международные отношения и внешняя политика СССР. Сборник документов (1871–1957). М. 1957. С. 68–69.

[27] Там же. С. 100, 101.

[28] *Анисин Н.М.* Кремлевский заговор от Хрущева до Путина М. 2009; *Райхель Ю.* Турецкая война Сталина, которая не состоялась (http://www.day.kiev.ua).

inslav

В 1945 г. принцесса Греческая и Датская Ирина пишет прелюбопытное письмо в ответ работнику НКГБ-МГБ Карпову Г.Г., в котором были такие строки: «Россия должна ... настоять на передаче храма Св. Софии для православного богослужения. Но передача этого храма не должна произойти непосредственно из турецких рук Патриарху Вселенскому. Она должна быть передана Патриарху Всея Руси, который сам ее передаст Патриарху Вселенскому с заветом ему, чтобы Храм Святой Софии послужил бы централизацией возрождения православных церквей. Никто не сможет сблизить больше СССР с Грецией и с православием, чем вновь открытие через русское посредство Храма Святой Софии для православного богослужения, и вместо щита будет наш крест на вратах Царьграда» [29].

После кончины «отца всех народов» какие-либо планы, связанные с Константинополем, потеряли актуальность. Но сама идея живет, тем более, что Проливы остаются вне русского контроля.

[29] ГАРФ. Ф. 6991. Д. 64. Л. 207.

inslav

Г.Д. Шкундин
Москва

Болгария в геополитических проектах российской правящей элиты (апрель–ноябрь 1916 г.)

Вступившая в Четверной союз Болгария с октября 1915 г. находилась в состоянии войны с Россией. Хронологические рамки данной статьи определяются двумя конференциями держав Согласия, которые стали важными вехами в процессе консолидации антигерманского блока. 27–28 марта 1916 г. на политической конференции в Париже страны Антанты определились в своем негативном отношении к возможности заключения сепаратного мира с Болгарией [1]. А на военной конференции Союзников в Шантийи 15–16 ноября российское командование предложило нанести удар на Салоникском фронте с целью разгрома Болгарии при содействии русско-румынских армий [2].

В рассматриваемый период с военно-стратегической точки зрения Россия больше своих союзников была заинтересована в резком и полном повороте болгарской армии на сторону Антанты. Поэтому генерал М.В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего, фактически руководивший российской армией, уже после Парижской конференции дважды ставил вопрос о желательности примирения с Болгарией, и оба раза в связи с проходившими переговорами о вступлении Румынии в войну на стороне держав Согласия.

Впервые это произошло в апреле 1916 г., когда румыны, с целью обезопасить себя от болгарского нападения, настаивали на отправке российских солдат в Добруджу и занятии ими Русе [3]. 16 апреля Алексеев

---

[1] См. подробно: *Шкундин Г.Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София, 2007. С. 122–125.

[2] История Первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. М., 1975. С. 287–288.

[3] *Шкундин Г.Д.* Не замочить ли нам Кобурга? Болгария в российской военной стратегии и политике весной 1916 года // Родина. М., 2009. № 6. С. 54–55.

inslav

сообщил главе российской дипломатии С.Д. Сазонову о доведенном до его сведения предложении устроить в Болгарии государственный переворот. Речь шла о низложении и даже «устранении» царя Фердинанда I Саксен-Кобург-Готского. Переворот предложил совершить некий генерал, личность которого пока установить не удалось. Автору этих строк представляется, что речь идет о Р. Димитриеве, который командовал тогда 12-й российской армией. В.Б. Каширин, не исключая такую возможность, всё-таки полагает более вероятным, что это был командир 103-й пехотной дивизии Юго-Западного фронта И. Сарафов [4]. Оба болгарина – Димитриев и Сарафов – издавна слыли убежденными русофилами. После Второй балканской войны, неугодные Фердинанду, они под разными предлогами были удалены из болгарской армии и через некоторое время поступили на русскую военную службу. К сожалению, неопровержимых доказательств ни у той, ни у другой версии нет; речь может идти лишь о косвенных аргументах и догадках.

Через Н.А. Базили, директора дипломатической канцелярии при Ставке, Алексеев убеждал Сазонова пообещать болгарским политическим деятелям, склонным к соглашению с Россией, следующее: «1) присоединение к Болгарии Македонии до Вардара; 2) присоединение к Болгарии Фракии по линии Энез –Мидье и 3) отнятие у Греции Салоник и образование из них с прилегающей территорией нейтральной области» [5]. Из разговора с Алексеевым Базили вынес впечатление, что генералу «вообще хотелось бы избегнуть пролития нами болгарской крови. По его мнению, не надо рыть пропасти между нами и болгарским народом. В будущем болгары могут быть нам нужны, особенно на Проливах» [6]. Как видим, генеральское сердце не было ожесточено против болгар. Возможно, здесь играли роль и воспоминания военной молодости, когда 20-летним офицером Алексеев сражался за освобождение Болгарии, был ранен под Плевной и одно время даже состоял ординарцем при М.Д. Скобелеве. Желая избежать непосредственного русско-болгарского вооруженного столкновения, с помощью такой «болгарской»

---

[4] *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // STUDIA BALKANICA. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 146–147.

[5] Константинополь и Проливы. Т. I. М., 1925. № XIV. С. 215–216.

[6] Там же.

inslav

комбинации Алексеев предполагал заодно решить и вопрос о нанесении решающего удара по Турции, не прибегая к помощи румын. Его мысли были весьма актуальны в свете успешно развивавшегося тогда наступления российской Кавказской армии на Трапезунд, который был взят 18 апреля, т. е. спустя два дня после указанного разговора.

Сазонов отнесся к идее Алексеева скептически и усмотрел в ее возможной огласке большую опасность компрометации российского правительства. Министр заявил следующее: «"Устранение Фердинанда" само по себе не будет иметь последствием перехода Болгарии в наш лагерь. Оно, вероятно, приведет лишь к занятию австрогерманцами Болгарии. Наконец, не надо себе делать иллюзий в отношении питаемых Болгарией к нам чувств. Среди болгар, особенно в руководящих кругах, у нас совершенно нет сторонников. Те, которые выдавали себя за таковых, нам решительно изменили» [7].

Что же касается возможных территориальных уступок, которые Алексеев предполагал предложить болгарам за их переход на сторону Антанты, то Сазонов, с некоторыми оговорками, все же счел эти условия в общем приемлемыми для России. Но министр не мог не учитывать печальный опыт так называемого «болгарского лета» 1915 г. Тогда дипломатия Согласия потерпела фиаско, пытаясь привлечь Болгарию в свой лагерь, не в последнюю очередь, из-за непродуманности и путаницы в средствах воздействия на болгар, отсутствия единого руководства и общей целеустремленности в этом деле. Сыграли свою роль и противоречия между самими союзниками по балканским вопросам [8]. Поэтому и теперь, в апреле 1916 г. Сазонов опасался втягивания в территориальный торг, который неизбежно предаст гласности сами переговоры с болгарами. Взамен министр предлагал Алексеву при переговорах «ограничиться общим заверением, что на изложенных основаниях Россия и союзники без труда сговорятся с болгарами в случае их перехода в наш (т. е. Антанты. – *Г. Ш.*) лагерь» [9]. При таком подходе к вопросу едва ли можно было надеяться на удачу...

---

[7] Там же. С. 218–219.

[8] См. подробно: *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. I. Потеря Союзниками Балканского полуострова. М.; Л., 1947. С. 539–664.

[9] Константинополь и Проливы... С. 219.

inslav

Осторожность Сазонова была, не в последнюю очередь, обусловлена и антиболгарским настроем российской общественности, что нашло отражение на сессии Государственной думы. Так, 27 марта 1916 г. во время думских дебатов один из лидеров черносотенного «Союза русского народа», товарищ председателя фракции правых Н.Е. Марков 2-й утверждал, что царь Фердинанд подчинил свою страну немцам до такой степени, что Болгарии как таковой больше не существует, а есть лишь «новая германская провинция». Взывая к «силовой дипломатии», Марков договорился до того, что поставил под сомнение необходимость «сохранения неблагодарной» Болгарии после войны. В то же время, по его убеждению, «верную и преданную Сербию» надо вознаградить [10]. По некоторым косвенным данным, не был чужд этой мысли и лидер фракции националистов в Думе, крупный подольский помещик П.Н. Балашев [11]. Только лидер кадетов, давний болгарофил П.Н. Милюков в своей речи в Думе 24 марта попытался переложить часть ответственности за «непростительную» потерю Болгарии на русскую дипломатию и оправдать притязания Софии на Македонию [12]. 29 марта Сазонов получил телеграмму от совета московского славянского комитета, в которой говорилось: «Речь Милюкова ... содержит в себе бесспорные ошибки и неверности... Совет славянского комитета находит необходимым положить предел иллюзиям относительно болгар и признает, что в измене Болгарии виноваты не только Фердинанд Кобургский и правительство, но и болгарский народ, и что измена Болгарии не может остаться безнаказанной» [13].

Сазонов вынужден был считаться с общественным мнением. Уже на следующий день, 30 марта, в разговоре с британским послом в Петрограде сэром Джорджем Быокененом он заявил, что тот, кто счел бы возможным переговоры между Россией и Кобургом или его «ренегатским» правительством, продемонстрировал бы слабое знание русской национальной психологии. Указывая на витражи зала в особняке у Певческого

---

[10] Государственная дума. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 3291–3292, 3295–3297.

[11] *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989. С. 76, 95.

[12] Государственная дума... Стб. 3243–3260.

[13] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3379. Л. 253–255.

inslav

моста, где происходила беседа, министр воскликнул: «Если бы стало известно, что я вступил в переговоры с Болгарией, ни одно из этих стёкол не осталось бы целым!» [14].

Однако позиция главы российской дипломатии по вопросу о сепаратном мире с Болгарией имела свой нюанс. Сазонов вынужден был считаться и с неприязненным отношением императора Николая II к Болгарии, персонифицированным в давней нелюбви к Фердинанду. Сазонов последовательно выступал против примирения с Болгарией, но лишь до тех пор, пока у власти в Софии оставался Фердинанд. Поэтому в тот же день, 30 марта, Сазонов заявил французскому послу М. Палеологу: «Если болгары искренне желают снова занять свое место в славянской семье, им следует сначала отправить своего Кобурга обратно в Германию и отвести свои войска от Салоник. Затем мы обсудим с нашими союзниками, как по справедливости можно было бы с ними обойтись. До этого никакие переговоры невозможны» [15].

Всё это необходимо учитывать при оценке того факта, что, хотя формально Сазонов вроде бы и не воспротивился предложению Алексеева об организации в Болгарии государственного переворота, но свое согласие обставил такими оговорками, которые сводили на нет саму возможность его эффективной реализации. Особо убеждать генерала не пришлось. Под влиянием полковника А.А. Татаринова, бывшего военного агента в Софии, Алексеев пришел к заключению, что, кроме «горсти цанковистов», то есть незначительной и маловлиятельной прогрессивно-либеральной партии С. Данева, у России нет сторонников среди болгар. Там «вполне отсутствует почва для установления в стране благоприятного нам порядка». Поэтому уже сам Алексеев заявил 24 апреля, что «пока не будет создана более для нас благоприятная обстановка, устранение Фердинанда бесцельно». Пока же он предлагал

---

[14] Об этом разговоре, известном ему со слов Бьюкенена, в Рим докладывал итальянский посол в Петрограде маркиз А. Карлотти. См.: I Documenti diplomatici italiani. Quinta serie. Vol. V (24 ottobre – 17 giugno 1916). Roma, 1988. № 681. P. 504.

[15] Научен архив на Института за исторически изследвания при БАН (далее – НА ИИИ БАН). Колекция «Les Archives de Ministère des affaires étrangères. Paris». Europe 1914–1918. Sér. A. Car. 381. Dos. 3. P. 180 ; Guerre 1914–1918. Bulgarie. T. 6. NS/241. P. 220. Телеграмма Палеолога в МИД от 30.3.1916.

inslav

ограничиться «осторожным зондированием почвы и выяснением, возможно ли подготовить негласным путем привлечение на нашу сторону некоторых болгарских деятелей» [16].

Но уже буквально через несколько дней российское политическое руководство было вынуждено вернуться, правда, с другого боку – сербского, к вопросу о том, как безболезненнее удалить болгарскую «занозу». Дело в том, что 29 апреля в Петроград прибыл глава сербского правительства Н. Пашич. Вскоре состоялась его беседа с Сазоновым, а 4 мая – аудиенция у императора в Царском Селе, длившаяся больше часа [17]. Впоследствии, информируя принца-регента Сербии Александра о содержании этих переговоров, Пашич писал: «В России нам было дано обещание как царем, так и министром иностранных дел, ... что будет создана возможно более сильная Сербия, так как этого требуют не только сербские, но и русские интересы. Болгария же будет наказана, поскольку виноват не только Фердинанд, но и болгарский народ и все партии, которые с ним солидаризировались. Исправление нашей границы на востоке до Струмы и на западе в районе Видина не встретит возражений, так как Болгарию следует ослабить ради будущей безопасности Сербии и России» [18].

Своим же коллегам по кабинету, оставшимся на Корфу, Пашич телеграфировал что, по его впечатлению, в России даже в официальных кругах сейчас лучше разбираются в сербско-болгарских отношениях. По словам сербского премьера, Россия якобы признает, что в интересах мира на Балканах необходимо, дабы Болгария не была слишком сильной. Поэтому, дескать, Россия желает ее покарать. В таком же смысле писал своему брату Воиславу, который в отсутствие Пашича, руководил на Корфу сербской дипломатией, и Павле Маринкович, сербский посланник в Румынии, сопровождавший Пашича в поездке в Петроград. В телеграмме от 24 мая он с явным удовлетворе-

---

[16] АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 361/363. Л. 25.

[17] Ю.А. Писарев ошибочно указывал, что высочайшая аудиенция имела место 29 апреля, чего не могло быть, ибо в этот день в 22 часа по местному времени сербская делегация только прибыла на Финляндский вокзал Петрограда. См.: *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав 1916 г. М., 1993. С. 54; Русское слово. 1916. 17(30) апр.

[18] *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 319.

inslav

нием писал: «Русское общество, наконец, поняло значение сербского вопроса и Великой Сербии для интересов русской политики, а российский МИД, решая вопрос о югославянстве, решил и вопрос о Болгарии. Об этом мне сказал, помимо Сазонова, который был менее категоричен, и Петряев» [19].

А.М. Петряев возглавлял Ближневосточный отдел МИД и считался там крупнейшим знатоком Балкан. Сазонов, занятый общеевропейской политикой и сам не очень разбиравшийся в хитросплетениях балканских проблем, в этих вопросах опирался на Петряева, мнению которого доверял [20]. По словам Маринковича, Петряев назвал в качестве «путеводной звезды русской политики то, что Болгария вычеркнута из списка российских забот и ее или не будет вовсе, или же, если Россия будет не в состоянии ликвидировать Болгарию полностью, то она будет уменьшена до минимума. Сегодня МИД рассматривает Болгарию как врага русской политики, поскольку она мешает продвижению к Константинополю». Петряев уверял Маринковича, что «таково общее мнение Николая II, Сазонова и всего российского правительства». Что же касается болгарофильских заявлений Милюкова, сделанных им тогда же, в апреле–мае 1916 г., во время пребывания думской делегации в Лондоне [21], то, по мнению Сазонова и Петряева, личные взгляды лидера кадетов никто в России не разделяет, и, поэтому, дескать, на них не стоит даже обращать внимание. По словам Петряева, «между Россией и Болгарией произошел такой раскол, что, скорее возможно даже примирение с Турцией, нежели с Болгарией» [22].

Эти данные, почерпнутые из сербской дипломатической документации, подтверждаются источниками российского происхождения. Император и Сазонов подготовились к разговорам с Пашичем. За день до аудиенции Пашичу Николай II принял князя Г.Н. Трубецкого, посланника в Сербии. Тот представил ему свою «Записку о Сербии и Болгарии». На архивной копии этого документа рукой Петряева напи-

---

[19] Там же. С. 313–314.

[20] *Михайловский Г.Н.* Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. I. Август 1914 – октябрь 1917. М., 1993. С. 131, 145.

[21] См. подробно: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. 1859–1917. М., 1990. С. 211–212.

[22] *Поповић Н.* Указ. соч. С. 314.

inslav

сано: «Представлено на благовоззрение Государя Императора с краткой докладной запиской Министра (т. е. Сазонова. – *Г. Ш.*) о согласии с выраженным в этом письме». В записке говорится: «По моему глубокому убеждению, основная причина выступления Болгарии на стороне наших врагов кроется в опасении ее увидеть Россию на Проливах. Прежде всего, Фердинанда не покидала мечта самому завладеть Константинополем. Но помимо того, как он, так и его сторонники отлично сознают, что, если Россия обоснуется на Проливах, то мечте о гегемонии Болгарии на Балканах будет положен естественный конец. Если Болгария не желает сильной России на Балканах, – продолжал Трубецкой, – есть ли у нас какой-нибудь интерес желать усиления Болгарии после ее преступного выступления на стороне наших врагов?». Затем в черновике записки содержится такая фраза, которой в окончательном варианте нет: «Не будет ли попустительство с нашей стороны в этом отношении признанием нашей слабости?» [23].

В мемуарах об этой аудиенции Трубецкой написал: «Я ... представлялся государю. Считая долгом сделать все, что мог, чтобы проводить мысль, в верности коей был убежден, что сдвиг на войне может быть достигнут только на Балканах одновременно с нашей стороны через Румынию и Союзниками от Салоник, я написал в этом смысле письмо Сазонову для представления государю на аудиенции... Те же мысли я доложил Государю, когда был принят». В разговоре с императором Трубецкой солидаризировался с мнением сербского принца-регента Александра о том, что одержать верх над Болгарией представляется более осуществимым, чем ожидать скорого и полного успеха на европейских театрах войны. Он даже предлагал подумать над тем, «можем ли мы ... предпринять какие-либо действия против Болгарии, если бы, например, было отсрочено наступление на нашем главном театре войны, где мы продолжали бы временно занимать оборонительное положение». Когда разговор коснулся Болгарии, Николай сказал: «Я выключил Болгарию из своего сердца». На это Трубецкой ответил: «Да, но чтобы изменить это положение, нам нужно нанести удар болгарам, а это возвращает к тому, что я докладываю Вам» [24].

---

[23] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 4024. Л. 395–396.

[24] *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия в 1914–1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 272–273.

inslav

Изложение этих подробностей представляется необходимым в связи с тем, что в своей посмертно изданной книге академик РАН Ю.А. Писарев утверждал: «По болгарскому вопросу у России не было стремления "наказать весь болгарский народ", как об этом писал Пашич. Во всяком случае, ни Сазонов, ни царь не давали Пашичу обещаний "наказать Болгарию"» [25]. В качестве доказательства Писарев приводит тот факт, что 29 июля 1916 г., после того, как Брусиловский прорыв существенно изменил военно-политическую ситуацию в Юго-Восточной Европе, и переговоры с румынами вступили в решающую фазу, в записке на имя императора Алексеев предложил план замирения с Болгарией, и российская дипломатия имела в виду эту возможную перспективу.

Представляется, что столь категоричное утверждение Писарева нуждается в уточнении. Во-первых, Алексеев, как и в апреле, при обсуждении возможности государственного переворота в Болгарии, руководствовался соображениями военно-стратегической целесообразности. По его словам, «военные выгоды отторжения Болгарии от враждебного нам союза столь велики и важны; последствия такого шага столь существенны для решения судеб балканского славянства, что ради этого можно идти на серьезные уступки» [26]. По сведениям Базили, на протяжении всего августа 1916 г. вопрос о сепаратном мире с Болгарией всё больше занимал Алексеева. «Стране надо дать приращения, а политическим деятелям деньги», – прагматично заявлял он [27]. В ведомстве же у Певческого моста к болгарскому вопросу подходили иначе. 20 июля Сазонова на посту главы российской дипломатии сменил Б.В. Штюрмер. Определяя российскую позицию в отношении Болгарии, престарелый бюрократ, искушенный в придворных интригах, но отнюдь не в дипломатии, был вынужден считаться с неприязненным отношением императора к этой стране. Оно персонифицировалось в давней неприязни к Фердинанду и в то же время было производным от нее.

Во-вторых, что касается допущения российской дипломатией возможности замирения с Болгарией. Алексеев считал возможным сосредоточить все силы против Австро-Венгрии и одновременно вывести из войны Болгарию, заключив с ней сепаратный мир. Он был противником румынско-болгарской военной конфронтации и предлагал сделать болгарам

---

[25] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 55–56.

[26] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3792. Л. 9–10.

[27] Там же. Л. 26–27.

inslav

серьезные территориальные уступки в Македонии. Император, который в начале мая заявлял о том, что он «вычеркнул Болгарию из своего сердца», на этот раз в принципе одобрил его записку, но, по причине своей общеизвестной нерешительности, запросил мнение нового министра иностранных дел Штюрмера. Тот же с самого начала предпочел придерживаться в болгарском вопросе пассивной линии. 31 июля в телефонном разговоре по прямому проводу с находившимся в Ставке Базили министр заявил, что Россия не может брать на себя почин переговоров с Болгарией, опасаясь ненужной огласки. По его словам, предложение Алексеева «может вызвать ропот в России, оттолкнет Сербию и вряд ли будет одобрено союзниками» [28]. Тем не менее, не составив собственного мнения и боясь ошибиться перед монархом, Штюрмер направил записку на экспертизу трем профессиональным дипломатам – уже упомянутым Базили и Петряеву, а также бывшему посланнику в Софии А.А. Савинскому. Обойти последнего для царедворца Штюрмера было затруднительно. Ведь этот салонный, хотя и не очень способный дипломат, имея придворный чин шталмейстера, пользовался благосклонностью некоторых персон из царствующего дома Романовых.

О позиции каждого из трех дипломатов следует сказать отдельно. Савинский решительно отклонил план Алексеева о сепаратном замирении с Болгарией, заявляя, что с Фердинандом вообще нельзя иметь никакого дела – «его надо свергнуть и судить». Савинский отстаивал идею создания на Балканах слабых и нежизнеспособных государств, которые целиком зависели бы от России. «В их слабости – наша сила» – писал он, отрицая саму возможность восстановления Балканского союза 1912 г. «Распри балканцев между собою прямо нас не касаются, а ... иногда, быть может, они могут быть нам даже полезны. Пусть они дерутся между собой, а Россия будет верховным арбитром этих спорах», – утверждал неудачливый дипломат, потерпевший фиаско в деле привлечения Болгарии на сторону Антанты летом 1915 г. [29].

Что касается будущего самой Болгарии, то Савинский назвал несерьезными разные политические проекты, предполагавшие полное уничтожение Болгарии как государства и раздел её территории между соседями. По его словам, «эти проекты предлагаются безответственными политическими дилетантами, движимыми чувствами злобы и мести».

[28] Там же. Д. 1753. Л. 17.

[29] Там же. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 467. Д. 578. Л. 38.

inslav

Савинский отмечал полную непрактичность и политическую нецелесообразность таких проектов, поскольку «нельзя трактатным постановлением стереть с лица земли пятимиллионную народность, имеющую свою историю» [30]. Выделяя Македонию в качестве основной военно-политической цели Болгарии, автор записки категорично утверждал, что «Болгария скорее пожертвует династией, чем Македонией» [31]. Затем он плавно перешел к вопросу о возможности династического переворота в Болгарии. По мнению Савинского, Россия как монархическая держава не должна «принимать в нём никакого активного и явного участия. Единственно, что нужно будет осторожно вселить в умы болгар, это что не только лично король (царь Фердинанд. – *Г. Ш.*), но и вся его династия не внушают нам доверия». Престолонаследника и будущего царя Бориса III Савинский характеризовал так: «Политическая личность наследного королевича более чем сомнительна: во время событий, предшествовавших войне, масса признаков ... свидетельствовали о его открытой симпатии к немцам и австрийцам и к германофильской политике отца. Королевичу 24 года, но по своему развитию, характеру, незнакомству с делами, на которые он смотрит глазами отца, не позволявшего ему ни одной свободной мысли, не только действия, – он походит на 15-летнего мальчика». Тем более безосновательными выглядели надежды на Кирилла, второго сына Фердинанда [32].

Так Савинский обосновывал необходимость полного изгнания Саксен-Кобург-Готской династии из Болгарии. А вот вытекавшее из этих рассуждений дальнейшее предложение Савинского могло показаться Николаю II неожиданным. «Восстановлять монархию было бы для нас крайне невыгодно: всякий иностранный принц не только из ныне дружественных нам домов, но даже из нашего царствующего дома, а тем более основатель национальной династии, сделавшись болгарским королём, будет неизбежно, силою вещей, стараться увеличить территорию и мощь своей новой страны; и чем ближе он будет к нам, тем нам будет труднее противиться его планам. Поэтому было бы практичнее всего способствовать будущему временному правительству превратиться в республиканское или федеральное». К череде аргументов в пользу республики Савинский добавил последний, «приправленный» изрядной порцией цинизма и

[30] Там же. Л. 46.
[31] Там же. Л. 41.
[32] Там же. Л. 43.

inslav

великоимперского снобизма: «При страшной склонности болгар к политиканству, такое правительство на многие годы занялось бы своими внутренними делами, и таким образом одна из наших задач на Балканах, – воспрепятствование созданию слишком сильных государств была бы достигнута» [33].

Что же касается границ послевоенной Болгарии в том виде, как они представлялись Савинскому в августе 1916 г., то он настаивал на том, чтобы Сербия полностью доверилась и подчинилась решениям России и Антанты в целом по вопросу о будущей границе с Болгарией. «А решения эти – следующие: а) вся территория Сербии, занятая болгарами, возвращается сербам; б) раздел Македонии по линии союзного договора 1912 г. ("спорная зона" Сербии, "бесспорная" – Болгарии)». Впрочем, Савинский не настаивал на решении вопроса о Македонии именно в этом смысле. По его словам, «можно было бы принять всякое другое решение, которое соответствовало бы общим нашим интересам, например уступку болгарам Македонии по линии договора 1912 г. лишь до Вардара или нечто другое». Что же касается возможных болгарских приобретений во Фракии, то Савинский ставил их в зависимость от интересов будущей обороны Черноморских проливов и прилегающей территории, предоставляя последнее слово по этому вопросу военному командованию [34].

Как видим, его мало волновал этнический состав населения спорных территорий. Ведь будучи участником провальных переговоров с Болгарией летом 1915 г., Савинский прекрасно понимал, что отдавать ей территорию лишь до Вардара это всё равно, что не давать ничего. Но он-то и не ставил перед собой цели умиротворить Балканы после кровавой войны, а как верный проводник российской имперской политики, призывал действовать по принципу «Divide et impera!». Так, в этой же записке он считал вполне допустимым предоставить Румынии выход к Эгейскому морю, отдав ей значительную часть болгарской территории. По его мнению, если бы Румыния на такой дар данайцев «польстилась, то, конечно, в этом был бы выгодный для нас залог её слабости в будущем» [35].

В отличие от Савинского, Петряев и Базили, анализируя предложение Алексеева, теоретически допускали, *в самом крайнем случае*, возможность переговоров и с царём Фердинандом. Однако Петряев, напри-

[33] Там же. С. 44.
[34] Там же. С. 45.
[35] Там же. С. 46.

inslav

мер, предлагал считаться с чрезвычайно невыгодными для России последствиями этого шага, как-то: обнаружением слабости России, отпадением от нее сербов, умалением ее нравственного авторитета среди балканских народов, и славян, в частности, и неудобством иметь рядом сильную Болгарию. Но, заключал Петряев, – «со всеми этими невыгодами можно помириться только тогда, если мы действительно этой ценой купим активное содействие болгар и при помощи их обеспечим себе обладание Константинополем и Проливами» [36].

В свою очередь волоокий красавец Базили, весьма влиятельный при Сазонове [37], в начале недолгой министерской деятельности некомпетентного Штюрмера еще не успевший утратить влияния, был даже более категоричен, чем Петряев. Он исходил из того, что вся Болгария фактически находится в руках Фердинанда. Поэтому, ссылаясь на мнение уже упомянутого полковника Татаринова, Базили полагал, что даже лучше завязать прямые сепаратные переговоры с самим царём Фердинандом, чем с германофильским правительством «либеральной концентрации», во главе которого стоял д-р В. Радославов [38].

Но наиболее трудным был вопрос о территориальных границах послевоенной Болгарии. Вторя Савинскому о нежелательности для России создания на Балканах какого-нибудь слишком сильного государства, Петряев всё же призывал «заранее помириться с мыслью, что ни один из ... балканских народов не откажется от стремления к исключительному политическому преобладанию. В этом отношении Македония и Албания, продолжал Петряев, как могущие дать значительный перевес государству, их присоединяющему, еще многие годы будут служить яблоком раздора между балканскими странами». Отсюда вытекал вывод: «Мы должны теперь же отказаться от недостижимого идеала найти удовлетворяющее всех балканцев решение македонского вопроса, и задача, в сущности, сводится к тому, чтобы подыскать наименее неудовлетворительное решение» [39].

Рассматривая практически вопрос о будущих государственных границах Болгарии, Петряев предлагал иметь в виду две возможности.

---

[36] *Семенников В.П.* Монархия перед крушением 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 55.

[37] *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. С. 75–76.

[38] *Семенников В.П.* Указ. соч. С. 55–57.

[39] Там же. С. 54.

inslav

«Во-первых, если Болгарии будет нанесен сильный удар, и она окажется во власти Союзников, то ей тогда, очевидно, придётся подчиниться всем поставленным условиям. В таком случае ей можно было бы оставить болгаро-румынскую и болгаро-греческую границы такими, какими они были установлены Бухарестским договором (1913 г. – *Г. Ш.*). Западная же болгаро-сербская граница должна пройти по линии ... Струмы, с некоторым уменьшением территории в пользу Сербии». Со стороны Фракии Петряев предлагал установить болгарскую границу по линии Дедеагач – Мустафа-паша – Василико [40]. Положение могло оказаться несравненно сложнее, если бы Антанте не удалось сломить Болгарию военной силой. В таком случае Петряев предлагал уже путем соглашения и переговоров установить максимум возможных уступок со стороны России. При активном содействии болгарской армии в борьбе против Османской империи, «мы принуждены будем согласиться на значительные земельные приращения Болгарии в Западной Македонии и некоторые изменения её границ во Фракии». В Западной Македонии речь шла о линии реки Вардар. Присоединение же к Болгарии земель западнее Вардара Петряев считал крайне нежелательным и допустимым только в случае увеличения сербской государственной территории за счет австрийских земель с сербско-хорватским населением. Касательно Фракии российский дипломат писал о линии Энез – река Эргенэ – Мидье. Если же в ходе военных действий болгары займут часть греческой территории (Сере и Кавалу), то эти пункты, по мнению Петряева, также могли бы быть оставлены за Болгарией при послевоенном урегулировании [41].

Таким образом, мы видим, что ни один из трёх дипломатов в августе 1916 г. категорично не поддержал план Алексеева о *немедленных* переговорах с Болгарией. Пытаясь заручиться поддержкой французов, генерал обсуждал данный вопрос в середине месяца с представителем французского военного командования в Ставке генералом М. Жаненом. Алексеев готов был обещать болгарам Кавалу и, возможно, даже Салоники [42]. Но французы ответили, что считают политически ошибочным начинать переговоры с Болгарией **до** нанесения ей сильного удара. Да и сам Алексеев в это время проявлял некоторую непоследовательность в воен-

[40] Там же. Василико – одно из прежних названий города Царево на черноморском побережье Болгарии.

[41] Там же. С. 54–55.

[42] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3792. Л. 31–32.

inslav

но-стратегическом планировании, в частности, в том, что касалось направления предстоящего удара румынской армии – против болгар или в Трансильвании [43]. А ведь именно от этого, в решающей степени, зависело место Болгарии в планах послевоенного территориально-политического переустройства на Балканах.

Все это, вместе взятое, предопределило позицию Штюрмера и самого императора – их категорический отказ договариваться с Болгарией. 3 сентября, уже после начала военных действий между Болгарией и Румынией, Николай II заявил Штюрмеру после его доклада, что никакие переговоры с болгарами невозможны, пока Фердинанд остается на престоле. Инициатива переговоров ни в коем случае не должна принадлежать России. Однако Николай допустил возможность переговоров в случае отречения Фердинанда в пользу Бориса, своего крестника. Обратиться же к переговорам император полагал возможным только после нанесения Болгарии сокрушительного удара [44].

Хотя до реальных переговоров стран Антанты с Болгарией в августе 1916 г. дело не дошло, но слухи о них чрезвычайно встревожили сербское правительство. Желая рассеять эти опасения, еще 18 августа Штюрмер в разговоре сербским посланником М. Спалайковичем совершенно неожиданно для последнего стал критиковать своего предшественника Сазонова, указав, что будто бы он «слишком потворствовал болгарам» [45].

Это только привело сербов в недоумение, но отнюдь не успокоило их. Поэтому Пашич не преминул обратиться 3 сентября к четырем державам Согласия с циркулярной нотой. В ней он настаивал на немедленном и точном определении будущей сербско-болгарской границы и гарантиях в отношении сербского суверенитета над Вардарской Македонией. 13 сентября эта нота была вручена в Петрограде [46]. Но Штюрмер, памятуя об указаниях императора, хотел сохранить за собой свободу действий. Отвечая на ноту, в разговоре со Спалайковичем он

---

[43] *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны: Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. С. 295–297.

[44] *Семенников В.П.* Указ. соч. С. 52, 149.

[45] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 124.

[46] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 4041. Л. 3об. См. также: *Поповић Н.* Указ. соч. С. 336–337.

inslav

категорически отказался фиксировать будущую границу. Министр отделался общим заверением, что «вопрос этот подлежит предварительному обсуждению между Союзными правительствами, но Сербия всегда может рассчитывать в этом отношении на благожелательную поддержку императорского правительства». Сообщая об этом разговоре российским послам в союзных столицах, Штюрмер заявил, что считает несвоевременным «принимать какие-либо решения по этому вопросу, но, может быть, было бы не бесполезно для будущего выслушать теперь пожелания сербов, ответив им, что державы готовы в настоящее время принять их к сведению, но оставляют за собою право высказаться по этому вопросу окончательно, когда на Балканах вполне выяснится военная и политическая обстановка» [47]. Но даже этого сделано не было. Хотя позицию российского МИД разделил французский премьер-министр А. Бриан [48], из Рима пришло возражение. Глава Консульты (итальянского МИД) барон С. Соннино опасался, что обсуждение сербских предложений о будущей границе с Болгарией плавно перейдет в дискуссию о сербских границах вообще. Учитывая наличие острейших итало-сербских территориальных противоречий, Консульта стремилась избежать разговоров на эту тему. По словам Соннино, «если не последуют возражения на эти (сербские. – *Г. Ш.*) пожелания, то Сербия будет всё же считать их обеспеченными за нею» [49]. Идентичное мнение высказал глава Форин оффис сэр Э. Грей [50]. Под натиском союзников Штюрмеру пришлось отступить...

Тем временем, неприязнь Николая II к Болгарии продолжала резко возрастать. Особенно явной и недвусмысленной она стала после того, как 5 сентября началось непосредственное российско-болгарское вооруженное противостояние в Добрудже. Вечером 19 сентября император в качестве Верховного Главнокомандующего беседовал в Ставке в Могилеве с генералом К. Коандой, представителем теперь уже союзной румынской армии. Коанда обратил его внимание на то, что сорок лет назад румыны сражались вместе с русской армией за освобождение Болгарии от османского ига. А ныне болгары вместе с турками сражаются против тех армий, которые им принесли свободу. На что Нико-

[47] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 4041. Л. 4.
[48] Там же. Л. 11.
[49] Там же. Л. 6.
[50] АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. 1916. Оп. 470. Д. 563. Л. 33.

inslav

лай II ответил Коанде: «Будьте уверены, мы накажем их так, как они даже не могут себе представить» [51].

В том же сентябре родственники императора, великие князья из дома Романовых «обрабатывали» его в антиболгарском духе, настаивая на занятии им твердой позиции, которой следует держаться во взаимоотношениях с Союзниками. Например, дядя императора Николай Михайлович писал своему августейшему племяннику 9 сентября: «Уже раньше меня поражало благожелательное отношение англичан... к Болгарии, а теперь это стало выражаться в более определенной форме. Если вообще англичане только считаются со странами, имеющими выходы к морям, что и есть преимущество Болгарии, то теперь явилась другая еще нота – привлечь болгар на сторону Союзников. Это уже не скрытое желание, а явное стремление выгородить именно болгар во вред прочим балканским народностям, и особенно несчастной Сербии, у которой нет нигде выходов к морю. Надо, значит, учесть заблаговременно эти английские тенденции, чтобы не дать им развиться и чтобы ко времени мирных переговоров не вышло бы неожиданного конфликта. Если советник посольства Линдлей осторожно только намекает на желательность щадить Болгарию, то добродушный Бьюкенен только и говорит об этом за последние недели. Ни французы, ни итальянцы не поддаются на эту удочку, но было бы желательно теперь же отрезать и поплавок» [52].

В эти месяцы в российских придворных кругах шли упорные слухи о том, что после свержения Фердинанда на болгарский престол готовится взойти двоюродный дядя императора великий князь Николай Николаевич-младший. Поскольку он бездетен, ему в наследники прочили Романа Петровича, сына его брата Петра Николаевича [53]. Но

---

[51] Biblioteca Naţională a României. Colecţii Speciale. Arhiva Istorică. F. Saint Georges. Pachet XVI. Dos. 2. Arhiva generalului D. Iliescu. F. 13; *Popa V.* Misiunea generalului Coandă la Stavka (1916–1917). Bucureşti, 2010. № 21. P. 146–147.

[52] Николай II и великие князья: Родственные письма к последнему царю / Ред. В.П. Семенников. Л.; М., 1925. С. 86.

[53] Там же. С. 15. Еще весной 1916 г. эти слухи стали известны Бриану. См.: НА ИИИ БАН. Колекция "Les Archives de Ministère des affaires étrangères. Paris». Europe 1914–1918. Sér. A. Car. 381. Dos. 3. P. 180 ; Guerre 1914–1918. Bulgarie. T. 6. NS/241. P. 223–225.

inslav

здесь все было непросто. Николай Николаевич и Петр Николаевич были женаты на сестрах – черногорских княжнах Анастасии (Стане) и Милице («черногорских паучихах», как их называли за глаза). Их можно отнести к просербскому лобби в императорской фамилии, правда, с некоторой оговоркой, учитывая сложные отношения их отца, черногорского короля Николы, с сербской династией Карагеоргиевичей. Черногорки и особенно Николай Николаевич находились во враждебных отношениях с Г.Е. Распутиным, который пользовался репутацией «царского друга» и через императрицу Александру Фёдоровну влиял на Николая II. Распутин же, как известно, с самого начала, еще летом 1914 г., был против того, чтобы Россия, защищая сербские интересы, ввязывалась в роковую и губительную для себя войну. По некоторым неподтвержденным данным, Распутин несколько раз в присущей ему загадочной, нечленораздельно-мистической манере проговариал какие-то туманные проболгарские и антисербские фразы. Не потому, конечно, что он сочувствовал болгарскому национальному идеалу и негативно относился к сербскому, а потому что всеми силами стремился воспрепятствовать усилению группировки своего самого непримиримого врага Николая Николаевича [54]. Однако эти действия Распутина не повлекли за собой какие-то позитивные изменения в отношении императора к Болгарии.

Как уже говорилось, в середине ноября 1916 г. российское военное командование предложило союзникам нанести удар на Салоникском фронте с целью разгрома болгар при содействии русско-румынских армий. Это были последние, касавшиеся Болгарии, «телодвижения» правящей элиты Российской империи перед революцией, свергнувшей царизм. Вместе с ним канули в Лету и гипотетические планы нанесения удара по Болгарии. Впрочем, этот самостоятельный и интересный сюжет еще ждет своего исследователя…

[54] *Беровски А.* Корона и кръв. Кн. 3. 1913–1918 г. София, 1994. С. 217, 249.

inslav

А.Ю. Тимофеев
Белград

Планы обороны и «активных действий» Красной армии на Балканах (1944–1945 гг.)

Истанбул-Стамбул-Константинополь-Царьград ... У какого русского человека при этих словах сердце не забьется быстрее, не промелькнет в душе что-то теплое при взгляде на мощные стены Св. Софии, на ее богатые мозаики [1], кто не вздохнет украдкой, посмотрев на минареты, нависшие над ее куполами. Народы и цивилизации, ими создаваемые, рождаются, цветут, стареют и умирают. При этом в истории были, есть и будут точки бифуркации – моменты, когда история могла пойти совсем по-другому. Битвы на Каталаунских полях (451 г.), при Туре (732 г.), на Куликовском поле (1380 г.) и на Косовом (1389 г.), осада Вены (1683 г.)... Тогда история могла пойти иначе. Такой же важной точкой бифуркации стала гибель Византии под ударами ослабивших ее крестоносцев (1202–1204 гг.) и добивших ее турок. В 1453 г. Константинополь пал.

О значении этого события английский византинист С. Рансимен писал так: «29 мая 1453 г., несомненно, является поворотным пунктом в истории человечества. Он означает конец старого мира, мира византийской цивилизации. В течение одиннадцати столетий на Босфоре стоял город, где глубокий ум являлся предметом восхищения, а науку и литературу классического прошлого тщательно изучали и берегли. Без византийских исследователей и переписчиков мы знали бы сейчас не очень много о литературе древней Греции. Это был также город, правители которого в течение многих веков поощряли развитие школы искусства, не имеющей аналогии в истории человечества и явившейся сплавом неизменного греческого здравого смысла и глубокой религиозности, видевшей в произведении искусства воплощение Святого Духа и освящение материального. Кроме того, Константинополь был великим космопо-

---

[1] *Лазарев В.Н.* Мозаики собора Св. Софии в Константинополе // История византийской живописи. М.: Искусство, 1986.

inslav

литическим городом, где, наряду с торговлей, процветал свободный обмен идеями, и жители считали себя не просто каким-то народом, а наследниками Греции и Рима, просвещенными христианской верой. Всему этому теперь пришел конец. Новые хозяева, иноплеменники, не поощряли занятий науками среди своих христианских подданных. Без покровительства свободного правительства византийское искусство начало клониться к упадку. Новый Константинополь стал блестящим городом – красивым, богатым, многонаселенным и разноплеменным. Однако его красота олицетворяла ныне могущество мировой империи султанов, а не царство Христианского Бога на земле, и его жители были разобщены различными вероисповеданиями. Константинополь возродился, став на многие века предметом восхищения всех, кто его посещал, но это уже был Стамбул, а не Византия» [2]. Вслед за Константинополем из европейской цивилизации ушли и все Балканы.

Так же, как и Пиренейская Реконкиста (VIII–XV вв.), Балканская Реконкиста началась практически сразу же после приостановки исламской экспансии. После снятия осады Вены колесо военной фортуны двинулось в обратном направлении. Венгрия, Хорватия и часть Сербии вновь вернулись в лоно европейской цивилизации. В XVII–XVIII веках флаг Балканской Реконкисты находился в руках австрийских немцев и венгров, а в XVIII–XIX вв. – в руках русских и других подданных российского монарха. В том же XIX веке в ходе ряда национально-освободительных восстаний порабощенные балканские народы (сербы, греки, болгары) начали восстанавливать свою независимость, принимая знамя Реконкисты Балкан, что увенчалось блистательными победами Первой балканской войны (1912 г.). Первая мировая война, в которой Реконкиста могла получить успешное окончание, так и не довела до конца этого многовекового процесса, несмотря на попытки англичан и русских [3]. Стены Константинополя несколько раз мелькали вдали и раньше (перед русскими в 1807 [4], 1833 [5] и 1878 гг. [6], перед балканскими христиа-

---

[2] *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983.

[3] *Айрапетов О.Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 158–261; *Коленковский А.К.* Дарданелльская операция. Москва–Ленинград, 1933.

[4] *Броневский В.* Записки морского офицера: в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николае-

inslav

нами в 1912 г.), но никогда крест над Св. Софией не был так реально возможен, как в Первую мировую войну, в которой Россия попыталась овладеть Босфором. Судьба зло посмеялась над солдатами и офицерами русской императорской армии, в проигранной ими Гражданской войне. Они смотрели на его голубые волны, по которым прибыли в константинопольское изгнание, умирали на земле Галлиполи, а выживших несло дальше ветром переселений, вечным спутником незавидной судьбы эмигрантов [7]. В то же время Россия Советская в 1920–1922 гг. упорно [8] содействовала турецким войскам в их борьбе против греков, подписав с Мустафой Кемалем 16 марта 1921 г. в Москве договор о «дружбе и братстве» и начав реально помогать ему золотом и дипломатией, а также – оружием и инструкторами [9].

Однако логика геополитического тяготения привела к тому, что менее четверти века спустя уже Красная армия оказалась перед искушением продолжить действовать там, где остановилась армия царская. Это были последние месяцы Второй мировой войны и первые послевоенные месяцы, которые сложно было назвать мирными [10]. Балканы в то время

вича Сенявина от 1805 по 1810 год. С.-Петербург, 1818.

[5] *Фоменко И.* Тень русского орла над Босфором // Родина. 2013. № 3. С. 108–110.

[6] *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994.

[7] *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2006.

[8] *Шеремет В.И.* Босфор: Россия и Турция в эпоху первой мировой войны: По материалам русской военной разведки. М., 1995. С. 228.

[9] *Кемаль Ататюрк.* О советско-турецких отношениях в 1919–1938 годах // Международная жизнь. 1963. № 11. С. 147–148; *Миллер А.Ф.* Становление Турецкой республики // Народы Азии и Африки. 1973. № 6; *Данилов В.И.* Турция 20–30-х годов: путь к демократии // Восток. 1997. № 2.

[10] Зона напряженной ситуации на грани гражданской войны распространялась в то время не только на территории Прибалтики, Западной Украины и Польши, но и на территории Юго-Восточной Европы – Югославию, Румынию, Албанию и приграничные с Турцией районы Болгарии. В то же время в Греции, где оккупационными войсками были англичане и знаки противостояния были противоположными, Гражданская война полыхала с еще большей силой. В Италии, Франции и

inslav

были уже de facto «поделены» между СССР (Болгария, Румыния, Югославия и Албания) и англо-американскими союзниками (Греция и Турция) [11]. Войска и основные усилия англо-американцев на Балканах были сконцентрированы в Греции, кроме того, они оказывали военную помощь Турции, где имелись западные военные миссии и военные инструкторы. Советские войска были размещены в Румынии и Болгарии, а в Албании и Югославии уровень советского военного присутствия также ограничивался военными миссиями, военной помощью и инструкторами. При этом в Румынии и Болгарии (как и в ряде других стран Европы, участвовавших во Второй мировой войне на стороне проигравших) действовали Союзные контрольные комиссии (СКК). О деятельности СКК в Болгарии и о послевоенном развитии ситуации писали непосредственные участники тех событий [12], издан ряд монографий и сборников документов, а также значительное число сборников статей [13]. Ограничимся

Испании коммунистические полуподпольные военизированные организации также пытались, без особых, правда, успехов, защитить свое место под солнцем. Детальнее см.: *Тимофеев А.Ю.* Повстанческое движение в Сербии. 1944–1948: борьба против укрепления власти КПЮ на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы // Историки-слависты МГУ. В.А. Тесемников. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М.: Изд-во МГУ, 2013.

[11] Идея о разделе сфер влияния на Балканах обдумывалась англичанами еще с 1942 г. (*Mackenzie W.* The Secret History of S.O.E.: Special Operations Executive 1940–1945. London, 2000. P. 430–431), выдвигалась английской стороной в переговорах с СССР с весны 1944 г. (*Спасов Л.* България и СССР. Политико-дипломатически отношения 1917–1944. Велико Търново, 2008. С. 479.) и окончательно была сформулирована в октябре 1944 г. (*Ржешевский О.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 412–488).

[12] *Бирюзов С.С.* Советский солдат на Балканах. М., 1963; *Черепанов А.И.* В ония бурни години: Записки на заместник-предс. на Съюзната контролна комисия в България: (1944–1947). София, 1981.

[13] Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг., М., 1969; Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. М., 1976–1981. Т. 1–2; Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.:

inslav

лишь общей констатацией уже установленного предшественниками фона взаимоотношений с англо-американскими союзниками. При этом если СССР устанавливал железной рукой свой порядок в Румынии, Болгарии и Венгрии, не очень оглядываясь на союзников, тоже последние делали в Италии и Греции. Стоит уточнить, что первыми конфронтацию открыли англо-американцы, начав еще в 1943 г. вытеснение из новых правительств представителей политической оппозиции (коммунистов в Италии), а также выдвинув претензии к соседним странам по территориальным вопросам (проанглийское правительство в Греции) и добиваясь маргинализации роли союзников, не имевших военной мощи на территории оккупированной страны (положение советской базы АГОН в Бари и т. д.).

Мы же хотели обратить внимание на то, что кроме подпольной поддержки повстанцев на территории зоны влияния противоположной стороны, кроме дипломатических ристалищ и маргинализации политической оппозиции, оба военных партнера держали в рукаве и запасные тузы. Известный российский исследователь истоков холодной войны О. Ржешевский, комментируя британский план «Немыслимое» (согласно которому предполагалось нанесение ударов по вчерашнему союзнику), пишет: «В связи с «инициативами» Черчилля возникает по меньшей мере два вопроса. Первый – имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов? На этот вопрос следует ответить отрицательно... Второй вопрос – знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? На этот вопрос, пожалуй, можно ответить утвердительно» [14]. Соглашаясь с маститым ученым в целом, нам хотелось бы уточнить некоторые моменты. Такие планы у СССР, несомненно, были. Хотя и, как и писал О. Ржешевский, это – планы контрнаступления оборонительного характера, исходившие из возможности нанесения первого удара англо-американцами. Таких планов, как это и понятно из второй части утверждения О. Ржешевского, СССР просто не мог не иметь. Стратегические

Документы: в 2-х т. М., 1999–2002; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: 1949–1953 // Очерки истории. М., 2002 и др.

[14] *Ржешевский О.А.* Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3.

inslav

и фронтовые уровни такого планирования закрыты для исследования и в обозримом будущем вряд ли будут открыты [15]. Однако на Балканском направлении эти документы не являются секретными, причем гриф секретности с них снят сравнительно недавно – в минувшее десятилетие текущего века.

Весной 1944 г. ситуация крайне обострилась по линии взаимоотношений СССР не только с Англией, но и с США. Известно несколько случаев межсоюзнических воздушных боев и обстрелов советских войск авиацией союзников [16]. Однако пиком этой напряженности на южном фронте можно назвать приказ командующего фронтом от 2 апреля 1945 г. [17], обращенный к командующим армиям и командирам отдельных

[15] Мы надеемся на это, т. к., к сожалению, в истории России документы такого уровня открывались лишь в трагические моменты, когда российская государственность находилась под угрозой – после 1917 г. и после 1991 г.

[16] Имеются в виду боевое столкновение 18 марта 1945 г. над расположением советских войск на восточном берегу реки Одер, севернее города Кюстрин, в ходе которого было сбито 6 советских самолетов, двое советских летчиков погибли, а один получил тяжелое ранение (Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (далее ЦА МО РФ). Ф. 40. Оп. 11549. Д. 292). Еще более крупный инцидент – штурм частей 6-го гвардейского стрелкового корпуса 3-го Украинского фронта в районе Чамурлия в тогдашнем пригороде Ниша. В результате налета американских самолетов на советскую автоколонну были убиты командир корпуса генерал-лейтенант Г.П. Котов, два офицера и трое рядовых. Сожжено 20 автомашин с имуществом. Для отражения нападения американских ВВС была поднята советская авиация. Открывшая огонь советская зенитная артиллерия сбила 1 самолет ВВС США, и 1 самолет ВВС РККА, советский летчик погиб. Кроме того, американские пилоты сбили в завязавшемся бою еще 2 самолета ВВС РККА, один из летчиков погиб. В этом бою, по наблюдениям с земли, огнем зенитной артиллерии и советскими истребителями было сбито 5 самолетов ВВС США (ЦА МО РФ. Ф. 866 иап. Оп. 223502. Д. 3). См. *Почтарев А.* «Дружеские» атаки американских союзников // Независимое военное обозрение. 08.04.2005; *Блажей А.К.* В армейском штабе. М., 1967. С. 255.

[17] ЦА МО РФ. Ф. 37 ОА. Оперативный отдел (далее ОО). Д. 16.

inslav

корпусов, начальнику тыла фронта, начальнику войск по охране тыла фронта. «За последнее время, – говорилось в нем, – участились случаи посадки иностранных, в том числе американских самолетов на территории, занятой нашими войсками. Вредное благодушие, ненужная доверчивость и потеря бдительности со стороны личного состава частей Красной армии и в первую очередь ВВС способствует использованию этих посадок враждебными элементами, переброску на нашу территорию террористов, диверсантов и агентов... В связи с вышеизложенным и в соответствии с директивой Ставки Верховного главнокомандования 016050 от 30.3.45. приказываю 1. Все экипажи севших без разрешения на территории, занятой нашими войсками, исправных или неисправных иностранных самолетов, в том числе, американских и английских, интернировать и содержать под арестом впредь до получения указаний о дальнейшем их направлении. 2. Иностранные самолеты, в том числе американские и английские, севшие на территории, занятой нашими войсками, считать трофейными. Исправные и поддающиеся полевому ремонту направлять в 17 ВА. Не подлежащие восстановлению самолеты сдавать в трофейные органы как металл или разбирать на запчасти. 3. О всех случаях интернирования иностранных экипажей немедленно шифром доносить».

Этот приказ подписал Федор Иванович Толбухин – офицер, носивший погоны и командовавший батальоном еще в Первую мировую, судьба которого в эпоху Второй мировой войны была прочно связана с южными рубежами России [18]. В июле 1938 – августе 1941 гг. он был начальником штаба Закавказского военного округа. Он руководил советской частью планирования «Иранской операции» (англ. Operation Countenance) – совместная англо-советская операция по занятию территории Ирана, успешно выполненной 25 августа – 17 сентября 1941 г. Затем он участвовал в разработке и проведении Керченской десантной операции (26 декабря 1941 г. – 20 мая 1942 г.), окончившейся поражением. После года на должностях командующего армиями, с марта 1943 г. «южное направление» на его служебном пути вновь возобладало: Ф.И. Толбухин командовал войсками Южного (преобразованного 20 октября 1943 г. в 4-й Украинский фронт), с мая 1944 г. – 3-го Украинского фронтов, прошедшего степи Украины, территории Румынии, Болгарии, Югославии,

[18] *Кузнецов П.Г.* Маршал Толбухин, 1894–1949. М., 1966; *Храпченков В.К.* Солдат Отчизны в маршальских погонах. Ярославль, 2005.

inslav

Венгрии и Австрии, в качестве самого южного крыла «бури с востока», павшего на голову нацистов. После окончания военных действий войска фронта, размещенные в Румынии и Болгарии, были преобразованы в Южную группу войск, которой до января 1947 г. – почти до самого конца ее существования (была расформирована в феврале 1947 г.) – руководил Ф.И. Толбухин. В 1949 г. Ф.И. Толбухин скончался.

После подписания в Москве 28 октября 1944 г. соглашения о перемирии в Болгарии начала действовать Союзная контрольная комиссия, преобразована из действовавшей до этого Объединенной союзной военной миссии. Председателем СКК был назначен Ф.И. Толбухин, заместителем (а фактически руководителем) был генерал-полковник С.С. Бирюзов. Одновременно С.С. Бирюзов был также командующим 37-й отдельной армии (37-й ОА), пополненной кадрами и техникой и размещенной в Болгарии с декабря 1944 г. В 1946 г. на базе управления 37-й ОА была создана 10-я Особая механизированная армия, имевшая в своем составе 3 корпуса (9 дивизий). Командиром этого нового соединения также был С.С. Бирюзов. Эта мощная группировка Красной армии, оставшаяся с декабря 1944 г. в глубоком тылу Второй мировой войны, содержалась в полной боевой готовности. Из документов оперативных, разведывательных и политических отделов штаба 37-й ОА, а также входивших в ее состав частей и соединений, ясно прослеживается, кто считался вероятным противником.

Деятельность представителей Англии и США при СКК в Болгарии (генералов У. Оксли и Д. Крейна) советские представители минимизировали [19]. Работая в стесненных условиях, английские военные разведчики все же находили возможность собирать данные по советско-болгарскому взаимодействию на южном направлении. При этом в своих докладах с начала 1945 г. они напрямую связывали деятельность ЭЛАС в Греции, фиксировали ухудшение советско-турецких взаимоотношений и активизацию советских войск, обращая особое внимание, как на места базирования советской авиации, так и на усиление советского сухопутного присутствия в стране [20].

В то же время в 37-й ОА, в армейской газете «Советский патриот», которая издавалась с грифом ДСП (т. е. могла служить лишь для подня-

[19] *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. М., 1984. С. 264–284.

[20] *Котева А., Котев Н.* Британско разузнаване в България, 1939–1945. София, 2003. С. 144–179.

inslav

тия боевого духа бойцов и офицеров, не будучи при этом газетой, рассчитанной на реакцию Запада или широких масс населения), полным ходом шло ознакомление личного состава с ситуацией на Балканах. В рубрике «В помощь агитатору» помещались статьи о роли России в освобождении Балкан от османского ига – «Русские на Балканах в 1877 году», «Здесь побеждали русские. Шипка», «Здесь побеждали русские. Плевна», «Самарское знамя. Из истории войны 1877 года» и т. д. [21]. Параллельно с этим личному составу 37-й ОА в армейских и дивизионных газетах регулярно сообщали о кровавом подавлении коммунистического восстания в Греции и о том, что бывшие сообщники немецких оккупантов в Греции заседают в правительстве, а бывшие участники коммунистического партизанского движения – сидят в тюрьме [22]. Последний пропагандистский штамп о дружбе с союзниками появился в середине ноября 1944 г. – плакат, на котором советский и английский солдат обнимались на фоне указателя «Берлин», с подписью «Скоро придет час». После этого просоюзнических публикаций в газете не появлялось. В ноябре и декабре 1944 г., а также в новом 1945 г. военные пропагандисты продолжали публиковать заметки про убитых и взятых в плен английскими и греческими правительственными войсками партизан-коммунистов. Писали про то, что тюрьмы Греции переполнены рабочими, введена система тайной государственной полиции, расстреливаются бывшие подпольщики, а «квислинговцы» получают теплые местечки в правительстве. К марту накал страстей достиг максимума: 6 марта 1945 г. была опубликована статья, в которой со ссылкой на английский журнал «Нью стейтсмен и нейшнл» подробно писалось, что новый премьер Греции Н. Пластирас возглавлял греческие войска во время Гражданской войны и интервенции в России в 1920-е гг., а регент архиепископ выступил с антиболгарской и антиславянской речью шовинистического характера в Салониках. Наконец, 9 марта целая страница газеты была отдана под крупнокалиберное «научное орудие» сталинской пропаганды – статью академика Н.С. Державина «Славяне, Россия и Советский Союз». До конца марта параллельно со статьями о положении дел в Греции стали часто появляться заметки о ситуации в новой Болгарии. Стоит отметить,

---

[21] Армейская газета 37-й ОА «Советский патриот» за 3 октября, 13 октября, 2 ноября, 25 ноября 1944 г. и т. д.

[22] «Советский патриот» за 1944–1945 гг., первая заметка 19 ноября, потом регулярно со 2 декабря 1944 г.

inslav

что в то время сталинские пропагандисты обычно избегали давать страноведческую информацию в армейских газетах (дабы не вызвать «ненужного» интереса и сближения с иностранцами). Но в данном случае было сделано исключение: публиковались материалы о современной культурной и спортивной жизни Болгарии (просоветских манифестациях), наградах СССР, врученных болгарским генералам, и др. Словом, крепилось «братство по оружию».

К середине весны 1945 г. пропагандистская артподготовка затихла. Информация о Греции, Болгарии и Турции практически исчезла со страниц газеты, возвратив ее в нормальные рамки гарнизонного формата. Последними точками стали заметка от 15 марта 1945 г. об осуждении афинским судом М. Монедаса, «организатора саботажа в период немецкой оккупации, которого суд приговорил к смерти», и заявление ЭАМ (греческое движение сопротивления) от 18 марта о том, «что правительство Греции не является представительным». Информация о Греции стала появляться лишь мельком, но сообщения были очень резкие, вроде опубликованного со ссылкой на ТАСС заявления от 14 апреля руководителя греческой компартии, который назвал правящий кабинет фашистским и призвал трудящихся бороться за создание демократического правительства. Столь же однозначной была опубликованная 20 апреля со ссылкой на газету «Элефтерия» статья «Маска» о положении в Греции: «Безнаказанный террор распростер свои черные крылья над нашей несчастной страной. Он является неожиданным дополнением ко всем несчастьям, преследованиям, безработице, нищете и разрушениям, пережитым греческим народом за последние годы. Со всех концов Греции, из всех районов столицы к нам поступают обращения и протесты. Сегодня государство у нас подменяется различными подонками, которые убивают, истязают и оскорбляют граждан, не встречая никаких помех. В любой другой стране эти люди давно сидели бы в тюрьме, ибо это как раз те, кто служил захватчикам и обильно обагрил свои руки греческой кровью. Разница лишь в том, что теперь эти люди сбросили маски. В Ливадии и Аркадии население, спасаясь от террора, уходит в горы. На Кефалинии, выпущенные из тюрем предатели, стали во главе национальной гвардии. В Занте начальником национальной гвардии является офицер квислинговских охранных батальонов. В Афинах люди палача Бурандаса остаются в рядах полиции. Армия и жандармерия находятся в руках офицеров из охранных батальонов. Днем и ночью арестовываются, избиваются и истязаются старики, мужчины и женщины только потому, что

inslav

они не разделяют политических взглядов этих субъектов. Волна террора усиливается».

После этого сообщения о Греции и Турции помещались лишь изредка, однако с середины мая кампания была продолжена заметкой ТАСС от 16 мая о суде над лейтенантом греческой жандармерии Венецанопулосом, «обвиненном в том, что в период гитлеровской оккупации Греции он в 1943 г. дезертировал со своего поста начальника жандармского участка», с выводом о том, что «осуждение Венецанопулоса будет позором для всей страны и только наместники Гитлера могли рассматривать нежелание служить оккупантам как дезертирство». 17 мая появилась заметка о суде над пособниками Гитлера в Греции (Ралис и Цолакоглу), в которой выражалось сомнение, что их могут реально осудить за измену Родине.

В июле страсти на Балканах накалились – вышли заметки «о подготовке военной кликой монархистов-террористов и богатых торговцев и промышленников монархического переворота» (6 июля), о том, что «готовится провокация (волнения левых) и переворот монархистов» (7 июля), о срывах показов советских кинофильмов в Афинах и Фессалониках (8 июля), о законе против вооруженных организаций и терроризма в Греции с осуждением того, что он не касается правого лидера Гриваса и его боевиков – «хитосов» (11 июля), причем к теме возможного военного переворота в Греции корреспонденты «Советского патриота» вернулись и 16 июля. Ситуация в Греции представлялась наиболее острыми новостями в этой армейской газете. В номере от 18 июля были опубликованы сразу две статьи о пытках и истязаниях патриотов в греческих тюрьмах и связанное с этим заявление Захаридиса, причем, по данным греческих антифашистов, называлась цифра в 28 тысяч человек, томящихся в лагерях. 22 июля была помещена заметка иностранных корреспондентов о положении в Греции «Террор и черная реакция», где со ссылкой на «прогрессивную греческую печать» говорилось, что «в Греции господствует настоящий террор, который проводится отрядами национальной гвардии и про монархистскими бандитами».

Наконец, 24 июля 1945 г. было помещено обращение греческого союза моряков от 22 июля: «Греческий народ и греческое движение сопротивления (ЭАМ), которые были в авангарде борьбы союзников с фашизмом за победу демократии, хотя теперь и освобождены от гитлеровского режима, однако продолжают страдать под игом греческих фашистов и квислингов. В нашей стране, потерявшей из восьми миллионов населения около одного миллиона только убитыми, у власти находится

inslav

правительство, которое греческий народ никогда не избирал и никогда не давал своего согласия на его создание. Это правительство в действительности является орудием монархисто-фашистов и квислингов, которые стали фактическими руководителями Греции». Статья заканчивалась страстным обращением: «Греческий народ имеет право просить лидеров великих держав, собравшихся в настоящее время на конференции, помочь ему освободиться от его тиранов, которые уже создают опасность войны на Балканах и в Европе. Он просит о том, чтобы к Греции были применены, как принципы, ялтинские соглашения, так и принципы, за которые Греция сражалась и приносила себя в жертву в числе первых. Он просит создать правительство в Греции, состоящее из демократических элементов». В дальнейшем до конца июля было опубликовано еще несколько заметок о нелегитимности греческого режима (25–28 июля) и о марионеточности его характера – об издевательстве над греческими военнопленными в английских лагерях (29 июля) и о нападении в районе Лерины на английский военный автомобиль, причем один солдат был убит, двое ранены и 4 ограблены (27 июля). При этом последнее сообщение было дано в форме опровержения Болгарского телеграфного агентства, в котором косвенно признавалось наличие болгарского населения в этих районах, с уточнением, что это достойное сожаления нападение не являлось делом рук болгар.

Стоит отметить, что в «Советском патриоте» впервые в июле 1945 г. после табу на «географические темы» был поднят вопрос о переделе территории Балкан. Сначала были оглашены претензии Греции – гневная отповедь по поводу интервью поверенного Греции в Египте Паппаса, который заявил о притязаниях Греции на части Албании и Болгарии – северный Эпир и Восточную Румелию, якобы «в основном населенных греками» (12 июля), а на следующий день (13 июля) сообщалось о «фашистском митинге в Афинах», где звучали претензии на части Болгарии и Албании и ненависть к Югославии и СССР. Не замедлили появиться и крайне осторожные контрпредложения – 20 июля появились сразу две статьи о протесте «македоно-американцев» против преследования македонцев в Греции и о положении в Греции. При этом армейская газета уточняла: «Ясно, что никто не осмелится отрицать трагическую судьбу македонских славян, которые подвергаются особым преследованиям с целью спровоцировать новую войну на Балканах. Эти факты притеснений и террора противоречат духу ялтинских решений, помогающих народам освобожденных стран установить действительно демократиче-

inslav

ский режим, и угрожают общему миру на Балканах». В то же время 24 июля сообщалось, что «лидеры прогрессивного Армянского национального совета в Америке опубликовали в печати заявление о том, что они обратились к Трумэну, Сталину и Черчиллю с призывом вернуть Советской Армении армянские провинции, входящие в состав Турции». Было процитировано и само заявление: «В одной части Армении, которая входила в состав России до Первой мировой войны, создана независимая Армянская республика, как составная часть Советского Союза. На протяжении 25 лет своего существования Советская Армения развивалась гигантскими шагами и дала армянам безопасность, которой не существовало в прошлой армянской истории. Во время Второй мировой войны армяне вновь продемонстрировали любовь к свободе и особенно в войсках Соединенных Штатов и Советского Союза. Между тем турки проводили традиционную двуликую политику. Под покровом нейтралитета они помогали нацистам и восхищались первоначальными успехами Германии. Турция была готова вступить в войну открыто на стороне Германии, если бы нацисты захватили Сталинград. Тем временем Турция наметила новые способы экспроприировать и угнетать армянское население в Турции. Объявление Турцией войны против Германии в самую последнюю минуту представляло жалкий фарс. В течение веков турки причиняли армянам страдания. В настоящее время вне пределов Советской Армении и других частей Советского Союза проживает полтора миллиона армян. Подавляющая часть этих армян желает вернуться на землю своих праотцев и принять участие в ее перестройке. Американцы армянского происхождения настоятельно просят конференцию лидеров трех держав поставить вопрос об армянском народе в повестку дня для того, чтобы могла быть восстановлена справедливость в отношении армян, желающих вновь жить в своем историческом отечестве – Советской Армении». В конце заявления были перечислены подписавшие – «заместитель председателя Совета Шанинян, секретарь Сариян и администратор-исполнитель Вертенес».

Все эти многочисленные обстоятельства были резюмированы в опубликованной 31 июля 1945 г. пространной инструктивной статье для проведения политических занятий с личным составом 37-й ОА – «Вековая борьба славян со своими угнетателями», где основной упор делался на традиционную освободительную роль России на Балканах, упоминалась необходимость (в прошлом, с прямыми аллюзиями на современность) спасать греков от иностранных угнетателей и тут же неприглядно

inslav

рисовался портрет угнетателя – турка.

В августе 1945 г. продолжали публиковаться статьи про «разгул фашистского террора в Греции». Турецкую тему решали в основном на исторических примерах и аллюзиях. Так, 11 августа была помещена пространная статья про Крымскую войну, которая трактовалась как война с Турцией, коей помогали Англия и Франция, в то время как немцы (Австрии) выражали неприкрытую враждебность России, скрываясь за формальным нейтралитетом. В то же время в номере от 16 августа поместили передовицу на всю страницу о том, что с 15 августа установлены дипломатические отношения Болгарии и СССР, после чего «болгарские мотивы» (о современной дружбе России и Болгарии и ее истории) не покидали газету. В сентябре, параллельно с темой о терроре в Греции, вновь появилось несколько статей «геополитического характера». Было опубликовано «Заявление югославского правительства о терроре в Греческой Македонии», инцидентах на греческо-югославской границе и «терроре фашистских банд в Греции» против славян (4 сентября). Тема «провокаций греческих реакционеров на албанской границе», обстрелов и набегов через границу была продолжена и в отношении еще одного союзника СССР по балканскому вопросу (10 сентября). Наконец, 28 сентября в газете вновь прозвучала армянская тема, поводом для которой стал митинг армян в Бейруте и Сирии в поддержку освобождения земель Армении от турок и их обращение на имя Сталина, Эттли и Трумэна.

После этого летнего обострения накал страстей стал вновь стихать. Хотя до конца 1945 г. газета регулярно помещала заметки об инцидентах на границе Греции с Югославией и Албанией, провокациях полиции против коммунистов и т. д., но острота риторики была явно уменьшена. Таким образом, можно выделить два периода: конец осени 1944 г. – начало весны 1945 г. и лето – начало осени 1945 г., когда пропагандистский накал по отношению к Греции и Турции внезапно поднимался до самого высокого градуса. При этом в июле–сентябре 1945 г. он достиг пика: речь шла о пограничных стычках и территориальных претензиях Греции к Болгарии, Югославии и Албании и проблемах армянского и славянского населения в Турции и Греции. В целом эти пропагандистские отливы-приливы в «Советском патриоте» за 1944–1946 гг. соответствовали перипетиям внутренней политики Греции [23] и Турции [24].

---

[23] *Кирьякидис Г.Д.* Гражданская война в Греции. М., 1972; *Улунян Ар.А.* Коммунистическая партия Греции: Актуальные вопросы идеологии,

inslav

Газета также регулярно помещала памятки, заметки, рекомендации для рядового состава по различным видам боевых действий в горно-лесистой местности, по деятельности пулеметчиков, минометчиков, разведчиков, санитаров в горах и т. д. Этот глубинный слой, его значение и подтекст становятся намного яснее при сравнении с документами оперативного, разведывательного и политического отдела штаба 37-й ОА.

Особенно активной была деятельность Разведывательного отдела 37-й ОА по Турции, Греции и размещенным там английским войскам, что контрастирует с полным отсутствием интереса к территориям как Румынии, где были размещены советские войска, так и союзных Югославии и Албании. Исходная информация о войсках турок, греков и британцев черпалась из материалов болгарского Генерального штаба [25]. В дальнейшем к помощи болгарских коллег добавлялся все больший объем информации, собиравшийся и силами самого РО 37-й ОА [26]. Для этого РО был полностью укомплектован на уровне как РО всей ОА, так и РО дивизий. Представить направление работы отдела позволяет анализ удовлетворенных запросов от марта–мая 1945 г. на переводчиков – с английского, турецкого и греческого, – причем при их отборе ориентировка шла на специалистов, умеющих не просто переводить текст, а способных самостоятельно вести допрос военнопленных [27]. Разведывательная деятельность велась методами радиоперехвата, с помощью добытых группами ближней разведки средств связи и с использованием радиоматериалов болгарских коллег, существенно помогало знание советской стороной английских, турецких и греческих радиошифров [28]. Имели место сравнительно частые допросы греческих и турецких перебежчиков, а также солдат и офицеров английской армии, по разным причинам переходивших государственную границу Болгарии и попадавших в руки

политики и внутренней истории: КПГ в национальном Сопротивлении, гражданской и «холодных» войнах 1941–1956 гг. М., 1994.

[24] *Гасанлы Д.* СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008; *Данилов В.И.* Метаморфозы турецкого национализма // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск девятый. М., 2000.

[25] ЦА МО РФ. Ф. 37 ОА. РО. Оп. 8951. Д. 29, 56.

[26] Там же. Д. 57.

[27] Там же Д. 57. Л. 5, 8, 9, 152; Д. 63.

[28] Там же. Д. 57. Л. 18, 29–31, 63–67.

inslav

контрразведки 37-й ОА [29].

Оценка ситуации в приграничных районах заставляла РО 37-й ОА вести себя настороженно. Еще 2 марта 1945 г. РО 37-й ОА отправил в Разведупр Генштаба Красной Армии материал о турецкой армии по состоянию на 1 февраля 1945 г., в котором был сделан вывод о том, что «во Фракии продолжает концентрироваться значительная группировка турецкой армии» [30]. Внимательно отслеживалось и положение на болгаро-греческой границе, о чем детальное донесение было отправлено РО 37-й ОА в тот же адрес 15 мая 1945 г. [31]. Составитель этого донесения делал вывод, что «англо-греческие войска, расположенные на греко-болгарской границе, ведут усиленную разведку и рекогносцировку», а «активно действующие диверсионные группы на болгаро-греческой границе с целью организации и проведения подрывной деятельности» вооружены английским оружием, были «сформированы и руководятся английскими агентами». Начальник РО 37-й ОА полковник Ермолаев отправил 24 июля 1945 г. генерал-майору Рогову начальнику Разведывательного управления Штаба Южной группы войск (РУ Штаба ЮГВ) доклад о состоянии, возможностях и положении войск на операционных направлениях Фракийского театра военных действий. В нем рассматривались операционные направления Одрин – Баба Ески – Стамбул, Одрин – Баба Ески – Галлиполи [32], а также Лозенград – Сарай – Стамбул. Согласно оценкам советского офицера, с захватом Фракии Красной Армией Турция теряет большую территорию, лишается места в системе стран Балканского полуострова, лишается главенствующего положения на проливах, теряет крупнейший административно-хозяйственный и политический центр, каким является Стамбул, создается непосредственная угроза проникновения в Анатолию к основным жизненным центрам страны. При этом рассматривался в первую очередь вариант, в котором Турция наносит

[29] Там же. Д. 57. Л. 19–23, 98–99; Д. 63.

[30] Там же. Д. 57. Л. 2–4.

[31] Там же. Д. 57. Л. 11–13.

[32] Здесь и далее во избежание путаницы мы даем географические названия в форме, использовавшейся советскими авторами документов. Они отличаются от современной литературной нормы, а в отдельных случаях не совпадали и с литературной нормой русского языка того времени, т. к. для планирования операций использовались детальные карты болгарского Генерального штаба.

inslav

удар по приграничным территориям Болгарии, – в ответ планировались «активные военные действия на территории Фракии» всех родов войск Красной Армии – крупными группировками, при поддержке значительного количества танков и с высадкой авиадесантов в узлах коммуникаций (Баба Ески, Люле Бургас, Чорлу, Узун Кюлрю, Хайраболу, Кешане). Главные усилия авиации предполагалось направить «на контроль и разрушение турецких портов на Черном и Мраморном морях, через которые будет производиться главным образом снабжение армии всеми видами довольствия: матчастью, боеприпасами и личным составом» [33]. Это внимание Разведуправление ГШКА к воздушному пространству Турции, ее аэродромам и возможностям ВВС и ПВО все более усиливалось в течение 1945 г., судя по делопроизводству РО 37-й ОА [34]. Кульминацией стало предоставление в начале сентября 1945 г. РО 37-й ОА в РУ Штаба ЮГВ доклада с характерным названием «Царьград – как воздушный объект» [35]. Аналогичные варианты действий рассматривались и по отношению к континентальной Греции, с особым упором на линии обороны [36]. Большое внимание уделялось также дислокации на греческой территории английских войск, чья роль в обороне Греции рассматривалась как ведущая [37], хотя активно собиралась и информация об оборонительных возможностях греческой королевской армии [38]. При проведении возможных операций против Турции и/или Греции советские офицеры исходили из активного вовлечения в эту операцию болгарских сил: армии, флота и авиации. Оценки состояния болгарской армии с анализом боевых возможностей отдельных частей, скорости их развертывания и переброски к участкам греко-болгарской и турецко-болгарской границы были предметом постоянного внимания РО 37-й ОА [39]. Концентрация внимания ЮГВ на оборонительных способностях армии Греции и Турции получила свое отражение и в Сборниках разведывательных материалов РУ штаба ЮГВ, целиком посвященных вооруженным силам Турции, Греции и размещенным там войскам англичан. Особую настороженность к осени

[33] Там же. Д. 57. Л. 37–44.
[34] Там же. Д. 57. Л. 151, 165; Д. 67; Д. 70.
[35] Там же. Д. 57. Л. 153.
[36] Там же. Д. 57. Л. 24, 45–50, 78–89, 95–96, 100, 111, 117.
[37] Там же. Д. 59, 63.
[38] Там же. Д. 59, 65.
[39] Там же. Д. 57. Л. 45, 101–114, 172–177; Д. 64.

inslav

1945 г. (сентябрь–ноябрь) вызывали такие новые факты, как появление английских военнослужащих на территории Турецкой Фракии и начало высадки американских военнослужащих в Греции [40].

Информация о возможностях «обороны» и «активных действий» (так характеризовали возможное контрнаступление или наступление частей РККА) собиралась РО 37-й ОА не только в разведывательных целях. Она предоставлялась и в Оперативный отдел (ОО) 37-й ОА, где использовалась для составления подробных обзоров болгарского пограничья и укреплений [41]. Основное внимание обращалось на укрепления на греко-болгарской и турецко-болгарской границах и возможности их преодоления [42]. При этом боевое столкновение с частями турецкой и греческой армий рассматривалось как весьма вероятное. Словосочетание «вероятный противник» не использовалось, употреблялось просто слово «противник», например: «оценка противника, действующего перед фронтом Армии по состоянию на 5.3.1945», «схема группировки, инж.укреплений и огневых средств противника перед фронтом Армии на 5.3.1945», «справка-доклад о противнике, действующем перед фронтом армии с 5 по 8.3.1945», «схема группировки противника перед Фронтом Армии по состоянию на 8.3.1945», «список координат артиллерийских батарей противника», «доклад начальника РО штарма о действии противника перед фронтом армии», «карта группировки противника на 9.3.1945» [43]. Штабы 37-й ОА, расположенные в Софии, регулярно проводили противодесантную подготовку и готовились к обороне от высадки десанта союзников в самом центре столицы Болгарии, находившейся в сотнях километров от линии немецко-советского фронта, но очень близко от аэродромов, на которых базировалась авиация англо-американцев [44].

Для противодействия ожидаемому с весны 1945 г. наступлению противника через южные и юго-восточные рубежи Болгарии были сформированы особые подвижные отряды – прообраз бригад быстрого реагирования. Уже 12 апреля 1945 г. в районах греко-болгарского и турецко-болгарского пограничья начальник штаба 82-го стрелкового корпуса провел рекогносцировку. Были определены рубежи обороны, места для раз-

[40] Там же. Д. 57. Л. 198–209, 213; Д. 70.
[41] ЦА МО РФ. Ф. 37 ОА. ОО. Оп. 8898. Д. 355, 373, 374, 375, 376.
[42] Там же. Д. 355. Л. 1–8; Д. 335. Л. 46–49, 59, 12–156.
[43] Там же. Д. 328. Л. 86.
[44] Там же. Д. 127. Л. 262.

inslav

вертывания дивизий и исходный рубеж для потенциального наступления. Хотя большая часть выводов касалась обороны, в том числе критики болгарской системы дотов, колючей проволоки и кольев, среди вариантов рассматривались и возможные способы (контр)наступления. Кроме того, был сделан вывод о невозможности постоянного базирования в приграничных районах основных дивизий и указано, что они в силу особенностей рельефа и растительности могут быть размещены только во временных лагерях [45]. В связи с этим 16 апреля появилась идея о создании отдельного подвижного отряда, которая воплотилась в приказе начальника штаба 37-й ОА генерал-майора Блажея. Он распорядился сформировать подвижный отряд из роты автоматчиков, обеспеченный надежной радиосвязью и автотранспортом, усиленный зенитными крупнокалиберными пулеметами и бронетранспортерами с противотанковыми ружьями. Для пополнения было приказано «подобрать лучший офицерский состав, наиболее устойчивый, смелый, решительный и имеющий боевой опыт». Этот первый отряд, обеспеченный боекомплектами, запасами горюче-смазочных материалов и продовольствия, получил задание «быть в полной боевой готовности к выступлению по сигналу в район Смолян и занять оборону на рубеже Смолян, Рудозем, Среднегорцы (все пункты 70 км южнее Пловдива) с задачей – не допустить прохода данного рубежа войск всех без исключения иностранных армий в северном направлении. Занятый рубеж удерживать во что бы то ни стало до подхода стрелковых частей. Выступление отряда после получения сигнала через один час, прибытие в район сосредоточения и занятие обороны через три часа» [46]. Было приказано соблюдать режим радиомолчания, переписка по поводу подвижных отрядов для соблюдения секретности велась в одном экземпляре от руки. Отряд был сформирован и стал боеспособен 19 апреля 1944 г., когда взводы автоматчиков, крупнокалиберные зенитные пулеметы и бронетранспортеры с противотанковыми ружьями (ПТР) были выдвинуты в район Смолян – Рудозем на реку Арда. На 4 мая 1945 г. в составе приготовившегося отразить атаки союзников (и/или перейти в контр/наступление) первого подвижного отряда было 12 офицеров, 68 сержантов, 91 рядовых, т. е. 172 военнослужащих (полностью снабженных противогазами), 3 бронетранспортера с ПТР, 52 винтовки, 97 автоматов, 4 ручных пулемета и 16 крупнокалиберных пулеметов

[45] Там же. Д. 338. Л. 1–13.
[46] Там же. Д. 338. Л. 15.

inslav

ДШК, а также 14 грузовиков, 1 мотоцикл и 4 рации. К 5 мая были сформированы еще 7 подвижных отрядов того же типа (численностью 4070 человек), вооруженных 120-мм и 82-мм минометами, 45-мм и 76-мм пушками, на 289 автомашинах [47]. Они сохраняли особый статус, по крайней мере, до 29 июня 1945 г., когда поступил приказ о расформировании подвижных отрядов [48].

Находящиеся в приграничье подвижные отряды и офицеры, занимавшиеся рекогносцировкой для их размещения, столкнулись с активной деятельностью инспирируемых греческим и турецким правительствами «турецких бандгруппировок» из помаков, которые, кроме попыток диверсионной и разведдеятельности, проводили активную антикоммунистическую и антирусскую пропаганду, распространяя в приграничных районах слухи и требования того, что РККА должна уйти из Болгарии, и выдвигая лозунг «На Софию, на Москву» [49].

Формирование подвижных отрядов стало частью общего «Оперативного плана № 5 37-й Отдельной армии на случай необходимой обороны южной границы Болгарии», принятого 20 апреля 1945 г. [50]. В рамках этого плана предполагалось сдерживать наступление противника через греческую, а также болгарскую границу силами 37-й ОА, 66-го стрелкового корпуса, 46-й армейской пушечной артиллерийской бригады, 10-й армейской истребительно-противотанковой артиллерийской бригады, 35-го армейского зенитно-артиллерийского дивизиона, 4-й гвардейской минометной дивизии (реактивной артиллерии), 96-го отдельного танкового полка; а также фронтового усиления в составе частей 6-го гвардейского стрелкового корпуса, 53-го мотоциклетного полка, 2-го артиллерийского корпуса. Планировалось также задействовать силы болгарской армии: 16-й армии (1-я и 7-я пехотные дивизии, 1-я бронетанковая бригада), 26-й армии (2, 6, 8 и 10-я пехотные дивизии, 1-я кавалерийская бригада, 2-я бронетанковая бригада); 36-й армии (3-я пехотная дивизия); 46-й армии (5-я и 9-я пехотные дивизии); 56-й армии (1-я гвардейская пехотная дивизия), 66-й армии (4-я пехотная дивизия, 2-я и 3-я кавалерийские бригады), Варненской обороны (11-я пехотная дивизия) и все имевшиеся в наличии армейские части усиления. Также предполагалось

[47] Там же. Д. 338. Л. 142–149.
[48] Там же. Д. 338. Л. 33.
[49] Там же. Д. 338. Л. 136–141, 155.
[50] Там же. Оп. 8898. Д. 338. Л. 16–22.

inslav

привлечь к операции все силы ВВС ЮГВ [51].

Этот план оставался в силе до конца лета 1945 г., ему на смену был принят план от 27 сентября, в котором более подробно проработаны действия против Турции и привлечение болгарских сил [52]. Боеспособность и надежность болгарской армии, ВВС и ВМФ являлись предметом постоянного внимания и заботы размещенных в Болгарии советских войск, при этом внимание уделялось не только каждой части, но и поименно каждому офицеру, стоявшему во главе не только крупных соединений, но даже и небольших частей [53].

Осенью 1945 г. подготовка к обороне и контрнаступлению по направлению на европейскую часть Турции и материковую часть Греции была столь реальной, что 15–21 октября 1945 г. готовность войск прибыла инспектировать специальная группа из ЮГВ в составе 8 генералов, 42 офицеров и 35 рядовых, тщательно изучавших приграничные участки в составе профильных групп – оперативной, артиллерийской, бронетанковой и инженерной [54].

Оборонительные планы дополнялись разработанными в конце августа – начале сентября 1945 г. планами наступления против Турции и Греции: направление София-Салоники (1 августа), направление Пловдив-Ксанти (10 августа), направление Хасково-Комотини (23 августа), направление Симеоновград-Стамбул (4 сентября) и направление Эдирне-Дарданеллы (19 сентября) [55]. Эти документы были составлены гвардии полковником Борисом Антоновичем Лимонтом, заместителем начальника штаба 37-й ОА. Сослуживцы вспоминали его с уважением: «С ним хорошо и легко работалось. Это человек большой души, ясного ума и объективных суждений. Хороший организатор, опытный штабист». Внушительным было и первое впечатление, которое он оставлял. «В сопровождении ординарца начальника штаба, – писал один из его сослуживцев, – я вошел в просторную светлую комнату. За большим столом, на котором была разложена рабочая карта и лежали папки с документами, сидел моложавый полковник и что-то писал. Это был начальник штаба дивизии Борис Антонович Лимонт. Внешность Бориса Антонови-

[51] Там же. Д. 338. Л. 23–35.
[52] Там же Д. 338. Л. 131–133.
[53] Там же. Д. 339; Д. 352. Л. 116–208.
[54] Там же. Д. 338. Л. 178–185.
[55] Там же. Д. 338, 377, 378, 379, 380, 381.

inslav

ча выдавала человека внутренне собранного, ясно и точно мыслящего. Скульптор вряд ли нашел бы лучшую натуру для своей работы» [56]. На склеенных друг с другом детальных картах болгарского и советского Генеральных штабов был обозначен город Стамбул, который на болгарских картах имел куда ближе русскому уху название – Цариград. Четкая рука штабного офицера заполнила карты прямыми красными линиями направлений с желтой подсветкой, бисерным черным шрифтом детально обозначены основные рубежи развертывания советских и болгарских войск. Составитель плана понимал, что «турецкая территория направления представляет собой почти сплошной укрепленный в инженерном отношении участок, где имеется сильно развитая система оборонительных зон». Здесь можно ожидать «упорное сопротивление турецких войск», не исключая «возможности яростных контратак противника». Для преодоления сопротивления планировалось использовать до 18 стрелковых дивизий, 3 кавалерийских дивизии и 3 танковых дивизии, а при успешном развитии операций и высадку морских десантов «для совместных усилий по окружению и разгрому турецкой группировки войск, обороняющей непосредственно Стамбул и Босфорский пролив». Автор плана надеялся на то, что «наличие достаточного количества шоссейных и проселочных дорог, помимо железнодорожной магистрали, как на территории Болгарии, так и на территории Фракии и Европейской Турции даст возможность своевременно подвозить в нужном количестве различные виды снабжения для обеспечения действующих войск», в то время как «в виду отсутствия сухопутной связи с Анатолией, турецкие войска, действующие на территории Фракии, будут испытывать большие трудности в отношении снабжения и пополнения живой силой» [57].

Картину этой фантастической операции могут дополнить материалы, подготовленные в ходе двух командно-штабных учений 1945 г. Первые учения состоялись 5 марта 1945 г., и подразумевали планирование односторонней армейской наступательной операции в горных условиях с задачей отразить стабилизировавшиеся по предгорьям Малых и центральных Балкан войска противника, угрожающего вторгнуться с территории Турции и Греции [58]. В рамках учений, состоявшихся 29–30 ноября 1945 г. планом отражения противника, внезапно прорвавшегося и устре-

[56] *Бологов Ф.П.* В штабе гвардейской дивизии. М., 1987. С. 5, 190.
[57] ЦА МО РФ. Ф. 37 ОА. ОО. Оп. 8898. Д. 338. Л. 33–35.
[58] Там же. ПО. Оп. 8900. Д. 122. Л. 2, 2об., 3, 3об.

inslav

мившегося на Ямбол и Стара Загора, был подготовлен куда более объемный пакет материалов. В качестве противника были намечены достаточно прозрачные обозначения «синих», «черных» и «коричневых». «Коричневые» войска характеризовались как наиболее боеспособные, имеющие хорошую боевую подготовку, боевой опыт в период войны против Германии и хорошую вооруженность, с высоким настроем личного состава. «Синих» организаторы учений наделили такими чертами, как чувство военной неподготовленности страны, малочисленность армии и плохая техническая вооруженность. Также предполагалось, что значительная часть солдатского состава недовольна внутренним режимом в стране, установленным под воздействием «коричневых войск», и не желает сражаться против Красной Армии. В то же время для «черных» было характерно враждебное отношение к СССР и опасение потерять часть государственной территории, страх перед мощной Красной армией [59].

Особенно объемны и показательны материалы, подготовленные Политотделом 37-й ОА (ПО 37-й ОА): от «Памятки стрелку о действиях в горах» и приказов начальникам ПО корпусов, дивизий и бригад до специального номера армейской газеты «Советский патриот» на день начала боевых действий. Показательны также задачи и лозунги – «Враг нарушил мир и безопасность. Дадим ему сокрушительный отпор», «Бить врага так, как били в Отечественную войну» [60]. В «Обращении к бойцам, сержантам, офицерам и генералам» все маски с условных псевдонимов были сняты: «Товарищи красноармейцы, сержанты, офицеры и генералы! Прошло всего шесть месяцев со дня окончания войны в Европе, а уже новая бойня надвинулась. Черно-синие армии, подстрекаемые коричневыми империалистами, сосредоточились на болгарской границе и готовятся нанести удар по демократической Болгарии. Красная армия четыре года проливала кровь, отстаивая свободу и независимость не только Советского Союза, но и всех свободолюбивых народов мира от порабощения гитлеровской Германией. Нашей кровью и кровью братских славянских народов мы добились победы над фашизмом, очистили от гитлеровской нечисти не только территорию нашей социалистической Родины, но и территории Финляндии, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Австрии, Болгарии, Югославии и водрузили знамя победы над Берлином. Советский Союз, Красная Армия стали символом свободы,

[59] Там же. Д. 122. Л. 51, 51об.

[60] Там же. Д. 122. Л. 24, 24об., 35, 36, 38, 38об., 39, 45.

inslav

независимости народов мира. Коричневые империалисты, вступившие в войну против гитлеровской Германии только летом 1944 г., вероломно нарушают все ими подписанные и всему миру известные соглашения Тегеранской, Крымской и Берлинской конференций, стараются сохранить профашистские элементы, раздувают пламя новой войны в целях своих империалистических интересов. Правителям коричневых удалось натравить профашистских синих и черных на демократическую Болгарию. Мир, завоеванный нашей кровью, – в опасности! Империалисты готовятся захватить демократическую Болгарию – подготовить плацдарм для нападения на Советский Союз. Над нашей социалистической Родиной снова нависла угроза войны! Воины Красной Армии! Кровь наших братьев, наша кровь, пролитая в борьбе с фашизмом, взывает к мщению, к разгрому врага. Настал час еще раз показать всему миру, что Красная Армия является надежной защитой свободы и демократии во всем мире. Не успели высохнуть слезы жен и детей, наших стариков, родителей, сестер, не успели зажить раны от недавно закончившейся войны, как коричневые, синие и черные разожгли новый пожар войны. На границах Болгарии мы будем защищать границы нашей любимой Родины! Не пустим врага через границу! Дадим возможность болгарскому правительству развернуть свою армию и вступить в бой для защиты болгарской земли. Будем готовы нанести по врагу сокрушительный удар, который заставит трепетать всех империалистов мира. Под руководством товарища Сталина мы одерживали величайшие победы, под его руководством мы победим и теперь! Смерть черно-синим захватчикам! Военный совет армии» [61].

Не менее исчерпывающим было составленное в рамках учений «Обращение к солдатам, подофицерам и офицерам болгарской армии»: «Солдаты, подофицеры и офицеры братской Болгарии! Вероломный враг напал на Вашу прекрасную и свободную Родину и хочет захватить болгарские земли и добро, надругаться над честью болгарского народа и превратить его в рабов. Ваша страна в большой опасности. Вопрос стоит так, быть или не быть народам Болгарии свободными или превратиться в колонии империалистических хищников. В этот опасный момент для болгарского народа Красная армия протянула руку братской помощи единокровной славянской армии Болгарии и полна решимости любой ценой защитить кровью завоеванную свободу Болгарии. Красная армия и

[61] Там же. Д. 122. Л. 47, 47об.

inslav

болгарская армия, сражаясь против агрессоров за честь, свободу и независимость своих народов, найдут широкую поддержку в многомиллионных народах мира, которым дорога свобода и независимость, культура и цивилизация человечества. Наши силы будут нарастать с каждым днем, и враг будет повергнут в прах. Храбрые болгарские воины! Будьте достойны своего старшего брата – Красной армии, так же самоотверженно и беззаветно сражайтесь, как воины Красной армии. Бейте врага и ночью, и днем, и с фронта, и с тыла. Недалек тот день, когда наши братья и сестры, отцы и матери, жены и дети, получат возможность жить в свободной и счастливой стране. День победы зависит от наших усилий. Вперед, на разгром ненавистных врагов! Командование Советских войск, находящихся в Болгарии» [62]. В том же духе славянского братства было выдержано и «Обращение к Болгарскому народу» [63]. Предполагалось, что пропаганда будет действовать и на войска «синих», по отношению к которым особый упор делался на оккупационный характер пребывания в их стране «империалистических войск коричневых», неестественность союза с «черными» и опасность выступления против «Советского Союза, защитника свободы и всех демократических народов» [64].

Таким образом, обоснованно можно выделить два пика напряженного ожидания в штабе 37-й ОА, связанного с глобальными событиями – окончанием Второй мировой войны в Европе (весна 1945 г.) и окончанием Второй мировой войны вообще (конец лета – осень 1945 г.). При этом стоит отметить, что если в первом случае в основном имелись в виду планы исключительно оборонительные, то во втором особенно активно подразумевалось и прорабатывалось контрнаступление. Эти планы, несомненно, были лишь элементами как региональной политики СССР (поддержка греческих партизан через Албанию и Югославию, опора на курдских повстанцев в Иране), так и глобальной конструкции противостояния с США и Англией, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи.

Так или иначе, планы выхода к Босфору, Дарданеллам и Фессалоникам так и остались планами. Вторая мировая война не переросла в Третью, а столкновения на крайних флангах советской империи сравнительно быстро затухли – сначала в Европе (1949 г. в Греции), а потом и в

[62] Там же. Д. 122. Л. 48.
[63] Там же. Д. 122. Л. 50–50об.
[64] Там же. Д. 122. Л. 51.

inslav

Азии (1953 г. в Корее). Царьград так и остался недосягаемым Истанбулом, спустя полстолетия после описываемых событий превратившись для миллионов русских туристов в один из экзотичных восточных городов. Пятисотлетние минареты уже прочно вросли в стены Св. Софии. Может быть, это уже навсегда? Были ли описываемые планы советских штабных офицеров поколения Великой Отечественной ни чем иным, как «миражами о Вене», подобно тем, которые мучили Кара-Мустафу, великого визиря Мехмеда IV?! К счастью, их вождю хватило мудрости не столкнуться в попытке бездумной экспансии с новым Яном Собеским. Цивилизации живут, растут и умирают. Но иногда они возрождаются вновь, как Феникс из пепла, подобно тому, как ожила, переродившись из пепла, современная Турция – мощнейшее государство нынешних Балкан, демографически и экономически крепкое, политически достаточно стабильное. Государство, возможно, способное вновь осуществить планы Сулеймана Справедливого и Мехмеда Охотника.

inslav

Зорка Пырванова
София

Младотурецкий османизм: идея политической нации или ассимиляторская доктрина?

Младотурецкий переворот 24 июля 1908 г. и установленный после него новый режим управления, бесспорно, представляют собою последнюю попытку спасения распадающейся Османской империи средствами политического реформизма. Младотурецкая идейная платформа, сформированная в конце XIX–XX в., обуславливала характер управленческой политики и политической жизни империи на следующее десятилетие. Эта идеология строилась на двух основных концепциях, суть которых – конституционализм и османизм.

Младотурецкое движение возникало в конце 80-х гг. XIX в. Его представляли многочисленные комитеты, общества и неформальные группы, созданные оппозицией автократичному режиму султана Абдул-Хамида II. Как в широком его понимании для обозначения различных эмигрантских организаций и программ по либерализации османской политической системы, так и в узком – в качестве синонима Общества (Комитета) «Единение и прогресс», это движение в империи представляет собою последнее издание османского конституционализма XIX в.

В то же время участие и роль юнионистов («Единение и прогресс») в событиях и процессах во время войн подводили к Кемалистской революции и созданию Турецкой республики. Все это ставит младотурецкий сюжет в центр дебатов о степени преемственности между поздней Османской империей и турецким национальным государством. И объясняет значительный и не стихающий интерес исследователей к тематике, прямо связанной с социальным составом, организационным и идейным развитием младотурецкого движения [1]. В большинстве случаев его

---

[1] *Ramsaur E.E.* The Young Turks: Prelude to the Revolution of 1908. Princeton, 1957; *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. London, 1961; *Ahmad F.* The Young Turks. The Committee of Union and Progress in Turkish Politics 1908–1914. Oxford, 1969; *Петросян Ю.А.* Младотурецкое движение (вторая половина 19 – начало 20 вв.). М., 1971; *Шпилькова В.И.* Младотурецкая

inslav

идеология рассматривается в контексте триады – исламизм-османизм-турецкий национализм, и, как правило, младотурецкое теоретическое наследие представляет собою главную (если не единственную) отправную точку для научного анализа.

Переворот 24 июля 1908 г. и политика нового режима суть дело организации, с созданием которой в 1906 г. не только центр младотурецкого движения переносится в империю, но и меняется профиль его лидерства. Новые лидеры младотурок – люди действия, не испытывающие особого интереса к теоретическим построениям и с крайне прагматичным отношением к идеологии движения [2]. По этой причине многие ответы на вопросы об их настоящих воззрениях, идеях, целях нужно искать в политической практике младотурок. Понимание младотурецкого османизма, в частности, связано с изучением темы о взаимоотношениях Комитета «Единение и прогресс» (КЕП) с национальными движениями, выразителями интересов и стремлений нетурецких общностей в Европейской Турции. Именно эти взаимоотношения являют собою своеобразную призму, через которую автор настоящей статьи предлагает свой взгляд на сущность и перспективы младотурецкой идеи по формированию османской политической идентичности.

Младотурецкая доктрина воспроизводит идейный арсенал османских либералов (так называемых Новых османов) из 60-х и 70-х гг. XIX в. и, фактически, не вносит ничего нового в их программы реформ, выдержанные в духе европейского конституционализма и парламентаризма. Задачи младотурецкого движения сводятся к восстановлению конституции Мидхад-паши 1876 г., но даже в июле 1908 г., те, кто имеет ясное представление о характере и содержании этого документа, могут быть пересчитаны по пальцам. Едва ли элитаризм и глубоко укорененное недоверие к массам является единственной причиной плакатного характера младотурецкого конституционализма [3]. Всем заинтересованным си-

революция 1908–1909 гг. М., 1977; *Ahmad F.* The Making of Modern Turkey. London, 1993; *Kansu A.* The Revolution of 1908 in Turkey. Leiden, 1997; *Hanioğlu M.Ş.* The Yong Turks in Opposition. Oxford. 1995; *Hanioğlu M.Ş.* Preparation for a Revolution. The Yong Turks 1902–1908, Oxford. 2002; *Zürcher E.J.* The Yong Turks Legacy and National Building. From the Ottoman Empire to Attaturk's Turkey. London, 2012.

[2] *Zürcher E.J.* Op. cit. P. 218–219.

[3] *Hanioğlu M.Ş.* The Yong Turks in Opposition. P. 205–206.

inslav

лам в то время было совершенно ясно, что в основе переворота и устроенного им режима находится стремление подменить национальный вопрос реформированием османской системы управления для того, чтобы парировать сепаратизм национальных движений и сохранить имперский территориальный интегритет. В представлениях младотурок конституция – это не столько цель сама по себе, сколько «сертификат» современности, так называемой модерности, в европейском понимании этого слова, который лишил бы великие силы их основного аргумента для вмешательства во внутренние дела империи [4].

Расплывчатость содержания реформ во многом объясняет тот факт, что лидеры «Единения и прогресса» в первое время воздерживаются от прямого участия в органах исполнительной власти. Перемены же в управлении исчерпываются назначением сроков парламентских выборов на осень 1908 г. и заменой чиновников в администрации креатурами Комитета. Вопреки этому, громкое прокламирование либеральных принципов политических свобод и равноправия независимо от этнической и религиозной принадлежности, достигает ожидаемого младотурками эффекта – новый режим получает одобрение Европы, которая замораживает очередной проект реформ для Македонии.

В то время как младотурецкий конституционализм сводится к самым общим идеям ограничения власти султана и выбора парламента, концепция младотурецкого единения гораздо яснее, являясь доминирующим мотивом в действиях младотурок. На основе все еще смутных воззрений новых османов на так называемый ими «османский миллет», сформированных под влиянием западноевропейского понимания терминов «общее отечество» и «современный патриотизм», кристаллизируется к концу XIX в. младотурецкий османизм. Идея «единения элементов» (Ittihad-iAnasir) все жестче интерпретируется как новая политическая идентичность, которая соединит различные этносы и религии в империи [5]. Призыв «османов» к объединению против деспотичного султанского режима, к строительству либеральной политической системы на принципах свободы и равенства перед законом присутствует во всех

---

[4] *Zürcher E.J.* Op. cit. P. 214.

[5] *Lewis B.* Op. cit. P. 333–340; *Mardin S.* The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, 1962. P. 326–332; *Ozdogan G.G.* Historical Foundation and Present Problems of Turkish Nationalism // Comparative Balkan Parliamentarism. Sofia, 1995. № 4–5; *Zürcher E.J.* Op. cit. P. 215.

inslav

программных документах младотурецкого движения. Понятие «османы» трактуется все четче как синоним всех подданных империи и как терминологическое выражение идеи единства, которое будет достигнуто через общее дело. Различные подходы к османской доктрине нашли свое выражение в программах двух течений, обособившихся после 1902 г.: «Общество прогресса и единства», во главе которого стоял Ахмед-Риза, и «Лига частной инициативы и административной децентрализации» принца Сабахеддина.

Младотурецкий конгресс в Париже в 1902 г., известный как «Конгресс свободных османов», собирает представителей различных этнических и религиозных общностей в империи [6]. Участие армян, курдов, арабов, албанцев, греков и евреев, действительно, создавало впечатление реализации османской идеи в различных средах движения. С другой стороны, их поддержка со стороны принца Сабахеддина и его программа административной децентрализации было ясным знаком сдержанного отношения к государственному центризму другого течения, которое возглавлял Ахмед Риза. Но именно его идеи о сильном централистском управлении и монолитном османском единстве завоевывают популярность среди младших офицеров в османской армии и средних чиновников в имперской администрации, которые создают в 1906 г. «Османское общество свободы» в Солуни, а годом позже объединяются с парижской организацией Ахмед Риза-паши и принимают ее имя. Об их отношении к христианам в империи говорит тот показательный факт, что первые 70 членов новосозданной организации были исключительно мусульмане [7].

Рожденные во время и после Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. в городах Европейской Турции, они получили сравнительно хорошее образование в светских учебных заведениях европейского типа, связали себя в профессиональном смысле с османской администрацией или османской армией – все это основные характеристики, которые очерчивают общий социальный профиль младотурецких лидеров, вызвавших перемены в управлении империей в июле 1908 г. [8]. Их политические воззрения формируются под влиянием реального положения дел в европейских вилайетах в конце XIX в. – начале XX в., когда интеграция местной и

[6] *Ramsaur E.E.* Op. cit. P. 66–69; *Lewis B.* Op. cit. P. 203; *Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 205–210.

[7] *Zürcher E.J.* Op. cit. P. 111.

[8] Ibid. P. 110–112.

inslav

европейской экономик развивается ускоренными темпами и меняет не только облик городов, но и социальный статус немусульманского населения как проводника процессов модернизации. С другой стороны, автократичный султанский режим беспомощен и не может предотвратить сепаратизм национальных движений, которые вызывают все большее вмешательство Европейского концерта в конфликты внутри империи. Критское восстание 1896 г. спровоцировало международную оккупацию острова и появление новой администрации, в итоге остров был на продолжительное время оторван от империи, а болгарское восстание в Македонии в 1903 г. последовало после Мюрцштегской программы реформ и русско-британских договоренностей в Ревеле об углублении реформ в области. Как и до переворота, так и после него главным политическим (даже экзистенциальным) вопросом для младотурок остается вопрос спасения османского государства и восстановления его позиций среди великих держав [9]. Средства для достижения этой стратегической цели неизбежно связываются с копированием западноевропейских политических, социальных и культурных моделей, которые для того времени олицетворяют возможности экономического и геополитического доминирования.

Реанимация конституции, просуществовавшей только несколько месяцев тридцать лет тому назад, оказывается достаточной для устранения внешней опасности. Гораздо более трудная задача для младотурок состояла в том, чтобы парировать центробежные силы внутри империи и формировать солидную социальную опору реформирующегося османского государства. С перенесением младотурецкого движения в Европейскую Турцию после 1906 г. Комитет «Единение и прогресс» реально оказался перед вызовом в смысле приобщения к своей программе конституционно-парламентарного управления государством различных, часто враждующих между собою этнокультурных и религиозных общностей. Интересы и стремления нетурецкого населения представляют и выражают национальные движения и организации, имеющие за собою десятилетний опыт работы. Они являются носителями обессиливающего империю этнокультурного национализма. Более того, доминирующие в Младотурецком комитете офицеры из Второй и Третьей армий являются свидетелями, а часто и прямыми участниками в перманентных вооруженных столкновениях между османскими властями и нелегальными структурами этих движений. С другой стороны, именно социально-экономический и культурный статус хрис-

[9] *Lewis B.* Op. cit. P. 208.

inslav

тианской буржуазии в городах Европейской Турции олицетворяет местный вариант европейской модели, привлекательной для младотурков. При строительстве своей конспиративной сети «Единение и прогресс» заимствует в значительной мере опыт рёволюционных национальных организаций, даже в правилах и ритуалах при приеме новых членов [10].

Это сложное и противоречивое отношение к нетурецкому населению, которое в представлениях младотурков генерирует одновременно и опасность и образцы для подражания, создает серьезный психологический барьер перед их усилиями по объединению. Младотурецкая пропаганда до переворота, в главном, остается в рамках османской армии и не распространяется в европейских вилайетах для воздействия на христиан. В мае–июле 1908 г. Младотурецкие комитеты в Солуне и Битоли открыто объявляют о существовании организации через серию меморандумов, в которых последовательно отстаивают претензию на «объединение самых прогрессивных элементов в Турции» и «элиту нации без различия расы и религии» [11]. Тезис о достигнутом единстве, в основном адресованный европейским представителям в империи, больше имеет пропагандистский характер и не отражает ни фактической ситуации, ни внутренних убеждений младотурецких лидеров. Воззвание «Единение и прогресс» от 24 июля 1908 г. в Битоли к христианским общинам вилайета, в котором младотурки заявляют о своем желании «сесть со своими соотечественниками христианами вместе в Народном собрании», говорит скорее о самоопределении КЕП в качестве представителя мусульманского населения [12]. В своих контактах с итальянскими офицерами, прикрепленными к европейским органам по проведению реформ в Македонии, младотурки создавали впечатление, что пользуются поддержкой болгарских и греческих комитетов. В сущности, первые опыты по достижению соглашения для проведения единых действий с этими организациями были предприняты весной 1908 г. и до переворота остались безрезультатными.

С другой стороны, отношение национальных движений к младотурецкой доктрине обуславливалось характером их собственных программ. Радикальные течения чаще всего крайне негативно относятся к опытам реформирования османской политической системы как средству сохранения территориальной целостности империи. Так называемое

[10] *Hanioğlu M.Ş.* Preparation for a Revolution. P. 267; *Zürcher E.J.* Op. cit. P. 115.
[11] Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 176 к. Оп. 1. Д. 117. Л. 1, 41–42, 69–70.
[12] Там же. Л. 107.

inslav

«правое крыло» в болгарском революционном движении последовательно придерживается автономистской программы территориально-политического обособления и отделения Македонии и Одринской Фракии. Активизация европейской дипломатии и британская инициатива по углублению реформ в македонских вилайетах с марта 1908 г. усиливает убеждение в этих средах, что достижение автономии возможно и более того – стоит на повестке дня [13]. Активизация младотурецкого движения, как реакция на создавшуюся внутриполитическую обстановку, провоцирует представителей радикального крыла во Внутренней македонско-одринской революционной организации гласно заявить о своей позиции. Кюстендильский конгресс ВМОРО заявляет, что младотурецкая платформа является проявлением стремления к укреплению турецкого господства и ассимиляции немусульманских общностей, природные и самые характерные интересы которых требуют независимого от османского государства политического будущего. Весьма схоже отношение албанских автономистов к младотурецкому движению. Албанская эмигрантская печать, которая отстаивает их позиции, последовательно отвергает попытки укрепления и возрождения Османской империи. Издаваемая в Софии газета «Дрита» считает, что такие процессы будут тормозом для нетурецких национальностей в их стремлении «встать на ноги». Еще более резкой была реакция в газетах «Комби» в Бостоне и в газете «Шпнеса е Шкюпнис» в Риме – албанцы стремятся к отделению и самоуправлению, что радикально расходится с младотурецкой программмой [14].

Вследствие специфики греческой национальной идеологии, обусловленной географическим фактором и сильными экономическими позициями греков в империи, элементы радикализма и реформизма (моментами даже конформизма), которые переплетаются в их политических программах, не кристаллизируются в отдельные идейные течения [15]. Прямая связь

---

[13] «Илинден». № 30. 15 марта 1908.

[14] *Соколова Б.* Албански възрожденски печат в България. София, 1979. С. 98–101; *Сенкевич И.Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959. С. 109.

[15] В отличие от многочисленных и компактных общностей в Царьграде, Малой Азии и на эгейских островах, греки в европейских вилайетах в конце XIX в. – начале XX в. населяют в основном смешанные или с преобладающим болгарским и албанским населением районы. См.: *Augustinos G.* Consciousness and History: Nationalist Critics of Greek Society 1897–1914. New York, 1977. P. 167.

inslav

греческой вооруженной организации в европейских вилайетах с Афинами объясняет факт, что в апреле 1908 г. КЕП прямо адресует свое предложение по проведению единых действий к греческим консулам в Македонии. Единодушно заявленное ими мнение, что возможный успех младотурков нанесет огромный вред эллинизму, очевидно, отражает сдержанное отношение греческих комитетов и разделяется Патриархией. Общее убеждение, что греки не заинтересованы в поддержке младотурецкой акции, которая угрожает нарушить гарантированный султанским режимом баланс, обусловлено благоприятными условиями для антиболгарской деятельности греческой организации после 1903 г. Еще более серьезны опасения, что младотурецкое движение пробудит и обострит национальное сознание турецкого мусульманского населения, а это пагубно отразится на и без того ограниченных правах христиан в империи [16].

Политический реформизм в национальных идеологиях формирует принцип положительного отношения к османскому конституционализму, что позволяет говорить о потенциальной среде по сотрудничеству с младотурками. Глубокий идейный и организационный кризис после жестокого подавления Ильинденско-Преображенского восстания в Македонии и Одринско в 1903 г. толкает часть деятелей болгарской революционной организации к поиску более достижимых целей и новых союзников. Идея конституционного переустройства Турции находит хороший прием у идеологов так называемого левого крыла ВМОРО, для которого социальная революция и устройство федерации народов в Османской империи выходят на передний план. Преломляя специфические задачи национального движения через свои социалистические (в некоторых случаях левые) воззрения, эти новые функционеры, вошедшие в революционную организацию, видят в младотурецкой программе возможность решения национальных проблем путем демократизации османской политической системы [17]. Неоднозначное отношение среди деятелей левого крыла к идее Восточной федерации показывает, что вопреки своему отказу от автономистской программы, для реформист-

[16] *Panayotopoulos A.J.* Early Relations between Greeks and the Young Turks // Balkan Studies. Thessaloniki. 1980. Vol. 21. № 1. P. 89–93.

[17] Македонската революционна организация и българските правителства. София, 1908; ЦДА. Ф. 526 к. Оп. 1. Д. 1200. Л. 22–23.

inslav

ского течения в ВМОРО национальные права болгар в Европейской Турции остаются вопросом первостепенной важности.

Что касается греков, то монолитность их негативной позиции к младотуркам нарушается единственно Йоном Драгумисом, одним из лидеров греческой пропагандистской организации в Македонии. Его перемещение на дипломатическую работу в османскую столицу, где греческая община насчитывает столько членов, сколько во всей Европейской Турции, серьезно меняет его восприятие масштабов греческого национального дела. Идея Драгумиса о политической эмансипации эллинизма в Османской империи, на которую греки и турки должны смотреть как на общее историческое наследие, обуславливает положительное в принципе отношение к радикальному изменению управления, но при категорическом условии соблюдения греческой культурно-национальной самостоятельности [18].

Вопреки наличию известных промладотурецких настроений в болгарском и греческом движениях, Комитет «Единение и прогресс» до 24 июля 1908 г. даже не устанавливает контактов с представителями реформистских течений, вероятно, и из-за сомнительности их влияния среди греческих и болгарских общностей европейских вилайетов. Из переписки Младотурецкого комитета в Битоли с заграничным центром движения в Париже следует, что зондирование болгарских революционных организаций в Сяре, Струмице и Одрине, которые тяготеют к левому крылу, все еще остается – за две недели до переворота – в области намерений. В письме ясно выражено недоверие к грекам из-за инструкций Патриархии греческим вооруженным структурам противостоять младотурецкой акции [19]. В обращении к битольскому митрополиту и греческому комитету в городе Младотурецкий комитет предупреждает, что «иллюзия эллинизма» ведет македонских греков на гибельный путь, который внушает опасение и более многочисленным их сонародникам в Анатолии [20]. Приглашение к сотрудничеству болгарского революционного комитета в Битоли было обусловлено условием – категорическим

[18] *Panayotopoulos A.J.* The «Great idea» and the Vision of Eastern Federation; A Propos of the Views of Jon Dragoumis and Souliotis-Nikolaidis // Balkan Studies. Vol. 21. 1980. № 2. P. 334–346.

[19] Национална библиотека «Кирил и Методий» – Български исторически архив (НБКМ–БИА). Ф. 317. Д. 37. Л. 19–22.

[20] ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 2. Д. 117. Л. 78–79.

inslav

отказом болгар от своей автономистской программы. Младотурки активно взаимодействуют только с албанским движением через тех его деятелей, которые в силу существующей двойственности в их самоопределении – выступают одновременно как мусульмане и как албанцы – идейно и организационно связаны с обоими движениями. Независимо от того, тяготеют ли они к децентралистам принца Сабахеддина (как Исмаил Кемаль бей) или к централистам, во главе которых стоит Ахмед Риза (как Ибрахим Темо), эти албанские функционеры смотрят на албанский вопрос как на часть общей проблемы по реформированию Османской империи. В их воззрениях преобразования должны создавать условия для национальной консолидации албанцев через школьную автономию и уважение албанских традиций и обычаев [21].

После 24 июля младотурки, убежденные в том, что межэтнические и религиозные противоречия и конфликты представляют наибольшую угрозу для империи, направляют все свои усилия на умиротворение европейских вилайетов. Организованные ими повсеместные и массовые конституционные торжества, сопровождаемые обязательными ритуалами «побратимства», действительно создавали эйфоричную и эффектную атмосферу, оставляя у внешних наблюдателей впечатление широкой социальной опоры у «Единения и прогресса». За этим показным фасадом политики «примирения» КЕП предпринимает конкретные и энергичные шаги по подавлению всех очагов напряжения – от болгаро-греческого конфликта в Македонии и племенной вражды между гегами и тосками в Албании до противостояния между «левыми» и «правыми» внутри ВМОРО [22]. Нужно признать, что своими первыми действиями, эмоционально окрашенными настоящим энтузиазмом многих младотурецких офицеров, Комитет успевает отчасти растопить к себе недоверие и скептицизм. Даже болгарский дипломатический агент в Царьграде был до такой степени впечатлен многолюдными демонстрациями под лозунгами «свободы, братства и равноправия», что смело прогнозирует наступление лучших дней для сонародников в Турции [23].

Наряду с симпатиями европейского общественного мнения, КЕП завоевывает и первые успехи внутри империи после прокламирования

[21] The Memoirs of Ismail Kemal bey / Ed. Story S. London, 1920. P. 296; *Сенкевич И.Г.* Указ. соч. С. 85.

[22] ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 2. Д. 117. Л. 116–116а; Д. 140. Л. 255; Д. 143. Л. 223 и сл.

[23] НБКМ–БИА. Ф. 317. Д. 9. Л. 17–26.

inslav

конституции, предусматривавшей легализацию конспиративных национальных организаций и роспуск своих вооруженных структур. Более или менее убежденные в глубине и устойчивости перемен или в искренности младотурков, представители национальных движений всех идеологических течений заявляют о своей поддержке «Единения и прогресса». Начавшиеся в конце июля в Солуни консультации с лидерами ВМОРО и греческой организацией в Македонии усиливают впечатление, что Младотурецкий комитет, действительно, прилагает усилия по согласованию своей программы реформ управления с национальными требованиями и превращению ее в общую политическую платформу [24]. Этим ходом достигаются другие, еще более важные для младотурков результаты – расширяются позиции политического реформизма внутри национальных движений, что принуждает их идеологов к пересмотру своих программ. Уже в течение первых недель конституционного правления принцип «неделимости» империи выступает как основа программных трансформаций в различных национальных организациях.

В своих первых разговорах с представителями Младотурецкого комитета лидеры «правых» во ВМОРО избегают слова «автономия» как выражения болгарских стремлений к территориально-политическому отделению Македонии и Одринской Фракии. Введение термина «областное самоуправление» (при новом административном делении сообразно этническим границам отдельных национальностей), в сущности, не затрагивает правовые измерения и национальный характер автономизма, но меняет его политический подтекст – административное обособление болгарской общности в рамках османского государства [25]. Хотя и более осторожно сформулированное в программных документах «левых», требование свободного политического, экономического и культурного развития болгар «как отдельной нации», оно принципиально не отличается от требования другого крыла [26]. Крайне реформистские шатания с ярким левым привкусом части «левых» идеологов, допускавших, что усовершенствование конституционно-парла-

---

[24] *Шпилькова В.И.* Указ. соч. С. 178–179.

[25] *Билярски Ц.* Вътрешната македоно-одринска революционна организация, Союз на българските конституционни клубове и Народно-федеративната партия (Българска секция) след Младотурската революция // Известия на държавните архиви. Т. 56. София, 1988. С. 130–131.

[26] Проекто-програма на Македоно-одринската революционна организация. Солун, 1908.

inslav

ментарного управления принудит болгар исходить, прежде всего, из позиции османских граждан и предлагать организационную связь с КЕП, представляли собою мимолетное и изолированное явление.

После 24 июля внезапно изменившаяся обстановка, радикально и на долгое время лишавшая перспектив «македонскую борьбу» греков с ее явным антиболгаризмом, катализировала намечавшиеся еще до переворота настроения в пользу переосмысления греческой национальной идеи. Понимание ее, в основном как процесса интегрирования со свободным греческим государством, было ощутимо расшатано в новой внутриполитической и международной ситуации. По объяснимым причинам, именно, организация Йона Драгумиса в Константинополе стала выразителем стремлений к более широкой и всеохватной цели, какую представляла консолидация эллинизма в империи. Открывшиеся потенциальные возможности для модернизации османской политической, экономической и общественной жизни возрождают старые «византийские» амбиции в формах новых идей по внедрению «эллинского духа и цивилизации» как ценностной системы реформирующейся империи[27]. В контексте этих воззрений первый раз обсуждается необходимость в единой «внутренней» национальной организации, независимой от правительства в Афинах. В своем ответе на приглашение младотурков, отправленное к различным национальностям, представить свои предложения по реформам, греческая община в Солуни конкретизирует требования османских греков. Культурно-национальная автономия является одним из основных пунктов в этом программном документе, а признание национальной индивидуальности определяется как предварительное условие успеха нового режима. В этом контексте формулировка нового административного деления – сообразно «нуждам большинства местного населения» – очевидно, отражает греческую интерпретацию границ национальностей, которая подменяет языковой критерий принадлежностью к «эллинскому духу», институционально выраженной ведомством греческой Патриархии[28].

Пренебрежение Младотурецкого комитета к сербской пропагандистской организации в Македонии, очевидно, объясняется отсутствием этнической базы вне Косово. Влахи и евреи являются единственными представителями немусульманского населения, допущенными перед переворотом в структуры «Единения и прогресса», что иллюстрирует подход младотурков

[27] *Augustinos G.* Op. cit. P. 117–134; *Panayotopoulos A.J.* The «Great idea» and the Vision of Eastern Federation. P. 334–346.

[28] *Билярски Ц.* Указ. соч. С. 142.

inslav

к небольшим меньшинствам, не представляющим угрозу для имперского территориального единства. Однако недооценка албанского национального движения как самостоятельного политического фактора представляет собою яркий пример непрозорливости младотурецких лидеров. Значительное албанское присутствие в КЕП и их тесное взаимодействие еще до 1908 г. привели к объединению албанских и младотурецких комитетов на местах – все это подпитывало уверенность младотурецких лидеров, что они идейно и организационно приобщили албанское население к себе. Религиозная, племенная и региональная разнородность и незавершенная национальная консолидация албанцев обусловили восприятие албанских мусульман как естественных носителей и эффективных проводников османизма [29].

Однако еще до переворота два известнейших функционера албанских революционных комитетов, подкрепивших Ниязи бея, когда в июле 1908 г. вспыхнул огонь «революции», недвусмысленно заявляют о своих ожиданиях от младотурок гарантий самоуправления для Албании. Прокламирование конституционных свобод не только не заглушает, но даже усиливает надежды быстрого национального объединения, особенно после возвращения из эмиграции радикально настроенных национальных деятелей. Албанские речи во время конституционных торжеств непременно завершаются возгласами «Да здравствует свобода! Да здравствует Албания!». Даже реформистский до переворота журнал «Албания» Фаика Коницы заходит далеко вперед с посланием к младотуркам: «...будем националистами больше всех и автономная провинция – это минимальное, что мы можем принять» [30]. Крайне промладоурецкие призывы в газете Мидхата Фрашери «Лирия» о вливании албанских организаций в КЕП звучат одиноко на фоне доминирующих настроений в национальном движении.

Еще в первые недели после восстановления конституции «Единение и прогресс» предпринимает активную кампанию по приобщению к себе самых широких социальных слоев. Центральный младотурецкий комитет в Солуни объявляет о намерении созвать общий конгресс представителей всех национальностей и инициирует общегородские собрания в вилайетских центрах по обсуждению предстоящих реформ [31]. Все это создает впечатление, что

---

[29] The Memoirs of... P. 367.

[30] *Skendi S.* The Albanian National Awakening 1878–1912. New Jersey, 1967. P. 344.

[31] ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 2. Д. 143. Л. 143, 225 и сл.; Д. 140. Л. 295–296; Д. 143. Л. 217.

inslav

младотурки в духе идеи народного суверенитета, развитой в их воззваниях и меморандумах, прилагают усилия превратить различные национальные общности в субъект перемен в империи. В действительности, эта общественная активность Младотурецкого комитета суть проявление последовательной и целенаправленной политики по ликвидации монопольных позиций национальных организаций как единственных представителей нетурецкого населения. В ответ на категоричный и единодушный отпор ВМОРО настойчивым предложениям КЕП установить организационную связь, как и на ясно продемонстрированные настроения греков, выступающих за самостоятельную жизнь своей организации, младотурки начинают создавать так называемые «Османские объединительные клубы». Эти организации с доминированием младотурецких активистов на местах включают в себя представителей различных национальностей, в основном из кругов, находившихся в стороне от национальных движений. Вследствие их официального характера и обязательного использования турецкого языка на заседаниях, эти институции не могут выполнять вмененную им объединительную миссию и остаются просто пустыми организационными структурами, не пользующимися никаким авторитетом [32].

Вопреки тому, что долгожданный общий конгресс национальностей остается только намерением, в середине августа 1908 г. Младотурецкий комитет оглашает проект-программу реформ как продукт достигнутого компромисса с национальными организациями. В сущности, болгарские и греческие предложения оставлены без внимания, а переговоры показывают их принципиальные различия с «Единением и прогрессом» [33]. Политическая часть документа, действительно, отражает общее понимание необходимости утверждения либеральных принципов для представительного управления, равенства всех перед законом и политических свобод. Вопрос, который всегда сталкивает младотурков с нетурецкими представителями, относится к национальным правам общностей. Для национальных организаций модернизация империи на основе европейского либерализма является необходимой, но нет достаточно условий для достижения «единства элементов». Единая Турция в их представлениях и размышлениях признавалась возможной только при признании, сохранении и уважении исторически сформировавшихся национальных идентичностей не только в общественно-культурном, но и в административно-политическом планах. Младотурки,

[32] Там же. Д. 142. Л. 40–42.

[33] ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 2. д. 112. Л. 42, 267–268.

inslav

неспособные представить разрушительную силу национализма, видят смысл в конституционно-парламентарном управлении, прежде всего, как средства уничтожения национальных различий, унифицирования и равенства прав, проистекающих из османского гражданства.

Пока «Османские объединительные клубы» остаются анемичными и бездеятельными, общественно-политическая энергия местного населения в условиях нового режима направляется на формирование болгарских, албанских, греческих, сербских и влашских конституционных клубов, которые в значительной степени воспроизводят программы национальных движений из доконституционного периода [34]. Включение все более широких социальных слоев в новые формации, в сущности, иллюстрирует устойчивость национальных идеологий и объясняет провал усилий младотурок по включению в политическую жизнь многонациональных структур, группирующихся вокруг османистской программы «Единение и прогресс». Греки последовательно демонстрируют свою дистанцированность и сдержанность к такой политике, а промладотурецкая линия среди болгар и албанцев не находит солидной базы. Впрочем, интернационализм Народно-федеративной партии (болгарская секция), созданной «левыми» во ВМОРО с амбициями объединить демократические слои всех национальностей, сосуществует с ясно выраженным требованием областного самоуправления для болгар в империи [35]. Вопреки тому, что под натиском младотурков албанцы формируют свои клубы как неполитические организации, программа культурно-национального самоопределения и консолидирования объединяет в них разнородные течения [36].

Идейные различия между «Единением и прогрессом» и национальными организациями вызывают серьезное напряжение и предопределяют первое в политической практике столкновение осенью 1908 г. во время парламентских выборов. Категорический отпор против требования болгар, греков и албанцев установить национальные квоты и пропорциональное представительство в османском парламенте предопределил результат выборов. В коалиционных листах доминировали младотурецкие представители, а КЕП обеспечивал преимущество малочисленных национальностей за счет

---

[34] *Първанова З.* Между неосъществения Хюриет и неизбежната война. София, 2002. С. 97–119.

[35] Решения на Учредителния конгрес на Народна федеративна партия (Българска секция). Солун, 1909. С. 3–8.

[36] *Skendi S.* Op. cit. P. 345–354; Historia e Shqipërisë. T. 2. Tiranë, 1984. P. 420–436.

inslav

преобладающих в том или другом районе национальностей [37]. Вопреки своему численному превосходству в европейских вилайетах нетурецкие общности оказываются представленными символически в первом османском парламенте и оставляют незначительный след в его работе. На повсеместные нарушения законов, манипуляции и фальсификации во время выборов болгары и греки реагируют митингами, резолюциями, меморандумами, в албанских клубах дело доходит до открытых конфликтов и даже вооруженных столкновений с младотурецкими комитетами. Греческие и часть албанских комитетов присоединяются к парламентской группе османских децентралистов, которые в сентябре 1908 г. формируют Османскую либеральную партию «Ахрар», оппозиционную КЕП [38]. Председатель Болгарской Народно-федеративной партии Д. Влахов ориентируется на созданную в 1909 г. Османскую демократическую партию албанца Ибрахима Темо, который окончательно порывает свою десятилетнюю связь с «Единением и прогрессом» [39]. Как консервативная «Ахрар», так и демократическая партия Темо не обладают большим влиянием в европейских вилайетах, но нетурецкие представители отдают предпочтение им, что иллюстрирует их крайнее неприятие младотурецкой централистской политики.

Хотя и предусматривается известное, в соответствие со ст. 108 конституции, расширение полномочий вилайетских властей, в младотурецкой программе, принятой в октябре 1908 г. в Солуни, последовательно проводится идея сильного централистского и унифицированного управления как гарантии единства османского государства [40]. Попытка албанского депутата Исмаил Кемаль бея поставить в январе 1909 г. в османском парламенте вопрос о широкой административной децентрализации в империи, с учетом острых национальных проблем, встречает яростное сопротивление младотурецких представителей [41]. Если государственный централизм КЕП ставит под сомнение выполнение обещанных политических прав нетурецкому населению, то младотурецкий проект образовательной реформы, связанный с унифицированием светского образования под контролем государства и обязательным обучением турецкому языку,

---

[37] ЦДА. Ф. 176к. оп. 2. Д. 144. Л. 70, 108, 112, 124–130; Д. 112. Л. 254; Д. 145. Л. 154–156.

[38] *Сенкевич И.Г.* Указ. соч. С. 125–126; The Memoirs of… P. 321–323.

[39] ЦДА. Ф. 176 к. Оп. 2. Д. 142. Л. 43.

[40] Там же. Д. 145. Л. 29–30.

[41] The Memoirs of… P. 321–333.

inslav

представляет собою посягательство на существовавшую даже при старом режиме школьную автономию нетурецких общностей. Борьба против албанского культурно-просветительного движения является первым проявлением этой политики, обоснованной с парламентской трибуны министром внутренних дел, заявившим, что албанской национальности не существует [42]. С конца 1908 г. Младотурецкие комитеты начинают активную кампанию за повсеместное открытие турецких училищ и введение арабской азбуки в албанской письменности. Беспрецедентное вмешательство османских властей в управление болгарскими и греческими церковно-школьными общинами приводит в 1910 г. к массовому увольнению учителей как не имеющих османского подданства.

После 24 июля 1908 г. Комитет «Единение и прогресс», преодолевая, с одной стороны, оппозицию консервативных клерикальных слоев против его конституционализма, а с другой – сопротивление национальных движений против его крайнего османизма, заставляет принять свою политическую платформу по реформам. Младотурки, подавив мятеж и попытки контрпереворота в Константинополе в апреле 1909 г., отмечают серьезную победу над противниками политического либерализма, результаты которой спустя несколько месяцев были закреплены изменениями в конституции, ограничивающими султанские прерогативы, расширяющими полномочия исполнительной власти и вводящими принцип парламентского контроля над правительством [43]. Болгары и албанцы, вопреки участию в апрельском походе «армии действия» против мятежников, разграничивают свою поддержку конституционных свобод и сдержанное отношение к Младотурецкому комитету. Греки не откликаются на призыв защиты конституции и даже демонстрируют неприкрытые симпатии к противникам младотурков [44].

Со своей стороны младотурки, успевшие укрепить властные позиции в столице не без поддержки нетурецких национальностей в европейских вилайетах, летом 1909 г. начинают внедрять османизм в имперское законодательство. Нормативные акты османского парламента регламентируют полный государственный контроль над всеми печатными изданиями, узаконивают начавшиеся репрессии против членов вооруженных организаций в

---

[42] *Swire I.* Albania, the Rise of a Kingdom. London, 1929. P. 92–94.

[43] *Biliotti A.*, *Sedad A.* Législation ottomane depuis le rétablissement de la constitution 24 Djemazi-il-ahir 1326 (10 jullet 1908). Vol. I. Paris, 1912. P. 107–113.

[44] *Първанова З.* Указ. соч. С. 170–173.

inslav

предконституционный период и вводят обязательную военную службу для христиан (как правило, в отдаленных от родных мест районах)[45]. С введением в силу фактически несанкционированного парламентом закона об объединениях, который запрещает национальные политические организации, Младотурецкий комитет провоцирует практику возобновления нелегальных структур и радикализацию их программ в духе политического сепаратизма. Предпринятые меры по централизации и унифицированию административного управления и налоговой системы встречают вооруженное сопротивление мусульман в Косово и католиков в Северной Албании, катализируя консолидацию албанского национального движения вокруг автономистской идеи[46]. Если акции по разоружению в Албании и Македонии имели своей целью искоренение «революционного духа» албанцев и болгар, то антигреческая кампания была направлена против сильных экономических позиций греков в империи. Натянутость отношений с Грецией с середины 1909 г. в связи с критским вопросом превращается в удобный предлог для объявления экономического бойкота, который в следующие два года нанес ущерб с необратимыми последствиями для османских греков. Этот шаг рассматривался внешними наблюдателями как проявление младотурецкой политики, направленной на снижение влияния греческого национализма[47].

Хрупкий компромисс, на котором строится взаимодействие Младотурецкого комитета с национальными организациями в 1908 г., терпит в 1909 г. крах, вследствие все более усиливающихся противоречий, чтобы затем перерасти в 1910 г. в открытый конфликт. Репрессивное законодательство младотурецкого режима лета 1909 г. окончательно кладет конец младотурецкому «флирту» с нетурецкими национальностями и означает начало открытого и тотального наступления на их права, национальные и человеческие. Очевидный провал попыток по османизации многонациональных европейских вилайетов политическими средствами толкает лидеров «Единения и прогресса» на поиск решений в исламистском русле младотурецкой идеологии. В 1909 г. массовое расселение мусульманских эмигрантов, так

---

[45] *Biliotti A., Sedad A.* Op. cit. 264–265, 288–294.

[46] *Сенкевич И.Г.* Указ. соч. С. 146–155; *Swire I.* Op. cit. P. 93–94; *Първанова З.* Документи, свързани с възстановяването на ВМРО 1910–1911 // Исторически преглед. № 1. 1994–1995. С. 166–168.

[47] *Driault E., Lhéritler M.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. T. IV. Paris, 1926. P. 53–54.

inslav

называемых мухаджиров из Боснии и Герцеговины, по границам с Болгарией и Грецией или среди компактного болгарского населения во внутренних районах Македонии нацелено на изменение этнорелигиозного облика области. Вопреки спорному успеху этой акции, Младотурецкий комитет обсуждает варианты по привлечению мусульманских переселенцев в Европейскую Турцию из Болгарии, России и даже из арабских провинций империи [48]. Албанские восстания в 1910–1912 гг. под лозунгом автономии, в которые активно включаются албанские мусульмане, в значительной степени компрометируют и исламистскую опору младотурецкого османизма, который после 1911 г. открывает почву для пантюркизма внутри «Единения и прогресса» и для турецкого национализма во время Первой мировой войны [49].

Как и национальные программы, младотурецкая платформа строится на модерной либеральной идее государства. Миллетская система, которая на протяжении столетий определяла общественные отношения в Османской империи на основе религии, распадается под напором формирующихся новых идентичностей. В отличие от национальной идеи в Европейской Турции (и всей Юго-Восточной Европы), которая берет свое начало из чувства принадлежности к этнокультурной общности, османизм был субъектом, на который оказало сильное влияние раннее западноевропейское понимание политической нации, идентифицированной с общим отечеством, т. е. с общей территорией государства. Однако в начале XX в. эта концепция сталкивается с реалиями, которые заранее обрекают на провал младотурецкие усилия по созданию «сверху» политической нации. Понимание османского единства как результат радикального вычеркивания уже сформированных национальных идентичностей встречает непреодолимое сопротивление даже в слоях реформистских течений в национальных движениях.

Младотурецкий османизм, сформированный под влиянием западноевропейских национальных моделей из XVIII в., но механически перенесенный в другую культурную среду и в другое историческое время, превращается в идеологическую упаковку ассимиляторской политики. В эпоху этнокультурного национализма эта доктрина на теоретическом уровне остается искусственной конструкцией. Обремененная рефлексами мусульман-

---

[48] *Георгиев В., Трифонов Ст.* История на българите 1878–1944 в документи. Т. 1. 1878–1912. Ч. 2. София, 1996. С. 529–532; Public Record Office. Foreign Office. General Correspondence after 1906. Political/FO 371/1243. P. 172–174.

[49] *Zürcher E.J.* Op. cit. P. 216–218.

inslav

ской общности, господствовавшей в империи на протяжении столетий, младотурецкий османизм видит на практике единственную и надежную опору в исламизме, а со временем и в формирующейся турецкой национальной идентичности. Те едва уловимые черты турецкого национализма в младотурецких программах – до и непосредственно после прокламирования конституционного управления – раскрываются одновременно с укреплением позиций Комитета «Единение и прогресс» в законодательной и исполнительной власти. 17 декабря 1908 г. младотурки приветствуют членов парламента в османской столице со словами: «Наш путеводитель – факел равенства и единства». 6 августа 1910 г. на секретном заседании в Солуни один из основателей комитета «Единение и прогресс» Талаат бей заключает, что вопреки прописанному в конституции равенству в империи – оно невозможно и недостижимо [50].

Эти перемены не остаются скрытыми даже для представителей великих сил в Константинополе, которые в июле 1908 г. бурно приветствуют установление конституционно-парламентарного режима управления. Анализируя ситуацию в Европейской Турции, сложившуюся летом 1910 г., британский посланник в османской столице отмечает, что, очевидно, Младотурецкий комитет исчерпал конституционные механизмы по приобщению нетурецких национальностей и уже трактует османизацию как процесс туркизации [51]. Концепция османизма, которая на протяжении двух десятилетий определяет облик младотурецкой идеологии, всего за два года терпит полное фиаско в политической практике «Единения и прогресса». Исторический парадокс состоит в том, что идею, которую болгары, греки и албанцы в Европейской Турции и национальные балканские государства не могли реализовать десятилетиями, младотурецкий режим сумел сделать всего за четыре года – спровоцировав их объединение на антиосманской основе и ускорив распад империи.

С болгарского языка перевел В.И. Косик

---

[50] *Ahmad F.* The Young Turks. The Committee of Union and Progress in Turkish Politics 1908–1914. Oxford, 1969. P. 30; British Documents on the Origins of the War 1898–1914. T. IX. P. I. London, 1933. P. 207–209.

[51] *Lewis B.* Op. cit. P. 219.

inslav

Евгения Калинова
София

Проект ассимиляции болгарских турок в контексте болгаро-турецких отношений в 80-е гг. XX в.

Отношения между Болгарией и Турцией после Второй мировой войны отличались противоречивостью: периоды напряженности сменялись временами спокойствия и сотрудничества. Указанные страны являлись стратегическими партнерами главных противоборствующих сил (Болгария – Советского Союза и Турция – Соединенных Штатов Америки); по этой причине острота блокового противостояния в значительной степени влияла на позиции Софии и Анкары. Вместе с тем, эти позиции испытывали влияние и такой серьезной проблемы в двусторонних отношениях, как политика в отношении болгарских турок. В настоящей статье рассматривается динамика этих отношений – от нормализации в начале 80-х гг. к постепенному ухудшению в условиях второй холодной войны [1]. В результате политики БКП по насильственной смене имен болгарских турок в конце 1984 – начале 1985 г. напряженность усилилась, и весной 1985 г. в болгаро-турецких отношениях возник кризис, продолжавшийся до конца 1989 г. [2]. Изучение кризиса актуализируется ныне в

---

[1] Вторая холодная война – используемое в современной общественно-политической литературе определение особого периода (этапа) блокового противостояния, начавшегося с вводом в декабре 1979 г. советских войск в Афганистан (Прим. перев.).

[2] В болгарской историографии внешнеполитический аспект проблемы рассматривается в исследованиях более общего характера. См., например: *Гочева П.* През Босфора към «възродителния процесс». София, 1994; *Стоянов В.* Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1998; *Ялъмов И.* История на турската общност в България. София, 2002; *Груев М., Кальонски А.* «Възроди-

inslav

связи с появлением широкого круга новых источников, чему способствуют «открытие» болгарских архивов, публикация документальных сборников и др. [3].

В начале 1980-х гг. и для Софии, и для Анкары определяющим было стремление к сотрудничеству. В 1978 г. закончилось действие подписанного на десятилетний срок соглашения 1968 г. о переселении в Турцию родственников болгарских турок, покинувших Болгарию до 1952 г., и влияние переселенческого вопроса на двусторонние отношения уменьшилось [4]. В это время подписан ряд соглашений, обдумываются совместные проекты. Все же на официальных встречах турецкая сторона не упускает случая обратить внимание болгарских партнеров на необходимость уделить «больше внимания» болгарским туркам и напоминает о необходимости нового соглашения о воссоединении разделенных семей [5]. По мнению же болгарской стороны, в подобных отдельных случаях вполне можно было действовать на основе болгарского законодательства, не заключая особого соглашения. София добивалась, чтобы Турция прямо заявила о несогласии на массовое переселение, но турецкие власти отказывались открыто признавать свое нежелание принять новую переселенческую волну. В данном случае, однако, важно, что вопрос о бол-

телният процесс». Мюсюлманските общности и комунистическият режим. София, 2008; *Калинова Е.* Балканската политика на България – предизвикателствата от запад и от юг (1944–1989 г.) // Изследвания по история на социализма в България. 1944–1989. София, 2010. С. 712–813.

[3] «Възродителният процесс». Българската държава и българските турци. Сб. документи. Т. 1–2. / Съст. И. Баева и Е. Калинова. София, 2009; Строго поверително! Асимилаторската кампания срещу турското национално малцинство в България. 1984–1989. Документи / Съст. В. Ангелов. София, 2008.

[4] Подробнее см.: *Калинова Е.* Пътят към втората изселническа спогодба между България и Турция (50-те – 60-те години на XX век) // Известия на Българското историческо дружество. Т. 42 (в печати); *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1939–2010. София, 2010. С. 208–212; *Бибина Й.* Българо-турските отношения през 60-те и 70-те години на XX век // Проблемът Изток – Запад. България и Балканите. София, 2006. С. 280–300.

[5] Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 313. Л. 1–8.

inslav

гарских турках не вышел на первый план, и обе стороны сознательно избегали острых дискуссий.

Военный переворот в Турции 12 сентября 1980 г. не отразился негативно на отношениях с Болгарией. Хотя реакция на него со стороны международного сообщества была для Анкары неблагоприятной, министр иностранных дел П. Младенов в апреле 1981 г. посетил турецкую столицу. Этот визит получил высокую оценку турецких «верхов», находившихся в международной изоляции. Турецкая сторона радовалась возможности продолжить диалог с официальной Софией, а болгарское руководство было довольно как поддержкой турками ее инициатив по развитию многостороннего сотрудничества на Балканах, так и тем, что турецкая сторона не подняла вопрос о новом соглашении по переселенческому вопросу, говоря единственно о необходимости разрешать возникающие конкретные вопросы с гуманных позиций [6].

Важным жестом в поддержку Турции стало приглашение нового главы государства генерала Ахмета Кенана Эврена посетить Болгарию. Во время его визита в Софию 24–27 февраля 1982 г. было достигнуто принципиальное согласие сторон о расширении сотрудничества в экономической и культурной сферах и на транспорте. По настоянию турецкой стороны Тодор Живков согласился с требованием Эврена разрешить 200–300 болгарских турок, которые по разным причинам не воспользовались действовавшим до 1978 г. соглашением, переселиться в Турцию. Со своей стороны, Живков добился от турецкого руководителя закрепления в официальном документе отношения Анкары к переселению болгарских турок, с тем, чтобы, по его словам, «не заниматься постоянно вопросом, который мешает добрососедским отношениям между обеими странами» [7]. Впервые турецкая сторона согласилась записать в коммюнике по итогам визита, что «действие предыдущих соглашений о массовых переселениях закончилось и что стороны будут рассматривать с гуманных позиций и в рамках своего законодательства благосклонно реагировать на отдельные просьбы о соединении разделенных семей в Болгарии и

[6] П. Младенов заявил, что Болгария отнесется благосклонно к разрешению подобных вопросов, как и к турецкому предложению заключить соглашение о социальном обеспечении болгарских турок-переселенцев (*Младенов П.* Животът – плюсове и минуси. София, 1992. С. 125–126; ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 504. Л. 1–3).

[7] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 728. Л. 2–3.

inslav

Турции» [8]. Этой официальной позиции болгарское правительство придавало большое значение, поскольку надеялось, что она поможет болгарским туркам преодолеть колебания и связать свое будущее с Болгарией. София считала, что устранено основное, существовавшее десятилетиями препятствие для двусторонних контактов.

Однако во второй половине 1982 г. появились первые признаки нового роста напряженности. Они были связаны с предпринятой болгарским правительством заменой турецких имен лиц, рожденных в смешанных браках, на болгарские. Турция воспользовалась усилением внимания Запада к правам человека в социалистических странах, что явилось стимулом к оживлению традиционного тезиса турецкой политики о праве защищать «соотечественников» независимо от места их проживания. В конце 1982 г. МИД Турции в специальной ноте выразил протест против смены имен, а во время визита в Болгарию в феврале 1983 г. министр иностранных дел Ильтер Тюркмен поднял этот вопрос перед Т. Живковым [9]. Правда, высокий гость предпочел акцентировать внимание на экономическом сотрудничестве, уверяя, что Турция не желает вызвать у болгарских турок «психоз переселения», поскольку вопрос об этом закрыт прекращением действия соглашения 1968 г. [10]. Болгарское руководство положительно оценило визит Тюркмена. Констатируя усиление привязки Турции к США и НАТО, оно все же надеялось, что Анкара сбалансирует это улучшением отношений с социалистическим блоком.

Позитивная тенденция в развитии отношений была подкреплена визитом Т. Живкова в Турцию 6–9 июня 1983 г. Его атмосферу определяло подчеркнутое стремление сторон к сотрудничеству и добрососедству. Живков и Эврен продемонстрировали амбициозное намерение превратить двусторонние отношения в образец сотрудничества между капита-

[8] Там же. Л. 3–4.

[9] И. Тюркмен оговорился при этом, что не желает вмешиваться во внутренние дела Болгарии, и отмежевался от ведущейся в Турции антиболгарской кампании. В то же время министр говорил об «административном давлении» при смене имен и о «принудительном расселении и увольнения с работы» болгарских турок (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 906. Л. 1–2).

[10] Там же. Л. 11–12.

inslav

листическим и социалистическим государствами [11]. Оба президента договорились поддерживать тесные контакты и оказывать взаимную поддержку по актуальным и болезненным для обеих сторон вопросам. Для турок это был Кипрский кризис, для болгар – обвинения в причастности к покушению на папу Йоанна-Павла II. Если атмосфера официальных встреч была вполне дружеской, то в личных беседах Живкова и Эврена проявлялось растущее напряжение. В ответ на упрек Эврена, что власти «осуществляют давление на болгарских турок, добиваясь смены имен, а также осуществляют и иной нажим», Живков парировал: власть не ставит перед собой задачу ассимилировать турок в Болгарии; смена имен лицами, рожденными в смешанных браках, – дело, вполне, по его мнению, «естественное». Эврен настойчиво называл болгарских турок «соотечественниками», в то время как Живков обвинил Турцию в создании переселенческих настроений среди «болгарских граждан турецкого происхождения», невзирая на официальные заявления Анкары, что переселенческий вопрос закрыт [12]. После повторного заявления Эврена, что Турция не хочет принимать новых переселенцев, Живков надеялся, что данный вопрос действительно будет снят с «повестки дня». Он согласился с турецким требованием разрешить переселение лишь отдельных лиц по списку, подготовленному Анкарой, при условии, что «этот вопрос будет решен в кратчайший срок и впредь никогда не возникнет»[13].

Международная обстановка во второй половине 1983 – начале 1984 г. не благоприятствовала снижению напряженности между Турцией

---

[11] Лидеры договорились об установлении более тесных контактов (проведение неофициальных деловых встреч и, при необходимости, обмен «специальными посланниками»), но не пришли к соглашению по ряду спорных вопросов, решение которых растянулось на долгие годы (Там же. А.е. 909. Л. 3–4, 7–20).

[12] Спустя год после опубликования коммюнике 1982 г., констатирующего нежелание турецкой стороны согласиться с массовым переселением, настроения болгарских турок разошлись с ожиданием болгарских властей. Вместо спокойствия в стране наблюдалось усиление стремления покинуть Болгарию. Болгарские турки рассчитывали на включение в списки, которые турецкая сторона должна была подготовить «из гуманных соображений». Дополнительной мотивацией к переселению стала смена имен.

[13] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 909. Л. 6–7.

inslav

и Болгарией. Блоковое противостояние усугубляла политика США, направленная на размещение ядерных ракет в Западной Европе при отказе от переговоров о разоружении; сам же замысел создания противоракетной стратегической обороны предполагал достижение американского превосходства в вооружении в Космосе. Болгария с тревогой наблюдала за усилением привязки Турции к США [14] и НАТО. Такую же реакцию вызвало и создание в ноябре 1983 г. Турецкой республики Северного Кипра. В самой Турции обострилась курдская проблема; страна вызывала осуждение мирового сообщества за нарушение прав человека и за политику по кипрскому вопросу. В такой атмосфере переселенческий вопрос и положение болгарских турок вновь вышли на первый план в болгаро-турецких отношениях. Под воздействием турецкой пропаганды и опасаясь, что смена имен не ограничится только смешанными браками, 93 тыс. болгарских турок в 1983 г. подали заявления о переселении, несмотря на имевшуюся двустороннюю договоренность, что оно коснется лишь разделенных семей [15]. В том же году в турецкой печати было опубликовано более 1700 материалов антиболгарской направленности. Болгарские службы безопасности отмечали участившиеся случаи шпионской деятельности и саботажа, попытки терактов и появление лозунгов автономии в районах компактного проживания болгарских турок. В ответ власти вновь ввели отмененный в 1979 г. визовый режим для турецких граждан и продолжили смену имен лиц, рожденных в смешанных браках.

В апреле 1984 г. турецкая сторона дважды протестовала перед болгарским послом в Анкаре в связи со сменой имен, игнорируя тот факт, что она касалась смешанных браков, и заявляя, что речь шла о смене имен всех болгарских турок. Еще более резкий характер имели протесты турецкого посла в Софии Омера Лютема перед МИД Болгарии [16]. Резким был ответ и заместителя министра иностранных дел Болгарии

---

[14] С декабря 1983 по апрель 1984 г. Турцию посетили десять американских делегаций, в основном для обсуждения военных вопросов (Архив на Министерството на външните работи (далее – АМВнР). Оп. 42. А.е. 4286. Л. 2–8).

[15] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 67. А.е. 3090. Л. 59–61.

[16] Лютем утверждал, что турецкое население подвергалось насилию и за последние месяцы более 200 болгарских турок обратились с жалобами по телефону в турецкие дипломатические миссии по поводу смены их имен (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1087. Л. 1–2).

inslav

Ивана Ганева, подчеркнувшего, что официальная постановка вопроса о смене имен болгарских граждан является «грубым вмешательством во внутренние дела Болгарии». Ганев настаивал на том, чтобы посол Турции передал в Анкару официальный протест против подстрекательства болгарских турок «определенными кругами» к переселению и борьбе за автономию. В качестве доказательства болгарский дипломат указал на изданную в Турции книгу с подобными внушениями, получившую три официальные премии, и напомнил о тысячах заявлений «старых» переселенцев, приглашавших своих близких переехать в Турцию. Подводя итог, Ганев подчеркнул: «Болгария – не Кипр, и подобные действия ни к чему хорошему не приведут» [17].

Ухудшение болгаро-турецких отношений явилось прямым следствием усилившегося общего противостояния Востока и Запада. Оно подпитывалось действиями Анкары и Софии в отношении болгарских турок, а также и обострявшейся курдской проблемой в Турции. Весной – летом 1984 г. турецкая сторона все чаще и острее поднимает вопрос о «насилии» над болгарскими турками и стремится позиционировать себя в качестве их защитницы, при том, что политика болгарского государства в национальном вопросе тогда не менялась. Это подтвердило принятое 8 мая 1984 г. партийное решение «О дальнейшем сплочении и приобщении болгарских турок к делу социализма, к политике БКП» [18]. В этом документе болгарские турки были объявлены этнической группой, историческая судьба которой связана с Болгарией и которая должна реально интегрироваться в жизнь страны. При обсуждении документа Т. Живков подчеркнул: болгарских турок никто не будет убеждать, что они «непременно должны быть болгарами. Ничего подобного нет, мы не проводим такую политику и не позволим себе ее проводить» [19]. Но в то же время они должны быть равноправными гражданами Болгарии, убежденными, что эта страна и есть их родина.

Таким образом, вопрос о болгарских турках не только не был снят с повестки дня в двусторонних отношениях, к чему стремилась Болгария, но весной – летом 1984 г. занял еще более значительное место в турецкой прессе, а во время официальных встреч турецкая сторона уделяла ему особое внимание. Это показал и визит министра иностранных дел

[17] Там же. Л. 5–7.

[18] Там же. Оп. 67. А.е. 3090. Л. 6–31.

[19] Там же. Л. 137–139.

inslav

П. Младенова в Турцию 12–13 июля 1984 г. Настойчиво и демонстративно президент А.К. Эврен и глава МИД Вахит Халефоглу ставили вопрос о «насильственной смене имен турецкого меньшинства». Встреча Младенова с премьер-министром Тургутом Озалом оставила у болгарского дипломата еще более неприятное воспоминание. Перед микрофонами и кинокамерами журналистов Озал обратился к Младенову с резкими упреками: «Что вы делаете с нашими соотечественниками? Вы ответите за свое отношение к ним! Турция спросит с вас за это!» [20]. Очевидно, что турецкие руководители стремились к внутриполитическому эффекту, надеялись, что отзвук их демонстративной решимости дойдет до болгарских турок, которые увидят в них своих защитников.

Несмотря на указанные проявления, переговоры по экономическому сотрудничеству отличались более конструктивным характером [21]. Реагируя на усиление переселенческих настроений среди болгарских турок, Младенов в очередной раз указал, что Болгария готова к соглашению с Турцией о переселении всех желающих. В случае же, если Анкара не желает этого, она должна четко зафиксировать свою позицию и отказаться от действий, стимулирующих переселенческие настроения. Эврен и Халефоглу вновь заявили, что хотят переселения не больших групп, а только отдельных лиц «по гуманным соображениям» и по спискам, подготовленным турецкой стороной. В вопросе о «соотечественниках» принципиальная позиция болгарской стороны заключалась в том, что претензии турецкой стороны играть роль защитницы граждан Болгарии являются вмешательством во внутренние дела болгарского государства. Производит впечатление, что болгарские дипломаты пытались показать пример в этом отношении: ни на одной официальной встрече в первой половине 80-х гг. они не поднимали в качестве самостоятельного вопрос о политике Анкары в отношении курдского меньшинства, равно как и не ссылались на принятую в 1982 г. новую конституцию Республики Турция, согласно которой запрещалось «нарушение целостности нации» и поддер-

[20] В воспоминаниях Младенов описал и поведение некоторых журналистов, которые, в отличие от его прежних визитов, на сей раз еще при встрече «яростно и весьма агрессивно» задавали вопрос о положении «соотечественников» в Болгарии (*Младенов П.* Указ. соч. С. 129–131).

[21] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1089. Л. 1–9.

inslav

жание самосознания меньшинства путем «сохранения и развития языков и культуры вне турецкого языка и турецкой культуры» [22].

Болгарское политическое руководство считало политику в отношении болгарских мусульман собственной сферой, в которой обладало исключительным правом принимать решения. Показательно, что во время встреч с советскими лидерами летом – осенью 1984 г. Т. Живков не информировал их о проблемах с турецким населением страны или в отношениях с Турцией, но уделил особое внимание «страшному давлению» США на Болгарию. По словам Живкова, это давление оборачивается экономическими трудностями, но попытки вызвать «внутреннюю эрозию» страны обречены, так как «Болгария – это не Венгрия, не Румыния, не Польша и даже не Чехия и ГДР». Вследствие этого, заметил болгарский лидер, Соединенным Штатам «не остается ничего другого, как только дискредитировать нас в международном плане... и мы не знаем, что нового они предпримут против нас завтра» [23]. Именно в данном контексте болгарское руководство рассматривало изменения в поведении Анкары и оценивало ее желание «защищать» болгарских турок.

В политике США, отражавшей «индивидуальный подход» к дестабилизации социалистических стран, важная роль отводилась тезису о нарушении прав человека. В болгарском случае он оказался наиболее подходящим как средство нажима, притом без непосредственного участия США, а используя соседнюю Турцию и проблему болгарских турок. Эффективность такого подхода обусловливалась и конфликтом некоторых традиционных установок турецкой национальной доктрины (прежде всего, об идентичности исповедания ислама и турецкой национальной принадлежности) с действиями болгарского государства по смене имен лиц, рожденных в смешанных браках. Направленные на решение определенных демографических и связанных с национальной безопасностью страны проблем, они осуществлялись такими способами, которые нарушали основные права человека.

Таким образом, в тесных союзнических отношениях США и Турции возникла еще одна точка соприкосновения, предполагавшая согласованные действия в отношении Болгарии. В болгарских «верхах» были

---

[22] *Стоянов В.* Указ. соч. С. 157.

[23] Эта констатация прозвучала на встрече Т. Живкова с секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым 7 сентября 1984 г. в София (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 60. А.е. 341. Л. 14–24).

inslav

убеждены, что США и впредь будут использовать Турцию, а та, в свою очередь, – болгарских турок, чтобы вызвать сопротивление против политики БКП. Основой для подобных опасений являлся не столько пример «кипрского варианта», сколько действительная напряженность в районах компактного проживания турецкого населения. Руководство БКП отдавало себе отчет в том, что при углублявшемся экономическом кризисе недовольство легко может охватить и более широкие слои населения. Подобные опасения подтверждались информацией органов госбезопасности об активизации среди болгарских турок нелегальных групп, часть которых в условиях роста терроризма в мировом масштабе восприняли его тактику. Трагическим подтверждением этого стали взрывы в аэропорту Варны и в зале ожидания железнодорожного вокзала в Пловдиве 30 августа 1984 г. [24]. Угроза терактов соседствовала с пониманием, что интеграция болгарских турок идет медленно. Правящие круги все активнее следовали курсу на «приобщение» турецкого населения путем устранения его этнической и религиозной специфики; насилие же в данном случае считалось неизбежным и оправданным. Ужесточились преследования за совершение исламских религиозных обрядов и ношение традиционной национальной одежды. Особенно рельефно насильственные методы проявлялись в распоряжениях властей использовать в общественных местах только болгарский язык [25]. Компенсировать этот нажим власти попытались, увеличив инвестиции в районы со «смешанным» населением [26].

В конце 1984 г. Т. Живков и его ближайшее окружение пришли к выводу, что политика постепенной интеграции болгарских турок не оправдывает себя – ее результативность низкая, процессы развиваются медленно, а ухудшение международного климата не благоприятствует в целом ее проведению. Рассчитывая оградить Болгарию от нападок США и Турции из-за политики в «турецком вопросе», чреватых внутренними потрясениями и дестабилизацией в стране, Живков переходит к ускоренному его решению. Следовало устранить главную причину внешнего

[24] Архив на Министерството на вътрешните работи (далее – АМВР). Ф. 22. Оп. 1. А.е. 205. Л. 85–90; Оп. 2. А.е. 231. Л. 48–59; Ф. 1. Оп. 12. А.е. 573. Л. 10–31; А.е. 581. Л. 1–33.

[25] АМВнР. Оп. 43–11. А.е. 160. Л. 29; *Ялъмов И.* Указ. соч. С. 2, 387–388, 391.

[26] *Ялъмов И.* Указ. соч. С. 380.

inslav

вмешательства – турецкую общность: если болгарских турок не будет, то Турции некого будет защищать. Наиболее быстро эту цель можно было достичь, сменив зримые маркеры этнической особенности – имена, язык, традиционную одежду, обряды. В этом состояла причина стремительной (на протяжении декабря 1984 – января 1985 г.) смены имен 850 тыс. болгарских турок. Принудительное «введение» болгарских имен положило начало кампании, получившей название «возродительного процесса». Его основная цель – заставить болгарских турок осознать свои болгарские корни.

Еще в ходе кампании в турецкой прессе поднялась волна антиболгарской пропаганды [27]. Однако официальные турецкие власти демонстрировали сдержанность. Они не располагали информацией о масштабах кампании и не считали ее чем-то исключительным в череде прежних мероприятий болгарского государства в отношении турок. Как и двумя годами ранее, турецкая сторона стремилась, чтобы острая критика «насилия» болгарского руководства по отношению к болгарским туркам не привела к ухудшению межгосударственных отношений и массовому переселению. Вместе с тем в Турции понимали, что происходящее в Болгарии требует более внимательного изучения. Посему А.К. Эврен воспользовался (впервые) достигнутой договоренностью с Т. Живковым о «специальных посланниках», осуществлявших прямую связь сторон в случае особой важности. Встреча представителей Эврена и Живкова 11 января 1986 г. примечательна явным взаимным стремлением не допустить кризиса в отношениях между Болгарией и Турцией. Неоднократно подчеркивались особые отношения между обоими президентами, а Живков заявил, что с первой встречи с Эвреном в 1982 г. оба «прониклись взаимным расположением», и между ними возникло «доверие, переросшее в дружеские отношения» [28]. И посланники, и Живков отметили, что оба государства не имеют взаимных территориальных претензий и не раз уже доказывали, что могут решать возникающие проблемы за столом переговоров. Критика турецкой стороны была умеренной, причем турки подчеркнули, что на правительство оказывают нажим переселенцы, озабоченные судьбой оставшихся в Болгарии родственников. Жалобы чаще всего ка-

---

[27] *Димитрова Д.* Турският печат за тъй наречен «възродителен процесс» (1984–1989 г.) // Етническата картина в България (Проучвания 1992 г.). София, 1993. С. 169–173.

[28] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 60. А.е. 350. Л. 1–3.

inslav

саются насильственной смены имен, а также и запретов, затрагивающих турецкий язык и религию.

В ответах Живкова отмечались и новые моменты. Он говорил, в частности, о «так называемых болгарских турках», которые не являются частью турецкой нации, а «и в прошлом, и ныне» принадлежат к болгарскому народу. По словам Живкова, законы страны разрешают каждому гражданину сменить свое имя, и если есть «увлечения» в этом отношении, то они не являются результатом указаний правительства. Болгарский руководитель, безусловно, знал, насколько уязвимы его утверждения о якобы «добровольной» смене имен, и посему попытался приуменьшить важность этого вопроса. Живков заметил, что смена имен коснулась главным образом детей от смешанных браков и не означала смены «ни религии, ни культуры, ни национального сознания» [29]. Впервые Живков открыто указал на двойной стандарт в подходе турецкой стороны к аналогичным вопросам, обратившись к статьям турецкой конституции о национальности и языке, и поинтересовался: «Согласитесь ли вы, чтобы мы опубликовали в наших газетах некоторые статьи вашей Конституции без комментариев?.. Разве не встревожились бы вы, если бы детей от смешанных браков у вас мы объявили болгарами?». Желая прекратить трудную дискуссию о событиях в Болгарии, Живков сместил акценты, обвинив турецкую сторону в непоследовательности: на двусторонних встречах Анкара неоднократно выражала нежелание принять переселенцев из Болгарии, в то время как турецкая печать настойчиво твердит о наличии «двух миллионов турок, которые не могут переселиться». В очередной раз Живков заявил, что проблема заключается не в действиях болгарских властей («мы готовы переселить 200–300 тысяч человек, чтобы этот вопрос не отравлял атмосферу»), а в проводимой Анкарой двойственной политике. Болгарский лидер даже пригрозил: «Можно сообщить господину Эврену – пусть не считает это антитурецким проявлением, – что я могу выступить по телевидению и радио и разъяснить турецкому населению нашей страны, как обстоит дело. Мы не говорим об этом, чтобы не раздувать вопрос, а вот у вас вся пресса и разведка делают это... Давайте разберемся – нельзя договариваться об одном, а в прессе писать другое. До сих пор этим занимались ваши мелкие газеты, а сейчас подключалась и центральная печать» [30]. Стремясь подчеркнуть контраст между обвине-

[29] Там же. Л. 4–5.
[30] Там же. Л. 5–6.

inslav

ниями против Болгарии, выдвигавшимися в турецкой печати по разным поводам, и корректным поведением болгарской стороны, Живков заметил: «В нашей печати вы не найдете нападок на Турцию. Я получаю письма, в которых мне угрожают, что убьют меня, поскольку мы ничего не делаем для курдов, для армян и т. д. В Европейском парламенте на вас нападают ваши союзники, а мы не выступаем против Турции. И с Грецией мы не заигрываем, а в самый трудный момент поддержали вас... Скажите господину Эврену, что против Турции в наших газетах не пишут и не будут писать. Это ваши внутренние дела. А основания у нас есть. Всем болгарским туркам – переселенцам вы сменили имена, но мы не протестуем против этого. А знаете сколько мы получаем писем о тяжелом положении болгарских граждан, переселившихся в Турцию?» [31].

Пафос выступления Живкова заключался в том, чтобы констатировать: обе стороны имеют свои внутренние проблемы, которые вправе решать по собственному усмотрению, без вмешательства извне. Если Анкара усилит нападки, Болгария ответит тем же, но это ухудшит двусторонние отношения.

Непосредственно после посещения К. Эврена специальными посланниками заметных изменений в поведении турецкой стороны не наблюдалось, но, по мнению Живкова, тональность турецкой прессы несколько смягчилась. Он был удовлетворен своей наступательной тактикой и 18 января 1985 г. на заседании Политбюро заметил, что в Турции «могут поднять шум, но не в их интересах шуметь, поскольку вся их армия сейчас сражается с курдами..., а мы только меняем имена» [32]. Оптимизм его в известной мере был оправдан. В середине февраля 1985 г., когда завершилась кампания по смене имен, турецкие деловые круги провели успешные переговоры с болгарской торговой делегацией, ни словом не намекнув на события в Болгарии. Итогом переговоров стали соглашения об увеличении товарообмена, был продемонстрирован взаимный интерес к развитию связей между отдельными хозяйственными организациями [33].

---

[31] Там же. Л. 7.

[32] Там же. Оп. 63. А.е. 108. Л. 10.

[33] Согласно договоренностям, предстояло увеличить турецкий импорт в Болгарию – с 35 млн. долларов в 1984 г. до 40–45 млн. в 1985 г. На этом настаивала турецкая сторона, чтобы сбалансировать товарообмен, объем которого планировалось довести в 1985 г. до 200–220 млн. дол-

inslav

Все же турецкие официальные круги использовали присутствие в составе делегации заместителя министра внешней торговли Болгарии Атанаса Гинева, чтобы сделать важные политические заявления [34]. В телефонном разговоре с болгарским представителем министр иностранных дел Халефоглу выразил «крайнюю озабоченность» в связи с отсутствием информации с болгарской стороны по вопросам, будоражащим турецкую прессу: о числе жертв при смене имен, о масштабах этого процесса, о посягательствах на религиозные чувства верующих. А между тем, продолжал он, согласно внешним источникам информации, события в Болгарии в этом плане получили драматическую окраску. Министр категорически заявил, что «готов сделать все», чтобы решить этот вопрос, «даже и в том случае, если имена действительно меняли насильственно» [35]. Он предложил, чтобы инициатива диалога исходила от болгар и чтобы трем турецким журналистам было разрешено посетить Болгарию. В таком же духе провел разговор с Гиневым и Озал. Подчеркнув желание продолжить сотрудничество с Болгарией [36], премьер-министр дал понять, что оно затруднено в условиях сильной атаки СМИ против Болгарии (Озал указал, что основой служат турецкие, американские и французские источники, но не упомянул о давлении со стороны организаций болгарских турок – переселенцев). Он посоветовал разрешить турецким журналистам посетить Болгарию и объективно осветить создавшееся положение. Если все в порядке, то общественное мнение в Турции успокоится. Явно сомневаясь в истинности болгарских заверений о спокойствии в стране и отсутствии насилия, Озал впервые за двадцать лет заявил, что

ларов (без учета стоимости энергоносителей, поставляемых из Болгарии) (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1244. Л. 1–2).

[34] В качестве посредника выступил президент «ЭНКА холдинг» Шарык Тара: во время личной беседы с Ат. Гиневым он связал его по телефону с министром иностранных дел Турции В. Халефоглу и премьер-министром Т. Озалом.

[35] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1244. Л. 4.

[36] В качестве доказательства Озал заявил, что, несмотря на неодобрение НАТО, он поддержал план, в соответствии с которым будущий газопровод из России в Турцию пройдет через территорию Болгарии (Там же. Л. 3–4).

inslav

Турция готова начать переговоры с Болгарией и «принять всех турок, как это сделал Мендерес» [37].

Болгарские правящие круги не восприняли эти заявления. По их мнению, турецкие журналисты относятся к событиям в Болгарии с предубеждением и их приглашение в страну не имеет смысла. Что касается новой волны переселения, то вопрос в принципе не подлежал обсуждению, поскольку в соответствии с концепцией «возродительного процесса» в Болгарии не было турок, а проживали здесь «болгары с восстановленными именами».

В начале февраля 1985 г., еще до того, как Анкара официально прореагировала на смену имен болгарских турок, этот вопрос получил огласку через западные радиостанции «Голос Америки», «Свободная Европа», «Дойче велле» («Немецкая волна»), Би Би Си. Собственными корреспондентами в Болгарии они не располагали и пользовались информацией из «осведомленных источников» дипломатических миссий в стране, главным образом, посольства США в Софии. Радиослушателям сообщалось о сотнях убитых во время кампании по смене имен, о разрушенных селах, о столкновениях турецкого населения с армейскими частями и милицией, в то время как первичная информация, поступавшая из Турции, по некоторым оценкам болгарской стороны, была «бедной, эпизодической и не отражавшей реальную обстановку» [38]. 7 февраля 1985 г. американская пресса сообщила, что Госдепартамент США выражает озабоченность в связи с кампанией по насильственной смене имен болгарских турок, а международная организация «Эмнести Интернешнл» настаивает на проведении специального опроса населения [39].

---

[37] Там же. Л. 5. Имелось в виду переселение примерно 150 тыс. болгарских турок в 1949–1951 гг. на основании Анкарского соглашения 1925 г. Аднан Мендерес – премьер-министр Турции в 1950–1960 гг.

[38] Таково впечатление Паунки Гочевой, участвовавшей в прослушивании и анализе радиоинформации из-за границы в связи с «возродительным процессом» (*Гочева П.* Указ. соч. С. 108–109).

[39] *Калинова Е.* Насилствената смяна на имената на българските турци и отражението ѝ върху българо-турските отношения (декември 1984 – март 1985 г.) // България и Балканите в сферата на европейските влияния през XIX–XXI век. Велико Търново, 2012. С. 316–326.

inslav

Эту тему сразу же активно подхватила турецкая печать [40]; государственное радио и телевидение проявляли поначалу сдержанность. Под влиянием преувеличенных утверждений газет о повсеместном насилии, сопровождавшем смену имен, антиболгарские настроения в Турции быстро нарастали, причем при молчании турецкого правительства недовольство населения грозило обернуться и против собственных властей. Анкара должна была реагировать еще и из-за позиции США, чтобы не получилось, что Вашингтон больше озабочен положением болгарских турок, нежели турецкое правительство. С другой стороны, более активное включение Анкары в кампанию критики Болгарии позволяло Соединенным Штатам усилить свое давление и поддержать турецкие претензии.

Нажим западных СМИ и турецкого общественного мнения, на которое сильно влияла нараставшая антиболгарская кампания в турецкой прессе, равно как и внушения США, направленные на активизацию действий Анкары, заставили турецкое правительство публично выразить свою позицию. К этому его вынуждало и поведение Болгарии. Интерес СМИ в США и Западной Европе к смене имен, яростные нападки турецкой прессы заставили болгарские власти выразить протест по дипломатическим каналам. 19 февраля 1985 г. болгарскому послу в Анкаре Аргиру Константинову было поручено встретиться с министром иностранных дел Турции и официально потребовать «прекращения необузданной антиболгарской кампании в турецких газетах, на радио и телевидении и пресечения любых попыток вмешательства во внутренние дела Народной Республики Болгарии» [41].

21 февраля 1985 г. болгарскому послу была вручена ответная нота, в которой впервые выражался официальный протест против смены имен и содержалось требование прекратить насилие в стране. Турецкая сторона предлагала начать переговоры о заключении нового соглашения о переселении и посещении турецкой делегацией из числа дипломатов или депутатов парламента районов Болгарии, где была проведена смена имен. В болгарской ответной ноте эти предложения были отклонены, и София перешла к исполнению своего предупреждения, что и болгарские газеты начнут кампанию критики Турции. В сообщении БТА турецкая нота характеризовалась как вмешательство во внутренние дела Болгарии. В документе указывалось, что страна, которая в прошлом жестоко отнеслась к

[40] *Димитрова Д.* Указ. соч. С. 170–173.
[41] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1245. Л. 5.

inslav

армянам и грекам, а в настоящий момент подвергает уничтожению курдское меньшинство, не имеет права предъявлять какие-либо претензии Болгарии [42]. Публичное озвучивание проблемы привело к открытым выступлениям и ведущих турецких политиков, причем тональность их становилась все менее сдержанной. Так, министр иностранных дел Месут Йылмаз говорил в телевизионном эфире о геноциде болгарских турок, а глава кабинета Т. Озал 25 февраля выразил готовность принять массовую волну переселенцев, патетически восклицая: «Пусть нам присылают 500 тысяч..., пусть нам присылают даже больше; мы встретим их с распростертыми объятиями» [43]. 4 марта 1985 г. новая турецкая нота повторила прежние предложения Анкары. Ответ болгар также был прежним: идея переселения, как и возможность «инспекции» со стороны турецкой делегации, были отклонены.

В конце февраля 1985 г. турецкая сторона вывела указанную проблему за рамки двусторонних отношений. С позицией турок были ознакомлены послы исламских стран в Анкаре. В апреле турецкая печать сообщила об обещании США поддержать намерение Турции вынести вопрос о смене имен на обсуждение международных организаций и форумов [44]. Болгарская сторона не запоздала с ответными действиями и в марте 1985 г. разъяснила аккредитованным в Софии послам свою позицию в вопросе о смене имен [45]. Таким образом, возможности прямого диалога между Софией и Анкарой оказались суженными, кризис углублялся. Изменение ситуации отразила встреча 22 марта 1985 г. турецкого посла О. Лютема и заместителя министра иностранных дел Ивана Ганева, который вручил ответ на турецкую ноту от 4 марта и охарактеризовал ее тональность как «мягко говоря, недружелюбную» [46]. Лютем настаивал на четком и ясном ответе на турецкое предложение о широкомасштабном переселении болгарских турок. Ганев выразил недовольство в связи с постановкой Турцией вопроса о «болгарских мусульманах» на международных форумах, в которых Болгария не участвовала. Он предупредил: «Пусть в Анкаре знают, что наша страна найдет способ дать ответ на измышления и клевету, независимо от того, участвует она или нет в таком

---

[42] *Стоянов В.* Указ. соч. С. 170.
[43] Там же.
[44] *Гочева П.* Указ. соч. С. 124.
[45] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1246. Л. 1–8.
[46] Там же. А.е. 1247. Л. 1–6.

inslav

форуме, независимо от того, кто ставит этот вопрос». Болгарские руководящие круги надеялись, что, поскольку они до поры до времени не поддерживали в своих целях критику Турции за нарушения прав человека (в том числе со стороны стран Запада и международных организаций), то и от турок логично было ожидать подобных шагов [47]. Лютем возражал, что всего лишь несколько месяцев тому назад болгарская сторона не отрицала наличия в стране «болгарских граждан турецкого происхождения». Но гораздо слабее выглядел его тезис о том, что Турция имеет право «беспокоиться о культурной идентичности этих граждан», так как существовали «соглашения и договоры, выводившие данный вопрос из компетенции единственно болгарской стороны» [48]. Ганев напомнил, что ссылка на такие документы некорректна, поскольку в них речь шла об обязательствах Болгарии соблюдать религиозные права мусульманской общности, а не об особых правах турецкой этнической общности. К тому же эти договоры были заключены с уже не существовавшей Османской империей, а Анкарское соглашение 1925 г. о свободном переселении болгарских турок на практике отменено переселенческим соглашением 1968 г., срок действия которого истек в 1978 г. Вывод Ганева: «любой “интерес” Турции к болгарскому населению, к его происхождению, религиозной принадлежности и пр. не имеет законного основания и является чистой воды вмешательством в наши внутренние дела». Лютем, однако, настаивал, что Турция «и в будущем будет считать, что в Болгарии имеются турки, за которых у нее есть право заступаться» [49].

Финал полуторачасовой беседы показал, насколько далеки были стороны от поиска выхода из кризиса. Предстоящие визиты Эврена и Озала уже не обсуждались, не вспоминалось успешное сотрудничество предыдущих лет, даже не декларировалось желание достичь взаимопонимания. Заметим, что и Турция, и Болгария имели свои основания быть

[47] Болгарская сторона сформулировала следующие упреки в адрес турок: антиболгарские демонстрации по инициативе переселенческих организаций в Турции и турецких организаций в некоторых странах Запада, препятствия, создаваемые осуществлявшим транзит через Турцию болгарским шоферам-дальнобойщикам. Как «весьма опасное» определялось замораживание турецкой стороной сотрудничества в области культуры и спорта.

[48] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1247. Л. 5–6.

[49] Там же. Л. 6.

inslav

непреклонными. Анкара десятилетиями прокламировала, что ислам является признаком принадлежности к турецкой нации и рассматривала болгарских мусульман как ее часть. Но любое суверенное государство расценивает интерес и претензии другого государства к данной группе ее граждан как вмешательство во внутренние дела. Если же это происходит в условиях усиливающегося блокового противостояния, то чувствительность к такому вмешательству еще сильнее обостряется. Поэтому болгарское руководство усматривало в действиях Турции стремление дискредитировать Болгарию в международном плане и воздействовать на болгарских турок с тем, чтобы трансформировать их естественное недовольство «возродительным процессом» в прямое противопоставление режиму. Открытая поддержка Турции Соединенными Штатами заставляла Живкова утверждать, что Вашингтон и Анкара отводят болгарским туркам роль «пятой колонны», угрожающей всему Варшавскому Договору. Мотивация американской поддержки единственно приверженностью принципу защиты прав человека с основанием считалась в Софии неубедительной в условиях, когда США не проявляли подобной озабоченности по отношению к весьма уязвимой в этом отношении Турции.

На позицию Турции также сильное влияние оказывало углублявшееся противостояние по линии Восток – Запад. Анкара усматривала в этом возможность для себя извлечь экономические и военные выгоды от еще более тесной привязки к США, отвлечь внимание от проблемы прав человека в самой Турции и от тяжелой Кипрской проблемы и найти средство давления на Болгарию по вопросам, решение которых растянулось на десятилетия. Это объясняло острое выступление официальной Турции, начиная с весны 1985 г., против «возродительного процесса» в Болгарии. Уместно напомнить, что первоначальная реакция Анкары отличалась умеренностью и подчеркнутым стремлением сохранить с северной соседкой хорошие отношения. Такой же умеренной была турецкая позиция и во время смены имен лиц, рожденных в смешанных браках в 1982–1984 гг. и особенно при смене имен болгар-магометан в 1970-е годы. В обоих случаях имело место нарушение прав человека, однако в условиях международной разрядки это не вызвало кризиса в двусторонних отношениях. Показательно и предложение начать переговоры о массовом переселении болгарских турок, именно только начать, а не открыть границу.

Возвращаясь к событиям прошлого, следует отметить, что свободное переселение было основным требованием турецкой стороны к Болгарии, начиная с 1952 и вплоть до середины 1960-х гг., т. е. в тот период,

inslav

когда БКП выступала категорически против [50]. Когда же правительство Т. Живкова проявило готовность согласиться с этим требованием, чтобы стимулировать двусторонние контакты и в других областях, Турция внезапно отказалась и ограничила переселение лишь воссоединением родственников, причем с теми болгарскими турками, которые выехали из Болгарии до 1952 г. [51]. После того, как в 1978 г. истек срок действия соответствующего соглашения, все турецкие правительства последовательно заявляли, что считают вопрос о переселении закрытым в связи с экономическими проблемами Турции. Постановка его в повестку дня в 1985 г. менее всего объяснялась желанием помочь всем болгарским туркам, поскольку у Турции не было реальной возможности принять новый поток переселенцев. Турецкая сторона не случайно настаивала в тот момент именно на переговорах по этому вопросу, стремясь таким образом показать турецкому населению в Болгарии, что думает о них, озабочена их положением. Это еще больше усиливало надежды болгарских турок на Анкару, а очевидная перспектива отказа Софии (вследствие самой концепции «возродительного процесса») неизбежно вела к всплеску негативных настроений по отношению к болгарскому правительству.

Надежды болгарского правительства на то, что после смены имен «возродительный процесс» пойдет без особых осложнений, быстро рассеялись. Насилие консолидировало болгарских турок, и, хотя страх перед режимом вызвал к жизни, прежде всего, пассивное сопротивление, росло и число участников подпольных групп, а некоторые из них взяли курс на террористическую деятельность [52]. Другие группы, например, «Турецкое национально-освободительное движение в Болгарии», вели борьбу «мирными средствами» – осуществляли саботаж, распространяли листовки и пр. Властям все сложнее удавалось преодолевать напряженность внутри

[50] *Калинова Е.* Българо-турските отношения от 20-те до края на 50-те години на XX век – в търсене на верния тон // Общите граници на разбирателството. България и Турция – партньори в XXI век. София, 2009. С. 84–95; *Баева И.* Българският министър на външните работи Иван Башев и българо-турското сближение // Там же. С. 115–118.

[51] *Бибина Й.* Указ. соч. С. 290, 305–308; *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 209–214.

[52] 9 марта 1985 г. на станции Буново в поезде София–Бургас был взорван детский вагон; прогремел взрыв и в гостинице г. Сливена. 30 июля 1986 г. был предотвращен взрыв на курорте «Дружба» в районе Варны.

inslav

страны, а успешно отстаивать перед мировой общественностью правомерность кампании по смене имен оказалось практически невозможно. Болгария стала синонимом нарушения прав человека, причем в момент, когда этот вопрос стал едва ли не центральным в международной политике. Живков попытался заручиться поддержкой нового советского лидера М.С. Горбачева [53], но даже союзники Болгарии по Организации Варшавского Договора стремились дистанцироваться от нее, в то время как Турция опиралась на сильную поддержку США, НАТО и исламских государств [54]. Эти процессы проходили в условиях, когда после 1985 г. наступало, хотя и медленно, потепление в советско-американских отношениях, а осенью 1986 г. в Вене начались параллельные раунды переговоров по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе [55].

На таком международном фоне «возродительный процесс» представал как еще более неадекватный политическим реалиям, и в середине 1986 г. болгарские руководители начали изыскивать возможности возобновления диалога с Турцией. 7 ноября 1986 г. во время венского совещания по вопросам европейской безопасности министры иностранных дел

---

[53] Уже на первой встрече с Горбачевым 24 октября 1985 г. в Софии Живков объяснял, что турок в Болгарии 800 тыс., а к 2000 г. их численность достигнет 1 млн. чел.: «Вы не можете себе представить, что будет. Турецкая сторона считает их частью турецкой нации. Мы недооценили некоторые явления. Турки концентрируются вдоль границы и в стратегически важных пунктах внутри страны, не говоря уже о Балканских перевалах. Они группируются там в селах, а мы не досмотрели. Димитров – великий человек, но в этих вопросах допускал ошибки. Не будем говорить об этом... Болгарские турки – пятая колонна против Варшавского Договора. А сознание большинства их – турецкое. Это отуреченные болгары, ассимилировавшиеся в течение пяти веков. И мы сделали то, что вам известно. Сейчас турецкое население занято своими делами. Это не значит, что все решено. Пройдет 10 лет, и все решится» (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 60. А.е. 372. Л. 49–51).

[54] *Баева И., Калинова Е.* «Възродителният процес» като международен проблем. Българската държава и «възродителният процес»" на международната арена // «Възродителният процес»... Сб. документи. Т. 2. С. 5–13.

[55] *Баев Й.* Системата за европейска сигурност и Балканите в годините на Студената война. София, 2010. С. 390–406.

inslav

П. Младенов и В. Халефоглу впервые непосредственно обсудили кризисную ситуацию, но конкретного результата достичь не удалось [56]. Тем не менее, 19 декабря 1986 г. и 16–17 января 1987 г. их заместители провели конфиденциальные переговоры на нейтральной территории – в Женеве, показавшие глубину разрыва и непримиримость позиций. В последующие месяцы давление на Болгарию усилилось: Турция денонсировала торговый договор, а первый заместитель Госсекретаря США Дж. Уайтхед во время посещения Софии обвинил Живкова в неготовности Болгарии обсуждать проблему прав человека [57]. Напряжение росло, принятые меры не дали желаемого результата, и в марте 1988 г. Политбюро в очередной раз было вынуждено обсудить «Тезисы по возродительному процессу». На заседании Живков призвал: «...Идти к новым смелым решениям, позволяющим нам довести дело до конца... То, что мы сменили имена, ничего не значит. Турки крестят детей дома, каждый новорожденный получает по два имени и т. н. В новых условиях начинает возрождаться национализм» [58]. Одновременно 23 февраля 1988 г. в Белграде, по ходу встречи министров иностранных дел балканских стран, представители Болгарии и Турции подписали протокол, который сдвинул двусторонние отношения с мертвой точки. Были созданы две смешанные рабочие группы – по политическим и экономическим вопросам, которым удалось провести по две встречи в середине года и обсудить проекты ряда документов [59]. Однако к концу 1988 г. оживление контактов сошло на нет, и Турция активизировала нападки на Болгарию на международной арене.

В январе 1989 г. успешно завершился венский этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Болгария предприняла меры по реализации принятых решений, особенно в гуманитарной области, ускорив принятие закона о заграничных паспортах, позволявшего гражданам страны свободно выезжать за рубеж. Этот акт, как и намеченная на конец мая 1989 г. в Париже конференция по человеческому измерению [60], при-

---

[56] «Възродителният процес»... Сб. документи. Т. 2. С. 325–338.

[57] Там же. С. 408–409, 416–420.

[58] Там же. Т. 1. С. 395–423.

[59] Там же. Т. 2. С. 550–554, 594–596.

[60] Конференции по человеческому измерению СБСЕ занимались разработкой и продвижением правовых документов, обеспечивающих уважение всех прав и основных свобод человека, развитие контактов между людьми и решение связанных с этим других вопросов гуманитарно-

inslav

вели к активизации возникших в стране диссидентских организаций, а также и нелегальных организаций болгарских турок. Они приступили к подготовке демонстраций с требованиями восстановить имена, уважать их язык и обычаи. К середине мая в стране начала подниматься переселенческая волна, а 19–27 мая 1989 г. в северо-восточной части Болгарии прошли массовые митинги и демонстрации [61]. В столкновениях с милицией с обеих сторон имелись жертвы, а переселенческий психоз стал массовым. 29 мая Живков выступил по радио и телевидению с сообщением о принятии в Болгарии закона, позволяющего любому гражданину беспрепятственно выезжать за границу. Он напомнил, что «в Турции "режиссеры" антиболгарской кампании подняли вопрос о переселении, раструбив по всему свету, что Турция готова принять всех болгарских мусульман желающих переселиться». «В связи с этим, – заявил Живков, – хочу от имени болгарских мусульман и от своего имени как Председателя Государственного совета настойчиво обратиться к соответствующим турецким властям: откройте границу для всех болгарских мусульман, которые желают выехать в Турцию временно или остаться там жить» [62]. За период с конца мая до 22 августа, когда Турция в одностороннем порядке закрыла границу, 320 тыс. болгарских турок пересекли рубежи страны. Массовое переселение, цинично названное «Большой экскурсией», поставило Болгарию в исключительно тяжелое внутреннее и внешнеполитическое положение.

В этот момент для болгарских официальных кругов особенно важна была позиция СССР, который внимательно следил за развитием кризиса в болгаро-турецких отношениях [63]. Живков настоял на встрече с

го характера. Первая конференция состоялась в Париже 30 мая – 23 июня 1989 г. (Прим. перев.).

[61] Секретно! Протестните акции на турците в България. Януари – май 1989 г. Документи / Съст. В. Ангелов. София, 2009.

[62] *Живков Т.* Единството на българския народ е грижа и съдба на всеки гражданин на нашето мило отечество (Изявление на Председателя на Държавния съвет на НРБ Т. Живков по БТ и БР, 29 май 1989 г.) // Международни отношения. 1989. № 5. С. 3–7; «Възродителният процес»... Т. 1. С. 517–519.

[63] За период с конца мая до середины июля 1989 г. советский посол в Анкаре А.С. Чернышев трижды побывал в Москве. По оценкам Анатолийского телеграфного агентства, эти поездки были связаны с усилени-

inslav

Горбачевым. В Москве 23 июня 1989 г. болгарский руководитель, прежде всего, прокомментировал состояние экономики и возникшие в этой сфере трудности, но главный акцент сделал на «мусульманах». «Эта проблема, действительно, исключительно серьезная для нас, – подчеркнул Живков. – По данным, которыми располагаем, их у нас насчитывается около 800–850 тысяч. Ежегодный прирост – порядка 15–16 тысяч. Если дело пойдет так и дальше, то через двадцать лет Болгария на практике превратится во второй Кипр. Повторяю, для нас сегодня это самая большая проблема» [64]. Живков сообщил, что при создавшемся положении Болгария заинтересована в выселении 200–300 тысяч, «даже 500 тысяч», но Турция не примет их. По его мнению, проблема заключается в том, какой должна быть политика к тем болгарским туркам, что останутся в Болгарии. Он намекнул, что в прежний курс следует внести коррективы, так как в связи с изменением обстановки «необходим новый подход» и «компетентные люди» уже работают над новой концепцией. Однако, пояснил Живков, компромиссы допустимы лишь в определенных рамках. «И заявляю, – продолжил он, – что наша позиция категорическая – мы ни в коем случае не признáем их турками» [65].

Горбачев был готов к разговору. Впервые он лично выполнял посредническую миссию, предложение о которой исходило от турецкой стороны. Двумя днями ранее советский посол в Анкаре А.С. Чернышев привез в Москву послание Т. Озала, в котором премьер-министр просил Горбачева содействовать, чтобы Болгария пошла на переговоры с Турцией. Передавая предложение турецкой стороны Живкову, Горбачев заметил: «Я не знаю, следует ли идти на такие переговоры» [66]. Желание Анкары сводилось к подписанию нового соглашения о переселении для регулирования процесса. Болгарское руководство считало это излишним, поскольку по новому закону о международных паспортах для болгарских граждан последние имели право свободного передвижения. Живков не комментировал турецкое предложение по существу, а заявил: «Ответьте им, что болгарская сторона согласна на встречу, но без предварительных условий и без предварительно согласованной повестки дня». Затем доба-

ем именно в это время переселенческого процесса (Архив Болгарского телеграфного агентства (БТА). С-2, 1436. 15 юли 1989 г.).

[64] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3698. Л. 64.

[65] Там же. Л. 65.

[66] Там же.

inslav

вил, что уже продемонстрировал готовность к переговорам, поручив послу Болгарии в Москве Г. Панкову встретиться с турецким коллегой и заявить тому ясно и откровенно, что «в том, что сегодня происходит между Болгарией и Турцией, заинтересована третья сторона. Это американцы. И мы точно знаем, что это так» [67]. Горбачев пояснил турецкую позицию, припомнив, что Озал говорил о готовности ежегодно принимать по 30 тысяч переселенцев, но не больше. Живков с достоинством уточнил: «Мы можем согласиться с этим предложением, но это мы решим, когда встретимся. При этом, повторяю, без предварительных условий, без предварительно определенной повестки дня» [68]. Он снова напомнил, что болгарская политика претерпит изменения внутреннего характера, но «мы не согласны каждого мусульманина считать турком. Думаю, что это касается и вас». Горбачев согласился с гостем и впервые дал оценку действиям болгар: «Вы, действительно, заняли гибкую позицию и осуществляете гибкий подход. И это очень хорошо» [69].

Но эти слова отражали, скорее, одобрение задуманных перемен в политике по отношению к болгарским туркам, нежели самого «возродительного процесса», по отношению к которому СССР свою позицию не продемонстрировал. Горбачев вряд ли мог дать более конкретный комментарий или рекомендации, исходя из прежних неоднократных заявлений, что Советский Союз занял твердую позицию, согласно которой, «ответственность за происходящее в каждой стране – вопрос соответствующей страны. Каждая партия, каждый народ могут поступать так, как считают лучшим» [70]. На вопрос Живкова о возможных пожеланиях болгарской стороне, Горбачев ответил: «У нас нет к вам никаких претензий» [71].

Тема отношений с Турцией настолько волновала Живкова, что во время официального обеда он вновь вернулся к ней, рассказав Горбачеву о «патриотическом подъеме в Болгарии в связи с так называемыми турецкими событиями», подъеме, который компенсирует экономические потери населения. В ответ на патетическую констатацию болгарского лидера, что «сейчас решается вопрос – быть или не быть Болгарии», Гор-

[67] Горбачев согласился, что «американцы – ненадежные партнеры. Это показали события и в Польше, и в других странах» (Там же. Л. 65–66).
[68] Там же. Л. 66–67.
[69] Там же. Л. 67.
[70] Там же. Л. 68.
[71] Там же. Л. 74.

inslav

бачев заметил, что «может быть, будет целесообразно в некоторых случаях действовать так же и в Советском Союзе. Так же прямо поставить вопрос – быть или не быть Советскому Союзу» [72]. Последнюю фразу, введенную в контекст официального разговора перед обедом, в котором Горбачев пожаловался на попытки Прибалтийских республик завоевать бóльшую независимость и вообще на осложнение национального вопроса в СССР, можно толковать как желание столь же категорично поставить вопрос о единстве СССР, а не как одобрение политики Живкова в отношении болгарских турок. Но тем не менее, Горбачев неоднократно подчеркивал, что Болгария не создает Москве проблем и советская сторона с доверием относится к происходящим в стране событиям. В конце разговора Живков вернулся к посреднической роли Горбачева и объяснил собеседнику: «Есть фитиль, один конец которого – в Анкаре, а другой – в Софии, и каждая из сторон пытается поджечь его своим способом». Поэтому пусть советский лидер передаст Озалу, что «больше так быть не может. Этот фитиль нужно устранить. Мы готовы на любые переговоры, но без предварительной повестки дня и предварительных условий. Мы готовы развивать и трехсторонние отношения между Болгарией, Турцией и СССР» [73].

По предложению Горбачева разговор по проблемам отношений с Турцией должен был остаться конфиденциальным, но уже 26 июня 1989 г. Агентство Рейтер сообщило, что «похоже, будто Москва подталкивает Болгарию к обсуждению с Анкарой тяжелого положения этнических турок» [74]. В следующие дни газеты Западной Европы описывали миссию советского посла Чернышева, который после посещения Москвы и Софии вручил Озалу послание Живкова. Цитировались слова советского дипломата, что разрешения конфликта следует добиваться дипломатическим путем, через компромисс, что советское правительство искренне желает этого. Чернышев добавил: «Болгария – союзник СССР, но мы желаем улучшить связи с нашим соседом и другом Турцией» [75].

---

[72] Там же. Л. 100–101.

[73] Там же. Л. 101.

[74] «Възродителният процесс»... Т. 2. С. 702.

[75] АМВнР. Оп. 46-17. А.е. 599. Л. 48, 30; А.е. 295. Л. 61; А.е. 181-Б. Л. 18.

inslav

Попытки Софии и Анкары привлечь на свою сторону Москву оказались безуспешными. В конце июля 1989 г. эмир Кувейта [76] предложил свое посредничество для начала прямого диалога между Турцией и Болгарией «без предварительных условий и угроз» [77]. Тем временем Анкара 22 августа закрыла границу и прекратила прием переселенцев. К тому моменту Болгарию покинули 308929 человек [78]. Ситуация была критической для обеих сторон. Необходимо было срочно найти выход. США оказывали очень сильное давление на болгарских руководителей, используя прямые контакты с ними и международные встречи, в том числе по линии НАТО. В середине сентября посол Чернышев продолжил попытку посредничать между министрами иностранных дел П. Младеновым и М. Йылмазом с целью организовать их встречу в начале октября во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Однако в последний момент турецкая сторона отказалась от достигнутых договоренностей, и встреча сорвалась [79]. Посредничество эмира Кувейта оказалось более успешным: 30 октября 1989 г. в Кувейте все же состоялась встреча Йылмаза с заместителем председателя Совета министров Георгием Йордановым, заложившая основы урегулирования отношений с Турцией. Болгарская сторона твердо противостояла попыткам Йылмаза превратить вопрос о «турецком национальном меньшинстве» в Болгарии в предварительное условие переговоров и предложила для обсуждения проекты трех документов: о развитии двусторонних контактов, об упрощении процедуры воссоединения разделенных семей и о регулировании поездок граждан обеих стран. Длившиеся пять часов переговоры прошли в доброжелательной обстановке. Стороны согласились, что состоявшийся диалог заслуживает положительной оценки и что на следующей встрече в Кувейте будет обсужден широкий круг вопросов, представляющих взаимный интерес [80].

Однако в Болгарии наступили серьезные перемены. 10 ноября 1989 г. Живков был отстранен от власти, вторая встреча в Кувейте сорвана. И для Болгарии, и для Турции возникли принципиально новые усло-

---

[76] Имеется в виду шейх Джабер аль Ахмед Ас-Сабах, 13-й эмир Кувейта (Прим. перев.).

[77] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 63. А.е. 171. Л. 1–3.

[78] АМВР. Ф. 1. Оп. 12. А.е. 942. Л. 215.

[79] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 63. А.е. 188. Л. 1–7.

[80] «Възродителният процес»... Т. 2. С. 790–792.

inslav

вия для преодоления кризиса и взаимного недоверия. В конечном счете, болгаро-турецкие отношения в очередной раз оказались в прямой зависимости от противостояния двух блоков. Разумеется, «возродительный процесс» ускорил течение кризиса и придал ему еще более драматичные измерения. Желание болгарских руководителей не усугублять ситуацию, что затруднило бы урегулирование напряженности в стране, а отстоять перед международной общественностью правомерность ассимиляторской политики оказалось нереализуемым. Развязка наступила лишь в новых условиях перехода Болгарии после 1989 г. к иной общественно-политической модели и разрушения системы биполярного мира.

С болгарского языка перевела Т.В. Волокитина

inslav

Е.Ю. Гуськова
Москва

Турецкие планы на Балканах в современных геополитических условиях

Почти целый век Турция отсутствовала на Балканах, оставаясь синонимом османского завоевания, 500-летнего турецкого ига, угнетения для сербского и других народов полуострова. Турки в сознании сербов, македонцев и др. навсегда остались врагом, а сербы гордились, что свои славные победы одерживали как раз в борьбе против этого многовекового оккупанта.

Однако уже в 1990-е годы прошлого века на научных конференциях в Белграде мы слышали от турецких учёных, что назрела необходимость нового подхода к изучению османского присутствия на Балканах, поскольку, дескать, заслугой Турции является сохранение сербской православной церкви, культуры, традиций и того, что она не ассимилировала сербов и македонцев. В XXI в. тема возрождения турецкого влияния на Балканах стала любимой у турецких учёных и политиков. Напомним, что во время своего выступления в Сараеве в 2010 г. министр иностранных дел Турции А. Давутоглу говорил об османском владычестве в Боснии как об истории, которую надо обновить.

Активизация турецкой политики на Балканах связана именно с А. Давутоглу, назначенному на должность министра весной 2009 г. Она обозначилась по всем направлениям: дипломатическому, экономическому, культурному. Первое, что сделал министр, – организовал поездки в регион турецких политиков для установления личных контактов с представителями местной элиты. Начиная с 2009 г., в графиках поездок первых лиц государства – министра иностранных дел А. Давутоглу, премьер-министра Р. Эрдогана, президента А. Гюля, а также парламентариев и военных чинов – присутствовали Балканы. В 2009–2011 гг. они были с визитами в Албании, Черногории, Румынии, Боснии и Герцеговине, Македонии, Косове. Второй шаг тоже стал очень важным: для ряда балканских стран был облегчён или совсем отменён визовый режим.

inslav

Появившись в своих бывших владениях, Турция предлагает «добрые услуги» и всё больше проникает в сферу экономики и хозяйствования. В состав турецких делегаций всегда входят бизнесмены, которые подписывают договоры об экономическом сотрудничестве и инвестициях. С 2003 по 2010 г. объём внешней торговли между Тираной и Анкарой вырос с 35 до 350 млн долл [1]. С государствами региона были заключены договоры о свободной торговле. Турецкие фирмы строили дороги в Албании, фабрику в Македонии, аэропорт в Приштине. Начиная с 2009 г., каждый год проводятся экономические форумы деловых людей Турции и балканских стран – Румынии, Косова, Албании, Черногории, Боснии и Герцеговины. Результатом такого сотрудничества стали наднациональные комиссии, в частности, по транзиту грузов в Европу через Балканы, энергетике, совместному освоению природных ресурсов и полезных ископаемых.

Турция активно работает с политическими элитами балканских стран, предлагает им совместное участие в политических программах и обсуждениях важных европейских и азиатских вопросов. Так, по инициативе Давутоглу в 2010 г. лидеры Албании, Македонии, Румынии, Боснии и Герцеговины приняли участие в проходившей на территории Турции конференции по укреплению мер доверия в Азии.

Исламский характер турецкого государства не мешает ему говорить о братских отношениях со всеми народами, так как, наряду с боснийцами, и сербы, и хорваты являются частью одного супа, говорил А. Давотоглу во время посещения БиГ. В Сараеве Турция откровенно оказывала поддержку некоторым боснийским политическим партиям, поднимала вопрос об исторических, религиозных и культурных связях, о растущей военно-политической силе Турции, которая может оказать поддержку своим братьям в Боснии.

Турция пытается наладить связи и по военной линии. Анкара, позиционируя себя в качестве посредника между балканскими странами и НАТО, вовлекает их в программы Альянса, предлагает помощь инструкторов в реорганизации вооружённых сил по стандартам НАТО. В 2009 г. состоялись первые визиты тогдашнего начальника Генштаба Турции И. Башбуга в Сербию, Боснию и Герцеговину и Албанию. Примеча-

---

[1] *Васильев А.* Анкара методично проводит операцию по закреплению своего влияния в «мягком подбрюшье Европы». 2011, 18 окт. // http://www.odnako.org/magazine/material/show_13539/

inslav

тельно, что в турецких военных училищах будущие офицеры начали изучать сербско-хорватский и албанский языки, что свидетельствует о том, что Балканы стали одним из приоритетов во внешней политике Турции. Особенно тесным стало ее сотрудничество с Албанией, которая присоединилась к НАТО в 2009 г.: постоянно проводятся совместные учения и манёвры сил ВМФ. Анкара предложила обучать местных офицеров в турецких училищах и академиях.

Турция одной из первых признала независимость Косова и стала его покровителем, принимает участие в обучении сформированных в Косово подразделений местной милиции из состава косовских турок, которое проводят турецкие военные и полицейские инструктора.

Внимание турок обращено и на юг Сербии, где проживает мусульманское население. Религиозно-политический лидер Санджака Зукорлич после визитов турецких политиков в 2010 г. стал выступать с требованием предоставления автономии трём общинам с большинством мусульманского населения. Турция предложила экономическую помощь и инвестиции Санджаку.

Присутствует Турция и в Черногории. Она финансирует и строит мечеть в городе Бар. По оценкам специалистов, строительство обойдётся в три миллиона евро, к 2012 г. 1 млн долл. уже вложен в строительство. Общая площадь мечети составляет 4 тыс. кв м. Под молитвенным залом предполагается большое помещение для занятий спортом, в правом крыле планируются школа, служебные помещания, хорошо оснащённый детский сад, мухабет зал (переговорная), комната для досуга пенсионеров. В левом крыле расположится ресторан восточной кухни на 250 мест, торжественный зал для шариатского венчания, конференц-зал, бутик женской одежды, гостевые комнаты. В центральной части кроме помещений для деловых встреч будет открыта аптека. Скупщина общины Бар уже освободила мечеть от уплаты коммунальных платежей, а правительство Черногории 5 лет назад внесло 20 тыс. евро на строительство этого объекта. Мечеть будет иметь два минарета высотой 43 метра каждый и станет самой большой на южном берегу Адриатики [2].

Большое внимание турецкие власти уделяют сотрудничеству в области науки, образования, медицины, благотворительности. 30 января 2009 г. в Скопье основано представительство Союза турецких гражданских неправительственных организаций, строятся турецкие школы, в ко-

[2] http://www.srpskenovinecg.com/crnagora/34-cg/15048-dzamija-bar

inslav

торых вводятся новые стандарты образования, пишутся совместные с представителями Македонии, Албании, Боснии и Герцеговины учебники по истории региона. В последнее время активизировался обмен студентами, преподавателями и учёными. Телевизоры заполнены турецкими сериалами. Цель таких акций – улучшить образ Турции в глазах местного населения.

Стамбульский университет «Айдин», который имеет 14 факультетов и 17 тыс. студентов, заинтересован открыть в Подгорице университет, в котором бы учились по турецким программам студенты из балканских стран [3]. Он стал бы кузницей кадров для совместной деятельности турецких и местных фирм, для более тесных связей по всем направлениям – экономическому, политическому, культурному. Турция уже финансирует реставрацию памятников османской культуры на всём полуострове, но, прежде всего, в Албании, Македонии, Косове, БиГ, создаётся турецкий телеканал на румынском, албанском и сербском языках. Кроме того, основываются совместные научно-исследовательские институты, например, Балканский институт тюркологических исследований в Призрене, создаются дискуссионные площадки для экспертного обмена мнениями, работают постоянные форумы и конференции, такие как Международный балканский конгресс, проходящий попеременно в Турции и на Балканах [4]. Турецкая сторона открывает в Косове, Албании, БиГ медицинские учреждения и центры социальной помощи.

Какова реакция на турецкую «гуманитарную экспансию» тех, к кому она обращена? В некорых регионах она встречена с воодушевлением. Например, Б. Тадича и Р. Эрдогана на юге Сербии «встречали с такой помпой и такими овациями, будто они приехали в Турцию, а не в район Сербии» [5]. Многие в Косове, Албании, БиГ полагают, что деятельность Турции на Балканах имеет историческое значение.

На территориях, населённых православными славянами, деятельность Турции встречает серьёзную критику. Так, президент Республики

---

[3] http://www.srpskenovinecg.com/crnagora/34-cg/15071-turska-univerzitet

[4] *Васильев А.* Анкара методично проводит операцию по закреплению своего влияния в «мягком подбрюшье Европы». 2011, 18 окт. // http://www.odnako.org/magazine/material/show_13539/

[5] *Кецмановић Н.* Шта учинише турци // Пресс за РС, 2010, 14 дец. // http://www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republika-srpska/sta-ucinise-turci/stampa.html

inslav

Сербской (БиГ) полагает, что планы Анкары нельзя назвать добронамеренными. «Их истинным желанием, – заявил он, – является возродить здесь неоосманизм. Они опять распространяют сказки о том, что здесь 500 лет царил мир, в то время, когда они уничтожали наше национальное достояние, совершали геноцид сербов» [6]. Президент уверен, что Турция в БиГ отстаивает исключительно интересы мусульман.

Естественно, встаёт вопрос о причинах турецкой экспансии на Балканы?

По мнению одних, Турция создаёт центры своего влияния в Европе. Другие полагают, что Турция меняет свою геополитическую ориентацию в связи с тем, что Европейский союз не хочет видеть её в своём составе. Поэтому Анкара пытается использовать Балканы как мост между Европой и Азией. У аналитиков существует также мнение, что Турцией движет реваншизм. Сама она распространяет мысль, что её ценят как знатока Балкан и проживающих там народов, поэтому, например, Совет НАТО вручил Анкаре двухлетний мандат на роль помощника по вопросам приёма балканских государств в НАТО [7]. Некоторые западные политики считают: Балканы являются источником нестабильности, а потому им необходим «управляющий», который помирит народы, научит их жить мирно.

Думается, что «возвращение» Турции на Балканы, когда его православная часть этому противится, лишь укрепит водораздел между его народами. А особое внимание турецких дипломатов странам со значительной долей мусульманского населения усиливает именно эти этнические группы, что может привести к серьёзному противостоянию там, где оно потенциально возможно – в Македонии, Косове, Боснии и Герцеговине.

---

[6] http://www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republika-srpska/milorad-dodik-republika-srpska-je-bastion-srpstva.html

[7] *Кецмановић Н.* Турска и БиХ – поруке из «стратешке дубине» // NSPM. 2012. 28. мај // http://www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republika-srpska/turska-i-bih-poruke-iz-strateske-dubine.html

inslav

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации.

АВП СССР – Архив внешней политики.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГВА – Российский государственный военный архив.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ЦА МО РФ – Центральный архив министерства обороны Российской Федерации.

AJ – Архив Југославије (Arhiv Jugoslavije).

AC – Архив Србије.

АСАНУ – Архив Српске Академије наука и уметности.

АМВнР – Архив на Министерството на външните работи на Република България.

АМВР – Архив на Министерството на вътрешните работи на Република България.

АМИП – Архив Министарства иностраних послова.

ДАСМИП – Државни архив секретаријата Министарства иностраних послова.

БТА – Българска телеграфна агенция.

НА ИИИ БАН – Научният архив на Института за исторически изследвания при БАН.

НА БАН – Научният архив на Българска Академия на науките.

НБКМ-БИА – Народна библиотека «Кирил и Методий» – Български исторически архив.

ЦДА – Централен държавен архив на Република България.

NAW – National Archives Washington.

inslav

Наши авторы

Аникеев Анатолий Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Баева Искра – доктор исторических наук, профессор Софийского университета.

Батакович Душан – доктор исторических наук, профессор, директор Института балканистики Сербской академии наук и искусств.

Волокитина Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Гибианский Леонид Янович – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Гришина Ритта Петровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Гуськова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Елдаров Светлозар – доктор исторических наук, профессор Института балканистики с центром фракологии Болгарской академии наук.

Животич Александр – доктор исторических наук, профессор Белградского университета.

Калинова Евгения – доктор исторических наук, профессор Софийского университета.

Конева Румяна – доктор исторических наук, доцент Института балканистики с центром фракологии Болгарской академии наук.

Косик Виктор Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Костов Александр – доктор исторических наук, профессор Института балканистики с центром фракологии Болгарской академии наук.

Лабаури Дмитрий Олегович – кандидат исторических наук, доцент Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

inslav

Лобачева Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Манасиева Инна – доктор исторических наук Института исторических исследований Болгарской академии наук.

Никифоров Константин Владимирович – доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН.

Никова Екатерина – доктор исторических наук, доцент Института балканистики с центром фракологии Болгарской академии наук.

Павлович Вонслав – доктор исторических наук, профессор Института балканистики Сербской академии наук и искусств.

Пилько Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Покивайлова Татьяна Андреевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Пырванова Зорка – доктор исторических наук, доцент Института балканистики с центром фракологии Болгарской академии наук.

Руднева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Силкин Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Тимофеев Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Института новейшей истории Сербии.

Филимонова Анна Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Фролова Марина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Чуркина Искра Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Шемякин Андрей Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Шкундин Григорий Давидович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Независимого эколого-политологического университета

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Балканы в Новое время: идеи национальная и славянская

ꕥ 7–132 ꕥ

К.В. Никифоров
Россия и славянская идея в XX веке 9

И.В. Чуркина
У истоков русских славистских и панславистских идей (М.П. Погодин и К.С. Аксаков) 19

М.М. Фролова
Развитие униатского движения в Западной Македонии. Планы и действительность (1856–1871 гг.) 33

Душан Батакович
Балканские войны 1912–1913 гг. Сербия и албанский вопрос 61

Д.О. Лабаури
Внутренняя македоно-одринская организация на распутье: поиски путей решения македонского вопроса накануне Первой мировой войны 93

Инна Манасиева
Славянская идея как элемент антирусской агитации Союза за освобождение Украины в Болгарии в начале Первой мировой войны 117

Идеи югославизма и опыт их реализации

ꕥ 133–238 ꕥ

А.Л. Шемякин
Никола Пашич и проект сербско-болгарского союза (1870–1880-е гг.) 135

inslav

Светлозар Елдаров
Хорватский путь
от неославизма к югославизму 151

Ю.В. Лобачева
Проекты югославянской интеграции
в годы Первой мировой войны
и образование Королевства
сербов, хорватов и словенцев
в 1918 г. 169

Н.С. Пилько
Идея югославизма
и словенская политическая элита
(1914–1918 гг.) 185

А.А. Силкин
Югославянская идея и проблемы ее реализации
в Королевстве
сербов, хорватов и словенцев
(1918–1929 гг.) 201

Румяна Конева
Пан-Европа, Балканы и Болгария 219

Балканская федерация: идеи, проекты, попытки воплощения

239–424

Р.П. Гришина
Большевистские планы строительства
Балканской коммунистической федерации. 1920-е гг. 241

Воислав Павлович
Федерализм как инструмент в борьбе ХКП и КПЮ
за образ послевоенного
государственного устройства Югославии.
1940-е гг. 267

Л.Я. Гибианский
Проекты федерации на Балканах
в годы Второй мировой войны
и в начале холодной войны 293

inslav

Александр Животич
Албания и югославское видение Балканской федерации после Второй мировой войны 331

А.С. Аникеев
Балканский пакт в контексте советско-югославского конфликта (1953–1954 гг.) 361

А.С. Стыкалин
Проекты Дунайской Федерации Оскара Яси в контексте национально-территориальных споров в Средней Европе (1910-е – 1940-е годы) 373

Т.А. Покивайлова
Трансильвания в планах СССР по послевоенному мирному урегулированию 395

Т.В. Волокитина.
О проектах конфедерации европейских социалистических стран. 1960-е годы 405

Планы экономической и политической интеграции XX–XXI в.

425–514

Александр Костов
Болгарские проекты экономической интеграции стран Балканского полуострова в начале XX в. 427

Искра Баева
Балканы во второй половине 80-х годов XX в. и перестройка отношений Восток–Запад 443

Екатерина Никова
Европейский союз и «конец» балканской истории 461

И.В. Руднева
Объединение с Европой – новый геополитический проект для Балкан – «про» и «контра» 481

inslav

А.И. Филимонова
Сербия и процесс атлантической интеграции 493

«Вечные» темы

515–625

В.И. Косик
Константинополь – русская дорога 517

Г.Д. Шкундин
Болгария
в геополитических проектах
российской правящей элиты
(апрель–ноябрь 1916 г.) 529

А.Ю. Тимофеев
Планы обороны
и «активных действий» Красной армии
на Балканах
(1944–1945 гг.) 547

Зорка Пырванова
Младотурецкий османизм:
идея политической нации
или ассимиляторская доктрина? 573

Евгения Калинова
Проект ассимиляции болгарских турок
в контексте болгаро-турецких отношений
в 80-е гг. XX в. 593

Е.Ю. Гуськова
Турецкие планы на Балканах
в современных геополитических условиях 621

Список сокращений 626

Наши авторы 627

inslav

Научное издание

Балканы
в европейских политических проектах
XIX–XXI вв.

М., 2014. 634 с.

Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения РАН

Оригинал-макет, обложка – М.И. Леньшиной

Подписано в печать 30.08.2014 г., Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Печать цифровая.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times New Roman. 39,5 п.л.
Тираж 300 экз. Заказ № 0262

Институт славяноведения Российской академии наук
119334 г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, корп. В

Отпечатано в типографии издательства «ТЕЗАУРУС»
E-mail: tez_sale@mail.ru

inslav

Для заметок

inslav

На Балканах столетия, следуя одно за другим, остаются сожительствовать.

H.N. Brailsford, 1906.

Мы расположены между Востоком и Западом. На перекрестье собирает пир так много стихий! Какой должна быть наша нравственная, культурная ориентация, на что должны быть направлены национальные усилия завтрашнего дня? Что должен делать малый народ, чтобы стать сильным духом, чтобы уметь отбивать удары? Мы не одни, живем не только своим страданием, но и страданием Европы. Каково наше место среди других народов, каково историческое предназначение?

Борис Йоцов,1934.

Полуострова Балканский и Пиренейский охраняют с двух сторон Средиземное море и выполняют сходные функции. Почему мы, постоянно подчеркивая, что живем на перекрестке Азии и Европы, сумели извлечь так мало духовной пользы от своего объективного местоположения? Почему соприсутствие даже не двух, а большего количества культур дало на Балканах результат, столь отличающийся от либерийского? Семь веков стремление отбросить назад арабского пришельца мобилизовало дух испанцев. Но конфликт между завоевателями и подвластными не помешал их взаимному проникновению и образованию некоего третьего элемента – культуры Аль Андалуз.

Вера Мутафчиева, 2000.

Этот богато одаренный от природы полуостров бессмысленно разрезан на мелкие куски, люди и товары при своем движении наталкиваются на колючие изгороди государственных границ, и эта национально-государственная чересполосица не дает сложиться единому балканскому рынку, как основе могущественного развития балканской индустрии и культуры. К этому присоединяется изнурительный милитаризм, призванный сохранять раздробленность полуострова и порождающий гибельные для экономического развития опасности войн на Балканах – между Грецией и Турцией, между Турцией и Болгарией, между Румынией и Грецией, между Болгарией и Сербией.

Лев Троцкий, 1910.

ISBN 978-5-7576-0316-2

Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.

inslav